Г.Мамулиа, Р.Абуталыбов

Страна огней

В борьбе за свободу и независимость

Политическая история азербайджанской эмиграции 1920-1945 гг.

Г.Мамулиа, Р.Абуталыбов

Страна огней

В борьбе за свободу и независимость

Политическая история азербайджанской эмиграции
1920-1945 гг.

Париж-Баку 2014

Научный редактор: Айдын Балаев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана.

Георгий Мамулиа, Рамиз Абуталыбов. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции. 1920-1945 гг. “CBS”**,** Баку, 2014. 584 стр.

Настоящая книга посвящена политической истории азербайджанской эмиграции в 1920-1945 гг. и борьбе ее представителей за восстановление независимости Азербайджана и Кавказа в целом.

Особое внимание уделено взаимоотношениям руководителей азербайджанских политических партий и организаций в изгнании с официальными и неофициальными представителями европейских государств, проявляющих интерес к восстановлению независимости Азербайджана и Кавказа в 20-40-х годов XX века. На основе уникальных архивных материалов, большинство из которых впервые вводится авторами в научный оборот, в книге дается развернутая картина истории азербайджанской политической эмиграции упомянутого периода. Показано, каким образом, несмотря на крайне неблагоприятные условия эмиграции, представителям политических партий и организаций Азербайджана в тесной связи и взаимодействии с представителями других народов Кавказа удалось создать организационные структуры и разработать интеграционные проекты, многие из которых до сих пор не утратили своей актуальности.

4700000001
M ----------
036-2014

ISBN: 978-9952-485-3-1

© Г.Мамулиа, Р.Абуталыбов, 2014

Оглавление

От редактора 7

Глава I. **Тифлисский период борьбы за восстановление независимости Азербайджана (1920-1921) 15**
§ 1. Тифлис, центр активности руководителей азербайджанского сопротивления 20
§ 2. Правительство Жоржа Клемансо и повстанцы Кавказа 24
§ 3. Восстание в Гяндже и начало азербайджанского антибольшевистского сопротивления 26
§ 4. Франция и планы освобождения Кавказа 32
§ 5. Между Тифлисом и Севастополем 43
§ 6. Азербайджано-горская смычка и новый план восстания в Азербайджане 50
§ 7. Параллельные инициативы дипломатической делегации Азербайджана в Париже 68
§ 8. Разгром Врангеля и изменения в планах Парижа 75
§ 9. Новая ориентация: ставка на возможный альянс с кемалистами 78
§ 10. Оружие, боеприпасы и снаряжение для азербайджанских повстанцев. Изменение позиции Парижа 88
§ 11. Последние попытки в Тифлисе и Париже 99

Глава II. **Правительство А. Бриана и попытки ревизии Севрского договора как основы для отрыва кемалистов от союза с большевиками. Первые проекты формирования единого кавказского государства (1921) 107**
§ 1. Первые контакты кавказцев с кемалистами на Лондонской конференции 107
§ 2. Продолжение турецко-кавказских переговоров в Париже 116
§ 3. Встречные инициативы кавказцев. Декларация о создании Союза кавказских государств от 10 июня 1921 г. . 130
§ 4. Возобновление переговоров в Париже. Кавказцы между Парижем и Анкарой 150

§ 5. Карсский договор и конец надежд на заключение франко-турецкого антибольшевистского альянса 180

Глава III. **Деятельность дипломатической делегации Азербайджана в период Каннской, Генуэзской и Лозаннской конференций (1922-1923)..... 187**
§ 1. Прелюдия в Каннах 187
§ 2. Борьба за нефтяные ресурсы Азербайджана в Генуе 192
§ 3. Лозаннская конференция и дипломатия делегации Азербайджана в Париже 205
§ 4. Между Парижем и Лозанной 219
§ 5. Усиление репрессий в Азербайджане после Лозаннской Конференции 226

Глава IV. **Польско-азербайджанские взаимоотношения в рамках движения «Прометей» (1924-1931)..... 236**
§ 1. Объединенный комитет конфедератов Кавказа 239
§ 2. Комитет независимости Кавказа, журнал «Прометей» и рождение Прометеевского движения..... 257
§ 3. Формирование Азербайджанского национального центра и последующая за этим реорганизация Комитета независимости Кавказа 275
§ 4. Дело Дамманна 278
§ 5. ОГПУ в Париже. Попытки дискредитации Союза нефтепромышленников Азербайджана..... 288
§ 6. А. М. Топчибаши и его попытки по формированию структур, параллельных движению «Прометей». Временный объединенный центр Азербайджана и Северного Кавказа в Париже..... 294
§ 7. Активизация деятельности Азербайджанского национального центра и Комитета независимости Кавказа в Турции и Азербайджане 301
§ 8. Новое наступление ОГПУ в Турции против движения «Прометей»..... 312
§ 9. Очередная активизация оппозиции. Апогей кризиса в Стамбуле и в Париже 318

§ 10. Насильственная коллективизация на Кавказе и ее влияние на азербайджанскую эмиграцию 336
§ 11. Варшавская конференция и реорганизация прометеевских структур в Париже 340
§ 12. Усиление советского террора 353

Глава V. **Брюссельский Пакт Конфедерации Кавказа и структурная реорганизация кавказских эмигрантских организаций движения «Прометей» (1931-1935) 361**
§ 1. Международный контекст подписания пакта 361
§ 2. Инициативы и подготовка к подписанию пакта 362
§ 3. Разработка последних проектов Пакта Кавказской Конфедерации 370
§ 4. Выработка окончательного варианта текста Пакта Кавказской Конфедерации и его подписание 379
§ 5. Брюссельская конференция и реорганизация кавказских структур движения «Прометей» 382
§ 6. Попытки НКВД компрометации М. Э. Расулзаде в глазах французских властей 387

Глава VI. **Национально-освободительное движение Азербайджана на заключительном этапе деятельности Прометеевского фронта (1935-1939) 392**
§ 1. Курс на Кавказскую Конфедерацию и Варшавский съезд партии Мусават 392
§ 2. Новая активизация оппозиции в связи с вопросом о реорганизации Азербайджанского национального центра ... 405
§ 3. Попытки развития азербайджано-германских связей в 1936-1939 гг. 413
§ 4. Попытки возобновления деятельности на территории Турции 431

Глава VII. **Азербайджанская эмиграция и кавказский проект западных держав в период «Странной войны» (1939-1940) 442**
§ 1. Разногласия между западными державами 443

§ 2. Позиция Турции 444
§ 3. Азербайджанская эмиграция: активизация и создание новых структур во Франции..... 445
§ 4. Усиление деятельности Совета Конфедерации Кавказа в Англии 451
§ 5. Разработка союзниками первых планов военно-воздушных и диверсионных операций на Кавказе. Возвращение на сцену поляков и встречные инициативы азербайджанцев 455
§ 6. Азербайджанская делегация в Париже и создание в Турции филиала Совета Кавказской Конфедерации 470
§ 7. Переговоры с армянами и присоединение последних к Пакту Кавказской Конфедерации 473
§ 8. Кристаллизация кавказских проектов западных держав на завершающем этапе «Странной войны». Параллельные инициативы кавказцев 480

Глава VIII. **К вопросу о политических аспектах германо-азербайджанских взаимоотношений в период Второй мировой войны (1941-1945) 492**
§ 1. Азербайджан и Кавказ в проектах МИД и Восточного министерства Третьего Рейха 492
§ 2. Первые контакты с Берлином после начала операции «Барбаросса» и конференция в гостинице «Адлон»..... 501
§ 3. К истории создания и деятельности Азербайджанского национального комитета в Берлине 508
§ 4. К истории Азербайджанского штаба связи 517
§ 5. Конфликт с генералом Власовым 528
§ 6. Запоздалое признание и трагический финал 535

Заключение..... 541

Именной комментарий..... 547

Источники и библиография 568

От редактора

Совместное исследование Георгия Мамулиа и Рамиза Абуталыбова – «Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции 1920-1945 г.г.» посвящено одной из наиболее слабо изученных проблем отечественной истории – деятельности азербайджанской политической эмиграции в период между двумя мировыми войнами. Данный период, несомненно, является пиком деятельности азербайджанской, и в целом, кавказской политической эмиграции, поскольку после завершения Второй мировой войны эмигрантское политическое движение постепенно начинает ослабевать и в итоге окончательно затухает.

Отдавая должное всем предыдущим исследователям данной проблемы, все же следует признать тот очевидный факт, что их работы давали лишь фрагментарное представление об отдельных эпизодах борьбы азербайджанских политических эмигрантов за восстановление независимости Азербайджана, утраченной в результате советской оккупации в апреле 1920 года. Авторы данной работы фактически впервые в отечественной историографии предприняли попытку комплексного анализа и исследования процесса создания предпосылок, а также становления и развития азербайджанской политической эмиграции в 1920-1945 гг.

Необходимо подчеркнуть, что Г. Мамулиа и Р. Абуталыбову удалось добиться своей цели и создать полномасштабную и целостную картину деятельности азербайджанской политической эмиграции в 1920-1945 гг. В немалой степени этому способствовало и то обстоятельство, что для написания своего труда авторы использовали огромное количество фактического материала из архивов Франции, Грузии, Польши, России и

других стран мира. Причем подавляющее большинство этих материалов впервые вводится в научный оборот.

Впервые в работе Г. Мамулиа и Р. Абуталыбова объектом монографического исследования стали также политические факторы, обусловившие формирование эмигрантского движения, основные этапы развития и причины внутренней дифференциации азербайджанской политической эмиграции, программные, организационные, тактико-стратегические основы деятельности различных течений, участвовавших в освободительной борьбе, и их концептуальные представления; взаимодействие и степень разногласий между основными течениями эмигрантского движения; роль и место азербайджанской политической эмиграции в освободительной борьбе кавказских и всех нерусских народов советской империи.

Ценность работы Г. Мамулиа и Р. Абуталыбова, прежде всего, заключается в том, что азербайджанская эмиграция в ней исследуется как составная часть кавказской эмиграции в контексте общемировых процессов того периода. Подобный подход позволяет авторам избежать провинциализма и ограниченности, характерных для немалой части работ отечественных историков постсоветского периода. Даже карабахский конфликт наши доморощенные «историки» умудрились превратить в армяно-азербайджанское противостояние. Хотя любому здравомыслящему человеку понятно, что карабахский, как и абхазский и южноосетинский конфликты, являются составной частью более глобального противостояния крупных мировых игроков в регионе.

В этом контексте важно и следующее: красной нитью через всю книгу проходит мысль о том, что направление и тональность борьбы азербайджанской, как и всей кавказской эмиграции, определялись общемировыми тенденциями, в соответствии с которыми руководители эмигрантского движения определяли стратегию и тактику своей деятельности.

Значимость исследования Г. Мамулиа и Р. Абуталыбова заключается также в том, что в нем достаточно подробно рас-

крывается сущность идеи Кавказской Конфедерации, и под различными ракурсами освещается борьба азербайджанских и кавказских политических эмигрантов за реализацию этой идеи.

Безусловно, на фоне нынешней ситуации на Кавказе, в частности, в его южной части, где имеются неразрешенные конфликты между различными кавказскими народами, идея Кавказской Конфедерации кое-кому может показаться несбыточной мечтой. Однако при этом не следует забывать, что все эти конфликты на Кавказе спровоцированы и ловко управляются Кремлем, прекрасно осознающим, что единство кавказцев является концом его доминирования в регионе.

В этом отношении довольно примечательно письмо одного из авторов и последовательных сторонников идеи Кавказской Конфедерации А. М. Топчибаши М. Э. Расулзаде от 18 августа 1924 года. В нем А. М. Топчибаши особо отмечал необходимость достижения солидарности кавказских народов, «о взаимной вражде и розни которых большевики и вообще русские не перестают распространять всякие небылицы, желая тем подчеркнуть, что эти народы без них всегда будут друг друга резать!..»

Именно данное обстоятельство, а также последние события на постсоветском пространстве, вызванные явным усилением неоимперских притязаний кремлевского руководства, делают еще более актуальной идею кавказского единства, поскольку от ее реализации зависит дальнейшая судьба всего Кавказа.

Как свидетельствуют приведенные в книге многочисленные факты, лидеры кавказской, в том числе азербайджанской эмиграции 20-30-х годов прошлого столетия, прекрасно понимали, что осуществление идеи Кавказской Конфедерации становится вопросом жизни и смерти для всех без исключения народов региона. Не случайно, что все они, независимо от своих политических убеждений, идеологических воззрений и внешнеполитической ориентации, горячо ратовали за идею

кавказского единства, видя в ней гарантию свободного и независимого существования всего региона.

Впрочем, и в то время нередко можно было слышать голоса некоторых людей, еще не успевших сойти с туманных облаков политического романтизма на суровую почву жестокой реальности, упрекающих сторонников идеи Кавказской Конфедерации в «отступлении от тюркизма» и отказе от стратегического партнерства с Турцией. Имея в виду именно этих горе-патриотов, М. Э. Расулзаде еще в середине 30-х годов прошлого столетия подчеркивал, что «для сохранения Азербайджана в лоне общетюркской культуры нет более верного способа, как изгнание России из Кавказа; а оно возможно только при одном случае – если все народы Кавказа будут вместе».

Следует отметить, что Г. Мамулиа и Р. Абуталыбову в своем исследовании удалось избежать еще одного серьезного недостатка, характерного для отечественной историографии постсоветского периода. Если в советской историографии доминировало фальсифицирующее направление в освещении истории освободительной борьбы азербайджанского народа, в том числе деятельности азербайджанской политической эмиграции, то после распада СССР и обретения Азербайджаном независимости некоторые наши историки кинулись в другую крайность. Начался процесс тотальной идеализации истории национально-освободительного движения Азербайджана, создания идиллических образов национальных лидеров того периода, не имеющих ничего общего с исторической реальностью, отрицание самого факта наличия в их взаимоотношениях каких-либо серьезных противоречий и т.д.

Между тем, изобличая домыслы советской историографии в отношении азербайджанской политической эмиграции, нельзя в пылу полемики сбиваться на те же методы, какие в свое время использовали советские историки. К сожалению, современные азербайджанские авторы зачастую грешат этим, в результате чего их работы по истории национально-

освободительной борьбы напоминают скорее художественные произведения в духе сказок Шехерезады, нежели серьезные научные изыскания.

Безусловно, нельзя сомневаться в преданности и любви к своей Родине абсолютного большинства политических эмигрантов, как и в искренности их желания видеть азербайджанский народ свободным и независимым. Но одновременно не следует забывать, какая беспрецедентно тоталитарная тирания в лице коммунистического режима противостояла им. Ведь тогда тирания эта многим казалась непобедимой, а они не побоялись бросить ей вызов. Не удивительно, что в этой жестокой борьбе не у всех выдерживали нервы.

Кроме того, давали о себе знать не только политические и идеологические разногласия между отдельными деятелями эмиграции, но и простые человеческие слабости – зависть, амбиции, ревность, подозрительность и т.д. И этим умело пользовались советские спецслужбы, которые играли ключевую роль в обострении противоречий внутри азербайджанской политической эмиграции.

Все эти причины разногласий между руководителями эмиграции достаточно подробно и объективно освещены в книге Г. Мамулиа и Р. Абуталыбова. Авторам исследования удалось создать целостную панораму деятельности азербайджанской политической эмиграции во всем ее многообразии и противоречивости. При этом они предельно корректны и объективны в оценке тех или иных действий представителей различных течений азербайджанской эмиграции.

Следует также отметить важность обстоятельного исследования в книге незаслуженно забытых этапов новейшей истории Азербайджана. Речь идет о национально-освободительной борьбе 1941-1945 гг., и в частности, о факте сотрудничества азербайджанских эмигрантов с представителями Третьего Рейха.

К сожалению, в общественном мнении Азербайджана до сих пор доминирует, мягко говоря, неоднозначное отношение

к этим представителям азербайджанской эмиграции. А азербайджанские легионеры, во время Второй мировой войны сражавшиеся на стороне Германии против советских войск, для многих наших соотечественников, вообще, являются национал-предателями. Подобное отношение к азербайджанским легионерам не выдерживает никакой критики, не говоря уже о том, что оно противоречит элементарной логике. Ведь получается, что истинные патриоты, с оружием в руках боровшиеся против режима, виновного в гибели многих и многих десятков тысяч азербайджанцев, в уничтожении цвета нации в ходе репрессий 30-х годов являются предателями Родины?!

И это несмотря на то, что большевики организовывали мартовскую трагедию 1918 года, когда только в Баку было убито более 12 тыс. мирных азербайджанцев. Именно большевизм, уничтожив независимость Азербайджана в апреле 1920 года, через месяц потопил в крови Гянджинское восстание. Сотни и сотни представителей Азербайджана, составлявших элиту национальной интеллигенции, истреблялись в советских концлагерях.

Многочисленные факты, приведенные авторами в книге «Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции 1920-1945 г.г.», полностью опровергают инсинуации некоторых авторов, обвинявших легионеров во всех смертных грехах. Они раскрывают истинные цели и стремления азербайджанских легионеров, являющихся национальной гордостью Азербайджана. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что азербайджанские легионеры, оставаясь истинными патриотами своей Родины, на фронтах Второй мировой войны сражались не за Третий Рейх, а за свободу и независимость Азербайджана. Они сражались против бича человечества – большевизма.

Говоря о причинах, побудивших азербайджанцев сражаться на стороне Третьего Рейха, А. Фаталибейли-Дудангинский впоследствии писал:

«Когда Сталин вместе с Гитлером делил Польшу, лишал независимости Балтийские страны, громил Финляндию, мы с затаенным дыханием ждали объявления войны СССР со стороны Англии, Франции, скандинавских и других европейских стран. Тогда мы были бы их естественными союзниками как против Сталина, так и против Гитлера. Но… получилось иначе. Патриотический долг западных держав связал их с СССР, а нас с Германией.

Как ради нас западные державы не отказались от союза с Кремлем, так и мы не могли ради них, переступив традиции наших отцов, сражаться за Великую Русь или же Советский Союз, – за поработителей нашего народа!

Наконец, 6 ноября 1943 года нам удалось созвать Конгресс, продолжавшийся до 10 ноября. На Конгресс собралось около 300 делегатов, представителей старого и молодого поколения. Требуя признания независимости, делегаты гордо заявили: “Мы не сражаемся для того, чтобы заменить одного хозяина другим. Как мы не терпели царских наместников, так не потерпим и правителя любой другой нации. Азербайджаном управляли и будут управлять азербайджанские тюрки, как и Кавказом управляли и будут управлять кавказцы”.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об авторах этого ценного научного исследования. Г. Мамулиа – незаурядный историк, доктор Высшей школы исследований общественных наук в Париже, имя его хорошо известно научной общественности Азербайджана по предыдущим фундаментальным работам, касающимся истории грузинской и кавказской политической эмиграции. В этих работах имелись весьма интересные сюжеты и о деятельности азербайджанской эмиграции. Теперь же он стал соавтором оригинальной работы непосредственно о политической эмиграции Азербайджана, и она, несомненно, внесет существенный вклад в изучение истории борьбы за освобождение от большевистской оккупации и восстановление национальной независимости, которую вели

лучшие сыны Азербайджана за пределами Родины в 1920-1945 гг.

Приятно отметить, что Г. Мамулиа является не только талантливым исследователем, но и открытым к общению, отзывчивым человеком, всегда готовым поделиться с коллегами своими глубокими знаниями и опытом. По крайней мере, автор этих строк на собственном опыте не раз убеждался в этом.

Подобными же ценными человеческими качествами отличается и Р. Абуталыбов, являющийся не только неустанным пропагандистом и популяризатором национальной истории, но и автором нескольких книг об азербайджанской эмиграции. За долгие годы своей дипломатической службы Р. Абуталыбову удалось собрать уникальные материалы и свидетельства о жизни и деятельности азербайджанской эмиграции. Близкие, дружеские отношения со многими эмигрантами разных «волн» позволили ему вернуть с чужбины на Родину ценные исторические документы, а также предметы искусства, которые хранятся сегодня в музеях и архивах Азербайджана и России.

Р. Абуталыбова по праву можно считать духовным наследником той блестящей плеяды азербайджанской интеллигенции начала XX века, которые тихо и незаметно трудились во имя прогресса и развития родного народа, стараясь не афишировать свою деятельность.

Масштабы темы азербайджанской политической эмиграции, наличие в ней различных оттенков, несомненно, диктуют необходимость ее дальнейшего исследования. Не вызывает сомнений, что работа Г. Мамулиа и Р. Абуталыбова станет надежным фундаментом для расширения и углубления научных исследований в данном направлении.

Айдын Балаев

ГЛАВА I

Тифлисский период борьбы за восстановление независимости Азербайджана (1920-1921)

История азербайджанской политической эмиграции в 1920-1945 гг. и борьба ее представителей за восстановление независимости Азербайджана и, в целом, Кавказа являлись эпохой, которая в советский период сознательно замалчивалась, а в наши дни нередко становилась объектом откровенной фальсификации[1].

В настоящем исследовании поставлена цель показать историю азербайджанских политических партий и организаций этого периода в тесной связи с кавказским вопросом в общем контексте международных отношений.

28 мая 1918 г., воспользовавшись падением самодержавия в России и последовавшим за этим октябрьским большевистским переворотом 1917 г., азербайджанский народ объявил о своей независимости, встав на сложный путь строительства собственного государства. С точки зрения природных ресурсов Азербайджан являлся наиболее богатой страной Кавказа. Тем не менее, с самого же начала стало ясно, что именно обладание нефтью, которая в иных, более благоприятных условиях, могла бы являться источником благосостояния

[1] В особенности эта тенденция заметна в современной российской историографии. См.: *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. Москва. 2003; *Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И.* Организация «Прометей» и «прометеевское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. Труды общества изучения отечественных спецслужб. Москва. 2007. Т. III. С. 318-414.

и процветания нового государства, таило в себе причины опасностей, как дамоклов меч висевших над Азербайджаном на протяжении двух лет его независимого существования.

Будучи зависимы от бакинских нефтепромыслов, где до 1917 г. добывалось до 90% нефти бывшей Российской империи, большевики всеми силами цеплялись за этот регион, отказываясь признавать право азербайджанского народа на самоопределение. Понимая, что Азербайджан к тому же является естественным плацдармом для захвата всего Южного Кавказа, руководство большевиков, даже находясь в тяжелейших условиях Брест-Литовского договора, категорически отказывалось признать независимость страны, допуская при этом признание других стран региона. В частности, в дополнительном соглашении к Брест-Литовскому договору, ратифицированному германской и советской сторонами 27 августа 1918 г., Кремль, давая согласие на признание Германией независимости Грузии, параллельно добился того, что Берлин обязывался удержать турецкую сторону от каких-либо попыток захвата столицы Азербайджана. Взамен этого Германия должна была получить свою долю бакинской нефти[2].

О непримиримости Кремля в отношении независимости Страны огней свидетельствует и тот факт, что поставленные перед свершившимся фактом освобождения Баку 15 сентября 1918 г. турецко-азербайджанской кавказской армией ислама, большевики тут же денонсировали касающиеся Оттоманской империи пункты Брест-Литовского договора[3].

В 1919-1920 гг. не меньшую нетерпимость к азербайджанскому государству проявляли и Вооруженные силы Юга России генерала А. Деникина. Хотя, в результате того, что основные формирования белых в то время были брошены против большевиков, дело так и не дошло до вооруженного столкно-

[2] *Baumgart W*. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien und München. 1966. S. 201-202.
[3] Ibidem. S. 205.

вения между Баку и Екатеринодаром. Тем не менее, так же, как и Грузия, Азербайджан был крайне встревожен фактом оккупации весной-летом 1919 г. белыми войсками территории Союза горцев Северного Кавказа (в мае белые оккупировали Дагестан, создавая непосредственную угрозу Баку).

Существование общего врага сблизило азербайджанцев с грузинами и горцами, пробудив у них чувство региональной солидарности, которое впоследствии в полной мере проявит себя в эмиграции. В то же время они все больше и больше отдалялись от армян, занимавших в данном вопросе откровенно проденикинскую ориентацию. Так, во время Кавказской конференции, созванной в мае-июне 1919 г. в Тифлисе, армяне не только отказались осудить оккупацию белыми территории Северного Кавказа и присоединиться к оборонительному альянсу Азербайджана и Грузии, но и просто гарантировать своей нейтралитет в случае вооруженного конфликта Баку и Тифлиса с добровольческой армией. В качестве платы за нейтралитет армяне требовали передачи им Карабаха[4].

16 июня того же года Баку заключил с Тифлисом договор о военной взаимопомощи. Согласно этому договору, в случае агрессивных действий со стороны ВСЮР, несоблюдение Арменией нейтралитета влекло за собой совместный ответ со стороны Грузии и Азербайджана[5].

---

[4] Протокол заседания политической комиссии Кавказской конференции. Тифлис, 18. 5. 1919; Протокол частного совещания Кавказской конференции. Тифлис, 29. 5. 1919 и 30. 8. 1919; Стенографический отчет 6-го пленарного заседания Кавказкой конференции. Тифлис, 9. 6. 1919; Стенографический отчет 7-го пленарного заседания Кавказской конференции. Тифлис, 9. 6. 1919 // Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (Nanterre) (далее – BDIC). Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 80.

[5] Военно-оборонительное соглашение, заключенное между правительствами Азербайджанской Республики и Грузинской Республики. Тифлис, 16. 6. 1919 // Там же.

К сожалению, после разгрома белых армий большевиками координация действий между Баку и Тифлисом оставляла желать лучшего. 12 января 1920 г., незадолго до окончательного разгрома Деникина, Верховный совет Антанты *де-факто* признал независимость Азербайджана и Грузии. Тем не менее, Баку и Тифлис оказались беспомощными перед манипуляциями Кремля, основной целью которых являлся поэтапный захват Кавказа на основе недопущения каких-либо солидарных действий кавказцами. Так, с целью усыпления их бдительности, еще в начале апреля 1920 г., готовя аннексию Азербайджана, Москва тайно вела переговоры с Грузией о признании последней независимым государством, что, по сути дела, сделало невозможным применение договора о взаимопомощи от 16 июня 1919 г.[6]

Следует отметить, что определенная вина за подобное развитие событий ложилась и на бакинское правительство, сконцентрировавшее почти все свои вооруженные силы в Карабахе, где к тому времени вспыхнуло восстание местных сепаратистов. Несомненно, мартовский мятеж в Карабахе, имевший целью вывести регулярные войска Азербайджана из Баку и с прикрывавшей его дагестанской границы, являлся звеном единого, хорошо продуманного плана большевистского захвата страны[7].

Очевидная недооценка исходящей с севера угрозы хорошо видна из разговора, состоявшегося всего лишь за несколько дней до вторжения большевистских войск между премьер-министром Н. Уссубековым и Г. Люком, верховным комиссаром Великобритании на Кавказе. На вопрос англичанина, какие меры правительство намерено предпринять в связи со все более угрожающей обстановкой, Уссубеков ответил, что имеется два выхода из создавшегося положения: образование при

---

[6] Подробно об этом см:. *Гасанлы Д.* Русская революция и Азербайджан. Трудный путь к независимости 1917-1920. Москва. 2011. С. 583-584.

[7] Там же. С. 585.

поддержке стран Антанты сильной Закавказской Федерации или переговоры с большевиками. Так как первая возможность была неосуществима из-за армяно-азербайджанских противоречий и отсутствия соответствующей поддержки союзников, остается лишь единственная альтернатива, «которая, по его мнению, может быть успешной в качестве временной меры, принимая во внимание тот факт, что обе стороны ощущают необходимость во взаимной торговле»[8].

Наивно надеясь договориться с Кремлем, на словах признающем право народов бывшей Российской империи на независимость, правительство Азербайджана заключило с ним договор, в соответствии с которым, буквально накануне аннексии страны Советами, в Россию должно было быть поставлено значительное количество нефти. Все это, однако, не спасло положение, и 27 апреля находящаяся в Дагестане 11-я советская армия перешла азербайджанскую границу, оккупировав 30 апреля столицу Азербайджана. Немногочисленные азербайджанские воинские подразделения (в это время правительство в Баку располагало всего лишь 2000 солдат), не смогли оказать интервентам никакого существенного сопротивления[9].

По свидетельству Люка, 27 апреля, когда красные бронепоезда продвинулись на станцию Хачмаз, представители правительства Азербайджана связались с ним по телефону. Азербайджанцы просили верховного комиссара Великобритании на Кавказе убедить Грузию послать войска на помощь Баку, а также оказать давление на Армению, чтобы та дала гарантию прекращения боевых действий. Тогда Азербайджан имел бы возможность отвести войска с армянской границы для защиты своей столицы[10]. Но было уже поздно.

---

[8] *Luke H.* Cities and Men. An Autobiography. London. 1953. Vol. II. P. 106.
[9] *Гасанлы Д.* Русская революция и Азербайджан. С. 598-603.
[10] *Luke H.* Cities and Men. An Autobiography. P. 139.

Одним из основных факторов, способствующих оккупации Азербайджана, являлось также стремление турецкого правительства Мустафы Кемаля, ведущего борьбу против государств Антанты, установить прямую связь с советской Россией через территорию Азербайджана. С этой целью находящиеся на службе Азербайджана турецкие офицеры и чиновники вели в стране пропаганду в пользу прохода через ее территорию войск большевиков, идущих, по их словам, на помощь Турции. Турки даже утверждали, что вступившие в Азербайджан большевики не станут оккупировать страну[11].

Хотя большая часть азербайджанского правительства была захвачена оккупантами в Баку (в приказе 11-й армии особо подчеркивалась необходимость не дать покинуть страну членам ее правительства)[12], некоторым из бывших руководителей Азербайджана, решившим продолжать борьбу за восстановление независимости, удалось бежать в Грузию.

§ 1. Тифлис, центр активности руководителей азербайджанского сопротивления

Выбор столицы Грузии в качестве центра азербайджанского антибольшевистского сопротивления был логичен. Именно в Тифлисе находились иностранные миссии государств Антанты, ареал действия которых распространялся на весь Кавказ, что давало возможность руководителям азербайджанских

---

[11] *Swietochowski T.* Russian Azerbaijan 1905-1920; The Shaping of National Identity in Muslim Community. Cambridge, London, New-York, New Rochelle, Melbourne, Sydney. 1985. P. 173-184.

[12] *Гасанлы Д.* Русская революция и Азербайджан. С. 595. Как впоследствии сообщали Ленину члены Кавбюро ЦК РКП(б) Г. Орджоникидзе и С. Киров, именно отряд турецких аскеров и офицеров «пресек правительству возможность бежать из Баку» 28 апреля. См.: Телеграмма Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова В. И. Ленину. 4. 5. 1920 // Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. Составители: А. В. Квашонкин О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая Москва, 1996. С. 122.

повстанцев держать руководителей дипломатических миссий Англии, Франции, Италии и США в курсе событий, происходящих на оккупированных большевиками территориях. Так как в то время политика стран Антанты в отношении большевиков еще не была определена, это обстоятельство позволяло надеяться на получение от западных стран помощи как дипломатическими демаршами, так и оружием, снаряжением и финансами. В 1918-1920 гг. правительство независимой Грузии также пыталось по мере возможностей способствовать региональному сотрудничеству кавказских республик. Еще до большевистской оккупации Северного Кавказа и Азербайджана в Тифлисе имели место Кавказские конференции, где обсуждались вопросы регионального сотрудничества Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа. В мае-июне 1919 г. на них, в основном, обсуждались политические вопросы. В частности, вопросы выработки общей позиции государств Кавказа в связи с вооруженной агрессией против Северокавказской Республики добровольческой армии генерала А. Деникина. Накануне вторжения большевиков в Азербайджан, в апреле 1920 г., в Тифлисе должна была состояться Кавказская конференция по вопросу принадлежности Нагорного Карабаха. Понимая, что урегулирование этой проблемы являлось для государств Кавказа крайне важным вопросом, напрямую связанным с обеспечением единства, столь необходимого для предотвращения имперских манипуляций со стороны красной России, правительство Грузии пыталось максимально способствовать ее проведению.

Деятельности азербайджанских активистов в Грузии способствовали и внешнеполитические обстоятельства. Захватив безо всякого сопротивления Баку в конце апреля, большевики решили без передышки продолжить наступление и на Грузию. Уже 1 мая красные части вступили в вооруженный конфликт с грузинскими вооруженными силами в приграничных районах Садахло-Сандари, стремясь с помощью бронепоездов развить наступление на Тифлис. Несмотря на то, что 7 мая в Москве

был заключен российско-грузинский договор, согласно которому Москва признавала независимость Грузии, боевые действия продолжались до 18 мая. С целью оказания давления на Тифлис, в Москве ссылались на «локальный характер» конфликта, к которому, якобы, сам Кремль не имел никакого отношения.

Тифлис обладал выгодным расположением для азербайджанцев и в географическом плане. Отсюда легко было установить и поддерживать связь с Гянджой, вторым после Баку городом Азербайджана, являвшимся, по сравнению с более космополитичным в то время Баку, традиционным центром азербайджанского национального движения.

Вечером 27 апреля 1920 г. в Баку был учрежден подпольный центр партии Мусават, при котором действовали Политическая комиссия и Военный отдел. Последняя структура имела своей целью организацию и руководство вооруженными антибольшевистскими выступлениями на всей территории Азербайджана, а также координацию действий различных повстанческих отрядов[13].

В первый же месяц после оккупации Баку большевиками под руководством активистов партии Мусават на территории Азербайджана началось формирование Комитетов освобождения, руководивших созданными по территориальному принципу повстанческими ячейками. Этот процесс особенно усилился в конце мая 1920 г. после Гянджинского (Елисаветпольского) антибольшевистского восстания азербайджанского народа, положившего конец каким-либо иллюзиям относительно подлинной природы красной оккупационной власти.

В мае-июне в Тифлис начинают пребывать видные руководители азербайджанского антибольшевистского сопротивления, часть которых, судя по всему, имеющая отношение к

[13] *Ибрагимли Х., Зейналов Р.* Из истории деятельности партии «Мусават» после апрельской оккупации 1920 года // Бюллетень «Мусавата». Баку. 1993. № 1. С. 30. (На азерб. яз.)

Гянджинскому восстанию, была вынуждена покинуть территорию Азербайджана для дальнейшего продолжения борьбы. Таковым был Фатали Хан Хойский, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Азербайджана – один из столпов независимости Страны огней в 1918-1920 гг. В это же время в Тифлисе появляется и Гасан-бек Агаев, бывший заместитель председателя парламента Азербайджана, являвшийся также представителем республики на Кавказской конференции 1920 г.

Наряду с этим в столицу Грузии пребывают и видные руководители партии Мусават, занимавшие ответственные посты в правительстве независимого Азербайджана. Это Халил-бек Хасмамедов, бывший министр юстиции, Мустафа Векилов, бывший министр внутренних дел, Фарис Векилов, азербайджанский посол в независимой Грузии, а также Шафи-бек Рустамбеков, занимавший разные должности в правительстве Азербайджана. Находились в Тифлисе и отдельные депутаты азербайджанского парламента[14].

Вплоть до февраля 1921 г., когда красная армия вторглась и в Грузию, упомянутые персоны действовали солидарно, исполняя, в определенной степени, функции правительства Азербайджана в изгнании.

[14] Уже 24 мая находящийся в Баку Г. Орджоникидзе сообщал в Кремль, что «грузины приютили мусаватистское правительство в Тифлисе и оттуда они действуют». См.: Телеграмма Г. К. Орджоникидзе Л. М. Карахану, В. И. Ленину, И. В. Сталину // Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. С. 128.

§ 2. Правительство Жоржа Клемансо и повстанцы Кавказа

Разгром Деникина и замена его на посту командующего Вооруженными силами Юга России генералом Петром Врангелем привела к переоценке державами Антанты своей политики в отношении государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи. Британское правительство Дэвида Ллойд Джорджа, не видя более перспектив белого движения, начало склоняться к соглашению с большевиками, сняв с себя ответственность за судьбу находящихся в Крыму белых войск.

Единственной силой, реально заинтересованной в борьбе с большевизмом, оставалась Франция, являвшаяся страной наиболее пострадавшей от октябрьского переворота и прихода к власти в России большевиков. Огромное количество рядовых французов были акционерами «русского займа». Отказ большевиков признавать долги царского правительства нанес сильнейший удар по и без того незавидному финансовому положению 1 600 000 французских вкладчиков, делая из них весьма влиятельный и многочисленный слой, заинтересованный в проведении антибольшевистской политики[15].

Наряду с этим, в Париже опасались, что направленный на подрыв версальской мирной системы немецко-большевистский альянс приведет к новому усилению Германии, которую Париж продолжал рассматривать в качестве своего главного противника в Европе. С целью противостоять этому, было решено способствовать возникновению между Германией и большевистской Россией ряда восточноевропейских государств, простиравшихся от Прибалтики до Черного моря. Особую актуальность для французских властей эта концепция приобрела летом 1920 г. в свете польско-большевистской войны, грозившей затопить волной большевистского нашествия

[15] *Duroselle J.-P.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris. 1990. P. 67.

страны Центральной Европы. В начале июня польско-украинские войска были вынуждены оставить занятый ими в мае Киев и с тяжелыми боями отступить на Запад. В первой половине августа красная армия вышла к Висле, создав непосредственную угрозу Варшаве.

В такой ситуации правительство Жоржа Клемансо пыталось выступить в роли координатора всех антибольшевистских движений, имеющих возможность своими действиями отвлечь на себя хотя бы часть большевистских сил, облегчив тем самым положение польских войск на Западном фронте.

Осуществление этого плана мыслилось в рамках совместных выступлений находящихся в Крыму врангелевских войск, действующих на Восточной Украине отрядов Нестора Махно, оперирующих на Кубани и Западном Северном Кавказе казацких повстанческих отрядов, горцев Дагестана, Чечни и Ингушетии, а также антибольшевистских повстанцев Азербайджана.

Сведения, поступающие по дипломатической и разведывательной линии представителям Франции в Тифлисе, указывали на нестабильную ситуацию для Советов в Азербайджане. 20 мая граф Дамьен де Мартель, французский комиссар на Кавказе, сообщал в Париж, что стремление Кремля контролировать государственные структуры и в особенности железные дороги Азербайджана, а также жестокость ЧК, возглавляемой бывшим матросом Панкратовым, уже проявившим себя на этом поприще в 1918 г., восстановили против большевиков даже тех представителей местного населения, которые ранее симпатизировали Советам. По данным Мартеля, если местные большевики и были расположены в пользу того, чтобы позволить Советам транспортировать нефть в Астрахань, они все же надеялись «сохранить независимость страны». В конце документа сообщалось, что влияние партии Мусават в Азербайджане усиливается, и она «попытается вновь прийти к власти при первой возможности». Этому может способствовать тот факт, что популярность большевистского режима в основ-

ном ограничена рабочим элементом Баку, в то время как массы сельского мусульманского населения не подвержены влиянию коммунистических теорий[16].

По данным французской разведки, с середины мая началась переброска большевистских оккупационных войск из Азербайджана на Польский фронт, что способствовало развитию в стране повстанческого движения.

§ 3. Восстание в Гяндже и начало азербайджанского антибольшевистского сопротивления

Менее месяца спустя после вторжения красной армии в Баку, 22 мая 1920 г., в Гяндже вспыхнуло крупное восстание войск местного гарнизона под командованием генералов бывшей азербайджанской армии[17]. Восставшим аскерам и крестьянам удалось атаковать и разоружить штаб и 2 000 человек из состава дислоцированных в Гяндже советских частей, прервав на несколько дней железнодорожное сообщение между Акстафой и Баку. Понесшим тяжелые потери в боях с

[16] De Martel (commissaire de la France au Caucase). Note sur la situation générale au Caucase. Tiflis, 20. 6. 1920 // Archives du ministère des Affaires étrangères (далее – AMAE). Correspondance politique et commerciale (далее – CPC). 1914-1940. Série Z (Europe). Dossier n° 629 Russie (Caucase). Fol. 213-214.

[17] По советским данным, одним из руководителей восстания был также турецкий генерал Нури-паша. См.: Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. С. 129. По свидетельству Г. Люка, Ш. Рустамбеков, бывший замминистра внутренних дел и один из руководителей азербайджанских повстанцев, выехал из Баку 2 мая, а 13 мая прибыл из Гянджи в Тифлис, где 19-го числа того же месяца встретился с верховным комиссаром Великобритании на Кавказе. Хронология этих событий наводит на мысль, что Рустамбеков был также послан из Гянджи в Тифлис для связи с грузинским правительством и находящимися в городе представителями западных союзников. См.: *Luke H*. Cities and Men. An Autobiography. P. 151.

повстанцами большевикам удалось подавить восстание лишь 31 мая после применения тяжелой артиллерии[18].

Еще до начала восстания, 16 мая, командирами повстанцев были посланы в Тифлис два грузинских офицера, тайно находящихся в Гяндже. Их целью являлась координация деятельности повстанцев с действиями грузинской армии, ведущей в то время боевые действия против большевиков в районе Красный мост – Садахло[19].

Принимая во внимание сложившуюся оперативную обстановку, главнокомандующий вооруженными силами Грузии генерал Георгий Квинитадзе планировал перейти в наступление с целью изгнания большевиков из всего Закавказья. По имеющимся у него данным, количество большевистских войск в Азербайджане (всего 3-4 дивизий) было недостаточно для удержания страны, а неблагоприятно развивающиеся на Польском фронте события так же, как и слабость транспортных коммуникаций Советов, исключали быструю переброску войск из России в Закавказье. Наряду с этим, при успешном наступлении на Баку можно было рассчитывать и на восстание горцев в соседнем Дагестане[20]. Как впоследствии вспоминал сам Квинитадзе, эти данные он получал как по линии грузинской разведки, так и «от членов бывшего правительства Азербайджана, также бежавших от большевиков. Эти сведения указывали, что в Азербайджане далеко не спокойно, что в населении происходит брожение против завоевателей, что азербайджанские войска держатся пассивно и выжидают событий, что некоторые части их даже проявили активность, что таким образом и население, и влиятельные лидеры, и войска

[18] Lt. Colonel Corbel à Guerre. 15. 6. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 629 Russie (Caucase). Fol. 47.

[19] *Казем-бек Д.* Восстание в Гяндже // *Гулиев В.* Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-ые годы XX века). Торун. 2010. С. 297-298.

[20] *Квинитадзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917-1921. Париж. 1985. С. 194.

ждут освобождения с нашей стороны и пламенно ждут наступления грузинских войск, чтобы присоединиться к ним»[21].

Эти планы, однако, не были реализованы по причине решения правительства Грузии, допустившего такую же ошибку, как и всего месяц назад их азербайджанские коллеги. Надеясь на основе компромисса с большевиками сохранить независимость страны, в Тифлисе предпочли честно выполнять условия договора 7 мая.

18 мая Квинитадзе, уже заканчивавший боевые приготовления для генерального наступления в сторону Баку, неожиданно получил приказ прекратить боевые действия и отвести войска на исходные позиции. Несмотря на отчаянные попытки Квинитадзе убедить председателя правительства Грузии Н. Жордания не идти на договор с большевиками, последний настоял на прекращении боевых действий.

Размышляя впоследствии об этих событиях, Квинитадзе писал, что как личного состава грузинской армии, так и боеприпасов «было достаточно для того, чтобы изгнать большевиков из Закавказья; я был уверен, что население Азербайджана, ожидавшее лишь толчка, поднялось бы. Это мое мнение было доказано потом восстанием Елисаветполя…»[22].

Правильность оценки ситуации, данной генералом Квинитадзе, подтверждается и известными на сегодняшний день архивными источниками. В частности, о том, насколько критической была ситуация для большевиков в это время в Азербайджане, свидетельствует и секретный циркуляр, изданный командованием 11-й армии 26 мая 1920 года, в самый разгар Гянджинского восстания. В случае, если восстания в районах Азербайджана приобретут массовый характер, документ предписывал красноармейцам отходить в сторону Баку, который при любых обстоятельствах «не будет оставлен», и отку-

[21] Там же. С. 188-189.
[22] Там же. С. 190.

да планировалось при первой же возможности вновь оккупировать весь Азербайджан[23].

К несчастью для повстанцев, они узнали о заключении перемирия между Грузией и большевиками лишь после начала восстания, в ночь с 28 на 29 мая[24].

Фатали Хан Хойский, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Азербайджана, имевший связь с повстанцами и вместе с некоторыми своими соратниками прибывший в Тифлис 9 июня[25], уже после подавления восстания оставил короткое, но точное описание как самого восстания, так и вызвавших его причин.

По его словам, в течение первых 6 дней после вступления большевиков в Азербайджан ситуация в Баку оставалась спокойной. Она изменилась как только в Баку прибыли член Кавбюро ЦК РКП(б) Г. Орджоникидзе и командующий 11-й оккупационной армии М. Левандовский. Большевики начали расформирование азербайджанской армии, части которой либо распускались, либо вливались в состав 11-й армии. С этого же момента власти приступили к ничем не прикрытой русификации внутренней жизни страны. Азербайджанский язык был изъят из использования во всех государственных учреждениях и заменен русским. Большинство чиновников-азербайджанцев были также заменены русскими. До конца мая Баку был разграблен до основания. Продукты и промышленные товары, которыми изобиловала столица Азербайджана до вторжения большевиков, постепенно исчезли, будучи массовым образом вывозимыми в Центральную Россию. Результатом этого стало то, что к концу мая в городе начал ощу-

[23] Российский государственный военный архив. Ф. 195. Оп. 4. Д. 184. Л. 4.
[24] *Казем-бек Д.* Восстание в Гяндже. С. 302.
[25] По свидетельству Г. Люка, 9 июня «Фатали Хан Хойский, министр иностранный дел в бывшем азербайджанском правительстве, и некоторые его коллеги прибыли в Тифлис, сумев медленно и в переодетом виде перебраться из Азербайджана в Грузию». См.: *Luke H.* Cities and Men. An Autobiography. P. 154.

щаться хронический недостаток хлеба. Если до аннексии страны фунт хлеба стоил 16, а фунт мяса –30 рублей, после оккупации цены взлетели от 120 до 200 рублей за 400 граммов хлеба и до 120 рублей за фунт мяса. В условиях отсутствия хлеба население было вынуждено питаться рисом.

Все это вызвало массовое недовольство в обществе, в том числе и среди членов партий Гуммет и Иттихад, способствующих вторжению большевиков в Азербайджан. Большевистские газеты регулярно публиковали списки «контрреволюционеров», расстреливаемых в массовом порядке. Таковы были основные причины, вызвавшие Гянджинское восстание. Если жители Баку продолжали терпеть злодеяния большевиков, сельское население начало выражать протест, вылившийся в вооруженное восстание.

Недовольные собрались в Гяндже, втором по величине городе Азербайджана, традиционно являвшимся центром национально-освободительного движения. Там к ним присоединилась часть азербайджанской армии, которую большевикам не удалось разоружить. С целью подавления восстания большевики подтянули к городу многочисленную артиллерию, из которой за 6 дней ими было выпущено по городу не менее 8 000 снарядов. Результатом стали массовые жертвы со стороны мирного населения. Восставшие держались до конца, и во время ожесточенных атак захватили в плен около 2 000 красноармейцев, уничтожив около 1 500 солдат противника. Подобное сопротивление стало причиной неописуемой мести большевиков, которые, в конце концов, ворвавшись в город, не только разрушали дома мирного населения, но и убивали всех, кто попадался им на пути. Мусульманская часть города оказалась полностью уничтоженной. Были убиты дети 2-3-х летнего возраста, а среди женщин, подвергшихся массовому насилию и поруганию, находились 8-летние девочки. Число убитых мусульман составило 10 000 человек. После этих со-

бытий в городе фактически не осталось мусульманского населения. Спасшиеся жители бежали в горы[26].

Жесточайшие репрессии в отношении жителей Гянджи вызвали недовольство даже кемалистов, союзников большевиков, став предметом обсуждения в Великом национальном собрании в Анкаре[27].

Вооруженные выступления против большевиков имели место также в Нухе, Евлахе и Шуше. Как подчеркивала разведывательная справка Второго бюро Генштаба Франции, после подавления Гянджинского восстания партия Мусават вновь стала популярной, возглавив антибольшевистское движение в стране[28].

В первой половине июня находившиеся в Тифлисе руководители азербайджанского сопротивления выступили с официальными обращениями, обличая аннексионистскую политику Кремля. Так, 8 июня Гасан-бек Агаев, бывший заместитель председателя парламента Азербайджана, обратился с нотой к министру иностранных дел Франции, передав де Мартелю, французскому комиссару на Кавказе, текст упомянутого обращения. Подробно описав, каким образом, несмотря на искреннее желание правительства Азербайджана наладить отношение с большевистской Россией, Кремль в результате вооруженной агрессии захватил страну, Агаев сообщал, что азербайджанский народ не смирился с насилием захватчиков: «Ужасное и невыносимое насилие, которое переживает в настоящее время народ Азербайджана в своей кровавой борьбе против иностранных поработителей, борьба, во время которой, наряду с прочими ужасами, вся мусульманская часть го-

[26] Mission militaire française au Caucase. Récit de la tragédie d'Elisabetpol par une personnalité politique rentrée d'Azerbaïdjan. Tiflis, 11. 6. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 639 (Azerbaïdjan). Fol. 109-111.

[27] Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. С. 173-174.

[28] Azerbaïdjan (20 juin) // Service Historique de l'Armée de Terre (далее – SHAT). 7 N 3120. EMA/2 URSS. Dossier 1. Compte-rendues et synthèses de renseignement du 2ème Bureau, Russie-Caucase (1919-1923).

рода Гянджи, первого города после Баку, была уничтожена бомбардировками, в которых погибло 8 000 мусульман, и где, во время оккупации города красными войсками, было изнасиловано 1 500 женщин-мусульманок, достаточным образом свидетельствует о его несгибаемой воле самому распоряжаться своей судьбой.

В настоящее время большая часть территории Азербайджана объята народными восстаниями, беспощадно подавляемыми русской красной армией, она окроплена кровью всех граждан Азербайджана, включая женщин и детей», – писал Агаев.

Агаев просил правительство Франции «принять необходимые меры для немедленного прекращения резни, имеющей место в Азербайджане, так же как и способствовать выводу русской красной армии с целью дать возможность народу Азербайджана продолжать свою мирную и независимую жизнь в соответствии с выраженной им волей. […] В случае если красная армия не покинет Азербайджан, вся ответственность за последующие события падет исключительно на советскую Россию», – отмечалось в конце обращения[29].

§ 4. Франция и планы освобождения Кавказа

Оккупация большевиками Азербайджана чрезвычайно осложнила положение всех кавказцев, борющихся за независимость своих стран и Кавказа в целом. Единственным выходом из положения могло быть восстание в Дагестане с перспективой распространения его на остальной Северный Кавказ, в результате чего оккупированная врагом территория Азербайджана была бы отрезана от советской России.

[29] G. Agaéff (vice-président du parlement de l'Azerbaïdjan). A sa Haute Excellence Monsieur le ministre des Affaires étrangères de la République Française. Tiflis, 8. 6. 1920 // AMAE. Dossier n° 639 (Azerbaïdjan). Fol. 113-118.

Исходя из этой предпосылки, с июня 1920 г. французская военная миссия на Кавказе, возглавляемая в то время подполковником Эмилем-Августом Корбелем, приступила к разработке планов восстания на оккупированных большевиками территориях Кавказа, в том числе и в Азербайджане.

По мнению французских военных, события в Гяндже и других районах Азербайджана, где спорадически вспыхивали восстания против большевиков, свидетельствовали о том, что народ Азербайджана не смирился с оккупацией и потерей независимости. Особую надежду французам давал также факт участия в борьбе на стороне повстанцев частей бывшей азербайджанской армии. «Растущая враждебность татарских[30] войск подрывает серьезным образом положение красных сил, которых разведывательные данные представляют уставшими, посредственной ценности, плохо одетыми и вооруженными», – сообщал Корбель в военное министерство 15 июня[31]. Вследствие кровавых репрессий и политики Кремля, которая свела автономию Азербайджана до чистой формальности, «недовольство народа и армии выливаются в открытые восстания. Главы националистической партии Мусават, вновь ставшие популярными, руководят этим движением»[32].

Первым конкретным шагом к подключению азербайджанцев и горцев к предлагаемому им плану восстания на Кавказе была шифрованная телеграмма, направленная в военное министерство в Париж 14 июня Корбелем: «Г-н Мартель и я подтверждаем, что нынешняя ситуация не мотивирует нас к оставлению нашей политики на Кавказе. […] Повстанческое движение, развивающееся в Азербайджане и на Северном

[30] Имеются в виду азербайджанские.
[31] Lt. Colonel Corbel à Guerre. 15. 6. 1920 // Ibidem. Dossier n° 629. Fol. 47.
[32] Lt. Colonel Corbel à Guerre. 15. 6. 1920 // Ibidem. Fol. 49.

Кавказе, создает чрезвычайно сложную ситуацию для Советов, и было бы непростительно не воспользоваться ею»[33].

Параллельно с этим подполковником Корбелем был в деталях разработан план будущей операции. Посланный в Париж 17 июня на имя начальника Генерального штаба маршала Ф. Фоша, а также в Министерство иностранных дел Франции, документ носил название: «Организация повстанческого движения против большевиков».

Корбель, в частности, отмечал, что «облегченное наступлением поляков, повстанческое движение против большевиков становится всеобщим на юге советской России. На Кавказе Кубань, территория горцев и Азербайджан находятся в состоянии волнения, в то время как украинцы и Махно взаимодействуют с поляками»[34].

Касаясь ситуации на Восточном Северном Кавказе, Корбель подчеркивал, что «в Дагестане и Чечне (район Грозного), восстание готово разразиться с помощью некоторых политических и военных руководителей красной армии, которые обещают свое содействие взамен на амнистию за их прошлую деятельность.

Уполномоченные делегаты горцев Северного Кавказа ежедневно приходят просить нашей моральной и материальной помощи для поддержки восставших. Это движение на Северном Кавказе чрезвычайно интересно, так как этот регион является базой операции большевиков против Закавказья и Западной Азии, а также резервуаром сельскохозяйственных и нефтяных ресурсов.

Все это показывает, что хорошо организованная и осуществленная на Северном Кавказе повстанческая акция будет

---

[33] Colonel Corbel (chef de la Mission militaire française au Caucase). Confirmations des télégrammes chiffrés, nn° 304, 305, 306, 307, 308, envoyés le 14 juin à Guerre (Paris) // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 630 Russie (Caucase). Fol. 51.

[34] Mission militaire française au Caucase. Organisation des mouvements insurrectionnels contre les Bolcheviks. Tiflis, 17. 6. 1920 // Ibidem. Fol. 54.

иметь непосредственное влияние на военное и экономическое положение советской России.

В Азербайджане недовольство красной армией стало всеобщим. Там уже имели место кровавые восстания. Г-н Хан Хойский, бывший председатель Совета министров Азербайджана и министр иностранных дел, беспартийный, честный человек с хорошей репутацией, вчера специально виделся со мной, приехав из Баку, откуда он спасся, заявил мне, что момент чрезвычайно благоприятен для того, чтобы использовать народное недовольство против большевиков, уничтожив одновременно турецкое влияние в Азербайджане. Он считает турецкую политику ответственной за нынешние злоключения Азербайджана.

Я уже неоднократно указывал на выгоду, которую мы можем извлечь из этих повстанческих движений, которые кажутся мне превосходными средствами борьбы с большевизмом. В момент, когда начинается новая атака против власти Советов, было бы, на мой взгляд, преступно пренебречь фактором успеха настолько важным, как всеобщее восстание»[35].

Хорошо понимая, что кавказцы не согласятся на прямое подчинение Врангелю, которому, как наследнику Деникина, они не доверяли, с целью непосредственного руководства и координации действий повстанцев на огромном пространстве от Украины до Кавказа Корбель предлагал создать Центральный повстанческий комитет. В состав этой структуры должны были войти на равных правах представители всех антибольшевистских сил, от украинцев Махно до азербайджанцев. Рассуждая о состоянии сил повстанцев и возможности поставки им вооружения, Корбель отмечал, что, с точки зрения организации, лучше всего дела обстоят на Украине, где повстанцы Махно «уже в течение года удерживают сельские районы под своим контролем. Кубанцы также могут найти на месте необходимые для них средства. Остаются, главным образом,

[35] Ibidem. Fol. 54-55.

повстанцы Азербайджана и горцы. Для того чтобы им доставить вооружение, избегая нарушения обязательств, взятых нами в отношении правительства Москвы, мы могли бы воспользоваться услугами грузинского правительства, заинтересованного в создании вокруг Грузии оборонительной зоны. Кстати, это правительство не питает никаких иллюзий относительно искренности большевиков в его отношении, и уже имеет тайные связи с представителями различных повстанческих группировок, которые оно поощряет. Оно полностью склонно поддержать их и материально, если мы предоставим ему средства».

С целью способствовать созданию и эффективному функционированию Центрального повстанческого комитета находящиеся в Черном море военно-морские силы Франции должны были взять на себя переброску представителей различных группировок и активистов комитета с Украины на Кавказ и обратно.

«Но не следует терять время. Момент является подходящим. Большевизм уже поколеблен польской атакой. Серьезно организованное в тылу красной армии всеобщее восстание, нарушающее ее и без того трудные коммуникации, подрывающее ее снабжение, имеет много шансов нанести ей смертельный удар в случае параллельного осуществления этих попыток» [36].

В заключение записки Корбель подходил к самому деликатному вопросу будущей акции. В частности, к взаимодействию правительства Врангеля с нерусскими народами, не желающими возвращаться в состав России ни в ее белой, ни в красной ипостаси.

Дело в том, что еще в мае 1920 г. французское правительство сообщило послу Врангеля в Париже В. Маклакову, что пока его войска удерживают Крым, национальные государства, возникшие на территории бывшей Российской импе-

[36] Ibidem. Fol. 56.

рии, могут быть признаны лишь *де-факто*, но никак не *де-юре*[37].

Сам Врангель, посредством своего министра иностранных дел П. Струве, передал президенту Мильерану ноту, в которой говорилось:

«Какими бы ни были в будущем отношения между различными частями в настоящее время разделенной России, политическая организация этих территорий и формирование их федеративного союза должно быть основанным на свободном народном волеизъявлении в Конституционной ассамблее, избранной на демократической базе»[38].

Это мнение о будущем федеративном устройстве антибольшевистской России в то время разделялось французским правительством. Вероятно, именно поэтому Корбель, пытаясь получить его согласие на осуществление своего плана восстания, отмечал в записке, что проведение упомянутой операции опирается на идею будущего федеративного устройства империи, якобы приемлемого и для русских, и для нерусских народов[39].

Сохранившиеся в архивах сведения позволяют нам определить и имена азербайджанцев, и горцев, предложивших французским представителям на Кавказе поддержать их антибольшевистскую борьбу.

В частности, по данным французской военной миссии, бывший премьер-министр Азербайджана Фатали Хан Хойский вместе с руководителями партии Мусават, а также несколькими командирами азербайджанской армии возглавляли «серьезное повстанческое движение против Советов. Некото-

[37] *Grey M., Bourdier J.* Les Armées blanches. Paris. 1968. P. 264.
[38] Ibidem. P. 266-267.
[39] Mission militaire française au Caucase. Organisation des mouvements insurrectionnels contre les Bolcheviks. Tiflis, 17. 6. 1920 // AMAE. Dossier n° 630. Fol. 56.

рая финансовая поддержка им тайно обеспечена со стороны правительства Грузии»[40].

18 июня бригадный генерал Теймур-бек Новрузов, кавалер французского ордена Почетного легиона, заслуженного им в годы Первой мировой войны[41], и один из руководителей Гянджинского антибольшевистского восстания, обратился с письмом к подполковнику Корбелю с просьбой оказания помощи в деле освобождении Азербайджана от большевиков.

Ввиду важности этого документа приведем его полностью: «В течение двух лет независимого существования всецело проникнутый демократическими принципами своего правительства и весьма склонный к дисциплине народ Азербайджана никогда не являлся инициатором акта, способного привести к анархии или радикальному изменению его политической организации. Лишь представители русского рабочего элемента города Баку, нашедшие поддержку у турецких эмигрантов, будучи безответственными людьми, воспользовались альянсом анатолийского националистического движения с советской Россией, с целью ведения усиленной большевистской агитации в пользу установления в Азербайджане большевизма и союза с советской Россией.

В результате этих действий, организованных коммунистами и турецкими эмигрантами, а также способствующего этому вторжения красной армии, имели место изменения, произошедшие ночью 28 апреля. Изменения, неожиданные для остального населения Азербайджана. С первого же появления русской красной армии народ Азербайджана инстинктивно понял, что он будет вновь порабощен.

Опираясь на красные штыки, большевизм не может найти лучше страны, чем эта богатая страна, где каждый крестьянин

[40] Mission militaire française au Caucase. Rapport politique du 5 au 20 juin 1920. Tiflis, 25. 6. 1920 // Ibidem. Fol. 136.

[41] II Rzeczpospolita wobec Ruchu Prometejskiego. Redakcja naukowa, wstęp, wybór i opracowanie P. Libera Warszawa. 2013. T. 4. P. 102.

является собственником и где все лозунги большевиков диаметрально противоположны жизненным интересам народа. Мы уже не говорим о действиях большевиков в политической и религиозной сфере (приказы относительно замены мусульманских чиновников русскими, расформирование армии, разоружение населения, начавшиеся преследования духовенства, введение светского бракосочетания, объявление войны Грузии, аресты и казни не только богатых землевладельцев и представителей буржуазии, но также интеллигенции и представителей крестьян, реквизиции, грабеж и полное засилие красногвардейцев).

Все это привело к исчезновению политической независимости страны и к укреплению убеждения населения в том, что существующий порядок никоим образом не соответствует требованиям народа, который, с целью избежать уничтожения и материального разорения страны, видит свое спасение лишь в вооруженной защите и бегстве в сельские местности для борьбы с большевистскими бандами.

Отдельные столкновения с красноармейцами уже начались повсюду. Вся страна превратилась в вооруженный лагерь, однако группы повстанцев не организованы.

Первое столкновение имело место в местечке Тертер, в районе Джеваншира (Карабах), где население при поддержке небольшого местного гарнизона разоружило и уничтожило около 500 красногвардейцев.

Восстание приняло более крупный масштаб в Елисаветполе, где была разбита 20-я советская дивизия, и где, в результате недостатка оружия и снаряжения, большевики смогли подавить восстание.

Население района Закатал избавилось от большевиков, арестовав комиссаров и уничтожив красноармейцев. Этот смежный с Грузией регион представляет собой удобную базу для окончательного наступления против большевиков. Весь Карабах со своим населением в 500 000 человек, будучи хорошо вооруженным, находится в состоянии восстания, а в окрест-

ностях Баку население не подчинилось большевикам, с которыми оно постоянно воюет. К нам поступают сведения об изолированных столкновениях, имеющих место во всем Азербайджане. Весь народ готов к жертвам с целью избавления от большевистского режима, но это требует организации и решительной помощи со стороны великих держав, которые также воюют с большевизмом и которые желают освобождения малых народов.

В качестве генерала азербайджанской армии и в согласии с моими товарищами по борьбе и влиятельными политическими деятелями моей Родины я считаю своим долгом и обязанностью взять в свои руки руководство народным движением и организацию вооруженных, дисциплинированных сил в борьбе за независимость Азербайджана. Я считаю, что с единодушной помощью всего народа мне наверняка удастся достигнуть успеха, в случае если в моих начинаниях правительство Франции окажет мне материальную и в небольшом объеме финансовую помощь.

Полагаю, что грузинские политические круги убеждены в том, что соседство с советским Азербайджаном, формирующим соответственным образом блок с советской Россией, рано или поздно поставит также и Грузию в такое же положение. Таким образом, эта республика предоставит свою поддержку борьбе, заинтересованной в освобождении Азербайджана.

Французский народ, умеющий ценить свободу малых народов, окажет огромную услугу мусульманам, если от имени мусульман, питающих к нему симпатию, примет участие в освобождении Азербайджана, являющегося одной из важных стран мусульманской культуры.

Полагаю, что поведение красногвардейцев в Азербайджане окончательно уничтожило влияние России на Ближнем Востоке. Таким образом, держава, которая возьмет на себя заботу обеспечить восстановление независимости Азербайджана, расширит и утвердит свои позиции на Востоке. Благодарный

азербайджанский народ возместит даже все издержки, которые будут понесены во имя дела его свободы и возвращения независимости.

Полагаю, что с дивизией в количестве 6 000 человек возможно предпринять активное наступление, по мере продвижения которого другие нерегулярные национальные вооруженные силы, находящиеся в Карабахе, также присоединятся ко мне.

Для организации дивизии я прошу срочным образом предоставить мне 2 батареи конной артиллерии, 3 горные батареи, 100 пулеметов (системы «Льюис»), 6 000 ружей, 10 миллионов патронов к ним и столько же патронов русского производства, артиллерийские снаряды, необходимое телефонное снаряжение, снаряжение на 6 000 человек и сумму в количестве 25 миллионов рублей.

Обращаю ваше внимание на тот факт, что всяческое промедление в борьбе против большевизма может усложнить задачу и дело для тех, кто должен ее осуществить. С политической точки зрения, настоящий момент кажется наиболее благоприятным для того, чтобы предпринять действия, принимая во внимание нестабильное положение большевиков в Азербайджане, а также настроение народа.

Исходя из этого, я прошу вас, г-н полковник, дать мне как можно быстрее ответ по поводу того, что я выше испрашиваю у вас.

Зная, что вы всегда проявляли интерес к нуждам и просьбам народов Закавказья, устремления которых вам понятны, я, со своей стороны, надеюсь, что передавая настоящую просьбу вашему правительству, вы дадите ей свою поддержку.

Добавлю, что азербайджанский народ, обладающий собственным правительством, является в материальном отношении достаточно богатым ресурсами для того, чтобы в краткий срок

возместить те расходы, которые французское правительство понесет в его пользу»[42].

Еще 14 июня с подобной же просьбой к графу Мартелю обратились черкесы Исмаил Беркок, бывший полковник оттоманской армии, и Азиз Мекер, в апреле-августе 1919 г. находившийся в составе северокавказской дипломатической делегации в Париже.

Отметив, что хотя «большевики скованы поляками и украинцами на Западе, это никоим образом не мешает им угрожать Грузии и протягивать руку помощи их друзьям на Востоке», Беркок и Мекер подчеркивали, что в случае организации успешного восстания на Северном Кавказе, это «позволит добиться протяжения антибольшевистского фронта от Балтийского до Каспийского моря, в результате чего смерть большевизма будет тогда лишь вопросом времени»[43].

Предложив создать в Горной Чечне, Ингушетии и Северном Дагестане центр повстанческого движения, который впоследствии должен был распространить свои действия на весь Северный Кавказ, Беркок и Мекер попросили французов предоставить их военной организации помощь вооружением, боеприпасами, снаряжением и обмундированием. В частности, выделить им 10 миллионов русских патронов (горцы обладали ружьями, но испытывали недостаток патронов), 12 горных орудий «Шнайдер», 20 тяжелых и 40 ручных пулеметов, а также 10 ящиков динамита, 1000 гранат и другое вооружение, снаряжение и обмундирование для формирования повстанческой армии в количестве 25 000 человек. Кроме того, авторы

[42] Le général de brigade de l'armée azérbaïdjanienne Navrousoff Teimour Bek à Monsieur le colonel Corbel, chef de la Mission militaire française au Caucase. Tiflis, 18. 6. 1920 // AMAE. Dossier n° 630. Fol. 57-58.

[43] Mecker A., Berkouk I. A son Excellence Monsieur le comte de Martel, Commissaire de la République Française au Caucase. Situation militaire des bolcheviks. 14. 6. 1920 // Ibidem. Fol. 59.

меморандума просили оказать им и финансовую помощь в количестве 150 миллионов франков[44].

Упомянутые инициативы руководителей азербайджанских повстанцев стали известны большевистской разведке, сразу же прибегшей к своему излюбленному орудию – террору.

19 июня, всего лишь день спустя после передачи упомянутого меморандума, Хан Хойский был убит в результате террористического покушения в Тифлисе. При покушении двумя пулями был ранен также бывший министр юстиции Азербайджана Хасмамедов. Хотя непосредственными исполнителями убийства и были армянские дашнаки, по мнению подполковника Корбеля за этим преступлением на деле стояли большевики, надеющиеся таким образом обезглавить повстанческое движение в Азербайджане[45]. Месяц спустя, 24 июля, такая же участь постигла и Гасан-бека Агаева, бывшего заместителя председателя парламента Азербайджана[46].

§ 5. Между Тифлисом и Севастополем

Несмотря на эти тяжелые потери и террор, развязанный против них большевистскими спецслужбами, руководители азербайджанских повстанцев продолжали делать все, что было в их силах, для освобождения Страны огней от красных ок-

---

[44] Ibidem. Fol. 59-60.

[45] Haut commissaire français Constantinople pour Diplomatie et Amiral. 23. 7. 1920 // Ibidem. Fol. 74, 94 ; Mission militaire française au Caucase. Rapport politique du 5 au 20 juin 1920. Tiflis, 25. 6. 1920 // Ibidem. Fol. 136. В справке, составленной сотрудниками Второго бюро Генерального штаба Франции, также сообщается, что «с целью подавления восстаний, большевики увеличивают количество смертных приговоров. Они прибегают даже к убийствам: г-н Хан Хойский, бывший премьер-министр Азербайджана, был убит ими 18 июня (sic) в Тифлисе» // SHAT. 7 N 3120. EMA/2 URSS. Dossier 1. Compte-rendues et synthèses de renseignement du 2ème Bureau, Russie-Caucase (1919-1923). Azerbaïdjan. 31 juillet.

[46] Haut commissaire français Constantinople pour Diplomatie et Amiral. 24. 7. 1920 // AMAE. Dossier n° 630. Fol. 154.

купантов. В частности, уполномоченные представители горцев и азербайджанцев продолжали обращаться к французским представителям «с просьбой помочь им воспользоваться настоящей слабостью красных»[47].

Продолжали настаивать на своих предложениях и политические, и военные представители Франции на местах.

24 июня Мартель обратился в МИД с предложением оказать Грузии в наиболее краткий срок помощь оружием и снаряжением, ссылаясь «на особенно подходящий для этого момент»[48]. Часть этого оружия, по мнению комиссара Франции на Кавказе, затем следовало передать горцам и азербайджанцам.

13 июля Мартель сообщал в Париж, что находящийся в Карабахе Нури-паша, объединив вокруг себя «враждебных русским татар[49]», также готовится поднять восстание против Советов[50].

По данным подполковника Корбеля, в отрядах Нури-паши находились турецкие офицеры бывшей армии Азербайджана, не желавшие слиться с большевиками, а также повстанцы, бежавшие из Гянджи после подавления местного восстания. Отряды Нури-паши занимали в то время северо-восточную часть Карабаха. Начальник французской военной миссии полагал, что гибель Хан Хойского не остановит развитие повстанческого движения в Азербайджане[51].

День спустя Мартель сообщал в Париж, что, по словам французского консульского агента Дюруа, арестованного в Баку большевиками в первый же день своего вступления в го-

[47] Lieutenant-colonel Corbel à Guerre. 23. 7. 1920 // Ibidem. Fol. 88.
[48] Haut commissaire français Constantinople pour Diplomatie et Amiral. 24. 6. 1920 // Ibidem. Fol. 75.
[49] Здесь и далее имеются в виду азербайджанцы.
[50] Haut commissaire français Constantinople pour Diplomatie et Amiral. 13. 7. 1920 // Ibidem. Fol. 122, 149.
[51] Mission militaire française au Caucase. Rapport politique du 5 au 20 juin 1920. Tiflis, 25. 6. 1920 // Ibidem. Fol. 136.

род, и пробывшего в заключении около трех месяцев, «враждебность татар в отношении русских растет по восходящей линии. Население все больше отдает себе отчет в том, что народные комиссары, всецело преследуя свой генеральный план проникновения на Восток, воспользовались этим случаем лишь для того, чтобы наложить руку на природные ресурсы страны с целью их отправки в Россию. Помимо нефти, были вывезены железнодорожные материалы, скот, продукты питания и даже мебель.

В самом Баку в настоящее время число смертных приговоров превысило 1000. В Александрополе приблизительно такое же число богатых мусульман, составляющих [высший] класс [общества] были расстреляны.

Подобная система репрессий объединила в движение сопротивления все мусульманские элементы, и советский режим может быть сохранен лишь посредством усиленной военной оккупации»[52].

Касаясь настроений в частях 11-й красной армии, дислоцированной в Азербайджане, Мартель, ссылаясь на слова Дюруа, сообщал, что она все больше напоминает старую императорскую армию. Эти данные в целом соответствовали действительности, принимая во внимание взрыв шовинизма, охвативший большевистскую Россию во время польско-советской войны.

Тем временем, уже с начала июля врангелевское командование начало подготовку к проведению десантной операции на Кубани. Целью операции было закрепление белой армии на территории, население которой сочувствовало ее антибольшевистской борьбе. Выбор в качестве будущего театра военных действий Кубани был оправдан и тем, что в этом регионе постоянно вспыхивали восстания, а действующая там партизанская армия генерала М. Фостикова насчитывала в своем со-

[52] Haut commissaire français pour Diplomatie. Tiflis, 26 7. 1920 // Ibidem. Fol. 151-152.

ставе около 10 000 человек. Для лучшей координации операции Врангель начал переговоры с правительствами Кубани, Дона, Терека и Астрахани, стремясь получить их согласие на переход казачьих вооруженных сил в его полное подчинение.

Параллельно с этим Мартель и Корбель приступили к переговорам с находящимися в Тифлисе представителями азербайджанцев и горцев, склоняя их заключить с Врангелем такой же договор, какой будет заключен упомянутыми казачьими правительствами.

24 июля Мартель вновь настойчиво повторяет свое предложение относительно посылки оружия на Кавказ: «Несмотря на мир с большевиками, грузины отдают себе отчет относительно латентной опасности, которую представляет для них советская Россия. Они готовы поддержать антибольшевистское движение на Северном Кавказе и в Азербайджане. Они уже предоставили несколько субсидий кубанцам и склонны даже передать им оружие.

Как мне кажется, интересы союзников требуют поощрения этих тенденций. Если против большевизма должна быть предпринята эффективная акция, поднимающая против него нерусские элементы периферии, у нас есть преимущество оказать эффективную помощь горцам, а также казакам Терека, Кубани и Дона, которым Грузия и Армения не в состоянии оказать эффективную помощь.

Я уже предложил отправку оружия и снаряжения. Следует принять по этому поводу быстрое решение, если мы хотим воспользоваться благоприятными обстоятельствами настоящего момента»[53].

Несмотря на все эти предложения, в Париже не спешили отправлять оружие на Кавказ. Свою роль здесь, очевидно, сыграли политические мотивы. Пытаясь вынудить азербайджанцев и горцев согласиться на подчинение Врангелю в со-

[53] Haut commissaire français pour Diplomatie et Amiral. Tiflis, 24. 7. 1920 // Ibidem. Fol. 154.

ответствии с поддерживаемой Францией концепцией федеративной, но единой России, Париж соглашался передать оружие и другую помощь повстанцам лишь через представителей Врангеля, командированных им с этой целью в Закавказье. Со своей стороны, и азербайджанцы, и горцы готовы были поддержать Врангеля лишь в том случае, если последним будут сделаны официальные заявления о признании им независимости Азербайджана и Северного Кавказа, завизированного к тому же представителями союзников. «Для того чтобы мусульманские племена полностью присоединились к движению, они потребуют, без всякого сомнения, от Врангеля письменных заверений относительно независимости Горской Республики с вероятной гарантией держав Антанты»[54], – писал 18 августа Мартель в МИД Франции.

События на местах внесли, однако, свои коррективы в эти планы.

1 августа крупный десант белых войск под командованием генерала Кучук Улагая высадился на Кубани и в течение первой недели успешно развивал наступление в сторону Екатеринодара. Как и следовало ожидать, генералом Врангелем не было сделано заявлений относительно признания независимости Северного Кавказа и Азербайджана. Напротив, в изданном в тот же день приказе Врангель, не касаясь вопроса об Азербайджане, сообщал, что после победы над большевизмом казаки и горцы «встретятся во всероссийском народном собрании»[55].

После этого находящиеся в Тифлисе деятели Азербайджана и Северного Кавказа отстранились от участия в данном предприятии, предоставив русским и казакам действовать самим[56].

---

[54] Haut commissaire français pour Diplomatie et Amiral. Tiflis, 18. 8. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier 637 B Kouban. Fol. 35.

[55] *Росс Н*. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне. 1982. С. 246.

[56] 5 августа Мартель вновь отправил телеграмму в МИД, где в очередной раз предлагал отсечь основные красные силы от Закавказья, где Советы сосредоточились на советизации Армении. «Для того чтобы парализовать

Экспедиция окончилась крахом, хотя значительное количество находящихся на Кубани казаков присоединились к десанту и войскам Врангеля, 24 августа вновь ушедшим в Крым. В конечном итоге, белым удалось увести на полуостров большее количество живой силы и вооружения по сравнению с тем, с чем они начинали операцию.

В ликвидации десанта приняли участие и части красной армии, выведенные из Азербайджана, хотя еще два месяца назад представители французской военной миссии обращали внимание Парижа на необходимость блокировать подобную возможность оказанием помощи азербайджанскому и северокавказскому повстанческому движению, способному в подходящий момент перерезать сообщение между Северным и Южным Кавказом.

Небезынтересно отметить, что именно 6 августа, в день издания Врангелем злополучного приказа, окончательно оттолкнувшего от него северокавказцев и азербайджанцев, Мартель отправил на имя президента Франции Александра Мильерана обстоятельный доклад относительно общей обстановки, сложившейся в то время на Кавказе. В самом конце документа французский комиссар, возможно, надеясь на то, что под влиянием этого отчета правительство Франции окажет соответствующее давление на Врангеля, особо подчеркивал: «Средства, которыми располагают красные в Закавказье, довольно ограничены. Оккупирующая Азербайджан 11-я армия не насчитывает в своем составе больше чем 30 000 человек, дислоцированных в стране абсолютно ненадежной, где население, выведенное из себя большевистским игом и тиранией,

---

все эти действия, достаточно осуществления диверсии на Северном Кавказе или даже в Азербайджане, где было бы легко объединить все враждебные Советам элементы, которые ждут лишь случая для того, чтобы восстать. Общая ситуация обязывает нас, быть может, принять быстрое решение по этому поводу, которое, для того чтобы быть эффективным, должно быть быстрым». Haut commissaire français pour Diplomatie et Amiral. Tiflis, 5. 8. 1920 // AMAE. Dossier n° 630. Fol. 180.

ждет лишь случая для восстания. Такова же ситуация и на Северном Кавказе, где оккупационная армия, насчитывающая лишь приблизительно такое же количество живой силы, находится в постоянных трудностях с мусульманскими племенами, обитающими от Дербента до Туапсе, и которые не отступили бы от альянса, или, по крайней мере, от согласованной акции с казаками Кубани.

Тем не менее, это положение может быстро измениться, и акции, затрудненные сегодня отсутствием необходимых войск, могут стать возможными завтра, если правительство Москвы получит в свое распоряжение силы, в настоящее время задействованные на других фронтах.

Чтобы парализовать эту возможную акцию, было бы достаточно диверсии, использующей враждебные Советам элементы либо на Северном Кавказе, либо в Азербайджане. Общая ситуация побуждает нас, быть может, принять быстрое решение в этом отношении, которое, для того чтобы быть эффективным, должно быть быстрым»[57].

Узнав о неудаче десанта Врангеля лишь 6 сентября, Мартель, тем не менее, продолжал с не меньшим рвением отстаивать свою точку зрения о необходимости оказания помощи горцам и азербайджанцам. В шифрованной телеграмме, посланной в военное министерство и адмиралтейство, он не исключил, что неудача десанта могла быть обусловлена «предательством некоторых руководителей казаков». Мартель при этом особо подчеркивал, что «ситуация никоим образом не изменилась на Северном Кавказе» [58].

---

[57] M. de Martel (Commissaire français au Caucase). A Son Excellence M. Millerand, président du Conseil, ministre des affaires étrangères. Tiflis, 6. 8. 1920 // Ibidem. Fol. 168-169. Последний абзац был отправлен Мартелем шифротелеграммой в МИД и адмиралтейство еще 5 августа. См.: Haut commissaire français pour Diplomatie et Amiral. Tiflis, 5. 8. 1920 // Ibidem. Fol. 180.

[58] Haut commissaire français pour Diplomatie et Amiral. Tiflis, 6. 9. 1920 // Ibidem. Fol. 255.

Со своей стороны выступили с новыми инициативами и сами азербайджанцы, справедливо полагающие, что после неудачи десанта на Кубань Врангель будет более сговорчивым в отношении признания права на независимость народов Кавказа.

8 сентября делегация бывших членов правительства Азербайджана, принадлежащих к партии Мусават, посетила Мартеля «от имени групп, которые составляют блок против большевиков». Азербайджанцы сообщили, что в настоящее время в стране все готово для всеобщего восстания. Число большевистских войск составляет около 20 000 человек, так как значительные силы были выведены из Закавказья, будучи брошены на отражение врангелевского десанта, или на Польский фронт. Руководители повстанцев ожидают лишь начала восстания на Северном Кавказе для того, чтобы избавиться от большевиков. Рустамбеков, бывший заместитель министра внутренних дел Азербайджана, отправляется к генералу Врангелю с тем, чтобы организовать повстанческие акции в сотрудничестве с последним. Для успешной организации восстания им необходимо получить из Крыма оружие и снаряжение[59].

§ 6. Азербайджано-горская смычка и новый план восстания в Азербайджане

Понимая, что изгнание большевиков из Азербайджана возможно лишь в случае успешного восстания в Дагестане, в результате чего Закавказье было бы отрезано от основных сил большевиков, представители Франции сделали акцент на максимальной координации деятельности горцев и азербайджанцев. Необходимость подобного сотрудничества диктовалась и следующими объективными факторами. С географической

[59] Haut commissaire français pour Diplomatie. Tiflis, 8. 9. 1920 // Ibidem. Fol. 264.

точки зрения Дагестан делился на занимающую две трети страны горную и приморскую части. Последняя представляет собой довольно узкую песчаную полосу побережья Каспийского моря от порта Петровска до нефтяных месторождений Баку, по которой проходит не только сухопутный путь, но и железная дорога, связывающая Россию с Южным Кавказом. Таким образом, обитающие в горных аулах воинственные горцы, спустившись с гор в прибрежные районы, легко могут захватить эти важнейшие коммуникации, отрезав Россию от Закавказья. В отличие от дагестанских горцев, обитавшее в приморских районах крестьянское население, в основном азербайджанского происхождения, не отличаясь особой воинственностью, не проявляло необходимой активности в бурных событиях, происходивших тогда на Кавказе. Тем не менее, уже в силу своего происхождения, оно не могло не сочувствовать национально-освободительному движению Азербайджана.

Следует отметить, что инициатива по созданию объединенного антибольшевистского фронта с народами Закавказья принадлежала дагестанцам. Уже 2 июня 1920 г. находящийся в Тифлисе один из руководителей национально-освободительного движения народов Дагестана, полковник Кайтмаз Алиханов, обратился к правительству Грузии с предложением присоединить к ней Аварию, что давало Грузии «выход и в Каспийское море»[60].

Так как это предложение означало отсечение территории оккупированного большевиками Азербайджана от красной России, можно предполагать, что проект Алиханова в действительности являлся составной частью общего плана северокавказских и азербайджанских повстанцев по изгнанию боль-

[60] Полный и оригинальный текст записки К. Алиханова на имя министра иностранных дел Грузии см.: *Бахтадзе М., Мамулиа Г.* Материалы по истории взаимоотношений Грузии и Северного Кавказа (1917-1921). Тбилиси. 2005. С. 59-62. (На груз яз.)

шевиков с Кавказа. Рассмотрев предложение Алиханова, особая комиссия Учредительного собрания Грузии сочла непосредственное присоединение Аварии нецелесообразным. Вместе с тем Генеральному штабу было рекомендовано рассмотреть вопрос об оказании военной помощи дагестанским повстанцам. К августу между грузинскими представителями и духовным лидером дагестанских повстанцев Нажмуддином Гоцинским были выработаны и политические аспекты освобождения Дагестана. По условию соглашения сразу же после освобождения дагестанской территории от большевиков в Дагестане должно было быть созвано Учредительное собрание, которое, провозгласив независимость страны, направило бы в Тифлис своих представителей с просьбой о признании независимости Дагестана как правительством Грузии, так и представителями Антанты[61].

Несомненно, именно этим фактом, а также тесной связью, существующей между горскими и азербайджанскими повстанцами в Тифлисе, объясняется тот факт, что находящийся в Париже Али Мардан-бек Топчибаши взял на себя инициативу по продвижению вопроса о признании государствами Антанты *де-факто* независимости Дагестана.

В начале сентября в Тифлис прибыл Сеид-бек Шамиль, внук знаменитого дагестанского имама, само имя которого было символом горского сопротивления русскому империализму. 11 мая в чеченском селе Капши, в окрестностях Ведено, состоялся съезд горцев, на котором было решено избрать руководителем национально-освободительного движения сына имама Шамиля, генерала оттоманской армии Мухаммада Камила. Последний, будучи уже в преклонном возрасте, отправил на Кавказ вместо себя своего сына, 19-летнего офицера турецкой армии Сеид-бека. Прибыв в Тифлис из Константинополя, Сеид-бек сразу же привлек внимание не только гор-

[61] *Чиабришвили Дм.* Из недавнего прошлого // «Клдэ» («Скала»). Орган грузинских националистов. Берлин. 1935. № 9-10. С. 4. (на груз яз.)

ских активистов, но и начальника французской военной миссии подполковника Корбеля, пытавшегося отыскать среди горцев фигуру, способную в своем лице примирить противоречия существующих на Северном Кавказе группировок, объединив их в антибольшевистской борьбе. Личность молодого Шамиля представляла особый интерес для французов и в том отношении, что окруженный ореолом славы своего деда в глазах горских мусульманских масс, он способен был уравновесить собой влияние таких сторонников турецко-большевистского альянса, как Энвер-паша (1-8 сентября 1920 г. с целью осуждения «западного империализма» и экспорта «мировой революции» на Восток в Баку состоялся организованный большевиками первый съезд народов Востока, в работе которого принял участие и Энвер-паша).

Начавшиеся переговоры с Шамилем давали французам надежду на то, что, в отличие от бывших членов горского правительства, выдвигающих в качестве предварительного условия сотрудничества с Врангелем признание последним независимости Кавказа, Сеид-бек, будучи менее искушенным в вопросах политики, будет уделять главное внимание практической деятельности в тылу красных. Во всяком случае, уже 8 сентября комиссар Франции на Кавказе Мартель сообщал шифрованной телеграммой в военное министерство и адмиралтейство: «Внук Шамиля, прибывший из Константинополя, уверил меня, что он склонен стать во главе антибольшевистского движения в Дагестане. Он также рассчитывает на помощь Врангеля и союзников»[62].

Тем не менее, надежды французов на то, что Сеид-бек, как и другие кавказцы, согласится сотрудничать с Врангелем без формального признания с его стороны их независимости, рассеялись буквально через две недели, когда отправившийся с

[62] Haut commissaire français pour Diplomatie. Tiflis, 8. 9. 1920 // AMAE. Dossier n° 630. Fol. 264, 266.

помощью грузинских спецслужб на разведку ситуации в Дагестан Шамиль 16 сентября вновь вернулся в Тифлис.

Сеид-бек имел с французским военным представителем откровенный разговор, во время которого заявил, что и он, и вызвавшие его из Сирии вожди горских племен, частично уже получившие оружие из Грузии, «желают сотрудничать с Врангелем лишь на базе альянса, по принципу равный с равным, с признанием независимости Горской Республики, гарантированным великой державой»[63]. Под влиянием недавней неудачи Врангеля на Кубани и своих бесед с северокавказцами и азербайджанцами Корбель все больше склонялся к позиции последних относительно необходимости признания Врангелем независимости Северного Кавказа и Азербайджана. Для того чтобы способствовать переговорам без посредников, Корбель согласился содействовать отправке в Крым представителей горцев и азербайджанцев. В ходе беседы Шамиль также заявил своему собеседнику, что «население этих регионов готово восстать по его первому сигналу, для того, чтобы освободить свою страну от ига большевиков. […] Дагестан желает полной независимости и будет бороться до последней капли крови за то, чтобы ее сохранить»[64].

В сентябре в Дагестане вспыхнуло антибольшевистское восстание под руководством Гоцинского, провозглашенного своими последователями-мюридами имамом Дагестана и Чечни, и полковника Алиханова, к которым присоединился и Шамиль. По оценке британских исследователей В. Аллена и П. Муратова, начавшееся восстание носило характер как национального движения, так и священной войны против русских. Самого Шамиля постоянно сопровождал личный эскорт

[63] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 1 au 15 septembre 1920. Tiflis, 16. 9. 1920 // Ibidem. Fol. 277-278.
[64] Renseignement du Caucase en date du 18 septembre 1920 // Ibidem. Fol. 284.

из 25 вооруженных всадников, набранных из числа его родичей из аула Гимри.

Уже в первый месяц восстания число повстанцев стало стремительно расти, достигнув 3 000 человек. Встревоженное этими событиями большевистское командование было вынуждено направлять в Дагестан новые части, выводя их главным образом из Азербайджана. В сентябре-октябре в Дагестан был переброшен 176-й стрелковый полк. Наряду с этим, из дислоцированной в Азербайджане 11-й оккупационной армии была выделена 95-я стрелковая бригада в составе 283-го и 284-го полков и 3-ей группы легкой артиллерии, также прибывшая в Темир-Хан-Шуру 13 октября. Основной целью большевистского командования являлась помощь гарнизонам своих войск, осажденных повстанцами в крепостях Гуниба, Хунзаха и Ботлиха. Тем не менее, используя тактику горной войны, повстанцам удалось нанести оккупантам тяжелые потери. 30 октября в Араканском ущелье восставшими был уничтожен крупный карательный отряд противника в количестве 700 человек. В результате они захватили четыре артиллерийских орудия, двадцать четыре пулемета и большое количество амуниции. Разгром в Араканском ущелье вынудил большевистское командование вновь ослабить свои силы в Азербайджане, перекинув в начале ноября в Дагестан 282-й и 285-й полки 32-й пехотной дивизии, а также кавалерийскую бригаду с батареей конной горной артиллерии.

Это, впрочем, не спасло большевиков от новых неудач. 18 ноября недалеко от Ботлиха были разгромлены подразделения 1-го стрелкового полка образцовой революционной дисциплины, принимавшие участие в карательной экспедиции против повстанцев. Разгром произвел такое впечатление на гарнизон Ботлиха, что последний по сути дела не оказал сопротивление повстанцам. Ворвавшись в крепость, дагестанцы уничтожили в ней около 600-700 большевиков, захватив 9 пулеметов и значительное количество вооружения. Взятия Ботлиха открывало дорогу на Ведено, в Чечню, сделав, таким об-

разом, возможным совместные действия чеченских и дагестанских повстанцев. К этому времени восставшие контролировали почти весь нагорный Дагестан. Лишь осажденные со всех сторон Гуниб и Хунзах оставались в руках врага (в отчетах французской военной миссии на Кавказе ошибочно говорилось о взятии упомянутых крепостей). Одной из причин этого являлся недостаток вооружения, остро испытываемый повстанцами на местах. Хотя к тому времени ими и была захвачена легкая артиллерийская батарея, этого, однако, не хватало ни для штурма упомянутых крепостей, ни для выхода в приморский Дагестан, где партизанская тактика восставших не могла противостоять артиллерии и броневым машинам красной армии[65].

По данным большевистской разведки, единственной страной, реально оказавшей помощь повстанцам, была Грузия, откуда к ноябрю в Дагестан поступило 2 400 винтовок, 4 пулемета и вагон вооружения и мануфактуры. В районе грузино-дагестанской границы грузины поддерживали с повстанцами связь с помощью электрической световой сигнализации[66]. Этого, тем не менее, было недостаточно для ведения наступательных боевых действий в прибрежном Дагестане.

«К сожалению, все эти движения предоставлены сами себе, и у них, главным образом, не хватает патронов»[67], – сообщал по этому поводу в Париж Корбель.

14 октября в Тифлис прибыл специальный представитель генерала Врангеля к горцам, генерал Пиковский. Корбель связал его с Шамилем, «в результате чего было заключено первое

---

[65] *Allen W. E. D., Muratoff P*. Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921. Cambridge. 1953. P. 511-519; *Доного Х. М*. Нажмуддин Гоцинский. Махачкала. 2011. С. 322-335; *Marshall A*. The Caucasus under Soviet rule. London and New York. 2010. P. 134-136.

[66] *Доного Х. М*. Нажмуддин Гоцинский. С. 319.

[67] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 1 au 15 octobre 1920. Tiflis, 15. 10. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 631 Russie (Caucase). Fol. 73.

соглашение. В соответствии с ним, Врангель признал за горскими народами право на свободную организацию, обещав им свою материальную помощь для антибольшевистской борьбы». Шамиль «является сторонником сотрудничества с Врангелем при условии, что он предоставит горцам гарантию их независимости, засвидетельствованную Францией», – подчеркивал в отчете от 15 октября Корбель. В соответствии с договором, заключенным с представителями Врангеля, Шамиль 16 октября выехал в Дагестан «с целью встать во главе руководства движением, как только эта помощь прибудет». Для заключения окончательного соглашения два представителя Шамиля были направлены в Крым[68]. 22 октября генерал Пиковский отправил в Севастополь телеграмму, где, «принимая во внимания срочность этого дела», просил Врангеля выслать в Поти, на имя грузинского военного министерства, в качестве первой партии 2 000 000 патронов и 20 000 ручных гранат. Затем следовало в течение 15 дней обеспечить скорейшую транспортировку этого оружия через перевалы в Дагестан до начала снегопада. Наряду с этим, выслать в одном свертке от 30 до 50 000 рублей Керенского на адрес французской военной миссии в Тифлисе[69].

Такую же встречу с представителями Врангеля имели и азербайджанцы, хотя в отчетах Корбеля, уделявшему в это время больше внимание восстанию в Дагестане, сохранилось мало сведений по данному поводу. Он лишь вскользь сообщает о том, что руководители повстанческого движения в Азербайджане вновь пришли к нему «просить совета и поддержки французского правительства. Их проект интересен, если он может быть скоординирован с движением в Дагестане, и за-

[68] Mission militaire française au Caucase. Rapport militaire. Tiflis, 15. 10. 1920 // Ibidem. Fol. 48.
[69] Colonel Corbel à Guerre. 22. 10. 1920 // Ibidem. Fol. 125.

служивает быть принятым во внимание»[70]. Начальник французской военной миссии на Кавказе полагал, что восстание в Азербайджане может иметь успех лишь после того, как горцами будет перерезаны проходящие по Дагестану коммуникации большевиков с Закавказьем. «Дагестан обладает единственной сухопутной и железной дорогой, предоставляющей русским доступ в Азербайджан», – многозначительно сообщает Корбель в отчете о политическом положении на Кавказе от 1 октября[71].

Тем не менее, уже 20 сентября Корбеля от имени повстанческого центра Азербайджана посетили Ф. Векилов, бывший посол независимого Азербайджана в Грузии, и Рустамбеков, бывший заместитель министра внутренних дел. Оба принадлежали к партии Мусават, объединившей вокруг себя ядро антибольшевистского сопротивления в Азербайджане. Азербайджанцы попросили Корбеля содействовать их поездке в Крым с целью получения помощи вооружением и финансами от генерала Врангеля. Сообщили они Корбелю и то, что поддерживают связь с начальником военного управления (военным министром) Врангеля, генералом В. Вязьмитиновым, передавая ему детальную информацию о положении в Азербайджане и имевших там место антибольшевистских восстаниях. К сожалению, на их просьбы о помощи они пока еще не получили ответа, так как связь с Крымом является очень ненадежной[72]. (По данным французской разведки, первые контакты руководителей азербайджанских повстанцев с Крымом восходили еще к лету 1920 г.[73]).

---

[70] Mission militaire française au Caucase. Rapport militaire. Tiflis, 15. 10. 1920 // Ibidem. Fol. 48.

[71] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 16 au 30 septembre 1920. Tiflis, 1. 10. 1920 // Ibidem. Fol. 191.

[72] Situation des Bolcheviks en Azerbaïdjan, Caucase. 28. 9. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier 630. Fol. 291.

[73] В справке от 1 сентября Второго бюро Генштаба Франции отмечалось, что в Азербайджане «готовится всеобщее восстание под руководством

По словам Векилова и Рустамбекова, им удалось ознакомиться с содержанием письма Мирзы Давуда Гусейнова, председателя ЦК КП(б) Азербайджана, в котором он сообщал в Москву, что положение в республике станет критическим, если она не получит подкреплений войсками. В случае восстания находящихся в Азербайджане воинских частей будет недостаточно для его подавления. По мнению Гусейнова, большевистская власть в Азербайджане не продержится более двух месяцев, если не будут приняты меры, направленные на укрепление ее новыми оккупационными войсками.

Гусейнов также сообщал в Москву, что торговые договора с Грузией и Арменией не будут подписаны, так как было бы выгоднее всего, лишив эти страны бакинской нефти, завладеть ими. По словам Векилова и Рустамбекова, у них состоялись встречи по этому поводу с представителями правительства Грузии, которое благосклонно относится к деятельности азербайджанских повстанцев и позволит транспортировать для них оружие через свою территорию. Оккупационные силы большевиков в стране насчитывают не больше 6 000 человек, что, со своей стороны, также позволит организовать успешное восстание в Азербайджане.

Хотя эти цифровые данные и расходились с информацией Корбеля, его сведения также подтверждали факт, что большевики испытывали в это время значительные трудности в Азербайджане. Опасаясь того, что восстание в Дагестане может перекинуться и на Азербайджан, они укрепляли Баку, рассчитывая, в крайнем случае, продержаться там с помощью каспийского флота. Среди рабочих Баку свирепствовал голод, а в оккупационных войсках – эпидемия малярии, которой страдало около половины их личного состава. Мобилизация в

бывших командиров азербайджанской армии, находящихся в переговорах с генералом Врангелем». Caucase du Sud. 1. 9. 1920 // SHAT. 7 N 3120. EMA /2 URSS. Dossier 1. Compte-rendues et synthèses de renseignement du 2ème Bureau, Russie-Caucase (1919-1923).

Азербайджане так же не дала ожидаемых результатов, так как молодежь массовым образом бежала в горы[74].

Побеседовав о ситуации, сложившейся в Азербайджане, Векилов и Рустамбеков передали Корбелю меморандум с изложением конкретного плана восстания, планируемого ими против большевиков. Этот важный документ был переслан Корбелем в Париж в качестве приложения № 2 к военному отчету французской военной миссии на Кавказе от 15 октября 1920 г.

В документе отмечалось, что первоначально после аннексии Азербайджана у большевиков имелась поддержка среди низших слоев азербайджанского общества, недовольных политикой мусаватистского правительства, защищавшего частную собственность на землю. Наряду с этим, эта часть населения надеялась, что с приходом большевиков возобновится ввоз в страну мануфактурных товаров из России, в которых они испытывали потребность. Эти надежды вскоре рассеялись, ибо население получило от большевиков «лишь организованный грабеж и произвол такого масштаба, который татары[75] никогда не видели ни при каком правительстве». Русские большевики лишь вывозят из страны ее национальное богатство, ничего не давая взамен. «Постоянные реквизиции хлеба, скота и другого добра у населения, оскорбление национальных и религиозных чувств мусульман, отсутствие продуктов первой необходимости и ужасающий террор, господствующий во всем Азербайджане, создали настроения ненависти в отношении большевиков, пробудив сознание необходимости свержения их власти». Эта ненависть существует на сегодняшний день не только среди мусульман, но и в среде русских рабочих Баку, «очутившихся после прибытия большеви-

[74] Situation des Bolcheviks en Azerbaïdjan, Caucase. 28. 9. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier 630. Fol. 291.

[75] Имеются в виду азербайджанцы.

ков в куда более худшем моральном и материальном положении, чем раньше»[76].

Бакинские большевики, со дня на день ожидая начала восстания против них, принимали меры для недопущения этого. Они выставили пулеметы на крышах домов, разместив на площадях города артиллерийские орудия, а также окружив Баку сетью траншей и колючей проволоки. При этом, как подчеркивали авторы меморандума, существовала опасность нового сговора большевиков с кемалистами, согласно которому после победы последних над армянами большевики могли уступить территорию Азербайджана Турции за исключением г. Баку, который оставался бы во власти России. Для того чтобы не допустить подобного развития событий, а также большевистско-кемалистской смычки, грозящей подорвать стабильность на всем Ближнем Востоке, необходимо восстановить независимость Азербайджана, изгнав оттуда большевиков.

Далее в меморандуме излагался конкретный план организации восстания в Азербайджане. По словам авторов меморандума, командующим всеми повстанческими силами Азербайджана является «старый кадровый офицер русской кавалерии, мусульманин, чрезвычайно популярный среди борчалинских татар[77], как и среди татар Азербайджана»[78]. Судя по всему, этим безымянным офицером, которого в дальнейшем меморандум называет условно «Х», являлся генерал Теймур-бек Новрузов, чей меморандум подполковнику Корбелю был уже приведен полностью.

Как подчеркивал документ, «“Х” организовал во всех важных пунктах вдоль железнодорожной линии, идущей от гру-

[76] Rapport adressé à la mission militaire française en Géorgie. Annexe n° 2 au rapport militaire du 15 octobre 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier 631. Fol. 57.
[77] Здесь и далее имеются в виду азербайджанцы.
[78] Ibidem. Fol. 58.

зинской границы до евлахского моста, а также в удалении от нее (в районах, где предполагалось поднять восстание) повстанческие ячейки, во главе которых находятся местные крестьяне, пользующиеся уважением и авторитетом в своих деревнях. В день восстания упомянутые крестьяне должны стать командирами подразделений и начать действовать вместе со своими крестьянами. Каждой повстанческой ячейке придан опытный кадровый офицер, который, являясь в своем роде начальником штаба предполагаемых подразделений, будет руководить боевыми операциями. В настоящее время мы располагаем 10 000 кавалеристами и 10 000 пехотинцами, готовыми к действиям. Они вооружены турецкими и русскими ружьями, но боеприпасов к ним недостаточно. Руководителями этой вооруженной массы являются местные крестьяне, обладающие такими же правами, что и офицеры, количество которых достигает 200 человек. Упомянутые офицеры являются либо татарами, либо грузинами, служившими в армии Азербайджана, либо русскими, бывшими участниками добровольческой армии. Когда восстание разразится, оно будет поддержано не только всем населением Азербайджана, но также и лезгинами Закатальского округа. Все татары, служащие в азербайджанской красной армии, тоже присоединятся к восставшим. Большинство из татар, готовых к восстанию, составляют аскеры, с детства привыкшие к владению оружием. Находясь на военной службе в течение полутора лет, они, таким образом, обладают боевой выучкой. По приказу командира движения “Х” восстание должно начаться в один день и час, в условленное заранее время. Восстание начнется атакой на части красной армии, повстанцы перережут телеграфные и телефонные коммуникации, а также осуществят диверсии на железной дороге.

Как только Елисаветпольская губерния будет очищена от большевиков, повстанцы двинутся на Баку. Они получат поддержку жителей Кубинской области. Нельзя быть абсолютно уверенным во взятии Баку, так как там находится довольно

мощный большевистской флот, однако все будет зависеть от развития событий.

Лозунгом восстания станет очищение территорий от большевиков и восстановление автономного Азербайджана до конца гражданской войны в России.

Как только Гянджа будет занята – там сформируется коалиционное правительство, состоящее из татар и армян с умеренной социал-демократической программой. Его члены, будучи избраны заранее, пользуются доверием в стране. Армянскими членами этого правительства станут нынешние участники Армянского национального совета. В ходе восстания чрезвычайно важным моментом является предотвращение выступлений против татар гянджинских армян, и армян из приграничных районов. Возможность подобного выступления не исключена из-за национальной ненависти. Мы принимаем некоторые меры с целью избежать подобного вмешательства. Тем не менее, мы считаем, что решающей мерой в этом отношении должно быть оказание иностранными миссиями соответствующего влияния на армянское правительство. Восстание в Азербайджане в настоящее время может быть лишь крайне выгодным армянскому правительству, которое должно способствовать ему, дав понять всем своим подданным, что они не должны противиться этому движению.

“X” уверен, что быстрое восстание всего населения и стремительная атака вызовут панику в красной армии. Этому будет способствовать и то, что, согласно сведениям наших агентов, у большевиков наблюдается нервозность, а красные войска, посланные в Азербайджан, где они уже все разграбили и сожрали, отнюдь не располагают боевым духом и желают вернуться в Россию. Их удерживает пока лишь жестокая дисциплина большевиков, но когда они увидят, что против них поднялось все население и они оказались в меньшинстве, их дисциплина улетучится. Они сами перебьют своих комиссаров и уйдут в Россию.

Восстание в Азербайджане, даже в случае если оно будет хорошо подготовлено, не может быть успешным, если оно не будет поддержано, и ему не будет оказана помощь. Необходимо избежать повторения истории Гянджинского восстания, подавленного большевиками, которые истребили при этом много людей. Если подобные истории повторятся, народ окажется настолько сломленным, что ему будет невозможно восстать вновь. Он даже примкнет к Советам, которые станут для него воплощением силы, что имеет большое значение на Востоке»[79].

По словам авторов меморандума, «помощь азербайджанскому движению должна быть и моральной, и материальной». Моральная помощь должна была заключаться «во влиянии французской военной миссии на правительство Армении для того, чтобы оно не чинило препятствий планируемому движению, и чтобы армяне не противопоставляли себя татарам». Кроме того, французы должны были «оказать влияние на правительство Грузии для того, чтобы это последнее не было против транспортировки через ее территорию военных материалов»[80].

Материальная помощь «должна выражаться в поставке военных материалов и денег, необходимых для того, чтобы предоставить восставшим продукты питания и содержание, дабы избежать грабежа и реквизиций, которые отталкивают и пугают население.

Наиболее важным ресурсом для начала восстания являются деньги. Необходимо около 15 000 000 рублей в грузинских бонах.

Также необходимы патроны и пулеметы. Следует иметь 10 000 000 ружейных и пулеметных патронов, а также патроны для турецких ружей. Необходимо обладать 150 пулеметами (100 пулеметов образца “Льюис” и 50 образца “Максим”).

[79] Ibidem. Fol. 58-59.
[80] Ibidem. Fol. 59.

Если количество пулеметов будет достаточным, каждый взвод будет обладать одним пулеметом “Льюис”, – это очень важно для разведки, а также сохранения присутствия духа в каждом взводе. Восстание начнут конные партизаны, которые основательно знают страну и являются фанатичными и храбрыми.

Партизаны не обладают артиллерией, но мы предполагаем захватить ее у большевиков в начале восстания. Если все же впоследствии нам удастся сформировать фронт под Баку, необходимо дополнить его несколькими батареями и другими военными материалами, необходимое количество которых будет определено после восстания»[81].

Очевидно, что при составлении плана восстания, руководители повстанцев исходили из недавнего исторического опыта страны: как и весной 1918 г., освободительное движение должно было начаться в Гяндже, цитадели азербайджанской национальной идеи той эпохи, распространившись затем в направлении Баку. Так как в это время восстание в Дагестане отвлекало на себя все больше и больше дислоцированных в Азербайджане частей и соединений 11-й красной армии, азербайджанцы надеялись, в случае благоприятного развития событий, получить возможность вытеснить из страны ослабленные таким образом войска оккупантов. План восставших был разумен и в том отношении, что, предвидя возможность использования Кремлем традиционных имперских манипуляций натравливания одного народа Кавказа на другой, предлагал армянам если не прямое сотрудничество, то хотя бы благожелательный нейтралитет в борьбе с красным империализмом.

Французская военная миссия на Кавказе считала информацию о ситуации в Азербайджане в целом достоверной. Во всяком случае, краткое содержание меморандума азербайджан-

[81] Ibidem. Fol. 59-60.

цев было включено в отчет о политической ситуации на Кавказе, составленный Корбелем 15 октября 1920 г.[82]

По данным, полученным французской разведкой на Кавказе, антибольшевистские организации действительно существовали в Баку, «состоя в основном из азербайджанских офицеров. 8 сентября большевики арестовали в Баку азербайджанский Генеральный штаб, а также преподавателей военной школы, обвиненных в заговоре против Советов»[83].

По сведениям другого документа, в это время лишь за два дня было расстреляно 59 человек[84]. Вследствие переброски красных частей на Северный Кавказ для подавления восстания в Дагестане, положение в Азербайджане «становилось все более критическим для Советов, которые поддерживают свою власть в Баку лишь с помощью террора»[85].

Хотя в архивах и не сохранилось конкретных сведений относительно того, побывали ли в Крыму представители Азербайджана, исторический контекст позволяет предполагать, что подобная поездка все же состоялась. Во всяком случае, в отчете от 1 ноября Корбель сообщал в Париж, что «два представителя Шамиля уехали в Крым, так же, как и чеченский представитель, с целью заключения договора с Врангелем на основе независимости горцев»[86]. Не исключено, что среди этих людей были и руководители азербайджанских повстанцев, о чем сам Корбель не упомянул, будучи всецело занят события-

---

[82] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 1er au 15 octobre 1920. Tiflis, 15. 9. 1920 // Ibidem. Fol. 71.

[83] Azerbaïdjan. Mécontentement de la population contre les Bolcheviki. Tiflis, 29. 10. 1920 // Ibidem. Fol. 121.

[84] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 16 au 31 octobre 1920. Tiflis, 1. 11. 1920 // Ibidem. Fol. 149.

[85] Russie et Caucase. 1. 10. 1920 // SHAT. 7 N 3120. EMA/2 URSS. Dossier 2. Compte-rendues de renseignement généraux et spéciaux Caucase et Russie du Sud (1920-1924).

[86] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 16 au 31 octobre 1920. Tiflis, 1. 11. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier 631. Fol. 149.

ми в Дагестане. Возможно и то, что по заключенному между горцами и азербайджанцами договору первым было делегировано право представлять в переговорах с Врангелем и азербайджанскую сторону, ведя переговоры и от ее имени. Не случайно в справке МИД Франции относительно государств Кавказа от 18 октября сообщалось, что руководители партии Мусават «заключили договор с племенами Северного Кавказа с целью начать параллельное восстание в этом регионе»[87].

По словам Корбеля, находящийся в Дагестане Шамиль «пытается заключить союз между ингушами, чеченцами и дагестанцами с целью совместных действий. Он стремится всеми средствами прийти на помощь отряду (организованному в Грузии) Нажмуддина Гоцинского, оперирующему в настоящее время в районе Гуниба, где повстанческое движение уже охватывает значительный регион. […]

Я пытаюсь объединить антибольшевистские элементы, действующие на Северном Кавказе с делом Врангеля, показав им, что материальная помощь союзников в настоящее время может прийти к ним только из Крыма. Но я испытываю беспокойство и сомнения в связи с намерениями Врангеля в отношении нерусских народов. У меня просят дать от имени Франции гарантии, которые я не в состоянии обещать, вследствие отсутствия политических директив по этим вопросам»[88], – писал Корбель в том же отчете, пытаясь склонить Париж к поддержке этого предприятия и, возможно, оказать давление на самого Врангеля.

[87] Note sur les Etats du Caucase. Paris, 18. 10. 1920 // Ibidem. Fol. 115.
[88] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 16 au 31 octobre 1920. Tiflis, 1. 11. 1920 // Ibidem. Fol. 149.

§ 7. Параллельные инициативы дипломатической делегации Азербайджана в Париже

Деятельность руководителей азербайджанских повстанцев в Тифлисе в полной мере поддерживалась акциями азербайджанской дипломатической делегации на Парижской мирной конференции, руководимой Топчибаши. Вернувшись в начале мая в Париж с конференции в Сан-Ремо, члены делегации были потрясены противоречивыми сведениями, опубликованными в западной прессе относительно вторжения большевиков в Азербайджан.

3 мая Топчибаши даже обратился к французским властям с просьбой переслать на имя в то время уже свергнутого правительства независимого Азербайджана телеграмму, в которой просил сообщить ему о событиях, происшедших в стране[89].

Вероятно, уже со второй половины мая Топчибаши удалось установить контакт с находящимися в Тифлисе руководителями азербайджанских повстанцев, сообщивших ему как об обстоятельствах вторжения красной армии в Азербайджан, так и о Гянджинском восстании. Получив эти сведения, необходимые для продолжения дипломатической борьбы, азербайджанская делегация вновь активизировалась, пытаясь реагировать на все политические события в Европе, так или иначе касающиеся Кавказа и Азербайджана.

30 июня Топчибаши направил ноту на имя председателя Верховного совета Антанты Клемансо, протестуя против заявлений, сделанных в Лондоне большевистским торговым представителем Л. Красиным. Не добившись успеха в переговорах с Постоянным комитетом Верховного экономического

[89] A. M. Toptchibachy (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan à la conférence de la paix). Note à Son Excellence Monsieur le président du Conseil des ministres et ministre des Affaires étrangères de la République Française. Paris, 3. 5. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 639. Fol. 20-21.

совета Антанты, выказавшего принципиальность в отношении большевистских узурпаторов (особую твердость в связи с этим проявил входивший в состав этой структуры представитель Франции), Красин попытался действовать обходным путем, стремясь разбить солидарность западных государств. С этой целью он пытался вести двусторонние переговоры с премьер-министром Англии Д. Ллойд Джорджем, сторонником восстановления торговых отношений с Кремлем, а также с представителями отдельных английских торговых фирм, предлагая им выгодные контракты. По сведениям просочившимся в английскую прессу, в числе этих предложений наиболее соблазнительной являлась возможность получения концессий на бакинскую нефть, что, со своей стороны, влекло за собой возможность оказания давления соответствующими компаниями на политику Лондона в выгодном для Кремля смысле.

Именно поэтому Топчибаши в упомянутой ноте от имени дипломатической делегации Азербайджана подчеркивал, что Советы не имеют никакого права распоряжаться национальным достоянием Азербайджана, который всего два месяца назад подвергся прямой агрессии со стороны красной Москвы. В документе выражалась уверенность, что восстановление независимости страны является лишь вопросом времени, а сам азербайджанский народ не позволит оккупантам пользоваться его национальным богатством. В связи с этим Топчибаши писал, что «если советская Россия с помощью штыков и сумела свергнуть правительство Азербайджана в Баку, она не сможет сделать то же самое с азербайджанским народом, который, зная цену богатства этой нефти, готов с помощью самых больших жертв защищать свои жизненные, политические и экономические интересы»[90].

[90] A. M. Toptchibachy (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan à la conférence de la paix). Note à Monsieur le président du Conseil suprême de la conférence de la paix. Paris, 30. 6. 1920 // Ibidem. Fol. 135-138.

4 июля Топчибаши обратился с особой нотой к председателю проходящей в г. Спа (Бельгия) мирной конференции британскому премьер-министру Ллойд Джорджу. Хотя на конференции решались в основном проблемы репараций, на ней также рассматривались вопросы границ Польши (линия Керзона), что имело отношение к государствам, возникшим на развалинах бывшей империи Романовых.

Подробно описав обстоятельства, при которых большевикам вероломным образом удалось оккупировать Азербайджан, Топчибаши дал затем превосходный анализ методов имперских манипуляций, осуществляемых Кремлем с целью разжигания противоречий и вражды между народами Кавказа для того, чтобы помешать им выступить единым фронтом против северных захватчиков. Отметив, что одним из первых шагов оккупационных властей Азербайджана было объявление ультиматума Армении с требованием в течение трех дней очистить Карабах, Топчибаши подчеркивал, что расчет Кремля был следующим: «Правительство Армении не примет ультиматума, усилит свою агрессивную деятельность в этой провинции, и находящаяся там азербайджанская армия будет вовлечена в вооруженную борьбу с Арменией, что позволит большевикам пользоваться полной свободой в Азербайджане»[91].

С этой же провокационной целью большевистскими властями Азербайджана был развязан вооруженный конфликт с Грузией. «Это была чудовищная акция, аморальное насилие против воли населения Азербайджана, составляющего более чем 4 миллиона человек, так как он никогда не поднимал и не поднимет руку против грузинского народа, который всегда был его другом и с которым азербайджанцы всегда были связаны братскими чувствами не только сейчас, когда оба народа

[91] A. M. Toptchibachi (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan à la conférence de la paix). Note à Monsieur le président de la conférence de la paix à Spa. Paris, 4. 7. 1920 // Ibidem. Fol. 126.

являются независимыми, но и в черный период русского царизма»[92].

Топчибаши писал, что азербайджанскому народу необходимо избавиться от большевизма. «Он должен сделать это любой ценой, главным образом потому, что воля азербайджанского народа жить независимой жизнью непобедима»[93]. Осознав опасность, которой подвергается нация после большевистской оккупации, население Азербайджана приступило к вооруженному сопротивлению захватчикам. «Во многих местах были сформированы Комитеты спасения Азербайджана, располагающие подразделениями солдат, во главе которых находится генерал Мехмандаров, до недавнего времени военный министр и главнокомандующий азербайджанской армией», – отмечалось в документе[94].

Топчибаши особо подчеркивал, что с целью восстановления независимости страны законные представители Азербайджана придерживаются «сугубо кавказской ориентации», имея под этим определением в виду «независимость и мирную совместную жизнь азербайджанцев, грузин, армян, а также горцев, тесный союз которых является непременным условием благополучия Кавказа.

Независимость, кавказская ориентация, объединение политических и экономических интересов соседних народов – вот проблемы, решение которых способно защитить жизненные интересы не только Азербайджана, но также и других республик Кавказа против всякого рода насилия»[95].

Отметив необходимость признания Азербайджана *де-юре*, в конце ноты Топчибаши сосредоточил главное внимание на помощи, которую державы Антанты могли бы оказать борющимся за восстановление независимости страны руководите-

[92] Ibidem. Fol. 126-127.
[93] Ibidem. Fol. 128.
[94] Ibidem. Fol. 129.
[95] Ibidem. Fol. 129-130.

лям повстанцев. На заседаниях Верховного совета, а также на самой конференции, представители Азербайджана уже заявляли, «что их страна нуждается в военной помощи – снаряжении, обмундировании и т.д.»[96].

С этой целью дипломатическая делегация Азербайджана еще раз обращается с просьбой к председателю конференции поставить на ее рассмотрение как вопрос признания *де-юре* республики, так и оказания ей реальной помощи «для защиты жизненных политических и экономических интересов Азербайджана»[97].

Осенью 1920 г., когда перспектива получения помощи оружием, боеприпасами и снаряжением стала принимать более отчетливые контуры, Топчибаши интенсифицировал свои демарши.

8 октября он отправил ноту на имя Клемансо, председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции, где основное внимание уделил вопросу каспийской нефти и богатейшим природным ресурсам Азербайджана. Председатель дипломатической делегации подчеркивал, что в случае если Париж окажет помощь азербайджанскому повстанческому движению вооружением, боеприпасами и снаряжением, в результате которого возродится политически независимый и экономически богатый Азербайджан, эта страна могла бы играть важную роль в качестве нового рынка для Франции. Французский капитал мог бы быть использован в торговле и нефтяной промышленности Азербайджана, который, со своей стороны, «мог бы гарантировать Франции стабильную поставку такого важного продукта как нефть». Многозначительно намекая на военную помощь, оказанную Парижем Польше в деле отражения большевистского нашествия, Топчибаши писал, что дипломатическая делегация Азербайджана на Парижской мирной конференции, состоящая из председателя и

[96] Ibidem. Fol. 131.
[97] Ibidem. Fol. 132.

членов парламента республики, обладает правом заключать международные договора и брать на себя обязательства от имени Азербайджана[98].

Не удовлетворившись отправкой ноты, Топчибаши попытался воздействовать на правительство Франции посредством личных визитов. 9 октября он обратился с просьбой к Филиппу Бертело, генеральному секретарю французского МИД, предоставить ему аудиенцию для того, чтобы он мог непосредственно изложить свои взгляды на ситуацию, сложившуюся в Азербайджане. Сославшись на крайне загруженный график, Бертело отказался от встречи, поручив это дело одному из своих сотрудников, Ларошу, заместителю директора Департамента политических и экономических дел МИД. Тем самым французы хотели дать понять Топчибаши, что Азербайджан ими был признан лишь *де-факто*, и ему следует быть более уступчивым в вопросе взаимоотношений с Врангелем.

14 октября состоялась и сама встреча, во время которой Топчибаши сообщил своему собеседнику, что подавляющее большинство населения Азербайджана, доведенное до отчаяния большевистским произволом, «желает лишь защитить от них свое имущество и свою независимость. Но оно нуждается в оружии и снаряжении». Председатель азербайджанской дипломатической делегации прямо спросил, «согласно ли французское правительство его предоставить?». Ответ Лароша отражал маккиавелизм дипломатического искусства Франции той эпохи. И прозвучал следующим образом: дипломат полагает, что «может дать уверения в том, что в принципе эта просьба будет принята благосклонно». Сложности, однако, заключаются не только в транспортировке оружия и снаряже-

[98] A. M. Toptchibachy (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan à la conférence de la paix). A Son Excellence Monsieur le président du Conseil des ministres et ministre des Affaires étrangères de la République Française. Paris, 8. 10. 1920 // Ibidem. Fol. 166.

ния, а главным образом в том, чтобы их отыскать. «У нас его просят постоянно со всех сторон, для генерала Врангеля, Грузии, Армении и т.д. К тому же надо быть уверенным, что оно не попадет в руки к большевикам»[99]. Подобный двойственный ответ не оставлял никаких сомнений: взамен за поставку оружия руководителям азербайджанского сопротивления следует согласиться на оперативное подчинение Врангелю.

Топчибаши все стало ясно, и он перевел беседу на другую тему. Он сказал, что было бы желательно, если бы Франция признала *де-факто* и Дагестан, с повстанцами которого азербайджанцы находятся в самом тесном союзе. «Эта горная страна, полностью антибольшевистская, является единственным барьером, способным защитить страны Закавказья от вторжения советско-русских банд».

Французский дипломат ответил, что это сопряжено с трудностями, так как великие державы испытывают некоторые колебания относительно признания бывших частей Российской империи. В завершение беседы Топчибаши обратился с просьбой послать на Кавказ специальную французскую военную миссию, состоящую из французских военных мусульманского вероисповедания. Отправка подобной миссии, члены которой должны были исполнять роль неофициальных советников при подготовке восстания в Азербайджане, могла бы оказать большое влияние на представителей азербайджанского населения. Для того чтобы еще больше заинтересовать французов в данной операции, Топчибаши обещал предоставить Франции преимущественную долю в нефтяных предприятиях Азербайджана, так же, как и в покупке и транспортировке ею самой нефти.

Топчибаши высказал желание встретиться также с Бертело и самим Клемансо. Со своей стороны, Ларош полагал, что, по-

[99] Visite de Monsieur Toptchibacheff. 14. 10. 1920 // Ibidem. Fol. 169.

скольку Топчибаши доказал свое доброе отношение к Франции, согласиться на его просьбу было бы целесообразно[100].

27 октября Топчибаши вновь нанес визит в МИД Франции. В тот момент восстание в Дагестане, а также повстанческое движение в самом Азербайджане развивались успешно, и это давало надежду, что Париж, в конце концов, предпримет конкретные действия по поставке оружия, боеприпасов и снаряжения нуждающимся в них повстанцам. Сообщив, что Гянджинский уезд по сути дела находится под контролем восставших, став базой для движения сопротивления, Топчибаши заявил, что в случае поддержки восставших оружием, можно было бы освободить Баку за три месяца[101].

§ 8. Разгром Врангеля и изменения в планах Парижа

Следует отметить, что французское правительство пыталось делать ставку на Врангеля и фактически подчинить ему антибольшевистские движения нерусских народов вплоть до самого разгрома русской белой армии в середине ноября 1920 г.

Об этом, в частности, свидетельствуют и инструкции, данные правительством Франции новому французскому верховному комиссару на Кавказе Абелю Шевалье, сменившему на этом посту де Мартеля в октябре 1920 г. (сам Мартель был переведен в Крым на должность верховного комиссара Франции при правительстве генерала Врангеля).

В инструкциях, данных 4 ноября Шевалье от имени председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции Аристида Бриана, в связи с Азербайджаном говорилось буквально следующее: «Вам известно, что правительство независимого Азербайджана было изгнано из Баку большевиками, и страна оказалась под господством московских Сове-

[100] Ibidem.
[101] Note pour le secrétaire général. 27. 10. 1920 // Ibidem. Fol. 171.

тов, но она находится в процессе освобождения. Попытки, которые в действительности могут быть предприняты с целью установления там регулярной власти, в соответствии с желаниями населения, могут быть лишь благожелательно рассматриваемы французским правительством, но оно не может непосредственно вмешаться с целью им в этом способствовать. Вам надлежит определить меры и технические средства моральной поддержки, которые мы можем предоставить преимущественно мусульманской Азербайджанской Республике»[102].

Очевидно, что Франция поддерживала изгнание большевиков из Азербайджана, но хотела сделать это «третьими руками», не вмешиваясь в конфликт непосредственно.

Ситуация изменилась в середине ноября вследствие двух обстоятельств, оказавших значительное влияние как на ситуацию на самом Кавказе, так и на политику держав Антанты в отношении этого региона.

После прорыва красными укреплений белых на Перекопе 13-16 ноября врангелевская армия эвакуировалась из Крыма, что поставило точку на проектах Парижа объединить вокруг Врангеля руководителей антибольшевистских повстанческих движений Кавказа[103].

---

[102] A. Briand (le président du Conseil, ministre des Affaires étrangères). A Monsieur A. Chevalley, ministre plénipotentiaire, commissaire de la République française au Caucase. Instructions. 4. 11. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier 631. Fol. 178-179.

[103] Так как предложение об оказании Врангелем помощи оружием и финансами кавказским повстанцам, как отмечалось, было направлено из Тифлиса в Севастополь генералом Пиковским лишь 22 октября, а уже 13 ноября перекопские позиции белых были прорваны красной армией, следует полагать, что упомянутая помощь так и не была направлена из Крыма на Кавказ.

В сообщениях большевистской разведки в Грузии указывается на то, что «в Батум из Севастополя прибыл на французском миноносце ген. Пиковский, назначенный неофициальным представителем генерала Врангеля в Грузии», который, якобы, привез с собой «до 10 млн. руб. (донскими)

Разгром турецкими кемалистами армянской армии и захват ими Карса 30 октября со своей стороны показал иллюзорность возможности навязать туркам Севрский договор силами одних лишь армян, без широкомасштабного вмешательства союзников, к чему последние в то время были абсолютно не готовы.

Поставленные таким образом перед новыми реалиями, представители Франции на Кавказе, а также руководители местных повстанцев внесли в свою стратегию и тактику соответствующие изменения. Отныне основной акцент был сделан на возможность достижения договора с кемалистами с целью их отрыва от союза с большевиками. С объективной точки зрения эта политика имела шансы на успех в случае отказа союзников от условий Севрского договора.

Эти мысли легли в основу отчета о военном положении, подготовленного Корбелем 15 ноября. «Поражение Врангеля означает конец всех надежд на всеобщее восстание на Северном Кавказе. В последние дни все еще сообщалось о восстаниях в районе Минеральных Вод и Владикавказа, Грозного и Дагестана, однако никакие точные сведения относительно этого до сих пор не были подтверждены. Предоставленные сами себе, они обречены на неудачу.

Горцы и казаки могли ожидать помощи лишь из Крыма. Я способствовал отъезду представителей повстанческих организаций для того, чтобы они договорились с Врангелем относительно предоставления оружия и снаряжения для повстанческого движения. Отряды, которые все еще сопротивляются, ощущая себя полностью лишенными ожидаемой помощи, ос-

---

для поддержки восстания на Северном Кавказе». См.: *Доного Х. М.* Нажмуддин Гоцинский. С. 303-304.

Если эти сведения и соответствуют действительности, более чем вероятно, что они относятся к сентябрю (времени первого приезда Пиковского в Тифлис), а не к октябрю 1920 г.

тавят борьбу, и либо подчинятся, либо обратят надежды в сторону турок.

Тем не менее, еще можно представить себе всеобщее движение мусульман Кавказа против большевиков с помощью кемалистов»[104].

«Восстания на Тереке и в Дагестане продолжаются. Но с падением Врангеля эти движения обречены на угасание, если только они не найдут новую точку опоры со стороны кемалистов в случае, если они порвут с большевиками», – подчеркивает Корбель и в отчете о политической ситуации на Кавказе от 16 ноября[105].

§ 9. Новая ориентация: ставка на возможный альянс с кемалистами

Внешнеполитические приоритеты Франции на Ближнем Востоке в определенной степени также способствовали проведению подобной политики. В отличие от Великобритании, стремящейся к расчленению Турции в соответствии с условиями Севрского договора, Франция, напротив, стремилась прийти с Анкарой к определенному компромиссу с целью оторвать ее от альянса с большевиками (хотя Севрский договор имел своих приверженцев и в Париже). Но еще до подписания Севрского договора французские представители зондировали возможность достижения компромисса с кемалистами. Первая попытка имела место в декабре 1919 г., когда Франсуа Жорж-Пико, французский верховный комиссар в Сирии и Киликии, посетил г. Сивас, где в то время находился Представительный комитет во главе с Кемалем. Прибыв в Кайсери 6 де-

[104] Mission militaire française au Caucase. Rapport militaire au 15 novembre 1920. Tiflis, 16. 11. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier 631. Fol. 232.

[105] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 1 au 15 novembre 1920, Tiflis, 16. 11. 1920 // Ibidem. Fol. 240.

кабря, Жорж-Пико заявил представителю кемалистов, что во Франции скоро произойдет смена кабинета, в результате которой премьер-министром станет Бриан. «Как политика Бриана, так и политика французской нации заключается в том, чтобы на Среднем Востоке, в той части, где имеется турецкое большинство, возникло бы сильное и независимое турецкое государство», – заявил при этом Жорж-Пико[106].

Так как эта точка зрения, в целом, соответствовала Национальному пакту кемалистов, достижение согласия казалось возможным. 3 декабря 1920 г., Жорж Лейг, премьер-министр и министр иностранных дел Франции, а также Бертело, генеральный секретарь МИД, заявили о необходимости возвращения Измира Турции. Несколько дней спустя Лейг, вновь вернувшись к этому вопросу, подчеркнул необходимость достижения компромисса с Анкарой, чтобы тем самым воспрепятствовать большевистской политике на Кавказе и в Центральной Азии[107].

Проблема заключалась в том, что в то время сама Франция в европейских делах сильно зависела от Англии, и, следовательно, не могла не считаться с интересами Лондона в ближневосточных вопросах.

Таким образом, после поражения Врангеля сложившийся международный контекст давал французским представителям на Кавказе превосходную возможность выступать перед Парижем с соответствующими инициативами в пользу достижения компромисса с Анкарой.

События, имеющие место в самом оккупированном большевиками Азербайджане, казалось бы, подтверждали надежду Корбеля на возможный разрыв Советов с кемалистами. По данным, полученным французской разведкой от французских

---

[106] *Саакян Р. Г.* Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918-1923 гг. Ереван. 1986. С. 52.

[107] *Sonyel S. R.* Mustafa Kemal and the Turkish National Movement // Studies in 20th Century History. Vol. 3. London. 1975. P. 87.

граждан, возвратившихся из Баку, 15 октября там был раскрыт мусаватистский заговор против большевиков, поддержанный турками. «Было арестовано большое число турецких и азербайджанских офицеров, а также чиновников турецкого консульства»[108]. Те же источники сообщали, что мобилизация, проведенная красными среди мусульманского населения страны, не дала никаких результатов. «Положение большевиков в Баку нестабильно вследствие отношений между большевиками и мусульманами. Татары[109] Баку желают прибытия кемалистов, что позволило бы им выбросить с их территории все русские элементы, и в особенности большевиков», – сообщал в Париж 6 ноября представитель французской военно-морской разведки в Батуми лейтенант Дюком[110].

Масла в огонь подлили и заявления представителей оккупационных властей в Баку. Так, в начале декабря Нариманом Нариманов, председателем азербайджанского ревкома и СНК, была торжественно зачитана правительственная декларация в связи с советизацией Армении, в которой сообщалось, что «отныне Зангезур и Нахичевань являются неотъемлемой частью советской Армении. Армянам Нагорного Карабаха предоставляется право самоопределиться. Богатства Азербайджана – нефть и керосин являются достоянием обеих республик»[111].

---

[108] Mission militaire française au Caucase. Rapport militaire au 15 novembre 1920. Tiflis, 16. 11. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier 631. Fol. 232.

[109] Имеются в виду азербайджанцы.

[110] Lieutenant de Vaisseau Ducom (chef du Bureau Naval à Batoum). A Monsieur le ministre de la Marine, Etat-Major général, 2e Bureau. Batoum, 5. 10. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z (Europe). Dossier n° 632 Russie (Caucase). Fol. 9.

[111] Запись разговора по прямому проводу А. М. Назаретяна и Г. К. Орджоникидзе. [Не ранее 30. 10. 1920.] // Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. С. 168.

По мнению Корбеля, конфликт между большевиками и кемалистами наступит раньше, чем можно было предположить, вследствие попыток большевиков выступить посредниками между турками и побежденными ими армянами. Хотя военные действия кемалистов и загнали армян под полную зависимость от большевиков, продвижение турок на Кавказе «создает серьезную опасность для большевиков в Азербайджане. Их ситуация там становится критической вследствие возбуждения, вызванного в Азербайджане самим фактом приближения турок, так же, как и растущим восстанием на Северном Кавказе, главными образом, среди мусульман»[112]. Доверие между турками и большевиками исчезло и можно считать, что большевики не пойдут в Анатолию воевать на стороне кемалистов против Антанты.

Значительная часть населения Азербайджана надеялась, что турки, не остановившись под Александрополем, продолжат движение вперед, освободив страну от большевиков по примеру событий 1918 г. Французской военной миссией на Кавказе было зафиксировано присутствие в составе штурмовой группы, взявшей Карс, бывшего командира кавказской исламской армии генерала Нури-паши и «многочисленных азербайджанских офицеров»[113]. Именно в это время происходит массовый процесс перехода азербайджанских повстанцев из Азербайджана в Турцию. Надеясь на разрыв кемалистов с

[112] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 1 au 15 novembre 1920. Tiflis, 16. 11. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 631. Fol. 234. Небезынтересно отметить, что 2 декабря Г. Орджоникидзе получил телеграмму от полпреда РСФСР в Армении Б. Леграна, который, не исключая возможности вооруженного столкновения с кемалистами, сообщал, что «на случай враждебных действий турок, необходимо иметь поближе достаточные военные силы, принято ли это во внимание […]». См.: Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. С. 170.

[113] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 1 au 15 novembre 1920. Tiflis, 16. 11. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 631. Fol. 235.

большевиками и повторное освобождение турками Азербайджана, многие азербайджанские воинские части, покинув территорию оккупированной республики, почти в полном составе влились в 15-й корпус генерала Кязым Карабекира-паши. По данным французской разведки, в состав 9-й пехотной турецкой дивизии входил Татарский (азербайджанский) кавалерийский полк. Соединения 15-го корпуса насчитывали в своем составе также два батальона азербайджанского джеваншир-ского полка, а также две азербайджанские артиллерийские батареи, одной из которых (конной горной батареей) командовал полковник Новрузов[114].

По понятным причинам большевистские власти проявляли беспокойство по поводу последствий, которые могло иметь приближение турецких войск к границам Азербайджана, а местное население, в особенности в районе Гянджи, было готово восстать. Были произведены многочисленные аресты. По данным Корбеля, «были приняты меры для того, чтобы в случае необходимости оказать сопротивление туркам западнее Баку»[115].

Сравнительный анализ этих данных с советскими источниками в целом подтверждает вышеприведенную информацию. В действительности, 27 ноября Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление, в котором Орджоникидзе предписывалось отказаться от своей агрессивной политики в отношении Армении, Грузии и Персии и оставаться в Баку, приняв на

[114] Le lieutenant de Vaisseau Ducon, chef de la mission navale à Batoum. A Monsieur le ministre de la Marine, Etat-Major Général, 2e Bureau. Informations militaires diverses. Batoum, 6. 1. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 632. Fol. 167. О наличии в составе 15-го турецкого корпуса азербайджанского полка см. также: *Hovannisian R. G*. The Republic of Armenia. Vol. IV. Between Crescent and Sickle: Partition and Sovietization. Berkley, Los Angeles, London. 1996. P. 192.

[115] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 1 au 15 novembre 1920. Tiflis, 16. 11. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 631. Fol. 240.

себя политическое руководство Азревкомом. «Главной задачей признать охрану Азербайджана и прочное обладание всем Каспийским морем», – говорилось в постановлении[116].

Перспективность ставки на возможный союз с кемалистами подтверждалась и другими источниками. Так, по свидетельству одного из французских граждан, бежавшего из Баку 15 августа через Дагестан и достигшего Тифлиса 25 сентября, «все горцы-мусульмане, лезгины и аварцы мечтают лишь о союзе с Турцией. Нет ни одного дома или хижины, где бы на почетном месте не был выставлен портрет султана. Население сохранило самые плохие воспоминания о режиме Деникина»[117].

Положение в Дагестане, где к декабрю 1920 г. восстание достигло своего апогея, охватив все горные районы страны, также располагало французов к определенному оптимизму. 25 декабря французский консул в Тифлисе сообщил в Париж, что «восстание в Дагестане приняло большие масштабы. Сторонники Шамиля уничтожили несколько красных батальонов и хотят основать Горскую Республику без всякой связи с турками»[118]. С помощью Гоцинского Шамилю удалось склонить на свою сторону наиболее влиятельных представителей мусульманского духовенства Дагестана, Чечни и Ингушетии, оказавших ему всемерную поддержку[119].

В результате этого повстанцы Восточного Северного Кавказа объединились (по данным французской разведки, в числе восставших находились даже осетины-мусульмане), что по-

---

[116] Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. С. 167.

[117] Visite de M. Meunier, Français évadé de Bakou. Paris, 6. 11. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 631. Fol. 203.

[118] Defrance à MAE. Constantinople, 25. 12. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 632. Fol. 92.

[119] Politique de Chamil à Daghestan. Russie (Daghestan). Compte-rendu de renseignements spéciaux n° 58. 3. 1. 1921 // SHAT. 7 N 3120. EMA/2 URSS. Dossier 2. Compte-rendues de renseignement généraux et spéciaux Caucase et Russie du Sud (1920-1924).

зволило им выступить против оккупантов единым фронтом[120]. Приток новых бойцов срочно требовал соответствующего их вооружения и снаряжения.

Следует отметить, что после разгрома красных в Араканском ущелье и взятия Ботлиха, большевистское командование было вынуждено сосредоточиться лишь на удержании Хунзаха и Гуниба, которые на второй неделе декабря были полностью изолированы повстанцами от каких-либо связей с внешним миром. Взяв под свой контроль ряд важных пунктов, восставшие к 10 декабря захватили аулы Аймаки и Леваши, выбив из них отряды большевиков, потерявших при этом 150 человек. Хотя Леваши был вскоре отбит красными, обладание Аймаки открывало повстанцам путь на Темир-Хан-Шуру, что давало возможность выхода с гор и перенесения боевых действий в приморский Дагестан. Дальнейшее продвижение дагестанцев было остановлено большевиками с помощью применения бронемашин и артиллерии. Попытка красных выбить повстанцев с занимаемых ими позиций потерпела поражение, так как броневые машины, двигающиеся по дороге через ущелье, подвергались ураганному огню горцев с горных вершин. Потеряв 160 офицеров и рядовых, русские были отброшены на исходные позиции. И все же, несмотря на ожесточенные трехдневные бои, не обладавшим тяжелой артиллерией и бронетехникой повстанцам так и не удалось выбить большевиков из Леваши[121]. Стало ясно, что лишь получение военной помощи, обещанной Корбелем, сделает возможным продвижение вперед и занятие прибрежных районов Дагестана.

Еще в конце ноября Шамиль прислал к начальнику французской военной миссии на Кавказе своего посланца с просьбой ускорить доставку обещанного вооружения и снаряжения.

---

[120] Russie. Compte-rendu de renseignements généraux n° 44. 17. 12. 1920 // Ibidem.

[121] *Allen W. E. D., Muratoff P.* Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921. P. 520-521.

До сих пор Шамиль получил лишь минимальную помощь от Грузии, которая сама остро нуждалась в вооружении и боеприпасах[122]. Эмиссар Шамиля сообщил Корбелю, что «красные мобилизовали крестьян, проживающих в оккупированной ими равнине, заставляя их под угрозой репрессий и под началом коммунистов воевать против своих братьев»[123].

Наряду с этим, Шамиль прислал Корбелю письмо, хорошо демонстрирующее ситуацию, сложившуюся к этому времени в Дагестане: «Народы Кавказа, храбро воевавшие в течение долгих лет за свою свободу, в настоящее время так же готовы встать все, как один, на защиту своей независимости. Народы Дагестана и Чечни будучи уверены в том, что найдут у великой Французской Республики помощь для укрепления дорогой для них свободы, вновь взялись за оружие своих предков и готовы до последней капли крови защищать свои очаги и свободу. Все обещания большевиков дать полную автономию народам Дагестана и помочь им выделением нескольких миллионов рублей и оружия взамен на покорность оказались ложными. В настоящее время сыновья Дагестана глубоко верят, что великая Французская Республика протянет им руку помощи. Война, начатая в южных районах Дагестана, получила отклик в северных районах. Несмотря на все техническое совершенство вооружения большевиков, дагестанцы защищают свое отечество собственной грудью. На полях сражений

[122] Это не помешало, однако, Орджоникидзе послать 12 декабря на имя Ленина и Сталина новую телеграмму, в которой сообщалось: «Грузия с помощью Антанты, несомненно, задалась целью спровоцировать горцев на восстание: бросают в горы золото, мануфактуру, воинские части, большое количество горских и грузинских офицеров, благодаря которым положение в Дагестане до некоторой степени осложнилось. Грузины группируют свои силы в районе Лагодеха, откуда питается и контрреволюция в Дагестане и делается все возможное для поднятия восстания в Закавказском округе». Телеграмма Г. К. Орджоникидзе В. И. Ленину, И. В. Сталину. 12.12. 1920 // Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. С. 173.

[123] Mission militaire française au Caucase. Rapport militaire. Tiflis, 1. 12. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 632. Fol. 3 C.

дети гор с кинжалом в руках бросаются против пушек и пулеметов. Неприступные горы, скрывающие в своих недрах несметные богатства, залиты кровью сынов Дагестана, верящих, что великие державы не останутся безучастными перед лицом этих событий. Если бы только с вашей стороны была оказана помощь оружием, сто тысяч всадников, готовых действовать в соответствии с планом великих держав, как один человек выступили бы против большевиков, воздвигнув против них крепкую стену. В противном случае, защита интересов Дагестана потерпит полную неудачу.

Сообщая об этом, я прошу вас обратиться к вашему высокому правительству, проинформировав его обо всем вышесказанном. По моем прибытии в Дагестан я нашел народ Дагестана в состоянии печали и подавленности, так как он полагал, что Антанте совершенно безразличны происходящие в Дагестане события. С этого лета мною были предприняты всевозможные усилия. Я собрал представителей, объяснив им общую ситуацию. Тем не менее, так как я не получил помощь вовремя, мое положение стало критическим, поставив меня в чрезвычайно стеснительное положение. Сообщая вам обо всем этом, я ожидаю от вас реальной и эффективной помощи в самое короткое время, так как нам дорога каждая минута, стоящая сотни жизней»[124].

По мнению Корбеля, приложившего к этому письму собственные рекомендации, после поражения Врангеля в Крыму единственной силой, способной оказать эффективную помощь народам Кавказа, являлись кемалисты в случае разрыва их альянса с большевиками. Так как строгий нейтралитет, навязанный Грузии договором с большевиками от 7 мая 1920 г., лишает ее возможности оказать эффективную помощь горцам и азербайджанцам, народы Северного и Южного Кавказа «в

[124] Annexe n°1 au rapport militaire au 1 décembre 1920 // Ibidem. Fol. 3 E.

настоящее время обращают свой взор к Анатолии, откуда к ним только и может прийти спасение»[125].

Положение большевиков не являлось прочным и в Азербайджане, где «недовольство татар[126] в отношении Советов становилось все более активным. Большевистская дивизия, атакованная в Карабахе, понесла тяжелые потери»[127].

Касаясь ситуации, сложившейся в самом Баку, Шевалье писал, что по данным «серьезных агентов» и французов, вернувшихся из Азербайджана в Тифлис, «за шесть месяцев большевикам удалось опустошить, разрушить и почти уничтожить один из некогда наиболее цветущих городов Востока». Вначале был уничтожен транспорт. Для того чтобы проехать с грузинской границы в Баку в поезде без окон и дверей, требуется четыре дня. Деревни опустошены. В Баку более не существует торговли. Все товары вывозятся в Россию. Производство нефти упало до 14 миллиона пудов в месяц. «Еще несколько месяцев господства большевиков, и Азербайджан превратится в пустыню. Восстание, готовое разразиться на западе страны, подавлено после падения Армении, и возродится лишь в том случае, если этому будут способствовать турки», – завершал Шевалье свой отчет[128].

По данным французской военной миссии, в середине декабря в Баку и сельских местностях Азербайджана имели место массовые реквизиции. Баку даже остался без электричества. Были массовым образом изъяты хлеб, рис и скот. «Татарское[129] население волнуется, но, будучи терроризованным, оно удовлетворяется в большинстве случаев лишь тем, что

---

[125] Mission militaire française au Caucase. Rapport militaire. 1. 12. 1920 // Ibidem. Fol. 3 C.

[126] Имеются в виду азербайджанцы.

[127] Defrance à MAE. Constantinople, 25. 12. 1920 // Ibidem. Fol. 92.

[128] A. Chevalley (Haut commissaire de la république au Caucase). A Monsieur le président du Conseil, ministre des Affaires étrangères. En Azerbaïdjan. Tiflis, 17. 12. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 639. Fol. 188.

[129] Имеется в виду азербайджанское.

высказывает туркам свое удивление, что видит их остающимися в альянсе с большевиками, угнетателями мусульман». Несмотря на то, что в Баку, Гяндже и Кубе большевистская власть держалась с помощью штыков красных гарнизонов, во второй половине декабря реквизиции, проводимые в Ленкоране, привели к новому крупному восстанию под командованием турецкого офицера[130]. Количество восставших, к которым присоединились также бывшие солдаты азербайджанской армии, доходило до 12 000 человек. Помощь восставшим оказали шахсевены, этнографическая группа азербайджанского происхождения, обитавшая на северо-западе Ирана. По этому поводу Советы, якобы, заявили протест официальному Тегерану[131].

§ 10. Оружие, боеприпасы и снаряжение для азербайджанских повстанцев. Изменение позиции Парижа

События в Дагестане и на Северном Кавказе в целом позволили Шевалье и Корбелю вновь выступить с инициативой об оказании помощи восставшим Францией при посредничестве Грузии. Когда после разгрома Врангеля большевиками вопрос восстановления Российской империи в ее белой ипостаси был окончательно снят с повестки дня, у французских представителей на Кавказе возникла возможность проявить больше настойчивости и инициативы в этом отношении. Дополнительным аргументом служило и то, что начатое в сентябре восстание в Дагестане успешно развивалось до конца 1920 г. безо всякой помощи Врангеля, что свидетельствовало

[130] Mission militaire française au Caucase. Exposé de la situation politique pour la période du 15 au 31 décembre 1920. Tiflis, 1. 1. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 632. Fol. 111.

[131] Mission militaire française au Caucase. Rapport militaire au 1er janvier 1921. Tiflis, 6. 1. 1921 // Ibidem. Fol. 148 ; Turquie. Renseignements généraux n° 26. 29. 11. 1920 // SHAT. 7 N 3120. EMA/2 URSS. Dossier 2. Compte-rendues de renseignements généraux et spéciaux. Caucase et Russie du Sud (1920-1924).

о наличии у восставших солидной социально-общественной базы.

Дополнительным стимулом для подобных инициатив являлась и ничем не прикрытая агрессивная политика Кавбюро, возглавляемого Г. Орджоникидзе. Стремясь выбить из Кремля разрешение на вторжение в Грузию, он приказал, чтобы уже к 10 декабря на грузинской границе была сконцентрирована группировка 11-й армии, ожидавшая лишь сигнала для начала боевых действий[132].

23 декабря Шевалье отправил в МИД телеграмму следующего содержания: «Начиная с сентября в восточных горах Северного Кавказа развивается серьезное движение под руководством [внука] имама Шамиля, которое продолжается, несмотря на поражение Врангеля. Оно уже стоило большевикам 4 000 человек, 100 пулеметов и 6 пушек. Повстанцы просят у французской военной миссии финансовую помощь для того, чтобы достичь к весне бакинской железной дороги и захватить мосты между Петровском и Дербентом. Если им это удастся, положение на Кавказе и в Персии однозначно изменится в нашу пользу. Полковник Корбель часто указывал на этот вопрос. Было бы желательным, в согласии с Англией, предоставить им субсидии посредством нашей военной миссии на Кавказе»[133].

Первоначально Париж продолжал выступать против своего прямого вмешательства в пользу повстанцев Кавказа. Так, 7 января 1921 г., МИД направил Шевалье телеграмму, в которой сообщал, что политика правительства Франции заключается в том, чтобы защищать лишь те государства, которые подвергнутся атаке большевиков (имея в виду Грузию и Армению).

---

[132] Телеграмма Г. К. Орджоникидзе И. В. Сталину. 9.12. 1920 // Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. С. 172-173.

[133] Chevalley à MAE. Tiflis, 23. 12. 1920 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 632. Fol. 117.

Следовательно, в его намерения не входит «оказать помощь горцам Северного Кавказа»[134].

14 января Корбель отправил во французское военное министерство свой очередной отчет о военной ситуации на Кавказе, где отмечал, что восстание в Ленкоране еще больше разрослось. Город захвачен повстанцами, а части 1-й и 12-й красных кавалерийских дивизий понесли тяжелые потери в столкновениях с восставшими. В Дагестане местные повстанцы, подержанные горцами Чечни, достигли новых успехов. (В связи с этим Корбель ошибочно сообщал, что 26 декабря восставшими была взята Темир-Хан-Шура, столица Дагестана, которая впоследствии была ими же эвакуирована)[135]. «Ведомые Шамилем и полковниками Пираловым, Алихановым и Джафаровым, повстанцы наносят большие потери большевикам. […]

Как я вам уже сообщал, мы могли бы с пользой снабдить эти движения средствами, в которых они испытывают недостаток (главным образом, боеприпасы и деньги), но эти поставки могут быть осуществлены лишь при тайном посредничестве Грузии. Таким образом, следует начать щедро снабжать эту последнюю военными материалами так, чтобы позволить ей выделять из имеющихся у нее запасов необходимое количество оружия для повстанческих движений у ее соседей (Азербайджана, Северного Кавказа, возможно, и для Армении), а также удовлетворять нужды собственной обороны.

---

[134] Le ministre des Affaires étrangères à Haut commissaire français à Tiflis. Insurrection des Montagnards du Nord du Caucase. Paris, 7. 1. 1921 // Ibidem. Fol. 157.

[135] 16 января Шевалье отправил в МИД Франции телеграмму: «Шамиль уехал один и слишком рано. Газеты сообщают, что он чуть было не взял Темир-Хан-Шуру, столицу Дагестана, но затем был отброшен. Его успехи не менее реальны. Он неуловим в своих горах. Я поддерживаю мое предложение от 23 декабря, совершенно не советуя вам использовать бывших солдат Врангеля». Chevalley à MAE. Tiflis, 16. 1. 1921 // Ibidem. Fol. 199.

Я по-прежнему никоим образом не верю в успех отдельных восстаний, как те, которые имеют в настоящее время место в Дагестане. Операции подобного рода могут быть успешными лишь в том случае, если они распространятся на все Закавказье и на Северный Кавказ, объединенные против общего врага. Не исключая эту возможность, я считаю, что если в намерение французского правительства входит эффективная поддержка государств Кавказа против большевиков, необходимо сконцентрировать в Грузии материальные средства, необходимые для поддержки их общей акции»[136].

На сей раз рекомендации Корбеля были услышаны в Париже, так как в это время в столице Франции произошли значительные изменения. 16 января 1921 г., в результате смены кабинета министров, премьер-министром был назначен социалист Бриан, в целом, позитивно настроенный к народам Кавказа. Не будучи отягощенным, подобно его предшественнику Клемансо, наследием груза помощи русскому белому движению, Бриан сосредоточился на создании вокруг советской России простирающегося от Балтики до каспийских берегов санитарного кордона, состоящего из стран, ранее либо входивших в состав, либо находящихся под влиянием империи Романовых. В речи, произнесенной 20 января в парламенте Франции, Бриан, намекая на вторжение большевистских армий в Польшу, представил свое видение воздвигнутого против красной России санитарного кордона: «Большевизм является русским делом до тех пор, пока он остается ограниченным в своих пределах, и нам не следует вмешиваться во внутренние дела России. Тем не менее, мы не можем допустить, чтобы советские армии вышли из своей территории с целью атаковать наших союзников»[137].

---

[136] Mission militaire française au Caucase. Rapport militaire au 15 janvier 1921. Tiflis, 14. 1. 1921 // Ibidem. Fol. 193-194.

[137] *Suarez G.* Briand. Sa vie – son œuvre avec son journal et de nombreux documents inédits. Paris. 1941. Vol. V. L'Artisan de la Paix 1918-1923. P. 110.

Следует отметить, что Бриан выступал за сохранение независимости не только Грузии, но и за восстановление независимости всех республик Кавказа.

Именно по инициативе Бриана 27 февраля 1921 г. Грузия была признана *де-юре* Верховным советом Антанты.

Хотя к началу 1921 г. антибольшевистское восстание в Дагестане в целом минуло свой пик, положение в Азербайджане и в Дагестане во второй половине января продолжало внушать Корбелю оптимизм.

В отчете о военной ситуации на Кавказе от 31 января Корбель сообщал в военное министерство и МИД, что большевики были вынуждены перебросить из Евлаха военные подкрепления в район Агдама, где азербайджанские повстанцы нанесли крупные потери красным частям. На побережье Каспийского моря, шехсеваны и азербайджанцы являлись хозяевами наибольшей части Ленкоранского уезда. Это движение было ликвидировано войсками, прибывшими из Баку. Командир 11-й армии опасается вторжения до апреля в Джебраильский уезд (на юго-западе Азербайджана) значительной массы курдов. Для того чтобы воспрепятствовать этому, необходимо занять переходы на Араксе и требовать посылки подкреплений в этот район.

На востоке Азербайджана местные повстанцы с левобережья Куры атаковали 7 января станцию Тауз, между Елисаветполем и грузинской границей, перерезав железную дорогу. Они вынуждены были отступить перед прибывшими бронепоездами и большевистскими подкреплениями. Тем не менее, можно ожидать новых набегов с их стороны.

В Закаталах, по данным грузинского Генерального штаба, все готово для начала восстания по первому сигналу.

«До сих пор я не получил свежих сведений от Шамиля, руководящего движением в Дагестане, – писал Корбель. – Согласно непрямой, но серьезной информации, он развил свои действия и в последний раз взял в плен 1 200 военнопленных башкир, которые, как мусульмане, возможно, добровольно

перешли на его сторону. Чеченцы из района Грозного поддерживают Шамиля»[138].

Впрочем, изменение политики Франции в пользу независимости государств Кавказа было видно уже с начала января 1921 г.

13 января Бертело, генеральный секретарь французского МИД, составил специальную записку, посвященную возможности оказания Грузии военной помощи, посланную затем Шевалье и представителям соответствующих структур французского внешнеполитического ведомства. В ней сообщалось, что правительство Франции в принципе могло бы по бартеру передать Грузии оружие бывшей армии Врангеля. В случае если правительство Грузии желает получить от Франции абсолютно новое оружие из арсеналов французской армии, за него необходимо требовать немедленной оплаты. В крайнем случае, можно предвидеть передачу оружия безвозмездно, но, поскольку это потребует утверждения кредита в парламенте, следует сократить количество требуемого оружия до минимума. Касаясь посылки вооружения дагестанским и в перспективе азербайджанским повстанцам, Бертело сообщал, что необходимое для них оружие не может быть им передано непосредственно Францией. «Необходимо учитывать его в рамках нужд Грузии, которой оно и будет передано». Шевалье следовало окончательно уточнить размеры помощи, требуемой Грузией и, следовательно, другим кавказским повстанцам, дав по этому поводу свое окончательное заключение[139].

В ответ на это 4 февраля Шевалье направил на имя Бриана свою специальную записку, многозначительно озаглавленную: «Возможно ли освобождение Кавказа?». Ссылаясь на во-

---

[138] Mission militaire française au Caucase. Rapport militaire au 31 janvier 1921. Tiflis, 2. 2. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 632. Fol. 225-226.

[139] Ph. Berthelot à commissaire français à Tiflis et à l'ambassadeur à Londres. Assistance à la Géorgie. Paris, 13. 1. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 649 Russie (Géorgie). Fol. 101-103.

енный отчет Корбеля от 31 января, Шевалье пытался объяснить главе французского правительства, с помощью каких средств, по его мнению, можно было освободить Кавказ от большевиков. Прежде всего, он указывал на ошибочность политики правительства Клемансо, вплоть до самого последнего момента пытавшегося делать ставку на белое движение и, соответственно, подчинить повстанческие силы на Кавказе Врангелю. Но Врангель и его армия всегда рассматривались на Кавказе как наследники Деникина и закамуфлированные сторонники восстановления Российской империи. В случае их использования правительство Франции рисковало поссориться с кавказцами, для которых неприемлемы ни белый, ни красный империализм.

Общее и одновременное восстание на Кавказе возможно лишь в том случае, если: 1) Этому будут способствовать кемалисты, обладающие исключительным влиянием на кавказских мусульман. 2) Грузия будет настолько сильной, что окажется в состоянии не только «питать» повстанцев оружием, боеприпасами и снаряжением, но и, в случае необходимости, отразить атаку большевиков, если восстания закончатся неудачей.

По словам верховного комиссара Франции, «Грузия, как нам кажется, является осью нашей политики на Кавказе. Это единственное государство к югу от Главного Кавказского хребта, с которым мы в состоянии сотрудничать с пользой для нас». По заключению Шевалье, «Азербайджан является жизнеспособным государством лишь в том случае, если связь с Батуми обеспечена через Тифлис, т.е. Грузия сильна и независима»[140]. Касаясь Северного Кавказа, Шевалье писал, что единственное место, где восстание против большевиков мо-

[140] A. Chevalley (Haut commissaire de la république au Caucase). A Monsieur le président du Conseil, ministre des Affaires étrangères. Une libération possible du Caucase ? Tiflis, 4. 2. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 632. Fol. 230.

жет завершиться созданием жизнеспособного правительства, является Дагестан. «Этот горный регион никогда не был подчинен большевиками. Он не может быть вновь завоеван. Он может служить эффективной защитой для Баку с севера, если Баку будет вырван из рук большевиков».

Исходя из сказанного, Шевалье предлагал на 1921-1922 гг. «следующую полезную и выполнимую программу: 1) В любом случае усилить Грузию, предоставить ей оружие, снаряжение и продовольствие в лучшем из возможных случаев для 50 000 человек. 2) Через посредников поддержать движение в Дагестане с помощью оружия и снаряжения, предоставив немного денег повстанцам через английских и французских военных агентов на Кавказе»[141].

Переходя к вопросу Азербайджана, Шевалье отмечал, что в случае, если Франции удастся договориться с кемалистами, которые смогут вызвать восстание в Азербайджане, укрепленная Францией Грузия окажется способной помочь азербайджанцам освободиться от большевиков и взять под контроль Баку. Это было бы выгодно и для англичан, таким образом избавляющихся от давления Кремля на Персию.

В любом случае, для начала следует любой ценой сохранить независимость Грузии как плацдарма для дальнейшего освобождения всего Кавказа[142].

23 января, за четыре дня до признания независимости Грузии Верховным советом Антанты, Шевалье встретился с Жордания, председателем грузинского правительства. В ходе беседы с французским представителем Жордания заявил, что все попытки правительства Грузии урегулировать отношения с большевиками провалились. Советы не только не думают соблюдать договор от 7 мая 1920 г., но, напротив, воспользовались им для того, чтобы подорвать Грузию изнутри. Непомерно многочисленная большевистская дипломатическая

[141] Ibidem. Fol. 232.
[142] Ibidem. Fol. 232-233.

миссия в Тифлисе, учрежденная в силу этого договора в июне того же года, тратит огромные суммы денег на антиправительственную агитацию и организацию заговоров. Наряду с этим, большевики хотят задушить Грузию экономически. Несмотря на заключенный 14 ноября торговый договор с советским Азербайджаном, с декабря в республику не поступает ни капли мазута, а шесть грузинских нефтеналивных поездов, посланных с целью получения мазута в Азербайджан, были большевиками арестованы. Их освобождение и возобновление поставок мазута Москва увязывает с освобождением арестованных грузинским правительством большевистских агитаторов, что было бы равнозначно согласию на постепенную большевизацию страны. В условиях тяжелейшей экономической блокады будет невозможно противостоять деятельности упомянутых агитаторов по разложению Грузии изнутри.

Исходя из создавшейся ситуации и находясь в безвыходном положении, правительство Грузии вынуждено пойти на риск войны с советской Россией[143].

По словам Корбеля, Жордания «был убежден, что Кавказ восстанет против большевиков в Дагестане, Азербайджане и даже в Армении как только будет объявлено о конфликте Грузии и Советов. Восстание в Дагестане уже сильно прогрессировало. К весне повстанцы должны перерезать единственную железную дорогу, связывающую Россию с Кавказом, между Петровском и Дербентом. […] Восстание в Ленкорани также скует силы Советов»[144]. Не исключено, что в вооруженный конфликт с большевиками вступит и дислоцированная под Эрзерумом турецкая армия генерала Карабекира-паши.

---

[143] A. Chevalley (Haut commissaire de la République au Caucase). A Monsieur le président du Conseil, ministre des Affaires étrangères. Déclarations du président de la République Géorgienne. Réponse et conclusion. Tiflis, 23. 1. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 649 Russie (Géorgie). Fol. 133-134.

[144] Ibidem. Fol. 134.

Однако для того, чтобы выстоять против большевиков и суметь поднять против них весь Кавказ, Грузии необходимы две армии, каждая в количестве 75 000 человек. В крайнем случае, общее число войск должно доходить хотя бы до 100 000 человек. Обладая в настоящее время армией в 50 000 человек, Грузия обращается к Антанте с просьбой о предоставлении ей оружия, боеприпасов и снаряжения еще на 50 000 человек. Для того чтобы французы были уверены в том, что посланное оружие не попадет в руки врага, как это имело место в случае с армией Деникина, оно может храниться в арсеналах Поти или Кутаиси, вдали от боевых действий[145].

Со своей стороны, Шевалье пообещал Жордания сделать все от него зависящее для того, чтобы просьба грузинского правительства получила положительное решение в Париже. Он, впрочем, предупредил, что даже в случае немедленной отправки оружия, оно, по техническим причинам, может быть доставлено в Грузию не раньше марта. «Я пообещал председателю правительства рекомендовать Вашему Превосходительству побудить французское правительство совершить невозможное, для того чтобы помочь Грузии сформировать и содержать для своей защиты армию, как минимум, в 100 000 человек», – писал в тот же день Шевалье Бриану[146].

Интерес Франции к Кавказу побудил руководителей горцев и Азербайджана еще больше сплотиться вокруг Грузии, единственного сохраняющего независимость плацдарма на Кавказе, откуда к ним могла прийти помощь. Усиливали эту тенденцию и слухи о скором признании *де-юре* Грузии Верховным советом Антанты[147].

---

[145] Ibidem. Fol. 134-135.
[146] Ibidem. Fol. 136.
[147] A. Chevalley (Haut commissaire de la République au Caucase). A Monsieur le président du Conseil, ministre des Affaires étrangères. En vue des pourparlers avec les Kémalistes – Rôle respectif de la Géorgie et des autres Etats du Caucase. Tiflis, 11. 2. 1921 // Ibidem. Fol. 177-178.

Именно в этом духе была составлена нота от 20 января 1921 г., отправленная Топчибаши на имя председателя Верховного совета Антанты. Существенным мотивом подобной акции являлось то, что вопрос установления мира на Ближнем Востоке, к которому в то время относили и проблему Кавказа, был включен в повестку дня будущей сессии Верховного совета. Как и в предыдущих нотах, целью документа было получение помощи для азербайджанских повстанцев оружием и снаряжением. Топчибаши подчеркивал, что «на всей территории Азербайджана происходят восстания. Хотя русская красная армия подавляет их с безжалостной жестокостью, народ, тем не менее, находит средства с ожесточением продолжать их не только во имя своей независимости, но и самого существования». По словам Топчибаши, «эта борьба ведется отрядами повстанцев, сформированными в стране под руководством парламента Азербайджана и правительства, так же как и командиров частей азербайджанской армии, расформированной большевиками. Упомянутые отряды поддерживают связь с такими же отрядами в Персии, Дагестане и Северном Кавказе, так же, как и с другими соседними народами, которые либо страдают от большевистского нашествия (армяне), либо находятся под угрозой вторжения (грузины). Никогда еще не было подобного единства действий и фронта среди народов Кавказа!

Никогда еще идея политико-экономического альянса народов Кавказа не ощущалась столь живым образом. Идея, горячим сторонником которой был и является Азербайджан в лице делегации в Париже и правительства в Баку – Гяндже»[148]. Последний пассаж имел в виду руководителей под-

[148] A. M. Toptchibachy (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan à la conférence de la paix). A Son Excellence Monsieur le président du Conseil Suprême des Allies. Paris, 20. 1. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 639. Fol. 194.

польных организаций, существующих в это время в двух самых крупных городах Азербайджана.

Любая помощь Верховного совета Антанты, примет ли она форму переговоров с большевиками с целью оказания на них соответствующего давления, или выразится в оказании помощи вооружением и снаряжением азербайджанским повстанцам, будет иметь громадное значение для народа Азербайджана, ведущего неравную борьбу с захватчиками[149].

§ 11. Последние попытки в Тифлисе и Париже

В начале февраля центральная структура азербайджанцев в Тифлисе приобрела законченный характер. Был образован Комитет действия Азербайджана, включавший в себя представителей всех антибольшевистских партий страны, стоявших на платформе восстановления государственной независимости. Руководителями комитета были М. Векилов и Ш. Рустамбеков. По данным Шевалье, в состав комитета, взявшего на себя отныне функции национального правительства в изгнании, должны были быть включены и некоторые члены азербайджанской дипломатической делегации на Парижской мирной конференции, которые с этой целью должны были выехать в Тифлис. Комитет обладал финансовыми ресурсами и собственным органом печати. Параллельно с этим стали вестись переговоры об объединении азербайджанцев и горцев в единый Азербайджано-Горский комитет с общим органом печати.

Председатель комитета Векилов находился в постоянной связи с верховным комиссаром Франции на Кавказе. По словам Векилова, руководство азербайджанских повстанцев надеялось начать весной 1921 г. всеобщее восстание на Кавказе, которое должно было охватить не только Азербайджан, но и Дагестан, Северный Кавказ и даже Армению. Кемалисты не

[149] Ibidem. Fol. 195.

будут поддерживать это движение активно, но не будут и чинить ему препятствия. Это движение, однако, возымеет шансы на успех лишь в том случае, если ему будет оказана помощь вооружением, снаряжением и финансами[150].

В ночь с 11 на 12 февраля 1921 г. началось вторжение красной армии в Грузию. Полагая, что западные союзники не вмешаются военным путем для спасения независимости страны, а также исчерпав надежды на совершение внутреннего переворота силами местных большевиков, деятельность которых была легализована грузино-советским договором от 7 мая 1920 г., Кремль пошел на ничем не прикрытую интервенцию против суверенного государства, признанного как западными державами, так и самой Москвой. В отличие от подавляющего большинства западных политиков, этот преступный менталитет большевиков хорошо понимал лорд Керзон, министр иностранных дел Британской империи, выражавший накануне признания *де-юре* Грузии опасение, что этот сугубо юридический акт, не подкрепленный реальной силой союзников, может лишь ускорить агрессию Кремля против страны[151].

И действительно, именно 27 января, в день признания Грузии *де юре* Верховным советом Антанты, Кремль, по сути дела, дал свое согласие Кавбюро на осуществление военного вторжения с целью оккупации территории Грузинской Республики[152].

17 февраля Топчибаши вновь обратился с нотой к Верховному совету Антанты, на сей раз собравшемуся на конференции в Лондоне. К тому времени независимость Грузии уже

---

[150] A. Chevalley (Haut commissaire de la République au Caucase). A Monsieur le président du Conseil, ministre des Affaires étrangères. Le Comité d'action de l'Azerbaïdjan à Tiflis. Tiflis, 11. 2. 1921 // Ibidem. Fol. 196.

[151] Reconnaissance «de jure» des Pays Baltiques et de la Géorgie. 22. 1. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 649. Fol. 128-129.

[152] См: Телеграмма Л. Д. Троцкого, С. С. Каменева, П. П. Лебедева в РВС Кавказского фронта. 27. 1. 1921 // Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. С. 177.

была признана Верховным советом, что давало надежду на то, что, несмотря на большевистскую оккупацию, союзники распространят признание *де-юре* и на Азербайджан, народ которого даже под пятой кровавых большевистских репрессий в течение десяти месяцев продолжал бороться против оккупантов. Начавшееся вторжение красной армии в Грузию позволяло рассчитывать и на то, что правительство Франции сделает все возможное для того, чтобы в кратчайший срок доставить Грузии оружие, часть которого должна была быть передана азербайджанским повстанцам. В связи с этим Топчибаши особо подчеркивал, что находящаяся под его руководством делегация не сомневается в том, «что в деле получения подобной помощи наиболее эффективным образом, Азербайджан будет пользоваться симпатиями грузинского народа, своего соседа, с давних пор связанного с ним узами дружбы и взаимного благорасположения».

Присутствие на конференции в Лондоне Бекир Сами-бея, министра иностранных дел правительства Анкары, давало надежду на сближение с кемалистами.

Именно по этим причинам в конце упомянутой ноты Топчибаши просил от имени азербайджанской делегации «передать на рассмотрение Верховного совета союзников следующие требования: 1) Признание *де-юре* Азербайджанской Республики. 2) Предоставить Азербайджану материальную помощь против русских большевиков»[153].

До тех пор, пока грузинская армия удерживала Тифлис, правительство Франции было полно решимости оказать кавказцам вооруженную помощь. 21 февраля, после успешного отражения атаки большевистских войск на столицу Грузии, Шевалье послал телеграмму в Париж, прося ускорить достав-

[153] A. M. Toptchibachy (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan à la conférence de la paix). A Son Excellence Monsieur le président du Conseil Suprême des Allies. Paris, 17. 2. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 639. Fol. 199.

ку оружия и, главным образом, боеприпасов, необходимых для перехода грузинской армии в контрнаступление[154]. Понимая, что всего лишь несколько дней могут решить исход дела, на следующий день Шевалье обратился к французским властям с просьбой попытаться срочно найти оружие в Константинополе или в Болгарии, что сделало бы возможным его отправку на Кавказ в самые кратчайшие сроки[155]. Со своей стороны и правительство Грузии заверяло французов, что спасение Тифлиса и страны еще возможно, в случае если максимум через две недели оно получит оружие из Константинополя[156].

В тот же день, 22 февраля, первая партия оружия для Грузии в количестве 900 000 патронов и 20 пулеметов была послана из арсеналов, находящихся в районе Роны, в Марсель для отправки морским путем. Евгений Гегечкори, грузинский министр иностранных дел, находящийся в это время в Европе, заявил представителям французских властей, что в случае срочного оказания помощи оружием, боеприпасами и снаряжением секретные организации местных повстанцев в Азербайджане и Дагестане, связанные с грузинским командованием, способны освободить Баку от большевиков и изгнать их войска со всего Кавказа. Для ускорения транспортировки оружия и боеприпасов Гегечкори выехал в Константинополь, имея на руках соответствующие письма Бриана и Бертело. В них премьер-министр и генеральный секретарь МИД Франции просили представителей французского командования в Константинополе сделать все возможное для скорейшей переброски оружия на Кавказ. Сразу же по своему прибытию в Кон-

[154] Pelle (Haut commissaire français à Constantinople) à MAE. Constantinople, 21. 2. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 649 Russie (Géorgie). Fol. 198.

[155] A. Chevalley (Haut commissaire de la République au Caucase). A Ph. Berthelot (secrétaire-générale du MAE). Batoum, 22. 2. 1921 // Ibidem. Fol. 214 ; Chevalley à MAE. 22. 2. 1921 // Ibidem, Fol. 203.

[156] Pelle (Haut commissaire français à Constantinople) à MAE. Batoum, 21. 2. 1921 // Ibidem. Fol. 207.

стантинополь Гегечкори обратился к генералу Пелле, верховному комиссару Франции на Ближнем Востоке, в компетенцию которого входило содействовать транспортировке на французских военных кораблях оружия и боеприпасов в черноморские порты Грузии[157].

23 февраля представители французской морской разведки в Константинополе передавали в Париж, что «надежда на восстание в Азербайджане» еще существует[158].

26 февраля Шевалье вновь телеграфировал в Париж, что Тифлис может быть удержан лишь в случае получения оружия из Константинополя[159]. Ситуация резко изменилась на следующий день, когда из-за опасности окружения города превосходящими силами большевиков, грузинское командование было вынуждено отдать приказ своим войскам покинуть Тифлис. Понимая, что отныне сопротивление грузин не окажется продолжительным, Париж распорядился приостановить отправку оружия и боеприпасов. Свою роль здесь сыграло также опасение, что, как и в случае с белой армией, посланное оружие может быть захвачено большевиками.

Несмотря на все это, находившиеся в Тифлисе патриоты Азербайджана и Северного Кавказа боролись до конца. По свидетельству Гайдара Баммата, бывшего министра иностранных дел Горской Республики, последняя попытка «создания единого кавказского фронта против большевизма имела место именно в то время, когда завоевание большевиками Кавказа было, так сказать, свершившимся фактом. Когда советская Россия напала на Грузию, – последнее пристанище национальной идеи Кавказа.

---

[157] Géorgie. Compte-rendu de renseignements spéciaux n° 99. 22. 2. 1921 // SHAT. 7 N 3120. EMA/2 URSS. Dossier 2. Compte-rendues de renseignements généraux et spéciaux Caucase et Russie du Sud (1920-1924).

[158] CEC à Marine. Paris, 23. 2. 1921 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 649 Russie (Géorgie). Fol. 219.

[159] A. Chevalley à MAE. Batoum, 26. 2. 1921 // Ibidem. Fol. 230.

Патриоты Азербайджана и Северного Кавказа, нашедшие убежище в Грузии, сформировали Азербайджано-Северокавказский комитет.

В своей речи по радио 22 февраля 1921 г., доводя до сведения иностранных держав факт создания и состав упомянутого комитета, его председатель Гайдар Баммат провозгласил, что целью комитета является "освобождение Азербайджана и Северного Кавказа от русской оккупации, восстановление демократических республик и создание Кавказской Конфедерации".

В тот же день комитет, признанный грузинским правительством в качестве временного правительства Азербайджана и Северного Кавказа, издал приказ о военной мобилизации выходцев из этих стран, находящихся на грузинской территории.

Военные формирования комитета, принявшие активное участие в обороне столицы Грузии Тифлиса, отступили вместе с остатками грузинской армии к Батуми. […]

Эти действия Азербайджано-Северокавказского комитета, – завершает свой рассказ Баммат, – следует рассматривать как первую практическую попытку формирования Кавказской Конфедерации, предпринятую на земле самого Кавказа. С другой стороны, они служат доказательством того, что идея конфедерации, которая до тех пор не проникла еще в сознание политических деятелей Кавказа, отягощенное доминированием концепции национальных государств, перешла из области спекуляций в сферу осуществления. Это произошло под давлением тяжелых событий, доказавших самым неоспоримым образом смертельную угрозу раздоров и настоятельную необходимость политического единства Кавказа в интересах всех без исключения живущих там народов»[160].

[160] *Bammate H*. Le Caucase et la révolution russe. Paris. 1929. P. 61-63.

ГЛАВА II

Правительство А. Бриана и попытки ревизии Севрского договора как основы для отрыва кемалистов от союза с большевиками. Первые проекты формирования единого кавказского государства (1921 г.)

Вторжение большевиков в Грузию и последовавшая за этим оккупация в феврале-марте 1921 г. территории всего Южного Кавказа побудили правительство Франции в определенной степени скорректировать приоритеты своей ближневосточной политики, сосредоточившись на достижении договора с кемалистами.

Основной целью курса Бриана в отношении Анкары было добиться урегулирования ближневосточного вопроса на основе взаимных уступок, что, в конечном итоге, должно было положить конец союзу кемалистов с большевиками, стремительно набирающему обороты после советизации Азербайджана и всего Южного Кавказа. Полагая, что альянс кемалистов с большевиками носит временный и искусственный характер, Бриан стремился перетянуть Турцию на сторону Антанты, предложив последней содействовать возникновению на Кавказе объединенного федеративного буферного государства. Принимая во внимание тот факт, что в течение последних веков русский империализм постоянно угрожал Оттоманской империи, часть политической элиты кемалистов склонялась к возможности подобного соглашения при условии соблюдения основных принципов Национального пакта.

Несомненно, именно с целью создания кавказского буферного государства, которое должно было играть роль санитарного кордона между советской Россией и кемалистской Тур-

цией, Бриан и инициировал признание Грузии Верховным советом Антанты в феврале 1921 г., за несколько дней до нападения на нее большевиков[161].

24 января во время своей первой встречи с Ллойд Джорджем и Керзоном в Париже в качестве главы французского правительства Бриан выступил с предложением созвать в ближайшем будущем конференцию, на которой можно было бы вызвать раскол турецких националистов на умеренное и радикальное крыло. Таким образом, в случае если бы Кемаль продолжал упорствовать, можно было бы лишить его поддержки умеренного крыла[162].

Следует отметить, что подобная политика разделялась и итальянским правительством, в 1919 г. чуть было не получившим мандат на Грузию. Не желая чрезмерного усиления Греции на Балканах и в Восточном Средиземноморье, Рим предпочитал делать ставку на баланс сил, разумеется, с соблюдением своих экономических интересов в Турции. 28 ноября 1921 г. находившийся в Лондоне министр иностранных дел Италии граф Сфорца откровенно заявил лорду Керзону, что основным курсом итальянской политики является достижение договора с Кемалем с целью разрыва альянса последнего с большевиками[163].

---

[161] 20 января 1921 г., за неделю до признания Грузии, во время представления в парламенте членов своего правительства Бриан подчеркнул: «Положение, сложившееся на Востоке, привлекает наше особое внимание. Необходимо как можно быстрее заключить мир с Турцией, и, принимая во внимание новые обстоятельства, продолжить дружеские переговоры с нашими союзниками с целью разрешения восточного вопроса» (*Suarez G.* Briand. Sa vie – son œuvre avec son journal et de nombreux documents inédits. Paris. 1941. Vol. V. P. 110).

[162] *Sonyel S. R.* Mustafa Kemal and the Turkish National Movement // Studies in 20th Century History. Vol. 3. London. 1975. P. 92.

[163] Ibidem. P. 87.

§ 1. Первые контакты кавказцев с кемалистами на Лондонской конференции

Будучи в курсе этих событий, представители кавказских республик в изгнании также сосредоточили свои усилия на достижении договора с кемалистами как с единственной реальной силой, способной бросить вызов большевистской оккупации Кавказа. Главную роль в этом играла возглавляемая Топчибаши дипломатическая делегация Азербайджана на Парижской мирной конференции, представляющая собой народ, наиболее близко стоящий к туркам в этническом и культурном отношении. К чести Топчибаши следует отметить, что, выступая в роли представителя всех кавказцев на переговорах с турками, он всегда защищал интересы не только Азербайджана, но и других народов Кавказа.

Первый контакт кавказцев с турецкой стороной состоялся в начале марта 1921 г. в Лондоне, где к этому времени проходила межсоюзническая конференция, и куда специально выехали представители Азербайджана и Грузии. Так как параллельно с Лондонской конференцией в Москве проходили переговоры о заключении советско-турецкого договора, представители Верховного совета пытались путем определенных компромиссов воспрепятствовать дальнейшему советско-турецкому сближению. В отличие от правительства Ллойд Джорджа, готового лишь на незначительные уступки Турции, Франция, в лице Бриана, была согласна на существенное изменение Севрского договора. Следует при этом отметить, что в самом британском правительстве были так же серьезные разногласия по этому вопросу. Например, с целью защиты британских интересов на Ближнем Востоке в Генеральном штабе и военном министерстве считали необходимым на основе территориальных компромиссов достичь договора с Анкарой, сделав из будущей Турции буферное государство между Антантой и советской Россией. Англичане полагали, что

Кемаль, находящийся под возрастающим давлением большевиков, будет так же рад достичь взаимопонимания с западными державами[164], хотя в реальности он лишь пользовался соперничеством и противоречиями стран Антанты на Востоке.

Сами-бей, министр иностранных дел и руководитель дипломатической делегации правительства Анкары, был горячим сторонником компромисса и союза с западными державами. Потомок северокавказских эмигрантов-мухаджиров, варварски выселенных с Северного Кавказа царским правительством во второй половине XIX века, он испытывал понятную враждебность в отношении Российской империи независимо от общественно-политического строя последней[165]. Его личным инициативам способствовала и крайне гибкая дипломатическая практика, используемая анкарским правительством. Ведя переговоры с западными державами, турки параллельно вели консультации и с большевиками, что позволяло Анкаре держать союзников под постоянным давлением, в то же время не давая им возможности договорится с русскими за их спиной.

4 марта 1921 г. во время секретных переговоров с Ллойд Джорджем Сами-бей сделал ему следующее предложение. Турки, уверял министр иностранных дел кемалистов, не испытывают никакой симпатии к большевикам и хотели бы дос-

---

[164] Ibidem. P. 86, 87.

[165] В годы Первой мировой войны Бекир Сами-бей входил в состав Благотворительного комитета эмигрантов Северного Кавказа в Турции, политической структуры, представляющей интересы горцев-мухаджиров на территории Оттоманской империи. В феврале 1919 г. для защиты интересов Республики Северного Кавказа упомянутая организация планировала послать на Парижскую мирную конференцию дипломатическую делегацию, в состав которой входил и Бекир Сами-бей. См.: F. Duparc (conseiller politique, adjoint au Haut-commissaire de la République Française au Constantinople). A Son Excellence Monsieur Pichon, ministre des Affaires étrangères. A.S. des émigrés Ciscaucasiens. Constantinople, 17. 2. 1919 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série E (Levant). Dossier Caucase-Kurdistan n° 3. Fol. 277.

тичь взаимопонимания с Англией. Лондону было бы выгоднее, изменив приоритеты своей политики на Ближнем Востоке, сделать ставку не на Грецию, обладающую лишь ограниченным военным потенциалом, а на новую Турцию, вернувшись, таким образом, к старому курсу Пальмерстона. В этом случае Турция могла бы способствовать созданию на Кавказе буферного государства. Анкара так же попыталась бы свести на нет влияние Советов в Центральной Азии и Афганистане, столь опасное для Британской империи[166]. Для того чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, Сами-бей просил Ллойд Джорджа признать независимость Северного Кавказа, повторив еще раз, что «создание сильной Кавказской Конфедерации отвечает интересам как Турции, так и Великобритании». Признав, что это предложение в целом заслуживает внимания, Ллойд Джордж, тем не менее, отказался его обсуждать до урегулирования вопроса Смирны, которая, по его мнению, должна была и впредь оставаться в руках греков. Так как это в корне противоречило тезисам Национального пакта, основные положения которых Сами-бей вынужден был защищать, стороны так и не пришли к соглашению[167].

Документы, обнаруженные в архивах кавказской эмиграции, проливают новый свет на эту инициативу Сами-бея. Из них следует, что позиция Бриана полностью совпадала с точкой зрения министра иностранных дел Турции.

В отличие от англичан, придерживающихся, как уже отмечалось, основных положений Севрского договора, Бриан, на основе частичной отмены его условий, пытался договориться с кемалистами, отрывая их от союза с большевиками и пытаясь достичь экономических преимуществ для Франции в Турции.

26 февраля в Лондон выехал Акакий Чхенкели, чрезвычайный и полномочный посланник Грузии во Франции, уже

[166] *Sonyel S. R.* Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. P. 101.
[167] Ibidem. P. 102.

на следующий день обратившийся к Верховному совету союзников с нотой, прося допустить грузинских представителей к обсуждению ближневосточного вопроса. 8 марта эта просьба была повторена в другой ноте, на которую со стороны Верховного совета был получен уклончивый ответ: представитель Грузии будет непременно выслушан, если в этом возникнет необходимость[168].

9 марта, день спустя после тщетной попытки Чхенкели добиться права на участие в переговорах, Бриан и Сами-бей подписали компромиссное соглашение, в определенной степени корректирующее Севрский договор. Соглашение предусматривало некоторые территориальные уступки Турции в обмен на определенное количество экономических преимуществ, предоставляемых Франции, вопреки духу Национального пакта. Кроме этого, соглашение признавало за Францией сферу влияния. 12 марта похожий договор был заключен и с Италией. В основном, он касался экономических аспектов итало-турецких взаимоотношений, предоставляя итальянцам преимущества в различных регионах страны[169].

Уже в первую неделю марта представителям дипломатической делегации Азербайджана удалось лично встретиться как с самим Сами-беем, так и с остальными членами турецкой делегации. Во время этой встречи в надежде добиться получения от турок политической и материальной помощи Топчибаши сообщил своим собеседникам о тяжелейшей ситуации, сложившейся в оккупированном большевиками Азербайджане. По свидетельству Топчибаши, министр иностранных дел кемалистов полностью разделял его взгляды на необходи-

---

[168] A. Tchenkeli. Lettre à A. Briand, président du Conseil et ministre des Affaires étrangères de la France. Paris, 7. 1. 1922 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 115.

[169] *Pichon J.* Le partage du Proche-Orient. Paris. 1938. P. 232-234; *Sonyel S. R.* Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. P. 103-104; *Howard H. N.* The Partition of Turkey. A Diplomatic History 1913-1923. New York. 1966. P. 260-261.

мость восстановления «полной независимости Азербайджана, неприкосновенности его границ и создания Кавказской Конфедерации»[170].

10 марта воодушевленный, казалось бы, наметившимся компромиссом между Анкарой и западными союзниками Топчибаши обратился к Сами-бею со специальной нотой[171], где изложил свое видение будущих турецко-кавказских взаимоотношений. Подробно описав политические принципы, на которых основывалось существование независимого Азербайджана, Топчибаши особо подчеркнул общекавказский характер внешнеполитической ориентации страны: «Придерживаясь преимущественно и исключительно кавказской ориентации, народ Азербайджана не переставал желать формирования конфедерации свободных государств Кавказа, т.е. Азербайджана, Грузии и Армении. Мы не сомневаемся, что в будущем эта конфедерация будет включать в свой состав Дагестан и Северный Кавказ. Тесный политический и экономический альянс гарантирует народам Кавказа внешний и внутренний прогресс, а также установление и поддержание мира на Кавказе, развитие интеллектуальных и производственных сил, защиту независимости их стран, нерушимость границ, позволив им приступить к свободной и систематической эксплуатации ресурсов и природных богатств страны»[172].

---

[170] A. M. Toptchibachy. Note à Son Excellence Bekir Sami bey, Président de la délégation turque du gouvernement d'Angora à Londres. Londres, 10. 3. 1921 // Le Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre-européen (далее – CERCEC). Ecole des hautes études en sciences sociales (далее – EHESS). (Paris). Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 1/1.

[171] Русский текст упомянутой ноты, с которого был сделан направленный адресату французский официальный перевод, датирован 5 марта // Ibidem. Carton n° 3.

[172] A. M. Toptchibachy. Note à Son Excellence Bekir Sami bey, président de la délégation turque du gouvernement d'Angora à Londres. Londres, 10. 3. 1921 // Ibidem.

Учитывая доброжелательность, проявленную в ходе встречи с ним Сами-беем, Топчибаши выражал надежду, что: «1) Турция, как союзное государство, признает независимость Азербайджанской Республики и других государств Кавказа. 2) Что Турция согласиться способствовать созданию Конфедерации государств Кавказа. 3) Что в этот серьезный и тяжелый период, при опасных обстоятельствах настоящего момента, Турция не откажется от оказания активной и значительной помощи Азербайджанской Республике и другим государствам Кавказа»[173].

В воскресенье 13 марта после подписания договоров с Францией и Италией, дающих надежду на отрыв кемалистов от альянса с большевиками, в лондонском отеле «Савоя» состоялась еще одна встреча Топчибаши и Мир Якуба Мехтиева, советника азербайджанской делегации, с Сами-беем. В тот же день должна была состояться беседа Сами-бея с Чхенкели и Симоном Мдивани, послом Грузии в Турции. Основной темой этих встреч было отношение кемалистов к границам кавказских государств, от чего в значительной степени зависела прочность их будущего союза. Именно поэтому уже в самом начале беседы Топчибаши заявил, что от имени азербайджанской делегации очень просит Сами-бея, турецкую делегацию и правительство Анкары «поддерживать добрые отношения с Грузией»[174]. В этом заключался жизненный интерес Азербайджана.

По словам Сами-бея, турки не имели заинтересованности в аннексии грузинской территории. Из временно занятых ими Батуми, Артвина и Ардагана – два первых города будут возвращены Грузии (Батуми – при условии сохранения автономии для аджарцев). В Ардагане, где, по словам турецкого ми-

[173] Ibidem.

[174] А. М. Топчибаши. Запись беседы с председателем турецкой делегации из Ангоры Бекир Сами-беем при М. Я. Мехтиеве. Лондон, 13. 3. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

нистра, было мало грузинского населения, должен быть проведен плебисцит. «Мы поставили целью соблюдение самых искренних и доброжелательных отношений с Грузией, которую мы хотим видеть независимой и устойчивой», – заявил Сами-бей.

«Мы приветствуем такое направление вашей политики, находя ее в интересах и Грузии, и Турции, и наших. Вы знаете отлично, насколько важна для Азербайджана поддержка Грузии, и главное – мирное с ней сожительство. Поэтому я очень просил бы вас высказанный вами взгляд о Грузии передать грузинскому представителю и, если можно, при нас, для чего прошу назначить время, когда мы и г-н Чхенкели могли бы быть у вас до отъезда из Лондона», – подчеркнул Топчибаши.

Согласившись на это, Сами-бей перешел к вопросу взаимоотношения с армянами, заявив, что «во всяком случае, необходимо образовать Кавказскую Конфедерацию, куда должна войти и Кавказская Армения. […] Кстати, вы виделись с армянскими делегатами, каковы ваши отношения?» – задал вопрос турецкий министр.

Топчибаши объяснил, что он пытается сблизиться с представителями делегаций как турецких, так и кавказских армян. Первые из них заявляют, что необходимо добиться признания сначала Турецкой, а затем Кавказской Армении, которые, в конечно итоге, должны объединится.

Сами-бей ответил, что подобная политика армян является «большой ошибкой». «Никакой Турецкой Армении в Турции нет и, следовательно, не может быть речи о признании независимости несуществующей в Турции Армении». По словам турецкого дипломата, территории Кавказской Армении более чем достаточно для проживания существующего там армянского населения.

Топчибаши высказал опасение, что подобная позиция «в корне не согласуется со стремлениями армян» и внушает опасение, что «и у вас, и у нас долго не будет мира и спокойст-

вия. […] Было бы полезно вам видеться с армянскими делегатами».

Сами-бей ответил, что ничего не имеет против этого, «но если они затронут вопрос хотя бы о клочке земли в пределах Турции, то встреча моя с ними пользы не принесет. Но, быть может, они могли бы быть устроены в земельном отношении иначе. При известных условиях им мог бы быть отдан Карс. Я не решусь это им сказать теперь, ибо это дело Ангоры, от которой армяне бегут, ища покровительства других».

Таким образом, Сами-бей высказал свое мнение относительно того, на что могут рассчитывать армяне. В крайнем случае, им могут быть даны границы 1914 г., однако о каких-либо притязаниях на собственно турецкие земли следует забыть.

В заключение Сами-бей еще раз подтвердил свое убеждение, что разрыв турок с большевиками неизбежен: «Личное мое мнение таково, что нам с ними не по пути. Ни Турция, ни Азербайджан, ни один мусульманский народ не может сочувствовать большевикам и связывать с ними свою судьбу. И с этой точки зрения наша дружба с ними непрочна и вызвана затруднениями, в кои мы были поставлены. Борьба с ними неизбежна. Когда придет момент, я не перестану взывать к этой борьбе, которая должна обезопасить нас и спасти Кавказ от пагубного их влияния. Это – вопрос моей чести. Если Ангора не согласится со мной, я уйду, но открыто скажу всей нации о причинах ухода»[175].

Сами-бей обещал вернуться в Европу месяца через два, когда ситуация должна прояснится.

16 марта после долгих и трудных переговоров правительство Ллойд Джорджа, в частности, пытавшееся покончить с советско-турецким сближением, подписало с большевиками торговый договор, в силу которого, наряду с установлением

[175] Там же.

торговых отношений, стороны взаимно отказывались от подрывных действий в отношении друг друга[176].

Тем не менее, буквально несколько часов спустя в Москве был подписан советско-турецкий договор, который, в сущности, сводил на нет усилия английской дипломатии по изоляции Турции. В тексте договора подчеркивалось, что большевики отказываются признавать Севрский договор 1920 г. Кемалисты и большевики обязуются не допускать на своих территориях существование организаций, враждебно настроенных к Анкаре или Москве. Наиболее тяжелым пунктом, напрямую бившим по национальным интересам Кавказа, являлось решение большевиков передать район Ардагана, исторической грузинской территории, так же, как и армянского Карса, Турции. Наряду с этим, Кремль брал на себя обязательство оказать на марионеточные власти советской Грузии и Армении давление с целью получить от них согласие на отказ от этих территорий.

Вероятно, вследствие недовольства, вызванного в Лондоне этой плохой новостью, 17 марта, т.е. на следующий день после подписания советско-турецкого договора, лорд Керзон, министр иностранных дел Великобритании, принял Чхенкели, который передал ему копии своих верительных грамот. И все-таки, следуя прорусской политике Ллойд Джорджа, англичане отказалась признать полномочия грузинского представителя с занесением его имени в списки дипломатического корпуса. Отказали англичане Чхенкели и в праве передать оригинал верительных грамот королю, аргументируя свое решение тем обстоятельством, что в это время Грузия уже была занята советскими войсками[177].

---

[176] *Pichon J.* Le partage du Proche-Orient. P. 234-235.

[177] А. Чхенкели. Меморандум полномочного посла Грузии относительно дипломатической деятельности в 1921 и 1922 гг. Март 1923 г. (На груз. яз) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 132.

Сразу же после окончания Лондонской конференции представители кавказских дипломатических делегаций выехали в Париж, где к этому времени находился не только Бриан, но и Сами-бей.

§ 2. Продолжение турецко-кавказских переговоров в Париже

20 марта сразу же после своего возвращения в Париж Чхенкели в 11 часов утра посетил А. Агароняна и А. Хатисяна, руководителей дипломатической делегации кавказских армян. Целью визита было прозондировать, на какие компромиссы готовы пойти армяне в вопросе их территориального размежевания с турками. От этого непосредственно зависел вопрос, стоило ли подключать армян к предстоящим переговорам с кемалистами.

Результаты беседы оказались обескураживающими, обнаруживая, что армяне продолжают претендовать на территорию, далеко превышающую старую русско-турецкую границу 1914 г. (максимальный компромисс, на который, по словам Сами-бея в Лондоне, могли пойти турки). В ответ на вопрос Чхенкели, каковы в настоящее время территориальные притязания армян, Хатисян заявил, что их прежние требования остаются в силе и армяне продолжают претендовать на Трапезунд, не видя будущего независимой Армении без выхода к морю. Что касается их границ с другими кавказскими государствами, то армяне согласны принять арбитраж великих держав или Лиги наций, в случае если они не смогут непосредственно договориться со своими соседями.

На вопрос Чхенкели, не собираются ли армяне вступить в переговоры с делегацией Анкары во время пребывания последней в Париже, Агаронян ответил, что «не видит в этом

необходимости, так как не ожидает от этих переговоров практических результатов»[178].

Убедившись в преждевременности подключения армян к переговорам с кемалистами, уже в три часа того же дня Топчибаши, Чхенкели и Чермоев собрались в помещении делегации Грузии для обсуждения результатов своих переговоров с представителями правительства Анкары в Лондоне. Затем было принято решение воспользоваться присутствием в Париже Сами-бея для того, чтобы выяснить, какую помощь может оказать Турция народам Кавказа в их борьбе с большевизмом, а также убедить Анкару в том, что освобождение Кавказа от ига Кремля объективно входит и в интересы самой Турции. По предложению Чхенкели, в качестве основы будущего договора с турками были приняты следующие принципы: «Кавказские республики заключают военное и экономическое (таможенное) соглашение, имеющее своей конечной целью создание Кавказской Конфедерации. Турция должна сразу же признать суверенитет кавказских республик, заявив, что она согласна уважать целостность их территорий и не претендует на протекторат над какой-либо частью Закавказья, так же, как и Северного Кавказа»[179].

Границы Турции с Кавказом должны проходить по демаркационной линии старой русско-турецкой границы 1914 г. «Турция обязуется предоставить народам Кавказа военную помощь с целью позволить им освободиться от большевистского ига. Эта помощь будет предоставлена Турцией в форме военного союза, которая взаимодействует с народами Кавказа на равноправном уровне, под эгидой одной или нескольких великих держав, согласившихся предоставить материальную

[178] Réunion d'A Tchenkeli et M. Soumbatoff avec A. Aharonian et A. Khatissian. Paris, 20. 3. 1921 // Ibidem. Bobine 136.

[179] Conférence d'A Tchenkeli (ministre de la Géorgie) avec les délègues d'Azerbaïdjan M.M. Toptchibacheff et Magueramoff et le représentant des Montagnards du Caucase du Nord M. Tchermoieff. Paris, 20. 3. 1921 // Ibidem.

помощь Кавказу, а также гарантировать взаимные права договаривающихся сторон.

Эта или эти державы помогут государствам Кавказа в делимитации их соответствующих границ, или, в соответствии с соглашением между этими государствами, обеспечат соответствующий арбитраж».

Для того чтобы непосредственно начать осуществление плана по освобождению Кавказа, Турция должна была позволить на временно занятой ею территории Ардагана функционирование правительства Грузии в изгнании, также как и соответствующих представителей других кавказских государств.

«Было выражено желание, чтобы Бекир Сами-бей, в чьи искренние чувства в отношении народов Кавказа и дальновидность политика и турецкого государственного деятеля не вносил сомнения никто из присутствующих мусульманских представителей, взял на себя задачу принятия этой программы Великим национальным собранием в Анкаре».

Абдул Меджид Чермоев, глава северокавказской дипломатической делегации, должен был договориться с Сами-беем о встрече последнего со всеми представителями республик Кавказа. Вместе с тем, каждая из кавказских делегаций должна была предпринять соответствующие демарши перед французским правительством для того, чтобы объяснить ему позицию кавказцев и просить способствовать переговорам с делегацией Анкары[180].

Эти инициативы нашли благодатную почву при правительстве Бриана, так как в это время перспектива ратификации Великим национальным собранием Турции франко-турецкого и итало-турецкого договоров казалась реальной. Желая помешать ратификации Московского договора, МИД Франции, как страны наиболее заинтересованной в достижении компромисса с Анкарой и разрыве отношений кемалистов с большевиками, согласился взять на себя роль посредника в

[180] Ibidem.

этом. Уже 21 марта Министерству иностранных дел была передана составленная Чхенкели памятная записка, где последний сформулировал условия, на которых правительство Грузии могло бы пойти на союз с кемалистами. Отметив, что в 1918 г. Турция сорвала попытку народов Кавказа по созданию кавказского федеративного государства, в апреле 1920 г. способствовала советизации Азербайджана, и всего лишь месяц назад, воспользовавшись вторжением большевиков в Грузию, оккупировала некоторые юго-западные районы страны, Чхенкели переходил к непосредственным условиям будущего союза.

Выдвигаемые грузинской стороной условия сводились, в основном, к следующим пунктам: 1) Признание Турцией границ Кавказа 1914 г. 2) Обязательный арбитраж со стороны великих держав (по сути дела, Франции) при разрешении всех вопросов относительно «добрососедства и взаимных дружеских отношений между Турцией и Кавказом». Какая-либо завуалированная «форма оккупации в постоянной форме, опека и тому подобное», являются категорически недопустимыми. 3) Незамедлительная выработка «взаимоприемлемого модуса вивенди» между Турцией и Грузией в связи с территориями, оккупированными Турцией, для того, чтобы позволить грузинскому правительству создать там базу для своей деятельности с целью освобождения Грузии и всего Кавказа от большевизма[181].

На следующий день, 22 марта, состоялась организованная французской стороной встреча членов турецкой делегации с французами и кавказцами. Факт присутствия на этой встрече лиц, входящих в высшую политическую элиту страны, показывал, что французы придавали достижению компромисса с кемалистами большое значение.

[181] A. Tchenkeli. Aide-mémoire. Paris, 21. 3. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z (Europe). Dossier n° 653 Russie (Caucase). Fol. 21-22.

В частности, на чай в фешенебельный салон графини д'Юзе, традиционное место неофициальных встреч французского политического бомонда, собрались: А. Франклин-Буйон, бывший министр и личный представитель Бриана на переговорах с кемалистами, генерал М. Вейган, начальник Генерального штаба французской армии, чрезвычайный и полномочный посол Дешамп, один из авторов Севрского договора, сенаторы, депутаты, а также члены различных комиссий МИД Франции.

Взявший слово Франклин-Буйон, отметив тот факт, что Англия оттеснила Францию от нефти и других природных ресурсов Кавказа, подчеркнул необходимость того, что Парижу следовало иметь более решительную политику в отношении Ближнего Востока и Кавказа, чтобы с помощью США обеспечить в этих регионах экономические интересы Франции.

Выступивший затем Чермоев дал подробный очерк истории Северокавказской Республики, а также политических событий последнего года. Подчеркнув, что будущая Кавказская Конфедерация будет призвана служить барьером между Россией и Турцией, Чермоев заявил, что для освобождения Кавказа от большевизма необходима военная помощь Турции и материальная поддержка Франции. Он в особенности настаивал на немедленном признании странами Антанты независимости Северокавказской Республики и гарантии с их стороны суверенитета объединенных в Кавказскую Конфедерацию всех республик Кавказа в границах 1914 г.

В завершение речи Чермоев заявил, что, «благодаря исключительным природным богатствам, Кавказ может легко вознаградить Францию, если она согласится сотрудничать в деле его освобождения»[182].

---

[182] Compte-rendu de la réunion dans le salon politique de la duchesse D'Uzès, auquel assistaient M.M. Tchenkeli et Soumbatoff, représentants de Géorgie, les délègues d'Angora, M.M. Toptchibacheff (Azerbaïdjan), Tchermoieff (Montagnards), Namitokoff (Kouban) et les Français suivants: MM. Franklin

Взявший слово Топчибаши присоединился к предшествующим декларациям Чермоева относительно совместных акций с Францией и Турцией против большевиков.

Чхенкели, со своей стороны, заявил, что первая попытка создания Кавказской Конфедерации была предпринята грузинами и другими кавказцами еще в 1918 г., сразу же после своего отделения от России, однако с самого же начала «внешние силы сделали все для того, чтобы помешать и уничтожить единство народов Закавказья».

Те же силы повторили то же самое и в 1920 г., способствуя советизации Азербайджана, а также и в 1921 г., когда, воспользовавшись вторжением в Грузию большевиков, попытались обманным путем завладеть Ардаганом и Батуми. Обещав правительству Грузии военную помощь против большевиков, и введя на территорию Батуми свои вооруженные силы, кемалисты не только не сдержали обещание сохранить там грузинский флаг и администрацию, но и попытались аннексировать эти регионы, лишив, таким образом, правительство Грузии возможности продолжать антибольшевистскую борьбу.

«Тем не менее, – продолжил Чхенкели, – грузины убеждены, что правительство Анкары поймет, что долгосрочные интересы Турции настойчивым образом требуют создания буферного государства между нею и будущей Россией в форме союза свободных республик Кавказа, объединенных вокруг Грузии как их естественного центра».

Этот свободный Кавказ, заявил Чхенкели, необходим Европе как ее единственная гарантия мира и спокойствия на Ближнем Востоке, преграждающий дорогу большевизму в южном направлении. Чхенкели также высказал надежду, что

Bouillon, ancien ministre, général Weygand, chef de l'Etat-Major de l'armée française, Deschamps, ministre plénipotentiaires, un des rédacteurs du traité de Sèvres, et plusieurs sénateurs et députés, membre des commissions des Affaires étrangères, 22. 3. 1921 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 136.

«с помощью держав, и в особенности Франции, этот договор между кавказцами и Турцией будет заключен.

Военная помощь Турции, – продолжил грузинский представитель, – может быть принята лишь в случае выступления Турции в качестве военного союзника, не мечтающего о каком-либо господстве в каких-либо частях Кавказа, южные границы которого могут быть лишь тождественны русско-турецкой границе 1914 г.».

Айтек Намиток, представитель кубанских черкесов, всецело присоединяясь к мнению, высказанному Чермоевым, настаивал на необходимости включения в состав проектируемой Кавказской Конфедерации не только мусульманско-горской, но и христианско-казацкой части Кубанской области. На вопрос относительно того, возможно ли привести казаков Кубани в союз народов Кавказа, Намиток ответил, что имел по этому поводу беседу с представителем кубанских казаков Бичем, который просил передать присутствующим, что казаки разделяют ориентацию и точку зрения кавказцев.

В ответной речи Сами-бей вновь повторил, что Турция, будучи проникнута искренними симпатиями к народам Кавказа, не претендует ни на клочок грузинской земли. «Город Батуми является грузинским, и должен принадлежать Грузии, так как она, так же, как и все Закавказье, не может существовать без Батуми». Населенная грузинами-мусульманами Батумская область должна лишь пользоваться автономией, как это, впрочем, и было предусмотрено в грузинской конституции, выработанной Учредительным собранием. Что касается Ардагана, то он должен принадлежать Турции. Отвечая на обвинения Чхенкели, Сами-бей заявил, что готов признать многочисленные ошибки, допущенные в 1918 г. Турцией в отношении единства Закавказья. Однако свою долю ошибок допустили и грузины, пригласив немцев в Тифлис, что разрушило узы, связывающие народы Закавказья. Он согласен с необходимостью включить в состав будущей Кавказской Конфедерации Кубанскую область, заявив, что, по мнению турок –

выходцев с Кавказа, обеспечить прочность Кавказского союза без этого было бы невозможно.

Затем турецкий дипломат перешел к перечислению условий, которые должны выполнить державы Антанты, и в особенности Франция, для обеспечения совместного турко-кавказского выступления против большевиков. В частности, они заключались в предоставлении Анкаре помощи в деньгах и военных материалах, а также в быстрой эвакуации Киликии. Наряду с этим, «открытый разрыв с Москвой и действия Турции против большевиков будут возможны лишь после удовлетворения Антантой справедливых турецких требований в отношении Смирны, Фракии и Константинополя.

В заключение своей речи Сами-бей непосредственно коснулся вопроса освобождения Кавказа. По его словам, «Турция могла бы при первом же случае направить на Баку армию в 40 000 человек. […] Вместе с войсками, сформированными из азербайджанцев и горцев Северного Кавказа, можно было бы создать армию в количестве 200 000 человек, что, совместно с грузинскими и прочими войсками, было бы достаточной силой для того, чтобы очистить весь Кавказ от большевиков. Тем не менее, все зависит от помощи, которую предоставит Турции Франция с ее союзниками».

Два других члена турецкой делегации также развивают эту мысль, заявляя, что Великое национальное собрание Турции может пойти на столь радикальное изменение своей позиции в отношении большевиков лишь в случае получения гарантий удовлетворения требования турок и немедленной поставки оружия.

Эти заявления турецких дипломатов вызвали бурное недовольство французских представителей. Франклин-Буйон, один из наиболее последовательных сторонников соглашения с кемалистами, обвинил последних в выдвижении чрезмерных требований, доказывая при этом выгоду, которую турки могли бы извлечь из своих незамедлительных действий против большевиков на Кавказе. В качестве доказательства искренно-

сти Франции в отношении Турции и Кавказа, французский дипломат привел тот факт, что французские войска начали эвакуацию из Киликии еще до подписания соответствующего соглашения в Лондоне, позволяя тем самым туркам использовать высвободившиеся на Киликийском фронте войска для начала военных операций на Кавказе. «Действуя таким образом, Турция завоевала бы доверие Франции, в то время как политика, заключающаяся в ожидании удовлетворения всех турецких требований и решения всех вопросов, таких, как Смирна и другие, могут лишить Турцию расположения не только других союзников, но и самой Франции, оказав, таким образом, нежелательное влияние на ее будущее»[183].

23 марта с целью сблизить позиции турок и кавказцев и достичь предварительного соглашения между ними в Министерстве иностранных дел Франции состоялись отдельные переговоры. В них участвовали Бертело, генеральный секретарь французского МИД, Сами-бей, его помощник Решад-бей, Чхенкели, а также князь Зураб Авалишвили (Авалов) и М. Сумбаташвили, советники легации Грузии в Париже. Вызванный по срочному делу в Сенат, Бертело передал руководство ведения переговоров графу Перетти де ля Рокка, директору Департамента политических и коммерческих дел своего министерства.

В ходе переговоров Сами-бей заявил, что «Турция никоим образом не претендует на Батуми, что город Батуми должен принадлежать Грузии и что мусульманское население батумской провинции, населенной аджарцами, – грузинами по крови и языку, но связанными с Турцией религией и культурой, должны пользоваться административной автономией в пределах Грузии. Что касается Ардагана, он никоим образом не является грузинским в силу факта, что там можно встретить лишь крайне малое количество грузин, и что мусульманский элемент составляет более чем 90% турецкого населения. […]

[183] Ibidem.

По этой причине Ардаган должен быть присоединен к Турции»[184].

В случае согласия грузин, турки готовы провести по этому вопросу плебисцит среди местного населения, предварительно выведя из этого района свои войска, так как они заранее уверены, что население проголосует в их пользу.

В ответ Чхенкели и Авалишвили привели аргументы «относительно необходимости того, чтобы Ардаган остался в пределах Грузии и Кавказского союза, показав его важность с политической и стратегической точки зрения»[185]. Грузины еще раз подчеркнули, что борьба за освобождение Кавказа может вестись лишь в том случае, если Ардаган будет служить военно-политической базой действий кавказских повстанцев.

Согласно протоколу упомянутой встречи, турецкие представители, в конце концов, признали обоснованность требований Грузии, и Сами-бей «объявил, что он склонен пойти на уступки также и в этом вопросе, разработав модус вивенди, основанный, с одной стороны, на политических и стратегических интересах Грузии, а с другой – на интересах турецкого мусульманского населения области».

---

[184] Compte rendu de l'entrevue de Ph. Berthelot, B. Sami Bey, Rechad Bey, A. Tchenkeli, Z. Avalov et M. Soumbatov au ministère des Affaires étrangères de la France. Paris, 23. 3. 1921 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 136. Существует и другой протокол этой встречи, составленный сотрудниками МИД Франции, содержание которого совпадает с использованным нами более подробным протоколом легации Грузии. См.: Réunion des délégués turcs, Samy Bey et M. Rechad, et les délégués géorgiens, Tchenkely, Avaloff et Soumbatoff, chez le Secrétaire Général du département. Paris, 23. 3. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 653 Russie (Caucase). Fol. 23-24.

[185] Compte rendu de l'entrevue de Ph. Berthelot, B. Sami Bey, Rechad Bey, A. Tchenkeli, Z. Avalov et M. Soumbatov au ministère des Affaires étrangères de la France. Paris, 23. 3. 1921 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 136.

В конце встречи граф обратился с просьбой к обеим сторонам в максимально краткий срок выработать и передать МИД Франции проект статуса Ардагана, для того чтобы во время будущего визита турецкой делегации в Париж достичь окончательного соглашения. Французский дипломат выразил надежду, что ко времени будущей встречи Сами-бей «получит по этому вопросу окончательные инструкции от Национального собрания Анкары»[186].

Обе стороны были удовлетворены ходом переговоров. В тот же день Чхенкели направил на имя Сами-бея письмо, в котором благодарил турецкого министра иностранных дел за то, что в конце концов, принимая во внимание чрезвычайную политическую важность этой территории для Грузии, правительство Анкары «будет полностью склонно достичь по этому вопросу модуса вивенди с Грузией.

Принимая во внимание акт вышеупомянутой декларации, полагаю, я могу констатировать, что территориальные разногласия между Грузией и Турцией ограничиваются, таким образом, лишь проблемой Ардагана. Я, однако, надеюсь, что нам будет не трудно найти справедливое решение этого вопроса во взаимных интересах наших двух стран»[187] – отмечалось в конце послания.

25 марта с целью обсуждения деталей будущего альянса по инициативе Чермоева состоялись переговоры Сами-бея с представителями легации Грузии, а также руководителями дипломатических делегаций Азербайджана и Северного Кавказа. Наряду с Чхенкели и Авалишвили в переговорах принимали участие представители Азербайджана Топчибаши, М. Магеррамов, А. Шейхульисламов и Дж. Гаджибейли, а также северокавказцы – Чермоев, В.-Г. Джабаги и Намиток.

---

[186] Ibidem.

[187] A. Tchenkeli. Lettre à Bekir Sami Bey, ministre des Affaires étrangères du gouvernement d'Angora. Paris, 23. 3. 1921 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 136.

Подчеркнув необходимость объединения Северного и Южного Кавказа в единое конфедеративное государство, а также установления теснейших взаимоотношений с возрождающейся Турцией, кавказцы, тем не менее, проявили особый подход в связи с вопросом «участия Кубани в будущей Конфедерации Кавказа». Так как большинство проживающих на Кубани черкесов было изгнано оттуда царским правительством еще в XIX веке, а их земли были колонизированы казаками и русскими крестьянами, участники переговоров «нашли трудным» включить в будущее кавказское государство проживающее на Кубани «многочисленное славянское население. С другой стороны, был выявлен особый интерес присоединения Кубани к Кавказу. В конце концов, не высказываясь окончательно по этому вопросу, для территории Кубани была принята во внимание возможность стать членом Кавказского союза с особым статусом»[188].

В ходе переговоров все участвующие в них кавказцы единодушно подчеркивали, что «установление добрососедства и даже союзнических отношений» станет возможным «лишь в случае отсутствия у Турции каких-либо политических и территориальных претензий на Кавказе и делимитации границ между Турцией и Грузией в соответствии с жизненными интересами этой республики».

В заключение встречи Сами-бей дал от имени правительства Анкары следующие заверения: «Само собой разумеется, мое правительство всегда будет проводить в связи с вашими делами лишь кавказскую, а не пантурецкую политику […] Нашим жизненным интересом является обладание оплотом на севере, но, чтобы этот оплот был крепким, необходимо, чтобы будущая Кавказская Конфедерация включала в себя также Северный Кавказ. У нас нет никаких территориальных претензий к Грузии. Административная автономия для батумской провинции это все, чего мы желаем, в чем с нами согласны и

[188] Résumé de la conférence, tenue au Claridge Hotel le 25 mars 1921 // Ibidem.

сами грузины. Это верно, что мы требуем Ардаган, но это вопрос второстепенный, и мы не будем ставить под вопрос будущее наших отношений со всем Кавказом в связи с этим.

В настоящее время для нас невозможно прийти к вам на помощь в вашей борьбе против большевиков. Мы не можем вступить в эту борьбу, когда греки атакуют нас в Малой Азии. Тем не менее, я надеюсь, что через два месяца наши разногласия с Грецией будут урегулированы и тогда не только Франция, но и Англия также будет заинтересована нашими делами, включая и проблему Конфедерации Кавказа, которую мы здесь обсуждаем. Когда наступит этот час, мы встретимся на конференции делегатов. Именно тогда мы и разработаем договор, который станет не просто договором о дружбе, а договором о союзе!»[189].

Вероятно, к этому времени сам Сами-бей был не совсем уверен в возможности убедить Великое национальное собрание Турции в необходимости отказаться от Ардагана ради сомнительного союза с кавказцами, территории которых уже были оккупированы красной армией.

Несмотря на это, правительство Грузии попыталось еще раз прибегнуть к посредничеству французов для того, чтобы оказать давление на турок в вопросе Ардагана. 30 марта Чхенкели направил на имя Бертело ноту, в которой, пытаясь убедить французов поддержать грузинскую позицию, поставил основной акцент на стратегической важности Ардагана для Кавказа. В ноте прозвучал прозрачный намек на то, что освобождение Кавказа от большевиков возможно лишь в случае использования Ардагана в качестве военно-политической базы, в значительной степени являющейся залогом успеха предприятия[190].

---

[189] Ibidem.

[190] A. Tchenkeli. Note à Ph. Berthelot, secrétaire général du ministère des Affaires étrangères de la France. Paris, 30. 3. 1921 // Ibidem.

Первоначально дело развивалось так, как и прогнозировал Бриан. В результате дипломатической деятельности Сами-бея, в Великом национальном собрании возникла весьма влиятельная группировка, выступающая за пересмотр некоторых статей Национального пакта и поиска компромисса с державами Антанты. «Члены группы уверяли, что державы Антанты были готовы прийти к соглашению с Турцией на вполне подходящих для нее условиях. Однако некоторые, враждебные Антанте лидеры националистов, желают продолжения войны. Успех этой группы означал бы принятие Севрского договора с незначительными изменениями. Это было то, чего желала Антанта и, в частности, Бриан»[191].

Очень скоро, однако, влияние группы было сведено на нет, так как после победы, одержанной 1 апреля турецкими войсками над греками в сражении под Иненю, правительство Анкары, до этого рассматривающее в качестве одного из запасных вариантов достижение компромисса с Антантой и, следовательно, возможность разрыва с большевиками, стало менее сговорчивым. В результате этого недобрые предчувствия Сами-бея стали реальностью. Франко-турецкие и итало-турецкие договора, заключенные Сами-беем в Лондоне, также как и его секретные переговоры с кавказцами в Лондоне и Париже, были восприняты, как противоречащие Национальному пакту, в результате чего по этому поводу между М. Кемалем и его министром иностранных дел разразился конфликт.

Весной 1921 г. греки начали генеральное наступление на Анкару, а Великобритания по-прежнему отказывалась признать основные требования турок. В результате этого линия на сближение с Западом, сторонником которой выступал Сами-бей, была признана ошибочной, и Великое национальное собрание Турции отказалось ратифицировать заключенные в Лондоне франко-турецкий и итало-турецкий договора. 1 мая Сами-бей был уволен со своего поста. Одной из причин этого

[191] *Sonyel S. R*. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. P. 105.

являлись просочившиеся в прессу данные о ведении последним тайных переговоров с Ллойд Джорджем о формировании антибольшевистского альянса. Новым министром иностранных дел был назначен Юсуф Кемаль, имеющий репутацию русофила. Большевики тут же выразили свое одобрение по поводу этого назначения. Для англичан же это назначение Анкары означало, что кемалисты окончательно отказались от компромисса[192].

Тем не менее, Анкара продолжала пользоваться услугами Сами-бея. В июле 1921 г. он был снова направлен в Европу для зондирования почвы о возможности соглашения с государствами Антанты.

Выведенные из себя несговорчивостью турок англичане оказали материально-техническую помощь греческой армии, чтобы оказать военное давление на Анкару. Бриан, раздраженный отказом турок ратифицировать франко-турецкий договор, также склонялся к этому решению. По аналогичным причинам это мнение разделяли и в Риме. Со своей стороны, греки тоже не были заинтересованы в ведении переговоров, будучи уверенными в своей скорой победе над кемалистами[193].

§ 3. Встречные инициативы кавказцев. Декларация о создании Союза кавказских государств от 10 июня 1921 г.

Не желая быть всего лишь пассивными свидетелями событий, развивающихся на Ближнем Востоке, представители кавказских правительств в изгнании решили разработать и принять декларацию, возвещающую всему миру о том, что после освобождения государств Кавказа от большевиков, последние заключат между собой Конфедеративный Союз, включающий в себя объединение таможенных, экономических и финансовых

[192] Ibidem. P. 115.
[193] Ibidem. P. 118-119.

систем, а также вооруженных сил. Составляя текст этого документа, кавказцы пытались заинтересовать державы Антанты и, прежде всего, Францию, перспективами экономического сотрудничества с независимым Кавказом. Выдвижение на первый план проекта Союза было связано не только с политической конъюнктурой того времени или внешним давлением, но и, главным образом, с опытом, полученным кавказцами в 1918-1921 гг. Оказавшись в изгнании, бывшие руководители кавказских государств окончательно осознали, что долгосрочные интересы народов Кавказа зачастую приносились в жертву близоруким националистическим страстям. К этому склоняли кавказцев и французские представители, хорошо понимавшие, что восстановление независимости государств Кавказа возможно лишь в случае теснейшей координации их действий, исключающих какие-либо имперские манипуляции большевиков. В качестве координатора по этим вопросам был назначен Шевалье, бывший верховный комиссар Франции на Кавказе, наряду с этим исполняющий роль личного представителя Бриана при эмигрантских правительствах Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа и Армении.

Непосредственная инициатива по заключению общекавказского соглашения исходила от Топчибаши и Чхенкели. Председатель азербайджанской делегации выработал по этому поводу тезисы, которые и должны быть лечь в основу будущей декларации. Им же была произведена и предварительная работа с представителями других кавказских республик. Грузины и горцы сразу же присоединились к упомянутой инициативе, считая необходимым как можно быстрее выработать принципы будущего объединения, доведя их до правительств государств Антанты. Кроме того, Топчибаши удалось увидеться с представителем Армении Агароняном, в целом, также высказавшимся в пользу заключения Кавказского Союза, хотя и выдвинувшего при этом ряд предварительных условий.

6 мая в помещении дипломатической делегации Азербайджана в Париже состоялось совещание представителей четы-

рех кавказских республик. Открывая заседание, Топчибаши отметил, что «мысль о необходимости для кавказских деятелей вести совместную работу для независимости и блага их народов, – мысль не новая и неоднократно были попытки в этом направлении, к сожалению, по тем или иным причинам, не приводившие к результату. Уклонение от этого единения нас привело к тому, что сегодня мы должны призадуматься и сознаться в этом уклонении и может быть и в ошибке. Мы упустили из виду, что совершение такого важного шага, как отделение от бывшей России и независимость, нам обойдется не дешево. Судьба напомнила это нам в лице той же России. За три года нашего пребывания здесь нам неоднократно приходилось слышать и на конференциях и отдельно, что это ошибка, когда каждый маленький народ является отдельно со своими делами и притязаниями. После катастрофы с Азербайджаном нам приходилось слышать эти упреки еще чаще. Но мы надеялись, что остаются еще две соседние республики, которые свободны, и во имя собственных же интересов помогут освободиться и Азербайджану. Этого не случилось и, к сожалению, наши соседи – и Армения и Грузия – подверглись тому же удару, не говоря уже о Северном Кавказе, который еще до нас подвергся нашествию, и теперь весь Кавказ находится во власти русских большевиков. Теперь перед нами является вопрос, как нам быть дальше и в связи с этим невольно напрашивается другой вопрос, не настал ли момент нам объединиться и действовать вместе, с целью восстановить независимость наших народов и освободиться от большевистского ига. Это цель, надо надеяться, даст почву и для дальнейшего нашего содружества и совместной работы. Надо ли сомневаться, что целесообразность такого союза не может оспариваться, так как даже великие державы Европы и государства Америки не могут полагаться одни на свои силы, и вынуждены прибегать к заключению союзов между собой. Если это так, и везде и всюду видна необходимость союзного начала, то можно ли сомневаться, что для нас, народов Кавказа, подобный союз

особенно важен и необходим. В этих видах нам, азербайджанцам, приходилось неоднократно говорить с представителями соседних народов. Представители Грузии и Северного Кавказа находили существенно необходимым заключение подобного союза между кавказскими республиками, и что, не останавливаясь на его деталях, нужно сейчас же решить основные черты этого союза, довести до сведения союзников и затем приступить совместно к работе для освобождения наших народов».

Далее Топчибаши ознакомил присутствующих с выработанными им основными принципами, на которых должен был основываться будущий Союз Республик Кавказа. Они включали в себя: полную независимость отдельных республик в их внутренних делах, разрешение всех спорных территориальных и пограничных вопросов путем арбитража. На первых порах Союз Республик Кавказа выражался в военно-оборонительном и таможенном альянсе, а также в ведении общей внешней политики. В декларации по поводу создания будущего объединения следовало подчеркнуть отношение Союза к России, Турции, к армянскому вопросу, а также обратиться за помощью к Европе.

После этого Топчибаши попросил присутствующих высказать свое мнение по поводу изложенных им тезисов. Как и следовало ожидать, основная сложность возникла с армянскими представителями, заявившими, что, хотя они принципиально и не имеют ничего против вхождения в будущее объединение, им первоначально необходимо разрешить вопрос не только Кавказской, но и Турецкой Армении, являющейся частью «общего армянского вопроса».

«Если верна идея, что существование Кавказской Федерации как барьерного государства выгодно Турции, нужно, чтобы она сделала компенсации и пошла бы навстречу образования этой Федерации», – заявил в связи с этим Агаронян.

Так как это в корне противоречило позиции Сами-бея, заявившего, что возвращение Армении Карса это тот максимум,

на что может пойти Анкара, кавказцы попытались убедить армян временно удовлетвориться Кавказской Арменией, отложив переговоры о Турецкой Армении на будущее. Основным аргументом их было то, что позиции Армении, вступившей в будущий Кавказский Союз и говорящей с Анкарой от его имени, станут куда более сильными. К тому же, в случае создания объединенного кавказского государства, позиция Анкары по Турецкой Армении будет менее непримиримой. «И в этом отношении, что лучше: если армяне будут выступать одни или же вместе с нами от имени Союза? Думается, что изолированное выступление армянских представителей было бы ошибочно и невыгодно для армянского народа.

Поэтому полагаю, что нам нужно принять Союз, провозгласить границы 1914 года и заявить о нашем Союзе в Верховный совет, и сказать, что мы принимаем на себя все “bon office”* между Турцией и Арменией в разрешении вопроса армян», – заявил Н. Рамишвили, бывший министр внутренних дел Грузии.

«Турецкие государственные деятели могут согласиться на передачу Карса и Ардагана только при условии создания Кавказской Конфедерации. И это вполне понятно, если принять во внимание стратегическое положение этих пунктов и то, что они являются ключом Турции. Передать эти важные пункты кому-либо из отдельных кавказских республик они не могут, так как в отдельности они слабы. Тогда как Кавказская Конфедерация будет довольно сильная и, конечно, сможет защищать свой нейтралитет, если со стороны России будет желание пойти на Турцию через Кавказ. Поэтому и Бекир Самибей определенно заявил, что Карс и Ардаган могут быть даны только при условии создания этой конфедерации и таким образом будет существовать буферное государство между Россией и Турцией», – уточнил А. М. Чермоев.

* Услуги (фр.).

Со своей стороны, Хатисян попытался доказать необходимость урегулирования армянского вопроса как необходимого условия для вступления Армении в Кавказский Союз с помощью следующего аргумента. По его словам, население Армении невозможно будет поднять на борьбу с большевиками до тех пор, пока турки удерживают насильно занятые ими армянские территории. Наряду с этим, в будущей декларации о создании Союза необходимо сделать оговорку в связи с тем, что создание этого объединения не имеет целью нанести ущерб национальным интересам России.

В итоге, так и не придя к согласию, стороны решили продолжить обсуждение вопроса об объединении на будущих заседаниях, предложив представителям Кавказской Армении провести соответствующие консультации с делегацией турецких армян. В заключительном слове Топчибаши, обращаясь к армянским представителям, посоветовал им занять более прагматичный подход в отношении турок: «Здесь было сказано, что турки наши враги, но они вовсе нам, кавказцам, не враги, и если мы будем смотреть на них как на таковых, то нам долго нельзя будет вступить с ними в обсуждение урегулирования армянского вопроса, так как, рассматривая их как врагов, мы ни к чему не придем»[194].

15 мая в здании легации Грузии в Париже состоялось новое совещание представителей республик Кавказа, на котором, однако, получить согласие армян на вступление в будущий Союз так и не удалось. Агаронян, проведя по этому поводу консультации с представителями делегации турецких армян, заявил, что кавказские армяне не могут делить единый армянский вопрос на вопрос Кавказской и Турецкой Армении, тем более что Севрский договор был подписан и представителями Кавказской Армении: «Делить армянский вопрос мы не

[194] Протокол общего совещания представителей республик Кавказа. Париж, 8. 5. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 4/3.

можем. Раз это так, то заключение союза, который и мы считаем спасением, и на который мы принципиально согласились без предварительной гарантии, что вопрос с Турецкой Арменией будет разрешен именно таким способом, мы не можем». Армянский представитель попросил при этом зарезервировать место в будущем объединении и для Армении, если остальные кавказцы все же заключат союз без них.

Убедившись, что позиции армянских представителей неизменны, Рамишвили, пытаясь найти промежуточное решение, задал своим собеседникам вопрос: В случае если азербайджанцы, грузины и горцы подпишут декларацию о кавказском объединении, могут ли армяне сделать заявление со своей стороны о готовности присоединиться к Союзу как только их конкретные затруднения будут разрешены?

Получив на это утвердительный ответ и констатировав, что «принципиально армянская делегация возражений не делает», кавказцы сосредоточились на поиске формулы, взаимно приемлемой для обеих сторон[195].

21 мая состоялось заседание представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, на котором было решено добиваться присоединения к Союзу армян всеми возможными способами. Для того чтобы хоть как-нибудь удовлетворить их притязания, приняли также решение в декларации, провозглашающей намерение создать объединенное кавказское государство, призвать Турцию по возможности устранить препятствия, связанные со вступлением армян в будущий Союз.

В случае если это будет неприемлемо для армян, кавказцы сочли возможным, чтобы делегация Армении «присоединилась к подобному выступлению трех республик Кавказа путем особой декларации», в которой, вместе с принципиальным согласием принять участие в Союзе Кавказских Республик, будут указаны те конкретные обстоятельства, от

[195] Протокол соединенного заседания представителей республик Кавказа. Париж, 15. 5. 1921 // Там же.

урегулирования которых зависит вступление Армении в будущее государство[196].

30 мая состоялось новое заседание представителей четырех республик Кавказа, где вопрос присоединения армян к общей декларации все же решился положительно. Непосредственной целью совещания была выработка содержания декларации, возвещающей мировому сообществу о намерении создать Союз государств Кавказа.

Гегечкори, бывший министр иностранных дел Грузии, знакомя собрание с проведенной кавказцами предварительной работой, подчеркнул, что «кавказские народы, имевшие до сих пор ориентации разного характера, отныне должны иметь одну ориентацию. Именно ориентацию на самих себя, руководствуясь принципом: Кавказ для народов Кавказа».

Затем были уточнены основные принципы будущего объединения, выработанные Топчибаши еще к началу мая: 1) военно-оборонительный союз, 2) единство дипломатических и политических акций, 3) единство экономических усилий в форме таможенного союза.

Будущее объединение получало название «Союз Независимых Республик Кавказа». Отдельные республики альянса оставались «свободными во всех своих внешних сношениях, но не должны предпринимать никаких шагов, которые идут против общих интересов Союза».

В заключение договорились о создании регулярно действующего органа – Совета представителей республик Кавказа, состоящего из глав дипломатических миссий, задачей которого являлась выработка в течение ближайшего времени проекта текста декларации об образовании Союза кавказских государств с последующим представлением его на одобрение совещания. Наряду с этим, Совет должен был представить перечень тех конкретных шагов, которые необходимо предпринять

[196] Совещание заседания трех республик Кавказа (Азербайджан, Грузия, Северный Кавказ). Париж, 21. 5. 1921 // Там же.

в связи с созданием упомянутого Союза, взяв на себя роль исполнительного и консультационного органа будущего объединения в связи с возникающими по этому поводу вопросами. В случае необходимости, Совет обладал правом созывать общие собрания дипломатических делегаций кавказских республик. В состав Совета были введены Топчибаши, Чхенкели, Чермоев и Агаронян[197].

Параллельно с работой над текстом декларации кавказцы делали все для того, чтобы привлечь к поддержке этого шага правительство Франции, всячески демонстрируя ему, что взаимные распри забыты, и отныне они едины в своем желании освободиться от большевизма. Инициативу в этом вопросе проявляли грузины, которые, будучи юридически признаны Парижем, обладали доступом в высшие правительственные круги Франции.

Вместе с тем с начала июня казалось, что странам Антанты с помощью давления удастся склонить Анкару к компромиссу и разрыву с большевиками.

2 июня состоялась встреча Жордания, председателя правительства Грузии в изгнании, с Брианом. Хотя эта встреча длилась всего 15 минут, ее участникам удалось обсудить основные аспекты франко-турецких взаимоотношений в контексте потенциального альянса кавказских государств.

Сразу же после начала встречи Жордания информировал Бриана о том, что в ближайшем будущем будет подписана официальная декларация, провозглашающая основные принципы, на которых станет базироваться предстоящий альянс кавказских государств. После этого он перешел к вопросу турко-большевистских взаимоотношений и их влиянию на перспективы Грузии и Кавказа: «Положение в Анкаре, где в последнее время Москва значительно усилила свое влияние,

[197] Протокол заседания представителей четырех республик: Азербайджана, Армении, Горской и Грузии. Париж, 30. 5. 1921 // Там же.

затрудняет наши дела. Отсюда – непримиримая позиция Анкары в отношении Европы.

Бриан: Мы оказали значительную помощь Анкаре и ее делегации в Лондоне. Мы пошли вплоть до заключения с ней договора. Нашей целью было оторвать Анкару от Москвы с целью присоединить ее к делу Грузии и других государств Кавказа. Тем не менее, кемалисты не проявили благоразумия, и они об этом пожалеют. В связи с этим мы уже принимаем меры...

Жордания: Мы знакомы лично с Бекир Сами-беем. Он был у нас в Тифлисе. Позднее, однако, он потерял всякое влияние и удалился от дел. Младотурки вновь взяли власть в Анкаре, где имело место серьезное противостояние, и теперь они вернулись к старой политике.

Бриан: Вы правы, это та коварная политика, которую они вели в 1918 г., в союзе с Германией. Тем не менее, они очень скоро поймут, что мы не шутим. Мы уже посылаем войска, оружие и снаряжение. Мы должны вычистить Анкару.

Жордания: Они открыто говорят в Анкаре, что Антанта бессильна и никогда ничего не добьется.

Бриан, сотрясая кулаком: Через 15 дней они поймут, бессильны ли мы!

Жордания: Представители четырех кавказских республик ведут переговоры. Мы хотим действовать сообща, создав альянс с целью одержать победу совместными усилиями.

Бриан: Это хорошая новость. Продолжайте действовать в этом направлении. Успех вашего предприятия напрямую связан с вашим согласием и союзом.

Жордания: Мы рассчитываем, что народы Кавказа могут играть важную роль в Малой Азии в случае их объединения.

Бриан: Вы правы. Мы об этом никогда не забудем.

Жордания: В особенности, мы рассчитываем на Францию, и ее помощь в деле наших законных требований.

Бриан: Вы можете быть уверены в этом. Мы хотим окружить Россию государствами Кавказа. Вы будете свободны!»[198].

Неделю спустя, 8 июня, Жордания обсудил те же вопросы с А. Мильераном, президентом Французской Республики. Со своей стороны, Мильеран также выразил свою полную поддержку плану объединенного Кавказа: «Союз Республик Кавказа – это очень хорошее дело. Мы желаем вам успеха»[199].

Надеясь воспользоваться благоприятно складывающейся международной ситуацией, кавказцы решили выступить совместным фронтом, подняв ставки и со своей стороны. Если раньше, вероятно, для того, чтобы не слишком раздражать турок, переговоры с Сами-беем велись только грузинами, азербайджанцами и северокавказцами, выдвигавшими лишь требование относительно компромиссного статуса Ардагана, на сей раз к делу были подключены и представители Армении.

13 июня в помещении грузинской легации состоялось заседание руководителей дипломатических представительств республик Кавказа. После тщательного уточнения текста будущей декларации, разработанного выдающимся грузинским юристом и советником легации Грузии Авалишвили, участники совещания обсудили вопрос как о времени опубликования декларации, так и о шагах, какие с целью создания соответствующего фона должны были воспоследовать этому акту. По мнению Топчибаши, подписание декларации требовалось ускорить, приурочив это событие к 25 июня, – очередному заседанию Верховного совета Антанты, предварительно распространив ее как в Париже, так и в Лондоне. Так как просочившиеся в прессу слухи о подписании декларации вызвали нега-

[198] Протокол встречи А. Бриана с Н. Жордания. Париж, 2. 6. 1921. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 128.

[199] Протокол встречи А. Мильерана с Н. Жордания. Париж, 8. 6. 1921. (На груз. яз.) // Там же.

тивную, а зачастую и озлобленную реакцию русских эмигрантских кругов, Топчибаши предлагал устроить открытое обсуждение принципов, на которых должен был основываться будущий Кавказский Союз, в форме конференции. На нее предполагалось пригласить представителей как русской эмиграции, так и французских политических и научных кругов. Кавказцам предстояло убедить русских деятелей, что объединение республик Кавказа не несет опасности национальным интересам освобожденной от большевизма России. Напротив, новообразовавшиеся государства будут готовы учесть экономические интересы, которые Россия могла иметь на Кавказе. Впрочем, будучи реалистом, Топчибаши отметил, что не ожидает от русских эмигрантов «особого благожелательства, потому что они не могут расстаться с идеей федеративной России».

Было решено 15 июня поехать к Шевалье для согласования с ним окончательного текста декларации. Сразу же после этого планировалось подписать текст самой декларации на квартире А. М. Чермоева[200].

15 июня дипломатическими представителями всех четырех кавказских республик декларация, наконец, была подписана (поскольку текст документа был окончательно выработан за неделю до этого, формальной датой подписания указали 10 июня).

Представители кавказцев единодушно признавали, «что Кавказ, будучи перешейком, четким образом разделяющим Европу и Азию, является, благодаря своему географическому положению, великим международным путем, связывающим Черное море и Средиземноморье со странами Центральной Азии и Ближнего Востока, и что свобода этого пути во благо всех народов может быть обеспечена лишь при условии пол-

[200] Протокол заседания представителей делегаций Армении, Азербайджана, Грузии и Горской Республики. Париж, 13. 6. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 4/3.

ной независимости кавказских республик и установления между ними союза»[201].

Если раньше между кавказскими государствами и случались конфликты, отныне все разногласия должны были быть урегулированы с помощью обязательного арбитража. Пусть в прошлом республики Кавказа следовали различным внешнеполитическим ориентациям, ныне кавказцы принимали на себя обязательство следовать единой политике Кавказского Союза.

Было принято решение заключить оборонительный военный союз республик Кавказа «с целью защиты от внешней агрессии каждой из них и всех вместе. […]

Принимая во внимание общность экономических интересов всех народов Кавказа […] и с целью укрепить политическую солидарность этих народов, подписавшие стороны заявляют, что таможенные границы, также как и другие препятствия на пути свободного передвижения между территориями различных республик Кавказа, являются упраздненными, и что упомянутые республики формируют отныне таможенный союз и единую транзитную территорию для международной торговли».

Поскольку Россия оставалась соседним государством, кавказцы заявляли, что их «республики готовы, во время урегулирования их отношений с Россией, справедливым образом удовлетворить экономические интересы, которые она может иметь на Кавказе»[202].

Несмотря на эту уступку бывшей империи, декларация придавала первостепенное значение будущим взаимоотношениям с Турцией, оговаривая при этом условия кавказцев:

---

[201] См. полный русский перевод текста декларации от 10 июня: Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». Сборник документов. Сост., пред., пер., прим. Г.Г. Мамулиа. Москва. 2012. С. 41.

[202] Там же. С. 42.

«Придавая, с другой стороны, не меньшее значение установлению дружеских и добрососедских отношений с Турцией, республики Кавказа будут иметь целью с помощью совместных усилий консолидировать эти отношения на основе соблюдения и уважения Турцией нерушимости территории Кавказа в пределах границ 1914 г. Считая также, что неразрешенность на нынешний день армянского вопроса в Турции представляет собой одно из главных препятствий на пути к созданию Союза кавказских государств, к великому ущербу для их явных интересов, представители этих государств находят, что быстрое и справедливое территориальное разграничение Турции и Армении в соответствии с их взаимными интересами будет являться залогом мира в пределах Турции и спокойствия на Ближнем Востоке, и что прочность и жизнеспособность республик Кавказа и их союза в значительной степени будут зависеть от этого урегулирования, достижению которого кавказские государства будут способствовать совместными усилиями».

В конце декларации представители кавказских государств напоминали, что «оккупация в 1919 и 1920-1921 гг. вооруженными силами России и Турции территорий этих республик представляет собой вопиющее нарушение их прав, являясь источником будущих потрясений, и что все дипломатические средства должны быть использованы с целью положить, в наиболее краткий срок, конец этой незаконной оккупации и восстановить порядок»[203].

Сразу же после подписания декларации Шевалье составил специальную записку на имя Бертело, генерального секретаря МИД Франции, в которой дал конкретные рекомендации относительно того, какую помощь могла бы оказать Франция государствам Кавказа. Шевалье, в частности, сообщал, что «правительства Кавказа, находящиеся в настоящее время в Европе, заключили соглашение, ставящее конец их террито-

[203] Там же. С. 42-43.

риальным конфликтам. Соглашение включает в себя таможенный и военный союз, а также совместные коммуникации».

Несмотря на то, что упомянутое соглашение заключено в условиях изгнания, где «легко объединиться, как и то, что этот договор существует лишь на бумаге, оно, тем не менее, объединяет руководителей главных партий во всех государствах Кавказа, и будет немедленно осуществлено в тот день, когда иностранное господство закончится».

Как писал Шевалье, с экономической точки зрения возможность осуществления этого соглашения может быть предоставлена посредством заключения договоров с заинтересованными французскими финансовыми группами, включающих в себя концессии, акционерные общества, а также слияние железных дорог.

С военной точки зрения, французам следует определить и хранить в готовности вооружение и снаряжение, помощь которым должна быть оказана кавказцам в соответствующее время.

«С политической точки зрения государства Кавказа были бы склонны поставить свою независимость и целостность под контроль, так же, как и гарантию Франции, Англии, и возможно, воссозданной России или Турции», – писал Шевалье, имея в виду желание кавказцев установить добрососедские отношения как с Турцией, так и освобожденной от большевизма Россией[204].

19 июля эта декларация была официально переслана в Совет и членам Лиги наций.

Для того чтобы максимально способствовать популяризации кавказского вопроса в стране, а также убедить общественное мнение Франции в целесообразности поддержки, а в перспективе и признания Парижем независимости всего Кав-

[204] A. Chevalley (Haut commissaire de la République Française au Caucase). Note pour le Secrétariat Général. 10. 6. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 633 Russie (Caucase). Fol. 33.

каза, в соответствии с предложением Топчибаши было решено устроить публичное обсуждение принципов, на которых должен был основываться будущий альянс. Наряду с этим, попытаться найти точки соприкосновения с представителями русских политических кругов, показав им, что кавказские народы, желая восстановления своей независимости, готовы учитывать экономические и политические интересы освобожденной от большевизма России на Кавказе.

С этой целью 27 июня и 4 июля в престижном зале Национального комитета социальных и политических исследований состоялись конференции «Кавказ, большевизм и Турция» Авалишвили и Топчибаши. Как свидетельствует название конференций, основной целью выступающих было показать общественному мнению, а также политическим кругам Франции то, что заключение компромиссного договора с Турцией согласуется с интересами как Антанты, так и Анкары. Что, со своей стороны, настойчиво требует от Турции способствовать созданию объединенного кавказского государства. «В случае если Турция перестанет быть другом России, она никогда не будет чувствовать себя в безопасности от русской агрессии, до тех пор, пока эти державы остаются соседями друг друга. Создание кавказского барьера станет жизненной необходимостью для Турции и для тех держав, которые навяжут ей урегулирование восточного вопроса. Тогда-то и появится, в сущности, тесная солидарность интересов Турции и Кавказа. В ее пользу уже выступают независимые умы в Турции», – намекнул Авалишвили на группу Сами-бея.

Коснувшись принципов только что подписанной декларации, докладчик подчеркнул, что они открывают «новый путь национальным чаяниям Кавказа.

Политика союза кавказских наций, являясь коренным условием их будущего существования, соответствует также жизненным интересам их южных соседей – Турции и Ира-

на»[205]. Говоря о будущих взаимоотношениях с Россией, Авалишвили заявил, что «по правде говоря, у нее есть на Кавказе лишь один реальный интерес – знаменитый нефтяной бассейн Баку. Однако важность этого бассейна заключается в том, что он не является ни кавказским, ни русским. Он имеет, скорее, международное значение по причине мощности месторождений и природе инвестированных в него капиталов.

Для Европы и всего мира важность решения кавказской проблемы в соответствии с принципами, провозглашенными союзными правительствами Кавказа, очевидна. Четыре республики, объединенные тесным политическим альянсом, составят единую таможенную территорию. Транзит будет свободным по территории Кавказа, от Черного до Каспийского моря (от Батуми до Баку), от Средиземноморья до внутренних рынков Ирана (по железной дороге Батуми-Тифлис-Ереван-Тавриз) и Турции (Батуми-Тифлис-Карс-Эрзерум). Пересекая территорию независимых республик Кавказа, этот большой международный путь будет защищен от исключительного эгоизма какой-либо великой державы и послужит всему человечеству, связывая обширные и богатые природными ресурсами страны Азии с индустриальными странами Европы»[206].

4 июля на ту же тему состоялась конференция Топчибаши, текст выступления которого зачитал перед собравшейся аудиторией советник дипломатической делегации Азербайджана Магеррамов. Основным лейтмотивом конференции было стремление подчеркнуть важность заключенного общекавказского пакта, а также доказать присутствующим в зале французским представителям необходимость скорейшего заключения компромиссного мира с Анкарой.

---

[205] Le Caucase, le bolchevisme et la Turquie. Conférence de M. Avaloff. Présidence de M. le Général de Lacroix. Séance du Lundi 27 juin 1921. Comité National d'études sociales et politiques. Paris. 1921. P. 12.

[206] Ibidem. P. 12-13.

Касаясь внешнеполитической ориентации, которой должен будет следовать Азербайджан после своего освобождения от большевиков, Топчибаши подчеркнул, что в деле правильного понимания и защиты своих прав «Азербайджан следует лишь одному пути, который справедлив и необходим для его существования.

Этот путь является путем народов Кавказа и заключается в его кавказской ориентации, мире, дружбе и всеобщем прогрессе в самой стране и, прежде всего, в единстве со своими кавказским соседями. Вне этой ориентации Азербайджан не видит возможности развития интеллектуальных и экономических сил ни для себя, ни для своих соседей, – горцев, грузин и армян. […]

Договор о тесном союзе, недавно подписанный представителями четырех республик Кавказа, является уже существующим фактом. Так же, как наши соседи, азербайджанцы убеждены, что в этом союзе народы Кавказа нашли и найдут силы для освобождения и возрождения своих стран.

Эти новые силы, опирающиеся на союз народов Кавказа, дадут им возможность не только забыть взаимные заблуждения и недоразумения, которые имели место в полностью ненормальных обстоятельствах правления царского режима, твердо придерживающегося девиза “разделяй и властвуй”, но также учредить и развить экономически рациональную политическую жизнь, основанную на принципах демократии.

Мы убеждены, что в этом деле кавказские республики заслужат симпатии, прежде всего, со стороны своих наиболее близких соседей – России, Турции и Ирана»[207].

Отметив, что Турция, со своей стороны, заинтересована в восстановлении независимости народов Кавказа, Топчибаши подчеркивал, что ее союз с большевиками носит временный

[207] Le Caucase, le bolchevisme et la Turquie. Conférence de M. Toptchibacheff. Présidence de M. Larnaude. Séance du Lundi 4 juillet 1921. Comité National d’études sociales et politiques. Paris. 1921. P. 9.

характер и является прямым следствием «слепой политики тех держав, которые полностью игнорировали турецкие интересы, бросив ее, тем самым, в объятия большевиков».

Последний пассаж, несомненно, имел в виду ближневосточную политику Ллойд Джорджа, отказывавшегося идти на какие-либо уступки кемалистам. Противопоставляя ей политику Бриана, Топчибаши отмечал, что «здравый курс нынешнего французского правительства стремится создать независимую и жизнеспособную Турцию».

Реакция, вызванная выступлениями докладчиков, показала, насколько сложной была поставленная перед ними задача. Даже Шевалье, в целом крайне позитивно настроенный к делу восстановления независимости народов Кавказа и сам выступавший в пользу компромисса с кемалистами, заметил, что упрек Топчибаши в том, что западные державы «игнорировали интересы Турции», не совсем справедлив, так как «турки были открытыми врагами» Франции. Они были побеждены, и лишь посредством курса, «заключающегося в сочетании великодушия и политики, мы способны забыть это»[208]. Таким образом, кавказцам ясно давалось понять, что им следовало бы со своей стороны попытаться склонить турок к компромиссу с Антантой.

Впрочем, как и предполагал Топчибаши, несравненно более негативной была реакция В. Маклакова, в 1918-1920 гг. выполняющего во Франции функции посла белых правительств России, и сосредоточившего весь свой пыл на критике выступления Авалишвили. С целью скомпрометировать идею единства народов Кавказа в глазах присутствующих французских представителей он остановился на противоречиях, имевших место между кавказскими государствами в 1918-1921 гг., стремясь показать, что, вопреки подписанной декларации, кавказские народы неспособны создать единое государство. Единственным выходом для них является пребыва-

[208] Ibidem. P. 11.

ние в составе федеративной России: «Здесь выступают в пользу альянса четырех республик. Я, мечтающий о возрождении агонизирующей России на совершенно иной, децентрализованной основе, с режимом, исключающим применение силы, был бы рад видеть эти малые страны объединенными в союз, способный лучше себя защитить. К сожалению, зачастую эти народы имеют противоположные интересы. Между Грузией, Арменией и Азербайджаном существую неурегулированные территориальные вопросы. Я не знаю, оставили ли армяне свои претензии на Тифлис, который является как армянским, так и грузинским городом. Я задаю себе вопрос: насколько крепким является соглашение?»[209].

Заявив, что грузины должны быть благодарны России за установление ее владычества на Северном Кавказе, иначе их постигла бы участь армян, а также то, что Россия инвестировала огромные суммы в эксплуатацию природных ресурсов Кавказа («Встает вопрос, не следует ли туземным народам подумать об урегулировании этого долга?»), Маклаков особенно рьяно выступил против политического и экономического присутствия европейских стран в регионе, сбившись, в конечном итоге, на традиционную аргументацию русских империалистов. В завершение своей речи он подчеркнул, что после свержения большевизма «у него есть твердая надежда, что никто не будет оспаривать у Грузии права на то, что действительно необходимо для ее независимости. Но при этом последняя предпочтет добрососедство с Россией защите международного консорциума»[210].

Наряду с ведением пропаганды в пользу кавказского дела, представители дипломатических представительств республик Кавказа приняли решение о создании структур, в определенной степени обладающих функциями общекавказского правительства в изгнании.

---

[209] Le Caucase, le bolchevisme et la Turquie. Conférence de M. Avaloff. P. 19.
[210] Ibidem. P. 20.

1 июля на состоявшемся под председательством Топчибаши совещании представителей кавказских республик было принято решение считать упомянутое совещание распорядительным органом будущего Союза государств Кавказа. Параллельно с этим временно создавался исполнительный орган в лице собрания секретарей кавказских дипломатических представительств в Париже. Секретариату поручалось ведение всей исполнительной работы, делопроизводства, а также составление протоколов совещания. Было учреждено пресс-бюро, в состав которого включили по одному представителю от каждой из республик Кавказа[211]. 15 июля был избран и персональный состав пресс-бюро в составе Д. Гаджибейли, В. Г. Джабаги, Г. Вешапели и Анумяна[212].

Наряду с этим было принято решение централизовать деятельность Совета, координируя действия с деятельностью кавказских представителей в других странах. В частности, в Константинополе, где в то время активизировали работу Х. Хасмамедов, К. Гварджаладзе и Г. Баммат, – представители Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа[213].

§ 4. Возобновление переговоров в Париже. Кавказцы между Парижем и Анкарой

В середине июня, до перехода греков в решающее наступление, собравшиеся в Париже руководители западных союзников решили вновь обратиться к воюющим сторонам с предложением компромисса. Их условия, в основном, повторяли положения Лондонской конференции. Измир должен полу-

[211] Протокол заседания представителей республик Кавказа. Париж, 1. 6. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 4/3.

[212] Procès-verbal de la réunion des représentants des quatre République Caucasiennes. Paris, 13. 7. 1921 // Ibidem.

[213] Протокол заседания представителей республик Кавказа. Париж, 1. 6. 1921 // Там же.

чить статус автономной провинции под турецким суверенитетом, но с христианским губернатором во главе и смешанной жандармерией, находящейся под командованием европейских офицеров. Взамен Турции была обещана всеобщая помощь, в том числе и в деле создания кавказского буферного государства[214].

К удивлению союзников, от этого предложения отказались сами греки. Со своей стороны, верные своей политике двойственной дипломатии и находившиеся в тяжелом положении турки вновь решили прощупать намерения союзников, направив в начале июля в Париж Сами-бея, имеющего в европейских столицах репутацию западника.

16 июня поверенный в делах Грузии в Париже Авалишвили обратился к графу Перетти де ля Рокка, директору Департамента политических и коммерческих дел французского МИД, с просьбой организовать аудиенцию представителей четырех республик с Брианом, которому кавказцы хотели бы лично передать подписанную ими декларацию, сопроводив ее устными объяснениями[215].

Через два дня согласие Бриана было получено[216].

22 июня в 11 часов в здании МИД состоялась аудиенция Топчибаши, Авалишвили, Чермоева и Агароняна с председателем Совета министров и министром иностранных дел Франции. После краткой предварительной беседы с Перетти де ля Рокка кавказцев препроводили в кабинет Бриана. От

---

[214] *Sonyel S. R.* Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. P. 122-123; *Howard H. N.* The Partition of Turkey. A Diplomatic History 1913-1923. P. 264.

[215] Z. Avaloff (Chargé d'affaires a. i. de Géorgie). Note à Comte P. de la Rocca, ministre plénipotentiaire, directeur des Affaires politiques au ministère des Affaires étrangères. Paris, 16. 6. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 633 Russie (Caucase). Fol. 35.

[216] P. de la Rocca (Ministre plénipotentiaire, directeur des Affaires politiques et commerciales au ministère des Affaires étrangères). Note à Z. Avaloff, chargé d'affaires de Géorgie. Paris, 18. 5. 1921 // Ibidem. Fol. 36.

имени четырех представителей республик Кавказа Авалишвили передал ему копию декларации, сопроводив эту церемонию краткой речью, где коснулся основных принципов, изложенных в этом документе, на которых должно было основываться будущее кавказское государство. Наряду с этим Бриану были даны подробнейшие объяснения относительно целей заключения Кавказского Союза. Грузинский дипломат отметил, что своим появлением на свет упомянутый документ во многом обязан поощрению, какого кавказцы удостоились в Париже, политический климат которого чрезвычайно благоприятен заключению соглашений подобного рода.

Сообщив, что независимые государства Кавказа пали жертвой направленного против Антанты альянса большевиков и кемалистов, который, впрочем, носит искусственный характер, Авалишвили подчеркнул, что одно лишь удовлетворение справедливых требований турок не достаточно для того, чтобы покончить с упомянутым альянсом и обеспечить длительный мир на Ближнем Востоке. Необходимо при помощи независимых кавказских государств восстановить и укрепить барьер, отделивший бы Турцию от советской России.

Поэтому представители кавказских республик надеются, что проблема Кавказа будет принята во внимание как при будущих переговорах с турками, так и на следующем заседании Верховного совета Антанты.

«Да, само собой разумеется, я полностью отдаю себе отчет относительно важности, какую представляет собой вопрос ваших республик, – ответил Бриан. – Еще в Лондоне я озаботился задачей поставить его перед Верховным советом, однако в то время идеи англичан по этому поводу немного отличались от наших… То, что между Турцией и советской Россией должен быть воздвигнут барьер очевидно. Какова, однако, точная обстановка, сложившаяся на сегодняшний день в ваших странах, под каким режимом они пребывают?».

Агаронян, взявший слово по этому поводу, сообщил Бриану о последних событиях на Кавказе, в том числе и о восста-

нии, поднятом в Армении против большевиков в феврале 1921 г. Хотя повстанцы и были вынуждены оставить Ереван, они укрепились в Зангезуре, откуда продолжают оказывать оккупантам сопротивление.

На вопрос Бриана, какова, по мнению кавказских представителей, общая численность красных оккупационных войск, находящихся на Кавказе, Топчибаши и Агаронян назвали цифру в 100-120 000 человек. Но, возможно, силы оккупантов являются и более многочисленными.

Перейдя к вопросу границ Армении с Турцией, Агаронян и тут не удержался от того, чтобы не поднять вопрос о Турецкой Армении. «Мы не хотим быть слишком требовательными, но для нас основное значение имеет вопрос воссоединения Турецкой Армении (даже в ее скромных границах) с Русской Арменией. Это принцип, от которого не может отказаться ни одно армянское правительство».

Скрыв свое недовольство этими высказываниями, ставящими под угрозу достижение компромисса с кемалистами, Бриан перевел беседу на проблему турецко-кавказских взаимоотношений. «То, что турецко-русский альянс носит искусственный характер, – что может быть более очевидным? Каким образом Турция, такая, какой она является, может воспринять большевистские идеи? Это можно еще представить себе в индустриальных странах, население которых способно поддаться соблазну мистической идеи коммунизма, но Турция!.. Как в Лондоне, во время заседания Верховного совета, мы делаем сейчас и сделаем в будущем все для того, чтобы предложить Турции условия независимого национального существования. В настоящее время она действительно может рассчитывать на разумные и даже более чем разумные условия мира! Но этот альянс с Советами! От него Турции необходимо отказаться!».

А. М. Чермоев, взявший слово в конце беседы, сослался на пример участия горцев Северного Кавказа в войне против России на стороне Турции во время Крымской кампании, а

также войны 1877-1878 гг. Турция, говорил он, где количество черкесов (горцев) «столь многочисленно, всегда договорится с Кавказом. Бекир Сами-бей, будучи сам черкесом, имеет по этому поводу ясные идеи. Поддерживая Кавказ, Франция облегчит тем самым задачу всех турок, которые думают так, как Бекир»[217].

Со своей стороны, посулив всяческое содействие кавказцам, Бриан обещал им поставить вопрос о признании Союза государств Кавказа на будущем заседании Верховного совета Антанты[218].

Надеясь воспользоваться благоприятно складывающейся обстановкой и достичь с турками договоренности хотя бы на этот раз, 29 июня Чхенкели от имени эмигрантских правительств Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа и Армении попросил аудиенции у Бертело, генерального секретаря МИД Франции.

«Разумеется, вам известно, что Союзные Республики Кавказа возлагают большие надежды на помощь Франции с це-

---

[217] Compte rendu de l'audience accordée à M.M. les représentants des Républiques du Caucase par Monsieur Briand, président du Conseil, ministre des Affaires étrangères, le 22 juin 1921 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 193.

[218] Ibidem; Procès-verbal de la séance du Conseil des représentants des Républiques Caucasiennes. Paris, 28. 7. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 2/1.

В письме Топчибаши Мехтиеву, написанному на второй день после приема кавказцев Брианом, сохранились следующие сведения об этой встрече: «22. 6. 1921. Я, Агаронян, Авалов и Чермоев были у французского премьера и представили ему экземпляр декларации. Были приняты и выслушаны со вниманием. Обещано кавказский вопрос поставить в порядке очереди заседания Conseil Suprême. Вчера же в «Les Temps» появилась передовая статья, весьма сочувственно говорящая о кавказских республиках. Там же в официальном отделе (на 4 стр.) есть заметка о нашем приеме. Следует использовать статью «Les Temps» в целях дальнейшей пропаганды в английских газетах». См.: А. М. Топчибаши – М. Я. Мехтиеву. Париж, 23. 6. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 7/2.

лью выработки *modus vivendi* с правительством Анкары. Представители упомянутых республик рассчитывают воспользоваться пребыванием в Париже Бекир Сами-бея, чтобы вступить с ним в переговоры по этому поводу. Тем не менее, они придают еще большее значение возможности быть предварительно выслушанными Вашим Превосходительством»[219], – писал грузинский дипломат.

8 июля Топчибаши, Чхенкели, Чермоев и Хатисян были официально приняты Сами-беем и передали ему текст подписанной декларации. По словам Топчибаши, турецкий представитель повторил кавказцам, что «ангорское правительство с удовлетворением и радостью относится к Союзу Кавказских Республик. Что же касается оснований декларации, то по этому поводу он сейчас не вправе сказать что-либо сам, и пошлет декларацию в Ангору, которая и выскажет свое мнение». По словам Сами-бея, ответ следует ожидать через полтора-два месяца. После этого между собеседниками состоялся полуторачасовой обмен личными мнениями. К сожалению, и здесь выявилось различие взглядов между Сами-беем и Хатисяном, в результате чего беседа вновь сосредоточилась на злополучном армянском вопросе. На слова Сами-бея о том, что вопросы турецко-армянской границы уже разрешены Александропольским договором 1920 г., подписанным, между прочим, самим Хатисяном, последний заявил, что «он был вынужден подписать столь невыгодный для Армении договор под влиянием военного характера обстоятельств, но что ни один армянин не может придавать значение такому договору».

По просьбе Сами-бея Хатисян указал на карте территории, которые армяне требовали от Турции. По данным Топчибаши, они простирались «от границы Эриванской губернии до Вана (озера и города), с включением Баязидского санджака».

---

[219] A. Tchenkeli. Note à Ph. Berthelot, secrétaire général du ministère des Affaires étrangères de la France. Paris, 29. 6. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série E (Levant). Dossier Caucase-Kurdistan n° 8. Fol. 103.

Чтобы как-то разрядить обстановку, кавказцы предложили образовать комиссию из представителей Турции и республик Кавказа для предварительного обсуждения «всех общих вопросов». Дипломатично заметив, что не возражает против этого, Сами-бей уклонился от продолжения беседы на эту тему, заявив, «что он сейчас очень занят переговорами с Францией»[220].

Разумеется, территориальные требования армян никак не могли способствовать достижению турецко-кавказского соглашения, сводя к минимуму и без того небольшие шансы на успех.

11 июля в здании МИД Франции состоялась встреча Топчибаши, Чхенкели, Чермоева и Хатисяна с Перетти де ля Рокка, в ходе которой французский дипломат еще раз подтвердил намерение Бриана поставить кавказский вопрос на обсуждение будущего заседания Верховного совета Антанты. Со своей стороны кавказцы сообщили графу о восстаниях, периодически вспыхивающих против большевиков на Северном Кавказе, в Азербайджане и Армении, что свидетельствовало о том, что народы этих стран продолжали бороться против захватчиков и, таким образом, имели право на независимость. Представители кавказских республик также выступили с предложением создать при французской помощи и посредничестве совместную турецко-кавказскую комиссию для подробного обсуждения «деталей сближения» с Анкарой. Де ля Рокка ответил, что создание подобной комиссии может оказаться возможным лишь в случае благоприятного развития событий, в контексте будущих франко-турецких взаимоотношений[221].

---

[220] А. М. Топчибаши – М. Я. Мехтиеву. Париж, 14. 7. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 7/2.

[221] P. de la Rocca. Réception des représentants des quatre Républiques du Caucase. Paris, 11. 7. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 633 Russie (Caucase). Fol. 63.

27 июля, в день, когда Великое национальное собрание Турции ратифицировало Московский договор, состоялась встреча Сами-бея с Брианом, во время которой стороны подробно обсудили как перспективы достижения компромисса с кемалистами, так и вопрос о восстановлении независимости государств Кавказа. Пытаясь перетянуть турок на свою сторону, и понимая, что Анкара пытается выторговать для себя наиболее благоприятные условия, Бриан сделал своему собеседнику следующее предложение, напрямую привязывающее проблему Кавказа к заключению кемалистами мирного договора с Парижем и разрыва ими альянса с Москвой. Французский премьер-министр объяснил турецкому представителю, что Париж, формально придерживаясь лояльных отношений с Великобританией и другими союзниками, не может пойти на прямое оказание военной и материальной помощи Анкаре до заключения всеобъемлющего мира государств Антанты с Турцией. Тем не менее, Франция все же могла бы предоставить кемалистам военную и материальную помощь, если она станет осуществляться при посредничестве государств Кавказа, в восстановлении независимости которых турки должны были принять самое деятельное участие. Для того, чтобы доказать свою заинтересованность в этом деле, Бриан обещал поставить вопрос признания *де-юре* Кавказской Конфедерации на заседаниях Верховного совета Антанты, а на следую-

---

Об этом же визите упоминает и Топчибаши, сообщая интересные дополнительные детали: «11. VII. 1921. Были во французском Министерстве иностранных дел и виделись с директором политического отдела Peretti de la Rocca. Напомнили об обещании премьера поставить кавказский вопрос в порядок дня Conseil Suprême. Ознакомили с содержанием беседы с Бекир Сами-беем. Заявили о необходимости подготовительной комиссии, так и о ведении переговоров с Бекир Сами-беем. Есть надежда на результат». См.: А. М. Топчибаши – М. Я. Мехтиеву. Париж, 14. 7. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 7/2.

щий день, 28 июля, – вопрос признания Северокавказской Республики на обсуждение Совета министров Франции[222].

По словам самого Сами-бея, «он нашел в лице Бриана большого сторонника Кавказской Конфедерации». Со своей стороны Сами-бей заявил премьер-министру, что «при всех обстоятельствах, как бы ни был разрешен восточный вопрос, турки предпочтут и будут довольны видеть своим соседом Кавказскую Конфедерацию, а не Россию, так как государства Кавказа имеют много общих черт и основу для добрососедских отношений с Турцией».

В заключение беседы Сами-бей обещал защищать лично и посредством своих посланий вопрос Кавказской Конфедерации в Великом национальном собрании Турции.

28 июля состоялась встреча Сами-бея с главами дипломатических делегаций и легации Грузии. Целью встречи явилось достижение соглашения о готовности кавказцев и турок действовать объединенными силами против большевиков. В случае заключения подобного соглашения, Бриану было бы легче добиться от парламента Франции одобрения своего курса в отношении Турции. Наряду с этим, Сами-бей и кавказцы пытались договориться о будущих совместных шагах в случае развития событий в благоприятном направлении. Топчибаши, Чермоев и Чхенкели полагали, что вопрос обсуждения границ между Турцией и Кавказской Конфедерацией следует отложить до решения главных вопросов, в частности до заключе-

[222] Procès-verbal de la séance du Conseil des représentants des Républiques Caucasiennes. Paris, 28. 7. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 2/1. К сожалению, на сегодняшний день нам не удалось обнаружить непосредственный протокол встречи А. Бриана с Б. Сами-беем от 27 июля в архиве Министерства иностранных дел Франции. Если упомянутый документ не был составлен, это может объясняться тем, что встреча двух деятелей носила неофициальный характер, и вполне могла иметь место вне здания французского МИД. Тем более что сам Сами-бей уже не занимал к этому времени должность министра иностранных дел правительства Анкары.

ния мира между Францией и Турцией, признания Кавказской Конфедерации Верховным советом Антанты и последующего освобождения Кавказа от большевистской оккупации. Иное мнение высказал Хатисян, заявивший, что, в отличие от других кавказских государств, вопрос границ для Армении является первостепенным. Как сам Хатисян, так и Агаронян, подписавший декларацию 10 июня, стали объектами ожесточенной травли в константинопольской прессе со стороны турецких армян, обвинявших их в предательстве интересов объединенной Армении и в том, что они продали турецких армян в угоду своим кавказским соседям. До тех пор, пока вопрос границ не будет разрешен удовлетворительным образом, заставить армянский народ, понесший в последнее время столь тяжелые людские потери, выступить против большевиков будет невозможно. Хатисян ссылался и на то, что, согласно декларации 10 июня, перед заключением всеобъемлющего договора с Турцией следовало достичь договора о границах.

Со своей стороны Сами-бей отметил, что, прежде всего, Кавказская Конфедерация должна быть усилена признанием *де-юре*. Он уверен в сочувственном отношении к этому вопросу США и Италии. Как только Конфедерация будет признана и мир с Турцией заключен, можно будет перейти и к разрешению конкретных деталей, включая границы.

Чхенкели высказал мнение, что сейчас, когда Сами-бей находится в Париже, можно было бы хотя бы предварительно обсудить детали (т.е. вопросы границ), касающиеся не только Армении, но и всего Кавказа. «Всем понятно, что Турция не поддержит Кавказ, если не будет уверена в том, что Кавказом интересуется Франция».

Сами-бей заявил, что не следует преувеличивать интереса Франции к Кавказу. «Единственной державой, которая в настоящее время может поддержать Кавказскую Конфедерацию является Турция, ибо ни Франция, ни Англия, ни какие-либо другие державы не дадут на это дело ни одного солдата». Исходя из этого факта, «он просит о том, чтобы ему дали воз-

можность сообщить главе правительства Франции то, что представители Кавказской Конфедерации и правительство Анкары объединены соглашением и готовы освободить вооруженным путем их территорию от большевиков. Лишь в таком случае Турция и Кавказ могут рассчитывать на помощь Франции».

Чермоев напомнил о том факте, что так же, как и Хатисян, Сами-бей должен считаться с общественным мнением в Турции. Если стороны все же решили обсуждать вопрос границ до освобождения Кавказа от большевиков, это должно произвести благоприятное впечатление на турецкое общество, сближая, а не отталкивая его от поддержки Кавказской Конфедерации.

В заключение турецкий представитель сообщил, что в тот же день он приглашен на ужин «с наиболее видными французскими политиками. Очевидно, там будет обсуждаться наш совместный вопрос и ему хотелось бы, покидая это собрание, с чистой совестью защищать общее дело»[223].

Предложение Сами-бея было принято, и в 7 часов он покинул собрание.

3 августа, по желанию самого Бриана состоялась встреча последнего с Топчибаши, Чхенкели, Чермоевым и Агароняном. Судя по протоколу встречи, Бриан, так же, как и кавказцы, был настроен весьма оптимистично: греческая армия в Малой Азии находилась на гребне успеха. Перейдя в наступление 10 июля, армия короля Константина заняла 17 июля Кутайа, а через три дня – Эски-Шехир. 14 августа греки перешли в генеральное наступление в направлении Анкары[224]. Представители союзников считали возможным осуществление в Анатолии антикемалистской революции. В связи с этим анг-

[223] Ibidem.
[224] *Pichon J.* Le partage du Proche-Orient. P. 236.

личане опасались, что она может принять форму альянса большевиков со сторонниками Энвера-паши[225].

Все это позволяло Бриану надеяться, что на сей раз турки окажутся более сговорчивыми и примут французские условия, разорвав связь с большевиками. Тем более что с весны 1921 г. отношения кемалистов с большевиками, несмотря на заключенный в марте Московский договор, продолжали ухудшаться. Кемалисты считали, что, несмотря на подписанный договор, Москва оказала им лишь незначительную экономическую помощь. Анкара ответила арестом и осуждением на длительные сроки заключения руководителей турецких коммунистов, а также затягиванием до конца июля ратификации Московского договора (в конце концов, большевики ратифицировали договор 20 июля, а Анкара, как уже отмечалось, 27 июля 1921 г.). Турки требовали, чтобы за ними было признано право на заключение с республиками Закавказья отдельных договоров без посредничества Москвы. Они даже подозревали, что с целью политической изоляции Анкары большевики заключили с западными державами секретный договор. Турки полагали, что в случае военных неудач на греко-турецком фронте, большевики могут воспользоваться этим для насильственной советизации страны. Подозрения кемалистов не были лишены основания, так как в это время большевики держали в Батуми, недалеко от турецкой границы, Энвера-пашу, одного из лидеров младотурков. В случае падения Анкары большевики рассматривали его в качестве альтернативы более строптивому М. Кемалю[226].

События в самой советской России так же внушали Бриану оптимизм и веру в скорый крах большевизма. В 1921 г. в результате гражданской войны, засухи и, самое главное, грабительской экономической политики большевиков голод в России приобрел ужасающие размеры. По оценкам современных

[225] *Sonyel S. R.* Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. P. 125.
[226] Ibidem. P. 120-121, 125.

исследователей, «по крайней мере, 5 миллионов человек умерли от голода в 1921-1922 гг. и 29 миллионов голодали»[227]. Провозглашение Лениным в марте 1921 г. курса на новую экономическую политику внушало на Западе надежду на постепенную эволюцию внутриполитической ситуации в стране. Как и подавляющее большинство западных политических деятелей той эпохи, Бриан не отдавал себе отчета в решимости большевистской верхушки сохранить свою власть ценой любых, мыслимых и немыслимых преступлений, включая принесение в жертву жизней миллионов ни в чем неповинных людей.

3 августа, в 11 часов утра, как только представители кавказцев вступили в кабинет Бриана в здании МИД ожидавший их председатель правительства и министр иностранных дел Франции начал беседу на оптимистической ноте. Судя по всему, у Бриана не было сомнений в скором падении большевиков и восстановлении независимости республик Кавказа: «Господа, я счастлив вас видеть. Во время нашей последней встречи Бекир Сами-бей спросил меня, нахожусь ли я в контакте с представителями кавказских республик и являюсь ли я в курсе событий на Кавказе. Я ответил ему, что, к сожалению, я их встретил всего один раз, когда они пришли ко мне передать свою декларацию, и что после этого я их больше не видел. События в России, однако, протекают быстро. Я счел необходимым вступить в контакт с вами с целью спросить, что вы рассчитываете делать, каким будет ваше отношение к очень близкой перспективе свержения большевистского режима в России, и в какой степени вы готовы взять в ваши руки управление вашими странами?»[228].

---

[227] *Courtois S., Werth N., Panné J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L.* Le livre noir du communisme. Crimes, terreur et répression. Paris. 1997. P. 139.

[228] Procès-verbal de l'entrevue avec Monsieur Briand des représentants des républiques du Caucase le 3 août 1921 à 11 heures du matin au ministère des

Выразив уверенность в скорой гибели большевизма и в том, что события, скорее всего, будут развиваться по сценарию 1918 г., кавказцы поспешили заверить Бриана, что не допустят ошибок прошлого. От имени кавказцев на этой встрече, в основном, говорил Агаронян. Вероятно, в свете военных успехов греков кавказцы считали целесообразным повысить ставки, предоставив возможность высказаться представителю Армении, как республики наиболее заинтересованной в восстановлении границ 1914 г., что автоматически решало так же и аналогичные грузинские требования. Следует отметить, что незадолго до встречи представителей кавказцев с Брианом, в Армении имели место важные события. В феврале 1921 г. доведенное до отчаяния реквизициями и репрессиями большевиков население Еревана восстало против оккупантов, воспользовавшись тем, что красная армия начала вторжение в Грузию. Восставшие изгнали ереванский большевистский ревком и сформировали Комитет спасения, возглавляемый Симоном Врацяном, бывшим премьер-министром независимой Армении. Красной армии удалось подавить восстание лишь после оккупации Грузии. Призывы Врацяна о помощи, адресованные к западным державам и даже кемалистам, оказались тщетными. В апреле, когда под давлением красных войск повстанцы были вынуждены покинуть Ереван, Комитет спасения был перенесен в Зангезур, где его преобразовали в правительство Верхней Армении. В конце концов, 16 июля члены правительства были вынуждены покинуть страну, и, перейдя Аракс, укрыться в Иране[229]. Этот трагический эпизод еще раз напомнил кавказцам возможности, упущенные в период независимости.

Affaires étrangères // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 633 Russie (Caucase). Fol. 116.

[229] *Hovannisian R. G*. The Republic of Armenia. Between Crescent and Sickle: Partition and Sovietization. Berkley, Los Angeles, London. 1996. Vol. IV. P. 404-406.

Итак, слово было предоставлено представителю Армении.

«Агаронян: Как свидетельствует опыт 1918 г., с падением центральной власти и анархией в России солдаты красной армии хаотически покинут Кавказ, не исключено, что подгоняемые местным населением. Ваше Превосходительство только что изволило спросить, какой будет отношение народов Кавказа в связи с этой перспективой, что они сделают, и каким образом рассчитывают вновь организовать свои государства. Мы надеемся, что уроки прошлого помогут нам избежать новых ссор между нами, и будут способствовать поиску наиболее твердых основ согласия. Тем не менее, в этой деятельности по реорганизации и консолидации мы рассчитываем на моральную и материальную поддержку Франции, ибо, как хорошо известно Вашему Превосходительству, наше население испытывает нехватку во всем. Господство большевиков принесло ему всевозможные лишения[230].

Бриан: Я понимаю ситуацию, но абсолютно необходимо, чтобы вы избежали прошлых ссор, и, таким образом, продемонстрировали не вашу неспособность к управлению, а напротив, образ хорошо управляемой страны. […] Мы готовы прийти к вам на помощь. Среди четырех республик Кавказа одна, Грузия, уже признана *де-юре*, и я был инициатором этого признания. Это условие позволит нам совершать с вами всевозможные сделки при посредничестве этого государства в ожидании, что другие республики будут сами, в свою очередь, признаны, и надеюсь, что их черед наступит быстро. Нужно только, чтобы вы мне представили записку с подробным перечнем того, в чем вы нуждаетесь. Вы нуждаетесь не только в хлебе, несмотря на предпочтение, которое вы, как мне кажется, придаете этому вопросу, ставя его на первое место при пе-

[230] Procès-verbal de l'entrevue avec Monsieur Briand des représentants des républiques du Caucase le 3 août 1921 à 11 heures du matin au ministère des Affaires étrangères // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 633 Russie (Caucase). Fol. 117-118.

речислении ваших нужд. Я уверен, что вам, прежде всего, необходимо оружие и снаряжение. Что касается хлеба, то добыть его нетрудно»[231]. Этими словами Бриан дал ясно понять своим собеседникам, что Франция готова предоставить оружие, однако воевать за свободу Кавказа придется самим кавказцам.

Продолжив тему помощи, которую Франция готова оказать государствам Кавказа в случае их освобождения от большевиков, глава французского правительства отметил, что кавказцам пора перейти от языка «неясных слов» и «выражений симпатий» к языку конкретных данных и цифр относительно того, какая именно помощь требуется от Франции для Кавказа. Необходимо в кратчайший срок представить по этому поводу специальные записки, где конкретно будет указано то, сколько и какая помощь требуется как в военной, так и финансово-экономической сфере.

После этого стороны перешли к обсуждению вопроса взаимоотношений с Турцией. Слово вновь взял Агаронян: «Господин президент, вам известно, что консолидация нашего Кавказского союза зависит также от отношения к нему Турции. Великое собрание Анкары только что ратифицировало договор, заключенный между ней и русскими Советами. В соответствии с договором, турки получают на территории Кавказа области Карса и Ардагана. […] Как только русские будут далеко, турки, опираясь на договор, который они только что ратифицировали в Анкаре, попытаются нанести свой старый удар с целью овладеть Карсом и Ардаганом, впрочем, уже удерживаемые ими. Как нам кажется, эти обстоятельства не должны ускользнуть от нашего внимания сейчас, когда мы обсуждаем вопрос консолидации кавказских государств»[232].

В ответ Бриан попытался объяснить кавказцам приоритеты своей ближневосточной политики: «Скажу вам откровенно, я

[231] Ibidem. Fol. 118-119.
[232] Ibidem. Fol. 120-121.

являюсь сторонником политики, которая стремится обеспечить Турции существование в качестве независимого и жизнеспособного государства. Я уже взял на себя реальные обязательства в связи с этим в Лондоне, рискуя даже поссориться с моими английскими друзьями, так как я считаю, что такая нация, как турецкая, несмотря на зло, которая она нам причинила во время войны, имеет право на национальную и независимую жизнь. И, несмотря на недавние победы греков над турками, я возьму на себя задачу привести моих английских друзей к более справедливому пониманию интересов союзников и их собственных. На конференции в Лондоне я добился ревизии Севрского договора в пользу турок. Я продолжу эту политику и надеюсь достичь успеха. […] К сожалению, они не поняли этих обязательств, они не захотели слушать такого разумного человека, как Бекир Сами-бей, и они дошли до уязвления вполне законной чувствительности итальянцев. Они повернулись в сторону большевиков и только что ратифицировали договор с Советами. Все это весьма прискорбно, но я не отчаиваюсь заставить их внять голосу разума относительно справедливого понимания их интересов»[233].

На последовавшую за этим реплику Агароняна, что «до тех пор, пока не будет проведена фиксированная делимитация границы между Арменией и Турцией, и пока требования, содержащиеся в упомянутой декларации не будут выполнены, согласие кавказских государств будет очень зыбким и подверженным таким же опасностям, какие мы видели в 1918 г.», Бриан, видимо, немного раздраженный подобной несговорчивостью, ответил: «На Лондонской конференции мы пытались удовлетворить армянские требования. С вашей стороны вам не следует выдвигать чрезмерные требования. Вы все являетесь эмбриональными государствами. Вы должны консолиди-

[233] Ibidem. Fol. 121-122.

ровать все, что возможно для того, чтобы реорганизовать остальное позднее»[234].

С целью разрядки атмосферы Агаронян поспешил уступить место Чермоеву и Чхенкели. Оба выразили надежду, что с течением времени Горская Республика так же получит признание Франции *де-юре*.

По просьбе Бриана 11 августа, в преддверии открытия заседания Верховного совета Антанты, Топчибаши, Чхенкели, Чермоев и Агаронян направили на его имя ряд нот и меморандумов, посвященных политической и экономической помощи, которую Франция могла бы оказать республикам Кавказа.

В первом из документов, касающемся исключительно политических вопросов, его авторы, горячо поблагодарив главу французского правительства за намерение вынести кавказской вопрос на обсуждение на столь высоком уровне, просили его «внушить Верховному совету необходимость поддержать Союз Республик Кавказа, с благосклонностью встретив его формирование и способствуя последующей консолидации этого Союза. Наряду с этим, признать необходимым способствовать, в наиболее сжатый срок, делимитации границы Турции с Арменией […] а также добиться, во время выработки плана по оказанию помощи страдающему от голода населению советской России, эвакуации большевистских войск из республик Кавказа»[235]. Последний пункт стал предметом особого обсуждения между Брианом и Чхенкели еще во время встречи 3 августа. Согласившись с мнением Чхенкели о целесообразности увязать оказание помощи голодающему населению России с выводом оккупационных войск из Кавказа, Бриан, тем не менее, сообщил, что он может поставить этот во-

[234] Ibidem. Fol. 123.

[235] Représentants des quatre République du Caucase. Note à Son Excellence Monsieur A. Briand, président du Conseil Suprême. Paris, 11. 8. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série E (Levant). Dossier Caucase-Kurdistan n° 8. Fol. 133.

прос лишь неофициально во время переговоров с большевиками.

Этой же теме была посвящена и другая нота, подписанная всеми представителями республик Кавказа. В ней кавказцы просили Бриана содействовать их включению в состав международной комиссии по оказанию помощи голодающему населению России, созданной в августе 1921 г. по решению Верховного совета Антанты и находящейся под руководством Ж. Нуланса, бывшего французского посла в России[236].

Создание комиссии, и в особенности назначение ее председателем французского дипломата, вызвало бешеную реакцию Ленина, так как Нуланс оговаривал оказание помощи населению России рядом предварительных условий, угрожавших, по мнению Кремля, монополии власти большевиков в стране. Наряду с признанием «царских долгов», Нуланс требовал допустить в Россию несколько десятков экспертов комиссии для того, чтобы они воочию могли ознакомиться на месте с создавшейся там ситуацией. 9 августа Г. Чичерин, народный комиссар иностранных дел большевиков, отправил на имя союзников ноту, содержащую оскорбительные выпады против Нуланса и Верховного совета Антанты[237].

Заявляя, что советское правительство категорически отказывается допустить членов комиссии в Россию, большевики, по сути дела, обрекали на голодную смерть огромное количество ни в чем не повинных людей.

Тем не менее, поскольку на первом этапе возможность допуска комиссии в Россию не исключалась, кавказцы решили попытаться воспользоваться и этой возможностью.

---

[236] A. Aharonian, A. M. Toptchibachi, A. M. Tchermoeff, A. Tchenkeli. Note à Son Excellence Monsieur A. Briand, président du Conseil Suprême. Paris, 11. 8. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 2/1.

[237] *Carr E. H.* The Bolshevik Revolution 1917 – 1923. New York. 1953. Vol. III. P. 342.

Решимость кавказцев была подхлестнута и информацией об ужасающем экономическом положении на Кавказе, просочившейся в то время в западную прессу. Так, по данным агентства «Рейтер», систематические реквизиции большевиков и вывоз сельскохозяйственной продукции региона в Россию поставил население в Азербайджане, Грузии и Армении на грань голода. Опасаясь дальнейших реквизиций, ограбленные крестьяне засеивали лишь весьма ограниченное количество посевных земель, достаточное лишь для того, чтобы прокормить свои семьи. Все это, вкупе с прекращением импорта медикаментов, привело народы Кавказа к состоянию гуманитарной катастрофы. Например, по информации упомянутого агентства, количество жертв от холеры в Баку доходило до 400 человек в день. Тысячи детей умирали от дизентерии и других эпидемий[238]. Доведенные до отчаяния люди были вынуждены питаться травой, так как все зерно в Баку было захвачено красной армией[239]. Количество ежедневных жертв голода и холеры в Азербайджане составляло тысячу человек. Около 450 случаев холеры было зарегистрировано в июле месяце в Тифлисе[240].

Другой меморандум касался исключительно экономической помощи, которую кавказцы надеялись получить от Парижа после освобождения Кавказа от власти Москвы. Понимая, насколько французы чувствительны к проблеме «русского долга», который большевики отказались платить после захвата власти, в сопроводительной записке к тексту меморандума кавказцы подчеркивали, что финансовые инвестиции, а также западный опыт, необходимый для эксплуатации природных ресурсов Кавказа, «не только будут способствовать улучшению экономической жизни Кавказа, не только в широ-

[238] “Daily Telegraph”. 17. 8. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d’Ali Mardanbey Toptchibachi. Carton n° 7/2.
[239] “Times”. 14. 8. 1921 // Ibidem.
[240] “Morning Post”. 14. 8. 1921 // Ibidem.

кой степени компенсируют инвестированный капитал, но к тому же позволят Союзным Республикам Кавказа выполнить падающие на них обязательства в связи с распределением долга бывшей Российской империи»[241].

Обращаясь к Бриану с просьбой поддержать реализацию программы, сформулированной в прилагаемом меморандуме, кавказцы выражали уверенность в том, что «французский капитал, весьма заинтересованный в наших странах, в условиях гарантий, которые мы готовы ему предоставить, будет способствовать установлению тесных уз между нашими республиками, их альянса с Францией. Это даст нам право рассчитывать на эффективную помощь французского правительства для укрепления независимости республик Кавказа в справедливых границах»[242].

В самом меморандуме подробно излагались конкретные проекты экономической интеграции государств Кавказа, основанные на принципах декларации 10 июня. Основное внимание уделялось восстановлению старой и созданию новой инфраструктуры, необходимой для возрождения взаимосвязанной экономики региона. «Восстановлению транспортных средств и портов, их приведению в состояние, соответствующее нуждам эксплуатации экономических богатств страны и ее географического положения в качестве транзитного пути, связывающего Черное море с Каспийским (Персией и Туркестаном), с точки зрения ведения широкомасштабной торговли. Наряду с этим, строительству новых линий: Джульфа – Баку, Зугдиди – Сухуми, Карс – побережье Черного моря, Боржоми, – Ахалцихе – Ольты, Кюрдамир – Ленкоран, Тифлис – Влади-

[241] Représentants des quatre République du Caucase. Note à Son Excellence Monsieur A. Briand, président du Conseil Suprême, ministre des Affaires étrangères. Paris, 11. 8. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série E (Levant). Dossier Caucase-Kurdistan n° 8. Fol. Fol. 135.
[242] Ibidem. Fol. 135-136.

кавказ (через Главный Кавказский хребет), Евлах – Шуша, Сигнаки – Шемаха – Баку и подъездных путей».

Планировалась «починка существующего нефтепровода между Баку и Батуми и прокладка новых труб для транспортировки нефти из Баку и Грозного к портам на черноморском побережье».

Предполагалось улучшить пропускную способность и модернизировать порты Батуми, Поти, Сухуми, Баку и Петровска, к которым подходили железнодорожные пути и нефтепроводы, и которые в то же время служили базой для торговли всего кавказского региона.

С целью развития культуры хлопка следовало уделить соответствующее внимание ирригационным работам.

Планировался импорт оружия и снаряжения для объединенных вооруженных сил, а также машин и технических средств, необходимых для развития местной индустрии и сельского хозяйства; ввоз продуктов питания: хлеба и посевных; медикаментов и мануфактурных товаров.

Наконец, «во всех отраслях экономической и промышленной жизни страны» предполагалось использовать «помощь иностранных специалистов и техников»[243].

Отметив, что хотя Кавказ и обладает достаточными экономическими ресурсами, для иностранного капитала было бы нелегко действовать в стране, лишенной единой денежной системы, авторы меморандума считали необходимым заключить заем с целью создания эмиссионного фонда для национальных банков республик Кавказа.

Для решения этих проблем представители кавказских республик предлагали: «1) Заинтересовать иностранный капитал железнодорожными линиями, связывающими Батуми и Поти с Баку и Джульфой, включая их ответвления. Эта сеть с экономической точки зрения в нормальное время была признана одной из наиболее продуктивных дорог бывшей России. Рав-

[243] Exposé. Paris, 11. 8. 1922 // Ibidem. Fol. 137.

ным образом можно рассчитывать на объединение с этой сетью части Владикавказской железной дороги, пересекающей территорию Северокавказской Республики и соединяющей последнюю, в особенности ее нефтеносный район Грозный, с Петровском и линией Баку – Батуми с одной стороны, и с Новороссийском с другой. Можно также заинтересовать иностранный капитал строительством новых железнодорожных путей.

2) Заинтересовать иностранный капитал в эксплуатации уже существующего нефтепровода Баку – Батуми, а также в новых концессиях с целью строительства новых трубопроводов больших мощностей в том же направлении и для транспортировки нефти Грозного к берегу Черного моря.

3) Обеспечить концессионерам необходимые нормальные условия для эксплуатации линий железных дорог и нефтепроводов, идущих в порты Черного и Каспийского моря: Батуми, Поти, Петровск, установив там, с общего согласия республик Кавказа, систему, подходящую для того, чтобы главным образом способствовать эксплуатации экономических богатств упомянутых республик.

4) Принять меры для увеличения перевозок товаров по железным дорогам, способствуя инвестициям иностранных капиталов в такую местную промышленность, как нефть, марганец и другие минеральные ресурсы, в лесное производство, природные масла, ирригационные работы и т.д.

5) Заем, который будет главным образом использован для улучшения денежного обращения и покрытия расходов на непосредственные, наиболее срочные расходы, будет гарантирован с помощью доходов, получаемых вышеупомянутыми предприятиями, так же, как и специальными концессиями для эксплуатации природных ресурсов. Концессиями, которыми располагает каждая республика в отдельности.

Формы контрактов, взаимные гарантии их осуществления, так же, как и упомянутых планов, наряду с прочими деталями могут быть уточнены лишь в момент углубленного анализа

вышеупомянутых вопросов»[244], – подчеркивалось в конце документа с намеком на то, что все это будет возможным лишь после освобождения Кавказа от большевизма.

В целом, правительство Франции благосклонно приняло эти инициативы, считая предварительную разработку вопросов оказания экономической помощи Кавказу весьма полезной в преддверии падения большевизма. В ноте от 29 августа Бриан, отвечая на меморандум кавказцев, сообщал, что «правительство Франции следит с огромной симпатией за усилиями, предпринимаемыми этими четырьмя правительствами для улучшения экономических условий на Кавказе».

Касаясь вопросов оказания конкретной финансово-экономической помощи, Бриан указывал, что кавказцам следует обратиться к финансовым кругам Франции. Когда им удастся выработать совместно с французскими банками и представителями частной промышленности план эксплуатации природных богатств региона, Бриан обещал оказать всю возможную помощь для того, чтобы способствовать заключению договоров с этими учреждениями и предприятиями[245].

Не забыл Бриан и о просьбе кавказцев включить их в состав комиссии Нуланса, переслав их ноту последнему.

2 сентября Нуланс направил письмо на имя четырех представителей республик Кавказа, в котором сообщал, что в случае допуска представителей комиссии в Россию, и в тот день, «когда общая программа действий» будет определена, «регионы Кавказа во время распределения помощи не будут забыты»[246]. Комиссия непременно воспользуется также услуга-

---

[244] Ibidem. Fol. 138.

[245] A. Briand (ministre des Affaires étrangères). A Son excellence Monsieur Tchenkeli, ministre de la Géorgie. Paris, 29. 8. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 653 Russie (Caucase). Fol. 125.

[246] J. Noulens (président de la commission internationale de secours à la Russie). Note à Messieurs représentants des Républiques du Caucase. Paris, 2. 9. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 2/1.

ми и консультациями эмигрантов в вопросе определения средств оказания помощи голодающему населению Кавказа.

Наряду с дипломатическими усилиями в Париже, параллельные демарши были предприняты кавказскими представителями и в Лондоне. 19 августа Мехтиев, временно исполняющий обязанности представителя Азербайджана в Великобритании, посетил Осборна, начальника Восточного отдела английского МИД. Беседа продолжалась полтора часа и, по словам самого Мехтиева, свидетельствовала «о большом и чрезвычайно ценном изменении позиции и взглядов английского правительства относительно вопросов, интересующих в настоящее время делегацию Азербайджанской Республики. В настоящее время язык Форин оффис гораздо более дружествен и гостеприимен в отношении нас».

В ходе беседы Осборн посоветовал своему собеседнику направить ноту правительству Англии с целью получить от него материальную помощь для нуждающегося населения Азербайджана. По словам английского дипломата, «эта помощь будет оказана совершенно независимо от России». В заключение беседы Осборн обещал переслать эту ноту Оливеру Вордропу, бывшему верховному британскому комиссару на Кавказе, являющемся в то время британским представителем в международной комиссии Нуланса по оказанию помощи голодающему населению России[247].

Обещания Осборна вселили в кавказцев надежды. В особенности многообещающим являлась готовность англичан оказать Кавказу гуманитарную помощь независимо от структур, предназначенных для оказания помощи России, свидетельствующая о том, что тем самым Лондон переставал признавать республики Кавказа частью бывшей империи.

---

[247] M. J. Mekhtieff (représentant diplomatique de la République Azerbaïdjanaise à Londres). A Son Excellence M. A. M. Toptchibacheff, président de la délégation de la République Azerbaïdjanaise. Londres, 19. 8. 1921 // Ibidem. Carton n° 7/2.

19 августа представители республик Кавказа в Лондоне обратились с нотой к лорду Дж. Н. Керзону, министру иностранных дел Британской империи. Описав катастрофическое экономическое положение на Кавказе, и без того хорошо известное англичанам из сообщений прессы, авторы ноты обращались к английскому правительству с просьбой создать «с целью оказания прямой помощи народам Закавказья» особый комитет, связанный с комиссией Нуланса[248].

Как парижским, так и лондонским планам кавказцев, однако, так и не суждено было сбыться из-за отказа большевиков допустить членов комиссии Нуланса на свою территорию.

В ожидании благоприятного развития событий на Ближнем Востоке и в соответствии с решением от 15 июля, были приняты меры для создания в Париже подчиненных совещанию представителей республик Кавказа структур, способных поддерживать связь с оккупированным Кавказом.

10 сентября Шафи-бек Рустамбеков (Рустамбейли), бывший замминистра внутренних дел Азербайджана и руководитель Комитета действия Азербайджана в Тифлисе, перебравшийся после аннексии Грузии большевиками в Стамбул, а также Муса-бек Рафиев, бывший министр призрения и здравоохранения, обратились к Топчибаши с предложением о создании по примеру грузин Информационного бюро Азербайджана в Стамбуле. Признавая дипломатическую делегацию в Париже единственно верховным и законным органом страны и соглашаясь работать по инструкциям последней, Рустамбеков и Рафиев сообщали, что целью Информационного бюро будет получение сведений о реальном положении дел в оккупированном Азербайджане. Кроме того, передача в турецкую и французскую прессу соответствующей информации для веде-

[248] Major General Bagratouni (representative of the Armenian Republic), M. J. Mehtieff (representative of the Azerbaijan Republic), M. Soumbatoff (chargé d'affaires of the Georgian Legation in London). To Marquess Curzon of Kedleston, Secretary of State for Foreign Affairs. London, 19. 8. 1921 // Ibidem.

ния пропаганды в пользу восстановления независимости страны.

Наряду с этим, на собрании с соответствующими представителями грузин и северокавказцев было решено «для координации действий и коллективного выступления в прессе по некоторым вопросам» образовать Азербайджано-горско-грузинское центральное информационное бюро.

В задачу бюро входила «защита самостоятельности кавказских республик, ознакомление общественных кругов Европы и Кавказа с идеей конфедерации кавказских республик, периодическая информация о событиях в кавказских республиках, ведение антибольшевистской пропаганды, способствование сближению кавказских народов между собой и с их искренними друзьями». Планировалось по мере возможностей выпускать коллективный печатный орган бюро для его распространения «как в Европе, так и на Кавказе»[249]. На должность председателя бюро была выдвинута кандидатура Рафиева. Секретарем бюро предполагалось назначить Ахмеда Джафароглу, членами – Рустамбекова, Амир Хан Хойского, Гамди-бей Каразаде, Ашраф-бек Тагиева и Мамед-бек Агаоглу[250].

Наряду с разведывательной деятельностью, а также организацией повстанческих организаций и пропагандистской работой среди народных масс на Кавказе, находящиеся в Стамбуле кавказцы ставили своей целью «подготовку сил на случай возможной вооруженной борьбы с узурпаторами»[251].

Для окончательного решения всех этих вопросов 31 октября из Парижа в Стамбул выехал член азербайджанской дипломатической делегации Шейхульисламов. Основной целью

[249] Ш. Рустамбеков, М. Рафиев – А. М. Топчибаши. Стамбул, 10. 9. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 12/1.
[250] А. Джафароглу – А. М. Топчибаши. Стамбул, 17. 9. 1921 // Там же.
[251] Н. Хомерики, М. Рафиев, Д. Шарашидзе – А. М. Топчибаши. Заслушано на заседании делегации 5. 10. 1921 // Там же.

поездки было установление прямых контактов между делегацией и находящимися на территории Турции азербайджанцами, а также создание на месте организаций, способных, в случае благоприятного развития событий, приступить к повстанческим действиям на Кавказе. Особое внимание следовало уделить формированию военно-повстанческой организации из числа бывших офицеров азербайджанской армии, находящихся в Стамбуле. В их числе были генерал-майоры Джавад-бек Шихлинский, Мухаммед Мирза Каджар, Теймур-бек Новрузов и Давуд-бек Едигаров. Общее количество находящихся в Стамбуле офицеров составляло 16 человек[252]. По сравнению с другими беженцами, военные находились в более тяжелом материальном положении. Тем не менее, как впоследствии писал в своем отчете Шейхульисламов, «несмотря на все лишения, наши военные могут с гордостью заявить, что они сохранили свое воинское достоинство».

Ознакомившись с ситуацией и без консультаций с Парижем, представитель делегации под свою личную ответственность выдал офицерам сумму на прожиточный минимум, обратившись к Топчибаши с просьбой «обратить на их положение особое внимание, обеспечив на два, три месяца».

Это было максимумом того, что делегация оказалась в состоянии сделать, так как параллельно с этим Шейхульисламову предстоял в Стамбуле нелегкий разговор. Необходимо было объяснить соотечественникам, что отныне делегация более не в состоянии выплачивать остальным эмигрантам, так же, как и 80 студентам, посланным правительством независимого Азербайджана на учебу в Западную Европу, полагающееся им денежное содержание. Наряду с денежным обеспечением, необходимо было создать саму военно-повстанческую организа-

[252] Д. Шихлинский (генерал-майор). Список гг. офицеров Азербайджанской Республики, находящихся в городе Константинополе. Стамбул, 22. 11. 1921 // Там же. Carton n° 2/1. CERCEC, EHESS, (Paris).

цию, спаянную «в единую военную семью с ее традициями»[253].

С этой целью 22 ноября совещанием военных был выработан проект военной организации, представленный генералом Шихлинским на утверждение делегации в Париже. По проекту Шихлинского, руководящим органом этой структуры являлся Военный совет, состоящий из находившихся в эмиграции генералов азербайджанской армии. В состав Военного совета входил его председатель, начальника штаба, помощник последнего и офицер по поручениям, также в чине генерала. Сам Военный совет состоял из отделов: общего, мобилизационного и разведывательного. Штат первых двух включал в себя трех офицеров (начальника отдела в чине штаб-офицера, а также делопроизводителя и офицера по поручениям в чине обер-офицеров). По сравнению с другими, более многочисленным был Разведывательный отдел, в состав которого, наряду с начальником отдела и делопроизводителем, входило три офицера по поручениям[254]. Последнее обстоятельство свидетельствовало о том, что разведывательная деятельность являлась приоритетной для создаваемой организации. В сущности, проектируемый Военный совет являлся зачаточной формой Генерального штаба будущей азербайджанской армии в случае изгнания из страны большевиков. Разумеется, создание и функционирование этой организации полностью зависело от благоприятного развития военно-политических событий на Ближнем Востоке и в России, а также соответствующего финансирования. В связи с этим Шейхульисламов писал в Париж, что «судьба этой организации зависит от дальнейшего хода наших дел, вернее, возможности изыскания средств»[255].

---

[253] А. Шейхульисламов. Доклад в азербайджанскую делегацию при Парижской мирной конференции. Париж, 26. 12. 1921 // Там же.

[254] Д. Шихлинский (генерал-майор). Проект военной организации. Стамбул, 22. 11. 1921 // Там же.

[255] А. Шейхульисламов. Доклад в азербайджанскую делегацию при Парижской мирной конференции, Париж, 26. 12. 1921 // Там же.

Кроме этого, был составлен список из 10 находящихся в Стамбуле офицеров азербайджанской армии, желающих, в случае получения такой возможности, повысить или продолжить свое образование в военных учебных заведениях Западной Европы, в том числе в академиях Генерального штаба Франции и Германии, а также в кавалерийских школах Франции и Италии[256].

Наряду с вопросом создания военно-повстанческой организации, большое внимание было уделено проблеме формирования общекавказских структур в духе заключенного в Париже пакта от 10 июня. С целью преобразовать Азербайджано-горско-грузинское центральное информационное бюро в представительство всех народов Кавказа особое усилие было предпринято для включения в упомянутую структуру армян, продолжавших и здесь выдвигать свои предварительные требования.

29 ноября на общем собрании находящихся в Стамбуле представителей Азербайджана, Грузии, Горской Республики и Армении было принято решение о создании Кавказского информационного бюро с делегированием в его состав по одному представителю от каждой республики[257]. Несмотря на материальные затруднения, азербайджанской делегации в Париже удалось изыскать средства для финансирования деятельности не только азербайджанцев, но и горцев[258].

Наряду с этим, азербайджанцам, грузинам и горцам удалось установить контакт с находящейся в Стамбуле организацией украинцев-петлюровцев.

---

[256] Д. Шихлинский (генерал-майор). Список офицеров Азербайджанской армии, желающих продолжать военное образование. Стамбул, 25. 11. 1921 // Там же.

[257] А. Шейхульисламов. Доклад в азербайджанскую делегацию при Парижской мирной конференции. Париж, 26. 12. 1921 // Там же.

[258] А. Цаликов – А. М. Топчибаши. Стамбул, 1. 12. 1921 // Там же. Carton n° 12/1.

В итоге 1 декабря в Стамбуле было создано Информационное бюро Союза четырех республик Кавказа. Председателем бюро был избран грузинский социал-демократ Ной Хомерики, товарищами председателя – Рафиев и Давидханян, секретарем – Ахмед Цаликов, бывший председатель созданного в 1919 г. в Тифлисе Союзного меджлиса горских народов Кавказа[259].

§ 5. Карсский договор и конец надежд на заключение франко-турецкого антибольшевистского альянса

С осени 1921 г. события на Анатолийском фронте стали развиваться в неблагоприятном для западных союзников направлении. В сентябре греки потерпели поражение в битве при Сакарья. Потеряв 18 000 человек, греческая армия стала стремительно откатываться назад[260]. 13 октября, отныне находясь в позиции, допускавшей диктовать собственные условия, М. Кемаль заключил с большевиками Карсский договор. Формально подписанный с марионеточными правительствами советского Закавказья при посредничестве РСФСР, Карсский договор, повторяя заключенный еще в марте Московский договор, окончательно закреплял за Турцией Карс и Ардаган[261].

Параллельно с этим французское правительство вело переговоры с Анкарой с целью, по возможности, не допустить максимального сближения кемалистов с большевиками.

Отчаянно пытаясь воспользоваться этим, 14 октября, день спустя после заключения Карсского договора, Топчибаши, Чхенкели, Чермоев и Агаронян встретились в парижском

[259] Н. Хомерики, А. Цаликов – А. М. Топчибаши. Стамбул, 2. 12. 1921 // Там же.

[260] *Sonyel S. R*. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. P. 127; *Pichon J*. Le partage du Proche-Orient. P. 236; *Angel J*. Manuel historique de la Question d'Orient (1792-1930). Paris. 1931. P. 295.

[261] *Sonyel S. R*. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. P. 128-130.

МИД с Перетти де ля Рокка, прося его способствовать их новой встрече с Брианом. На следующий день Чхенкели обратился в МИД с нотой, повторяющей эту просьбу[262]. К ноте была приложена памятная записка, в которой кавказцы подчеркивали, что возможность успеха антибольшевистского движения на Кавказе, а также прочность самого Союза кавказских государств напрямую зависит от благожелательного отношения Анкары. Отметив, что они по-прежнему чрезвычайно заинтересованы в получении дипломатической, моральной и материальной помощи Франции, авторы записки подчеркивали: «Никакая общая акция кавказских народов против коммунистического режима на Кавказе не будет эффективной до тех пор, пока ей не будет обеспечен строгий нейтралитет со стороны Турции. В настоящий момент Франция ведет переговоры с правительством Анкары. Для французского правительства не составит труда добиться от турок Анкары с помощью соответствующих демаршей соблюдения наиболее строгого нейтралитета в отношении антибольшевистского движения на Кавказе».

Было бы необходимо включить в франко-турецкие переговоры вопросы турецко-кавказских взаимоотношений, а также делимитации армяно-турецкой границы в соответствии с пактом Союза кавказских государств от 10 июня.

«Для будущего Союза Кавказа, так же, как и для осуществления турецко-кавказских соглашений, было бы чрезвычайно важным, если бы господин председатель Совета министров нашел возможность публично заявить (например, в ходе парламентских дискуссий) о важности проблемы Кавказа и Союза его республик для мира на Востоке» [263].

---

[262] A. Tchenkeli. Note à Monsieur de Peretti de la Rocca (ministre plénipotentiaire, directeur des Affaires politiques et commerciales). Paris, 15. 10. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 633 Russie (Caucase). Fol. 152.

[263] Aide-Mémoire. Paris, 15. 10. 1921 // Ibidem. Fol. 153.

20 октября правительство Франции заключило договор с Анкарой. Подписанный французским представителем А. Франклином-Буйоном и министром иностранных дел Турции Ю. Кемаль-беем договор, базирующийся, в основном, на Национальном пакте кемалистов, должен был, по мнению Бриана, хоть немного отдалить Турцию от большевиков. Договор полностью признавал турецкий суверенитет над Киликией, до этого обещанный армянам. Лишь Александретский санджак оставался под временным французским управлением[264].

Через три дня, в соответствии с просьбой кавказцев, состоялась их аудиенция с Брианом. Эта встреча, имевшая место 23 октября, выявила, помимо прочего, серьезные разногласия между армянами и другими кавказцами. Чхенкели и Чермоев выражали надежду, что заключенный франко-турецкий договор отдалит турок от большевиков. В надежде привлечь внимание французов к Кавказу, оба указывали на природные богатства региона. Агаронян, удрученый сведениями о начавшемся массовом исходе армян из Киликии, умолял Бриана принять меры к предотвращению надвигающейся катастрофы. Тем не менее, Бриан продолжал питать иллюзии по поводу заключения компромисса с турками, хотя после победы над греками сами кемалисты потеряли к нему какой-либо интерес. Обмен мнениями показывает, до какой степени Бриан и кавказцы принимали желаемое за действительное, когда дело шло о соглашении с турками.

«Чхенкели: Во время последней встречи мы заявили Вашему Превосходительству, что на Кавказе вызревают события против большевиков, и что эти события могут начаться со дня на день, независимо от нашей воли. Первым условием успеха этого движения против большевиков является нейтралитет турок. Мы просим вас оказать нам поддержку с целью дого-

[264] *Sonyel S. R.* Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. P. 138-139; *Pichon J.* Le partage du Proche-Orient. P. 237.

вориться по этому поводу с турками, для того чтобы они не препятствовали движению населения Кавказа.

Бриан: Убежден, что турки сами желают подобного соглашения. Этого требуют их собственные интересы. Турко-большевистский альянс и связи между турками и русскими не могут быть серьезны. Не так ли господа? Ваше мнение?

Чермоев: Абсолютная правда. То, что сами турки истребили большевиков, которые отправились в Анатолию для ведения пропаганды, является очевидным фактом» [265].

Несмотря на свои иллюзии, Бриан, судя по всему, искренне пытался помочь кавказцам. На этой же встрече было решено создать смешанную комиссию для изучения конкретных способов оказания Францией помощи Грузии и Кавказу. Руководить этим процессом Бриан поручил Луи Лушеру, министру освобожденных регионов, известному французскому промышленнику.

Встреча Лушера с представителями кавказских республик состоялась 7 ноября. Отметив, что «господство большевиков над нашей страной и кемалистская оккупация являются временными […] и что, вне всякого сомнения, национальные правительства смогут заново встать во главе своих стран с помощью их народов, а также Франции и союзников», Чхенкели с целью заинтересовать французов регионом не забыл подчеркнуть, что правительства республик Кавказа в изгнании, «уважая принцип частной собственности и права иностранцев, готовы признать часть русского долга и международные обязательства, падающие на эти республики». Со своей стороны, Чермоев вновь обратил внимание французов на нефтяной фактор, указав, что «95% нефти бывшей России

[265] Entrevue des représentants des quatre Républiques Caucasiennes avec M. Briand le 28 octobre 1921 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 76.

шли из районов Грозного и Баку»[266]. По сравнению с Центральной Россией, инфраструктура Кавказа пострадала гораздо меньше от господства большевиков. По этой причине нефтепровод Баку-Батуми, на ремонт которого требуется всего 100 000 франков, может быть приведен в порядок всего за три месяца.

В результате переговоров приоритетными были признаны военные, финансовые, нефтяные и железнодорожные вопросы. Для их изучения Лушер обещал выделить соответствующих французских специалистов.

В ноябре Топчибаши и Чхенкели удалось наладить эффективные переговоры как с группой французских промышленников, так и с представителями Парижского и Голландского банков в лице группы Нуланса. Было достигнуто предварительное соглашение о том, что, в случае восстановления независимости Кавказа, национальным правительствам будут предоставлены средства для: 1) удовлетворения минимальных требований французской стороны; 2) закупки минимального количества вооружения и аксессуаров для железной дороги; 3) эмиссии более или менее здоровых денежных банкнот с целью замены находящихся в то время в обращении советских денежных знаков, совершенно девальвированных и не соответствующих реальному курсу, в результате чего все трансакции были свернуты или сведены к торговле натурой (бартером). Для этого планировалась передача Тифлисскому банку монополии на такой надежный товар как табак. Наряду с этим, предполагалось организовать акционерное общество Закавказских железных дорог под французским контролем.

Стремясь всячески поддержать эти акции кавказцев, 30 ноября Шевалье отправил ноту Департаменту политических и коммерческих дел французского МИД. В ней он сообщал, что с целью заключения экономических соглашений «находящие-

[266] Rapport sur l'entrevue des représentants des quatre Républiques Caucasiennes avec M. Loucheur, ministre des régions libérées // Ibidem.

ся в настоящее время в Париже кавказцы ведут эффективную пропаганду в социалистических и рабочих кругах Франции и Бельгии». Им, однако, трудно проникнуть «в более образованные, более богатые, более культурные круги, даже в парламент». В связи с этим, Шевалье с горечью отмечал, что крупные финансово-экономические компании, некогда задействованные на Кавказе, «работают на свой страх и риск с целью получения немедленной, минимальной и преходящей выгоды с агентами Москвы через Константинополь» [267].

Признавая, что никто не в праве лишить французские фирмы и компании, переживающие столь непростые времена, возможности хоть немного восполнить тяжелые потери хотя бы и за счет торговли с большевиками, Шевалье обращался к руководству МИД с призывом, сделать все для того, чтобы «общественное мнение осталось верным и продолжало интересоваться правительствами кавказцев, которые, со своей стороны, остаются верными Франции».

Для того чтобы облегчить кавказцам переговоры с французскими финансистами и промышленниками, бывший верховный комиссар на Кавказе предлагал Де ля Рокка выработанный им образец текста, в котором Департамент политических и коммерческих дел МИД, обращаясь к президенту Союза крупных экономических компаний Франции, сообщал последнему, что, в случае обращения к нему членов правительств в изгнании Азербайджана и Грузии, посредником будет служить сам Шевалье[268].

Следует отметить, что и сами кавказцы не имели по этому поводу особых иллюзий, понимая, что все зависит от того, насколько благоприятно сложится для них международная си-

[267] A. Chevalley (Haut commissaire de la République Française au Caucase). Note pour la direction des Affaires étrangères et commerciales. Paris, 30. 11. 1921 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 653 Russie (Caucase). Fol. 186.
[268] Ibidem. Fol. 187.

туация. Например, еще в начале декабря Топчибаши писал в Лондон Мехтиеву, что на двух совещаниях, проведенных с французскими экспертами, «все ограничивается рассуждениями и даже вычислениями теоретического характера. […] До каких либо положительных результатов еще не добрались и, по-моему, до них довольно далеко»[269].

Тем не менее, эти инициативы не имели своего продолжения. В середине января 1922 г. кабинет Бриана пал.

[269] А. М. Топчибаши – М. Я. Мехтиеву. Париж, 6. 12. 1921 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 7/2.

ГЛАВА III

Деятельность дипломатической делегации Азербайджана в период Каннской, Генуэзской и Лозаннской конференций (1922-1923)

§ 1. Прелюдия в Каннах

В январе 1922 г. основной темой политики стран Антанты в отношении Советской России был вопрос восстановления экономических отношений, являвшийся предметом острых англо-французских противоречий. Как уже отмечалось, граждане Франции наиболее пострадали от отказа большевиков выплатить долги царского правительства и насильственной национализации, произведенной ими в России. Таким образом, в отличие от Ллойд Джорджа, заинтересованного в возвращении русского рынка, французы, в качестве предварительного условия восстановления экономических отношений, выдвигали безусловное положительное решение большевиками вопроса о царских долгах, оставаясь приверженцами политики санитарного кордона[270].

Вопрос восстановления экономических отношений с Советами напрямую касался Азербайджана. Около 90% нефти бывшей Российской империи в то время добывалось в Кавказском регионе, на нефтепромыслах Баку и Грозного, которые, в отличие от других предприятий советской России, сравнительно мало пострадали в 1918-1920 гг.

После захвата Азербайджана красной армией в конце апреля 1920 г. в стране, в соответствии с теорией и практикой большевизма, проводилась тотальная национализация нефтя-

[270] *Duroselle J.-P.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. P. 64-65.

ной промышленности, в результате чего были ликвидированы 272 частные компании, большая часть которых принадлежала иностранным гражданам[271]. Осознавая экономическую привлекательность Кавказа для стран Антанты, большевики не преминули сделать природные ресурсы региона предметом политических спекуляций, таким образом, еще больше раздувая противоречия в стане западных союзников.

В начале 1922 г. до кавказцев стали доходить слухи, что англо-голландская компания «Ройал Датч Шелл» ведет переговоры с большевиками относительно покупки бакинской нефти. В случае заключения подобного контракта, большевики заручились бы поддержкой Генри Детердинга – владельца упомянутой компании, одного из влиятельнейших людей в английской и европейской политике.

Предметом особого обсуждения в Каннах 6-13 января 1922 г., наряду с проблемой репараций и экономического восстановления Европы, явился вопрос восстановления экономических отношений с Россией и проблема русских долгов.

Стремясь сохранить вовлеченность Великобритании в европейские дела и франко-британский альянс в целом, Бриан был вынужден уступить в этом вопросе Ллойд Джорджу, хотя большая часть французского политического класса была против приглашения на будущую конференцию большевиков до принятия ими ряда предварительных условий. В результате этих и прочих причин кабинет Бриана пал буквально через неделю.

Тем не менее, и Раймону Пуанкаре, наследнику Бриана на посту премьер-министра и министра иностранных дел, сторонникам более твердого курса в отношении большевизма, пришлось согласиться на приглашение Советов на будущую

[271] *Гасанлы Д.* История дипломатии Азербайджанской Республики. Т. II. Внешняя политика Азербайджана в годы советской власти (1920-1939). Москва. 2013. С. 581.

конференцию безо всяких предварительных условий, так как это соглашение до него уже было подписано Брианом[272].

4 января, в день встречи руководителей Антанты в Каннах непосредственно перед началом конференции, Топчибаши, Чхенкели, Чермоев и Агаронян обратились к Бриану, так же, как и к членам Верховного совета Антанты, с особой нотой.

В документе сообщалось, что, согласно декларации, подписанной представителями республик Кавказа 10 июня 1921 г., любые сделки, заключенные иностранными государствами или частными лицами с оккупационными властями «будут признаны лишенными какой-либо юридической силы и объявлены недействительными»[273].

Гораздо более подробно эта позиция кавказских правительств в изгнании была изложена в ноте от 5 января. Основной тезой этого документа была просьба о включении Кавказа в экономическую систему восстанавливаемой Европы.

«В то время, когда великие державы собираются с целью заняться проблемой экономического восстановления Европы, мы, представители кавказских народов, выражаем твердую надежду, что вопрос Кавказа займет подобающее ему место в системе экономического восстановления. […]

В то же время по богатствам своих недр нефтью, марганцем, медью, углем и другими минералами, своими лесами, производством хлопка, шерсти, шелка, табака и т.д., Кавказ

---

[272] *Duroselle J.-P.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. P. 65-66.

[273] A. Aharonian (président de la délégation de la République Arménie), A. Toptchibacheff (président de la délégation de la République d'Azerbaïdjan), A. M. Tchermoeff (président de la délégation de la République du Caucase du Nord), A. Tchenkeli (Envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de la République de Géorgie). Note à A. Briand, président du Conseil, ministre des Affaires étrangères, président du Conseil Suprême. Paris, 4. 1. 1922 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 118.

представляет собой один из наиболее важных источников сырья для промышленности Европы»[274].

Авторы документа сообщали, что, хотя Кавказ и находится под оккупацией большевиков, местное население сделает все возможное для того, чтобы не работать на оккупантов.

«Борьба за независимость, восстания и войны продолжатся нескончаемо и будут способствовать лишь опустошению края»[275].

Таким образом, делался вполне прозрачный намек, что правительства в изгнании обладают возможностью с помощью недовольного населения воспрепятствовать эксплуатации природных ресурсов Кавказа.

Отмечался и тот факт, что подавляющее большинство концессий на Кавказе принадлежало иностранному, а не русскому капиталу. Этот факт должен был оказать особое влияние на французов, крайне чувствительных к проблемам русского долга.

«Промышленность Кавказа, существовавшая в объединенном виде, не была русской, так как ее 85%, если не более, с точки зрения капиталов, вложенных в эксплуатацию нефти, меди, угля и марганца, находилось в руках иностранцев. Местный капитал (армянский, азербайджанский, северокавказский, грузинский), не может, естественно, рассматриваться русским»[276].

---

[274] A. Aharonian (président de la délégation de la République Arménie), A. Toptchibacheff (président de la délégation de la République d'Azerbaïdjan), A. M. Tchermoeff (président de la délégation de la République du Caucase du Nord), A. Tchenkeli (Envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de la République de Géorgie). Note à A. Briand, président du Conseil, ministre des Affaires étrangères, président du Conseil Suprême. Paris, 5. 1. 1922 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z (Europe). Dossier n° 634 Russie (Caucase) n° 634. Fol. 4-5.

[275] Ibidem. Fol. 5.

[276] Ibidem. Fol. 7.

В конце документа авторы выдвигали две основные рекомендации:

«1) Включить республики Кавказа – Армению, Азербайджан, Северный Кавказ, Грузию – в систему экономического восстановления Европы как абсолютно отдельную от России экономическую единицу.

2) Принять решение, что в процессе изучения условий и форм участия республик Кавказа в экономическом восстановлении Европы мы будем приглашены и выслушаны как законные представители упомянутых республик»[277].

7 января, когда переговоры о допущении представителей большевиков на будущую конференцию без каких-либо предварительных условий вступили в завершающую стадию, и когда стало ясно, что Бриан в этом вопросе будет вынужден уступить Ллойд Джорджу, на имя французского премьера была отправлена новая нота. В ней специально выехавшие в Канны Топчибаши, Агаронян и Гегечкори подчеркивали: поскольку кавказские государства являются насильственно оккупированными вооруженными силами большевиков, то «с целью умиротворения Кавказа и восстановления справедливых прав этих республик, из которых одни являются признанными *де-юре*, а вторые *де-факто*, в качестве предварительного условия вступления в контакт с советской Россией необходимо выставить освобождение территорий этих республик от военной оккупации, объектом которой они являются.

Только такое решение вопроса способно восстановить мир на Кавказе и создать нормальные условия, необходимые для экономического и политического благополучия этого богатого региона», – отмечалось в конце документа[278].

---

[277] Ibidem. Fol. 9.

[278] A. Toptchibacheff (président de la délégation de la République d'Azerbaïdjan), A. Aharonian (président de la délégation de la République Arménie), E. Gueguetchkori (ministre des Affaires étrangères de la Géorgie). Note à Monsieur le président du Conseil Suprême. Cannes, 7. 1. 1921 // Ibidem. Fol. 10.

§ 2. Борьба за нефтяные ресурсы Азербайджана в Генуе

30 января после прихода к власти кабинета Пуанкаре Топчибаши, Чхенкели, Чермоев и Агаронян направили на имя французского премьера меморандум[279], где вкратце излагали как кавказский вопрос в целом, так и историю своих взаимоотношений с правительством Бриана, выражая надежду на продолжение сотрудничества. Снова повторив предложение о включении Кавказа в систему экономического восстановления Европы как отдельной от России единицы, а также о том, чтобы во время обсуждения условий экономического восстановления Европы они были выслушаны как законные представители кавказских государств, авторы документа обращались к премьер-министру со следующей просьбой.

Объяснив, что начатые по инициативе Бриана переговоры с французскими финансово-промышленными кругами тормозятся благодаря неопределенному положению, в котором в настоящее время они находятся, кавказцы просили Пуанкаре выступить от имени правительства Франции в качестве гаранта реализации договоров, заключенных французами с правительствами Кавказа в изгнании: «Быть может, французское правительство сообщит в удобной для него форме финансовым предприятиям, с которыми в настоящее время мы ведем переговоры, что как бы ни развивались события в будущем, Франция примет необходимые меры для того, чтобы обеспечить признание прав, обретенных на Кавказе французскими

[279] Текст меморандума выработан специальной комиссией под председательством Топчибаши. См.: Procès-verbal de la réunion du Conseil des représentants des quatre Républiques Caucasiennes, tenue le 31 février 1922 à 4 heures I/2 de l'après-midi, au bureau de la délégation de la République du Caucase du Nord // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 118.

гражданами и компаниями, ведущими переговоры с независимыми правительствами Кавказа»[280].

Следует отметить, что и после прихода к власти кабинета Пуанкаре правительство Франции продолжало поддерживать контакты с представителями республик Кавказа в изгнании. Будучи в определенной степени более радикально настроенным в отношении большевиков, чем Бриан, Пуанкаре не допускал в этом отношении каких-либо сомнений. Правда, в отличие от Бриана, который в 1921 г., исходя из геополитических причин поддерживал идею объединенного Кавказа, в 1922 г. Пуанкаре сконцентрировался на Грузии, как на стране юридически признанной Верховным советом Антанты *де юре*, пытаясь посредством этого факта действовать и в пользу остальных республик Кавказа. Основной проблемой для кавказцев оставалась позиция английского правительства Ллойд Джорджа, пытавшегося всеми способами подорвать эту политику Парижа[281].

Наиболее рельефно англо-французские противоречия выразились в вопросе участия грузинской делегации в работе будущей Генуэзской конференции. Хотя сами французы и поддерживали участие грузин в конференции, Ллойд Джордж сделал все для того, чтобы исключить эту возможность. 16 февраля правительство Англии уведомило Чхенкели, что, поскольку конференция обсуждает европейские проблемы, участие грузин и, следовательно, остальных кавказцев в ней ис-

---

[280] A. Aharonian (président de la délégation de la République Arménie), A. Toptchibacheff (président de la délégation de la République d'Azerbaïdjan), A. M. Tchermoeff (président de la délégation de la République du Caucase du Nord), A. Tchenkeli (Envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de la République de Géorgie). Note à Son Excellence Monsieur Raymond Poincaré, président du Conseil et ministre des Affaires étrangères. Paris, 30. 1. 1922 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 634 Russie (Caucase) n° 634. Fol. 13.

[281] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). Тбилиси-Париж. 2012. С. 46.

ключается, так как Грузия является азиатской, а не европейской страной[282].

23 февраля Топчибаши, Чхенкели, Чермоев и Агаронян отправили на имя Пуанкаре новую ноту, в которой протестовали против намерения большевиков привлечь к участию в будущей конференции народных комиссаров марионеточных правительств советских республик Кавказа, выдаваемых ими за легитимных представителей своих народов. В документе подчеркивалось, что любые договора, заключенные западными компаниями с Советами в обход легитимных правительств Кавказа, будут считаться лишенными какой-либо юридической силы в соответствии с положениями декларации от 10 июня 1921 г[283].

31 марта, выступая в парламенте Франции, Пуанкаре отметил важное значение Азербайджана для Франции. Заявив, что республики Кавказа, находящиеся в Азии, не могут быть приглашены на конференцию в Геную, где решаются сугубо европейские вопросы, французский премьер подчеркнул, что, тем не менее, и советской России, захватившей Кавказ с помощью вооруженной силы, также не дано право выступать от имени кавказских государств. Пуанкаре также заявил, что намерен продолжать в Азербайджане успешную нефтяную политику («мы не будем признавать любые действия, нарушающие суверенные права азербайджанского правительства»)[284].

---

[282] E. Gueguetchkori. Note à L. Facta, le président de la conférence de Gênes. 10. 4. 1922 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 118.

[283] A. Aharonian (président de la délégation de la République Arménie), A. Toptchibacheff (président de la délégation de la République d'Azerbaïdjan), A. M. Tchermoeff (président de la délégation de la République du Caucase du Nord), A. Tchenkeli (Envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de la République de Géorgie). Note à Son Excellence Monsieur Raymond Poincaré, président du Conseil, ministre des Affaires étrangères. Paris, 23. 2. 1922 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 2/1.

[284] *Гасанлы Д.* История дипломатии Азербайджанской Республики. Т. II. С. 567.

Следует отметить, что в самом парламенте Франции имелись влиятельные группы, выступающие за радикальную политику Парижа в отношении большевиков и Кавказа. В частности, перед началом Генуэзской конференции комиссия по внешнеполитическим связям французского Сената требовала выставить предварительным условием установления Парижем экономических связей с Кремлем эвакуацию большевистских войск с Кавказа[285].

На состоявшемся в Париже 3 апреля совещании представителей четырех республик Кавказа были выработаны основные линии, которым должны были следовать руководители дипломатических делегаций Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа и Армении в связи с Генуэзской конференцией: 1) В случае если по какой-либо причине кавказский вопрос не стал бы предметом рассмотрения на Генуэзской конференции, кавказские представители не должны были возражать против этого. 2) В случае если этот вопрос все же будет рассмотрен в Генуе, представители республик Кавказа должны быть выслушаны. 3) В случае если под давлением государств Антанты большевики будут вынуждены признать независимость Грузии, необходимо добиваться того, чтобы остальные республики Кавказа также были исключены из пределов России. 4)

---

[285] Les Etats du Caucase et la conférence de Gènes. Paris, 13. 3. 1922 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 634 Russie (Caucase). Fol. 44-45.

Все это, разумеется, не означало, что весь политический истеблишмент Франции стоял на столь принципиальной антибольшевистской позиции. Например, автор вышеупомянутой справки, составленной для руководства французского МИД, указывал, что в случае выставления подобных условий большевикам, последние, несомненно, покинут конференцию, что будет равносильно ее срыву. Единственной возможностью осуществления плана эвакуации большевиками Кавказа является оказание массированной помощи вооружением и финансами грузинским повстанцам, а также прямое вмешательство Франции в дела на Кавказе, на что французское правительство вряд ли согласится пойти. Исходя из этого, если Париж действительно хочет получить доступ к нефти Кавказа, ему все же придется иметь дело с местными большевистскими правительствами // Ibidem.

Предоставить западным компаниям те же экономические преимущества, которые, со своей стороны, предложат большевики, дав при этом иностранному капиталу все необходимые гарантии для работы в желаемых ими условиях[286].

Тем не менее, до второй половины апреля 1922 г. положение азербайджанской дипломатической делегации в Париже, так же, как и представителей других республик Кавказа в изгнании, оставалось неопределенным. Вследствие резких противоречий в стане западных государств по вопросу взаимоотношения с Кремлем не было ясности, смогут ли кавказцы вообще получить визу на въезд в Италию. Еще 7 апреля, за три дня до официального открытия Генуэзской конференции, Топчибаши, так же, как и Мехтиев и Магеррамов, обратился через французский МИД в посольство Италии для получения визы для своего дипломатического паспорта[287].

Стремление представителей делегации лично прибыть в Геную, хотя они и не были приглашены для участия в самой конференции, объяснялось тем, что в состав возглавляемой Г. Чичериным советской делегации для введения в заблуждение западных политиков были включены также высокопоставленные функционеры марионеточных правительств советских республик Кавказа. С целью эффективного разоблачения лжи Кремля, выдвинувшего кавказских большевиков в качестве представителей «независимых» советских республик, необходимо было присутствие членов делегации на месте, что давало возможность оперативнее реагировать на заявления Чичерина и членов его делегации.

Тем не менее, процедура получения виз от итальянского правительства затянулась на месяц. Первоначально надеясь

---

[286] Procès-verbal de la réunion des représentants des quatre Républiques Caucasiennes. Paris, 3. 4. 1922 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 118.

[287] См. выданный 7 января 1919 г. дипломатический паспорт Топчибаши, содержащий соответствующие записи и хранящийся в его личном архиве // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

договориться с большевиками, итальянское правительство (не исключено, что с подачи некоторых других западных держав) не спешило выдавать визы на въезд в Италию представителям антибольшевистских правительств Кавказа.

Свою роль здесь, несомненно, сыграла и демагогия большевиков, с первых же дней своего пребывания в Генуе пытавшихся завлечь в СССР западные нефтяные компании на выгодных для себя условиях. Разумеется, верные себе большевики в полной мере пользовались острой конкуренцией, существующей между этими компаниями. Для того чтобы сделать свою ложь достоверной, 10 апреля Чичерин объявил, что в связи с переходом к новой экономической политике советская Россия готова даже сделать ряд изменений в своем законодательстве, а для расширения экономических связей с западными странами открыть международные транзитные пути. На другой день в интервью итальянским газетам Л. Красин сообщил, что советское правительство намерено четверть нефтяных промыслов Азербайджана оставить за собой, а остальные сдать в концессию Франции, Англии, Америке и бельгийским компаниям[288].

Со второй половины апреля, однако, отношение западных держав к находящимся в Париже представителям кавказских государств в изгнании изменилось к лучшему.

Заключенный 16 апреля в Рапалло договор между Германией и советской Россией привел к резкому росту напряженности между Кремлем и западными союзниками. Как известно, в силу Рапалльского договора Германия и советская Россия взаимно отказались от старых долгов и установили дипломатические отношения[289].

Эта весть вызвала крайне негативную реакцию стран Антанты и в особенности Франции. В Париже подозревали, что

---

[288] *Гасанлы Д.* История дипломатии Азербайджанской Республики. Т. II. С. 569.

[289] *Duroselle J.-P.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. P. 68.

таким образом Москва и Берлин желали разорвать санитарный кордон, усилив давление на Польшу, Румынию и другие страны Восточной Европы. Во французской прессе даже циркулировали слухи о новой войне России с Антантой.

Так как в случае военного противостояния с Советами Кавказ, с его нефтяными запасами и стратегическим положением, приобретал для союзников большое значение, Пуанкаре склонялся усилить поддержку представителям кавказских республик в изгнании, увеличив тем самым давление и на большевистскую делегацию в Генуе[290].

18 апреля, два дня спустя после подписания Рапалльского договора, когда новости о заключенном германо-большевистском альянсе проникли в прессу, Топчибаши, стремясь воспользоваться создавшейся благоприятной ситуацией, обратился с нотой к Луиджи Факта, премьер-министру Италии и одновременно председателю Генуэзской конференции. Подчеркнув, что дипломатической делегации Азербайджана необходимо получить визы для въезда в страну с целью опровержения лжи азербайджанских большевиков, явившихся в качестве самозваных представителей этой республики на Генуэзскую конференцию и делающих от ее имени различные экономические предложения представителям западных компаний, Топчибаши категорически писал: «Делегация Азербайджанской Республики заявляет свой наиболее энергичный протест против всех деклараций, всех демаршей и попыток

[290] 10 мая состоялась встреча Пуанкаре с Гегечкори, во время которой стороны обсудили положение, сложившееся в оккупированной Грузии. В частности, национально-освободительное повстанческое движение, развивающееся в стране под руководством Объединенного военного центра, – подпольной структуры, выполняющей роль главного руководящего и координирующего центра антибольшевистских повстанческих ячеек и отрядов. Во время встречи Пуанкаре обещал Гегечкори в случае необходимости оказать повстанцам помощь оружием, снаряжением и финансами. См.: *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 52-54.

представителей большевиков в связи с концессиями, предложенными ими, а также против всех спекуляций в целом относительно нефти Баку.

Ни большевистское правительство Москвы, вторгшееся в Азербайджан с помощью красной армии, ни советская власть, установленная им в стране, не имеют право на обладание нефтью Баку, принадлежащей, как и все другие богатства нашей Родины, азербайджанскому народу и его законному правительству, которое будет восстановлено народом сразу же после ухода красной армии, чьи штыки являются единственной поддержкой власти большевиков»[291].

Таким образом, концессии, предоставленные центральными большевистскими властями СССР, либо местным марионеточным правительством Баку иностранным компаниям не будут признаны легальным правительством страны, вне зависимости от того, будут ли они заключены до или во время Генуэзской конференции.

На спешно созванном на следующий день совещании четырех республик Кавказа основной темой обсуждения являлся вопрос получения виз для въезда в Италию. Отсутствовавший Топчибаши передал председательствующему на собрании Чермоеву просьбу как можно тщательнее исследовать сложившуюся ситуацию. По словам председателя азербайджанской делегации, «у всех сложилось впечатление, что в отношении представителей Кавказа осуществляется саботаж»[292]. В доказательство своих слов Топчибаши ссылался на

---

[291] A. M. Toptchibacheff (président de la délégation de la République d'Azerbaïdjan). Note à Son Excellence Monsieur Facta, premier ministre d'Italie, président de la conférence de Gènes. Paris, 18. 4. 1922 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 1/1.

[292] Procès-verbal de la réunion du Conseil des représentants des Quatre Républiques du Caucase, tenue le 19 avril 1922, à 4 heures et demie de l'après-midi en l'hôtel du président de la délégation de la République du Caucase du Nord // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 117.

факт, что в то время в Женеве уже находились две украинские (большевистская и правительства независимой Украины) делегации, так же, как и делегация турецких армян. Было решено отправить письмо на имя графа Сфорца, посла Италии в Париже, с просьбой о назначении аудиенции. Наряду с этим отправить телеграмму Чхенкели, единственному кавказскому представителю уже находившемуся в Генуе, с просьбой оказать соответствующее влияние на итальянское правительство[293].

27 апреля все еще находившийся в Париже Топчибаши отправляет на имя Факта новый меморандум. В нем он отмечал, что вынужден вновь обратиться к председателю Генуэзской конференции и министру иностранных дел Италии, ибо в силу создавшихся условий возглавляемая им делегация «лишена возможности лично отстаивать интересы своего народа на Генуэзской конференции».

Ссылаясь на 1-й и 6-й пункты Каннской резолюции, являющихся основой для работы Генуэзской конференции и признанной, в том числе и самими большевиками, Топчибаши просил руководителей конференции: «1) Предложить в удобной для конференции форме советскому правительству эвакуировать, в соответствии с Каннской резолюцией, свои войска из пределов Азербайджанской Республики, не вмешиваясь ни во внутренние дела последней, ни в формы управления страной. 2) При всех случаях обсуждения на конференции и в ее комиссиях и подкомиссиях заявлений и вопросов, касающихся Азербайджана и, в частности, бакинской нефти, соблаговолить пригласить и выслушать делегацию, которая одна обладает правом говорить от имени азербайджанского народа

[293] Ibidem. Сам Чхенкели выехал в Геную 13 апреля. За два дня до этого он встречался с Пуанкаре. См.: *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 48-50.

и входить в экономические сношения относительно бакинской нефти и других природных богатств Азербайджана»[294].

6 мая, вероятно, вследствие вмешательства французских властей, представители делегации Азербайджана получили желаемые визы[295], что позволило самому Топчибаши, а также сопровождающим его Мехтиеву и Магеррамову выехать, наконец, в Геную. При этом Топчибаши получил право представлять также интересы республики Северного Кавказа.

Несмотря на то, что к моменту их прибытия в Геную уже было ясно, что конференция, скорее всего, завершится безрезультатно, представители азербайджанской делегации уделили большое внимание разоблачению пропаганды большевиков, стремящихся воспользоваться конкуренцией западных компаний для завлечения их на Кавказ.

14 мая в газете «Скаффаро» под красноречивым заголовком «Нефть Баку принадлежит Азербайджану, а не России» было напечатано интервью Топчибаши. В нем председатель азербайджанской дипломатической делегации умело использовал против большевиков именно тот аргумент, на основе которого кавказцы не были допущены для участия в конференции. Он, в частности, заявил, что поскольку официально конференция посвящена экономическому восстановлению Европы, большевики не имеют права обсуждать на ней вопросы бакинской нефти, так как, согласно решению в Каннах, представителям Кавказа было отказано в праве участвовать в Генуэзской конференции на основе того, что Кавказ находится в Азии, а не в Европе.

---

[294] A. M. Toptchibacheff (président de la délégation de la République d'Azerbaïdjan). Note à Son Excellence Monsieur Facta, président du Conseil des ministres d'Italie, président de la conférence internationale de Gènes. Paris, 27. 4. 1922 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 7/2.

[295] См. визу, поставленную итальянским посольством в Париже в дипломатическом паспорте Топчибаши // Ibidem. Carton n° 3.

«Кстати, с кем хотят договориться «Ройал Датч Шелл» и другие компании? – патетически вопрошал Топчибаши. – С русскими большевиками, или их чиновниками, выбранными из числа местного населения, которых они привели на конференцию? И те, и другие являются лишь временными властителями, опирающимися на штыки красной армии. Им удалось лишь разрушить нефтяную промышленность Баку, а сейчас они желают использовать то, что они приобрели насилием и стремятся получить больше того, что они могут, зная, что не рискуют ничем, как и то, что азербайджанский народ их ненавидит, проклиная режим, ввергший их богатую страну в нищету».

До тех пор, пока в Азербайджане длится господство большевиков, естественный интерес, проявляемый западными компаниями в отношении нефтяных ресурсов страны, не может завершиться каким-либо положительным результатом, так как большевистский режим исключает частную собственность, свободу работы и экономических отношений, подчеркивал Топчибаши[296].

В интервью итальянской газете «Коррьере меркантиле» Топчибаши, с целью остудить алчность некоторых западных нефтяных компаний, стремящихся заполучить концессии в Азербайджане, подчеркивал, что «господство большевиков в Азербайджане, кроме того, что оно противоречит правам азербайджанского народа, абсолютно вредно с точки зрения экономики страны, поскольку большевики, введя в Азербайджане свою социально-экономическую систему, постепенно разрушили ту нефтяную промышленность, которую сейчас они хотят сделать предметом обширной торговли. Было бы неточно говорить о русской нефти в связи с нефтяными источниками Баку. Нефть, которой так жаждут различные груп-

[296] Le naphte de Bakou appartient à l'Azerbaïdjan et non à la Russie (déclaration du président Toptchibacheff). «Scaffaro». Gènes, 14. 5. 1922 // Ibidem. Carton n° 1/1.

пы капиталистов, извлекается на Апшеронском полуострове, т.е. в Азербайджанской Республике, признанной державами Антанты и другими государствами в 1920 г. Мы желаем, чтобы наша нефть способствовала экономическому восстановлению Европы, но лишь после изгнания большевиков из нашей страны».

Далее Топчибаши отмечал, что азербайджанский народ «не допустит растранжиривания своего богатства в пользу большевистских концессионеров, он скорее будет готов его уничтожить, чем позволит другим спекулировать принадлежащим ему добром. […]

Именем морального права, а также в интересах мира и спокойствия и с целью добиться скорейшего общего экономического возрождения державы, собравшиеся в Генуе, должны побудить советское правительство вывести русские войска с территории Азербайджана и избавить трудолюбивый азербайджанский народ от ужасов большевистского ига», – заканчивал свое интервью Топчибаши[297].

Те же тезисы были озвучены Топчибаши и во время пресс-конференции, состоявшейся в зале Ассоциации журналистов Лигурии 18 мая. «Группы иностранцев, пытающиеся сегодня заключить торговые договора с большевиками относительно нефтеносных участков района Баку и всего остального Азербайджана, пребывают в иллюзиях, полагая, что смогут затем их реализовать. Они столкнутся в стране с непреодолимой враждебностью. Жители Баку заявили, что они готовы скорее поджечь все нефтяные колодцы, чем позволить большевикам спекулировать ими в свою пользу»[298].

Последние слова имели в виду пожар, случившийся всего несколько дней назад на бакинских нефтепромыслах. Ссыла-

[297] Les aspirations de l'Azerbaïdjan. Notre entrevue avec M. Toptchibacheff. «Corriere Mercantile». Gènes, 18-19. 5. 1922 // Ibidem.

[298] La situation de l'Azerbaïdjan exposée par le président de son parlement. «Il Secolo XIX». Gènes, 19. 5. 1922 // Ibidem.

ясь на этот факт, находящееся в Лондоне Азербайджанское информационное бюро распространило сведения об усилении недовольства местного населения большевизмом, а также о поджогах нефтепромыслов вокруг Баку[299].

19 мая Генуэзская конференция завершилась безрезультатно. Советы не только не признали царские долги, но, напротив, под предлогом возмещения убытков за так называемую интервенцию в годы гражданской войны сами потребовали у западных стран 30 миллиардов рублей золотом[300].

Свою роль в подобном исходе конференции сыграла и пропагандистская деятельность кавказских правительств в изгнании.

В течение всего периода работы конференции в горных районах Грузии под координацией Объединенного военного центра велись настоящие боевые действия против большевиков. В первой половине 1922 г. большинство горных районов западной части страны находилось в руках повстанцев. С апреля эпицентр боевых действий переместился в горные районы Восточной Грузии, где поднял восстание один из наиболее известных руководителей грузинского сопротивления, полковник Кайхосро (Какуца) Чолокашвили. Пламенем восстания были объяты и некоторые районы соседнего Дагестана. Все эти события оказали определенное влияние на союзников, подтвердив, что кавказские правительства в Париже обладают рычагами влияния в регионе[301].

---

[299] *Гасанлы Д.* История дипломатии Азербайджанской Республики. Т. II. С. 570.

[300] *Duroselle J.-P.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. P. 67-68.

[301] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 54.

§ 3. Лозаннская конференция и дипломатия делегации Азербайджана в Париже

С осени 1922 г., деятельность дипломатической делегации в Париже вновь активизируется.

После сокрушительных поражений, понесенных греческими войсками в боях с кемалистами, и эвакуации 9 сентября греческой армии из Смирны западные державы были вынуждены окончательно пересмотреть свою политику в отношении Турции. 23 сентября правительства Франции, Великобритании и Италии пригласили М. Кемаля начать переговоры, предварительно обещав, что Турция получит Смирну, Анатолию и Восточную Фракию. Приняв эти условия, кемалисты и западные союзники подписали 11 октября Муданийское перемирие[302].

Понимая, что урегулирование ближневосточной проблемы станет предметом международной конференции уже в ближайшее время, 8/9 октября Топчибаши составил текст специальной ноты, обращенной к руководителям Франции, Англии и Италии, где были сформулированы основные приоритеты азербайджанской дипломатии по данному вопросу. В документе отмечалось, что Кавказ исторически был самым тесным образом связан с Ближним Востоком. Эту связь, обусловленную самой природой, не смогло уничтожить даже столетнее владычество России, хотя оно и нанесло «чувствительный удар делу экономического развития Кавказа и Ближнего Востока».

Те же деструктивные цели преследуют и русские большевики, насильственно оккупирующие Азербайджан, хотя азербайджанский народ никогда не примирится со своими угнетателями. Следовательно, и эта искусственная попытка Кремля не способна «порвать связи Кавказа с Ближним Востоком».

---

[302] *Pichon J.* Le partage du Proche-Orient. Paris. 1938. P. 240-242.

Делегация Азербайджанской Республики выражает надежду, что в стремлении установить мир в регионе будущая конференция не упустит из виду это важное обстоятельство, ибо для достижения цели, которую она ставит перед собой, «необходимо установление и упрочнение мира на всем Ближнем Востоке совместно с Кавказом». В случае если проблема Кавказа не будет урегулирована, «вряд ли можно рассчитывать на полное успокоение и столь тесно связанного с ним Ближнего Востока».

В силу этого бесспорного положения делегация Азербайджана считает необходимым свое участие в конференции.

Хотя Азербайджан и не является причерноморским государством, не меньшее значение для него имеет и вопрос Проливов. Именно маршрут Батуми – Черное море – Проливы представляет для него «единственный ближайший и важнейший пусть сношения с Европой в политическом, культурном и экономическом отношении». Хотя сам Батуми и не является территорией Азербайджана, этот порт имеет общекавказское значение, так как он соединен с нефтепроводом, идущим из Баку. Лишь по этому пути может проникнуть в Европу бакинская нефть. Таким образом, магистральная линия Баку-Батуми является «жизненным нервом Азербайджана и Грузии, а также всего Кавказа. Столь существенное значение упомянутой линии для всей нефтяной промышленности Азербайджана признается и Грузией, доброжелательное отношение которой к нашей стране засвидетельствовано в ряде взаимных актов и заверений политического и экономического характера».

Исходя из этого, делегация Азербайджана обращается к руководителям упомянутых западных стран с просьбой допустить ее представителей к участию в будущей конференции, чтобы выслушать «их объяснения при решении вышеука-

занных вопросов, непосредственно касающихся жизненных интересов Азербайджана»[303].

30 октября упомянутый меморандум был переслан премьер-министру Франции Пуанкаре. В сопроводительном письме, датированном этим же числом, Топчибаши выражал надежду на то, что правительство Франции, традиционно благосклонно относящееся к малым нациям, поддержит его просьбу относительно допуска руководимой им делегации к участию в работе конференции[304]. В тот же день с аналогичными сопроводительными письмами документ был отправлен аккредитованным в Париже послам Англии и Италии[305], а 6 ноября – на имя председателя Лозаннской конференции[306].

Топчибаши, наряду с этим, попытался воспользоваться двухдневным пребыванием в Париже Исмета-паши Иненю, министра иностранных дел Турции, исполняющего также функции председателя дипломатической делегации правительства Анкары на Лозаннской мирной конференции.

11 ноября Топчибаши встретился с Ферид-беем, дипломатическим представителем кемалистов в Париже, который, бу-

---

[303] Mémoire présenté par la délégation de la République d'Azerbaïdjan à la conférence du Proche Orient. Paris, 8/9. 10. 1922 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 13/2.

[304] A. M. Toptchibachi (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan). A Son Excellence Monsieur Raymond Poincaré, président du Conseil des ministres et ministre des Affaires étrangères de la République Française. Paris, 30. 10. 1922 // Ibidem.

[305] A. M. Toptchibachi (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan). A Son Excellence Lord Harding, ambassadeur de la Grande-Bretagne auprès du gouvernement de la République Française. Paris, 30. 10. 1922 // Ibidem; A. M. Toptchibachi (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan). A Son Excellence Monsieur le comte Sforza, ambassadeur de S.M. le roi d'Italie auprès du gouvernement de la République Française. Paris, 30. 10. 1922 // Ibidem.

[306] A. M. Toptchibachi (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan). A Monsieur le président de la conférence de la paix du Proche Orient. Paris, 6. 11. 1922 // Ibidem.

дучи убежденным сторонником сближения правительства Анкары с западными странами, поддерживал связи не только с азербайджанцами, но и с грузинами и горцами. Топчибаши сообщил турецкому дипломату о своем намерении подать на имя Исмета-паши меморандум с изложением всех преступлений, совершенных большевиками в Азербайджане со дня оккупации ими страны. Со своей стороны, Ферид-бей обещал лично поговорить по этому поводу с Исметом-пашой, с которым буквально на днях он должен был встретиться в Лозанне, чтобы сопровождать его во время поездки в Париж.

Получив утром 16 ноября от турецких дипломатов уведомление о том, что Исмет-паша в тот же день прибывает в Париж, уже в 3 часа Топчибаши находился в здании посольства на назначенной ему в это время аудиенции. Представляя Топчибаши Исмету-паше, Ферид-бей не скупился на комплименты, наряду с прочим сказав, что он является «горячим турецким националистом».

Выразив свое восхищение военными успехами кемалистов, Топчибаши сообщил своему собеседнику, что уже завтра подаст на его имя обращение с просьбой о помощи, «из которого вы увидите, как страдает наш народ, [и] в каком угнетенном состоянии он находится вот уже более двух с половиной лет. Народ ждет вашей помощи»[307].

По утверждению Топчибаши, Исмет-паша ответил на это заявление следующими словами: «Мы знаем об этом. Мы знаем о многом. Но в какой форме может быть эта помощь, пока у нас нет мира? Надо сначала заключить мир. К этому должны стремиться все мы совместно. А как только достигнем мира, тогда наш долг позаботиться о вас. С такими храбрыми войсками, как у нас, можно помочь всему турецкому миру»[308].

---

[307] А. М. Топчибаши. Встреча с Исметом-пашой 16. 11. 1922 в здании турецкого посольства в 3 час. 15 мин. дня // Там же. Carton n° 3.
[308] Там же.

В соответствии с достигнутым соглашением утром 17 ноября Топчибаши представил на имя Исмета-паши специальную ноту, переданную им в турецкое посольство. По просьбе Топчибаши османский текст ноты был откорректирован М. Э. Расулзаде, в тот момент находившемся в Париже.

Документ содержал в себе описание истории двухлетней независимости Азербайджана и последовавших за тем ужасов большевистской оккупации страны. Наряду с этим, включая тонкий намек на неблаговидную роль кемалистов в деле советизации Азербайджана, в ноте отмечалось, «что азербайджанский народ, когда надо, готов на жертвы во имя идеи турецкой нации, во имя общей солидарности и защиты общих жизненных ее интересов.

Но такая готовность Азербайджана, воочию и столь рельефно проявленная, обязывает и родственный турецкий народ не забывать безотрадного положения своих единоплеменников и протянуть вновь братскую руку помощи ради спасения политического, а сейчас даже физического существования азербайджанских тюрок».

До сего времени, понимая тяжелейшее положение турецкого народа, делегация сознательно не беспокоила правительство Анкары просьбой о помощи. Однако теперь, когда «великое национальное движение турецкого народа» завершилось «столь блестящими результатами», азербайджанские представители считают своим долгом напомнить Анкаре, «что крайне тяжелое положение Азербайджана вопиет о себе и требует к себе не только внимания, но и помощи действительной, реальной».

Азербайджанская делегация не сомневается в том, что для будущей Турции «существенно необходим именно независимый и в политическом, и в экономическом отношении Азербайджан, естественные богатства которого могут с лихвой удовлетворить культурные потребности всей нации».

В заключение ноты подчеркивалось, что «делегация не решается указать формы такой помощи (дипломатическим

или иным путем). Вместе с тем она позволяет себе уверенность в том, что интересы Азербайджана встретят в лице Вашего Превосходительства и всей делегации надежных защитников и на теперешней международной конференции в Лозанне при обсуждении и решении вопросов, касающихся Кавказа и, в частности, Азербайджана»[309].

Впрочем, еще до начала конференции было ясно, что приглашение на нее имеют шанс получить лишь прибрежные черноморские государства, включая Украину и Грузию. Вопрос заключался в том, будут ли в подобном случае приглашены на конференцию представители изгнанных в результате большевистской оккупации демократических республик Украины и Грузии, или марионеточных советских правительств Киева и Тбилиси. Как и в случае с Генуэзской конференцией, основные разногласия в связи с этим возникли между Парижем и Лондоном.

Пуанкаре, который хотел, чтобы Грузия была представлена на Лозаннской конференции делегацией правительства в изгнании, тщетно пытался убедить Ллойда Джорджа согласиться на это. Англичане, напротив, желали участия в конференции представителей грузинских большевиков. Если раньше они отказали представителям грузинского правительства в изгнании в праве участия в Генуэзской конференции под предлогом того, что Грузия находится не в Европе, а в Азии, на сей раз они привели еще более «специфический» и в значительной степени пробольшевистский аргумент. Лорд Керзон заявил Пуанкаре, что Англия признала независимость Грузии, а не ее социал-демократическое правительство. Кроме того, Великобритания не может пригласить на конференцию правительство, которое не контролирует территорию своей страны.

[309] A. M. Toptchibachi (président de la délégation diplomatique d'Azerbaïdjan). A Son Excellence Monsieur Ismet-Pacha, ministre des Affaires étrangères de la Turquie et président de la délégation turque à la conférence de la Paix à Lausanne. Paris, 17. 11. 1922 // Ibidem.

Несмотря на настойчивость Пуанкаре, правительство Ллойд Джорджа осталось на своей точке зрения. В конце концов, союзники решили не приглашать на конференцию ни поборников независимости Грузии, ни московских марионеток – грузинских большевиков[310]. Таким образом, грузинских и украинских функционеров, которые могли быть включены в состав будущей советской делегации, следовало считать представителями красной России, а не соответствующих национальных республик.

Тем не менее, с целью защиты азербайджанских национальных интересов, 30 ноября утром Топчибаши приехал в Лозанну, оставаясь в тесном контакте с членами турецкой делегации. Тяжелейшее финансовое положение не позволило ему взять с собой кого-либо из других членов делегации, так как М. Асадуллаев, меценат и бывший министр торговли и промышленности Азербайджана, обещавший выделить на эту поездку необходимую сумму денег, так и не сдержал данное им слово. В итоге Расулзаде и один из членов делегации, которые, согласно первоначальным расчетам, должны были сопровождать в Лозанну Топчибаши, так и остались в Париже. Вследствие этого, Топчибаши пришлось взять на себя выполнение функций технического персонала, включая составление нот и прочих документов, а также их рассылку. Как писал впоследствии по этому поводу Топчибаши, «неимение под рукой технических сил служило большой помехой»[311]. Так, для сообщения в Генеральный секретариат конференции о своем приезде и месте проживания Топчибаши пришлось пользоваться услугами М. Броше, редактора «Женевской газеты», чрезвычайно благожелательного настроенного в отноше-

[310] А. Чхенкели. Меморандум полномочного посла Грузии относительно дипломатической деятельности в 1921 и 1922 гг. Март 1923 г. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 132.

[311] А. М. Топчибаши – А. Атамалибекову. Лозанна, 5. 12. 1922 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 13/2.

нии нерусских народов бывшей Российской империи. От предложения услуг технического персонала турецкой делегации Топчибаши отказался по «соображениям деликатного характера».

На вокзале Топчибаши встретил Зеити-бей, член финансово-экономической секции турецкой делегации, с которым он поехал в отель «Hotel de la Paix», где для него была подготовлена комната. Выбор отеля был явно не случаен, так как в том же отеле размещалась часть состава турецкой делегации. Как впоследствии писал Топчибаши в Париж, уже в первый же день ему удалось познакомиться с 15-18 лицами из состава турецкой делегации, от которых получил первую информацию о работе конференции[312]. Тот факт, что турецкие представители позволяли себе открыто общаться с Топчибаши, свидетельствовал об их сочувственном отношении к Азербайджану.

Впрочем, деятельность Топчибаши и других кавказцев с самого же начала привлекла к себе внимание представителей большевиков, узнавших об их нахождении в Лозанне из женевских газет (в самой Лозанне к тому времени была забастовка типографских рабочих, в результате чего газеты временно не выходили).

В воскресенье 3 декабря после завтрака, данного Исметом-пашой в честь прибывших накануне в Лозанну большевистских представителей, Чичерин официально заявил, что представителями Азербайджана, Грузии и Украины должны быть признаны только члены советской делегации. Турецкая сторона не должна оказывать никакой поддержки находящимся в Лозанне руководителям бывших антибольшевистских правительств Кавказа[313].

Очевидно, не желая мозолить глаза большевикам, турки предпочли не селить Топчибаши в отель «Лозан-Палас»

[312] Там же.
[313] Там же.

(«Lausanne-Palace»), где размещалось руководство турецкой делегации во главе с Исметом-пашой.

По свидетельству Топчибаши, на второй день после приезда ему удалось лично увидеться и с Исметом-пашой (судя по всему, встреча носила эпизодический характер[314] в присутствии других лиц, в результате чего Топчибаши не мог коснуться азербайджанского вопроса), а также другими членами турецкой делегации. Большинство из них, будучи по происхождению из Анкары, было незнакомо Топчибаши, знающему, в основном, лишь стамбульских турок. Лишь несколько делегатов, некоторые из которых в прошлом состояли в делегации Сами-бея, были знакомы Топчибаши[315].

«Приходилось и приходится слышать разные мнения и о прошлом, и о настоящем Азербайджана», – писал по поводу этих встреч Топчибаши бывшему министру призрения и здравоохранения Азербайджана Рафиеву, – «но зачастую они стереотипные и, по-видимому, идут из одного и того же источника. Можно их свести к следующим выводам:

1) Азербайджан очень интересная и богатая страна. Бакинская нефть привлекает взоры всего мира. Народ Ваш – тот же турецкий народ. Это – мост, с одной стороны, к мусульманам Поволжья, с другой – к Туркестану и вообще Азии. Сближение наше, и как можно тесное, очень необходимо. Вот только бы закончить это дело мира.
2) К сожалению, у вас очень мало интеллигенции. Но и те, кто был, оказались неспособными к государственному делу и не сумели оберегать интересы народа.

[314] По свидетельству Топчибаши, во время встречи Исмет-паша вновь повторил свою сказанную в Париже тезу: «Иншаллах, заключим мир, и тогда настанет очередь Азербайджана» // Там же.
[315] Там же.

3) Особенно много вреда нанесло ваше правительство, состоящее из одной партии. Оно, правительство, продалось англичанам и совершенно игнорировало турок, кои пролили столько крови ради вас же. Даже не пришли на помощь, когда Ангора так страдала.
4) А ваша делегация хотела отдать Карс и часть нашей территории армянам.
5) Наше счастье – ваше счастье. Мы никогда вас не забывали и не можем забыть. Оставить вас под нынешним игом – значит согласиться отрезать часть нашего живого тела. Мы должны помочь вам как только мир будет заключен.
6) Вы не можете быть пессимистом: у вас такое богатство, как нефть. Привлекайте теперь же капиталистов, и после заключения мира в вашем Азербайджане закипит жизнь»[316].

Комментируя эти слова, Топчибаши справедливо писал, что, в целом, у него создалось впечатление «малой осведомленности» турок относительно Азербайджана, в особенности в связи с событиями, относящимися к оккупации страны в апреле 1920 г. Ему даже приходилось слышать высказывания о том, что азербайджанский народ сам пригласил к себе на помощь большевиков. Разумеется, Топчибаши тут же дал в связи с этими и другим заявлениями соответствующие объяснения. По этому поводу в письме А. Атамалибекову Топчибаши не без горечи писал, что о своей собственной роли в деле оккупации большевиками Азербайджана турки «или вовсе не знают, или же… молчат»[317].

[316] А. М. Топчибаши – М. Рафиеву. Лозанна, 20. 12. 1922 // Там же.
[317] А. М. Топчибаши – А. Атамалибекову. Лозанна, 5. 12. 1922 // Там же.

Как полагал Топчибаши, это мнение одного из членов турецкой делегации, несомненно, являлось результатом большевистской пропаганды, усиленно ведущейся ими как в Анкаре, так и на самой Лозаннской конференции.

В эти дни Топчибаши непосредственно пришлось опровергать упомянутую ложь большевиков.

Уже 5 декабря Г. Чичерин во время своего общего интервью корреспондентам местных газет, наряду с прочими вопросами, коснулся проблемы Азербайджана. На вопрос одного из корреспондентов, чем вызван тот факт, что большевики, постоянно кричащие о праве народов на самоопределение, сами первыми же нарушают этот принцип, насильственно захватывая Грузию и Азербайджан, Чичерин в лучших традициях свойственной ему демагогии ответил: сам азербайджанский народ призвал на помощь красную армию против угнетающего его буржуазного правительства Баку[318].

На следующий день Топчибаши передал швейцарским газетам текст заявления, в котором, опровергая ложь Чичерина, подчеркнул, что упомянутое «утверждение комиссара абсолютно противоречит реальности, свидетельствующей о насильственном захвате страны большевиками, о ненависти, которую испытывает азербайджанский народ к русским большевикам, видя в них еще более отвратительных своих угнетателей, чем царские чиновники и правительство»[319].

Пытаясь по мере своих ограниченных возможностей способствовать сближению турок с западными державами, Топчибаши поддерживал постоянную связь с руководством турецкой делегации.

14 декабря Исмет-паша выступил в подкомиссии о национальных меньшинствах, где заявил о согласии турок соблюдать права нацменьшинств, а также о желании Анкары вступить в Лигу наций, что свидетельствовало о стремлении кема-

[318] Там же.
[319] Déclaration de Monsieur Toptchibacheff. Lausanne, 8. 12. 1922 // Ibidem.

листов в определенной степени сблизиться с Европой. Эта речь, дающая надежду на скорое заключение мира и урегулирование ближневосточного вопроса, со своей стороны давала повод Топчибаши надеяться на то, что после этого кемалисты, в соответствии с их обещаниями, займут в отношении Азербайджана более принципиальную позицию[320].

15 декабря, когда речь Исмета-паши в полном виде появилась в печати, Топчибаши направил на его имя письмо, в котором, высказывая свою горячую поддержку занятой им позиции, сообщал, что от политики турецкой делегации «зависит будущая судьба не только османских турок, но и всего турецкого мира, всех тех народов турецкой нации, кои, как в Азербайджане, в Крыму, в Туркестане и в других странах, с нетерпением ждут заключения мира, от результатов которого так много зависит устроение их жизни на началах политической и экономической свободы»[321].

Касаясь важности вопроса вступления Турции в Лигу наций, Топчибаши подчеркивал, что «готовностью войти в состав “Societé des Nations”» турецкий народ «с честью займет почетное место в семье цивилизованных наций и поможет вхождению в эту семью остальных народов нашей расы».

---

[320] А. М. Топчибаши – М. Рафиеву. Лозанна, 20. 12. 1922 // Там же.

[321] А. М. Топчибаши (председатель дипломатической делегации Азербайджана). Высокопочтенному Исмет-паше, председателю делегации турецкой на мирной конференции в Лозанне и министру иностранных дел правительства Великого национального собрания в Ангоре. Лозанна, 15. 12. 1922 // CERCEC. EHESS. Archives d’Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 13/2. Цитаты из упомянутой ноты приведены не по официальному, посланному Исмет-паше османскому, а по оригинальному русскому тексту. Дело в том, что согласно порядку, существующему в дипломатической делегации Азербайджана в Париже, тексты всех официальных документов первоначально составлялись на русском языке, и лишь после этого переводились на соответствующий язык, посылаясь адресату. Таким образом, в случае с турецкими нотами зачастую использован русский, а не официальный османский текст этих документов, чем и объясняются отдельные архаизмы в вышеприведенных цитатах.

В заключение письма Топчибаши вновь напомнил Исметупаше данное им в Париже обещание не забыть «своих соплеменников» после заключения мира с Антантой: «Мы, азербайджанцы, никогда также не забудем этих знаменательных слов». Он вновь подтвердил свою готовность в случае необходимости выехать по первому же вызову в Анкару, или в любое другое место, куда ему укажет Исмет-паша[322].

Топчибаши удалось встретиться с генеральным секретарем Лозаннской конференции Р. Массигли, а также с представителями делегаций Франции, Англии и других стран. Особенно интересно было посещение английской делегации. «Все они подчеркивают важность заключения мира на Ближнем Востоке»[323]. Дипломаты не исключали того, что на следующей конференции может быть поставлен и общерусский вопрос, непосредственно касающийся и Кавказа. При этом, подчеркивая этническое родство азербайджанцев и турков, западные представители отмечали, что Анкара, в объективном отношении, «заинтересована в поддержке кавказских республик». Необходимость сохранения этого союза считается важнейшим фактором их независимости[324].

Наряду с этим немало времени Топчибаши уделял взаимодействию с другими кавказцами. Почти каждый день он виделся с Чхенкели, с которым работал в полном согласии, сведя его со многими знакомыми ему турецкими представителями. Так же, как и сам Топчибаши, Чхенкели был уверен, что кавказский вопрос может быть поставлен после заключения мира с Турцией, для чего необходимо было сохранять дружественные отношения с Анкарой. Гораздо хуже обстояло дело с армянами, в отношении которых, по словам самого Топчибаши, «турки были непримиримы»[325]. Со своей стороны, армяне

[322] Там же.
[323] А. М. Топчибаши – М. Рафиеву. Лозанна, 20. 12. 1922 // Там же.
[324] Там же.
[325] Там же.

продолжали антитурецкую агитацию в прессе, склоняя на свою сторону церковные общины крайне религиозной Швейцарии. Попытка Топчибаши уговорить армян прекратить агитацию, встав на путь конструктивного диалога с Анкарой, окончилась неудачей[326].

Принимая во внимание неопределенность ситуации в целом, Топчибаши временно отказался от попыток вести с турками переговоры о допущении ими деятельности в Стамбуле азербайджанского консульства, а также политических организаций. В письме Рафиеву он аргументировал свою позицию тем, что эти вопросы больше входят в компетенцию министра внутренних, а не иностранных дел. К тому же, в случае постановки вопроса до заключения мира, можно натолкнуться на формальную ссылку на советско-турецкий договор от 16 марта 1921 г., запрещающий функционирование на турецкой территории эмигрантских антибольшевистских организаций. Сами турки прозрачно намекали Топчибаши, что если Анкара не будет подвергаться специальному давлению большевиков, она будет сквозь пальцы смотреть на деятельность азербайджанцев на своей территории. В случае если бы азербайджанским эмигрантам удалось выждать необходимое время, Топчибаши рассчитывал, что в будущем они смогут «продолжать работу. А там, может быть, и события нам помогут. Пока на этом сошлись А. Чхенкели и я»[327].

22 декабря Топчибаши направил письмо Рауфу Орбаю, премьер-министру Турции, с которым был хорошо знаком еще со времен Трапезундской конференции 1918 г. К письму, содержавшему в себе традиционные пожелания успеха, прилагалась копия меморандума Исмету-паше от 17 октября, посвященного проблеме Азербайджана[328].

---

[326] Там же.

[327] Там же.

[328] А. М. Топчибаши (председатель дипломатической делегации Азербайджана). Глубокоуважаемому Рауф-бею, председателю Совета Министров

5 января 1923 г. вследствие разногласий между западными державами и турками конференция была прервана и возобновила свою работу лишь 23 апреля. Чичерин попытался вновь принудить союзников признать большевиков в качестве законных представителей Грузии и Украины. Он рассчитывал, что если Кремль согласится подписать Лозаннский договор, в принципе невыгодный для СССР, представители западных держав, в свою очередь, могут отказаться от поддержки грузин и украинцев, признав местных большевиков легитимными представителями этих республик.

§ 4. Между Парижем и Лозанной

Вернувшись в Париж в последних числах декабря, Топчибаши продолжал свои демарши, направленные на сближение с кемалистами.

31 января 1923 г. после официального закрытия турецкими властями азербайджанского консульства в Стамбуле[329] Топчибаши обратился по этому поводу со специальной нотой к Исмету-паше. Объясняя, что азербайджанское консульство функционировало в Стамбуле с 1918 г., и к тому же деятельность этой структуры особенно важна на нынешнем этапе, когда после захвата Азербайджана большевиками основная масса политических беженцев скопилась именно на территории Турции, Топчибаши просил правительство Анкары отменить данное решение[330].

правительства Ангорского Великого национального собрания. Лозанна, 22. 12. 1922 // Там же.

[329] Консульство Азербайджана в Стамбуле прекратило свое существование в декабре 1922 г. Формальной причиной закрытия турецкими властями этого учреждения были интриги и разногласия среди азербайджанских эмигрантов. См.: *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. Москва. 2013. С. 16.

[330] А. М. Топчибаши (председатель дипломатической делегации Азербайджана). Его Превосходительству Исмету-паше, председателю турецкой

Наряду с этим Топчибаши продолжал поддерживать связь и с турецким дипломатическим представительством в Париже, получая оттуда более или менее регулярную информацию об идущих в Швейцарии переговорах, а также о событиях в самой Анкаре.

17 апреля Топчибаши встретился Хюсейн Рагыб-беем, после отъезда в Турцию Ферид-бея временно исполняющим функции дипломатического представителя кемалистов во Франции. В ходе беседы, традиционно начавшейся с обсуждения взаимоотношений Турции с западными державами, Топчибаши заявил, что его особенно интересует ответ Исмета-паши по поводу поданного им от имени азербайджанской делегации меморандума, а также то, как смотрят в целом в Анкаре на нынешнее положение Азербайджана и, в частности, его включение в состав СССР. «Я хотел бы узнать, понимают ли там, что скрывается за столь печальным для нас и вообще для Кавказа фактом?», – задал прямой вопрос Топчибаши.

«Я лично могу подтвердить, что Ангора всегда интересуется Азербайджаном, и думаю, что положение его достаточно известно у нас. Но, к сожалению, мы слишком заняты и сейчас не можем отвлекать наши силы. Нет сомнения, что после заключения мира положение должно измениться. Надо, следовательно, выждать», – ответил турецкий дипломат.

Раздраженный тем, что дело продолжает стоять на одном месте, Топчибаши перешел на более откровенный тон разговора: «Конечно, мы можем выждать еще несколько месяцев, раз ждем вот уже три года хозяйничания насильников в нашей стране. Но каково нашему народу, страдания которого делают и нас нетерпеливыми. И я не допускаю мысли, чтобы политическое падение и экономическое разорение Азербайджана

делегации на мирной конференции в Лозанне и министру иностранных дел правительства Турецкого национального собрания в Ангоре. Париж, 31. 1. 1923 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

могло быть в интересах Ангоры!.. Ведь потом очень трудно будет восстановить Азербайджан от того экономического, а главное – морального разрушения, в которое приводят его русские большевики, преследуя исключительно цели полного завладения всем Кавказом… Ведь вот, Ангора даже в союзе с Москвой. Почему же вы не вводите у себя режима коммунистов, если это – хорошая вещь?! И в то же время допускаете, чтобы этот режим терзал три года родственный народ?!».

Стал откровеннее и турецкий представитель, заявивший, что хотя в будущем турецкий народ будет на стороне азербайджанцев, «сейчас он бессилен», даже независимо от отношений турок с русскими. «И поверьте, что стоит нам что-нибудь реальное предпринять для Азербайджана, как находящиеся у вас красные войска сейчас же утроятся, и на головы населения вашего посыплются новые беды! Вот вы говорите, что ввиду заметного улучшения наших отношений с Англией наше правительство могло бы переговорить с английским правительством о возможности помочь Азербайджану. Верно, что у нас теперь начинают налаживаться хорошие отношения с англичанами, но можно ли быть все-таки уверенным, что о всякой попытке таких переговоров сейчас же из Лондона не протелеграфируют в Москву?»[331]. Последний пассаж имел в виду события, имевшие место в период Лондонской конференции весной 1921 г. С целью поссорить кемалистов с большевиками Ллойд Джордж не нашел ничего лучшего, как организовать в английской прессе утечку информации о предложениях, тайно сделанных ему Сами-беем. Вопреки ожиданиям англичан, это акция имела прямо противоположный эффект, еще более сблизив Анкару и Москву, так как турки, не доверявшие англичанам, опасались остаться один на один со странами Антанты, не получив в ответ от них реальных гарантий.

---

[331] А. М. Топчибаши. Беседа с заместителем представителя Ангоры в Париже Хюсейн Рагыб-беем (в 4-5 ½ час. веч.). Париж, 17. 4. 1923 // Там же. Carton n° 13/2.

«Может быть, но если английское правительство, особенно стоящее ныне у власти, убедится в серьезности какого-либо предложения в этом роде, то оно, лично мне думается, пойдет навстречу теперь, когда общее мнение так настроено против Советов. У меня есть сведение о том, что сам лорд Керзон лично просматривает все, что касается разрушительных действий большевиков в Закавказье», – отпарировал Топчибаши.

«Да, все это политика. И то, что мы в союзе с русскими – тоже политика», – попытался вернуться в русло сугубо дипломатической беседы Рагыб-бей.

«Мы так и понимаем. Но тогда нужно видеть ту же политику в наших действиях»[332], – не сдавался Топчибаши.

В заключение беседы, в целом так и не вернувшейся в канву классического дипломатической диалога, Топчибаши попросил турецкого представителя держать его в курсе поступающих к нему сведений относительно Азербайджана.

Вероятно, так и не дождавшись от турецкого посольства ни сведений об Азербайджане, ни ответа на поданный еще полгода назад Исмету-паше меморандум, Топчибаши решил прибегнуть к другим средствам, связавшись по этому поводу с Нихадом Ришад-беем, членом турецкой делегации в Лозанне. Ранее Ришад-бей был одним из помощников Сами-бея, участвуя в 1921 г. в переговорах с кавказцами[333]. Топчибаши попросил Ришад-бея передать Исмету-паше, что в случае его согласия, он хотел бы вновь с ним встретиться в Лозанне, сразу же после окончания конференции[334].

Как впоследствии сообщал Ришад-бей из Лозанны 7 июля 1923 г., в период его нахождения в Анкаре в феврале-апреле он говорил со многими турецкими деятелями относительно

---

[332] Там же.

[333] Подробно об этом см.: *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 18-19.

[334] Телефонограмма Нихад Ришад-бея, получена в Париже 7. 7. 1923 в 3½ - 4 час. дня. (Заслушано на совещании делегации 10. 7. 1923) // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 13/2.

проблемы Азербайджана, убеждая в необходимости оказать поддержку местному национально-освободительному движению. Сочувствия было немало, а неудовольствия, с отдельными проявлениями которого Топчибаши столкнулся в беседах с турецкими дипломатами в Лозанне, Ришад-бей не заметил. «Все дело в том, что там не видят возможности что-нибудь открыто сделать в ваш профит. Все эту возможность связывают с окончанием переговоров о мире в Лозанне», – с сожалением отмечал турецкий дипломат. По словам Ришад-бея, он два раза говорил по этому поводу с Исметом-пашой как в Анкаре, так и в Лозанне: «Он такого же мнения». Однако теперь, когда Лозаннская конференция приближалась к своему концу, Азербайджан мог также «много выиграть» от этого. Согласно оценке Ришад-бея, отношения Анкары с большевиками накануне завершения Лозаннской конференции были «совсем неважные». После же заключения мирного договора с западными странами, «нет сомнения, ухудшатся еще больше». Ришад-бею так и не удалось организовать встречу Топчибаши с Исметом-пашой, так как сразу же после окончания конференции он уезжал в Анкару. «Да и вряд ли что-нибудь определенное сейчас вы здесь от них услышите. Все будет зависеть теперь от нового Национального собрания, которое соберется в конце этого месяца. До этого, конечно, никаких важных шагов не будет предпринято. Наш общий друг Бекир Сами-бей выбран в Национальное собрание от Токата. Это очень хорошо. В Национальном собрании есть и другие ваши (наши) друзья»[335]. Последние пассажи наглядно свидетельствуют о том, что в то время сторонники западного курса во главе с Сами-беем продолжали надеяться, что им, в конечном итоге, удастся переломить ход событий в свою пользу.

В определенной степени подобный оптимизм внушался и событиями на Лозаннской конференции.

[335] Там же.

Хотя западные союзники так и не пригласили грузинскую делегацию на конференцию, они, тем не менее, проявили твердость и в отношении большевиков. В частности, страны Антанты категорически отказали грузинским и украинским большевикам в праве подписать от имени советской Грузии и Украины протоколы конференции и заключительный договор.

Еще 31 декабря 1922 г. в ноте на имя секретаря большевистской делегации генеральный секретарь Лозаннской конференции Рене Массигли уточнил, что руководитель советской делегации может подписать протоколы лишь от имени советской России, а не от имени Грузии или Украины, на чем настаивали большевики[336].

19 июля 1923 г. Чичерин, стремясь любой ценой навязать западным странам украинских и грузинских большевиков в качестве законных представителей этих республик, направил телеграмму на имя Массигли. В ней он информировал союзников, что правительства трех советских республик (России, Украины и Грузии) уполномочивают Н. Иорданского, большевистского представителя в Италии, подписать конвенцию по вопросу режима Черноморских проливов от их имени. Тем не менее, позиция западных держав осталась твердой, и 14 августа Иорданский подписал конвенцию только от имени большевистской России[337]. Таким образом, в тексте конвенции Грузия и Украина не были признаны входящими в состав Советского Союза. Кроме этого, союзники зарезервировали за этими двумя странами места в международной комиссии по Проливам[338].

---

[336] R. Massigli (le Secrétaire-Générale de la conférence de Lausanne). Note à A. Sabanine, (secrétaire de la délégation russe). 21. 12. 1922 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 119.

[337] Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия). Москва. 1999. С. 387.

[338] *Milhaud E*. La Géorgie, la Russie et la S.D.N. Publié sous les auspices du Comité international pour la Géorgie. Genève. 1926. P. 10-12.

Со своей стороны и турецкая делегация поддержала английский проект по вопросу режима Проливов, отказавшись от предложений большевиков, стремящихся под предлогом восстановления прав турецкого народа на принадлежащую ему территорию и водное пространство превратить Черное море в русское озеро, изолировав тем самым Анкару от связей с западными странами.

В итоге по этим и другим причинам СССР отказался ратифицировать Лозаннскую конвенцию. Уже в это время Кремль хотел иметь «свободу рук» в черноморском регионе, планируя усиление своего флота.

15 июля, когда результаты конференции уже стали известны, Топчибаши в очередной обратился к Исмету-паше. Горячо поздравляя министра иностранных дел Турции с успешным для правительства Анкары завершением конференции, Топчибаши отмечал, что за последние восемь месяцев (время, прошедшее с подачи им 17 ноября 1922 г. меморандума о бедственном положении Азербайджана), «указанное безотрадное положение не изменилось, или, вернее, сделалось более тяжелым. […] Насильственно завладевшие Азербайджаном новые его хозяева с еще большей враждой и ожесточением продолжают свою разрушительную политику уничтожения всяких следов независимости, насильственного отбирания всякого рода имущества под видом несвойственного туркам-азери отрицания всякого принципа частной собственности, свободы труда и экономических сношений. Все эти разрушительные действия, в связи с применением жестоких репрессий вплоть до расстрелов и способов русификации, практиковавшихся в царское время, довели богатый Азербайджан почти до полного обнищания»[339].

[339] А. М. Топчибаши (председатель дипломатической делегации Азербайджана). Его Превосходительству Исмет-паше, министру иностранных дел Турции и председателю турецкой делегации на мирной конференции в Ло-

Объясняя, что хотя он не раз хотел приехать в Лозанну в 1923 г., но, внимательно наблюдая за ходом тяжелых переговоров, сознательно не стал отвлекать внимания турецкого министра иностранных дел от стоящих перед ним задач, Топчибаши подчеркивал, что теперь, после успешного завершения конференции, было бы справедливо вспомнить и об Азербайджане.

«Теперь дело заключения мира увенчалось успехом, и через несколько дней мир будет подписан. Это знаменательное событие, окрыляя нашу надежду, обязывает нас вновь обратиться к вам, как к министру иностранных дел Турции, и решиться напомнить, что дошла очередь и до разрешения вопроса об Азербайджане в том смысле, в каком мы имели честь заявить выше, и в каком это изложено в поданном вам меморандуме от 17. 11. 1922»[340].

Последовавшие за этим события, однако, внесли ясность в создавшееся на Ближнем Востоке положение. Будучи прожженными реалистами, власти Анкары не желали идти на какую-либо конфронтацию с советской империей. В лучшем случае они были готовы закрыть глаза на деятельность эмигрантов-кавказцев на своей территории, если только это не было чревато какой-либо существенной реакцией со стороны Кремля.

§ 5. Усиление репрессий в Азербайджане после Лозаннской конференции

Взбешенный отказом западных стран признать украинских и грузинских большевиков законными представителями Украины и Грузии, республик, якобы по доброй воле вошедших в состав СССР, Кремль, с целью исключить какие-либо анти-

---

занне. Париж, 15. 7. 1923 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 13/2.

[340] Там же.

советские выступления на Кавказе, вновь прибег к своей традиционной политике усиления кровавых репрессий. Наряду с другими кавказскими республиками, усиление репрессивных мер большевиков напрямую коснулось и Азербайджана. Причины этого коренились как во внутриполитических, так и во внешнеполитических факторах, начавших сказываться с первой половины 1923 г.

Именно с этого периода начинается создание как в самой стране, так и в сопредельных с Азербайджаном Турции и Иране организационных структур азербайджанского сопротивления, непосредственно связанных с деятельностью основоположника азербайджанской государственности, выдающегося лидера национально-освободительного движения Расулзаде[341].

Уйдя в антибольшевистское подполье после оккупации страны красной армией, 17 августа 1920 г. Расулзаде был арестован, и остался в живых лишь благодаря личному вмешательству Сталина, которого сам Расулзаде несколько раз спасал от ареста царскими жандармами. Отклонив неоднократные предложения о сотрудничестве в той или иной форме с большевистской властью, в 1920-1922 гг. Расулзаде находился в Москве, где работал преподавателем персидского и русского языков в Институте восточных языков (бывший Лазаревский институт), а также занимался научными исследованиями. Летом 1922 г., понимая, что он не может бесконечно игнорировать настойчивые «просьбы» Сталина о сотрудничестве, Расулзаде совершает побег из Петрограда в Финляндию. В сентябре он перебрался в Берлин, откуда в середине октября переехал в столицу Франции, пробыв там около месяца. В это время он сотрудничал с дипломатической делегацией Азербайджана в Париже, намереваясь сопровождать Топчибаши в его поездке в Лозанну. Отсутствие финансирования не позво-

[341] Подробную его биографию см.: *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955). Москва. 2009.

лило Расулзаде осуществить этот план. Убедившись в бесперспективности своего пребывания в Париже, в середине декабря Расулзаде выехал в Турцию, куда сумел добраться через несколько дней. Одной из причин этого могло быть решение турецких властей закрыть к тому времени в Стамбуле консульство Азербайджана, о чем уже отмечалось, писал в конце января 1923 г. Топчибаши в своей ноте на имя Исмета-паши. Вероятно, именно по этому поводу сразу же по приезде в столицу Турции Расулзаде встретился с генералом Рефатом-пашой, министром внутренних дел кемалистов[342]. Подобные же демарши были предприняты в это время и грузинскими эмигрантами[343].

Убедившись, что Анкара не пойдет на нарушение Московского договора 16 марта 1921 г., в соответствии с которым Турция брала на себя обязательство по недопущению официального функционирования на ее территории каких-либо антибольшевистских представительств, с начала 1923 г. Расулзаде сосредоточил свои усилия на создании организационных структур азербайджанского сопротивления. Под его руководством формируется Заграничное бюро партии Мусават, президиум которого состоял из трех лиц: самого Расулзаде (председатель), Хасмамедова и М. С. Ахундзаде. «Это была строго законспирированная организация, которая руководила деятельностью местных ячеек Мусавата как внутри Азербайджана, так и за его пределами, в частности, в Турции, в Иране и некоторых европейских странах»[344].

За относительно короткий период Загранбюро удалось наладить связь с существующими в условиях глубокого подполья в Азербайджане тайными ячейками партии. Наряду с этим

---

[342] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 11-14.

[343] *Мамулиа Г*. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 93-94.

[344] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 23.

были усилены и восстановлены связи с находившимися в местах компактного проживания азербайджанцев в Турции и Иране местными комитетами Мусавата. В частности, наряду со Стамбулом, такие ячейки действовали в Трапезунде, Карсе и Смирне, а также в Иране: в Тегеране, Тебризе и Реште. Наиболее крупная по численности ячейка партии за пределами Азербайджана находилась в столице Ирана – Тегеране[345].

Параллельно с формированием нелегальных и полулегальных структур партии Мусават, Расулзаде большое внимание уделял созданию печатного органа азербайджанских эмигрантов. Уже 26 сентября 1923 г. в Стамбуле вышел в свет сигнальный экземпляр журнала «Yeni Kafkasya» («Новый Кавказ»), «ставший первым печатным органом в истории не только азербайджанской, но и всей тюрко-мусульманской эмиграции»[346]. Целью этого издания, инициатором создания и фактическим редактором которого был Расулзаде, являлась борьба за свободу и независимость не только Азербайджана, но и всех порабощенных Кремлем нерусских народов красной империи. Наряду с этим материалы, публикуемые в журнале, должны были знакомить турецкое общественно-политическое мнение с проблемой Азербайджана и других национальных меньшинств СССР, находящихся под гнетом большевистского империализма. Экземпляры журнала тайными путями перебрасывались и в Азербайджан.

Этот резкий всплеск активности азербайджанской эмиграции в Турции сразу вызвал резкую реакцию большевиков. По сведениям, полученным Топчибаши по тайным каналам, окончание Лозаннской конференции, со своей стороны, вызвало рост туркофильских настроений среди населения Азербайджана, надеявшегося, что отныне руководство Турции

[345] Там же. С. 24.
[346] Там же. С. 25.

сможет уделять больше внимания проблеме родственного ей народа, постепенно ослабив свой альянс с Кремлем[347].

В сложившейся ситуации Кремль решил окончательно покончить с деятельностью антибольшевистских партий в Азербайджане, максимально ужесточив репрессии.

Будучи в курсе событий, происходящих в стране, Загранбюро Мусават в Стамбуле пыталось по мере возможностей регулярно информировать по этому поводу Топчибаши и находящуюся под его руководством дипломатическую делегацию Азербайджана в Париже. Со своей стороны, Топчибаши должен был передавать эту информацию в западные газеты, сделав преступления большевиков в Азербайджане достоянием широкой общественности.

В июне 1923 г., еще во время работы Лозаннской конференции, Топчибаши получил из Стамбула ряд писем относительно кровавой вакханалии, учиненной Советами в Азербайджане. На их основании он тут же составил короткую информационную справку, тут же разосланную им в редакции различных западных газет: «Согласно новостям, полученным в Константинополе из Баку и Азербайджана, констатируется усиление большевистского террора. В течение июля филиал московской ЧК произвел 400 арестов в среде интеллигенции, буржуазии и даже рабочих Азербайджана. Большевики арестовали следующих лиц: Нариманбейли – бывшего министра контроля в кабинете национального правительства; Векилли – члена парламента; Ага Ализаде – врача; Бахарли – писателя; Бадалбейли – педагога; Мамедли – инженера; Хуссейна Садыка – журналиста; Кербалай Вели – представителя рабочих; Джабарзаде – писателя, Нариманбейли – студента и других.

Причина этих арестов до сих пор неизвестна. По-видимому, большевики мстят лицам с националистической окраской за восстания, которые имели место весной в районах

[347] А. М. Топчибаши – А. А. Шейхульисламову. Сен-Клу, 8. 9. 1923 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 7/2.

Шемахи, Геокчая и Джевада, во время которых ключевые пункты этих районов перешли в руки повстанцев, а красные войска понесли тяжелые потери. Однако, в конце концов, восстания были подавлены большевиками со свойственной им жестокостью (5 деревень, расположенных вокруг железнодорожной станции Кюрдамир, были полностью уничтожены). Говорят также, что часть заключенных подозревается в усиленном туркофильстве. В настоящее время, после заключения Лозаннского договора, это очень заботит большевиков.

Среди лиц, арестованных в Ленкоране, двое были расстреляны. Их имена: Байрамбейли и Сеид Мехти, интеллигенты»[348].

23 августа от имени дипломатической делегации Азербайджана в Париже Топчибаши обратился с особой нотой к Пуанкаре, где сообщал, что «в марте этого года в трех районах Азербайджана (Шемахинском, Геокчайском и Джевадском) разразилось восстание против большевиков. Крупные подразделения красной армии, зачастую вооруженные пушками, были посланы из Баку и Тифлиса с целью подавления этого движения. Были многочисленные жертвы. Пять деревень в районе Кюрдамира, на железной дороге Баку – Гянджа, были полностью уничтожены.

Однако даже после такой карательной операции большевики продолжали мстить населению и преследовать его всевозможными способами. Они, в особенности, безжалостны в отношении азербайджанской интеллигенции»[349].

Сообщив об аресте 400 человек, Топчибаши подчеркивал: причиной того, что репрессии большевиков направлены, в основном, против интеллигенции, является то, что именно она

[348] La recrudescence de terreur bolchevik en Azerbaïdjan // Ibidem.

[349] A. M. Toptchibachi (président de la délégation d'Azerbaïdjan). Note à Monsieur Raymond Poincaré, président du Conseil des ministres et ministre des Affaires étrangères de la République Française. Paris, 23. 8. 1923 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 639 Russie (Azerbaïdjan). Fol. 287-288.

является «носительницей национальной идеи существования политически и экономически независимого Азербайджана, находящегося в тесном союзе с соседними народами Кавказа. […] Преследуя интеллигенцию, арестовывая и ссылая ее, расстреливая адептов идеи независимости, большевики надеются обезглавить народ, таким образом, окончательно подчинив его себе. Превратить Азербайджан в воистину советскую "республику", безо всякой тени независимости, без каких-либо законных гарантий прав народа, без свободы прав личности и собственности, без права на национальное самоопределение, заключающееся в развитии родного языка, литературы и прессы, так же, как и экономических, коммерческих и промышленных сил», – пророчески писал Топчибаши.

«В этой советской "республике" жизни каждого гражданина угрожает постоянная опасность, в особенности, когда лишенный какой-либо помощи, он находится в большевистской тюрьме, где царит произвол и безнаказанность. Легко представить, каким жестоким ужасам подвергаются 400 невинных жертв, ожидающих своей судьбы в тюрьме. Двое из арестованных – Байрамбейли и Сеид Мехти – уже расстреляны. Это обстоятельство, еще больше отягчающее положение арестованных, делает их судьбу трагической. Во имя человеколюбия необходимо прийти к ним на помощь, чтобы спасти от гибели несколько сот человек» [350].

В заключение ноты от имени делегации Топчибаши просил французское правительство предпринять необходимые демарши перед Кремлем для спасения жизни арестованных.

В тот же день эта нота была отправлена генеральному секретарю Лиги наций. Наряду с этим, посредством находящихся в Париже посольств и миссий, правительствам Англии, Италии, Японии, США, Германии, Бельгии, Швейцарии, Польши, Венгрии, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Турции, Ира-

[350] Ibidem. Fol. 288.

на, Афганистана. Ноту получили также находящиеся во Франции правительства в изгнании Грузии и Украины[351].

Впрочем, по данным, получаемым Топчибаши из Стамбула, в течение лета 1923 г. число арестов стремительно возросло, достигнув к началу сентября 3 000 человек[352]. Сведения вполне правдоподобные, принимая во внимание параллельное усиление репрессий в соседней Грузии. Как и в других республиках Кавказа, в Азербайджане основной вал репрессий обрушился на членов антибольшевистских партий, в данном случае – партию Мусават. ГПУ требовало от брошенных в застенки мусаватистов проведения «ликвидационной конференции», провозглашающей «добровольный» роспуск партии, а также примирение ее членов с окупационной властью. 17 августа декларация о самороспуске Мусават была опубликована в газете «Заря Востока»[353]. В том же номере, несомненно, с целью сгладить влияние результатов Лозаннской конференции на азербайджанское общество, было опубликовано заявление представителей мусульманского духовенства, которые под диктовку чекистов призывали верующих к поддержке советской власти, провозглашая главными врагами мусульман Англию и другие страны Антанты[354].

Как впоследствии сообщал из Берлина Шейхульисламов Топчибаши, усиление репрессий было вызвано также распространением в Азербайджане книги Расулзаде «Азербайджан-

[351] А. М. Топчибаши. Нота по поводу арестов в Баку свыше 400 азербайджанцев. 12/24. 8. 1923 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 7/2.

[352] А. М. Топчибаши – А. А. Шейхульисламову. Сен-Клу, 8. 9. 1923 // Там же.

[353] Развал антибольшевистских партий. Декларация мусаватистов. «Заря Востока», 17. 8. 1923 // Там же.

[354] Советская власть и мусульманское духовенство. «Заря Востока», 17. 8. 1923 // Там же.

ская Республика»[355]. Факт вполне достоверный, принимая во внимание, что 16 сентября 1923 г. Сталин лично счел необходимым дать руководству Заккрайкома тезисы, необходимые для «разоблачения» упомянутой книги и деятельности ее автора[356].

Несмотря на кровавые репрессии большевиков, представители национально-освободительного движения Азербайджана продолжали борьбу, жертвуя во имя Родины собственными жизнями. Так, по данным Расулзаде, в октябре 1923 г. в Баку чекистами была случайно раскрыта тайная типография партии Мусават, где печаталась прокламация о том, что вырванная под пытками у арестованных мусаватистов «декларация» о ликвидации партии не имела какого-либо значения. По этому делу было арестовано 200 человек. «Двое, которые уличены в причастности к типографии, выявили героизм и никого, кроме себя, не выдали» [357].

Хотя Топчибаши делал все, что было в его силах, для соответствующего информирования общественности западных стран, европейская пресса, судя по всему, не обратила особого внимания на трагические события в Азербайджане. Лишь «Газета Лозанны» опубликовала длинную сочувственную заметку под названием «Большевистский террор в Азербайджане», основанную на информации предоставленной делегацией[358]. В целом это объяснялось как общей усталостью и апатией, охватившей народы Европы после Первой мировой войны, так и тем, что в значительной степени чувства западных читателей были уже притуплены описаниями ужасов, совершен-

[355] А. А. Шейхульисламов – А. М. Топчибаши. Берлин, 4. 9. 1923 // Там же.

[356] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 47-48.

[357] А. М. Топчибаши и М. Э Расулзаде. Переписка. 1923-1926. Сост., предисл. и прим. С. М. Исхаков. Москва. 2012. С. 18-19.

[358] La terreur bolcheviste en Azerbaïdjan. «Gazette de Lausanne», 22. 8. 1923 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 7/2.

ных и совершаемых большевиками в России. Так, еще в 1922 г., в рамках атеистической кампании большевиков в стране были убиты 2 691 священников, 1 962 монахов и 3 447 монахинь[359].

Рассуждая о создавшемся положении, Расулзаде с горькой иронией писал Топчибаши, что «теперь очень трудно тронуть господ европейцев этими сообщениями, их притупленным нервам, вероятно, нужны более сильно действующие события, вроде поджаривания живых людей на костре»[360].

[359] *Courtois S., Werth N., Panné J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L*. Le livre noir du communisme. Crimes, terreur et répression. P. 142.
[360] А. М. Топчибаши и М. Э Расулзаде. Переписка. 1923-1926. С. 35.

ГЛАВА IV

Польско-азербайджанские взаимоотношения в рамках движения «Прометей» (1924-1931)

После подавления грузинского национального восстания в августе-сентябре 1924 г. Польша стала основным внешнеполитическим партнером эмигрантов, борющихся за восстановление независимости Кавказа. Для маршала Юзефа Пилсудского, руководителя польского государства в 1921-1922 и 1926-1935 гг., главной опасностью, нависшей над его страной и Европой в целом, являлась русская угроза. Пилсудский хорошо понимал, что Россия, независимо от господствовавшего в ней режима, верная своему традиционному экспансионизму, и в дальнейшем будет стремиться восстановить контроль над геополитическим пространством бывшей империи Романовых. С целью воспрепятствовать этому, Пилсудский выступал за создание федерации, включающей в себя Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, Белоруссию и Украину. Федерация должна была быть тесно связана не только с Венгрией, Румынией, Югославией, Болгарией и Турцией, но и с государствами Кавказа[361].

С самого начала кавказские эмигранты пользовались поддержкой Варшавы. Маршал Пилсудский был глубоко убежден в необходимости всеми силами поддерживать стремления к независимости нерусских народов красной империи. Пилсудский полагал, что Польше необходимо «проявить максимальную симпатию и понимание в отношении всех республик

[361] *Thom F.* La vision géopolitique de Piłsudski : origines, mise en œuvre et postérité. Exposé fait 18. 4. 2008 à Paris dans le cadre de « la Journée d'études sur le mouvement "Prométhée" (1926-1939) » organisée par C. Mouradian, CNRS-CERCEC, avec le soutien de la Maison des Sciences de l'Homme.

Кавказа, которые должны сформироваться, найдя общий язык и связь с Турцией»[362].

С этой целью в начале 1921 г. в Варшаве была создана Ассоциация по сближению возрожденных наций, поставившая своей задачей сбор и организацию находящихся в Польше беженцев, покинувших большевистскую Россию, большую часть которых составляли грузины. Осенью 1921 г. полковник Бабицкий, военный атташе посольства Польши в Стамбуле, устанавливает связи с представителями грузинской эмиграции. В частности, с бывшим министром внутренних дел Грузии Н. Рамишвили и начальником Генерального штаба грузинской армии, генералом А. Захариадзе. Польша проявила глубокий интерес к восстановлению независимости государств Кавказа, когда в 1922 г., несмотря на тяжелый экономический кризис, Пилсудский, в то время начальник польского Генерального штаба, принял на службу в польскую армию 42 грузинских офицера и 48 юнкеров, прошедших обучение в военных учебных заведениях Польши. Во избежание протестов большевиков эти военнослужащие были зачислены в польскую армию в качестве офицеров-контрактников. Рассматриваемые Варшавой как будущие кадры грузинской армии офицеры-грузины делали в составе польских вооруженных сил неплохую карьеру[363]. Поляки также рассчитывали, что, в случае восстаний в СССР, служившие в Польше офицеры-кавказцы смогут играть роль инструкторов, задействованных в решающий момент.

Позднее эта система распространилась и на небольшую группу азербайджанцев и северокавказцев. В мае 1923 г. по поручению Азербайджанского национального комитета в Стамбуле в Варшаву приехал бывший командир Бакинского

---

[362] *Targalski G*. Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase // Bulletin de l'Observatoire de l'Asie centrale et du Caucase. Paris. 1997. N° 3. P. 10.

[363] Ibidem.

полка, полковник Джангир Казем-бек, заключивший договор с польским Генеральным штабом о принятии на службу в польскую армию нескольких азербайджанских офицеров[364].

К марту 1926 г. в Польше находилось уже четыре азербайджанских офицера: полковники Джангир Казем-бек, Гусейн-гули Хан Хойский и Исрафил Исрафилов, а также ротмистр Вели-бей Едигаров[365]. Вскоре все они на контрактной основе были приняты в ряды польской армии. Вплоть до 1924 г. в Польше сохранялась даже организация украинской армии. Армянские эмигранты тоже были не прочь поступить на польскую службу, но И. Матушевский, начальник Второго отдела польского Генштаба, воспрепятствовал этому, ссылаясь на русофилию и туркофобию армян.

Подавление грузинского восстания в августе-сентябре 1924 г. еще раз убедило сторонников Пилсудского в том, что эффективная борьба за независимость конкретных наций возможна лишь в тесной координации с действиями всех порабощенных народов красной империи. Хотя в период между 1922-1926 гг. сам Пилсудский и не был у власти, ряд его сторонников в Генеральном штабе, МИД и общественных организациях страны, готовясь к возвращению маршала к браздам управления польского государства, продолжали поддерживать связь с руководителями антибольшевистских эмигрантских организаций нерусских народов красной империи, оказывая им посильную поддержку.

Целью поляков было вдохнуть новую жизнь в концепцию Кавказской Конфедерации, как единственно возможной формы существования независимых государств Кавказа. Идея единого кавказского государства нашла более чем благодат-

[364] Сообщение ИНО ЗАКГПУ. 26. 5. 1923 // Архив Министерства внутренних дел Грузии (далее – АМВДГ), Тбилиси. (II). Ф. 14. Д. 36. Оп. 1. Л. 421.
[365] А. Захариадзе. Список находящихся в Польше грузинских (кавказских) офицеров. Варшава, 23. 3. 1926. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 192.

ную почву среди эмигрантов, справедливо связывающих подавление восстания в Грузии со слабой координацией действий повстанцев с освободительной борьбой других народов Кавказа. С осени 1924 г. инициатива в этом плане в значительной степени переходит к правым кругам кавказской эмиграции, находившимся в оппозиции к партиям азербайджанских мусаватистов и грузинских социал-демократов.

§ 1. Объединенный комитет конфедератов Кавказа

С осени 1924 г. сторонники Пилсудского, занимающие ответственные посты в МИД и Генеральном штабе Польши, приступили к практическому осуществлению проекта по объединению кавказских эмигрантов в единую, стоящую на платформе Кавказской Конфедерации политическую организацию.

Поляки считали необходимым создать в Париже центр политической работы кавказских активистов, так как легация Грузии и дипломатические делегации Азербайджана и Северного Кавказа функционировали именно там.

Наряду с этим, сторонники Пилсудского находили не менее важным создание находящегося поблизости от Кавказа оперативного центра, откуда можно было бы вести разведывательные операции и заниматься пропагандой.

Параллельно с активизацией поляков происходит и формирование структур азербайджанских эмигрантов, претендующих на роль центров сотрудничества с Варшавой. При этом со второй половины 1924 г. основной центр тяжести деятельности антибольшевистской азербайджанской эмиграции переносится из Парижа в Стамбул. Связано это было с тем, что к этому времени возглавляемая Топчибаши дипломатическая делегация Азербайджана в Париже в значительной степени утратила свои функции после юридического признания СССР 2 февраля Англией, а 28 октября – Францией.

Отчаянно пытаясь отстоять право на независимость своих государств, руководители дипломатических представительств республик Кавказа направляли правительствам Англии, Франции и других западных государств ноты с просьбой не признавать Кавказ частью красной империи[366].

Эта формула, однако, была применена Францией лишь в отношении Грузии, как страны, юридическая независимость которой была признана Верховным советом Антанты до ее оккупации большевистской Россией[367].

Остальные государства Кавказа, включая Азербайджан, были признаны входящими в СССР на том основании, что их юридическая независимость так и не была признана западными союзниками до их захвата красной армией.

Все это хорошо понимал и сам А. М. Топчибаши, писавший в апреле 1924 г. М. Э. Расулзаде, что после Лозаннской конференции и начавшегося процесса признания красной империи западными державами, от кавказских дипломатических

---

[366] 17 июня 1924 г. Топчибаши отправил ноту на имя Э. Эррио, председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции, прося в качестве предварительного условия признания Парижем СССР выдвинуть требование эвакуации оккупационных войск из Азербайджана. См.: A. Toptchibacheff (président de la délégation de Paix de la République d'Azerbaïdjan). Note à son Excellence Monsieur Edouard Herriot, président du Conseil de la République Française, Paris, 17. 6. 1924 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z (Europe). Dossier n° 639 Russie (Azerbaïdjan). Fol. 291-294.
В коллективной ноте, поданной 4 августа руководителями дипломатических представительств всех четырех республик Кавказа, высказывалась просьба не распространять формулу признания СССР на Кавказ в целом. См.: A. Khatissian (président p. i. de la délégation de l'Arménie), A. Toptchibacheff (président de la délégation de la République de l'Azerbaïdjan), A. M. Tchermoeff (président de la délégation du Caucase du Nord), A. Tchenkeli (Envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de la République de Géorgie). Note à son Excellence Monsieur Edouard Herriot, président du Conseil, ministre des Affaires étrangères. Paris, 4. 8. 1924 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 634 Russie (Caucase). Fol. 151-154.

[367] Подробно об этом см.: *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 122.

представителей «не раз отделывались большей частью многозначительным молчанием, советами о необходимости выждать более счастливого стечения обстоятельств и благоприятных событий, причем не скрывали, что больше того, что сделано, нам нельзя ожидать и что нам надо самим в лице наших народов проявлять больше активности на местах и одновременно сблизиться с молодой Турцией»[368].

На основании своих наблюдений Топчибаши приходил к неизбежному выводу о том, что «при всей важности работы здесь, необходимо констатировать, что для нас центр тяжести перенесен на Восток, ближе к нам»[369].

В октябре пост председателя Азербайджанского комитета в Стамбуле, состоявшего из бывших членов парламента и правительства независимого Азербайджана, и который, находясь до этого времени под руководством М. Рафиева, в целом, слабо проявлял себя, перешел к М. Э. Расулзадзе, сразу приступившему к его реорганизации[370].

Отныне комитет, взявший на себя функции центрального руководящего органа азербайджанского национально-освободительного движения, получил название Комитета независимости («Истиглал Комитеси») Азербайджана. Комитет руководил целой сетью локальных комитетов под тем же названием, расположенных как в Турции и Иране, так и находящихся в условиях глубокого подполья на территории оккупированного большевиками Азербайджана[371].

Несмотря на то, что формально Комитеты независимости являлись надпартийными органами, объединяющими в своем составе представителей всех политических течений, стоящих

---

[368] А. М. Топчибаши – М. Э. Расулзаде. [Сен-Клу], 4/14/15. 4. 1924 // А. М. Топчибаши и М. Э Расулзаде. Переписка. 1923-1926. С. 27.
[369] Там же. С. 29.
[370] М. Э. Расулзаде – А. М. Топчибаши. Константинополь, 17. 10. 1924 // Там же. С. 54.
[371] М. Э. Расулзаде – А. М. Топчибаши. Константинополь, 25. 12. 1924 // Там же. С. 70.

на платформе восстановления независимости Азербайджана, ведущее влияние в них все же принадлежало мусаватистам. Это было естественно, принимая во внимание то, что именно члены этой партии являлись наиболее многочисленными и политически активными эмигрантами, обладали немалым опытом конспиративной работы и придерживались к тому же принципов весьма строгой партийной дисциплины, выгодно выделявшей их из числа других эмигрантов. Соответственной была и революционная идеология борьбы, принятая на вооружение Комитетом независимости по инициативе Расулзаде. Отнюдь не отрицая важности внешнеполитического фактора в целом, Расулзаде полагал, что «освобождение Родины […] придет не извне, а произойдет в самой стране при посредстве местных сил»[372].

Этот взгляд, в целом свойственный истинным революционерам, явственно отличал мусаватиста Расулзаде от либерала Топчибаши, для которого, хотя он сам и не заявлял об этом открыто, именно внешнеполитический фактор являлся решающим в будущей борьбе за освобождение страны. Наряду с этим, желая достичь максимальной централизации действий создаваемых им структур, Расулзаде выступал против предоставления в них руководящих постов лицам, избранным на «персональной основе». По его мнению, лишь деятели, выбранные в комитеты от имени политических организаций и партий, и являющиеся, таким образом, носителями конкретной партийно-организационной ответственности и дисциплины, способны к стабильной работе в соответствующих структурах[373]. Наряду с прочим, избрание в Комитеты независимо-

[372] Там же. С. 71.

[373] Полемизируя с Топчибаши, придававшим большое значение именно «персональному моменту», Расулзаде писал: «Могу лишь отметить: что я персональному моменту, во всяком случае, не придаю большого значения, так как в настоящих условиях работать мыслимо лишь от лица коллектива, и персоны, не опирающиеся на организации, вряд ли в состоянии вести

сти политически ответственных лиц, опирающихся «на солидные организации», в значительной степени сокращало риск проникновения в них агентов ОГПУ, жертвами которых легко становились отдельные, стоявшие вне конкретных партий и организаций эмигранты.

Хотя ход дальнейших событий показал правильность подобного подхода, целый ряд эмигрантов, недовольных выдвижению на первый план Расулзаде и мусаватистов, начали критиковать их за стремление монополизировать руководство азербайджанским национально-освободительным движением.

Уже осенью 1924 г. в Стамбуле под руководством Хосров-бека Султанова, бывшего военного министра и генерал-губернатора Карабаха, в 1917 г. являвшегося мусаватистом, а через год перешедшего в правую клерикальную партию Иттихад, была образована группа, частично состоящая из покинувших партию мусаватистов. Не желая признавать Комитет независимости в качестве центрального органа эмигрантов, группа провозгласила создание национал-демократической республиканской партии Азербайджана[374]. Название новой партии указывало на ее идеологическую близость с грузинскими национал-демократами, в свою очередь находившимися в оппозиции к социал-демократической партии Грузии. Позиции Султанова в значительной степени усиливались и тем, что, благодаря родственным узам, он обладал реальными возможностями поддерживать связь с антибольшевистским сопротивлением в самом Азербайджане. В частности, брат Хосров-бека, Искендер-бек Султанов, являлся командиром действовавшего на азербайджано-иранской границе повстанческого отряда, доставлявшего своими стремительными налетами и

столь сложную и трудную работу». См.: М. Э. Расулзаде – А. М. Топчибаши. Константинополь, 5. 3. 1925 // Там же. С. 84.

[374] А. М. Топчибаши – М. Э. Расулзаде. [Сен-Клу], 2. 2. 1926 // Там же. С. 119.

партизанскими действиями на территории Карабаха немало забот оккупационным властям.

Вероятно, именно по этой причине в октябре 1924 г. Роман Кнолль, польский посланник в Турции, свои первые контакты с кавказцами в Стамбуле завязал через Х. Султанова. Человека, пользующегося «большим авторитетом в Азербайджане вообще, а в Карабахе в частности, где он и его брат долго вели борьбу против большевизма и создали себе имя и известность»[375].

По сведениям, полученным разведкой ОГПУ, Кнолль предложил Султанову создать группу из представителей народов Кавказа, стоящих на почве конфедерации своих республик и являющихся сторонниками объединения усилий в деле освобождения Кавказа от большевизма. Разумеется, не будучи в курсе стратегических планов сторонников Пилсудского по сотрудничеству с представителями всех нерусских народов бывшей империи, документ объяснял намерение поляков сугубо тактическими причинами, неправильно приписав инициативу Кнолля польскому правительству в целом, для которого в то время проблема освобождения малых народов СССР была снята с политической повестки дня. «Фактическая сторона вопроса, конечно, заключается в том, что поляки, как всегда теперь, очень боятся вооруженного столкновения с большевиками. Чтобы оттянуть внимание Советов от своей границы и создать им угрозу в тылу, на случай войны, они и стремятся создать на Кавказе беспорядки путем финансирования различных контр-большевистских группировок».

---

[375] Польская работа по Кавказу. [Стамбул, 27. 8. 1925] // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 306. Оп. 3. Л. 13. Настоящий документ является разведывательной справкой, составленной представителями одной из действующих в Стамбуле русских белогвардейских организаций, неизвестно каким образом попавшей в руки агентов ОГПУ. Дата составления документа восстановлена по содержанию: «Около 20 дней тому назад выехал в Карс Алихан Кантемир, а вчера, 26 августа, туда же отправился Вачнадзе» // Там же. Л. 14.

Поскольку поляки и раньше поддерживали отношения как с Султановым, так и с другими группами кавказцев, переговоры прошли успешно. Первоначально Султанов намеревался создать довольно широкое объединение, включавшее в свой состав многих деятелей бывших независимых республик Кавказа (Хосров-бек и Искендер-бек Султановы от Азербайджана, Сеид-бек Шамиль, Пшемахо Коцев, Вассан Гирей Джабаги (Джабагиев), Ахмед-хан Мисербеев и Магомет Гирей Сунш (Суншев) от Северного Кавказа и др.). В это время к переговорам весьма активно подключился и бывший командующий турецкой кавказской армии ислама К. Нури-паша, пытавшийся использовать свой авторитет для примирения друг с другом отдельных горских деятелей. Затем, однако, в дело вмешался полковник Тадеуш Шетцель, военный атташе Польши в Турции, заявивший, что с целью сделать организацию внутренне спаянной и способной к проведению секретных операций, необходимо создание комитета, состоящего из небольшого количества соответствующих лиц[376].

В результате этого было принято решение о создании в Стамбуле Объединенного комитета конфедератов Кавказа (ККК). По плану поляков, формируемый в Стамбуле комитет являлся первым этапом в деле создания более обширной кавказской организации. Стамбул рассматривался Кноллем в качестве идеального места для проведения тайных разведывательных операций, или «деятельности на местах», как об этом писалось в секретных документах, а также пропагандистской работы на Кавказе[377].

В состав комитета было введено по три человека от правых политических организаций Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, обладавших хорошими связями в турецких кругах. Азербайджан в Комитете конфедератов представляли Хосров-

[376] Там же. Л. 14.
[377] С. Мдивани – Н. Жордания. Стамбул, 16. 9. 1925. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 132.

бек Султанов, Абдул Али-бек Амирджан и Акпер Ага Шейхульисламов, Грузию – национал-демократы Александр Асатиани и Давид Вачнадзе, а также Михаил Церетели (бывший член созданного в Берлине в годы Первой мировой войны Комитета освобождения Грузии), Северный Кавказ – бывший председатель парламента Горской Республики Вассан Гирей Джабаги, Алихан Кантемир и Айтек Намиток. Руководящим органом комитета был президиум в составе Султанова, Вачнадзе и Джабаги[378].

Несмотря на заключенный 17 декабря 1925 г. турецко-советский договор о дружбе и нейтралитете, в силу которого Анкара брала на себя обязательство не принимать участие в каких-либо враждебных Советскому Союзу действиях организованных третьим государством, до 1928 г. эмигранты могли более или менее свободно действовать на территории Турции. Так как турки подписали этот договор, в основном, с целью усилить свои позиции в отношении Англии в связи с вопросом Мосула, отвергнув более радикальный договор, первоначально предложенный большевиками[379], Анкара еще в течение нескольких лет закрывала глаза на действия эмигрантов. Турки требовали лишь, чтобы эта деятельность велась тайно, чтобы избежать протестов Москвы. Вероятно, в это время турки еще не были полностью уверены в стабильности советского режима.

Уже в первом же акте, извещавшем о создании Комитета конфедератов, его члены поставили себе целью создание Конфедерации Кавказа.

«Час свободы кавказских народов пробьет лишь тогда, когда они выступят против России и перед всем миром как одно

[378] Письмо Объединенного комитета кавказских конфедератов Комитету освобождения Кавказа. [Константинополь], не ранее апреля 1925 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 49-52.

[379] Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия). С. 395-396.

единое конфедеративное государство. Только в таковом случае им будет обеспечено содействие европейских государств»[380], – подчеркивалось в документе. В глазах поляков это начало было более чем многообещающим.

Так как подавляющее большинство кавказских эмигрантов в Турции являлись выходцами из Азербайджана и Северного Кавказа, сохранявшими тесные связи со своей исторической Родиной, Комитет конфедератов изначально находился под сильным влиянием азербайджанцев и горцев, обладавших в политических кругах Турции куда более тесными связями, чем грузины.

В период организации в Стамбуле Комитета конфедератов представители Польши Кнолль и Тадеуш Голувко принимают меры к созданию параллельных структур и во Франции[381].

Поляки планировали создать на базе комитета более обширную кавказскую организацию, объединив в единый фронт все кавказские антибольшевистские структуры, способные как вести политическую деятельность в Европе, так и осуществлять секретные операции на Кавказе с территории Турции и Ирана.

В отчете, посланном 13 июня 1925 г. в МИД Польши, посол Кнолль крайне четко обозначил цели, преследуемые сторонниками Пилсудского. Подчеркнув необходимость объединения в панкавказском движении азербайджанской партии Мусават, грузинских социал-демократов и северокавказских горцев, входящих в группировку Сеид-бека Шамиля, Кнолль изложил свое видение проблемы, причины необходимости создания центральной кавказской организации, которую он, первоначально, предлагал назвать Союзом освобождения

[380] Письмо Объединенного комитета кавказских конфедератов Комитету освобождения Кавказа. [Константинополь], не ранее апреля 1925 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 49.

[381] С. Мдивани – Н. Жордания. Стамбул, 31. 8. 1925. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 132.

Кавказа, а также основные приоритеты ее будущей деятельности.

По словам Кнолля, необходимо, чтобы «Союз провозгласил следующие идеологические принципы: Федерация Союза в целом, альянс с Турцией и Ираном, защита со стороны Польской Республики, усилия для освобождения Украины. Союз должен поддерживать секретные контакты с правительством Турции, посольством Польши в Стамбуле и кавказскими руководителями в Париже, так же как и с кавказскими повстанцами в стране». Организация должна перейти «к действиям лишь по данному сигналу, в случае переворота в Москве и, возможно, одновременно в Туркестане и на Украине. […]

Сформировать организацию, подчиненную крайне строгой дисциплине, находящуюся в контакте с польским военным атташе и турецким Генеральным штабом, агенты которой останутся на связи с нашими военными атташе в Москве и Тегеране»[382].

В итоге в декабре 1925 г. с целью руководства кавказским национально-освободительным движением в целом в Париже создается Комитет освобождения Кавказа, руководителями которого были избраны Гаджибейли от Азербайджана, Спиридон Кедия от Грузии и Баммат от Северного Кавказа.

Следует отметить, что переговоры о координации деятельности, а затем и об объединении стамбульского и парижского комитетов проходили в сложных условиях. Имелись трения в вопросах раздела сфер компетенции. Например, с самого же начала Комитет освобождения Кавказа поставил своей целью «ведение конспиративных дел за границей и создание на Кавказе организаций, которые в подходящий момент могли бы взять на себя руководство делом борьбы наших народов за ос-

[382] *Targalski G*. Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase. P. 11.

вобождение от чужеземного ига»[383]. То есть то, на что изначально претендовал сам Комитет конфедератов в Стамбуле.

23 июля 1925 г. руководители парижского Комитета освобождения Кавказа обратились в Стамбул с предложением о реорганизации местного комитета с «привлечением в него представителей главных политических организаций Азербайджана и Грузии»[384].

В Стамбуле, однако, опасались, что за этой реорганизацией неизбежно последуют попытки постепенного выдавливания конфедератов из созданного ими же органа и введение в него мусаватистов и социал-демократов.

Свое видение решения данной проблемы конфедераты сформулировали в письме, посланном на имя руководителей парижского комитета в сентябре 1925 г.: «1) Парижская и константинопольская организации освобождения Кавказа должны представлять одну организацию – Комитет Конфедерации Кавказа. 2) По условиям политической работы и исторического развития ее Комитет Конфедерации Кавказа вынужден иметь два отдела – в Париже и Константинополе»[385].

Следует отметить, что и сам Расулзаде, и Мдивани, представитель в Турции грузинского правительства в изгнании, не особенно стремились к немедленному вступлению в Объединенный комитет конфедератов Кавказа представителей мусаватистов и социал-демократов. В результате переговоров, проведенных ими в августе 1925 г. с Кноллем, они попытались объяснить польскому посланнику, что в существующем виде комитет непригоден для выполнения поставленных перед ним задач: «Комитет этот состоит из отдельных персон,

---

[383] Письмо Комитета освобождения Кавказа Объединенному комитету конфедератов Кавказа. [Париж], 23. 7. 1925 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 53.

[384] Там же. С. 54.

[385] Письмо Объединенного комитета конфедератов Кавказа Комитету освобождения Кавказа. Константинополь, сентябрь 1925 г. // Там же. С. 58.

т.е. организован на принципе персональной унии. Тогда как, на наш взгляд, он должен быть сорганизован на принципе национального представительства, другими словами, на принципе федерации. Нынешний состав и метод работы “комитета” решительно не пригоден для столь конспиративной и ответственной работы: все секреты комитета дебатируются на различных кафе, и “шикования” его членов служат предметом критики константинопольской эмиграции»[386].

Далее, делясь с Топчибаши своим взглядом на то, в каком случае функционирование комитета может быть удовлетворительным, Расулзаде писал: «Комитет должен состоять из ограниченного числа лиц, по два из каждой нации, главное руководство должно сосредоточиться в руках действительно ответственных лиц представляемой страны, опирающихся на солидные организации данной страны. Стоя на различных позициях, мы не могли входить в “комитет”. Посредничество польского посла также не привело к желаемому результату. Комитетчики не захотели идти на уступку в смысле реорганизации комитета».

Не сомневаясь в том, что в самом скором времени сами поляки разочаруются действиями комитета, Расулзаде подчеркивал: «Мы уверены, что польские круги в результате “предварительной” работы господ комитетчиков убедятся в неправильном своем подходе к “организации кавказских народов” и придут к единственно правильной мысли кооперировать с уже существующими организациями. Нечего организовывать кавказские народы, а надо способствовать федерации уже существующих национально-революционных организаций». Подытоживая свое мнение, Расулзаде отмечал, что «зная хорошо как личный состав, так и метод работы этой “организации”, мы уверены, что они не в состоянии произвести положитель-

[386] М. Э. Расулзаде – А. М. Топчибаши. Стамбул, 19. 9. 1925 // А. М. Топчибаши и М. Э Расулзаде. Переписка. 1923-1926. С. 110.

ную работу, и потому их ожидает участь скомпрометированных»[387].

Аналогичного мнения придерживался по этому вопросу и С. Мдивани, тесно сотрудничавший в Стамбуле с М. Э. Расулзадзе и составивший по этому поводу несколько записок, адресованных находящимся в Париже Н. Жордания и Н. Рамишвили. По его словам, члены комитета не соблюдали правил элементарной конспирации, обсуждая все вопросы в кафе Стамбула. Дело даже дошло до того, что о факте финансирования поляками Объединенного комитета кавказских конфедератов узнали русские монархисты, что вызвало особое озлобление последних: «Что надо Польше на Кавказе?!», – кричали они в стамбульском квартале Пера[388].

Архивные материалы Закавказского ОГПУ, лишь недавно ставшие предметом исторических исследований, в полной мере подтверждают худшие опасения Расулзаде в связи с деятельностью Объединенного комитета кавказских конфедератов. Как явствует из записки заместителя председателя Закавказского ОГПУ Л. Берия от 2 декабря 1925 г., направленной секретарю Закавказского крайкома РКП(б) С. Орджоникидзе, уже с самого начала большевистским спецслужбам удалось внедрить свою агентуру в президиум Комитета конфедератов. В результате этого чекисты располагали не только рядом важных документов, относящихся к этой организации, но и даже оригиналом черновика текста письма ККК, направленного в апреле 1925 г. Комитету освобождения Кавказа в Париж. По словам Берия, «из черновика видно, что этот договор составлен при ближайшем участии Польши, в лице ее посла в Ангоре Кнолля, в начисто же переписанном договоре те места, где

[387] Там же. С. 111.
[388] С. Мдивани – Н. Рамишвили. Стамбул, 2. 9. 1925. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 134.

фигурирует Польша, заменены фразой “одна из дружественных держав”»[389].

Оправдались и опасения Мдивани относительно того, что информация о связи комитета с поляками стала известна русским белогвардейцам. Так, в числе документов, предоставленных Берией Орджоникидзе относительно деятельности Комитета кавказских конфедератов, фигурировала составленная русской белогвардейской организацией в Стамбуле информационная справка «Польская работа по Кавказу». Этот документ либо был добыт агентами ОГПУ, внедренными в русские белогвардейские организации, либо был передан им самими белогвардейцами, ненавидящими польских и кавказских «сепаратистов» не меньше, чем большевики.

В начале августа Х. Султанов получил от Кнолля финансирование в сумме 3 000 турецких лир, что позволило Комитету конфедератов приступить к конкретным действиям[390]. С целью установления секретной связи с республиками Кавказа Кантемир отправился в Карс, Вачнадзе – в район Артвина–Ардагана–Хопы. Сам Султанов в октябре того же года выехал из Трапезунда в Иранский Азербайджан. Джабаги остался в Стамбуле для издания журнала – органа упомянутого комитета[391].

Надеясь получить свою долю разведывательной информации об СССР, турецкая разведка решила не мешать экспедиции, тем более что она осуществлялась на польские деньги[392]. Тем не менее, и при выполнении этой миссии конфедератам

---

[389] Л. Берия – С. Орджоникидзе. Тифлис, 2. 12. 1925 // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 306. Оп. 3. Л. 1.

[390] Польская работа по Кавказу. [Стамбул, 27. 8. 1925] // Там же. Л. 14.

[391] С. Мдивани – Н. Жордания. Стамбул, 31. 8. 1925 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 132; *Вачнадзе Д.* На службе Отечества (Воспоминания) // Иверия, периодическое издание национал-демократической партии. Париж. 1990. № 35. С. 71. (На груз. яз.).

[392] С. Мдивани – Н. Жордания. Стамбул, 31. 8. 1925 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 132.

не удалось соблюсти соответствующую предосторожность. Во всяком случае, уже 19 сентября Расулзадзе с тревогой писал из Стамбула Топчибаши в Париж, что о посылке членов комитета на границу «со всеми подробностями уже говорят везде и всюду»[393]. Разделял это мнение и Мдивани, писавший Жордания в Париж, что если большевистские агенты и не увяжутся вслед за конфедератами уже из Стамбула, оказавшись на месте, члены комитета наверняка попадут в их поле зрения[394].

Подробности поездки Х. Султанова в Персидский Азербайджан и вправду стали достоянием советских спецслужб. Слабым утешением может служить лишь то, что именно составленная ОГПУ справка «Азербайджанцы в Тебризе» наиболее полным образом сообщает нам об этих интересных событиях.

Целью Х. Султанова было посещение двух городов Персидского Азербайджана, Тебриза и Хоя, где, в основном, и были сконцентрированы азербайджанские эмигранты. Большинство из них являлись чиновниками и офицерами в независимом Азербайджане, которые, перебравшись в Иран, устроились на службу в персидскую администрацию или армию. Некоторые занимали весьма высокие военные и гражданские посты. В Тебризе, например, полковник Келбали Хан занимал должность командира 9-го кавалерийского полка дислоцированной в Персидском Азербайджане Северо-Западной иран-

[393] М. Э. Расулзаде – А. М. Топчибаши. Стамбул, 19. 9. 1925 // А. М. Топчибаши и М. Э Расулзаде. Переписка. 1923-1926. С. 111.

[394] С. Мдивани – Н. Жордания. Стамбул, 31. 8. 1925. Касаясь этих событий, Расулзаде в письме к Гаджибейли с тонкой иронией отмечает, что в октябре 1925 г. Х. Султанов «с большой помпой и под звуки зурны-балабана отправился из Трапезунда в Иран. При этом уверяя всех, что Европа и Турция поддерживают его. А все остальные эмигранты занимаются бумагомарательством». См.: Мамед Эмин Расулзаде. Сборник произведений и писем. Сост., предисл. и примеч. С. Исхаков. Москва. 2010. С. 273-274; *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. Москва. 2013. С. 75.

ской дивизии. Другой азербайджанский офицер, Хаджи Бек Чеид Бекли, являлся командиром инженерной роты того же соединения. Теймур-бей Мелик Асланов, бывший начальник железной дороги независимого Азербайджана, занимал должность начальника окружных путей сообщения Иранского Азербайджана. Наряду с этим, целый ряд эмигрантов работал на различных должностях на местной железной дороге.

В Хое количество эмигрантов было в несколько раз больше, чем в Тебризе, доходя до 300 семей. Большинство из них, являясь сторонниками мусаватистов, по мере возможностей пыталось вносить свой вклад в азербайджанское национально-освободительное движение. Регулярно выписывая из Стамбула журнал «Yeni Kafkasya», они затем небольшими партиями перебрасывали его в оккупированный Азербайджан. Видную роль в этом деле играл Асланов, а также И. Султанов, командовавший повстанческим отрядом, регулярно совершавшим набеги на приграничные территории советского Азербайджана. Насчитывающие около 40 человек отряды Искендер-бека и другого командира повстанцев Бабаша Карабахского базировались в селении Чанакчи, между Худаферином и Персидской Джульфой, что позволяло им, в случае необходимости, уходить от преследования большевиков на иранскую территорию.

До приезда в Персидский Азербайджан Х. Султанова раскол, произошедший между ним и Расулзаде, в малой степени сказывался на настроениях местных эмигрантов. «Споры об ориентациях, острота дискуссии – все это чрезвычайно ослаблялось расстоянием и не давало себя чувствовать здесь» [395].

Ситуация изменилась, когда в Хой 13 ноября приехал Х. Султанов, где пробыл 10 дней, встречаясь с местными эмигрантами.

21 ноября Хосров-бек выехал в Тебриз, куда прибыл 24-го. Уже 20 ноября в Тебризе для встречи с ним появились И. Сул-

[395] Азербайджанцы в Тебризе. [Декабрь 1925 г.] // АМВДГ. (II). Ф. 14. Д. 36. Оп. 1. Л. 602-604.

танов и Б. Карабахский. В Тебризе, так же, как и в Хое, Султанов устроил несколько собраний, на которых сделал сообщение о том, что «им организована из отколовшихся от “Мусавата” новая партия: – “национал-демократическая республиканская партия Азербайджана”. Эта партия вошла в соглашение с грузинскими национал-демократами и горцами на основании Кавказской Конфедерации, [декларируя], что за конфедератами стоят Англия и Польша и что на случай перемен в СССР (которые, по его мнению, произойдут в ближайшем будущем) и интервенции, азербайджанцам нужно быть готовыми к действиям. А потому нужно усилить работу в советском Азербайджане. Он указывал, что разногласия между ним и мусаватистами заключаются в ориентации. Мусаватисты попрежнему являются сторонниками единственно турецкой ориентации, а он – европейской.

По его мнению, турки слишком заняты внутренним переустройством, чтобы ввязаться в борьбу с СССР из-за советского Азербайджана. У Англии же есть непосредственные интересы на Кавказе.

Что же касается Польши, то она в будущей войне с СССР очень хотела бы иметь такого союзника, как Кавказская Конфедерация.

Он говорил, что Турция в силу своих отношений с СССР не разрешает конфедератам (да и мусаватистам Эмин Расула) вести военную работу на своей территории, иначе можно было бы получить оружие из Польши»[396].

В первых числах декабря Султановым был создан в Тебризе комитет, точная информация о котором так и осталась неизвестной агентуре ОГПУ. По одним сведениям, его членами являлись перешедшие на сторону Султанова мусаватисты, по другим – он был организован из беспартийных эмигрантов-азербайджанцев[397].

---

[396] Там же. Л. 605.
[397] Там же. Л. 607.

6 декабря Султанов выехал в Тегеран, где, в частности, собирался предложить персидскому правительству сформировать в составе Северо-Западной дивизии состоящий из эмигрантов-кавказцев отряд, который можно было бы использовать в случае осложнения внутриполитической ситуации в красной империи. Официальным прикрытием путешествия Хосров-бека в Иранский Азербайджан являлось задание, полученное им от польских торговых фирм, заключить с персидским правительством договор об установлении автомобильного сообщения между Трапезундом и Тебризом, для чего польская сторона обязывалась поставить 60 грузовиков[398]. В случае если бы контракт был заключен, а политика Турции в дальнейшем приняла антибольшевистскую направленность, судя по всему, именно этим путем планировалось перебросить в Персидский Азербайджан оружие, о возможности получения которого из Польши говорил Султанов.

Как и предполагал Расулзаде, все эти проекты Султанова так и остались на бумаге, так как большевики, вовремя получившие информацию о его планах, надо думать, приняли все меры для того, чтобы оказать соответствующее давление на иранское правительство. Не случайно уже упомянутый нами пакет документов о ККК, пересланный Берия именно в это время в распоряжение Орджоникидзе, предназначался для использования в большевистской прессе, чтобы показать правительству Турции, что Кремлю известно о деятельности на турецкой территории Комитета кавказских конфедератов[399].

Нет сомнения, сам Султанов был неординарной личностью, искренне стремившейся к освобождению Азербайджана от большевизма. Тем не менее, личные амбиции и неразборчивость в средствах зачастую сводили на нет его благие намерения. Например, заявления Султанова о том, что Расулзаде и

---

[398] Там же. Л. 606.

[399] Л. Берия – С. Орджоникидзе. Тифлис, 2. 12. 1925 // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 306. Оп. 3. Л. 1.

партия Мусават якобы придерживались исключительно протурецкой ориентации, будучи противниками идеи Кавказской Конфедерации, являлись явной клеветой, не имея ничего общего с реальностью. Между взглядами Расулзаде и Султанова относительно Кавказской Конфедерации не имелось существенной разницы. Проблема заключалась лишь в том, что в силу личных амбиций Султанов не желал подчиняться Расулзаде в качестве председателя Комитета независимости Азербайджана. Этой враждой в полной мере пользовалось ОГПУ, с помощью своих агентов еще больше раздувая противоречия в стане эмигрантов с целью максимального разложения их политических организаций.

Впрочем, в середине 1926 г., в результате внутриполитических изменений в Польше, чаша весов окончательно склонилась в сторону Расулзаде и Мусавата в целом.

§ 2. Комитет независимости Кавказа, журнал «Прометей» и рождение Прометеевского движения

С лета 1926 г. политический курс Варшавы в отношении своих кавказских протеже резко изменился. В результате происшедшего в Польше в мае того же года военного переворота к власти в стране пришел Юзеф Пилсудский. Сторонники Пилсудского возлагали большие надежды на недавние события в Турции, которую они мечтали видеть освободившейся от союза с Москвой. Надежды Варшавы были вызваны тем обстоятельством, что именно в этот период Анкара предприняла целый ряд дипломатических шагов для сближения с Англией и, таким образом, определенного отдаления от Кремля. В частности, 5 июня 1926 г. в целях улучшения отношений с Лондоном Турцией был подписан договор с находящимся под британским мандатом Ираком относительно делимитации турецко-иракской границы и установлении добрососедских отношений. Согласно договору, Мосульский район, на кото-

рый претендовали и другие великие державы, признавался территорией подмандатного Англии Ирака. В 1926-1927 гг. наметилось сближение Турции и с другими западными державами. Это благоприятное обстоятельство позволяло кавказцам надеется на возможность вести с территории Турции разведывательные и пропагандистские операции.

Будучи сам бывшим социалистом, Пилсудский хорошо относился к руководителям левых и социалистических партий республик Кавказа. В частности, к азербайджанским мусаватистам и грузинским социал-демократам, возглавлявшим свои государства в 1918-1921 гг.

Подбодренные подобным развитием событий мусаватисты и социал-демократы стали выдвигать требования о постепенном сокращении влияния Комитета конфедератов Кавказа и создании на его месте нового комитета, находящегося под их исключительным контролем. Стамбульский комитет, утратив какую-либо автономность, должен был являться всего лишь филиалом парижского Комитета освобождения Кавказа, став, таким образом, его составной частью. Понимая, что осуществить этот план сразу вряд ли удастся, представители парижского комитета решили действовать поэтапно.

Считая создавшееся положение в целом благоприятным для активизации деятельности кавказцев в Турции, поляки решили форсировать дело. С самого же начала полковником Шетцелем, военным атташе Польши в Турции, ведущим переговоры с руководителями кавказских эмигрантских антибольшевистских организаций, в качестве главного условия поддержки Варшавой создания будущего объединенного комитета было выдвинуто требование его максимальной централизации.

Проводившиеся при посредничестве полковника Шетцеля непростые переговоры завершились созданием в Стамбуле 15 июля 1926 г. объединенной центральной кавказской организации – Комитета независимости Кавказа (КНК), который от-

ныне должен был координировать всю деятельность кавказцев[400].

По первоначальному статуту КНК, оригинал которого до сих пор не удалось обнаружить в архивах, учредителями этой организации являлись Объединенный Комитет конфедератов Кавказа с одной стороны, а с другой – азербайджанская партия Мусават, социал-демократическая партия Грузии и Народная партия горцев Кавказа. Обе стороны делегировали в КНК трех представителей с одним заместителем. Азербайджан в КНК был представлен Мамед Эмином Расулзаде и Хосров-беком Султановым; Грузия – бывшим министром внутренних дел Ноем Рамишвили и его заместителем Симоном Мдивани, а также национал-демократом Давидом Вачнадзе, в свою очередь, также обладавшим заместителем в лице Нестора (Мурад-бея) Магалашвили, бывшего члена Комитета освобождения Грузии, действующего в годы Первой мировой войны на территории Германии и Турции; Северный Кавказ – Сеид-беком Шамилем, руководителем Народной партии горцев Кавказа, и Алиханом Кантемиром, бывшим дипломатическим представителем Горской Республики в Баку[401].

По уставу целью КНК являлось «ведение практических акций с точки зрения организации и подготовки народов Кавказа к борьбе за восстановление независимости кавказских республик и их объединение на базе конфедерации»[402]. Коми-

[400] Письмо Комитета независимости Кавказа дипломатическим представителям Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа А. М. Топчибашеву, А. Н. Чхенкели и А. М. Чермоеву. Константинополь, 1. 8. 1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 65.

[401] *Targalski G*. Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase. P. 11.

[402] Протокол заседания Совета трех республик Кавказа с участием членов Комитета независимости Кавказа. [Париж], 9. 12. 1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 70.

тет избирал трех председателей – по одному от каждой национальной секции. В результате выборов председателями комитета стали Рамишвили, Расулзадэ и Шамиль.

Согласно отчету Голувко от 21 июля 1926 г., задача по формированию Комитета независимости Кавказа «была выполнена почти исключительно благодаря полковнику Шетцелю»[403].

Попытались кавказцы убедить и армян присоединиться к общекавказскому фронту. В марте 1926 г. во время встречи четырех дипломатических представителей республик Кавказа в Париже азербайджанцы, грузины и горцы тщетно пытались побудить армянских эмигрантов пересмотреть свою позицию в отношении Турции. Ссылаясь на геополитические реалии, созданные в результате Лозаннской конференции и аннулирование Севрского договора, они призвали армян проявить больше гибкости и прагматизма в отношении Анкары, что могло помочь восстановить единство кавказских правительств в изгнании. Тем не менее, эти попытки потерпели неудачу. Армяне оказались не готовы к подобным уступкам. Они полагали более целесообразным делать ставку на «новый разгром» Турции, будучи воодушевлены курдским восстанием в феврале-июне 1925 г., а также надеясь на внутриполитическую дестабилизацию страны в результате противоборства сторонников и противников М. Кемаля[404].

Не добившись успеха в деле привлечения на свою сторону армян, кавказцы вновь сосредоточились на делах комитета.

Наиболее трудным делом было добиться гармоничного сотрудничества между КНК, как центральным органом кавказских антибольшевистских эмигрантских организаций, и ди-

---

[403] *Targalski G*. Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase. P. 11.

[404] Протокол заседания Совета четырех республик Кавказа. [Париж], 18. 3. 1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 59-61.

пломатической делегацией Азербайджана в Париже. Дело в том, что со времени оккупации в конце апреля 1920 г. Азербайджанской Республики большевиками, А. М. Топчибаши считал возглавляемую им делегацию единственным органом, правомочным представлять за рубежом правительство независимого Азербайджана.

В правовом отношении эти притязания основывались на крайне широких полномочиях, полученных им и возглавляемой им делегацией по мандату от азербайджанского правительства 7 января 1919 г.

В качестве председателя парламента и дипломатической делегации на Парижской мирной конференции Топчибаши обладал правом независимо заключать договора с западными державами, предварительно не ставя об этом в известность Баку. К тому же сама возглавляемая им делегация объединяла в своем составе представителей различных политических партий и членов парламента страны, что давало Топчибаши возможность рассматривать ее как орган, представляющий не только правительство, но и парламент, а также спектр политических партий Азербайджана.

В связи с этим вопросом 23 сентября 1926 г. Топчибаши писал Голувко, что азербайджанская делегация в Париже является «единственной пока легальной организацией национального парламента и правительства Азербайджанской Республики». Исходя из своих функций, она обязана не только представлять парламент и правительство республики на международной арене, но и вести как в отдельности, так и совместно «с находящимися в Париже центральными органами остальных республик Кавказа посильную борьбу за освобождение страны от чужеземных узурпаторов»[405].

До тех пор пока азербайджанские или кавказские структуры не оспаривали этого привилегированного статуса возглав-

[405] А. М. Топчибаши – Т. Голувко. Сен-Клу, 23. 9. 1926 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

ляемой им делегации, Топчибаши в целом положительно относился к сотрудничеству со всеми организациями, ставящими своей целью борьбу за восстановление независимости Азербайджана и Кавказа. Например, он не имел ничего против создания в Стамбуле находящегося под председательством Расулзаде Комитета независимости Азербайджана («Истиглал Комитеси»), подчеркивая лишь необходимость того, что в его состав должны были быть введены не только представители политических организаций, но и «интеллигентные силы» на персональной основе[406].

В качестве одного из руководителей Совета трех кавказских республик Топчибаши принял участие и в создании в декабре 1924 г. Комитета освобождения Кавказа, в состав которого был кооптирован Д. Гаджибейли, член возглавляемой Топчибаши дипломатической делегации в Париже[407]. Тот факт, что, согласно первоначальному замыслу, Комитет освобождения Кавказа в Париже должен был работать под общим руководством Совета трех, занимаясь, в основном, координацией деятельности кавказских организаций, естественно, еще более усилил притязания Топчибаши на роль руководителя азербайджанского правительства в изгнании[408].

Положение изменилось в июле 1926 г., когда после создания в Стамбуле Комитета независимости Кавказа последний взял на себя роль центральной структуры кавказских политических партий и организаций, что, по сути дела, подразумевало субординацию КНК дипломатических представительств республик Кавказа в Париже. Задачу урегулирования этого деликатного вопроса, грозившего подорвать с таким трудом достигнутое единство, взял на себя Голувко, один из бли-

---

[406] А. М. Топчибаши – М. Э. Расулзаде. Сен-Клу, 20. 10. 1925 // А. М. Топчибаши и М. Э Расулзаде. Переписка. 1923-1926. С. 114.

[407] А. М. Топчибаши – М. Э. Расулзаде. Сен-Клу, 12. 8. 1925 // Там же. С. 106.

[408] А. М. Топчибаши – М. Э. Расулзаде. Сен-Клу, 30/31. 12. 1925 // Там же. С. 77.

жайших соратников Пилсудского, уже с начала 1925 г. установивший регулярные контакты с кавказскими политическими деятелями в Париже.

25 февраля 1925 г. Голувко принял участие в состоявшемся под председательством Топчибаши заседании Совета трех, на котором в откровенной форме изложил свой взгляд на необходимость освобождения Кавказа от русской оккупации, создание Кавказского Союза и формирование по принципу санитарного кордона федерации независимых государств, простирающихся от Восточной Европы до Туркестана с целью положить конец будущей большевистской экспансии как в западном, так и в восточном направлении. Не скрывал Голувко от кавказцев и то, что эти планы полностью разделяются маршалом Пилсудским, который рассчитывает в будущем вновь вернуться к власти в Варшаве. «Содержательная беседа, которую вы с такой откровенностью вели на совещании представителей кавказских республик под моим председательством, произвела на всех приятное впечатление и вселила уверенность в доброжелательном отношении представляемых вами политических кругов к судьбе кавказских народов», – писал 5 марта Топчибаши Голувко, предлагая вновь встретиться для дальнейшего обсуждения этих проблем[409].

Через год Голувко вновь вернулся в Париж, на сей раз с целью выработки конкретных форм взаимодействия кавказских организаций. Еще до формального создания Комитета независимости Кавказа Голувко встретился с Топчибаши и другими кавказскими дипломатическими представителями и в осторожной форме сообщил о польских планах создания КНК в качестве центрального органа антибольшевистских организаций Кавказа. Как и опасался Голувко, это вызвало неоднозначную реакцию Топчибаши и Чермоева, заявивших ему, что «при всей признательности за желание поддержать, мы не

[409] А. М. Топчибаши – Т. Голувко. Сен-Клу, 5. 3. 1925 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

можем слепо следовать за указаниями даже “дружественного правительства”»[410].

В июле 1926 г. на основе консультаций, проведенных Голувко с Расулзадзе в Стамбуле, были выработаны конкретные формы взаимодействия дипломатической делегации Азербайджана в Париже с КНК. Дипломатическая работа в Европе поручалась Топчибаши, также как и остальным руководителям Совета трех. Тем не менее, для того, чтобы деятельность руководителей дипломатических представительств в Париже была подотчетна КНК, в состав всех делегаций вводились советники-члены КНК, являющиеся одновременно представителями комитета в этих структурах[411].

Понимая, что Топчибаши отнюдь не горит желанием согласиться на подобный контроль своей деятельности, Голувко решил выработать схему финансовых отношений, гарантирующую мягкое подчинение делегации КНК.

В сентябре 1926 г., встретившись с Топчибаши в Париже, Голувко предложил ему персональную ежемесячную финансовую субсидию в размере 80 долларов, которые последний должен был получать из средств, отпускаемых Варшавой на деятельность кавказцев. Для того времени это была вполне приличная и, в целом, достаточная для проживания сумма. Чтобы источник финансирования не слишком бросался в глаза французов, деньги должны были отпускаться через легацию Грузии в Париже[412].

Голувко понимал, насколько щепетильной является эта тема для Топчибаши. Уже с начала 1923 г. делегация испытывала хронический недостаток денежных средств, а сам Топчибаши находился на грани крайней бедности, к которой к тому

---

[410] А. М. Топчибаши – М. Э. Расулзаде. Сен-Клу, 25. 6. 1926 // А. М. Топчибаши и М. Э Расулзаде. Переписка. 1923-1926. С. 134.

[411] М. Э. Расулзаде – А. М. Топчибаши. Константинополь, 19. 7. 1926 // Там же. С. 141.

[412] Т. Голувко – А. М. Топчибаши. Париж, 7. 9. 1926 // CERCEC. EHESS. Archives d’Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

же прибавлялась серьезная ревматическая болезнь правой руки. Тем не менее, на первых порах он отказывался принять предлагаемую сумму, соглашаясь лишь на то, чтобы она была перечислена на счет делегации для обеспечения деятельности последней.

«Разрешите мне откровенно сказать, что я был бы более счастлив, если бы такое внимание оказывалось также представляемой мной делегации Азербайджанской Республики, вот уже 8 лет отстаивающей в Европе жизненные интересы Азербайджана и, прежде всего, его право на независимое политическое и экономическое существование»[413], – писал Топчибаши Голувко.

Голувко, однако, продолжал настаивать: «Вы сделали бы вопреки нашим желаниям и намерениям, если бы эту сумму отдавали в распоряжение делегации, т.к. она совершенно в таком случае не играла бы никакой роли. Наоборот, если вы, согласно нашим намерениям, используете эту сумму на личную вашу жизнь, – то тогда мы уверены, что вы, будучи спокойны об источнике содержания для вашей семьи, сможете более энергично посвятить все свои силы общему делу.

Таковые были намерения моих друзей, и думаю, что вы не откажетесь поступить согласно с ними»[414], – с целью рассеять последние сомнения Топчибаши писал польский представитель.

Голувко удалось убедить Топчибаши принять эту субсидию лишь тогда, когда последний получил заверения, что на содержание других членов делегации Варшавой будут также выделены финансовые средства.

В итоге стороны достигли согласия, и 9 декабря 1926 г. на совместном заседании Совета трех и членов Комитета независимости Кавказа было принято решение о том, что отныне дипломатическая деятельность Топчибаши, Чхенкели и Чер-

[413] А. М. Топчибаши – Т. Голувко. Сен-Клу, 23. 9. 1926 // Там же.
[414] Т. Голувко – А. М. Топчибаши. Париж, 7. 9. 1926 // Там же.

моева будет протекать под руководством соответствующих национальных секторов КНК[415].

С основанием КНК встал вопрос об учреждении печатного органа данной организации. Первоначально планировалось издавать соответствующий журнал в Турции, где до 1928 г. находилась резиденция самого комитета. Как мы уже отмечали, в 1926-1927 гг. Анкара предприняла определенные шаги по сближению с рядом европейских держав, вследствие чего кавказцы и поляки надеялись, что правительство М. Кемаля не будет чинить препятствий деятельности комитета. Так как по объективным географическим причинам секретные акции и поддержание связи с оккупированным Кавказом могли лучше всего осуществляться через территорию Турции, было решено приспособить деятельность КНК и его печатного органа к исполнению, в основном, этих задач. В частности, сам КНК, являвшийся, согласно его первоначальному уставу, исключительно тайной организацией, должен был сфокусировать свою деятельность на поддержании связи с Кавказом и ведении там разведывательной и пропагандистской деятельности.

2 августа на заседании комитета было принято решение об издании на французском языке журнала «Независимый Кавказ», официального печатного органа КНК. Как название журнала, так и указание на то, кто является его издателем «должно было продемонстрировать перед внешним миром единение всех партий и организаций кавказских народов в борьбе с общим врагом», чему комитет придавал «особо важное значение». Журнал должен был сосредоточить свои усилия на ведении пропаганды в пользу освобождения республик

[415] Протокол заседания Совета трех республик Кавказа с участием членов Комитета независимости Кавказа. [Париж], 9. 12. 1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 70.

Кавказа от власти Кремля с их последующим объединением в Кавказскую Конфедерацию[416].

1 000 долларов, сумма весьма значительная для той эпохи, должны были ежемесячно перечисляться на счет Комитета независимости Кавказа, из которых 250 долларов предназначались для издания печатного органа комитета. В связи с этим Голувко уточнял, что «вся работа должна была быть сконцентрирована в руках военного атташе в Стамбуле»[417].

На должность учредителя и редактора «Независимого Кавказа» планировалось назначить Расулзаде[418]. Так как азербайджанцы обладали в Турции большими связями по сравнению с другими кавказцами, поляки надеялись, что в подобном случае Анкара закроет глаза на издание журнала на ее территории.

Вскоре, однако, выяснилось, что надежды на развитие столь обширной деятельности на территории Турции не имеют под собой никакой твердой почвы. Находясь под пристальным вниманием большевистских спецслужб и опасаясь давления Кремля, Анкара, в силу заключенного ей с Советами в 1925 г. договора о дружбе и добрососедстве, не могла позволить себе предоставить кавказцам возможность издавать в Стамбуле журнал на французском языке, указывающий к тому же на то, что он является официальным органом обосновавшегося в Стамбуле Комитета независимости Кавказа.

В результате уже к середине июля было принято решение о перенесении издания журнала, как и основной тяжести пропаганды КНК, в Париж – центр дипломатической деятельно-

---

[416] С. Мдивани – А. Чхенкели. Стамбул, 6. 8. 1926. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 132.

[417] *Targalski G*. Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase. P. 11.

[418] Мамед Эмин Расулзаде. Сборник произведений и писем. С. 301-304.

сти той эпохи[419]. Перенос места издания органа комитета из Стамбула в столицу Франции вызвал соответствующие изменения как в структуре, так и в задачах, поставленных перед журналом. Согласно проекту, выработанному Голувко, в функции журнала должна была входить пропаганда независимости Кавказа в дипломатических и правительственных кругах западных стран. Данное решение в значительной степени было обусловлено и тем фактом, что, по крайней мере, одна из республик Кавказа – Грузия, – обладала во Франции статусом юридически признанного независимого государства. Вплоть до 1933 г. в столице Франции официально функционировало грузинское дипломатическое представительство (легация), а А. Чхенкели, чрезвычайный и полномочный посланник Грузии во Франции, был включен в список аккредитованного во Франции дипломатического корпуса.

Сожалея, что не удалось осуществить издание печатного органа КНК в Стамбуле, Расулзаде позднее писал, что в результате переноса места издания журнала в Париж его «статьи и успехи приняли грузинский дух и окраску»[420].

Понимая, что для успешного ведения эффективной пропаганды в Париже кавказский вопрос должен быть самым тесным образом увязан с проблемой освобождения других нерусских народов красной империи, Голувко выступил с инициативой подключить к изданию журнала представителей правительства Украинской Народной Республики, с которыми Варшаву связывали давние союзнические узы. Первоначально эта инициатива не вызвала особого энтузиазма у кавказцев, опасавшихся того, что в результате подобного решения будущий журнал может лишиться официального статуса печатного органа КНК.

---

[419] Н. Рамишвили – Т. Голувко. Константинополь, 11. 8. 1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 66.

[420] Мамед Эмин Расулзаде. Сборник произведений и писем. С. 301-304.

Например, Х. Султанов, с самого начала согласившийся на перенос издания журнала в Париж, настаивал на том, чтобы он остался сугубо кавказским органом, считая связь Кавказа с Украиной искусственной, и потому малосерьезной[421]. Стремясь сохранить журнал в исключительном ведении КНК, к подобному мнению склонялся и Топчибаши, полагавший необходимым подчеркнуть этот факт и в названии будущего издания.

С целью рассеять эти сомнения и доказать, что подключение к делу издания журнала украинцев будет лишь на пользу кавказскому делу, Голувко 7 сентября писал Топчибаши, что, по его убеждению, «только основанный на широких началах, т.е. с участием в редакции и украинцев» журнал, может рассчитывать на успех в Париже.

Наряду с ведением пропаганды, необходимо сближение народов Кавказа и Украины в лице соответствующих политических организаций, так как лишь в случае координации их действий возможна успешная борьба за независимость.

«Только говорить о Кавказе, а особенно подчеркнуть это в названии журнала, – это сузить его значение и внимание к нему. Ни об одной стране в Европе столько не писалось, сколько о Грузии, – а какой результат? Конечно, это мое личное мнение, на котором не хочу и не смею настаивать. Всякое решение для меня приемлемо – только пусть журнал выходит» [422], – писал Голувко.

К мнению Голувко присоединились Рамишвили и Шамиль. Одним из основных аргументов, приведенных ими в связи с этим вопросом, было то, что в создании независимого украинского государства, без которого формирование надеж-

[421] Записка секретаря Комитета независимости Кавказа М. Векилли об издании журнала «Прометей». Париж, 29. 11. 1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 69.

[422] Т. Голувко – А. М. Топчибаши. Париж, 7. 9. 1926 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

ного санитарного кордона вокруг красной империи являлось невозможным, была жизненно заинтересована Варшава[423].

В ходе консультаций поляки и кавказцы пришли к соглашению, что хотя в названии журнала и не будет указано, что он является исключительно кавказским изданием, с юридической точки зрения он будет обладать статусом органа КНК.

В ноябре 1926 г. вышел в свет первый номер журнала «Прометей» тиражом в 1 000 экземпляров[424]. Как и предлагал Голувко, в заглавии журнала было отмечено, что он является «органом национальной защиты народов Кавказа и Украины». Как впоследствии вспоминал бывший министр иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана Баммат, первый номер «Прометея» был составлен на его парижской квартире. Он же предложил и имя мифического титана в качестве официального названия журнала[425]. Главным редактором «Прометея», в 1926-1938 гг. бессменно руководившим его изданием, стал грузинский национал-демократ Георгий Гвазава.

Согласившись с аргументом о целесообразности привлечения к изданию журнала украинцев, азербайджанцы Х. Сул-

---

[423] Записка секретаря Комитета независимости Кавказа М. Векилли об издании журнала «Прометей». Париж, 29. 11. 1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 69.

[424] Le ministre de l'Intérieur (direction de la Sûreté Générale) à ministre des Affaires étrangères (Cabinet). A. S. de la revue «Prométhée». Paris, 9. 5. 1927 // Centre d'archives contemporaines, Fontainebleau, France, carton n° 20010216. Изменение названия журнала с «Независимого Кавказа» на «Прометей» также вызвало определенное недовольство азербайджанцев и грузин. Например, секретарь КНК М. Векилли писал от имени комитета 4 ноября из Стамбула в Варшаву Голувко, что «под таким аполитичным названием как "Прометей" можно было бы издать журнал и здесь». М. Векилли – Т. Голувко. Стамбул, 4. 11. 1926 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей». Варшава. 2015. (В печати).

[425] Г. Баммат. Краткие биографические сведения. Без даты. // Archives familiales de M. Bammate (Paris, France). С. 7.

танов, М. Векилли и Д. Гаджибейли со своей стороны выдвинули вопрос о включении в редакцию журнала представителя антибольшевистских организаций Туркестана – региона, близкого к Азербайджану по вере и этническому происхождению[426].

Поляки, грузины и горцы охотно приняли это предложение, и уже с весны 1927 г. журнал «Прометей» выходил под названием «орган национальной защиты народов Кавказа, Украины и Туркестана».

Так как с юридической точки зрения «Прометей» являлся органом КНК, его редакционная коллегия состояла из трех редакторов-кавказцев, назначаемых по принципу одного представителя из каждой национальной секции комитета. Входившие в состав редакции представители Украины и Туркестана обладали более низким уровнем редакторов-советников[427]. Тем не менее, это различие носило чисто формальный характер, и сотрудничество украинцев и туркестанцев в журнале в целом проходило гладко. От азербайджанской секции КНК в состав редакционной коллегии журнала входил М. Я. Мехтиев – советник азербайджанской дипломатической делегации на Парижской мирной конференции, получивший во Франции звание доктора юридических наук.

Следует отметить, что и в связи с журналом «Прометей» Голувко была выработана система соответствующего финансового контроля, увязывающая регулярное издание журнала с финансированием Варшавой других органов печати входящих в КНК партий и организаций. Например, вопрос финансирования Варшавой журнала «Yeni Kafkasya», был решен поляками лишь после выхода в свет первого номера «Проме-

[426] Записка члена Комитета независимости Кавказа М. Векилли об издании журнала «Прометей». Париж, 29. 11. 1926 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 69.

[427] Регламент журнала «Прометей». [Париж], не ранее начала 1927 г. // Там же. С. 71.

тея»[428]. Намекая на взаимосвязанность вопроса, Голувко писал 20 сентября Топчибаши, что лишь начало издания журнала «Прометей» позволит ему поставить решение других, интересующих кавказцев вопросов, перед соответствующими структурами в Варшаве: «Как обстоят дела с журналом? Я очень прошу вас обратить на это дело самое серьезное внимание. Издание этого журнала очень облегчит мою работу»[429].

С учреждением журнала «Прометей» формально родилось и само Прометеевское движение, которое на основе координации деятельности всех нерусских эмигрантских антибольшевистских организаций имело своей целью воспрепятствовать внешнеполитической экспансии Кремля. Достичь этого руководители движения рассчитывали с помощью создания эффективного санитарного кордона, объединяющего большинство порабощенных нерусских народов красной империи в некое подобие конфедерации, простирающейся от балтийских берегов до Черного моря и Каспия, что являлось бы «гарантией их независимого существования и мощным основанием равновесия в этой части мира»[430].

В связи с этим один из документов этой организации подчеркивал, что «прометеизм является движением всех без исключения народов, угнетаемых Россией»[431].

Политическая программа, а также основные принципы функционирования редакции журнала «Прометей» были за-

[428] М. Э. Расулзаде – Т. Голувко. Константинополь, 15. 11. 1926 // Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем. Сост., предисл. и примеч. С. М. Исхаков. Москва. 2011. С. 24.
[429] Т. Голувко – А. М. Топчибаши. Париж, 20. 9. 1926 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.
[430] Т. Шетцель. Польская группа «Прометей» в Лондоне. Лондон, 19. 3. 1951 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 148.
[431] *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. С. 301.

фиксированы в регламенте этого издания, окончательная редакция которого была принята в начале 1927 г.

Согласно этому документу, «журнал “Прометей” является органом Комитета независимости Кавказа, защищает интересы национально-освободительных движений народов Кавказа, ставя на первый план популяризацию идеи независимой Кавказской Конфедерации». Наряду с этим, «журнал одновременно защищает и идеи солидарности всех порабощенных российским империализмом народов, стремящихся к государственной независимости» [432].

Более подробно программа и цель издания были изложены в первом же номере журнала. Они сводились к следующему:

Показать общественному мнению Европы, что Российская империя, вне зависимости от общественно-политического строя последней, по процессу своего образования и по характеру состава своего населения исторически была обречена на распад;

Что культурное развитие и политическая зрелость народов, после октябрьского переворота 1917 г. отделившихся от России, но затем вновь подпавших под ее господство, в целом, не подлежит сомнению;

Что существование Советского Союза как новой формы русского империализма представляет опасность как для международного мира, так и для судеб европейской цивилизации;

Что освобождение Кавказа, в форме единого конфедеративного государства, может положить конец русскому империализму[433].

Читали «Прометей» и занимающиеся Кавказом профессиональные дипломаты, в том числе и не только во Франции.

---

[432] Регламент журнала «Прометей». [Париж], не ранее начала 1927 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 71.

[433] Prométhée. Organe de Défense Nationale des Peuples du Caucase et de l’Ukraine. Paris. 1926. N° 1. P. 1-3.

Например, итальянский дипломат Паоло Вита-Финци, занимающий в 1928-1931 гг. пост генерального консула Италии в Тбилиси, отмечал в своем «Кавказском дневнике», что изгнанные большевиками с Кавказа грузинские социал-демократы и азербайджанские мусаватисты «издают в Париже журнал “Прометей”». Хотя, по словам Вита-Финци, содержащаяся в нем информация не всегда отличалась точностью, «в Москве опасались, что авторы журнала находились в контакте с повстанческими центрами Кавказа и Украины»[434].

В силу того факта, что, несмотря на своей официальный статус органа Комитета независимости Кавказа, «Прометей» очень быстро превратился в журнал всех национальных организаций Прометеевского фронта, с лета 1927 г. кавказцы приступили к изданию «Бюллетеня Комитета независимости Кавказа», посвященного исключительно кавказским делам. Часть тиража бюллетеня, печатаемого на особой тонкой папиросной бумаге, предназначалась для переброски через турецко-советскую границу и тайного распространения на оккупированном большевиками Кавказе. В первом номере этого издания были подробно изложены цели КНК, так же как и кавказских политических организаций, входящих в движение «Прометей»: «Комитет независимости Кавказа составлен из представителей Республики горцев Северного Кавказа, Грузии и Азербайджана. Комитет объединяет все активные силы Кавказа, находящиеся в стране и за рубежом. Он имеет целью восстановление политической и экономической независимости народов Кавказа, вновь порабощенных русскими большевиками, и создание конфедеративного кавказского государства. Комитет солидарен с Национальной Республикой Украины и

[434] *Vita-Finzi P.* Journal caucasien (1928-1931) suivi de Carnet moscovite (1953). Traduit de l’italien par J-M. Mandosio. Préface de Romano S. Collection «Valise diplomatique» dirigé par Mouradian C. Loiret. 2000. P. 83.

Комитетом независимости Туркестана, действуя в полном согласии с ними»[435].

Параллельно с основанием Комитета независимости Кавказа в Стамбуле и журнала «Прометей» в Париже в Польше были созданы специальные структуры, в функции которых входило сотрудничество по линии спецслужб с национальными организациями нерусских народов, входящими в движение «Прометей». В 1926 г. Отделение U Второго отдела Генерального штаба польской армии, в задачи которого входило проведение диверсионных акций, было реорганизовано в Экспозитуру II (Агентство II), начальником которой был назначен майор Эдмунд Харашкевич. Секция «Восток» упомянутой экспозитуры занималась исключительно Прометеевским движением.

§ 3. Формирование Азербайджанского национального центра и последующая за этим реорганизация Комитета независимости Кавказа

С первых месяцев 1927 г. процесс централизации Прометеевского движения еще более усилился. Этому в значительной степени способствовало несколько обстоятельств, оказавших непосредственное влияние на формирование и развитие структур кавказских политических организаций, входящих в движение «Прометей». Двухлетние контакты с эмигрантскими деятелями убедили Т. Голувко, что организации, созданные на партийной основе, не являются стабильными, легко распадаясь при возникновении малейших межпартийных споров и трений. Для того чтобы сделать максимально устойчивой центральную структуру кавказцев, следовало реформировать КНК, положив в ее основу не отдельные партии, а националь-

[435] Bulletin du Comité de l'indépendance du Caucase. Istanbul, 11. 8. 1927 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 119.

ные центры, со своей стороны объединяющие в своем составе представителей всех политических партий и организаций, стоящих на платформе независимости республик Кавказа.

После назначения Голувко в феврале 1927 г. начальником Восточного департамента польского МИД его мнение получило полную поддержку Варшавы. К тому же это назначение делало Голувко, бывшего до сих пор всего лишь депутатом сейма от Польской социалистической партии, одним из основных кураторов движения «Прометей»[436].

В результате уже 26 февраля в Стамбуле был создан Азербайджанский национальный центр, состоявший из представителей основных партий и организаций, поддерживающих политическую платформу независимости Азербайджана и Конфедерации Кавказа. В состав этой структуры входили представители дипломатической делегации Азербайджана в Париже, партии Мусават, а также социалистов и беспартийных. Тщательно подобранный личный состав центра, однозначно свидетельствовал о том, что как руководители Мусавата, так и польские кураторы движения «Прометей» попытались на основе компромисса сделать центр максимально стабильным, идя навстречу личным амбициям отдельных эмигрантов во имя национальных интересов. Фактически, эта структура являлась результатом компромисса между дипломатической делегацией Азербайджана в Париже и партией Мусават – основными наиболее влиятельными азербайджанскими политическими организациями и партиями.

Председателем Азербайджанского центра был провозглашен А. М. Топчибаши, генеральным секретарем – М. Э. Расулзаде, казначеем – А. Амирджанов (беспартийный). Членами центра являлись также М. Я. Мехтиев, М. Векилли, Х.

[436] Le ministre des Affaires étrangères à Monsieur Jean Herbette, ambassadeur de la République Française à Moscou. A. S. du nouveau directeur des Affaires orientales à Varsovie. Paris, 4. 3. 1927 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 302 Russie. Fol. 176-177.

Хасмамедов, А. Шейхульисламов и Ш. Рустамбейли. Было зарезервировано одно место и за Х. Султановым, в случае если последний изъявит желание вступить в эту структуру[437].

Избрание находящегося в Париже Топчибаши председателем центра указывало на тот факт, что мусаватисты были готовы формально признать притязания последнего на руководство азербайджанскими политическими организациями. Тем не менее, поскольку тяжесть основной работы ложилась на деятелей, находящихся в Стамбуле, при центре был создан возглавляемый Расулзаде генеральный секретариат, в состав которого входили также Хасмамедов и Амирджанов. В их руках была сосредоточена основная практическая работа. Должность же самого Топчибаши официально считалась почетной. Как писал Рамишвили по этому поводу Голувко из Стамбула в Варшаву, «Топчибашев будет числиться председателем центра, но фактическая работа будет проводиться здесь генеральным секретариатом (должность Топчибашева почетная)»[438].

Создание Азербайджанского и Грузинского национальных центров (последний был сформирован еще в 1926 г.) повлекло за собой реформирование Комитета независимости Кавказа. В результате ряда заседаний, последовавших после создания Азербайджанского национального центра, был вы-

[437] Сообщение секретариата Азербайджанского национального центра (М. Э. Расулзаде, Х. Хасмамедов, А. Амирджанов) дипломатическому представителю грузинского правительства в Стамбуле С. Мдивани относительно формирования Азербайджанского национального центра в Стамбуле. Константинополь, 25. 3. 1927 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 132; М. Я. Мехтиев. Меморандум относительно истории Азербайджанского национального центра. Париж, 14. 6. 1937 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3; Информация М. Э. Расулзаде о составе Азербайджанского национального центра в 1927-1936 гг. // Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем. С. 249.

[438] Н. Рамишвили – Т. Голувко. Константинополь, 8. 3. 1927 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

работан, а 7 марта и принят новый статут этой организации, согласно второму пункту которого члены КНК могли быть назначены в данный орган лишь национальными центрами республик Кавказа, что ставило комитет под твердый контроль М. Э. Расулзаде и Н. Жордания. Национальные центры, рассматриваемые поляками в качестве правительств в изгнании республик Кавказа, могли в любой момент отозвать и заменить любых членов комитета. Несмотря на возражения стамбульских конфедератов, этот пункт был принят большинством голосов. В частности, за него проголосовали М. Векилов, Н. Рамишвили и С. Шамиль[439]. Таким образом, достигалась максимальная централизация деятельности этой структуры, на чем с самого начала настаивали поляки. Исходя из вышеотмеченного принципа, с этого времени КНК оказался под исключительным влиянием азербайджанских мусаватистов и грузинских социал-демократов. Северокавказская секция КНК, которая, вследствие разногласий среди горских эмигрантов, до 1933 г. так и не смогла развернуться в национальный центр, была, в основном, представлена в комитете Народной партией горцев Кавказа, возглавляемой Сеид-беком Шамилем.

В итоге к марту 1927 г. в состав КНК от Азербайджанского национального центра входили Векилли и Амирджанов, от Грузинского – Рамишвили и Вачнадзе, а от горцев Северного Кавказа – Шамиль[440].

§ 4. Дело Дамманна

Готовность мусаватистов к компромиссу с А. М. Топчибаши, наряду с прочим, была вызвана тем, что последний

[439] Там же. См. также: Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 67.

[440] Н. Рамишвили – Т. Голувко. Константинополь, 8. 3. 1927 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

весьма неоднозначно относился к идее создания в Стамбуле центральной организации, претендующей на объединение под своей эгидой всех политических партий и организаций Азербайджана. Как уже отмечалось, основываясь на мандате, выданном возглавляемой им делегации в 1919 г. правительством независимого Азербайджана, Топчибаши считал ее единственной структурой, правомочной представлять за рубежом государственные интересы страны.

К концу 1926 г. этим амбициям Топчибаши способствовал и международный контекст, вновь вернувший определенный авторитет и престиж возглавляемой им делегации.

С осени 1924 г., после возвращения консерваторов к власти в Англии, отношения между Москвой и Лондоном начали ухудшаться. Англичане были крайне раздражены фактом строительства весной 1927 г. в Центральной Азии железной дороги, выходящей на советско-афганскую границу. В Лондоне опасались, что Советы планируют использовать эту магистраль для вторжения в Афганистан или Иран[441]. В мае того же года дипломатические отношения между Лондоном и Москвой были прерваны в результате дела англо-советского торгового общества «Аркос»[442]. В ответ на прямое вмешательство большевиков во внутренние дела страны (финансирование забастовок шахтеров в 1926 г.), а также советские подрывные действия в британских колониях (в феврале 1927 г. Коминтерн организовал в Брюсселе «Конгресс угнетенных народов Востока», на котором присутствовал Д. Неру), Лондон решил поощрять действия эмигрантских антибольшевистских организаций[443].

---

[441] *Osborn P. R.* Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. Westport, Connecticut, London. 1966. P. xvi.

[442] *Duroselle J.-P.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. P. 102

[443] *Westad O. A.* The Global Cold War. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paolo. 2007. P. 55.

Наряду с этим, на случай прямого столкновения с Кремлем, англичане приступили к разработке конкретных планов военных и подрывных действий, напрямую связанных с Кавказом и Азербайджаном.

Англичане предполагали атаковать большевиков в Каспийском регионе. В начале апреля 1927 г., за месяц до формального разрыва дипломатических отношений с Москвой, английские военные в ответ на строительство упомянутой железной дороги в Центральной Азии начали разрабатывать проекты бомбардировок стратегических целей в Азербайджане, в Чечне и Каспийском море. Предусматривалось, что в случае большевистского вторжения в Иран или Афганистан, три эскадрильи британских военных самолетов, базирующихся в Ираке, атакуют нефтяные месторождения Баку и Грозного, склады оружия и снаряжения, а также морские коммуникации в Каспийском море, делая промежуточные посадки в Иране, в районе озера Урмия, а также городов Ардебиль и Энзели. Наряду с этим, упомянутые операции должны были служить поддержкой контратаки, которую англичане планировали предпринять с территории Афганистана в Центральной Азии, где также должны были активизироваться местные повстанцы[444].

Французы также, хотя и в меньшей степени, чем англичане примкнули к этому предприятию Лондона. Переговоры, начатые в феврале 1925 г. Кремлем с Парижем относительно урегулирования вопроса царских долгов, год спустя завершились неудачей. После этого, в июне 1926 г., французское правительство подписало с Румынией союзный договор, «который игнорировал русские притязания на Бессарабию»[445]. В сентябре 1927 г., не разрывая дипломатических отношений, францу-

[444] *Osborn P. R.* Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. P. xvii.

[445] *Renouvin P.* Histoire des relations internationales. Les crises du XXe siècle. I. de 1914 à 1929. Paris. 1957. T. VII. P. 275.

зы потребовали у Москвы отозвать советского посла из Парижа. В СССР подозревали, что за этим решением стоит Генри Детердинг, параллельно ведущий в Париже переговоры с кавказскими эмигрантами[446].

Не желая ограничиваться Кавказом, англичане планировали подключить к делу не только представителей нерусских народов СССР, но и русских монархистов. По данным ИНО ОГПУ, англичане решили сделать основную ставку на правые кавказские организации. Это, впрочем, не мешало им искать сотрудничества и с левыми партиями, входящими в организованный поляками Прометеевский фронт. Лондон и Варшава требовали от всех антибольшевистских кавказских организаций объединиться и, согласно секретным документам ОГПУ, выработать «общий кавказский адрес»[447].

В подобном международном контексте отдельные группы в Западной Европе стали также вынашивать свои планы в отношении Кавказа. Это были военные и промышленники, а также люди, связанные с секретными службами, политическое влияние которых было ограничено. Тем не менее, они надеялись на успех в случае благоприятного развития событий в международном масштабе.

Наиболее видным из них был Генри Детердинг, владелец нефтяной компании «Ройал Датч Шелл», в прошлом уже проводивший переговоры с большевиками о заключении концессий на бакинские нефтепромыслы. Убедившись, что большевики не согласятся на предлагаемые им условия, Детердинг решил действовать иным путем, надеясь добиться своего после изгнания большевиков с Кавказа. С этой целью он решил заранее подготовить себе почву, став к этому моменту юриди-

---

[446] *Norden A*. Fälscher. Zur Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. Berlin. 1960. S. 84-85. Подробно об участии кавказских эмигрантов в этих проектах англичан и Детердинга см: *Мамулиа Г*. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 181-189.

[447] Правые грузинские группы и грузинские фашисты. По материалам ИНО ЗАКГПУ. 22. 7. 1928. Т. I. // АМВДГ. Ф. 6. Д. 1534-41. Л. 138-141.

ческим собственником наиболее перспективных нефтяных месторождений Азербайджана.

С целью соблюдения конспирации Детердинг решил действовать через посредников.

Уже с 1925 г. Топчибаши находился в контакте с неким Раймоном Дамманном, французским предпринимателем, судя по всему, являвшимся неофициальным представителем Детердинга во Франции[448]. В августе того же года между дипломатической делегацией Азербайджана в Париже и Дамманном был заключен первый опционный контракт относительно сдачи в концессию Дамманну нефтеносных земель в размере 35 десятин, расположенных на территории поселка Сабунчи под Баку. Время действия опции определялось с 1 августа по 30 октября 1925 г. В случае выкупа Дамманном опции в этот срок, он обязывался уплатить правительству Азербайджана сумму в размере 150 000 франков за каждую десятину нефтеносной земли. Из них 2 625 000 франков должно было быть уплачено азербайджанской делегации в Париже при выкупе опции. Остальная сумма должна была быть перечислена ей

[448] Относительно личности самого Раймона Дамманна известно немного. В архиве А. М. Топчибаши о нем, фактически, не сохранилось никаких сведений. В недавно рассекреченном досье общих сведений на Дамманна, хранящемся в архиве префектуры парижской полиции, указывается, что в 20-х годах он работал во французском правительстве на должности эксперта по внешней торговле. Наряду с этим, являлся служащим, техническим директором, администратором, а затем и генеральным президентом-директором торгового дома братьев Дерод (импорт-экспорт продовольственных колониальных товаров), превращенного в анонимное общество под названием «Новое общество предприятий Эмиля Дамманна». В 1928-1941 гг. Дамманн служил экспертом на французской таможне, а затем занимал пост эксперта французского правительства по борьбе с экономическими преступлениями. За заслуги в Первой мировой войне он был награжден французским Военным крестом, а впоследствии и Орденом Почетного легиона. См.: Archives de la préfecture de police (далее – APP). Paris, France. G. A. Carton n° 77 W 2566. Dossier n° 460810 Dammann R. A.

месяц спустя после вступления Дамманном во владение концессией[449].

Судя по всему, этот первый контракт являлся своего рода пробным шаром в деле установления контактов Детердинга с азербайджанцами. Из содержания контракта становится ясным, что в случае невыкупа Дамманном концессии, последний не должен был платить что-либо азербайджанской делегации в Париже. Не должен он был платить что-либо и во время подписания самого контракта.

Положение изменилось год с лишним спустя, когда после разрыва дипломатических отношений Лондона с Кремлем на горизонте замаячила возможность вооруженного противостояния Англии с большевиками в районе Кавказа и Туркестана.

В свете перспективы освобождения Кавказа от большевиков нефтеносные месторождения Баку стали приобретать в глазах западных нефтяных компаний все большую привлекательность. Все это оправдывало и расходы, в качестве долгосрочных инвестиций вкладываемые Детердингом в дело будущего обладания нефтеносными землями на Кавказе.

Стремясь воспользоваться развитием хода событий в азербайджанских национальных интересах, Топчибаши принял все меры для того, чтобы максимально привлечь внимание западных нефтяных компаний к нефти Баку, справедливо полагая, что в таком случае последние также будут оказывать влияние на свои правительства в выгодном для освобождения Азербайджана и Кавказа направлении.

18 ноября 1926 г. между азербайджанской делегацией в Париже и Дамманном был заключен новый опционный кон-

---

[449] Contrat fait entre la délégation de la République d'Azerbaïdjan, agissant d'après les pouvoirs qui lui ont été conférés par le gouvernement Azerbaïdjanien à Bakou, le sept janvier 1919 et indiqués par le N 25, et Monsieur Raymond Dammann, demeurant à Paris, 8 boulevard Sébastopol. Paris, 5. 8. 1925 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/2.

тракт, условия которого были несравненно более выгодны для азербайджанцев по сравнению с предыдущим контрактом. Согласно договору, от имени правительства Азербайджана делегация уступала Дамманну право на приобретение в концессию сроком на 48 лет 25 десятин нефтеносных земель в том же селении Сабунчи, или в других равноценных с ними с экономической точки зрения районах Баку. Дамманн обладал преимуществом в деле выбора им нефтеносных участков по сравнению с другими концессионерами, договор с которыми мог быть заключен в будущем делегацией Азербайджана в Париже или правительством Азербайджана после восстановления независимости страны.

Срок действия опционного контракта определялся с 16 ноября 1926 по 15 февраля 1927 г. В случае если в упомянутый срок Дамманн выкупал упомянутую опцию, он обязан был уплатить дипломатической делегации Азербайджана в Париже 150 000 франков за каждую десятину нефтеносной земли. Наряду с этим, 15 % налога за всю нефть, становящуюся в будущем предметом добычи и продажи.

Касаясь времени, когда Азербайджан восстановит свою независимость, а также условий непосредственной реализации контракта, договор подчеркивал, что «правительство Азербайджана, представленное своей делегацией в Париже, обязуется ввести г-на Дамманна (или его правопреемника) во владение землями, являющимися предметом настоящего контракта как только упомянутому правительству позволят это условия, сложившиеся в стране»[450].

Глава десятая документа уточняла детали, столь выгодным образом для азербайджанцев отличавшие настоящий договор

[450] Contrat fait entre la délégation de la République d'Azerbaïdjan, agissant d'après les pouvoirs qui lui ont été conférés par le gouvernement Azerbaïdjanien à Bakou, le sept janvier 1919 et indiqués par le N 25, et Monsieur Raymond Dammann, demeurant à Paris, 8 boulevard Sébastopol. Paris, 18. 11. 1926 // Ibidem.

от предыдущего. Согласно контракту, выплата суммы в количестве 150 000 франков за десятину осуществлялось следующим образом. 100 000 франков делегация получала сразу же при подписании настоящего опционного контракта. 900 000 должны были быть выплачены ей при выкупе опции Дамманном. И, наконец, сумма в количестве 2 750 000 франков должна была быть перечислена правительству Азербайджана спустя шесть месяцев после действительной передачи на месте концессии во владении Дамманна.

В заключение текста подчеркивалось, что «г-н Дамманн, будет обладать правом передачи прав и обязанностей, которыми он обладает согласно настоящему контракту, любому третьему лицу (компании, обществу и частному лицу), которому пожелает, не будучи обязанным испрашивать разрешение на это от правительства Азербайджана, представленного в Париже своей делегацией. Последнее обязуется признать и подтвердить преимущества г-на Раймона Дамманна (или его правопреемника), которые он может извлечь из этой передачи или уступки»[451]. Упомянутые пассажи обеспечивали интересы Детердинга на вступление им во владение концессией тогда, когда политическая ситуация для этого созреет.

Таким образом, в отличие от договора 1925 г., этот текст предусматривал выплату суммы в 100 000 франков делегации уже при подписании опционного контракта, вне зависимости от того, будет ли в дальнейшем он выкуплен Дамманном. В случае же если Дамманн и стоящий за ним Детердинг пожелали бы продлить опционный контракт еще на три месяца, им было необходимо внести очередные 100 000 франков за продление (а по сути, новое подписание) договора. Фактически, выработанная формула оптимально удовлетворяла обе стороны, давая азербайджанцам регулярные средства для ведения антибольшевистской борьбы, и при этом резервируя Дамманну и стоявшему за ним Детердингу привилегированное поло-

[451] Ibidem.

жение на эксплуатацию бакинских нефтерождений в будущем, в случае изгнания большевиков из Азербайджана.

С целью сделать нефтяные сокровища страны еще более привлекательными в глазах иностранцев 22 февраля 1927 г. в Париже было создано Общество нефтепромышленников Азербайджана, официально задекларированное 1 марта. Председателем общества был избран Мирза Асадуллаев, бывший министр торговли и промышленности Азербайджанской Республики. Общество объединяло в своих рядах как нефтепромышленников, так и юридических владельцев нефтяных месторождений Баку, собственность которых была конфискована большевиками, но которые, с правовой точки зрения, продолжали являться их собственниками[452].

В тот же день между азербайджанской делегацией в Париже и входящей в Общество нефтепромышленников Азербайджана группой владельцев нефтяных участков, задействованных в контракте с Дамманном, были выработаны следующие условия дележа получаемых доходов: 100 тысяч франков, получаемых от Дамманна каждые три месяца по мере продления опционного контракта, должны были поровну делиться между делегацией и упомянутой группой в составе самого Мирзы Асадуллаева, Мир Таги Бабаева, Ахмед-бека Гаджинского, Касима Касимзаде, Муталима Меликова, Мовсума Салимова и Ага Гусейна Тагиева. Из 50-процентной доли нефтепромышленников 20% вычиталось в пользу Баммата, бывшего министра иностранных дел Горской Республики, занимавшего должность заместителя председателя Союза нефтепромышленников Азербайджана. В его функции входило непосредст-

[452] Association des Industriels de Pétrole d'Azerbaïdjan à Paris. Déclarée le 22 février et insérée au Journal Officiel, le 1er mars 1927. Statuts. Paris, 1927 // Ibidem.

венное ведение переговоров с Дамманном относительно продления опционного контракта[453].

О заинтересованности Детердинга нефтяными месторождениями Азербайджана свидетельствует тот факт, что в течение трех с лишним лет, вплоть до 1930 г., упомянутый трехмесячный опционный контракт регулярно продлевался, принося как дипломатической делегации, так и Союзу нефтепромышленников более или менее регулярный доход.

Впрочем, сумма, выплачивая Дамманном за продление контракта, в реальности редко достигала 100 тысяч франков, напрямую завися от международной конъюнктуры. По данным документов, с апреля 1927 г. она являлась предметом устных соглашений между Топчибаши и Дамманном. Наиболее удачным в этом отношении был 1927 г., когда, вследствие разрыва дипломатических отношений между Лондоном и Москвой, перспектива военного столкновения между Англией и СССР считалась более или менее реальной. С октября 1928 г. сумма, выдаваемая за продление контракта, снизилась до 25 тысяч франков, оставаясь таковой вплоть до последней выплаты в декабре 1929 г.

Всего же в феврале 1927 г. за продление контракта было выплачено 100 000, в апреле – 50 000, в июле – вновь 100 000 и в ноябре 75 000 франков. В марте 1928 г. – 75 000, а в октябре и ноябре – по 25 000 франков. В феврале и марте 1929 г. было выплачено 25 и 50 000, а в сентябре и декабре того же года – 50 и 25 тысяч франков. В целом, сумма, полученная от Дамманна с ноября 1926 г. по декабрь 1929 г. составила 700 000 франков[454].

---

[453] А. М. Топчибаши – А. М. Асадуллаеву. Сен-Клу, 22. 2. 1927 // Там же. Carton n° 10/2.

[454] А. М. Топчибаши. Записка к совещанию с М. Асадуллаевым, К. Касимзаде и Дж. Гаджибейли. Сен-Клу, 3. 7. 1929; А. М. Топчибаши – г-ну председателю Ассоциации азербайджанских нефтепромышленников и уполномоченному группы членов означенной ассоциации. Сен-Клу, 23. 12. 1932 // Там же. В этой коробке находятся и составленные на русском и фран-

Эти деньги, особенно в первый год их выплаты, позволили делегации получить источник параллельных доходов, значительно превышающих те, которые ее члены получали от польских кураторов движения «Прометей». Наряду с явно положительными аспектами, дело Дамманна имело и отрицательные последствия, так как поощряло в стареющем Топчибаши амбиции играть роль руководителя всех азербайджанских политических организаций. Таким образом, толкая его на противостояние с Азербайджанским национальным центром в Стамбуле.

§ 5. ОГПУ в Париже. Попытки дискредитации Союза нефтепромышленников Азербайджана

В 1927 г. дело Дамманна так же, как и интерес, проявляемый Детердингом к бакинской нефти, привлекли к себе внимание агентов ОГПУ, внедренных в кавказские антибольшевистские организации. Руководство советских спецслужб понимало, что тем самым азербайджанская делегация в Париже получала не только дополнительный источник финансирования своей антибольшевистской деятельности, но и возможность более активного и успешного привлечения внимания влиятельных нефтяных компаний к природным ресурсам Азербайджана и Кавказа в целом.

С целью противодействовать этому резидентура ОГПУ в Париже поставила перед своими агентами следующие основные задачи: не только подробно информировать Лубянку о деятельности кавказцев и их связях с представителями европейских деловых кругов, но и, перейдя к активным мероприятиям, по возможности максимально компрометировать эмигрантов в глазах западных нефтепромышленников, оказывающих им финансовую помощь. В ОГПУ надеялись, что в ре-

---

цузском языке расписки относительно получения от Дамманна упомянутых сумм за продление контракта.

зультате этих акций Детердинг и его союзники сами откажутся от связей с эмигрантами.

Наглядным свидетельством подобных операций советских спецслужб является деятельность одного из эмигрантов, Керим-бека Султанова.

К. Султанов родился в состоятельной и респектабельной семье. Отец его, Рагим-бек Султанов, будучи крупным землевладельцем, владел значительным наделом (до 800 десятин) нефтеносной земли в расположенном под Баку селении Пута, где уже в начале 20-х гг. были обнаружены особенно богатые нефтяные запасы. В приобретении Султановым этих земель большую роль сыграл А. М. Топчибаши, защищавший имущественные интересы Рагим-бека в качестве его адвоката. Дело о нефтеносных участках в с. Пута, которые Рагим-бек оспаривал у казны и у собственного брата, тянулось долго (с 1888 по 1915 г.), завершившись, наконец, в пользу Р. Султанова. Как впоследствии отмечал сам Топчибаши, Р. Султанов во всех вопросах советовался с ним, и ему были известны его «имущественные дела и отношения»[455].

По свидетельству брата Керим-бека, Аждар-бека Султанова, из детей Р. Султанова (он имел трех сыновей и одну дочь) Керим-бек считался наиболее проблемным. Будучи «всегда слаб характером, и неоднократно совершив предосудительные поступки», он, в конце концов, в 1915 г. был посажен в тюрьму по требованию собственного отца, который вплоть до своей смерти не позволял ему приближаться к себе. В 1923 г. Рагим-бек скончался, не оставив после себя завещания. По законам шариата земля, которой он обладал, должна была быть поделена между наследниками. Трое сыновей получали по

[455] А. М. Топчибаши – Г. Баммату. Сен-Клу, 9. 10. 1928 // Там же. Carton n° 10/1.

199 десятин, а дочь и вдова покойного по 100 десятин нефтеносных участков[456].

После 1920 г. в эмиграции находились Керим-бек (в Париже) и его брат Аждар-бек Султанов (в Стамбуле). Узнав о деле Дамманна и возможности получить деньги за продажу юридического права на находившиеся под контролем большевиков участки, Керим-бек, к тому времени уже растранжиривший большую часть из находящихся в его владении земель, стал на путь лжи и провокаций. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют с точностью ответить на вопрос, был ли он уже в этот момент агентом ОГПУ или предложил свои услуги чекистам впоследствии, действуя под влиянием обиды на эмигрантов.

В июле 1927 г. Керим-бек подал прошение на имя председателя Союза нефтепромышленников Азербайджана в Париже М. Асадуллаева с просьбой о принятии его в эту организацию. При этом он утверждал, что согласно завещанию, якобы оставленному его отцом, является единственным наследником всего состояния, которым располагал Рагим-бек[457].

Расследование, произведенное по этому поводу М. Асадуллаевым, выявило полную голословность этого утверждения Керим-бека, как и тот факт, что из причитающейся ему части наследства большая была уже отчуждена[458].

Подтвердил результаты расследования как брат Керим-бека, Аждар-бек, так и сам Топчибаши, который, будучи адвокатом Рагим-бека, находился в курсе как имущественных, так и семейных дел последнего. В частности, зная отношение отца к Керим-беку, он выразил сомнение в факте существования завещания[459].

---

[456] A. Soultanoff. Lettre à l'Association des Industriels de Pétrole d'Azerbaïdjan. Paris, septembre 1928 // Ibidem.
[457] Ibidem.
[458] А. М. Топчибаши – А. Султанову. Сен-Клу, 12. 8. 1927 // Там же.
[459] А. М. Топчибаши – Г. Баммату. Сен-Клу, 9. 10. 1928 // Там же.

Получив отказ на свою просьбу о принятии его в Союз нефтепромышленников, Керим-бек взял на себя роль информатора большевистских спецслужб. Будучи в курсе того, что за делом Дамманна стоит Детердинг, Керим-бек Султанов, которого информационная справка ОГПУ характеризовала «известным нефтяником», к концу июля сделал советскому посольству в Париже следующее заявление:

«В первой половине августа 1927 г. организуется восстание в Грузии, Азербайджане и Украине.

Это дело финансируется английским правительством, однако ввиду невозможности производить это финансирование непосредственно, операция эта замаскирована следующим образом: Выдачу денег решено производить через «Торгово-промышленное товарищество» украинское, азербайджанское и грузинское. Украинское товарищество уже организовано, азербайджанское подало свой устав в префектуру, а грузинское организуется.

Идея создания этих торгово-промышленных обществ была согласована англичанами с представителями антисоветских партий Украины, Грузии и Азербайджана на собрании, состоявшемся в квартире Топчибашева»[460].

Хотя эти «сведения» носили явно неправдоподобный характер, в ОГПУ отнеслись к упомянутому заявлению со всем вниманием. В той же справке сообщалось, что «это сообщение Керима Султанова вполне совпадает с усилением антисоветской активности всех вышеперечисленных антисоветских партий»[461].

Впрочем, не удовлетворившись услугами К. Султанова в качестве информатора, резидентура ОГПУ в Париже решила использовать его в более важной и активной игре.

---

[460] Правые грузинские группы и грузинские фашисты. По материалам ИНО ЗАКГПУ. 22. 7. 1928 // АМВДГ. Ф. 6. Д. 1534-41. Т. I. Л. 142-143.
[461] Там же.

В октябре того же года в ОГПУ поступили сведения о том, что французская фирма «Раймон и К» закупила при посредничестве азербайджанской делегации в Париже бакинские нефтяные участки у их владельцев[462]. Уточнив, что в данном случае дело идет об опционном контракте с Дамманном, за которым стоял Детердинг, большевистские спецслужбы поставили себе целью скомпрометировать Союз нефтепромышленников Азербайджана в глазах последнего, надеясь, таким образом, добиться прекращения финансирования Детердингом антибольшевистской деятельности эмигрантских организаций.

9 июля 1928 г. Керим-бек Султанов направил на имя Детердинга письмо и меморандум, целью которых была компрометация как всего Союза нефтепромышленников, так и, главным образом, тех его членов, нефтеносные земли которых были задействованы в контракте с Дамманном. Заявляя, что является единственным владельцем 200 десятин нефтеносной земли в селении Пута, Керим-бек подчеркнул, что считает своим долгом «помешать недостойным лицам злоупотреблять дружеской помощью», оказываемой Детердингом нефтепромышленникам, собственность которых была незаконно конфискована большевиками[463].

В меморандуме, приложенном к письму, против членов Союза нефтепромышленников был выдвинут целый ряд голословных обвинений. Например, указывалось, что Мир Таги Бабаев, один из основных участников контракта с Дамманном, в реальности не обладает никакой собственностью в Азербайджане, так как он еще до заключения этой сделки продал ее Нефтяному французскому банку. Другой член Союза, Ага Гусейн Тагиев, никогда не был нефтепромышленником. «Он яв-

[462] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о мусаватистах. 5. 11. 1927 // АМВДГ. Ф. 13. Д. 170. Оп. 5. Л. 94.

[463] K. Soultanoff. Lettre à Sir H. Deterding. Paris, 9. 7. 1928 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/1.

ляется убежденным большевиком, и находится на их службе со дня взятия ими Баку»[464]. Мовсум Салимов и Гусейн Меликов, которые в настоящий момент возглавляют также анонимные общества «М. Салимов и К» и «Гусейн Меликов и братья», тоже не владеют никаким реальным состоянием, вследствие чего упомянутые общества являются фиктивными. Из 30 членов Союза, в лучшем случае, лишь 5 являются настоящими нефтепромышленниками. Но и их имущество в большинстве своем уже продано или отдано под залог.

Союз нефтепромышленников Азербайджана в Париже является чистейшей махинацией, так как его члены, продавшие или неоднократно заложившие свои земли под различные гарантии, желают вновь повторить эти же операции и нажиться на них, на сей раз, обманывая Детердинга[465].

Как и следовало ожидать, эта сшитая белыми нитками провокация ОГПУ потерпела фиаско. Письмо и меморандум К. Султанова были пересланы Детердингом Дамманну, который, со своей стороны, передал их Топчибаши. Прибывший в Париж 17 июля 1928 г. Аждар-бек Султанов, ознакомившись с меморандумом, представленным его братом Детердингу, в свою очередь написал последнему письмо.

Аждар-бек писал, что считает меморандум своего брата «нечестным поступком, на который его толкнули враги Азербайджана, воспользовавшиеся слабостью его характера и желанием отомстить Союзу нефтепромышленников Азербайджана за отказ принять в свои члены»[466].

К тому времени связи Керим-бека с ОГПУ, судя по всему, уже были известны и французским спецслужбам, и самим эмигрантам. Во всяком случае, уже в сентябре 1928 г., когда Аждар-бек писал эти строки, Керим-бек находился во фран-

[464] K. Soultanoff. Mémorandum sur la situation de l'Association des Industriels de Pétrole d'Azerbaïdjan. Paris, 9. 7. 1928 // Ibidem.
[465] Ibidem.
[466] A. Soultanoff. A Sir Henri Deterding. Paris, septembre 1928 // Ibidem.

цузской тюрьме. Сообщая об этом Детердингу и, видимо, намекая на связи своего брата с чекистами, Аждар-бек подчеркивал, что «события этих последних лет еще более усугубили его недостатки, сделав игрушкой в руках лиц, лишенных совести, толкнувших его на бесчестные поступки, которые еще раз привели его в тюрьму, где он и находится в настоящее время»[467].

Через некоторое время по приказу французских властей Керим-бек был выслан из Франции. Акт, традиционно применявшийся как к политически неблагонадежным эмигрантам, так и иностранцам, совершившим криминальные преступления на французской территории.

Разумеется, являясь лишь одним эпизодом из многочисленных операций ОГПУ во Франции, дело Керим-бека Султанова высвечивает интересные детали грязных методов и технологий, традиционно применяемых советскими спецслужбами против антибольшевистских кавказских организаций в Западной Европе.

§ 6. А. М. Топчибаши и его попытки по формированию структур, параллельных движению «Прометей». Временный объединенный центр Азербайджана и Северного Кавказа в Париже

Несмотря на внутреннюю консолидацию в начале 1927 г. Азербайджанского национального центра и Комитета независимости Кавказа в Стамбуле, латентные противоречия между М. Э. Расулзаде и А. М. Топчибаши продолжали тлеть.

В значительной степени этот антагонизм обуславливался разными подходами Топчибаши и Расулзаде к вопросу существования в условиях эмиграции центральной структуры, обладающей правом на руководство национально-освободительным движением. Либерал и юрист Топчибаши

[467] Ibidem.

придавал в этом деле решающее значение формально-юридическому принципу, согласно которому руководящей структурой следовало считать возглавляемую им делегацию, обладавшую официальным мандатом правительства страны. Ссылаясь на этот аргумент, Топчибаши не хотел признать того очевидного факта, что после оккупации большевиками Азербайджана и признания в 1924 г. ведущими западными державами СССР, этот тезис утратил значение именно с точки зрения той юридической формалистики, на которую он и пытался опираться. Расулзаде, являясь прирожденным борцом-революционером, придавал главное значение не отвлеченным юридическим формулам, а естественной воле азербайджанской нации к восстановлению своей независимости. В данном случае Расулзаде следовал современной формуле, согласно которой основным носителем государственного суверенитета является народ. Следовательно, и руководство национально-освободительным движением должно было быть сосредоточено в подлинно-революционном, а не в сугубо формальном органе.

Хотя, с целью удовлетворения его амбиций, Топчибаши и был назначен на должность почетного председателя АНЦ, по данным документов он не мог смириться с тем, что отныне основная роль в национально-освободительном движении перешла к Расулзаде. Не доволен он был и поддержкой, оказываемой Расулзаде Варшавой и лично Голувко.

В этом деле, еще до формального создания Азербайджанского национального центра, Топчибаши заручился поддержкой А. М. Чермоева и Г. Баммата, руководителей дипломатической делегации Северокавказской Республики в Париже. Последние, приостановив с начала 1927 г. свое членство в движении «Прометей», категорически отказались сотрудничать с С. Шамилем, представителем горцев в Комитете независимости Кавказа. Причиной этого являлось недовольство руководителей горской делегации ограниченными полномочиями самого КНК, обладавшего, как мы уже отмечали, не

статусом общекавказского правительства в изгнании, а всего лишь структуры, координирующей деятельность отдельных национальных центров. Судя по всему Чермоев, бывший председатель правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, и Баммат, бывший министр иностранных дел, считали для себя унизительным подчиняться Шамилю, по их мнению, не вполне подготовленному для выполнения столь важной политической миссии.

Объясняя мотивы своего отказа принять материальную помощь Варшавы, Баммат 17 декабря 1926 г. писал Голувко, что для успеха кавказского дела он считает необходимым создание не координирующей структуры кавказских организаций в лице КНК в Стамбуле, а Кавказского центра в Париже, обладающего функциями единого кавказского правительства в изгнании. «Сказавши слова “Кавказская Конфедерация”, – нужно сделать из этого принципа чести вывод, и создать как исполнительный орган этой Конфедерации единый Кавказский центр, которому были бы подчинены все национальные организации как официальные, так и конспиративные и Азербайджана, и Грузии, и Северного Кавказа», – отмечал в связи с этим Баммат.

«Я имел уже случай при личной встрече высказать вам мое мнение о том, что в борьбе за освобождение своей Родины серьезные и честные политические организации могут воспользоваться материальной помощью дружественной державы, политические интересы которой отвечают целям и задачам организации, при одном однако непременном условии – организация, прежде всего, должна быть ответственной, она должна пользоваться полным доверием помогающей державы, она должна быть совершенно независимой в своей рабо-

те…»[468], – подчеркивал в другом месте бывший министр иностранных дел Горской Республики.

Это мнение в полной мере разделял и Топчибаши, так как при создании подобного органа в его руках автоматически сосредотачивалось реальное руководство всеми политическими организациями Азербайджана в изгнании. К тому же, в случае принятия Варшавой этих предложений, руководители центра выговаривали себе право по сути дела единоличного распоряжения денежными субсидиями Варшавы.

В результате этого 12 января 1927 г. в Париже был подписан акт о создании Временного объединенного центра Азербайджана и Северного Кавказа. В документе подчеркивалось, что «спасение народов Кавказа в настоящем и будущем находится в полной зависимости от тесного сплочения и действительного объединения их сил и создания из всех образовавшихся на территории Кавказа республик – Азербайджана, Армении, Грузии и Северного Кавказа – одной Кавказской Конфедерации».

Намекая на членов Комитета независимости Кавказа, авторы акта с сожалением отмечали «с одной стороны промедление и колебания, и с другой – пассивное отношение со стороны части кавказских представителей к столь жизненному вопросу, как претворение в дело спасительных начал действительного единения сил для борьбы за освобождение Кавказа и образование Конфедерации».

Исходя из вышесказанного, для налаживания более эффективного и тесного сотрудничества необходимо немедленное образование общего органа в лице Временного объединенного центра Азербайджана и Северного Кавказа. Эта временная структура, после присоединения к нему грузинских и армянских организаций, должна быть преобразована в верховный

---

[468] Г. Баммат – Т. Голувко. Париж, 13. 12. 1926 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

общекавказский орган – Кавказский политический центр, которому, в свою очередь, должны быть подчинены все политические центры республик Кавказа.

Президентом центра был избран А. М. Топчибаши, а секретарем – Г. Баммат. В состав центра от Азербайджана входили А. М. Топчибаши, Д. Гаджибейли и Х. Султанов. Со стороны Северного Кавказа – А. М. Чермоев, Г. Баммат, а также черкесы – генерал Константин Хагандоков и Исмаил Шаков[469].

15 января под председательством Топчибаши состоялось совещание представителей Временного объединенного центра Азербайджана и Северного Кавказа, на котором было принято решение добиваться того, чтобы основным кавказским партнером Варшавы была признана эта структура, а не КНК в Стамбуле. С этой целью следовало известить «представителя дружественной державы об образовании Объединенного Центра» и о немедленной «командировке в Варшаву представителя Объединенного центра для личных переговоров о ряде обстоятельств, и в их числе по вопросам финансовой помощи».

В протоколе также фиксировалось, что Объединенный центр будет стремиться к осуществлению секретных операций для установления связи с подпольными организациями, существующими на Кавказе («установление и упрочнение связей и сношений с органами на местах, получение информации и ее использование»)[470].

Данный тезис никак не мог способствовать повышению престижа находящегося в Париже Объединенного центра в глазах поляков, хорошо понимавших, что осуществление по-

---

[469] Декларация Временного объединенного политического центра Азербайджана и Северного Кавказа. Париж, 12. 1. 1927 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 2/1.

[470] Протокол № 1 совещания представителей Временного объединенного Национального центра Азербайджана и Северного Кавказа. Париж, 12. 1. 1927 // Там же. Carton n° 13,14.

добных мероприятий возможно лишь с территории Турции и Ирана.

С целью убедить поляков поддержать Объединенный центр Азербайджана и Северного Кавказа было решено отправить в Варшаву Х. Султанова, которому поручили сделать Голувко подробный доклад о создании и целях, преследуемых Объединенным центром, а также просить об оказании финансовой поддержки его деятельности[471].

Впрочем, эта затея уже с самого же начала вызвала резкое недовольство самого Голувко, который, получив из своих источников сведения о создании этой структуры, расценил ее как попытку раскола кавказских организаций, входящих в движение «Прометей». Особенное недовольство Голувко вызвала попытка Топчибаши и его горских коллег сосредоточить в своих руках полную монополию на руководство кавказскими организациями движения «Прометей», что неминуемо вызвало бы распад с таким трудом налаженной работы в Стамбуле.

Не дожидаясь приезда Султанова, 27 января Голувко отправил Топчибаши довольно откровенное, хотя и, в целом, корректное письмо, где дал понять последнему, что его попытка подмять под себя другие азербайджанские организации не может иметь поддержку Варшавы: «До меня дошли слухи, что взаимоотношения между отдельными группами Кавказа вошли опять в полосу острых споров – и что хуже всего, я не могу понять, в чем суть споров. Поэтому прошу вас очень, будьте любезны сообщить Султанову, что я во второй половине февраля буду в Париже, и буду очень ему благодарен, если он согласиться задержаться в Париже до моего приезда. Он столько времени там сидел, что, думаю, две недели не сделают разницы. Между тем, я думаю, он мне поможет устранить все недоразумения.

[471] Там же.

Как ваше здоровье, дорогой председатель? Будьте любезны влиять миротворно на ваших друзей, ибо верьте мне, что ничто так не дискредитирует кавказский вопрос, как эти постоянные ссоры»[472], – писал Голувко, надеясь вернуть Топчибаши в русло конструктивного сотрудничества с Азербайджанским национальным центром и КНК.

Хотя, несмотря на эти увещевания, Султанов все же выехал в Варшаву, где находился в течение февраля-апреля 1927 г., ему так и не удалось заставить Голувко изменить свое мнение[473].

В результате в начале марта Топчибаши согласился с предложенной ему компромиссной формулой занять пост почетного председателя Азербайджанского национального центра при условии, что практические дела, включая связь с нелегальными антибольшевистскими организациями в Азербайджане, будут сосредоточены в генеральном секретариате, под руководством Расулзаде.

Султанов, глубоко обиженный таким поворотом событий, уехал из Варшавы в Турцию, где, напрочь отказавшись вступить в КНК, занялся коммерческими делами в Анатолии[474], прекратив переписку с Топчибаши на полгода, до очередного обострения отношений последнего с национальным центром.

---

[472] Т. Голувко – А. М. Топчибаши. Варшава, 27. 1. 1927 // Там же. Carton n° 3.

[473] Г. Баммат – Т. Голувко. Париж, 1. 3. 1927; Н. Рамишвили – Т. Голувко. Стамбул, 23. 4. 1927 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

[474] С. Мдивани – Т. Голувко. Стамбул, 20. 5. 1927 // Там же.

§ 7. Активизация деятельности Азербайджанского национального центра и Комитета независимости Кавказа в Турции и Азербайджане

Азербайджанский национальный центр сразу же после создания активизировал свою деятельность, чему в значительной степени способствовали и события, имевшие место в оккупированном большевиками Азербайджане.

5 апреля 1927 г. центр обратился с призывом к азербайджанской нации, возвестив о союзе, заключенном представителями национально-освободительного движения Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, а также о тесных узах солидарности, связывающих их с антибольшевистскими организациями Украины и Туркестана.

Наряду с этим, такой же призыв прозвучал и от имени Загранбюро партии Мусават, призывающий народ Азербайджана объединится вокруг Азербайджанского национального центра и Комитета независимости Кавказа в борьбе за восстановление свободы страны.

По сведениям, полученным М. Э. Расулзаде и его сторонниками из Азербайджана, эти призывы вызвали большую тревогу оккупационных властей. В пропагандистскую кампанию, развязанную большевиками против мусаватистов, включились высшие функционеры местной компартии. На митингах и манифестациях, созываемых из-под палки большевиками, выносились резолюции, осуждающие эмигрантов. Особую тревогу вызывал тот факт, что воззвания АНЦ и КНК последовали за разрывом дипломатических отношений между Лондоном и Москвой, что, со своей стороны, в определенной степени вселяло в народные массы надежду на скорое свержение тирании большевиков. Большевистская пресса обвиняла мусаватистских повстанцев в том, что, пугая население близостью войны, они убеждали крестьян запасаться продовольствием и не сдавать хлеб государству. Оккупанты грозили кровавыми репрессиями, если эта пропаганда не прекратится. Так, по данным,

полученным АНЦ, Мамедхан Мамедханов, высокопоставленный функционер советской администрации в Карабахе, без обиняков заявил крестьянам на созванном большевиками митинге: «Последние события, кажется, породили у вас тайные надежды?

Не упускайте только из виду, что если власть Советов будет вынуждена покинуть страну, она сделает это лишь после того, как предварительно превратит ее в кладбище»[475].

С целью подавить растущее недовольство – в Азербайджане начались массовые аресты. Более 2 000 лиц, среди которых находилось много учителей, студентов, журналистов, крестьян и рабочих, было брошено за решетку. По сведениям, полученным АНЦ в августе, 15 офицеров, 25 преподавателей, 10 закончивших высшие учебные заведения студентов были отправлены в ссылку.

Из 17 офицеров-азербайджанцев, арестованных в начале 1927 г., четверо было расстреляно.

К августу того же года около 200 человек, бежавших от репрессий, находилось в Персидском Азербайджане. По сведениям, поступившим от последних, большевики не могли чувствовать себя уверенно и в сельских районах страны. К маю очередное восстание разразилось в районе Ленкорани, где в столкновениях с карательными отрядами красных повстанцам удалось захватить артиллерийское орудие и несколько пулеметов. Для подавления восстания большевикам пришлось ввести в действие даже корабли каспийского флота, подвергнувшие окрестности Ленкорани, где укрепились повстанцы, артиллерийскому обстрелу[476].

Как писал 11 июля по этому поводу Расулзаде Голувко из Стамбула в Варшаву, представителям АНЦ, имеющим связь с

[475] Bulletin du Comité de l'indépendance du Caucase. Istanbul, 11. 8. 1927 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 119.
[476] Ibidem.

повстанцами, с трудом удалось удержать их, а также доведенную до крайности часть населения от всеобщего выступления, понимая, что без помощи извне восстание будет обречено на кровавое подавление. С целью укрепления связи со страной было принято решение о вызове в Стамбул из Персии ответственного партийного работника, с участием которого был выработан план дальнейших действий. «Решено усилить как агитационную, так и организационную работу» в смысле укрепления в Азербайджане старых, и создания новых подпольных ячеек партии Мусават[477].

В октябре АНЦ получил очередную почту из Азербайджана, содержавшую новые сведения о положении в стране. Согласно им, большевики, желая нанести очередной удар по подпольным ячейкам Мусавата в Азербайджане, «повели массовые аресты среди азербайджанской интеллигенции, а также офицеров-азербайджанцев»[478]. Как писал в связи с этим Расулзаде Голувко, «многие из арестованных высланы на далекий Север; высланы всего 70 лиц, главным образом, активные наши товарищи. Четверо из арестованных расстреляны, среди них – видный деятель партии “Мусават” Дадаш Гасанзаде. Очередной номер “Yeni Kafkasya” вышел с портретами сосланных и казненных.

Несмотря на все это, партийные организации проявляют наибольшую энергию. Мы получаем все больший спрос на литературу; настойчиво требуют идеологических изданий в виде отдельных брошюр и книг. Чтобы удовлетворить это требование, думаем участить отдельные выпуски учрежденной нами “Библиотеки Азербайджанского национального издательства”, которое до сих пор выпустило 5 номеров различных книг.

---

[477] М. Э. Расулзаде – Т. Голувко. Константинополь, 11. 7. 1927 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

[478] М. Э. Расулзаде – Т. Голувко. Константинополь, 25. 10. 1927 // Там же.

Вследствие массовых арестов с одной стороны, и поголовного сокращения и увольнения национальной интеллигенции из государственной службы с другой, некоторые из “сокращенных” учителей поднялись в горы и примкнули к партизанам, которых большевики обычно называют “бандитами”. “Бандитизм” этот все больше увеличивается в стране. Партизаны действуют как в Ленкоранских горах, так и вдоль персидской границы, на берегу реки Аракс. Между нухинскими партизанами и отрядами комсомольцев недавно произошла стычка, в результате чего погибло четверо комсомольцев. Новые отряды партизан появились вокруг Кара-Саккальского канала, что находится в Гянджинском районе. Партизаны водятся даже в Бакинском уезде; отряд “качаков” (партизан) под командованием бывших учителей-офицеров действует в районе Баку.

Несмотря на гонение и репрессии, общее настроение бодрое. Недовольство режимом всеобщее. Недовольны не только “оппозиционеры-националисты”, но даже местные коммунисты. “Уклонизм” в национальном вопросе среди азербайджанских коммунистов все больше разрастается и между ними и нашими устанавливается некоторый контакт.

Приезжий товарищ особо устанавливает оживленную работу среди молодежи. Наши имеют доступ даже в ряды комсомольцев»[479].

---

[479] Там же. Интересные сведения об этих событиях, так же, как и эмиссарах, поддерживающих связь АНЦ с Азербайджаном, приведены в справке ОГПУ: «В конце октября Мамедом Эмин Расулзаде получено из Тавриза письмо, датированное 2 октября. Автором письма является некий студент, бежавший нелегально из Азербайджана в Персию (фамилия его будет сообщена дополнительно) Али Тагизаде.

Являясь повторением информации, данной Тавризскому комитету недавно приезжавшим из Баку в Тавриз студентом Ибрагимзаде Гасаном, вновь полученное письмо интересно тем, что оно вскрывает новое явление в жизни Азербайджана, а именно сильный рост политического бандитизма за счет бегущей из городов интеллигенции. Так, например, указывается банда, оперирующая в районе Гянджи (Гарасакал), уголовная по своему

В результате обмена писем с Голувко было решено сделать акцент на общекавказской солидарности. В частности, на усилении авторитета КНК. Несмотря на то, что турецкие власти просили Расулзаде не давать в «Yeni Kafkasya» резко антибольшевистские статьи, способные вызвать протест Кремля, Расулзаде удалось опубликовать в этом журнале не только текст воззвания КНК к народам Кавказа, но даже несколько статей в защиту этого органа[480].

Эта пропагандистская деятельность и осуществление связи с подпольными организациями в Азербайджане требовала, однако, все больше и больше финансовых средств, доставать которые было не так-то легко. Хотя, судя по сохранившимся документам, Голувко и полковник Шетцель в качестве основных кураторов движения «Прометей» делали все, что было в их силах для обеспечения кавказцев финансовыми средствами, необходимыми для их деятельности, этого далеко не всегда хватало на покрытие все более и более растущих расходов. В июле АНЦ были выделены дополнительные финансовые ресурсы, которых, однако, по словам Расулзаде, хватало лишь на то, чтобы «частично преодолеть эту нужду»[481].

происхождению, но превратившаяся в политическую после присоединения к ней нескольких учителей.

Подчеркнув далее общее недовольство населения советской властью, репрессиями, безработицей, недостатком продуктов (появившиеся очереди за мукой), этот студент в заключение сообщает, что после ареста в Баку Центрального Комитета партии Мусават организовался и уже развивает свою деятельность новый ЦК.

Это последнее известие внесло оживление среди членов Загранбюро, т.к. до сего времени не было никаких решительно сведений о существовании нелегального ЦК». Сообщение ИНО ЗАКГПУ о мусаватистах. 2. 12. 1927 // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 170. Оп. 5. Л. 166.

[480] М. Э. Расулзаде – Т. Голувко. Константинополь, 3. 8. 1927 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

[481] М. Э. Расулзаде – Т. Голувко. Константинополь, 11. 7. 1927 // Там же.

Наглядным свидетельством недхватки средств, испытываемой АНЦ, так же как и другими организациями, входящими в КНК, является случай с бюллетенем Комитета независимости Кавказа, решение об издании которого на французском языке было принято в июне 1927 г., и который должен был содержать ежемесячную сводку событий, имевших место на Кавказе. Выпускаемый ограниченным тиражом бюллетень должен был рассылаться редакциям газет и другим заинтересованным учреждениям, предоставляя им информацию относительно того, что в действительности происходит на Кавказе[482].

Вследствие недостатка средств первый, вышедший в августе номер бюллетеня, был набран на пишущей машинке и, размноженный литографическим способом чрезвычайно ограниченным тиражом, передан в редакции различных газет. Извиняясь по поводу того, что текст бюллетеня не был набран в типографии, С. Мдивани 21 августа писал Голувко, что в дальнейшем Информационное бюро при КНК планирует издавать бюллетень типографским способом[483].

Именно эти финансовые проблемы и стали причиной очередной конфликтной ситуации, возникшей к маю 1927 г. в отношениях между М. Э. Расулзаде и А. М. Топчибаши. В апреле того же года с целью установления необходимой координации и взаимодействия между АНЦ и азербайджанской дипломатической делегацией в Париже в столицу Франции был послан М. Векилли, который, по первоначальному замыслу, должен был вступить в состав делегации в качестве советника. Наряду с прочими вопросами, Векилли должен был обсудить с Топчибаши и проблему урегулирования финансовых взаимоотношений между этими структурами. Так как делегация входила в состав Азербайджанского национального центра в качестве его органа, было предложено перечислять все

[482] С. Мдивани – Т. Голувко. Константинополь, 14. 7. 1927 // Там же.
[483] С. Мдивани – Т. Голувко. Константинополь, 21. 8. 1927 // Там же.

финансовые средства, получаемые ей в рамках опционного контракта с Р. Дамманном, в общую казну АНЦ. Центр, со своей стороны, назначал всем членам делегации в Париже регулярную зарплату (наряду с ней Топчибаши сохранял и 80 долларов, с декабря 1926 г. выплачиваемые ему Варшавой на персональной основе).

Это предложение, однако, вызвало бурные протесты Топчибаши, сразу же понявшего, что в таком случае он лишается основного финансового источника, на котором основываются его амбиции. Не желая дать Векилли повод обвинить его в сугубо меркантильных соображениях, Топчибаши сам перешел в контратаку, заявив, что не признает за АНЦ (который к тому же формально сам и возглавлял в качестве почетного председателя) право требовать у него какой-либо финансовой отчетности. По словам Топчибаши, АНЦ будет иметь легальный характер лишь в том случае, если выборы в него будут проведены на общем съезде представителей всех азербайджанских политических партий и организаций в изгнании. До этого времени единственной легальной организацией, имеющей право представлять Азербайджан за рубежом, является делегация, снабженная мандатом правительства и парламента страны. В силу этого же факта невозможен прием в делегацию нового лица, так как ее личный состав также определен постановлениями правительства и парламента, выдавшими ее членам соответствующие мандаты. К тому же в самом АНЦ представлены далеко не все организации и партии существующие в эмиграции (намек на национал-демократическую партию Х. Султанова). Исходя из этого, АНЦ на самом деле следует называть временным Азербайджанским национальным центром, не имеющим права требовать какой-либо субординации у делегации в Париже[484].

[484] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о группе беспартийных азербайджанцев. 21. 12. 1927 // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 170. Оп. 5. Л. 219-220.

Несмотря на все увещевания Векилли, ссылавшегося на необходимость передачи всех наличных финансовых средств в распоряжение АНЦ для финансирования подпольной связи с Азербайджаном, пропагандистской деятельности и ухода за все более увеличивающимся количеством азербайджанских беженцев в Иране, Топчибаши так и остался при своем мнении.

Возмущенный всем этим Векилли, понимая, что его дальнейшее пребывание в Париже бессмысленно, в начале июля выехал из Франции в Варшаву, чтобы изложить полякам суть возникшей проблемы, а также обсудить вопросы оказания ими помощи АНЦ.

В отличие от его парижской миссии, визит Векилли в столицу Польши протекал чрезвычайно успешно. Так, по данным справки стамбульской резидентуры ОГПУ, самым тщательным образом отслеживающей его деятельность, после прибытия в Варшаву «Мустафа Векилов по несколько раз повидал следующих лиц: заведующего Восточным отделом Министерства иностранных дел Польши Голувко, начальника II отдела Генштаба Шетцеля и украинского политического деятеля Смаль-Стоцкого.

После приезда в Константинополь из Парижа Векилов в частных беседах заявил, что отношение Польши к КНК очень серьезно; сразу же заметно, что помощь Польши не носит эпизодического характера. Украина и Кавказ чрезвычайно интересуют Польшу. Векилова даже поразило столь внимательное и серьезное отношение к КНК со стороны Голувко.

Большим влиянием в Польше сейчас пользуется Шетцель, который занимает должность начальника II отдела Генерального штаба (политический сыск и разведка), и которого называют правой рукой Пилсудского»[485].

В связи с этим 25 октября Расулзаде писал Голувко, что он и его соратники чрезвычайно довольны докладами, сделан-

[485] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о мусаватистах. 5. 11. 1927 // Там же. Л. 92.

ными Векилли относительно своего приема в Варшаве: «Выражаю большую благодарность всех товарищей за моральную и материальную помощь, которую вы оказали и обещали оказать нашему делу»[486].

Еще раньше, 11 октября, состоялось заседание Загранбюро партии Мусават, на котором присутствовал и агент ОГПУ, оставивший нам его подробное описание. Основным вопросом заседания был доклад Векилли относительно азербайджанской делегации в Париже. По словам докладчика, не поскупившегося на самые нелестные эпитеты в отношении Топчибаши и его сотрудников («председатель делегации Топчибашев абсолютно не способен к работе, […] в делегации царит полнейшая неосведомленность, и никто из них ничем не интересуется»), Векилли перешел к сущностным причинам конфликта, выделив три его основных аспекта: «1) мусаватисты и представляющий их в Париже Векилов стоят за оживление работы в Азербайджане. 2) Делегация и возглавляющий ее Топчибашев стоят за выжидательную позицию. 3) О деньгах, находящихся в распоряжении делегации, которые последняя отказывается передать центру и которые она тратит, не жалея, назначив всем членам делегации жалованье»[487].

Первые два пункта суммировали сущность мировоззренческого различия таких двух выдающихся деятелей как Топчибаши и Расулзаде. Потомственный дворянин Топчибаши не придавал подпольной революционной работе большого значения, считая решающим в деле освобождения Азербайджана действия внешних сил. Сын муллы Расулзаде, будучи прирожденным революционером, видел основной фактор достижения национальной независимости в действиях народных масс.

---

[486] М. Э. Расулзаде – Т. Голувко. Константинополь, 25. 10. 1927 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

[487] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о мусаватистах. 5. 11. 1927 // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 170. Оп. 5. Л. 93.

Не толкая азербайджанский народ на явные авантюры, он при этом считал необходимым политически подготовить его ко времени, когда настанет подходящий момент освобождения страны от власти оккупантов. Эта тактика полностью совпадала с точкой зрения польских кураторов движения «Прометей», чем и объяснялась принципиальная поддержка, оказываемая ими Расулзаде.

На основе доклада Векилли Загранбюро была принята резолюция, где выражалось недоверие делегации в Париже, и об этом сообщалось правительству Грузии в изгнании, представителям Народной партии горцев Северного Кавказа и, «пока в очень осторожной форме – полякам».

Наряду с этим, было решено поставить в известность фирму Дамманна «Раймон и К» о неправомочности делегации продлевать опционный контракт от имени правительства Азербайджана[488].

На следующий день, 12 октября, на заседании Азербайджанского национального центра эти положения были подтверждены.

Через два дня состоялось новое заседание Загранбюро, на котором Векилли сделал доклад на тему «Международное положение и Кавказ». На основе своих бесед в Варшаве с Голувко и полковником Шетцелем Векилли дал оценку польской политики в отношении Кавказа в целом, а заодно тактики и стратегического курса, выработанного польскими кураторами в их взаимодействиях с кавказскими организациями, входящими в движение «Прометей».

По словам Векилли, «самую активную роль в поддержке последних играет Польша. Создавая и поддерживая КНК, Польша не ожидает от него каких-либо выступлений в ближайшем же будущем против советской власти. КНК расценивается Польшей как организация, входящая в широкий план польской политики в отношении СССР и на Востоке, и роль

[488] Там же. Л. 94.

которой заключается в будущем в случае осложнения взаимоотношений с СССР или перемены там власти. Поэтому Польша смотрит на КНК только с точки зрения своих собственных интересов. Отсюда вывод, что помощь, оказываемая Польшей КНК, будет являться более или менее постоянной. Сумма, отпускаемая КНК, с 1 января 1928 года будет увеличена до 3 000 долларов в месяц. С 1-го января АНЦ будет получать 500 долларов (до 1 января будет отпущено одновременно 1 000 лир). Более крупная денежная помощь оказывается поляками грузинам. Очень серьезно Польша занята вопросами Украины, и политические деятели последней пользуются сильнейшей поддержкой»[489].

В соответствии с резолюцией Загранбюро партии Мусават и АНЦ, 25 октября Расулзаде сообщил Голувко, что отношение центра и Топчибаши вновь зашли в тупик («очень запутались»). «Он, т.е. Али Мардан-бек Топчибашев, несмотря на свое торжественное вступление в Национальный центр, продолжает вести свою старую политику, особо оппозиционно настроенную против Стамбула, в частности, против Кавказского комитета независимости. Вообще, некоторые элементы в Париже не перестают действовать всеми мерами против налаженной работы в Константинополе. Находясь в атмосфере этой оппозиции, Али Мардан-бек отказывается от выполнения принятых на себя обязательств перед АНЦ; не подчиняется его политическим и финансовым директивам. В результате всего этого мы принуждены были порвать с ним всякую связь и объявить его отныне неправомочным действовать от имени Азербайджана. Считаю не лишним также отметить, что подобное произвольное поведение Али Мардан-бека опротестовывается со стороны всей организованной эмиграции Азер-

[489] Там же. Л. 95.

байджана. Не лишено значения отметить также, что он особо непопулярен в Турции»[490].

Параллельно с этим демаршем 20 октября от имени АНЦ и Загранбюро партии Мусават были направлены письма в Париж на имя Дамманна, содержащие соответствующие разъяснения. Дамманн, однако, передал их никому иному, как самому Топчибаши, которому вместе с другими своими сотрудниками удалось убедить его в том, что в данном случае они имеют дело лишь с корыстными и бессовестными оппозиционерами, враждебно настроенными в отношении возглавляемой им делегации. Единственной легальной структуры, имеющей право говорить от имени Азербайджана[491].

Деструктивная игра, затеянная Топчибаши в Париже, как нельзя некстати совпала с событиями, имеющими судьбоносное значение для деятельности азербайджанских эмигрантов в Турции.

§ 8. Новое наступление ОГПУ в Турции против движения «Прометей»

До 1926 г., когда два новых режима, большевистский и кемалистский, находились в процессе внутренней консолидации, Турция, не проявляющая особой склонности к установлению более тесных взаимоотношений с западными государствами, мало беспокоила большевиков. Вялые протесты последних по поводу деятельности эмигрантов зачастую оставались без всякого ответа со стороны турок. Взамен этого самим большевикам не возбранялось вести против кавказцев борьбу на турецкой территории, в результате чего турецкая контрраз-

---

[490] М. Э. Расулзаде – Т. Голувко. Константинополь, 25. 10. 1927 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

[491] A. Toptchibachy, M. Mehtieff, M. Magerramoff, D. Hadjibeili, A. Atam Alibekoff. A Monsieur R. Dammann. [Saint-Cloud], 5. 11. 1927 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/2.

ведка смотрела сквозь пальцы на эту сферу деятельности агентов ОГПУ. Разумеется, советские агенты в полной мере пользовались и коррупцией местных чиновников.

В 1927 г., после заключения Анкарой ряда договоров с западными державами, отношения Турции с Советским Союзом стали ухудшаться. Кремль, встревоженный сближением Анкары с Англией, а также попытками объединения эмигрантов-кавказцев, предпринятыми поляками, принял срочные меры с целью лишения Варшавы возможности оказывать антибольшевистским организациям Кавказа в Турции эффективную помощь.

С 1927 г. руководство Турции, как страны наиболее удобной для ведения разведывательно-повстанческой деятельности на Кавказе, подвергалось постоянному давлению со стороны Кремля. Советы требовали от Анкары запретить на турецкой территории деятельность антибольшевистских организаций, ссылаясь на Карсский договор о дружбе и добрососедстве 1921 г., а также на советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 г.

Судя по всему, опасения большевиков были вызваны и поступающей к ним по разведывательным каналам информацией о попытках Варшавы воспользоваться создавшимся благоприятным международным контекстом для сближения с Анкарой. По архивным данным, при упомянутых попытках польско-турецкого сближения, поляки придавали немаловажное значение именно прометеевскому аспекту этой проблемы.

Например, согласно тайной информации, поступившей под грифом «совершенно секретно» в Иностранный отдел Закавказского ОГПУ 5 ноября 1927 г., 3 октября того же года «в Константинополь прибыла польская военная миссия, состоящая из профессоров и слушателей-офицеров военного училища польского Генштаба в количестве 22 человек.

Названная миссия прибыла через Румынию, куда она ездила с целью ознакомления с постановкой дела военного обучения и состояния румынской армии в силу наличия между Ру-

мынией и Польшей договора о военном оборонительно-наступательном союзе.

По сведениям, поездка польской военной миссии в Румынию и дальше в Турцию находится в некоторой связи с одновременной поездкой военной миссии другого состава во Францию.

Поездка же ее в Турцию, помимо знакомства с состоянием турецкой армии, имела целью военное сближение Польши с Турцией.

Во главе миссии стоял полковник Завадский (а по сведениям № 5315 – Заневский) – профессор военной академии Генштаба. В состав миссии большей частью входят слушатели академии. Более или менее видными фигурами в составе миссии являются следующие лица: полковник Исрафил Исрафилов – вольнослушатель академии, азербайджанец, майор Стрелецкий – преподаватель академии, майор Коженевский – слушатель, капитан Харашкевич – представитель II отдела Генштаба и т.д.

Миссию сопровождали представители польских министерств: иностранных дел, военного и морского.

Миссия посетила в Константинополе все военные учреждения и учебные заведения, в том числе командира корпуса. Результатами поездки в Турцию весь состав миссии очень доволен, считая, что делу тесного военного сближения Польши и Турции уже положено начало.

По заявлению польского посла в Турции, миссия приехала исключительно с той целью, чтобы подтвердить дружественные отношения между Польшей и Турцией, причем поляки были приняты турецкими властями более дружественно и с большим энтузиазмом, чем этого ожидали поляки»[492].

Чтобы сгладить негативные последствия своего сближения с Западом для турецко-советских отношений, Анкара решила

[492] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о поездке польской военной миссии в Турцию. 5. 11. 1927 // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 170. Оп. 5. Л. 86-87.

пойти на удовлетворение требований Советов, запретив на своей территории деятельность кавказских эмигрантских организаций. В том же году сотрудники грузинской разведывательной организации, находящиеся под руководством С. Мдивани, представителя Грузинского национального центра в КНК были высланы сначала из приграничных районов, а затем и полностью из Турции. Такую же участь разделили члены северокавказской разведывательной организации. По мнению одного из грузинских разведчиков, «эта мера по отношению к кавказским организациям была принята Анкарой исключительно в целях успокоения большевиков. Прежде всего, нужно было показать, что Турция вовсе не интересуется Кавказом, и в будущем со стороны Турции большевикам нечего опасаться»[493].

После этого большевики вновь усиливают давление на Анкару, требуя высылки из страны членов кавказских политических организаций и закрытия их органов печати.

Как и следовало ожидать, один из основных ударов был нанесен по Азербайджанскому национальному центру и журналу «Yeni Kafkasya», который с помощью специальных эмиссаров тайно перебрасывался через иранскую границу и на территорию оккупированного Азербайджана.

Большевики были крайне разражены и тем фактом, что, как уже отмечалось, по инициативе М. Э. Расулзаде в последних номерах журнала было напечатано воззвание КНК к народам Кавказа, а также статьи, призывающие азербайджанцев, грузин и горцев к совместной борьбе против красной оккупации.

Имея точную информацию о деятельности Загранбюро партии Мусават и Азербайджанского национального центра с помощью агента ОГПУ, внедренного в эти структуры, большевики могли оперировать в переговорах с турками конкретной информацией, давая понять Анкаре, что деятельность

[493] Условия работы кавказских организаций в Турции. Без даты. // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 194.

эмигрантов на турецкой территории не является для них секретом.

Во второй половине октября 1927 г., вследствие давления большевиков, Анкара запретила издание на территории Турции журнала «Yeni Kafkasya»[494]. Наряду с этим, на квартире Расулзаде турецкой полицией был произведен обыск с изъятием найденных там документов[495].

Справедливости ради следует отметить, что турецкие власти, находясь под постоянным давлением Кремля, в 1927 г. пять раз предупреждали Расулзаде, прося его не делать в журнале резких заявлений в адрес красной империи. Об этом же, вероятно, так же по поручению турок, предупреждал лидера партии Мусават и азербайджанец Ахмед Агаев (Агаоглу), член Великого национального собрания Турции[496].

Часть членов Загранбюро партии Мусават считала более целесообразным прислушаться к этим советам и выждать. Однако Расулзаде, будучи подлинным революционером и борцом за право своего народа на независимость, не счел возможным молчать в тот момент, когда на его Родине оккупанты самым варварским образом уничтожали лучших сынов Азербайджана.

Несмотря на этот явно недружественный акт турецких властей, Расулзаде не оставлял надежду на возобновление издания журнала. 21 октября на очередном заседании Загранбюро партии Мусават основным вопросом стала проблема возобновления издания журнала. По предложению выступившего докладчиком Расулзаде было решено предпринять соответствующие демарши как в Анкаре, так и в Стамбуле.

---

[494] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о мусаватистах. 2. 12. 1927 // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 170. Оп. 5. Л. 164.

[495] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о созыве азербайджанского национального съезда. 26. 11. 1927 // Там же. Л. 137.

[496] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о мусаватистах. 2. 12. 1927 // Там же. Л. 163.

«В крайнем же случае, в соответствии с турецкими законами печати, согласно которым издание периодической печати допускается явочным порядком, начать издание журнала под другим названием (в качестве таковых намечены два: либо “Кавкасия”, либо “Азербайджан”), подыскав для этого другого официального редактора-тюрка»[497].

25 октября эти предложения были утверждены АНЦ.

На чрезвычайном заседании Загранбюро, состоявшемся 4 ноября, было вынесено постановление – обратиться с ходатайством к Отделу печати Стамбульского вилайета о выпуске журнала под названием «Azeri Türk» («Азербайджанский тюрок») с назначением на пост редактора этого издания М. С. Ахундзаде[498].

При обращении в Отдел печати турки посоветовали Ахундзаде просить разрешение на издание литературно-экономического журнала, так как «вряд ли ему разрешат издание политического органа». По сведениям ОГПУ, турки также якобы сообщили азербайджанцу, что при наличии последнего, гораздо легче будет добиться согласия вали (губернатора) «на издание политического органа, так как тогда вся формальность будет заключаться лишь во внесении соответствующего налога»[499]. Ахундзаде последовал этому совету.

В первой половине ноября у Расулзаде состоялась встреча с приехавшим из Анкары в Стамбул начальником центральной коллегии по печати Экрем-беем, который сообщил, что меры по закрытию «Yeni Kafkasya» следует рассматривать как временные. Если через два месяца будет возбуждено ходатайство о снятии запрещения с издания журнала, «он, Экрем-бей, думает, что ходатайство будет удовлетворено». Вероятно, на это смягчение позиции Анкары повлияли меры, принятые ту-

[497] Там же. Л. 164.
[498] Там же. Л. 167. В тексте документа название планируемого к изданию журнала явно ошибочно указано как «Азергеде».
[499] Там же. Л. 168.

рецким правительством в отношении турецких коммунистических организаций, подвергшихся в это время в Турции основательному разгрому[500].

В связи с этим Расулзаде 29 ноября писал Голувко, что, хотя большевикам и «удалось после долгой борьбы и энергичных демаршей, хотя бы на время добиться закрытия "Eni Kafkasya"», именно в это время турецкой полицией была раскрыта целая сеть большевистских организаций. Определенную роль в этом сыграла и информация, попавшая в турецкую прессу из «Yeni Kafkasya»[501].

§ 9. Очередная активизация оппозиции. Апогей кризиса в Стамбуле и в Париже

С первых месяцев 1928 г. положение Азербайджанского национального центра в Стамбуле, так же, как и других кавказских организаций, входивших в Комитет независимости Кавказа, временно стабилизировалось. С февраля того же года в Стамбуле под редакцией М. С. Ахундзаде стал выходить ежемесячный журнал «Azeri Türk», заменивший собой «Yeni Kafkasya».

Оставалось, однако, укрепить сам АНЦ, авторитет которого расшатывался действиями А. М. Топчибаши в Париже, продолжавшего считать возглавляемую им делегацию не только единственной легальной организацией, правомочной представлять за рубежом интересы Азербайджана, но и руководить национально-освободительным движением в целом.

Для того, чтобы подробно объяснить создавшуюся ситуацию полякам, еще 4 ноября 1927 г. на заседании Загранбюро

---

[500] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о мусаватистах в Турции. 21. 12. 1927 // Там же. Л. 215.

[501] М. Э. Расулзаде – Т. Голувко. Константинополь, 29. 11. 1927 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

партии Мусават было принято решение направить в Варшаву в качестве постоянного представителя национального центра М. Векилли, как отмечалось, уже завязавшего хорошие контакты в польской столице[502].

С весны 1928 г. Векилли находился в Варшаве, постоянно держа Голувко и Шетцеля в курсе событий, происходящих в Турции, Иране и Азербайджане.

Будучи информированным о причинах конфликта между Азербайджанским национальным центром и делегацией одновременно с двух сторон, Голувко, в качестве главного куратора движения «Прометей» по линии польского МИД, решительно встал на сторону первого. Начальник Восточного отдела справедливо полагал, что действия Топчибаши, вне зависимости от целей, преследуемых последним, могут подорвать с таким трудом достигнутое единство кавказских организаций.

К этим мыслям Голувко, несомненно, привели действия самого Топчибаши, который, не желая сидеть сложа руки, продолжал свои попытки подмять под себя все другие азербайджанские организации и тем самым навязать себя Варшаве в качестве главного руководителя азербайджанцев-членов движения «Прометей».

С этой целью Топчибаши установил доверительные отношения с Андреем Левицким, председателем украинского правительства в изгнании, имевшим тесные контакты с Голувко, а также с руководителями Украино-кавказского клуба в Париже. Понимая, что вопрос Украины имеет первостепенное значение для Варшавы, кардинальным образом заинтересованной в создании независимого украинского государства, во время своей встречи с Левицким 15 ноября 1927 г. Топчибаши

[502] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о мусаватистах. 2. 12. 1927 // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 170. Оп. 5. Л. 167.

попросил последнего выступить посредником между ним и Голувко[503].

4 января 1928 г., с целью компрометации М. Э. Расулзаде и АНЦ в целом, а также оправдания своей позиции, Топчибаши передал Левицкому ряд документов, которые последний должен был переслать в Варшаву, либо, в крайнем случае, ознакомить с их содержанием Голувко. Наряду с этим, Топчибаши изложил свою новую инициативу в связи с реорганизацией Комитета независимости Кавказа, а также журнала «Прометей».

Как писал в связи с этим Топчибаши, «Комитет независимости Кавказа должен быть реорганизован в смысле участия в нем представителей также и Украины. Он должен быть подчинен, хотя бы формально, нашим официальным органам в лице Особого совета и перенесен в Париж. Это последнее условие сейчас особенно необходимо, так как выяснилась невозможность сейчас работы подобной организации в Стамбуле. Быть может, положение это временного характера, но закрытие журнала «Yeni Kafkasya» на нашем языке говорит еще больше за перенесение КНК в Париж. Руководство журналом «Прометей» также должно быть передано нашим официальным органам, которые сумеют урегулировать все вопросы по редакции и изданию»[504].

Наряду с этим, Топчибаши просил Левицкого прозондировать у Голувко возможность его поездки в Варшаву для дачи подробных объяснений на месте.

Как и следовало ожидать, эта новая инициатива Топчибаши вызвала резкую реакцию Голувко. Тем более что в начале 1928 г. азербайджанцы в Стамбуле получили возможность издавать журнал «Azeri Türk», что давало надежду на продолжение работы в Турции. К тому же попытка втянуть украин-

---

[503] А. М. Топчибаши – А. Левицкому. Сен-Клу, 15. 1. 1928 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 2/2.
[504] А. М. Топчибаши – А. Левицкому. Сен-Клу, 15. 1. 1928.

цев в оппозиционную деятельность в Париже вносила разлад и в их ряды, что было абсолютно неприемлемо для Варшавы.

20 февраля Голувко направил гневное письмо Н. Рамишвили, которого, видимо, считал координатором кавказских прометеевских организаций в Париже. Осудив в жестких выражениях «безумные споры, ссоры и интриги всех против всех», Голувко сообщил Рамишвили, что он вместе с полковником Шетцелем планируют в середине марта посетить Париж, «чтобы лично разобраться во всех этих скандалах. […] Поэтому будьте любезны повлиять, чтобы до нашего прихода никаких решений не было и чтобы на это время стянуть в Париж возможно больше ответственных лиц. В первую очередь, Расулзаде и Векилова. О поездке Топчибашева в Варшаву перед моим приездом в Париж нет речи», – писал Голувко.

Досталось в письме и украинским эмигрантам, втянутым в кавказские дела тщанием Топчибаши и других оппозиционеров: «Скажите правлению знаменитого клуба Украино-кавказского, что я так на них возмущен, что в Париже пусть меня не приглашают к себе» [505].

Впрочем, Голувко и Шетцель были в Париже уже в начале марта[506]. 15 числа этого месяца состоялась их встреча с Топчибаши, во время которой поляки попытались объяснить последнему создавшуюся ситуацию, а также возможные пути выхода из кризиса[507]. К этому времени в Париже находились также М. Э. Расулзаде и М. Векилли.

Переговоры проходили не совсем гладко. 20 апреля к ним подключился М. Арцишевский, советник польского посольства в Париже, курирующий местные организации движения «Прометей»[508].

---

[505] Т. Голувко – Н. Рамишвили. Варшава, 20. 2. 1928 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 195.

[506] Т. Голувко – А. М. Топчибаши. Париж, 3. 3. 1928 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

[507] А. М. Топчибаши – Т. Голувко. Сен-Клу, 14. 3. 1928 // Там же.

[508] М. Арцишевский – А. М. Топчибаши. Париж, 20. 4. 1928 // Там же.

Основной сложностью являлась не только выработка взаимоприемлемых форм отношений между АНЦ и делегацией, но и вопрос изменения личного состава самого центра, на чем особенно настаивал Топчибаши. Его главным аргументом было то, что в составе центра наблюдается ничем не оправданное господство партии Мусават, в то время как члены других партий и организаций либо не представлены вовсе в этой структуре, либо представлены в недостаточном количестве[509].

Понимая, что все дело заключается лишь в желании Топчибаши максимально ослабить в АНЦ позиции мусаватистов для того, чтобы в дальнейшем взять управление этим органом в свои руки, Расулзаде вновь пошел на уступки, согласившись на то, чтобы партия Мусават и делегация были представлены в центре на паритетной основе. Если раньше в центр входило четыре мусаватиста и три члена делегации, то теперь в АНЦ должны были находиться по четыре представителя с каждой стороны.

В итоге в июне 1928 г. был сформирован Азербайджанский национальный центр второго состава, состоящий из М. Э. Расулзаде (председателя), А. Амирджанова (казначея), А. М. Топчибаши, М. Я. Мехтиева, М. Магеррамова, Х. Хасмамедова, М. Векилли и А. Шейхульисламова. Как и в центре первого состава, свободное место было оставлено для Х. Султанова, который и на сей раз отказался примкнуть к этой структуре[510].

Судя по письму, написанному Расулзаде после своего возвращения из Парижа в Стамбул 20 сентября (перед этим он на неделю заехал в Варшаву), председатель АНЦ пытался быть максимально тактичным в отношении Топчибаши:

---

[509] А. М. Топчибаши, Дж. Гаджибейли, А. Шейхульисламов – Азербайджанскому национальному центру. Сен-Клу, 21. 8. 1929 // Там же.

[510] Информация М. Э. Расулзаде о составе Азербайджанского национального центра в 1927-1936 гг. // Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем. С. 249.

«В Варшаве виделся с нашими друзьями, они особо подчеркнули свое удовольствие оказать посильную помощь нашему освободительному движению. На них произвели наилучшее впечатление вести о нашем соглашении. Они поздравили меня по поводу нашего единения», – сообщил он Топчибаши. Касаясь взаимоотношений между АНЦ и делегацией, Расулзаде, понимая, что малейшая некорректность может вызвать непредсказуемо-болезненную реакцию стареющего Топчибаши, пытался быть максимально учтивым, прося лишь о соблюдении элементарных формальностей: «По смыслу нашего постановления на последнем заседании делегации проект бюджета должен был быть послан на утверждение Милли Меркез (Национального центра. – *Г. М., Р. А.*). Правда, я доложил об этом, но этого мало. По формальным соображениям следовало бы вам, как председателю делегации, письменно сообщить об этом и было бы очень целесообразным, если бы вы нашли нужным и при присылке сего проекта начертили бы несколько вступительных строк по адресу секретариата Милли Меркеза, что [по]служило бы началом нормальных взаимоотношений между центром и делегацией» [511].

Впрочем, сразу же по своему возвращению в Турцию Расулзаде ждали плохие вести.

19 сентября, вследствие постоянного давления большевиков, турецкие власти были вынуждены пойти на высылку из страны С. Мдивани, члена Грузинского национального центра и его представителя в Комитете независимости Кавказа. Хотя польские представители лично вмешались в это дело, Анкара так и не отменила своего решения. Вероятно, турецкие власти были раздражены попыткой трех членов грузинской разведывательной организации, ранее уже высланных из Турции, не-

[511] М. Э. Расулзаде – А. М. Топчибаши. Стамбул, 4. 10. 1928 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°1/2.

легально вернуться на турецко-грузинскую границу[512]. Доведенные до отчаяния эмигранты планировали, в крайнем случае, перейти границу. Таким образом, формально находясь на территории Грузии, они думали сохранить связь с действующими там подпольными организациями.

Еще с 1927 г., после высылки сотрудников грузинской разведывательной организации из Турции, Грузинский национальный центр поставил перед поляками вопрос о переносе местопребывания Комитета независимости Кавказа из Стамбула в другое место. Мотивировалась эта просьба тем, что в создавшейся ситуации грузинская секция комитета лишена возможности каких-либо действий на турецкой территории.

Первоначально эта идея не встретила понимания не только азербайджанцев и северокавказцев, но и самих поляков. Азербайджанцы и горцы, обладавшие на территории Турции крупными диаспорами, желали и впредь сохранить комитет в Стамбуле. Поляки были кровно заинтересованы не только в пропагандистской, но и в разведывательной деятельности кавказцев.

Так, оценивая высылку Мдивани, Расулзаде писал Топчибаши, что расценивает это «безусловно, как вопиющий факт, которым огорчены до глубины души мы все. Нельзя не возмущаться этим фактом.

И нельзя не ощущать всю тяжесть удара, нанесенного этим делу освобождения Кавказа. Но, не смотря на все это, в оценке истинного смысла этого события между нами и горцами с одной стороны, и грузинами с другой, имеется разница. Они, как непосредственные объекты нанесенного удара, склонны видеть в этом коренную политику турецкого правительства по отношению к Кавказу. Делая такую оценку, грузины считают

[512] Ш. Амиреджиби – Н. Жордания. Стамбул, 2. 10. 1928. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 194.

для себя больше невозможным принять участие в Кавказском комитете и будто бы требуют переезда КК в Париж.

Должен вам сообщить, что один их представитель находится здесь, и он имеет возможность работать. Наше мнение такое, что преждевременно судить о характере события в такой категорической форме. Тут можно видеть, с одной стороны, озлобление турецкой полиции тем, что грузинами обратно введены были в Турцию лица, уже высланные за пределы Турции под чужими паспортами.

Конечно, имела, должно быть, безусловно, влияние интрига большевиков. Факты, как высылка Мдивани, имели и раньше место. Закрытие «Yeni Kafkasya» не меньший факт. Тем не менее, нам удалось издать «Azeri Türk». Можно допустить, что если не Мдивани, то другому какому-нибудь грузину удастся приехать и продолжить работу.

Сообщаю вам к сведению наше мнение в вопросе переноса съежа[513] КК – оно самое отрицательное. Комитет должен остаться здесь. Выезд его отсюда вполне может дезорганизовать общее дело и совершенно изменить характер органа»[514].

Под грузинским представителем, который в то время находился в Стамбуле и «имел возможность работать», Расулзаде имел в виду Ш. Амиреджиби, члена Грузинского национального центра, временно назначенного на этот пост вместо Мдивани. Амиреджиби удалось подключить к делу не только М. Э. Расулзаде и С. Шамиля, но и Д. Сейдамета, бывшего председателя парламента Крыма и другого видного руководителя организации «Прометей».

В ходе неофициальных консультаций Расулзаде получил заверения от ряда турецких ответственных лиц, что при условии строгого соблюдения конспирации кавказцы и в дальней-

[513] Siège (фр.) – местопребывание.

[514] М. Э. Расулзаде – А. М. Топчибаши. Стамбул, 4. 10. 1928 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°1/2.

шем смогут продолжить работу на турецкой территории[515]. Обнадеженный этими обещаниями, Расулзаде писал в октябре Рамишвили, что после начала издания журнала «Azeri Türk» отношение Турции к грузинским эмигрантам так же улучшится, в результате чего «и вам удастся, так или иначе, иметь здесь своих людей, которые могли бы продолжать работу Мдивани». В конце письма лидер партии Мусават просил Рамишвили «во-первых, в интересах общего дела воздержаться от излишней огласки этого инцидента... Во-вторых, не торопиться с решением по этому поводу, ибо скоропалительное решение может оказаться пагубным для нашего общего дела; и в третьих, не возбуждать вопроса о перемене местонахождения Кавказского комитета – хотя бы временно – из Константинополя»[516].

Через месяц, однако, разразился новый кризис, еще более ухудшивший и без того незавидное положение борцов за независимость Азербайджана на территории Турции.

Недовольные решением о реорганизации органа управления Мусават, два члена Загранбюро этой партии, Х. Хасмамедов и Ш. Рустамбейли, пошли на раскол ее рядов, образовав «выделившуюся в самостоятельную организацию часть партии Мусават». Так как двое упомянутых деятелей одновременно являлись представителями Мусават в Азербайджанском национальном центре, кризис в партии автоматически перекинулся и на АНЦ. В соответствии с решением Загранбюро, принятым по инициативе Расулзаде, решившим всеми мерами бороться с любыми попытками по дезорганизации и нарушению партийной дисциплины, Хасмамедов и Рустамбейли, будучи исключенными из состава стамбульской пар-

[515] Ш. Амиреджиби – Н. Жордания. Стамбул, 20. 10. 1928. (на груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 194.

[516] М. Э. Расулзаде – Н. Рамишвили. Париж, 15. 10. 1928 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 73-74.

тийной организации, были отозваны из национального центра и заменены другими членами партии Мусават[517].

Не признав правомочности этого решения, Хасмамедов и Рустамбеков тут же заявили, что входили в состав Азербайджанского национального центра не на партийной, а на персональной основе, в результате чего партия не имеет права отзывать их из АНЦ. Они тут же блокировались с представителями непримиримой оппозиции, группирующейся вокруг Х. Султанова.

14 декабря 1928 г. представителями «выделившейся в самостоятельную организацию части партии Мусават», национально-демократической партии Х. Султанова, а также «беспартийной группы азербайджанской интеллигенции» была принята резолюция, требующая коренной перестройки Азербайджанского национального центра на выгодных им началах.

В резолюции отмечалось, что созданный два года назад АНЦ «за не вхождением в состав его всех политических группировок является неполным, не отражая в себе всех политических течений, существующих в эмиграции и на Родине».

В заключение документа отмечалось, «что такое положение создавало в организации возможность для отдельных личностей и групп использовать национальный центр больше для узкоэгоистических целей». Единственным выходом является образование центра на основе «широкой коалиции», что, со своей стороны, «может придать устойчивость и поднять авторитет национального центра» [518].

---

[517] М. Э. Расулзаде – Т. Шетцелю. [Варшава], 16. 1. 1929 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 33.

[518] Резолюция, принятая на совещании представителей: 1) Выделившейся в самостоятельную организацию части партии Мусават (Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли, М. Садык, Г. Фаттахли, М. А. Рафизаде); 2) От национально-демократической партии (Х. Султанов); 3) От беспартийной группы азербайджанской интеллигенции (А. Амирджанов, А. Шамхорлы, М. Зейналов, М. Каджар, С. Векилов). Стамбул, 14. 12. 1928 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°9/2.

Надеясь заручиться поддержкой поляков, Хасмамедов и Рустамбейли обратились в посольство Польши в Стамбуле, добившись приемов у посла и М. Ижицкого, сотрудника стамбульской резидентуры Экспозитуры II, курирующего по линии своего ведомства действующие на территории Турции кавказские организации движения «Прометей»[519].

Хотя, как и следовало ожидать, Голувко и Шетцель тут же высказались в поддержку действий Расулзаде, этот кризис вновь существенно ослабил позиции азербайджанских эмигрантов в Турции. В глазах турецких властей, под давлением советов и без того все больше и больше склоняющихся к запрещению деятельности азербайджанских антибольшевистских организаций на своей территории, кризис в АНЦ служил лишним доказательством неспособности эмигрантов к какой-либо согласованной работе.

Еще более усугубил кризис в Стамбуле и тот факт, что в надежде изменить состав АНЦ в свою пользу, введя в него на персональной основе представителей приемлемых для него организаций, Топчибаши вновь встал в оппозицию к национальному центру, поддержав действия Хасмамедова, Рустамбейли и Султанова. Хотя по состоянию все более ухудшающегося здоровья это и не соответствовало его объективным возможностям, Топчибаши продолжал надеяться, ослабив в АНЦ позиции партии Мусават и Расулзаде, сосредоточить в своих руках фактическое управление азербайджанскими организациями, поставив Варшаву перед свершившимся фактом. Эта позиция Топчибаши, со своей стороны, вызвала раскол в возглавляемой им делегации.

20 декабря на заседании делегации советники М. Я. Мехтиев и М. Магеррамов категорически отказались подписать составленный Топчибаши текст письма к Расулзаде, в котором от имени всей делегации выражалась поддержка действий оп-

[519] М. Э. Расулзаде – Т. Шетцелю. [Варшава], 16. 1. 1929 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 33-34.

позиционеров. В письме предлагалось расширить состав АНЦ на персональной основе с привлечением в него представителей оппозиционной группировки Х. Султанова и беспартийных. В то время как Топчибаши предлагал подчеркнуть «как можно резче» недопустимость исключения из АНЦ Хасмамедова и Рустамбейли, якобы избранных туда на персональной основе, Мехтиев и Магеррамов поддержали Расулзаде, вполне резонно заявив, что считают недопустимым вмешиваться в конфликт в Стамбуле на чьей-либо стороне, ибо делегация должна оставаться на строго нейтральных позициях[520].

Топчибаши, однако, решил идти напролом, игнорируя мнение собственных сотрудников.

7 января 1929 г. он от имени всей делегации направил письмо оппозиционерам в Стамбуле, принявшим пресловутую резолюцию от 14 декабря 1928 г., полностью одобряя их действия: «Восторженно делегация встретила соответствующее ее всегдашнему желанию начало о необходимости объединения с участием всех активных азербайджанских сил за рубежом и, конечно, “без гегемонии отдельных личностей и групп” [...]» – подчеркивалось в тексте письма[521].

Параллельно с этим Топчибаши обратился с пространным письмом лично к Расулзаде, осудив его действия и категорически потребовав от него принятия в состав АНЦ представителей оппозиционных организаций: «В каком бы виде не функционировал в дальнейшем Милли Меркез – в первоначальном составе, или вынужденно был бы образован новый Милли Меркез, как об этом пишут из Стамбула, – вопрос о

[520] Протокол заседания делегации от 20. 12. 1928 г.; М. Я. Мехтиев, М. Магеррамов, А. Атамалибеков, А. М. Топчибаши. Сен-Клу, 27. 12. 1928 // CERCEC. EHESS. Archives d’Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°9/2.

[521] А. М. Топчибаши. Господину председателю объединенного совещания представителей азербайджанских партий в Стамбуле: 1) Выделившейся в самостоятельную организацию части партии Мусават; 2) Национально-демократической партии и 3) Беспартийной группе азербайджанской интеллигенции. Сен-Клу, 7. 1. 1929 // Там же.

принятии представителей означенных групп и организаций должен быть разрешен в положительном смысле»[522].

Не ограничиваясь этим, Топчибаши решил обратиться и к полякам.

7 января 1929 г. А. М. Топчибаши и А. Шейхульисламов в качестве членов АНЦ обратились с письмом к Голувко. Осуждая «произвол» М. Э. Расулзаде и М. Векилли, не только исключивших оппозиционеров из АНЦ, но и к тому же монополизировавших финансовую помощь, оказываемую Варшавой национальному центру в рамках движения «Прометей», Топчибаши и Шейхульисламов просили поляков переводить деньги на счет кассира АНЦ А. Амирджанова, перешедшего на сторону оппозиционеров[523].

Судя по письму, выведенные из себя деструктивными действиями оппозиционеров и не видя другого способа прекращения дезорганизации в АНЦ, поляки решили прибегнуть к мерам финансового давления. С этой целью они сосредоточили финансовую помощь, оказываемую АНЦ в руках Расулзаде и партии Мусават.

Возмущенные поведением Топчибаши Мехтиев и Магеррамов, а также секретарь делегации А. Атамалибеков в знак протеста решили бойкотировать Али Мардан-бека, отказавшись от участия в совещаниях делегации.

К марту 1929 г. положение удалось временно стабилизировать. Вследствие мер финансового давления Варшавы, однозначно поддержавшей в этом споре Расулзаде, Азербайджанский национальный центр смог возобновить свою работу в Стамбуле. После этого руководители центра обратили внимание и на ситуацию, сложившуюся в азербайджанской дипломатической делегации в Париже. Понимая, что Топчибаши не откажется от своего поста, ему вновь был предложен ком-

[522] М. А. Топчибаши – М. Э. Расулзаде. Сен-Клу, 18. 12. 1928 // Там же.
[523] А. М. Топчибаши, А. Шейхульисламов – Т. Голувко. Сен-Клу, 7. 1. 1929 // Там же.

промисс, в результате которого Расулзаде и поляки надеялись восстановить дееспособность этой структуры. Сохраняя звание председателя дипломатической делегации в Париже и, следовательно, финансовые субсидии, выдающиеся ему Варшавой, Топчибаши должен был уйти в бессрочный отпуск, сохранив за собой представительские функции, но при этом уступив всю активную работу другим членам делегации[524].

К компромиссу склонялся и сам Топчибаши, дела которого в то время обстояли весьма плачевно. Денежный ручеек, поступавший в кассу делегации от опционного контракта Дамманна, вот-вот должен был прекратиться, что ставило этот орган в окончательную финансовую зависимость от Варшавы. К тому же здоровье Топчибаши также оставляло желать лучшего. В январе-феврале 1929 г. он перенес два тяжелых гриппа. Подозревая наличие микро инсульта (постоянные жалобы Топчибаши на приливы крови к голове и перебои сердца) врачи настоятельно советовали ему на длительное время прекратить заниматься интеллектуальной деятельностью, подчинив себя строгому режиму[525].

В итоге Топчибаши принял предложение Расулзаде, отправив по этому поводу соответствующие сообщения в посольства различных стран, а также уведомив об этом другие кавказские политические организации.

Эта история, однако, имела печальное продолжение. Буквально через три месяца Топчибаши уже в который раз изменил свое решение, и вновь вернулся к активной работе, разослав 7 июня представителям аккредитованного в Париже дипкорпуса, а также кавказским организациям и польским кура-

[524] M-J. Mekhtieff, M. Mageramoff, A. Atamalibekoff. A Monsieur A. M. Toptchibachi (president de la délegation d'Azerbaïdjan). Paris, 12. 6. 1929 // Ibidem. Carton n°9/2.

[525] А. М. Топчибаши, А. Шейхульисламов, Дж. Гаджибейли – Х. Хасмамедову, А. Амирджанову и Ш. Рустамбейли. Сен-Клу, 18. 5. 1929 // Там же. Carton n°4/2.

торам движения «Прометей» ноты о том, что он выздоровел и вступил в исполнение своих функций.

Судя по сохранившимся архивным документам, причиной этого очередного volte-face[526] Топчибаши были как личные амбиции (он, видимо, опасался, что со временем может лишиться и своих формальных привилегий), так и очередная активизация стамбульской оппозиции. В частности, в противовес Азербайджанскому национальному центру в Стамбуле был создан т. н. Временный комитет национальной независимости Азербайджана в составе представителей азербайджанской прессы, национал-демократической партии и азербайджанской колонии в Стамбуле[527].

Х. Султанов, будучи одной из главных движущих сил стамбульской оппозиции, забросал Топчибаши письмами, в которых, сообщая об «успехах» объединения оппозиционеров в Стамбуле, нещадно эксплуатировал его амбиции, призывая провозгласить делегацию главным руководящим органом Азербайджана в эмиграции.

Подобная лихорадочная деятельность оппозиции в Стамбуле в то время, когда Анкара вот-вот должна была окончательно решить судьбу кавказских политических организаций на своей территории, позволяет усматривать в ней невидимую руку советских спецслужб, с помощью своей агентуры ловко манипулирующей амбициями оппозиционеров.

19 июня выведенный из себя М. Векилли писал полковнику Шетцелю, что «теперешнее же поведение г. Топчибашева не только не патриотично, но и просто не серьезно. Ведь это какая то безответственная игра в политику». Справедливо отметив, что «самым радикальным средством» для урегулирования этой проблемы, «является прекращение того “персо-

[526] Volte-face (фр.) – резкое изменение взглядов.

[527] Déclaration du Comité de l’indépendance national de l’Azerbaïdjan. Septembre 1929. CERCEC. EHESS. Archives d’Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°4/2.

нального вопроса", который вот уже столько времени установлен, к сожалению, в отношении г. Топчибашева», Векилли выступал со следующим предложением: «Не нашли бы вы, г. полковник, нужным и правильным передать этот известный вам "персональный вопрос" Топчибашева всецело нашей делегации, чтобы – делегация поступала бы в дальнейшем в этом вопросе по своему усмотрению? […]. На эту тему я имел тут подробную беседу с паном Т. Голувко, который вполне согласился с нашими доводами и заявил мне, что при такой позиции г. Топчибашева азербайджанская делегация может не выдавать ему больше суммы в 80 [долларов] и может распоряжаться ей по своему усмотрению» [528].

Споры, с новой силой разгоревшиеся среди эмигрантов весной 1929 г., все больше и больше убеждали Варшаву в необходимости переноса центра тяжести деятельности эмигрантских организаций в Европу. Тем более что к этому времени власти Анкары фактически парализовали деятельность Комитета независимости Кавказа в Стамбуле, в результате чего последний превратился лишь в орган, занимающийся распределением средств, получаемых от поляков. Не оправдались и надежды Расулзаде на возможность возобновления деятельности грузинских представителей в Стамбуле.

Посетивший в мае 1929 г. Стамбул Голувко лично выразил Расулзаде неудовольствие по поводу существующего положения. По его мнению, после высылки из Турции грузинских представителей деятельность Комитета независимости Кавказа приобрела фиктивный характер, выражавшийся, в основном, в распределении финансовых средств, получаемых от Варшавы, а не в практической деятельности. Таковой Голувко считал обработку общественного мнения в Турции и Иране в пользу кавказской независимости, так же как и проведение разведывательных операций. Издание ежемесячного журнала

[528] М. Векилли – Т. Шетцелю. Варшава, 19. 6. 1929 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 38-39.

«Azeri Türk» (редактор которого М. С. Ахундзаде к тому же находился в стане стамбульских оппозиционеров) не оправдывало расходы на содержание членов комитета в Стамбуле. «Этим делом мы можем заниматься и в Варшаве», – прозрачно намекнул он на возможность переноса местопребывания комитета. С целью демонстрации явного неудовольствия Варшавы и оказания давления на азербайджанцев Голувко сократил финансовую помощь, выплачиваемую членам комитета, пригрозив, что если так будет продолжаться и в будущем, поляки вообще прекратят финансировать деятельность КНК[529].

1 июня на квартирах М. Э. Расулзаде и С. Шамиля в Стамбуле были проведены обыски, в ходе которых, по свидетельству Х. Султанова, вхожего в спецслужбы страны, турецкой полицией было изъято множество документов[530].

Стало ясно, что перспектив на возобновление в обозримом будущем активной деятельности КНК до тех пор, пока он находится на территории Турции, не существовало.

В начале августа Рамишвили писал Расулзаде и Шамилю, что по причине «решительно советофильской» позиции Турции он считает необходимым перенос местопребывания комитета в Париж. Осуждал он и тот факт, что азербайджанская и северокавказская секции комитета соглашаются на получение денег от Варшавы, независимо от грузинской секции: «Это свидетельствует об отсутствии солидарности, что ставит вас в большую зависимость от поляков». Если к 15 августа азербайджанцы и горцы не согласятся на перенос местопребывания

[529] А. Менагаришвили – Н. Рамишвили. Стамбул, 13. 5. 1929. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 132.
[530] Х. Султанов – А. Чхенкели. Стамбул, 10. 6. 1929 // Там же. Bobine 195.

комитета в Париж, грузинская секция будет вынуждена официально выйти из КНК[531].

Следует отметить, что разногласия по поводу местопребывания комитета имелись и среди поляков. Так, 6 августа Ян Гавроньский, первый секретарь посольства Польши в Турции, ответственный за Прометеевское движение в этой стране, рекомендовал Голувко временно согласиться на пребывание Комитета независимости Кавказа в Стамбуле, хотя бы и без грузинской секции. Абсолютным приоритетом являлось сотрудничество с Турцией, с территории которой только и была возможна деятельность на Кавказе. Размышляя о будущих перспективах, Гавроньский полагал, что даже в том случае, если деятельность Комитета независимости Кавказа на территории Турции «не будет возможна сегодня, то, однако же, ввиду непрерывной эволюции турецкой политики и мысли, нет никакого сомнения, что она будет возможна завтра»[532].

Так как азербайджанцы и горцы по-прежнему противились переносу комитета с территории Турции, 17 августа 1929 г. Грузинский национальный центр принял постановление о выходе грузинской секции из состава Комитета независимости Кавказа.

Впрочем, в конце принятого постановления подчеркивалось, что в будущем, при наличии соответствующих условий, Грузинский национальный центр готов вести переговоры «для объединения революционной работы на Кавказе и для Кавказа, и для ее соответственного организационного оформления»[533].

---

[531] *Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И.* Организация «Прометей» и «прометеевское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. С. 365.

[532] Там же. С. 366.

[533] Резолюция Грузинского национального центра. Париж, 17. 8. 1929 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 194.

§ 10. Насильственная коллективизация на Кавказе и ее влияние на азербайджанскую эмиграцию

С 1930 г. волны новых восстаний захлестывают Кавказ. Эти вызванные насильственной коллективизацией восстания, не будучи должным образом скоординированными, как правило, потоплялись большевиками в потоках крови. По свидетельствам архивных документов, эмигранты-участники движения «Прометей» полностью отдавали себе отчет в трагедии, постигшей их народы. Данные, которыми они располагали, подтверждаются отныне и советскими источниками, ставшими доступными для исследователей после распада СССР.

Как вспоминал Н. Байрамлы, один из руководителей азербайджанских повстанцев, общее количество вооруженных партизан на Южном Кавказе в это время доходило до 10 000 человек. По его оценкам, в случае получения оружия и боеприпасов, число повстанцев вполне могло бы быть увеличено до 100 000. Наибольший размах повстанческое движение получило в Азербайджане, где «за исключением нескольких больших городов вся страна довольно продолжительное время находилась в руках повстанцев»[534]. Хотя это утверждение и может показаться преувеличением, несомненно, что в сельских районах Азербайджана власть большевиков была минимальной, принимая во внимание тот факт, что даже представители местной администрации зачастую присоединялись к повстанцам.

Так, согласно письму, тайно полученному Грузинским национальным центром из оккупированной Грузии, «уже первая кампания по коллективизации весной 1930 г. натолкнулась на активное сопротивление в этой стране. Движение носило особенно жестокий характер в ее восточных районах. По этой

[534] *Байрамлы Н.* Партизаны на Кавказе // *Гулиев В.* Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-ые годы XX века). С. 312, 313.

причине экспедиционные корпуса были направлены в Борчалинский, Караязский и другие районы. Вооруженные крестьяне нанесли им тяжелые потери. Движение не было подавлено и после знаменитого "отступления" Сталина. Местные большевистские власти были вынуждены вступить в переговоры с восставшими районами, заключив с ними перемирие. Руководители повстанческого движения были вынуждены бежать в Турцию. Крестьянские массы вернулись к своим мирным занятиям»[535].

Эмигранты отнюдь не преувеличивали. Даже отчеты ОГПУ отмечали взрыв антисоветских настроений на Кавказе, где большинство крестьян оказало политике насильственной коллективизации яростное сопротивление. Так, в составленной осенью 1931 г. справке об активизации антибольшевистских элементов в Закавказье, руководство ОГПУ было вынуждено признать: «В течение 1930 г. в Азербайджане имели место массовые вооруженные восстания в Гянджинском, Нухинском, Закатальском и Карабахском районах и в Нахичеванской АССР. Восстания, в значительной мере, являлись результатом допущенных на местах перегибов при проведении коллективизации и других кампаний. В восстаниях приняли участие не только значительная часть бедноты и середнячества, но и некоторые советские работники, партийцы и комсомольцы. В Гянджинском районе на стороне повстанцев активно

[535] Lettre de Géorgie. 25. 8. 1931 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 60. 2 апреля 1930 г. Беллан, сотрудник консульского отдела Франции в Тебризе, сообщал в Париж, что «судя по новостям, распространяемым беженцами, идущими из Закавказья, население Нахичевани, Зангезура, Карабаха и Дагестана взялось за оружие с целью воспрепятствовать осуществлению плана коллективизации, навязанного московским правительством». См.: L. Bellan (premier drogman, chargé du consulat de France à Tauris). Note à A. Briand, ministre des Affaires étrangères de la France, sur la situation en Transcaucasie. Tauris, 2. 4. 1930 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 1093 URSS (Nationalités et régionalisme). Fol. 6.

участвовало 70 членов партии, 88 комсомольцев, 14 работников милиции.

Безобразный, бессмысленный характер допускавшихся перегибов ярко проявляется в имевшем место в селении Чай-Абасы Гянджинского района расстреле мирного населения. При изъятии скрывшихся в указанном селении 8 бандитов отрядом 4-го стрелкового полка были зверски расстреляны 19 февраля 1930 г. около 30 человек, т.е. все жители селения. Дома и другие постройки подожжены, имущество разгромлено. В числе расстрелянных находилось 14 детей, из них 9 в возрасте от 2 до 6 лет. Кроме того, 4 грудных ребенка были брошены привязанными к трупам матерей и умерли от голода и холода. При обследовании места расстрела были обнаружены остатки костра, на котором лежало пять трупов, в том числе 3 детских. Один из трупов сгорел почти совершенно, осталась одна голова»[536].

Как впоследствии вспоминал один из участников этих событий, бои в Закатальском районе продолжались 22 дня. «Шесть аулов было совершенно уничтожено большевиками». Повстанцы потеряли 300 человек, но потери карателей были еще более значительными.

В Караязском районе, где количество повстанцев доходило до 240 человек, в марте 1930 г. также разразились кровавые бои. Хотя части карателей насчитывали в своем составе около 4 000 человек, им в то время так и не удалось сломить сопротивление партизан. Потеряв около сотни человек, красноармейцам пришлось временно отступить[537].

Эти дикие и кровавые репрессии против мирного населения только усиливали кавказское движение сопротивления.

---

[536] См.: ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 гг. Составители: Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Москва. 2005. С. 673.

[537] *Байрамлы Н.* Партизаны на Кавказе // *Гулиев В.* Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-ые годы XX века). С. 312-313.

Согласно отчетам ОГПУ, деятельность партизан была частично координирована азербайджанскими эмигрантскими организациями.

По данным другого отчета ОГПУ от 7 октября 1931 г., «в пограничной с АССР полосе на персидской территории сконцентрированы эмигрантские группы, контрреволюционные центры партий "Мусават" и "Иттихад", а также ряд закордонных банд, ведущих активную работу на нашей территории. За последнее время (август-сентябрь) активность закордонных банд особенно возросла, что нашло свое выражение в налетах на нашу территорию»[538].

Анализируя причины столь массового характера выступлений и восстаний населения против большевиков, М. Э. Расулзаде справедливо объяснял их национальной спецификой Азербайджана и в целом Кавказа.

«Ведь "уничтожение кулака, как класса" в условиях Азербайджана и всего Кавказа означало бы ничто иное, как поголовное истребление главной массы населения. Ведь 60 % сельского населения в Азербайджане принадлежит к той категории лиц, которые подлежат "раскулачиванию". Ведь здесь коллективизировалось и животноводство.

Кавказ никогда не знал института общинного землевладения. Это – явление русской жизни. К тому же эксперименты производились руками советских чиновников, которые на 70 % состоят из не азербайджанцев. Принудительной же силой "революции" была русская – красная оккупационная армия.

В такой обстановке "антиколхозное" выступление крестьянства носило бы не только антисоветский, но и антиоккупационный, т.е. антирусский характер. Социально-классовый момент вполне совпадал с национальным. Установлено, что повстанцы требуют не только отмены коллективизации, но и восстановления своей национальной власти. Тот факт, что местные красноармейцы массами переходили на сторону пов-

[538] ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 гг. С. 670.

станцев, и милиция всегда оказывалась неблагонадежной, а также то, что даже местные коммунисты идут в партизаны – разве не доказывает справедливость нашего утверждения!»[539].

Эти восстания позволяли многим эмигрантам надеяться на скорый конец советского режима. Для них СССР Сталина все еще оставался большевистской Россией 20-х годов, хаотической страной, охваченной анархией. Так же, как и подавляющее большинство западных руководителей, они не представляли себе истинную суть беспрецедентного в мировой истории сталинского тоталитаризма, безжалостной железной рукой охватившего их страны. Удрученные сведениями, поступающими с Кавказа, эмигранты удвоили свои усилия с целью воссоздания Комитета независимости Кавказа.

§ 11. Варшавская конференция и реорганизация прометеевских структур в Париже

Сделать это было не так-то легко, так как деятельность не только вынужденных временно покинуть КНК грузин, но и все еще входивших в эту структуру азербайджанцев и горцев, со второй половины 1929 г. на турецкой территории все более осложнялась. После проведенных 1 июня на квартире М. Э. Расулзаде и в офисе редакции журнала «Azeri Türk» обысков, в результате которых турецкой полицией было конфисковано много документов КНК и Азербайджанского национального центра, власти начали расследование по «делу национальных документов» из-за чего и сам Расулзаде находился под следствием. Опасаясь высылки из страны и стремясь сохранить возможность действий на территории Турции, Расулзаде обратился к турецким властям с просьбой о предоставлении ему турецкого гражданства. Анкара, однако, сознательно затяги-

[539] *Расулзаде М. Э.* Под лозунгом единства Кавказа // *Гулиев В.* Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-ые годы XX века). С. 26.

вала приятие решения по данному вопросу, так как, «находясь в таком неопределенном, подвешенном состоянии, М. Э. Расулзаде уже никак не мог заниматься эмигрантскими делами»[540].

Более чем вероятно, что с помощью подобного жеста власти Анкары хотели послать Расулзаде предупреждение: в случае принятия турецкого гражданства – ему следовало в дальнейшем отказаться от какой-либо политической деятельности.

Не случайно, по данным попавшего в руки ОГПУ документа турецких спецслужб, составленного в декабре 1929 г., МВД Турции сообщало своим подразделениям в Стамбуле, что деятельность Комитета независимости Кавказа на территории страны «разрешена быть не может, и если они (комитетчики) будут продолжать ее, то будут высланы из Турции»[541]. Представители турецкой контрразведки соглашались иметь связь с Расулзаде лишь в случае соблюдения им строжайшей конспирации (малоубедительное требование, принимая во внимание тот факт, что сам этот документ был перехвачен Лубянкой).

Подобные условия, выдвигаемые турецкой стороной, не могли быть, однако, приемлемыми для самого Расулзаде, так как борьба за независимость Азербайджана требовала вполне определенной публичности, от которой он не мог отказаться[542].

Вероятно, раздражала Анкару и материальная помощь, оказываемая Варшавой Комитету независимости Кавказа и Азербайджанскому национальному центру в Стамбуле. Во всяком случае, в конце 1929 г. Тевфик Рюштю Арас, министр иностранных дел Турции, жаловался Шамбрюну, французскому послу в Анкаре, что Польша недостаточно понимает разницу во внешней политике между бывшей Оттоманской

---

[540] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 129.
[541] *Соцков Л*. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. С. 19.
[542] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 116.

империей и современной Турецкой Республикой. Анкара стремится обеспечить свою безопасность, избежав зависимости от кого бы то ни было, с помощью системы договоров о дружбе, заключенных со всеми своими соседями. Варшава же напротив, «постоянно пытается отделить Турцию от России, противопоставляя нас друг другу как в XVIII веке. Это точка зрения не имеет никакого шанса на то, чтобы восторжествовать, какими бы ни были наши естественные симпатии к Польше»[543].

В первых числах февраля 1930 г. Расулзаде выехал в Варшаву, где планировалось проведение конференции представителей Кавказских национальных центров, входящих в движение «Прометей». На ней должны были быть решены вопросы, имеющие кардинальное значение для кавказцев, участвующих в деятельности Прометеевского фронта. В частности, о будущем местопребывании Комитета независимости Кавказа, о реорганизации самого КНК, о взаимоотношении национальных центров с руководителями Совета трех в Париже, двое из которых: А. М. Топчибаши и А. М. Чермоев – не желали признавать полномочия и подчиняться соответствующим центрам, а также вопрос о журнале «Прометей».

Можно не сомневаться, что, приняв решение о выезде в Варшаву и отвергнув, таким образом, правила игры, предложенные Анкарой, Расулзаде понимал, что рискует навсегда потерять возможность возвратиться на турецкую территорию. Тем не менее в своей борьбе за независимость Родины он решил идти до конца

6-12 февраля в Варшаве состоялась конференция входящих в «Прометей» национальных организаций Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. От Азербайджана в работе конференции участвовали М. Э. Расулзаде и М. Векилли, от Грузии

[543] Chambrun (ambassadeur de la République Française en Turquie). A son excellence Monsieur A. Briand, ministre des Affaites étrangères. Angora, 16. 12. 1929 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 78 Pologne. Fol. 173.

– Н. Рамишвили и И. Зурабишвили, а от Северного Кавказа – С. Шамиль и М. Г. Сунш[544].

В данном случае основной причиной стремления сторон к достижению согласия являлась ситуация, складывающаяся к этому времени на Кавказе. Принятые на конференции решения носили разумный и компромиссный характер. Местом пребывания восстановленного Комитета независимости Кавказа была выбрана Варшава. В Стамбуле для оперативной и разведывательной работы планировалось создать особую секцию комитета. Наряду с этим, «на месте», т.е. на самой территории оккупированного большевиками Кавказа, планировалось создать подпольный филиал КНК[545].

В отличие от вопроса КНК, необходимость незамедлительного восстановления которого единодушно признавалась азербайджанцами, грузинами и северокавказцами, вопрос взаимоотношения национальных центров с Советом трех вызвал определенные дискуссии. Грузины, представитель которых Чхенкели находился в неплохих отношениях с Топчибаши, выступали за попытку вновь договориться с последним (в декабре 1929 – марте 1930 гг., параллельно с Варшавской

[544] В протоколах конференции, вероятно, из соображений секретности не указаны конкретные имена и фамилии участвующих в ней делегатов. К счастью, они упомянуты по инициалам в протоколе заседания Совета трех в Париже от 19 и 24 марта 1930 г., что дает возможность полностью восстановить фамилии участников Варшавской конференции. В частности, по сведениям А. Чхенкели, в конференции участвовали «со стороны Грузинской коллегии (Грузинского национального центра. – *Г. М., Р. А.*) Н. В. Р[амишвили] и И. З[урабишвили], от Азербайджанского центра М. Э. Р[асул]з[аде] и М. В[екилли] и от Горской народной партии С.б. Ш[амиль] и М. Г. С[унш]». См.: Протокол заседания президиума Постоянного Совета трех от 19 и 24. 3. 1930 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°4/3.

[545] Протокол конференции представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Варшава, 6-12, 20. 2. 1930 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 76, 78.

конференцией в Париже проходили специальные заседания президиума Совета трех, на которых Чхенкели, а также выехавший впоследствии в Варшаву Рамишвили пытались примирить Топчибаши с Расулзаде, добиваясь, таким образом, возобновления нормальной деятельности Совета)[546].

Расулзаде и Векилли, исчерпавшие в многократных переговорах с Топчибаши свое долготерпение, не питали по этому поводу никаких иллюзий. Они категорически настаивали, чтобы функции реального руководителя дипломатической делегации Азербайджана в Париже перешли к советнику М. Я. Мехтиеву, который официально должен был именоваться «временно исполняющим обязанности председателя» этой структуры. В связи с этим 12 февраля азербайджанские и горские представители внесли предложение: «Общая официально-дипломатическая работа ведется от имени трех кавказских республик Советом трех, который состоит из грузинского дипломатического представителя А. И. Чхенкели, заместителя председателя азербайджанской делегации Мехтиева и председателя горской делегации А. М. Чермоева»[547].

В итоге стороны согласились на компромисс: деятельность Совета трех в Париже временно прекращается до окончательного урегулирования этого вопроса в духе предложений Расулзаде и Векилова. До этого времени грузинский посланник во Франции А. Чхенкели должен был воздержаться от какого-либо сотрудничества с Топчибаши[548].

После завершения конференции с целью раз и навсегда урегулировать вопрос взаимоотношения АНЦ с делегацией

---

[546] Протокол заседания Постоянного Совета представителей республик – Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Париж, 10. 12. 1929 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°4/3.

[547] Протокол конференции представителей Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа. Варшава, 6-12, 20. 2. 1930 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 77.

[548] Там же. С. 79-80.

Расулзаде выехал в Париж, где, как и следовало предвидеть, его ожидала отнюдь непростая ситуация.

19 марта на заседании президиума Совета трех Топчибаши, узнав от Чхенкели о решении Варшавской конференции, устроил бурную сцену. Обрушившись с горькими нападками на Расулзаде, партию Мусават, Варшавскую конференцию и самого Чхенкели, Топчибаши заявил: «Я удивляюсь, больше – я протестую, что грузинские представители приняли во внимание заявление лишь двух участников "конференции", не считаясь вовсе с неоднократными сообщениями официальной Азербайджанской делегации и ее председателя о кризисе в Азербайджанском национальном центре и о предложении делегации реорганизовать этот центр на новых началах с расширенным Советом. Чтобы прекратить, наконец, доминирование в национальном центре одной партии над остальным составом центра, в котором делегация участвует в лице своих представителей»[549].

Прибыв в середине марта в Париж, Расулзаде с самого же начала принял меры к проведению в жизнь решений Варшавской конференции. Отказавшись от дальнейших переговоров с Топчибаши, Расулзаде от имени АНЦ назначил исполняющим обязанности председателя делегации Мехтиева.

24 марта в зале фешенебельного кафе «Вольтер» на площади Одеон Расулзаде сделал доклад на тему «Пантуранизм и Кавказ»[550]. На основе этого доклада год спустя им будет изда-

---

[549] Протокол заседания президиума Постоянного Совета трех от 19 и 14. 3. 1930 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°4/3.

[550] См. сохранившуюся в архиве Топчибаши пригласительную карточку на конференцию Расулзаде «Pantouranisme et le Caucase» // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°9/2. Небезынтересно отметить, что 22 марта 1930 г. Топчибаши составил письмо на имя префекта парижской полиции. В нем он заявлял, что находящаяся под его председательством делегация не имеет к упомянутой конференции никакого отношения, и просил принять меры к тому, чтобы «упомянутая конференция не

на книга «О пантуранизме в связи с кавказской проблемой». Приглашение на доклад рассылалось Мехтиевым от имени Азербайджанской делегации без конкретного упоминания фамилии ее председателя. Получил это приглашение и сам Топчибаши, чем было четко дано понять, что ему придется примириться с постановлением Варшавской конференции.

Со своей стороны, решения конференции в Варшаве привели к активизации части представителей правого лагеря кавказских эмигрантов. Не входя в Комитет независимости Кавказа, они предприняли новую попытку создать объединение, способное соперничать с движением «Прометей». С этой целью между А. М. Топчибаши, лидером грузинских национал-демократов А. Асатиани, а также заместителем председателя северокавказской делегации в Париже Г. Бамматом было заключено тайное соглашение о создании структуры, которая, по их мнению, должна была стать альтернативой КНК. В состав нового объединения изъявили желание войти также члены бывшего Комитета конфедератов Кавказа в лице Х. Султанова, Д. Вачнадзе и А. Кантемира. Еще в мае 1928 г. Комитет конфедератов официально объявил о своем выходе из КНК, а также о прекращении сотрудничества в журнале «Прометей»[551].

Неофициальным органом проектируемого объединения стал выходящий в Париже на русском языке журнал «Независимый Кавказ, орган независимой конфедералистской мыс-

---

состоялась от имени Азербайджанской делегации». Затем, однако, не желая доводить дело до окончательного разрыва с Расулзаде, Топчибаши изменил свое решение, не отправив письмо по назначению. В итоге подписанное и уже заверенное печатью на официальном бланке делегации письмо сохранилось в архиве Топчибаши. См.: A. M. Toptchibachy (président de da délégation d'Azerbaïdjan). A Monsieur le Préfet de Police. Saint-Cloud, 22. 3. 1930; Протокол заседания делегации от 29. 3. 1930 // Там же.

[551] Déclaration du Comité des confédéralistes caucasiens. Stamboul, 12. 5. 1928 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 195.

ли». Основные расходы на издание журнала взяли на себя члены Республиканско-федералистской партии горцев Кавказа, выплачивающие на этот проект пять турецких лир в месяц[552].

Наряду с этим, было принято решение о выработке названия и статута нового объединения. С этой целью Вачнадзе обратился с просьбой к Топчибаши, предложив последнему составить проект статута этой структуры[553]. 13 июля 1930 г. проект статута организации, получившей название Лига освобождения Кавказа, был представлен Топчибаши Вачнадзе[554]. Впрочем, этот проект так и остался проектом, не получив дальнейшего развития. Пока же было решено называть новое объединение Кавказским национальным центром.

Так же, как и сторонники движения «Прометей», руководители Кавказского национального центра считали, что одним из приоритетов новой структуры должно быть возобновление деятельности ее представителей на территории Турции, где они имели поддержку Х. Султанова, А. Кантемира, а также Республиканско-федералистской партии горцев Кавказа.

В результате 15 марта 1930 г. турецким руководителям от имени центра был направлен специальный меморандум. Сообщая, что целью этой структуры является создание Кавказской Конфедерации, которая в будущем могла бы играть роль буфера между Турцией и Россией, авторы меморандума – в лице Топчибаши, Баммата и Асатиани – подчеркивали тот факт, что входящие в новый Кавказский национальный центр партии и группировки были традиционно дружески настроены по отношению к Турции. В качестве примера приводилась история сформированного под германской эгидой Грузинского

---

[552] Ш. Беришвили. Отчет о моем пребывании в Турции. Париж, 1. 1. 1931 (на груз. яз.) // Там же. Bobine 206.

[553] А. М. Топчибаши – Д. Вачнадзе. Сен-Клу, 14. 7. 1930 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°9/1.

[554] Статут Лиги независимости Кавказа (проект). Париж, 13. 7. 1930 // Там же.

легиона, действовавшего в годы Первой мировой войны бок о бок с турецкими войсками. Основное внимание в упомянутом документе было сконцентрировано на критике входящих в движение «Прометей» азербайджанских мусаватистов, грузинских социал-демократов и Народной партии горцев Кавказа, находящейся, по словам авторов документа, под исключительным влиянием англичан. Комитет независимости Кавказа, первоначально объединявший в себе кавказских патриотов, оказался несостоятельным вследствие вмешательства поляков, сделавших ставку на мусаватистов и грузинских социал-демократов. В результате этого здоровые силы кавказских эмигрантов были вынуждены покинуть комитет. Сам комитет в действительности финансируется англичанами, перечисляющими деньги через поляков. Таким образом, указывалось в конце документа, наиболее надежными партнерами Турции в деле освобождения Кавказа являются входящая в Кавказский национальный центр азербайджанская группировка Топчибаши, грузинские национал-демократы и Республиканско-федералистская партия горцев Кавказа[555].

Принимая во внимание хронологию событий, можно не сомневаться, что именно этот меморандум сыграл если не решающую, то, по крайней мере, немаловажную роль в решении Анкары не только не предоставлять Расулзаде турецкое гражданство, но и лишить его права проживания на территории Турции. Во всяком случае, уже в письме от 29 марта, направленном своему другу, турецкому дипломату и государственному деятелю Х. С. Танрыоверу, Расулзаде жалуется на отказ турецкого консульства в Париже предоставить ему обратную визу для возвращения в Турцию. Не дали положительные результаты и предпринятые в мае-июне того же года демарши в турецком консульстве в Варшаве, хотя паспорт, полученный Расулзаде в стамбульской полиции буквально перед отъездом,

[555] Ш. Беришвили. Отчет о моем пребывании в Турции. Париж, 1. 1. 1931. (На груз. яз.)

был действителен как для выезда, так и для въезда в страну. В связи с этим Расулзаде подчеркивал, что его «фактически обманным путем депортировали из Турции»[556].

Вероятно, Москва, с помощью своих спецслужб тщательно отслеживавшая деятельность Расулзаде в Варшаве, где в значительной степени благодаря проявленной им энергии был восстановлен Комитет независимости Кавказа, – центральная структура кавказцев, входивших в движение «Прометей», – оказала давление на Анкару с целью недопущения возвращения Расулзаде в Турцию. На Лубянке хорошо понимали, что именно с территории Турции можно было поддерживать прямой контакт с движением сопротивления на Кавказе, в это время чрезвычайно активизировавшимся в связи с проводимой там насильственной коллективизацией. Тем более что, как уже отмечалось, на Варшавской конференции было принято решение о формировании на территории оккупированного большевиками Кавказа подпольного филиала КНК, целью которого должна была стать координация на местах деятельности местных повстанцев. То, что решение Анкары о лишении Расулзаде права пребывания на турецкой территории напрямую было связано с его участием в Варшавской конференции, косвенно доказывается и тем, что именно в феврале 1930 г., несомненно, также в результате давления Кремля, властями Турции был закрыт журнал «Azeri Türk»[557]. Дополнительный аргумент в пользу этого решения Анкаре, видимо, был предоставлен и меморандумом парижских оппозиционеров, подписанным, в том числе и Топчибаши.

Впрочем, этот маневр отнюдь не способствовал укреплению позиций самого Топчибаши. К лету 1930 г. подавляющее большинство членов дипломатической делегации Азербайджана в Париже пришло к мнению, что во имя интересов общего дела было бы целесообразно отправить Топчибаши на

[556] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 130.
[557] Там же. С. 117.

покой с сохранением за ним формального титула председателя делегации, а также денежного содержания, назначенного ему поляками с конца 1926 г.

6 июня члены делегации Шейхульисламов, Магеррамов, Мехтиев, а также секретарь этой структуры Атамалибеков обратились к Топчибаши с настоятельной просьбой «воздерживаться от всех демаршей политического и финансового характера от имени делегации». Наряду с этим, от Топчибаши потребовали полного отчета относительно расходования сумм, полученных в результате опционного контракта с Даммaном[558].

Дело приняло гораздо худший оборот, когда, благодаря случайному стечению обстоятельств, в Париже стало известно о меморандуме, направленном Топчибаши совместно с Асатиани и Бамматом несколько месяцев назад Анкаре[559]. Так как

---

[558] A. Cheikh-Ul-Islam-Zade, M. Mageramoff, M.-Y. Mekhtieff, A. Atamalibekoff. A Monsieur A. M. Toptchibachy, président de la délégation d'Azerbaïdjan. Paris, 6. 6. 1930 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°11/2.

[559] В конце 1930 г. в Турцию с территории Грузии перешел Шалва Беришвили – эмигрант-разведчик, посланный Грузинским национальным центром на Кавказ с целью сбора информации и установления связей с нелегальными антибольшевистскими организациями в Грузии. Добровольно сдавшись турецким пограничникам, он был доставлен в Карс, где и был допрошен представителями турецкой администрации. Убедившись, что имеют дело с эмиссаром Грузинского национального центра (Беришвили показал туркам имеющийся у него мандат, подписанный Жордания), представители местных властей проявили к нему интерес. Наряду с множеством вопросов, заданных относительно ситуации, сложившейся на Кавказе, Беришвили допросили и о положении в кавказских эмигрантских организациях. Чиновник, задающий вопросы, пользовался находящимися в его распоряжении документами и периодикой кавказских эмигрантов, зачастую прося прокомментировать их тексты. В их числе был и меморандум от 15 марта 1930 г., подписанный, наряду с прочими, и Топчибаши. Хотя турок и пытался скрыть от Беришвили последний лист меморандума, Беришвили все же удалось разглядеть подписи его авторов. См.: Ш. Беришвили. Отчет о моем пребывании в Турции. Париж, 1. 1. 1931. (На груз. яз.)

наряду с клеветой на Расулзаде и партию Мусават в меморандуме содержались обвинения в адрес Польши, государства коренным образом заинтересованного в независимости Кавказа, даже Д. Гаджибейли, наиболее верный сторонник Топчибаши, лишился последних аргументов в его защиту.

5 января 1931 г. в отсутствии Топчибаши состоялось заседание делегации, в котором принял участие и Расулзаде. Он передал ее членам постановление Азербайджанского национального центра, где сообщалось, что с целью «абсолютной необходимости положить конец ненормальной ситуации, сложившейся внутри делегации», Топчибаши предлагается «удалиться от дел, и отныне воздерживаться от какой-либо политической деятельности от имени делегации», для чего он должен сделать официальное письменное заявление[560].

Лишь в таком случае Топчибаши мог рассчитывать на возобновление получения субсидии в сумме 80 долларов, приостановленной, согласно постановлению АНЦ, с июня 1929 г.[561] В случае отказа, АНЦ должен был сообщить всем политическим организациям народов Кавказа, что с этого момента Топчибаши не имеет права выступать с заявлениями от имени делегации. Мехтиев, уже взявший на себя обязанности факти-

---

Вернувшись в Париж, Беришвили составил по поводу своей экспедиции подробный отчет, на основе данных которого представители Грузинского национального центра сообщили обо всем своим азербайджанским коллегам.

[560] Extrait du procès-verbal de la délégation d'Azerbaïdjan. Paris, 5. 1. 1931 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°11/2.

[561] Уже с июня 1929 г. по согласованию с Голувко АНЦ прекратил выплачивать Топчибаши его ежемесячную персональную субсидию в сумме 80 долларов. Несмотря на письмо Топчибаши Голувко, в котором он выражал наигранное недоумение по поводу такого решения Варшавы, ситуация не изменилась до 1932 г. См.: А. М. Топчибаши – Т. Голувко. Сен-Клу, 14. 8. 1929 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°3.

ческого руководителя делегации, должен был лично сообщить Топчибаши о принятом решении[562].

Вероятно, именно во время этой встречи Мехтиев и сообщил Топчибаши о том, что факт отправки им меморандума в Турцию более не является секретом.

Поставленный в неловкое положение Топчибаши какое-то время пытался сопротивляться. 26 января он отправил ноту на имя Исмета-паши, председателя Совета министров Турции, в которой отрицал факт подписания им меморандума от 15 марта 1930 г., объявляя этот документ апокрифом. Осудив содержащиеся в нем пассажи относительно того, что за прометеевской деятельностью Варшавы в реальности стоят определенные круги в Англии, интересы которых находятся в противоречии с жизненными интересами Турции, Топчибаши писал: «Если подобный вульгарный документ действительно дошел до сведения Вашего Превосходительства, сама абсурдность подобных утверждений будет, несомненно, достаточна для того, чтобы вы убедились в том, что перед вами лежит грубая и глупая фальшивка»[563].

5 февраля нота подобного содержания была отправлена также на имя Августа Залесского, министра иностранных дел Польши[564].

Так как Топчибаши затягивал с ответом на предъявленное ему требование об отставке, 28 марта Шейхульисламов, в то время исполняющий роль временного председателя делегации, направил ему письмо, в котором сообщал, что в случае неполучения окончательного ответа решение АНЦ, поддер-

---

[562] Extrait du procès-verbal de la délégation d'Azerbaïdjan. Paris, 5. 1. 1931 // Ibidem. Carton n°11/2.

[563] A. M. Toptchibachy (président de da délégation d'Azerbaïdjan). A Son Excellence Monsieur Ismet Pacha, président du Conseil des Ministres. Saint-Cloud, 26. 1. 1931 // Ibidem. Carton n°4/2.

[564] A. M. Toptchibachy (président de da délégation d'Azerbaïdjan). A Son Excellence Monsieur Zalesky, Ministre des Affaires étrangères de la République Polonaise. Saint-Cloud, 5. 2. 1931 // Ibidem.

жанное всеми членами делегации, автоматически вступит в силу[565]. Топчибаши пришлось принять предложенные ему условия.

18 ноября Мехтиев, уже официально вступивший в должность руководителя азербайджанской делегации в Париже, сообщал Чхенкели, что, учитывая трагическое положение, создавшееся на Кавказе, а также международную ситуацию, предпринимаются все меры для скорейшего созыва и начала удовлетворительного функционирования Совета трех[566].

§ 12. Усиление советского террора

Мехтиев был прав в своей оценке ситуации, сложившейся на Кавказе. Встревоженный активизацией эмигрантов на своих южных, и без того нестабильных границах, Кремль усилил нажим на Турцию и Иран, требуя от этих стран запретить на своей территории любую антибольшевистскую политическую деятельность.

Во второй половине 1931 г. в Турции были закрыты журналы всех входящих в Прометеевский фронт азербайджанских и туркестанских организаций, включая «Odlu Yurt» и «Bildiriş»[567].

Несомненно, из-за давления турецких властей проживающие в Турции кавказцы были вынуждены прекратить финансирование неофициального органа Кавказского нацио-

---

[565] A. Cheikh-Ul-Islam-Zade (Le président par intérim de la délégation d'Azerbaïdjan). A Monsieur A. M. Toptchibachy. Paris, 28. 3. 1931 // Ibidem. Carton n°11/2.

[566] M. Yakoub (président par intérim de la délégation d'Azerbaïdjan). A Monsieur A. Tchenkeli, ministre de la Géorgie. Paris, 18. 11. 1930 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 147.

[567] Из обзора политической работы за 1932 г. организаций, входящих в Лигу «Прометей». Не позднее 1932 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 82.

нального центра в Париже, журнала «Независимый Кавказ», последний (третий) номер которого вышел в августе 1931 г. (время, абсолютно точно совпадающее с закрытием двух вышеупомянутых азербайджанских журналов в Стамбуле). Исчезают в архивных источниках и упоминания о кавказских политических партиях и организациях, существующих до этого в Турции.

По свидетельству очевидца, лишь во второй половине 1930 г. турецкими пограничниками были схвачены и переданы большевикам около 500 перебежчиков, пытающихся бежать из советской Грузии. Большинство из них было тут же расстреляно[568]. Проживающим в Турции кавказцам было разрешено объединятся лишь в культурные, просветительские и благотворительные общества, лишенные какой бы то ни было политической направленности[569].

Еще большие беды обрушились на азербайджанцев, проживающих в Северном Иране.

13 апреля 1930 г. советский МИД вручил иранским представителям ноту, в которой выражалась обеспокоенность в связи с нарушениями отрядами азербайджанских повстанцев, базирующихся на территории Иранского Азербайджана, советско-иранской границы. Тегеран обвинялся в бездействиях и непринятии мер, необходимых для пресечения активности азербайджанских партизан[570].

24 мая иранскому посольству в Москве была вручена новая нота, где обвинения большевиков, а также их требования к иранской стороне приняли более конкретный характер. Обес-

---

[568] Ш. Беришвили. Отчет о моем пребывании в Турции. Париж, 1. 1. 1931. (На груз. яз.) // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 206.

[569] Из обзора политической работы за 1932 г. организаций, входящих в Лигу «Прометей». Не позднее 1932 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 83.

[570] Документы внешней политики СССР. Москва. 1967. Т. XIII. С. 208-210.

покоенность Кремля вызывала деятельность мусаватистских активистов и организаций, расположенных в Тебризе, Ардебиле и Астаре. Большевики требовали удаления с территории Северного Ирана представителя Азербайджанского национального центра, мусаватиста Мамед Садыка Гулиева (Хулуси), развившего активную деятельность в Тебризе, также как и других руководителей и активистов местного отделения партии Мусават[571].

В том же году Советы добились высылки к берегам Персидского залива большинства политически активных кавказцев. Были случаи выдачи эмигрантов большевикам. Политические организации кавказцев и туркестанцев, так же как и их органы печати, были запрещены. Наряду с этим, Кремль воспользовался советско-иранским договором 1921 г., по которому большевики обладали правом ввести свои воинские части на территорию этой страны, если, по их мнению, оттуда исходила опасность государственным интересам СССР. В 1931 г. с целью уничтожения повстанческих отрядов азербайджанцев, оперирующих в приграничных районах, советские части пересекли реку Аракс и вторглись на территорию Ирана, захватив и уничтожив «массу эмигрантов»[572].

---

[571] Там же. С. 259-260.

[572] Из обзора политической работы за 1932 г. организаций, входящих в Лигу «Прометей». Не позднее 1932 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 84. Эти же кровавые события хорошо описаны в отчете от 23 июня 1930 г. временного поверенного Франции в делах Ирана, сообщавшего во французский МИД, что «поток русских беженцев, по происхождению с Кавказа, значительно возрос в течение этих последних трех месяцев. Как видно, перегруппировавшись внутри персидской границы, эти русские неоднократно осуществляли атаки на советскую территорию против их прежних тиранов. Имперское правительство (имеется в виду правительство Ирана. – *Г. М., Р. А.*) не смогло, или не захотело помешать этим набегам. В итоге, значительный контингент советских войск с оружием в руках проник в уезды Охара и Ашоглу Ходаферинского района. Они оперировали там в течение нескольких дней, грабя и поджигая дерев-

Например, Султан-бек Султанов, командир действующего с начала 20-х гг. в районе Карадага повстанческого отряда, был арестован иранскими властями и, отсидев шесть месяцев на гауптвахте, выслан в Турцию. Гулиев (Хулуси), изгнания которого с территории Северного Ирана требовали большевики в своей ноте от 24 мая 1930 г., был также выслан в Тегеран[573].

Лишь к 1932 г., ситуация для кавказцев несколько улучшилась.

Будучи в курсе всех этих событий, Пилсудский придавал большое значение работе прометеевских организаций в Иране. Так, в июне 1930 г. он объяснял Владиславу Барановскому, бывшему послу Польши в Болгарии, только что назначенному против его воли послом в Тегеране, что Иран в это время куда более важен для польских интересов, чем Болгария[574].

По данным эмигрантских источников, количество азербайджанцев, бежавших в Иран из советского Азербайджана от насильственной коллективизации, превышало 5 000 человек. Эти беженцы находились «в состоянии нищеты и неописуемых лишений». 10 сентября 1930 г. дипломатическая делегация Азербайджана в Париже тщетно просила у ассамблеи Лиги наций «материальную помощь для этих беженцев, лишен-

---

ни (две – говорят одни, шесть или семь – говорят другие), уведя на территорию СССР около 50 пленников. В их числе были не только русские, так как уведенный вместе с ними таможенный досмотрщик таможенного пункта Ашоглу восемь дней спустя все еще не отпущен». См.: Le chargé d'Affaires de France en Perse. Note à A. Briand, ministre des Affaires étrangères de la France. Téhéran, 23. 6. 1930 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 1093 URSS (Nationalités et régionalisme). Fol. 10.

[573] Х. Султанов – А. М. Топчибаши. Стамбул, 2. 12. 1931 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°6/2.

[574] *Targalski G.* Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase. P. 13.

ных пищи и крыши надо головой, среди которых начали распространяться эпидемические заболевания» [575].

«Те ужасы, которые творятся на Родине, те притеснения, которым подвергаются наши соотечественники на Родине и в Персии, не поддаются описанию. Персидские тюрьмы заполнены эмигрантами азербайджанцами, которые в грязи, в холоде и в голоде влачат свои дни в заключении», – писал Х. Султанов в декабре 1931 г. А. М. Топчибаши. По его словам, в это время в Иране имелось до 3 000 всадников-повстанцев, объединенных в небольшие мобильные отряды[576].

О том, в какой степени позиция иранских властей раздражала большевиков, можно видеть из отчета, составленного тогда же Закавказским ОГПУ. Согласно этому документу, «активизация банд происходит под непосредственным руководством Загранбюро контрреволюционных партий, при прямом содействии агентов персидского правительства. В частности, персидские власти намеренно освобождают задержанных бандитов, инсценируя “бегство из-под стражи”. По последним данным, во время конвоирования из тебризской тюрьмы высылаемых вглубь Персии разновременно “бежали” пять активных банд-групп в числе 28 человек, сконцентрировавшиеся ныне в пограничной полосе и просачивающиеся мелкими группами на нашу территорию»[577].

Для того чтобы сломить сопротивление населения Азербайджана, большевики обратились к самым варварским мерам. Согласно письму, полученному в августе 1930 г. грузинскими членами движения «Прометей» от руководителей подпольных организаций в Грузии, «кампания по коллективиза-

[575] Mir Yacoub (Président par intérim de la délégation de la République d’Azerbaïdjan à Paris). Appel à Son Excellence Monsieur le Président de l’Assemblée de la Société des Nations. Paris, 10. 9. 1930 // Archives personnelles de G. Mamoulia (Paris, France)

[576] Х. Султанов – А. М. Топчибаши. Стамбул, 2. 12. 1931 // CERCEC. EHESS. Archives d’Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n°6/2.

[577] ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 г.г. С. 670.

ции должна была быть возобновлена весной этого года. На сей раз, большевики решили сломить выступления крестьян. Контингенты красной армии под командованием чекистов, обладавших опытом борьбы с народным движением, были введены в главные пункты мятежных провинций. Они приступили к арестам подозрительных для них людей и к коллективизации, осуществляемой под наблюдением войск. Крестьяне ответили партизанской войной. Однако большевики, на сей раз лучше подготовленные, развернули террор более жестокий, чем когда бы то ни было. Тысячи новых войск были посланы в район Борчало-Караяз. Эти войска включали в себя, помимо всего прочего, подразделения ОГПУ и "специальные батальоны", состоящие из коммунистов и хорошо известные своей жестокостью. Только на железнодорожной станции Борчало находилось четыре бронепоезда и восемь бронированных автомобилей. Русские войска свирепствовали в деревнях. Значительное количество мужского населения с оружием в руках укрылось в лесах и горах, откуда они ведут настоящую партизанскую войну против русских войск. Родственники партизан, объявленные заложниками ОГПУ, частично расстреляны, частично сосланы в Россию»[578].

Не имея возможности непосредственно участвовать в вооруженном сопротивлении этим кровавым репрессиям, руководители Комитета независимости Кавказа сосредоточили свои усилия на пропаганде, призывая к солидарным действиям повстанцев. В Бюллетене КНК, специально напечатанном на тонкой папиросной бумаге и затем нелегально распространявшемся на оккупированном большевиками Кавказе, М. Э. Расулзаде подчеркивал необходимость теснейшей координации действий азербайджанских партизан с антибольшевистским движением всех других порабощенных народов Кавказа, включая армян. Он подчеркивал, что отныне азербайджанские

[578] Lettre de Géorgie. 25. 8. 1931 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 60.

и армянские крестьяне вместе воюют против общего врага: «Единение народов Кавказа и полное сознание необходимости осуществления идеи независимой Кавказской Конфедерации – вот первый залог нашей окончательной победы!

Итак, народы Кавказа, объединяйтесь, сомкните ваши ряды и наравне с вашими национальными знаменами поднимите выше знамя кавказского единства. В этом, повторяю, наше общее спасение!»[579].

С целью подорвать единство, достигнутое между кавказцами-участниками движения «Прометей» после восстановления Комитета независимости Кавказа, ОГПУ прибегло к террору. Не удовлетворившись высылкой из Турции и Ирана руководителей и активистов кавказского сопротивления, большевистские секретные службы попыталось парализовать деятельность Комитета независимости Кавказа с помощью физического уничтожения его лидеров.

Так, к концу 1930 г. кавказскому национально-освободительному движению был нанесен тяжелый удар. 7 декабря, в самом центре Парижа был убит бывший министр внутренних дел Грузии Н. Рамишвили, один из активнейших руководителей Комитета независимости Кавказа, приложивший, вместе с Расулзаде, массу усилий для его восстановления. Убийцей Рамишвили был некий П. Чануквадзе, социал-демократ, завербованный ОГПУ.

Восемь месяцев спустя, 28 августа 1931 г., при похожих обстоятельствах «украинскими националистами» был убит Т. Голувко, один из основателей и главных кураторов Прометеевского движения. Почерки убийств поразительно совпадали друг с другом, а на их тайных заказчиков лучшего всего указывала хронология событий.

Если в 1930 г. эпицентром движения сопротивления коллективизации являлся Кавказ, год спустя центр противостоя-

[579] Бюллетень Комитета независимости Кавказа. [Париж,] март 1931. № 13. С. 10.

ния переместился на Украину, где начала развиваться трагедия, впоследствии вошедшая в историю под названием голодомор, или сознательный геноцид, осуществленный сталинской властью против украинского народа.

ГЛАВА V

Брюссельский Пакт Конфедерации Кавказа и структурная реорганизация кавказских эмигрантских организаций движения «Прометей» (1931-1935)

§ 1. Международный контекст подписания пакта

В 1931-1934 гг. основным приоритетом азербайджанцев, как и других кавказцев, входящих в движение «Прометей», являлся вопрос выработки текста Пакта Кавказской Конфедерации. Этому в значительной степени способствовали и внешнеполитические факторы, со всей силой выдвинувшие на повестку дня вопрос о необходимости максимального объединения действий кавказских организаций. Наряду с этим, первостепенное значение получила необходимость посыла ясного сигнала находящимся под игом большевистской оккупации народам Кавказа о том, что лишь их политическое объединение способно стать единственным залогом и фундаментом их будущей государственной независимости.

К тому же с 1930 г., когда антибольшевистская деятельность на турецкой территории стала невозможной даже для азербайджанцев, наиболее близко стоявшего к туркам народа Кавказа, единственной возможностью хоть как-то повлиять на события в Азербайджане являлась пропаганда именно ярко выраженной панкавказской идеологии.

Приход к власти в Германии национал-социалистов, последовавшее за этим франко-советское сближение, вылившееся в ратификацию 16 мая 1933 г. пакта о ненападении между Парижем и Кремлем, а также вступление СССР в Лигу наций в сентябре 1934 г., коренным образом изменили положение кав-

казских эмигрантов во Франции. Отныне, с юридической точки зрения, красная империя считалась не только «нормальной страной», но и находилась в союзнических отношениях с Францией, которая в силу этого обстоятельства была вынуждена принять демонстративные меры к ограничению национально-освободительной деятельности кавказских политических партий и организаций, находящихся на ее территории. Непосредственным результатом франко-советского сближения было упразднение легации Грузии в Париже, последнего символа грузинской независимости на французской земле. Для грузин это был особенно тяжелый удар, означавший, что отныне Франция отказывается от признания независимости их Родины, считая ее частью большевистской империи. Не меньшим образом от этого пострадали и другие кавказцы-участники движения «Прометей», так как легация Грузии, в силу договора заключенного Грузинским национальным центром с другими секторами Комитета независимости Кавказа, пыталась защищать и их интересы на международной арене.

§ 2. Инициативы и подготовка к подписанию пакта

С 1930 г. после восстановления Комитета независимости Кавказа в Варшаве национальными центрами Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа стали приниматься меры для усиления общекавказского сотрудничества.

Обнаруженные в архивах документы позволяют проследить основную эволюцию инициатив, выдвигаемых в связи с этим азербайджанской секцией КНК.

Основными источниками упомянутых инициатив являлись беседы, которые представители азербайджанского национально-освободительного движения вели с известными государственными деятелями различных государств, сочувствующими делу освобождения Кавказа.

Одним из них был Рауф-бей Орбай, в 1922-1923 гг. премьер-министр Турции, с которым Топчибаши был хорошо знаком еще со времен Трапезундской конференции 1918 г.

Кавказский мухаджир по происхождению (его родители были изгнаны из Абхазии в результате русско-кавказской войны 1877-1878 гг.), Рауф-бей, сочетая лояльность к Турции с искренним кавказским патриотизмом, испытывал симпатию к эмигрантам-кавказцам, пытаясь, исходя из собственного государственного опыта, дать им советы на будущее. В апреле 1924 г. Рауф-бей посетил Париж, проведя в условиях соблюдения строжайшей секретности переговоры с руководителями дипломатических представительств кавказских республик, во время которых, будучи предельно откровенным, призывал их точно следовать принципам реальной политики.

10 апреля 1924 г. в Париже, в фешенебельном отеле «Mirabeau» состоялась встреча Рауфа-бея с А. М. Топчибаши, во время которой турецкий политик поделился со своим собеседником идеями, впоследствии оказавшими значительное влияние на развитие кавказской конфедеративной мысли.

Рауф-бей сообщил, что Турция, заключив в марте 1921 г. Московский договор с большевиками, будет точно выполнять его положения: «Мы подписали и остаемся верны этому союзу, так как турки всегда соблюдают заключенные ими договора. Вперед гадать нельзя, но у нас нет оснований нарушать в чем-либо этот союз». Затем, однако, Рауф-бей перешел к потенциальным условиям, в случае возникновения которых эта политика Анкары, на его взгляд, могла бы измениться. Согласившись с Топчибаши, что возникновение независимого Кавказа в качестве буфера между Турцией и Россией не только желательно, но и необходимо, он коснулся конкретных обстоятельств, при которых возможно создание объединенного кавказского государства: «Чтобы получить возможность образовать независимый Кавказ, необходимо установление среди четырех главных его народов полного единства во всем. То есть, азербайджанцы, грузины, горцы и армяне должны объе-

диниться политически и экономически, вести одну общую работу в деле достижения независимости, иметь одну общую организацию заграницей, и даже теперь же образовать одно общее кавказское правительство.

Если же, как это было до сих пор, каждый из этих народов будет стремиться к получению независимости лишь для себя одного, если Грузия будет указывать на Батум, как на исключительно ей принадлежащий порт, если Азербайджан будет настаивать, что бакинская нефть принадлежит исключительно ему, если каждый из этих четырех народов будет стремиться к отдельным действиям, к образованию отдельных правительств, отдельных парламентов, войск, органов государственного управления и т.д., то никакой результат не получится, как до сих пор и, в конце концов, произойдет окончательное и полное слияние всего Кавказа с Россией, как было при царизме. Таким образом, ни один народ в отдельности, и ни Кавказ в целом не могут добиться независимости. В таком случае никто из этих народов не может рассчитывать на помощь Турции, у которой нет, и не будет никакого интереса порвать с Россией, своей нынешней союзницей, из-за несбыточного, недостижимого, нежизненного вопроса и дела. Турция может быть заинтересована лишь Кавказом как единым целым, независимость которого может обеспечить ее интересы в политическом, экономическом, военном и других отношениях. Она может и должна поддержать независимый Кавказ, но только Кавказ, а не отдельные его части.

Таково мое мнение теперь и прежде, начиная с Трапезундской конференции», – подытожил все сказанное им Рауф-бей.

По словам Рауф-бея, об этом же он говорил во время своих встреч с А. Чхенкели и А. М. Чермоевым: «Ведь, согласитесь, что друг без друга эти народы всегда будут слабы. Может ли Закавказье обойтись без Северного Кавказа? Нет, ибо, как показал опыт с большевиками, если русские казаки растопчут горцев, то участь Закавказья уже решена. К сожале-

нию, между представителями этих народов нет, или мало единства. И это в состоянии лишь огорчать, ибо без такого тесного искреннего единения, все отдельные демарши могут оказаться бесполезными».

Затем стороны перешли к обсуждению наиболее болезненного армянского вопроса. Топчибаши подчеркнул, что азербайджанцы являются убежденными сторонниками кавказского единства. «Сознание необходимости объединения и заставило нас заключить здесь со всеми нашими соседями (10 июня 1921 г.) союз, который был заключен после ряда встреч здесь же с Бекир Сами-беем, и за который, к сожалению, по адресу нашему было столько упреков и даже обвинений в армянофильстве и пр. Благодаря этому мы фактически потеряли связь с армянами и продолжаем работу с грузинами».

В ответ Рауф-бей категорически заявил, что «этого мало. Надо, чтобы в работе принимали участие и Северный Кавказ, и Армения, ибо, повторяю, только в таком единении можно рассчитывать на успех. В работе вашей должны принять участие не одни грузины, но и горцы и армяне». В подтверждение правильности своих слов Рауф-бей сослался на факт, что лишь объединение в одно государство уничтожит причины территориальных притязаний, выдвигаемых армянами к своим кавказским соседям. «Вне такого объединения вам нет спасения. Вы все можете устроиться наподобие отдельных штатов, иметь одно правительство, одно представительство и прочее. И это спасет всех, и особенно армян» [580].

Таким образом, как следует из вышеприведенных пассажей, в деле объединения Кавказа в единое государство Рауф-бей придавал решающее значение революционной работе кавказцев, настоятельно советуя им не только создать единое кавказское правительство в условиях эмиграции, но и провозгласить главной целью его политической деятельности созда-

[580] А. М. Топчибаши. Беседа с Рауф-беем. Сен-Клу, 10. 4. 1924 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 12/1.

ние Кавказской Конфедерации. Судя по выводам, сделанным в письменном виде Топчибаши для себя по результатам этой беседы, он в итоге пришел к аналогичному мнению о необходимости создания общекавказского правительства в эмиграции. «Вопрос об объединении, инициатива и обсуждение деталей должны принадлежать кавказским представителям», – подчеркнул в связи с этим Топчибаши[581].

Беседы, проведенные Рауфом-беем с представителями кавказцев, придали новый стимул их совместной работе. Так как в это время кемалистский режим находился лишь в стадии консолидации, кавказцы понимали, что это мнение Рауфа-бея разделяется и другими, входящими в его группу турецкими деятелями. Наряду с этим, встреча с Рауфом-беем стала предметом переписки А. М. Топчибаши с находящимся в Стамбуле М. Э. Расулзаде.

«Приезжавший сюда Рауф-бей, повидавшись с представителями всех кавказских делегаций, нашел, что всем народам Кавказа, в лице их организаций, необходимо теснее сблизиться и совместно работать. После его отъезда пришлось возобновить прекратившиеся было общие совещания четырех делегаций. Вновь обнаружилось и желание, и необходимость объединенной работы». Сообщив, что «на этот раз толчок дан Рауф-беем», Топчибаши подчеркнул, что «некоторые здесь склонны думать, что это составляет мнение не одного Рауф-бея» [582].

В определенной степени разделял это мнение и Расулзаде, хотя и, непосредственно находясь в Турции, был лучше осведомлен о различии во мнениях относительно будущего Кавказа, существующих в правящих турецких кругах.

В связи с этим он сообщил Топчибаши, что мнение Рауфабея не только не является официальным мнением турецких

---

[581] Там же.

[582] А. М. Топчибаши – М. Э. Расулзаде. Сен-Клу, 18. 8. 1924 // А. М. Топчибаши и М. Э Расулзаде. Переписка. 1923-1926. С. 43-44.

властей, но и, напротив, сам он «сейчас находится в оппозиции. Он считается даже лидером и руководителем ее»[583].

Тем не менее, очевидно, что идеи, высказанные Рауфом-беем во время его встреч в Париже с кавказцами, оказали значительное влияние на общекавказские инициативы азербайджанцев. Особую популярность в связи с этим приобрела высказанная Рауфом-беем идея о необходимости формирования в условиях эмиграции единого правительства Кавказа.

Выше отмечалось, что еще в октябре-ноябре 1924 г., на заседании представителей республик Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа в Париже, наряду с прочим было принято решение о создании комиссии, целью которой являлась выработка проектов конституции будущего объединенного кавказского государства.

С 1926 г. вся деятельность по выработке проектов создания объединенного Кавказа была сосредоточена в КНК, как в центральном органе кавказцев, входящих в движение «Прометей». Были сделаны попытки разработать конституцию будущей Кавказской Конфедерации на основе опроса национальных центров Комитета независимости Кавказа, представители которых должны были высказаться относительно ее базовых основ и принципов. По данным агентуры ОГПУ, пристально следившей за политическими настроениями эмигрантов, окончательный поворот в сторону кавказской ориентации в находящейся в Турции и Иране партийной массе Мусавата произошел в конце 1927 г., после закрытия Анкарой журнала «Yeni Kafkasya»[584].

Наряду с этим, были приняты меры и для восстановления связей с политическими кругами армянской эмиграции, ото-

[583] М. Э. Расулзаде – А. М. Топчибаши. Константинополь, 17. 10. 1924 // Там же. С. 52.

[584] Сообщение ИНО ЗАКГПУ о мусаватистах в Турции. 21. 12. 1927 // АМВДГ. (II). Ф. 13. Д. 170. Оп. 5. Л. 215-216.

шедшими от сотрудничества с кавказцами еще в первой половине двадцатых годов.

Для того чтобы показать, что предложение кавказцев является искренним, первый шаг к сближению с армянами исходил от азербайджанцев. В конце 1930 г. Расулзаде опубликовал на русском языке книгу «О пантуранизме в связи с кавказской проблемой»[585], где, пытаясь рассеять подозрения армян, стремился показать, что термин «пантуранизм» следовало понимать исключительно в культурном контексте. Азербайджанцы-участники движения «Прометей» являются искренними сторонниками Кавказской Конфедерации. Что касается самого пантуранизма, он является сугубо культурным движением, имеющим целью способствовать развитию литературных, научных и прочих культурных связей между тюркскими народами бывшей Российской империи. Не может быть и речи об объединении народов тюркского происхождения в единую империю под эгидой современной Турции. Таким образом, опасения армян по поводу пантуранизма лишены каких бы то ни было оснований. Следовательно, не существует и причины, препятствующей армянам вступить в Комитет независимости Кавказа. Для того чтобы придать книге еще более весомый вид, предисловие к ней было написано Жордания, пользую-

[585] С формальной точки зрения, книга Расулзаде являлась ответом на книгу армянских авторов З. и В. Налбандянов, пишущих под псевдонимом Зареванд, «Турция и пантуранизм». В этой книге авторы обвиняли Расулзаде в том, что он сам являлся отъявленным пантюркистом. Первоначально опубликованная на армянском языке в Бостоне в 1926 г., эта книга затем была издана на русском языке в Париже, в 1930 г. См.: *Зареванд*. Турция и пантуранизм. С предисловием А. Н. Мандельштама. Париж. 1930. Впоследствии эта же книга была переведена и на английский язык. См.: *Zarevand*. United and Independent Turania. Aims and Designs of the Turks. Leiden. 1971.

щимся заслуженным авторитетом в Прометеевском движении[586].

Грузины и северокавказцы горячо поддержали эту инициативу. В начале 1931 г. бывший министр иностранных дел Грузии Гегечкори предлагал армянам вступить в КНК. Тем не менее, компромисса достичь не удалось, так как главное условие своего вступления в комитет, выдвигаемое армянами, оказалось неприемлемым ни для азербайджанцев, ни для грузин. Дело шло о признании последними армянских территориальных притязаний на районы советского Азербайджана и Грузии с преобладающим армянским населением. Представители армян выдвигали в качестве своего главного аргумента то обстоятельство, что после потери Турецкой Армении, в результате чего две трети армян оказались на чужбине, территория советской Армении недостаточна для существования независимого государства. Компромиссная формула относительно разрешения территориальных споров после восстановления независимости кавказских государств оказалась неприемлемой для армян. В результате в декабре 1932 г. переговоры были прерваны.

Неприемлемым для азербайджанцев и грузин являлось так же требование армян объявить врагом кавказцев не только север, в лице Москвы, но и юг, в лице Турции. В таком случае окончательно отпадала возможность возобновления деятельности в Турции, непосредственно примыкавшей к Кавказу.

В итоге в постановлении президиума Комитета независимости Кавказа от 3 декабря 1931 г. еще раз подчеркивалось, что в настоящее время, комитет «добивается восстановления независимости кавказских республик в пределах ныне существующих границ и объединение их в Кавказскую Конфеде-

[586] *Расул-заде М. Э.* О пантуранизме в связи с кавказской проблемой. С предисловием Н. Жордания. Париж. 1930.

рацию»[587]. При этом «КНК решительно отвергает всякую тактику, могущую создать для комитета другой фронт вражды, кроме актуально существующей русско-большевистской оккупации, против которой и должны сосредоточиться все наличные боевые силы народов Кавказа»[588].

§ 3. Разработка последних проектов Пакта Кавказской Конфедерации

С 1932 г. на страницах журнала «Прометей» развернулась дискуссия о Пакте Кавказской Конфедерации, подписать которую планировалось в ближайшем будущем. К работе над ним были привлечены лучшие интеллектуальные силы эмиграции, включая профессора Михаила Мусхели (Мусхелишвили), известного юриста-международника, работающего в то время приват-доцентом в существующем при Сорбонском университете институте международного права. Он опубликовал в журнале «Прометей» ряд научных статей, посвященных основным принципам, на которых должно было строиться будущее конфедеративное кавказское государство[589].

---

[587] Извлечение из протокола президиума КНК. 3. 12. 1931 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 159.

[588] Там же.

[589] *M[ouskheli] M.* Aperçu général du projet du pacte de la Confédération des Etats du Caucase // Prométhée. Organe de défense nationale des peuples du Caucase, de l'Ukraine et du Turkestan. Paris. 1932. N° 70. P. 22–25; La souveraineté des Etats-membres de la Confédération Caucasienne // Prométhée. 1932. N° 71. P. 23–26; La structure juridique de l'autorité fédérale dans la Confédération Caucasienne // Prométhée. 1932. N° 72. P. 18–21; La répartition des compétences entre l'autorité fédérale et les états confédéres dans le pacte de la Confédération Caucasienne // Prométhée. 1933. N° 74. P. 21–25; Les droits de sécession et de nullification des Etats-membres de la Confédération Caucasienne // Prométhée. 1933. N° 76. P. 19–23; Finances et armée fédérales dans le Pacte de la Confédération Caucasienne // Prométhée. 1933. N° 79. P. 23–26; L'organisation de l'autorité fédérale // Prométhée. 1933. N° 80. P. 22–27; Le cour fédérale dans le Pacte Caucasien // Prométhée. 1933. N° 81. P. 18–21.

Мусхели являлся и автором проекта конституции Кавказской Конфедерации, представленной Грузинским национальным центром на рассмотрение азербайджанской и северокавказской секции КНК, дополнивших его своими поправками[590].

К началу 1932 г. Грузинским национальным центром был разработан также проект Пакта Кавказской Конфедерации, опубликованный на грузинском языке в феврале[591] и представленный в ноябре на рассмотрение азербайджанской и северокавказской секций Комитета независимости Кавказа, также как и польских кураторов движения «Прометей»[592].

Первоначально КНК склонялся к опубликованию проекта конституции. Однако затем, после заключения в мае 1933 г. пакта о ненападении между СССР и Францией, «решил, что было бы лучше в спешном порядке, в ярких и ясно выраженных формах» объявить перед международным сообществом «основные принципы конфедерации» как базы будущего объединения, «отложив подробное составление конституции на будущее время»[593].

По этой же причине проект текста пакта будущей конфедерации, предложенный грузинской стороной в ноябре 1932 г., был отклонен поляками, которые сочли его «слишком туманным». Недовольство Варшавы было вызвано излишней детализацией, характеризующей проект, являющийся не только декларацией о политических намерениях, но и подробным из-

---

[590] Протокол заседания Комитета независимости Кавказа. 27. 9. 1933 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 92-93.

[591] Проект Пакта Кавказской Конфедерации // «Дамоукидебели Сакартвело» («Независимая Грузия»). Орган грузинских политических партий. Париж. 1932. № 74. С. 1-4. (На груз яз).

[592] Проект Пакта Конфедерации Кавказа Грузинского национального центра. Ноябрь 1932 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 85-87.

[593] Протокол заседания Комитета независимости Кавказа. 27. 9. 1933 // Там же. С. 93.

ложением схемы государственных структур будущего объединения, которое планировалось создать после освобождения Кавказа от большевиков. Так как это являлось делом будущего, на нынешнем этапе поляки склонялись к опубликованию политической декларации с четко выраженным изложением главных принципов, на которых должна была основываться будущая конфедерация. Возражение Варшавы вызывало и то, что, согласно грузинскому проекту, армия Конфедерации Кавказа существовала не на регулярной основе, а формировалась лишь в случае появления внешней опасности из национальных воинских контингентов кавказских республик[594].

Поляки настаивали, чтобы кавказцы договорились между собой относительно «необходимости совместной обороны, совместной политики, совместных финансов и совместной границы как основы Союза республик»[595].

По первоначальному плану Пакт Кавказской Конфедерации предполагалось подписать в сентябре 1933 г. в г. Женеве на созванной по этому поводу специальной конференции кавказских организаций, входящих в движение «Прометей»[596].

Выбор места и времени подписания однозначно свидетельствовали о том, что этот акт рассматривался кавказцами в качестве своего рода превентивной меры против планов принятия СССР в Лигу наций, что активно обсуждалось в то время в западных политических кругах и в прессе.

К концу 1932 г. издаваемая в Берлине М. Э. Расулзаде газета «Istiklal» («Независимость») приступила к опросу своих читателей относительно принципов, на которых, по их мнению, должен был основываться будущий Пакт Кавказской

---

[594] Проект Пакта Конфедерации Кавказа Грузинского национального центра. Ноябрь 1932 г. // Там же. С. 85.

[595] *Targalski G*. Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase. P. 13.

[596] Pacte de la Confédération du Caucase. Projet du Comité de l'indépendance du Caucase et le texte portant amendement du Centre national géorgien. Paris, septembre 1933 // Archives personnelles de G. Mamoulia.

Конфедерации. С этой целью редакцией газеты был составлен специальный анкетный лист, содержащий в себе следующие вопросы: «1. Как представляете вы себе освобождение кавказских республик из-под русской оккупации? 2. Если вы в целях освободительной борьбы находите необходимым объединение сил всех народов Кавказа, то в каком именно виде вы представляете себе это объединение? В виде ли временного союза на время освободительной борьбы, или в виде постоянной федеративной связи? 3. Какие, по вашему мнению, факторы вызывают необходимость федеративного единения всего Кавказа? 4. В случае, если вы являетесь сторонником постоянного федеративного союза, то какую именно форму вы предпочитаете: федерацию или конфедерацию, и почему? 5. Какие органы Кавказской Конфедерации, по-вашему, должны быть общими? 6. Какие шаги, по-вашему, должна принимать эмиграция в видах наибольшей популяризации идеи Кавказской Конфедерации?»[597].

12 января 1933 г. М. Э. Расулзаде от имени редакции «Istiklal» обратился с просьбой к А. М. Топчибаши ответить на содержащиеся в анкете вопросы. К тому времени отношения между этими двумя выдающимися деятелями национально-освободительного движения Азербайджана были окончательно урегулированы. Через Азербайджанский национальный центр Варшава возобновила выплату Топчибаши его персональной субсидии, а он сам, судя по всему, испытывал некоторые угрызения совести за неприятности, причиненные Расулзаде по вине собственных амбиций[598].

---

[597] Анкетный лист газеты «Истиклал» по вопросу о Кавказской Конфедерации // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 88-89.

[598] В письме от 2 апреля 1931 г. А. М. Топчибаши подробно описал Х. Хасмамедову тяжелейшую материальную ситуацию, в которой, после прекращения выплат по опционному контакту Дамманна и приостановки АНЦ персональной субсидии, выделяемой ему Варшавой, оказался он сам и его семья. В конце письма Топчибаши был вынужден признать: «Как бы

В своем ответе от 27 марта Топчибаши попытался вкратце суммировать мысли, родившиеся у него в результате его политической деятельности как на Родине, так и в эмиграции:

«Ни один из кавказских народов не в состоянии своими силами ни вести результативной борьбы за освобождение от тяготеющего ига, ни сохранить независимого существования.

Единственное спасение – это объединение сил всех народов Кавказа, это – конфедерация всех кавказских республик.

Кавказская Конфедерация необходима не только для борьбы за освобождение, но и для предстоящего, по окончании этой борьбы, государственного строительства народов кавказских.

Образцом образования Кавказской Конфедерации могла бы быть, например, Швейцарская Конфедерация, с изменениями применительно к Кавказу.

Необходимость объединения республик Кавказа в форме конфедерации признана совещаниями официальных представителей республик Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа (на заседаниях 7, 11, 16, 22 и 29 октября и 6 и 11 ноября 1924 г.).

В подписанном представителями означенных республик протоколе изложены базы, кои могли бы быть в основании проекта конституции Кавказской Конфедерации, представляемой в свое время на утверждение парламентов или учредительных собраний каждой из республик.

Находящиеся в эмиграции кавказцы, их представители и организации обязаны, раз они считают необходимым образо-

---

велики и бесчисленны ни были мои грехи и ошибки, нельзя было меня оставлять в таком тяжелом критическом положении, доводить до такого материального состояния нищеты и что следовало и следует мне помочь сначала, а потом уже судить… Впрочем, возможно, что я ошибаюсь и что так и надо было отнестись ко мне…». См.: А. М. Топчибаши – Х. Хасмамедову. Сен-Клу, 2. 4. 1931 CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 6/2.

вание Кавказской Конфедерации, всемерно подготовлять соответствующую почву во всех направлениях, обеспечивающих проведение начал конфедеративного строя на Кавказе, и прежде всего – единение представителей их народов, в целях взаимного понимания, уважения и сотрудничества, совместных выступлений и солидарных действий во имя общекавказского дела и в сознании, что от успеха общего дела находятся в зависимости благополучие, политико-экономическое развитие и национальный прогресс всех народов Кавказа»[599].

На основе проведенных опросов в первой половине 1933 г. азербайджанская и северокавказская секции КНК от имени комитета выработали текст пакта, взяв за основу проект, составленный польским профессором Юлианом Маковским,[600] и представили его на рассмотрение Грузинского национального центра. Упомянутый проект основывался на сугубо революционном подходе, предполагавшем не только создание общекавказского правительства в условиях эмиграции, но и официальное провозглашение Кавказской Конфедерации еще до фактического освобождения Кавказа от большевиков. В частности, первая статья проекта пакта, составленного от имени республик Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии, гласила:

«Республики Кавказа объединяются и формируют с настоящего времени Кавказскую Конфедерацию (подчеркнуто нами. – *Г. М., Р. А.*), которая, полностью гарантируя во внутреннем отношении национальный характер и суверенитет каждой из республик, во внешнеполитической сфере будет действовать от имени всех республик в качестве международного

[599] А. М. Топчибаши. По поводу возможности образования Кавказской Конфедерации. [Сен-Клу], 27. 3. 1933 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 90-91.

[600] *Targalski G*. Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase. P. 13.

объединения высшего порядка. Конфедерация будет обладать общей политической и таможенной границей»[601].

В сентябре упомянутый проект был рассмотрен на заседании Грузинского национального центра и найден, в юридическом и идеологическом отношении, в целом удовлетворительным. Отдельные замечания были суммированы в специальной записке под названием «Комментарии», специально написанной по этому поводу.

Они, в основном, сводились к тому, что при составлении окончательной редакции текста пакта, следует сочетать революционный подход с подходом правовым. Тезис о необходимости провозглашения Кавказской Конфедерации вне ее границ, в условиях эмиграции, «не может произвести серьезного впечатления на общественное мнение. Он, напротив, может предоставить противнику острое оружие для дискредитации самой идеи конфедерации». Это, конечно, не значит, что находящиеся заграницей законные представители кавказских государств «не могут уже сейчас принять Кавказскую Конфедерацию как основную цель их деятельности»[602]. Хотя на этот аргумент можно возразить, что когда кто-либо вовлечен в революционную деятельность, возможен выход и за формально-правовые рамки, не следует забывать, что национальные центры Кавказа ведут также и дипломатическую работу. Собственно говоря, само провозглашение конфедеративного кредо кавказских государств в Женеве является ничем иным, как одной из форм упомянутой дипломатической деятельности. «Совершенно приемлемо осуществить конфедерацию революционным путем, но этот акт должен иметь место на Кавказе, а не вне Кавказа».

---

[601] Pacte de la Confédération du Caucase. Projet du Comité de l'indépendance du Caucase et le texte portant amendement du Centre national géorgien. Paris, septembre 1933.

[602] Commentaires du Centre national géorgien. Septembre 1933 // Archives personnelles de G. Mamoulia.

Затем были даны конкретные рекомендации. Для того чтобы пакт произвел серьезное и благоприятное впечатление на западных политиков и общественность, он должен быть заключен не от имени находящихся под иностранной оккупацией республик Кавказа. Непосредственными подписантами пакта должны стать руководители национальных центров, которые, обнародовав этот документ, «торжественно провозглашают перед всем миром, что Кавказская Конфедерация является их непосредственной целью, которую они всеми средствами обязуются осуществить, для достижения чего создают постоянный общий орган».

В тексте пакта должны быть провозглашены фундаментальные принципы конфедерации, на основе которых будет выработана конституция будущего объединенного кавказского государства. В нем будет указано, что в подходящий момент национальные центры обязуются представить проект упомянутой конституции на одобрение соответствующих органов их стран.

«Пакт, составленный таким образом, произведет благоприятное впечатление на иностранные державы и их правительства, также как и на общественное мнение. Тот же пакт станет в наших руках наиболее верным оружием в борьбе с разлагающей политикой врага, так же как и со столь распространенным мнением заграницей, что народы Кавказа неспособны договориться между собой о политической форме их совместного проживания. В то же время пакт откроет дорогу для начала конкретных и позитивных переговоров с иностранными державами», – говорилось в записке.

В тексте пакта следует зарезервировать место и для Армении. В противном случае, недоброжелатели не преминут сослаться на ее отсутствие в качестве доказательства того, что конфедерация покоится на зыбком основании.

Что касается манифеста, или призыва, обращенного к народам Кавказа по поводу подписания Пакта Кавказской Кон-

федерации, он должен быть составлен на основе текста пакта и опубликован от имени Комитета независимости Кавказа[603].

27 сентября состоялось заседание КНК, на котором «комментарии», представленные Грузинским национальным центром азербайджанской и северокавказской секции комитета, признавались, в целом, приемлемыми.

Полагая, так же, как и грузины, что конституция конфедерации должна вступить в действие лишь после ее утверждения национальными парламентами освободившихся от большевистской оккупации кавказских государств, азербайджанцы и горцы, однако, продолжали находить возможным и нужным «основные базы этой конституции, внесенные в текст пакта, считать уже вступившими в силу и долженствующими играть, таким образом, руководящую роль в нашей общекавказской деятельности в эмиграции».

В доказательство правоты своего мнения они сослались на примеры из истории Чехословакии и Югославии, руководители которых, находясь в политической эмиграции, сочетали правовые методы работы с революционными: «Если Масарик со своими сотрудниками, находясь в эмиграции, мог объявить Чехию и Словакию объединенной и независимой демократической республикой, и если сербское правительство Пашича, изгнанное оккупационными силами врага за пределы своей территории, находясь на острове Корфу, могло заключить договор с эмиграционным комитетом юго-славян об объединении их стран, – то наши организации тем более могут заключить акт об образовании Союза Кавказской Конфедерации. Имея подобные исторические прецеденты, едва ли мы были бы слабы против возможной демагогии врага, о которой говорится в “комментариях”».

Приняв к сведению мнение Грузинского национального центра о желательности резервации места в пакте и за армянами, представители азербайджанцев и горцев сочли жела-

[603] Ibidem.

тельным возвестить об этом «путем обнародования особого протокола только по формальным соображениям, исходя из того, что в документе, формирующем взаимные обязательства, едва ли удобно говорить о своих пожеланиях»[604].

§ 4. Выработка окончательного варианта текста Пакта Кавказской Конфедерации и его подписание

В итоге дело сдвинулось с места, и кавказцы легко договорились о необходимости создания органа, обладающего функциями общекавказского правительства в изгнании. Сам текст пакта, предложенный азербайджанской и северокавказской секцией КНК Грузинскому национальному центру, остался почти нетронутым. Изменения коснулись лишь первой главы, из которой был изъят пассаж относительно того, что республики Кавказа составляют конфедерацию уже с момента подписания пакта. Сторонами, заключившими пакт, значились национальные центры, а в конце текста была внесена особая глава, сообщающая о том, что место в пакте зарезервировано и для Армении.

14 июля 1934 г. в Варшаве представителями входящих в Комитет независимости Кавказа национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа был подписан Пакт Кавказской Конфедерации, создать которую стороны обязались сразу же после освобождения Кавказа от кремлевского ига[605].

Для того чтобы не дать Кремлю возможности обвинить Варшаву в нарушении условий советско-польского договора

---

[604] Протокол заседания Комитета независимости Кавказа. 27. 9. 1933 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 93-94.

[605] М. Э. Расулзаде, М. Г. Сунш – С. Мдивани. Варшава, 14. 7. 1934 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 99.

1932 г., местом подписания этого документа было решено объявить Брюссель.

В тексте пакта, получившего впоследствии название Брюссельского, в частности, отмечалось: «1) Кавказская Конфедерация, полностью гарантируя во внутреннем отношении национальный характер и суверенитет каждой из республик, во внешнеполитической сфере будет действовать от имени всех республик в качестве международного объединения высшего порядка. Конфедерация будет обладать общей политической и таможенной границей. 2) Внешней политикой конфедеративных республик будут руководить компетентные органы конфедерации. 3) Защита границ конфедерации будет поручена армии конфедерации, включающей в себя армии конфедеративных республик под единым командованием, подчиненным руководящим органам конфедерации. 4) Все разногласия, которые могут возникнуть между конфедеративными республиками и которые не будут урегулированы прямыми переговорами, должны быть переданы обязательному арбитражу или высшему суду конфедерации. Конфедеративные республики обязуются принять без ограничения и исполнять все их решения. 5) Комиссия экспертов приступит в самое короткое время к выработке проекта конституции Конфедерации Кавказа, принимая во внимание сформулированные выше принципы. Этот проект будет служить основой работ первого учредительного собрания каждой республики. 6) Место в этом пакте зарезервировано для Республики Армения»[606].

Документ был подписан от имени Азербайджана М. Э. Расулзаде и А. М. Топчибаши, от имени Грузии – Н. Жордания и А. Чхенкели, и от имени Северного Кавказа – М. Г. Суншем, И. Чуликом и Т. Шакманом.

6 августа Мехтиев, Чхенкели и Чулик от имени подписавших Пакт Кавказской Конфедерации национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа отправили ноту

[606] Пакт Конфедерации Кавказа. Брюссель, 14. 7. 1934 // Там же. С. 95-96.

Луи Барту, министру иностранных дел Франции. Сообщая ему об этом событии, авторы документа подчеркивали, что «народы Кавказа, освободившись от угнетающего их ига и объединившись вместе в конфедеративной форме, станут, несомненно, мощным авангардом цивилизации и важным фактором порядка и мира на всем Ближнем Востоке»[607].

Подписание Пакта Кавказской Конфедерации явилось символической точкой в окончательном примирении М. Э. Расулзаде и уже тяжело больного А. М. Топчибаши. Действительно символично, что именно идеология кавказского единства навсегда соединила в себе имена этих двух выдающихся деятелей национально-освободительного движения Азербайджана и всего Кавказа. Как писал впоследствии журнал «Независимая Грузия», орган грузинских партий и организаций, входящих в движение «Прометей», подписание пакта являлось «последним героическим делом» Топчибаши[608].

5 ноября 1934 г. он скончался в Сен-Клу, небольшом городке под Парижем.

Вспоминая ровно два года спустя о церемонии подписания Пакта Кавказской Конфедерации, Расулзаде писал, что в июле 1934 г. Топчибаши «подписал дрожащей рукой Пакт Кавказской Конфедерации, мечту и идеал его долгой и неустанной деятельности. Он надеялся еще на свои силы, и хотел продолжить свою работу, но судьба решила по-другому». Эти строки, идущие из сердца, были написаны в письме-обращении Расулзаде на имя Игнация Мосцицкого, президента Польской Республики. В нем Расулзаде просил главу польского государства «выделить семье покойного Топчибаши ежемесячное содер-

[607] М. Я. Мехтиев, И. Чулик, А. Чхенкели – Л. Барту. Париж, 6. 8. 1934 // Там же. С. 100.

[608] Памяти Али-Мардан-бег Топчибашева. «Дамоукидебели Сакартвело». Ноябрь 1934 г. // Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем. С. 141.

жание с целью предоставить средства существования супруге, а также детям нашего покойного председателя» [609].

§ 5. Брюссельская конференция и реорганизация кавказских структур движения «Прометей»

14-16 января и 23 февраля 1935 г. в Брюсселе была созвана конференция кавказских организаций Прометеевского фронта. От имени Азербайджана в работе конференции приняли участие М. Э. Расулзаде, М. Я. Мехтиев, М. Магеррамов, А. Атамалибеков и Али Акбар-бек Топчибаши (сын покойного А. М. Топчибаши), от Грузии – Н. Жордания, А. Чхенкели, Е. Гегечкори, Г. Гвазава, С. Мдивани, С. Пирцхалава, А. Асатиани и С. Менагаришвили, а от Северного Кавказа – М. Г. Сунш, И. Чулик и Т. Шакман.

Комитет независимости Кавказа, центральный орган кавказцев движения «Прометей», был преобразован в Совет Конфедерации Кавказа (СКК)[610].

В политическом отчете о деятельности КНК Расулзаде, подводя от имени комитета итог деятельности этой структуры, подчеркнул, что комитет считал «своим историческим долгом во что бы то ни стало завершить свою работу одним исключительным достижением – дать народам Кавказа официальное знамя Кавказской Конфедерации и объединить их действия в одном авторитетном общекавказском органе, решения которого были бы обязательными для всех. С каковой целью он с величайшим удовлетворением опубликовал пакт, подписанный полномочными представителями трех национальных организаций Кавказа 14 июля 1934 г.». С этой же це-

[609] *Libera P*. Ali Mardan bey Topczybaszy w oczach Mehemmeda Emina Resulzade (1936) // Nowy Prometeusz. Warszawa. 2013. N° 4. P. 194, 197.
[610] Протоколы заседаний Кавказской конференции 15-16. 1., и 23. 2. 1935 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 101-105.

лью КНК просит присутствующих на конференции делегатов, учитывая плюсы и минусы, присущие прошлой деятельности комитета, «организовать тот авторитетный кавказский орган, который и должен, следуя духу пакта 14 июля, руководить борьбой народов Кавказа, направленной к восстановлению их потерянной свободы и реализации идеи Кавказской Конфедерации!..».

В заключение своей речи Расулзаде кратко изложил квинтэссенцию формулы национально-освободительной борьбы кавказцев Прометеевского фронта:

«События воочию доказали, что народам Кавказа нет спасения в увлечении разными политическими комбинациями, связывающими судьбу того или другого кавказского народа с силами, находящимися вне Кавказа. Представителям Кавказа следует в своей освободительной борьбе руководствоваться лишь реальными и насущными интересами соседних народов Кавказа!

Кавказ, прежде всего, для кавказцев!..».

Структура Совета Кавказской Конфедерации была тщательно адаптирована именно для осуществления этого лозунга.

Со времени своего создания Комитет независимости Кавказа обладал лишь координационными и совещательными функциями, в то время как все решения принимались национальными центрами Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, рассматриваемыми Варшавой в качестве правительств в изгнании кавказских народов[611].

На основе тщательного анализа недостатков, присущих упраздняемому комитету, участники конференции пришли к выводу о необходимости создания более централизованного

[611] *Расулзаде М. Э.* Политический отчет о деятельности Комитета независимости Кавказа на конференции кавказских политических партий и организаций, входящих в движение «Прометей». 14. 1. 1935 // Там же. С. 105-109.

органа в лице Совета Кавказской Конфедерации (СКК), обладавшего полномочиями общекавказского правительства в изгнании, решения которого носили обязательный характер для всех входящих в него национальных центров[612].

Делегаты конференции приняли во внимание и тот факт, что деятельность Комитета независимости в значительной степени тормозилась отсутствием у него собственных структур и технического персонала. С целью не повторить этой ошибки, для Совета Кавказской Конфедерации создавались специальные органы, делающие его в техническом отношении независимым от национальных центров. Отныне лишь Совет Конфедерации обладал правом ведения дипломатических, пропагандистских и разведывательных акций.

Так, для руководства внешнеполитической деятельностью Совета создавалась дипломатическая комиссия, основной задачей которой являлось составление соответствующих нот и меморандумов для защиты интересов народов Кавказа. Руководителем дипломатической комиссии был назначен Чхенкели, бывший посланник Грузии во Франции и опытный дипломат, в течение более чем 10 лет защищавший государственные интересы кавказских республик, представители которых входили в движение «Прометей». Не будучи ортодоксальным социал-демократом, Чхенкели, наряду с этим, был склонен и к компромиссам с представителями правых кругов эмиграции.

В речи, произнесенной на конференции 14 февраля, Чхенкели выдвинул свое видение будущей деятельности дипломатической комиссии. Прежде всего, было необходимо нейтрализовать советскую пропаганду в Женеве, так как, «вступив в Лигу наций, представители СССР сделают из Женевы главный центр своего влияния на мировое общественное мнение, в особенности для реабилитации своих преступлений по отношению к угнетенным ими народам, кавказские деятели долж-

[612] *Сунш М. Г.* Схема организации Совета Конфедерации Каказа 15. 1. 1935 // Там же. С. 115-116.

ны будут развернуть в Женеве большую работу для разрушения вражеского плана, а равно для поднятия во весь рост кавказской проблемы на международной арене».

Чхенкели призвал к солидарности кавказцев с другими порабощенными народами СССР. Было необходимо добиться включения армян в Прометеевский фронт и усилить сотрудничество с украинцами и туркестанцами в рамках деятельности недавно созданного Комитета дружбы народов Кавказа, Украины и Туркестана[613].

Тезисы Чхенкели были одобрены. Делегаты конференции подтвердили, что «Совет Кавказской Конфедерации является самодовлеющим органом в деле руководства дипломатической работой, ввиду чего означенная работа всецело находится в компетенции Совета. Специальные же выступления отдельных секций могут иметь место только с ведома и содействия Совета»[614].

Была также централизована разведывательная деятельность. Резолюция в связи с этим была принята делегатами на основе доклада Расулзаде «О связи с Родиной». Если раньше разведывательными функциями обладали исключительно национальные центры, отныне поддержание контактов с подпольными организациями на Кавказе, также как и проведение разведывательных операций, было возложено исключительно на Совет Конфедерации Кавказа. Для этого руководители Совета планировали создать на самом Кавказе объединенный подпольный революционный центр, в функции которого должно было входить руководство секретными операциями на местах, а также передача собранных сведений Совету Конфедерации Кавказа в Париже. Со своей стороны, Совет обязан был снабжать центр инструкциями политического и техниче-

---

[613] *Чхенкели А*. Тезисы о дипломатической работе. 14. 1. 1935 // Там же. С. 110-111.

[614] Там же. С. 111; Протоколы заседаний Кавказской конференции 15-16. 1. и 23. 2. 1935 // Там же. С. 104.

ского характера, прокламациями, антибольшевистскими брошюрами, а также различными публикациями кавказских организаций, входящих в движение «Прометей»[615].

«Одновременно этими же путями президиум постарается быть в курсе как всей политической жизни страны, так и деятельности национально-революционных сил Кавказа: ибо без этой, хотя бы относительной информации с мест, успешное ведение общекавказской борьбы абсолютно немыслимо», – отмечалось в конце резолюции[616].

С целью усиления пропаганды создавалось пресс-бюро, в функции которого входило регулярное издание бюллетеней об освободительной борьбе народов Кавказа. Перевод статей для национальных органов печати с их рассылкой в соответствующие редакции. Общая координация деятельности редакций соответствующих журналов. Так же как и дипломатическая комиссия, пресс-бюро являлось составной частью Совета Конфедерации Кавказа, где отныне сосредотачивалась пропагандистская деятельность кавказцев, входящих в Прометеевский фронт[617].

Сам Совет Конфедерации Кавказа, официальный статут которого был утвержден 20 июля 1935 г., состоял из 12 членов, делегированных в него национальными центрами (по четыре человека от каждого центра) сроком на два года. Исполнительным и руководящим органом Совета являлся президиум, состоящий из Расулзаде, Жордания и Сунша. В компетенцию президиума входило осуществление общего руководства

---

[615] Проект резолюции конференции «О работе на местах», принятый делегатами по докладу М. Э. Расулзаде «О связи с Родиной». 15. 1. 1935 // Там же. С. 111-112.

[616] Там же. С. 112.

[617] Проект резолюции «По вопросу пресс-бюро», принятый делегатами конференции по докладу Т. С. Шакмана «О Кавказском пресс-бюро» 15. 1. 1935 // Там же. С. 112-113.

дипломатическими, пропагандистскими и разведывательными акциями[618].

В конце конференции Жордания сделал доклад об основных политических приоритетах Совета Кавказской Конфедерации. Он отметил, что в борьбе за независимость народов Кавказа Совету следует рассчитывать на свои собственные силы, также как и на содействие всех других порабощенных нерусских народов СССР. В то же время Совет должен не отказываться от поддержания связей с русскими демократическими организациями при условии, что они безоговорочно признают право на независимость нерусских народов красной империи[619].

§ 6. Попытки НКВД компрометации М. Э. Расулзаде в глазах французских властей

Как и следовало ожидать, заключение Пакта Кавказской Конфедерации и последующая за этим реорганизация кавказских структур движения «Прометей» привлекли к себе повышенное внимание руководства НКВД.

Добившись запрещения в Турции политической деятельности азербайджанских политических партий и организаций, советские спецслужбы отнюдь не собирались ослаблять внимание к кавказским борцам за независимость и во Франции. Тем более что заключение в 1933 г. пакта о ненападении между Францией и СССР давало большевистской дипломатии возможность оказывать на Париж приблизительное такое же дав-

[618] Протоколы заседаний Кавказской конференции 15-16. 1., и 23. 2. 1935 // Там же. С. 104-105; Статут и регламент Совета Конфедерации Кавказа. 20. 7. 1935 // Там же. С. 126-129.

[619] *Жордания Н.* Кавказский вопрос и Россия. 16. 1. 1935 // Там же. С. 116-123; Тезисы к докладу Н. Жордания «Кавказский вопрос и Россия», принятые конференцией кавказских политических партий и организаций, входящих в движение «Прометей». 16. 1. 1935 // Там же. С. 123-125.

ление, как на Анкару после подписания советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете 1925 г.

Для того чтобы добиться запрещения Парижем политической деятельности кавказских эмигрантов, требовалась их тотальная компрометация в глазах местных властей. В данном случае советские спецслужбы пошли по проторенному пути применения против них тех же методов, что и в Турции. Требовалось доказать, что присутствие и деятельность кавказских антибольшевистских организаций на французской территории представляют собой угрозу не только для Кремля, но и, прежде всего, для самого Парижа, ибо из ненависти к СССР эмигранты, после прихода к власти в Германии национал-социалистов, обратились к прогерманской ориентации, став потенциальной агентурой Берлина во Франции.

С этой целью с помощью агентов, внедренных НКВД в число информаторов французской полиции и контрразведки, было необходимо передать французам тщательно разработанную дезинформацию, которая, содержа в себе фальсифицированные сведения, тем не менее, должна была иметь правдоподобный характер, точно следуя политической конъюнктуре той эпохи, на что, как правило, были падки спецслужбы всех стран.

Сравнительный анализ советского и французского архивного материала дает нам возможность восстановить одну из таких операций НКВД.

Сразу же после подписания Пакта Кавказской Конфедерации НКВД запросил по этому поводу мнение своих находящихся в европейских странах резидентур. Руководство советских спецслужб было в особенности заинтересовано узнать, кто из подписавших пакт лидеров национально-освободительного движения народов Кавказа был способен выступить в роли наиболее влиятельного объединителя эмигрантской среды вокруг идеи независимого кавказского государства. Данные, полученные от агентуры, свидетельствовали

о том, что такой личностью мог быть никто иной как М. Э. Расулзаде[620].

После этого вся машина дезинформации, какой обладало НКВД во Франции, была запущена на компрометацию личности Расулзаде. Попытки эти оставили свой след и во французских архивах.

Еще в декабре 1933 г. руководство французской контрразведки «Сюртэ женераль» направило Министерству иностранных дел справку под названием «Гитлеровская поддержка движению азербайджанских сепаратистов». В качестве главного представителя этого движения во Франции фигурировал именно Расулзаде, которого упомянутая справка характеризовала следующим образом:

«Во время войны 1914-1918 гг. в Азербайджане сформировалась партия независимости, руководители которой занимались интригами у генерала фон дер Гольца, начальника германской военной миссии в Турции.

В период русской революции руководителем этой партии, объявившем себя председателем правительства Азербайджана, был Расулзаде Мамед Эмин. Однако независимая Азербайджанская Республика оказалась эфемерной, и ее территория была оккупирована большевиками.

Расулзаде, укрывшись за границей, добился получения помощи от польского правительства, что не помешало ему сохранить свои связи и с немцами. Орган своей партии он издавал именно в Берлине, Шарлоттенбург № 2 (Postfach 16). Этот листок на турецком языке, печатается латинскими буквами.

В течение последних лет польское правительство сократило субсидии, выплачиваемые Расулзаде, и совершенно прекратило их выплату после заключения польско-советского пакта.

---

[620] *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. С. 130.

Тогда Расулзаде полностью обратился к своим старым хозяевам: немцам. В Берлине его предприятие рассматривается тем более благоприятно, что идет в ногу с планами расчленения СССР, которые вынашивают многочисленные элементы в лоне гитлеровской партии.

Расулзаде имеет двух представителей во Франции. В частности: Топчибашева, ул. Эрнеста Тиссо, № 28 в Сен-Клу, и Мир Якуба Мехтиева, ул. Конвансьон, 161 бис, в 15-м районе Парижа»[621].

Это типичный пример дезинформации советских спецслужб, составленной для достижения вполне конкретной цели.

В годы Первой мировой войны Расулзаде не был и не мог быть связан с представителями германского командования уже в силу того, что немцы летом 1918 г. объективно являлись союзниками большевиков, подписав с ними договор о том, что Баку должен был оставаться в составе красной России. Газета «Istiklal» издавалась Расулзаде в Берлине еще с января 1932 г., за год до прихода А. Гитлера к власти. Несмотря на заключение советско-польского договора 1932 г., Варшава, как однозначно свидетельствуют архивные документы, продолжала оказывать финансовую поддержку Азербайджанскому национальному центру, также как и другим кавказским организациям движения «Прометей».

Несмотря на эту явно ложную информацию, упомянутая справка следовала политической конъюнктуре тех дней, что должно было бросить тень подозрения на Расулзаде в глазах французов, придав ей, таким образом, правдоподобный характер: связи, якобы установленные Расулзаде с немцами в годы

[621] Le président du Conseil, ministre de l'intérieur (direction de la sûreté générale) à Monsieur le ministre des Affaires étrangères. Appui hitlérien au mouvement séparatiste d'Azerbaïdjan. Représentants de ce mouvement en France. Paris, 14. 12. 1933 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 1093 URSS (Nationalités et régionalisme). Fol. 124-125, 127.

Первой мировой войны, «подтверждались» фактом издания его партийного органа именно в Берлине. Мнимый поворот Расулзаде в прогерманскую сторону «объяснялся» тем, что поляки, ранее финансировавшие деятельность АНЦ, о чем, как свидетельствуют архивные данные, было известно и французам, прекратили его финансировать после советско-польского договора 1932 г., согласно которому Варшава должна была воздержаться от оказания помощи антибольшевистским организациям.

Таким образом, снабжая французскую полицию подобной дезинформацией, агентура НКВД действовала теми же методами, что и в Турции. С той лишь разницей, что в дезинформационных сведениях, передаваемых большевистскими агентами турецкой полиции, в роли государства, якобы оказывающего эмигрантам финансовую поддержку, фигурировала не Германия, а Англия.

Следует отметить, что и после этого «компромата» Расулзаде удавалось регулярно приезжать в Париж, что свидетельствует о том, что французы, в конце концов, разобрались в истинном положении дела.

Однако справка, сохранившаяся в архивах французского МИД, является еще одним доказательством более чем интенсивной активности, проявляемой советскими спецслужбами в столице Франции в 30-х годах прошлого века.

ГЛАВА VI

Национально-освободительное движение Азербайджана на заключительном этапе деятельности Прометеевского фронта (1935-1939)

§ 1. Курс на Кавказскую Конфедерацию и Варшавский съезд партии Мусават (1936)

Заключение в июле 1934 г. Пакта Кавказской Конфедерации, а также решение о создании Совета Конфедерации Кавказа и других общекавказских структур, принятое на Брюссельской конференции в январе-феврале 1935 г., со своей стороны, требовали от партии Мусават созыва собственной конференции. Ее целью должен был стать пересмотр политической программы и устава партии с внесением в них изменений, соответствующих основным положениям упомянутого пакта. Этого же настоятельно требовала от руководства партии и международная обстановка, изменившаяся после прихода к власти в Германии национал-социалистов, франко-советского сближения и принятия СССР в Лигу наций.

В непростых условиях эмиграции на пути осуществления этого замысла стояли серьезные препятствия, преодоление которых стало одной из основных задач Расулзаде, совмещавшего должности как лидера партии Мусават, так и председателя Азербайджанского национального центра.

Дело в том, что уже с 1931 г. М. Векилли, Ш. Рустамбейли и Х. Хасмамедову удалось создать в Стамбуле оппозиционную группу, выступающую против плана Расулзаде перенести местопребывание Загранбюро (Дивана) партии Мусават в

Варшаву как в столицу государства, наиболее заинтересованного в освобождении Кавказа от кремлевской оккупации[622].

Хотя из-за ограничительных мер местных властей в Турции фактически не имелось объективных условий для ведения какой-либо политической деятельности, Векилли, Рустамбейли и Хасмамедов продолжали настаивать на своей точке зрения, ссылаясь на важность страны в качестве основного места сосредоточения азербайджанских эмигрантов, как и ее географической близости к Азербайджану в целом. При этом они начисто игнорировали тот факт, что власти Анкары были против не только какой-либо политической деятельности азербайджанцев на турецкой территории, но даже препятствовали распространению среди эмигрантов изданий, опубликованных вне Турции. Так, не довольствуясь высылкой из страны М. Э. Расулзаде, в 1934 г. Анкара по требованию Кремля запретила ввоз на территорию Турции издающейся с 1932 г. в Германии газеты «Istiklal». С целью обойти с формальной точки зрения этот запрет Анкары, Расулзаде был вынужден в срочном порядке закрыть упомянутую газету и учредить в ноябре того же года новый журнал «Kurtuluş» («Освобождение»)[623].

Наряду с этими, сугубо надуманными предлогами, оппозиционеры ссылались и на соображения идеологического порядка, хотя и не всегда высказывались по этому поводу открыто и официально. В личных беседах с азербайджанскими эмигрантами, а иногда и в публикациях, они указывали на тот факт, что заключение Пакта Кавказской Конфедерации якобы наносит удар политике тюркской солидарности, более важной для государственных интересов Азербайджана, чем вступление в конфедеративный союз с другими народами Кавказа.

---

[622] Информация М. Э. Расулзаде о Варшавском съезде партии «Мусават». [Варшава], 2. 9. 1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем. С. 269.

[623] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. Москва. 2013. С. 167.

Например, в своей изданной в Турции брошюре Рустамбейли, критикуя Расулзаде, безапелляционно заявлял, что «ныне он (т.е. Расулзаде) занимается подписанием разных пактов и проводит уже не пантуранизм, а идею Кавказской Конфедерации. Его нынешние соратники не турецкие народы, а грузинские меньшевики и армянские дашнакцаканы. Союзниками же его являются никто иные, как украинцы и казаки»[624].

Такая позиция стамбульских оппозиционеров получила поддержку и от части туркестанских представителей, входящих в Прометеевский фронт. Принимая во внимание географическую удаленность Туркестана, а также слабую политическую культуру населявших его народов, туркестанцы видели в пантюркизме свой единственный шанс на избавление от большевистского ига. Именно по этой причине часть их руководителей и активистов с подозрением и ревностью относилась к сближению азербайджанцев со своими кавказскими соседями[625].

Более чем вероятно, что за деятельностью Векилова, Рустамбейли, Хасмамедова и их сторонников стояли также турецкие спецслужбы, которые, не давая возможности эмигрантам развивать политическую деятельность на своей территории, наряду с этим желали сохранить абсолютную монополию в деле осуществления контроля над ними.

С целью доказать, что заключение Пакта Кавказской Конфедерации никоим образом не подрывает тесные узы, существующие между организациями тюркских народов, входящих в движение «Прометей», а напротив, входит в интересы и Турции, и других порабощенных большевистской Россией тюрк-

---

[624] Чего добиваются Шейхульисламовы? Ответ на демагогию сотрудников ж. «Кавказ» // *Гулиев В*. Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-ые годы XX века). С. 382.

[625] Письмо И. Мунши о конфликте с представителями туркестанской эмиграции. Декабрь 1937 г. // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 285-286.

ских народов, Расулзаде в 1933 г. писал: «Истинные ревнители тюркизма знают, что азербайджанское национальное движение никогда не было и не будет в таких политических комбинациях, которые могли бы повредить общетюркским культурным ценностям. И для этого, собственно, он (т.е. национальный Азербайджан) ищет выхода избавиться от советской оккупации, именно лишившей его пользования благами этой культуры. Кавказская же Конфедерация, по нашему мнению, и есть тот реальный выход.

Для сохранения Азербайджана в лоне общетюркской культуры нет более верного способа, как изгнание России с Кавказа; а оно возможно только в одном случае – если все народы Кавказа будут вместе».

Лишь в случае создания объединенного кавказского государства Турция, так же как и Иран, будут надежно защищены от русско-большевистского империализма.

Подчеркивая, что необходимость заключения Пакта Кавказской Конфедерации диктуется объективным геополитическим положением и государственными интересами Азербайджана, Расулзаде подверг критике «некоторые молодые и горячие головы» в Турции, «еще не успевших сойти с туманных облаков романтизма на суровую почву жесткой реальности, упрекающих нас, азербайджанцев, проповедующих идею кавказской солидарности, в “отступлении от тюркизма”».

В доказательство своих слов Расулзаде ссылался на заключение Турцией пакта дружбы с Грецией, а также на заинтересованность Анкары в создании Балканской федерации, несмотря на кровавые войны, имевшие в прошлом место между греками и турками.

«Если Турция заключает пакт дружбы с Грецией, с кровавым противником борьбы за национальное освобождение, и начинает говорить о Балканской федерации как о жизненно необходимой и спасительной идее, то почему Азербайджану нельзя договориться с Грузией, с которой никогда никаких

кровавых конфликтов не имел, и почему же ему ставится в минус вхождение в Кавказскую Конфедерацию?!».

Отмечая, что «русские империалисты всех мастей и покровов к идее Кавказской Конфедерации относятся враждебно», и армяне, также ориентирующиеся на Россию, остаются вне кавказского объединения, Расулзаде справедливо подчеркивал странность того, что «некоторые лица, мнящие себя тюркистами, поддаваясь тенденциозным и провокационным подшептываниям недругов нашего дела, выступают также против этой идеи. Странность, над которой кое-кому стоило бы призадуматься. […]

Стремясь восстановить потерянную независимость и успешно защитить ее в дальнейшем, азербайджанцы считают нужным связаться узами конфедерации со своими кавказским соседями. Это их стремление вполне отвечает требованиям исторической необходимости и духу времени. Оно прямо вытекает из жизненных интересов Азербайджана» [626].

Пропаганда необходимости заключения Пакта Кавказской Конфедерации красной нитью проходила по всем номерам редактируемой Расулзаде газеты «Истиклал» в 1932-1934 гг[627].

Тем не менее, несмотря на отсутствие каких-либо объективных аргументов, стамбульская оппозиция продолжала свою деструктивную деятельность, усугублявшуюся тем, что Векилли и Хасмамедов от имени партии Мусават были кооптированы также в состав Азербайджанского национального центра. Таким образом, разногласия в партии Мусават автоматически переносили конфликт и в среду главного руководящего органа азербайджанских организаций Прометеевского фронта.

Вплоть до 1934 г. с формальной точки зрения местопребыванием АНЦ считался Стамбул. Тем не менее, из-за позиции

---

[626] *Расулзаде М. Э.* Проблема Кавказа. 15. 10. 1933 // Там же. С. 90-92.
[627] М. Э. Расулзаде – Й. Скаржинскому. [Варшава], 20. 1. 1934 // Там же. С. 93-101.

турецких властей, в результате которой действие центра на территории Турции было парализовано, реальная деятельность этой структуры протекала в Варшаве. Там же находился и ее председатель – Расулзаде[628].

К началу 1934 г. деятельность оппозиционеров стала вызывать резкое недовольство польских кураторов движения «Прометей» в лице майора К. Дубича, советника посольства Польши в Турции, в 1933-1937 гг. выполнявшего функции руководителя резидентуры польской разведки в Стамбуле, а также его непосредственного начальника, руководителя Экспозитуры II полковника Харашкевича[629].

На состоявшемся весной 1934 г. в Варшаве конгрессе произошло избрание нового (третьего по счету) состава Азербайджанского национального центра. Х. Хасмамедов, также как и другой стамбульский оппозиционер, беспартийный А. Амирджанов, были выведены из состава АНЦ. Такая же судьба постигла и члена дипломатической делегации Азербайджана в Париже А. Шейхульисламова, недовольного тем, что освободившийся после смерти Топчибаши пост председателя этой структуры был занят не им, а М. Я. Мехтиевым. М. Ве-

[628] Анкета «Азербайджанский национальный центр», заполненная М. Э. Расулзаде. [Варшава], 21. 3. 1933 // Там же. С. 59.

[629] Как видно из письма Хасмамедова на имя К. Дубича, последний пытался прилагать все усилия для урегулирования конфликта. См.: Х. Хасмамедов – К. Дубичу. Стамбул, 15. 3. 1934 // Там же. С. 107. Следует отметить, что еще в декабре 1933 г. стамбульскими оппозиционерами во главе с Хасмамедовым, Рустамбейли и С. Агасибейли был инсценирован «конгресс азербайджанской партии Мусават», на котором Расулзаде был «снят с поста председателя партии и исключен из ее рядов». В апреле 1934 г. оппозиционеры опубликовали сообщение об этом в выходящем в Париже журнале «Кавказ». См.: Сообщение партии «Мусават» // Кавказ. Орган независимой национальной мысли. Париж, 1934. № 4. С. 22-23.

килли, в начале 1934 г. временно примирился с М. Э. Расулзаде, что позволило ему остаться в составе АНЦ[630].

В результате произведенных изменений, Азербайджанский национальный центр состоял из М. Э. Расулзаде (председателя), М. Я. Мехтиева, М. Векилли, М. Магеррамова, А. Атамалибекова, полковника Д. Казем-бека и А. Джафароглу. Восьмое место, принадлежавшее партии Мусават, осталось незанятым. Судя по всему, оно предназначалось для представителя стамбульской оппозиции, в случае если с ней все же удастся найти компромисс[631].

Так как члены нового центра были разбросаны по трем странам: Турции (Векилли и Джафароглу), Польше (Расулзаде и Казем-бек) и Франции (Мехтиев, Магеррамов и Атамалибеков), встал вопрос о наиболее адаптированном к этим реалиям распределении сфер компетенций и работ. С этой целью, еще в начале 30-х гг., был образован Полномочный исполнительный комитет АНЦ, состоящий из трех лиц, представляющих каждую из упомянутых групп. В частности – Расулзаде, Векилли и Мехтиева[632].

В марте 1936 г. в Париже состоялся ряд встреч членов Полномочного исполнительного комитета, где вопросы распределения работ и компетенций стали предметом особого обсуждения. В то же время в Париже находился начальник Экспозитуры II Второго отдела Генерального штаба Польши полковник Харашкевич, главный куратор кавказских организаций движения «Прометей», лично следивший за ходом кон-

---

[630] М. Я. Мехтиев. Меморандум по поводу реорганизации Азербайджанского национального центра. [Париж], 14. 6. 1937 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

[631] Информация М. Э. Расулзаде о составе Азербайджанского национального центра в 1927-1936 гг. Не ранее 22. 7. 1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 250.

[632] М. Я. Мехтиев. Меморандум по поводу реорганизации Азербайджанского национального центра. [Париж], 14. 6. 1937 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 3.

сультаций. Вскоре выяснилось, что под предлогом распределения работ и сфер компетенций Векилли и, в несколько меньшей степени, Мехтиев стремились максимально децентрализовать работу АНЦ, низведя роль председателя этой структуры до сугубо формального уровня.

Под предлогом того, что «внутренняя работа», или нелегальная связь со страной не могла эффективно осуществляться под руководством Расулзаде, находящегося в Варшаве, Векилли потребовал передать эти функции исключительно стамбульским мусаватистам, так как проведение разведывательных операций было возможно лишь с турецкой территории, или из находящегося по соседству Ирана. Со своей стороны и Мехтиев, пытаясь монополизировать в своих руках всю дипломатическую работу, потребовал признать за ним исключительное право вступать в сношение с представителями иностранных держав. Находящийся в Варшаве Расулзаде должен был ограничиться исключительно пропагандистской деятельностью, никоим образом не вмешиваясь в работу стамбульских и парижских членов АНЦ и находящихся под их контролем структур, приобретавших тем самым абсолютно автономный статус[633].

Так как упомянутый проект разбивал единый центр на несколько не связанных друг с другом автономных частей, Расулзаде решительно выступил против мнения своих коллег, указывая на то, что в случае принятия их предложений, АНЦ, лишившись единого управления, неизбежно распадется на три неконтролируемые организации[634].

Как метко подметил в связи с этим А. Балаев, в случае принятия подобного проекта, «это могло привести к полной анархии в организационных делах, и целый ряд лиц, действо-

[633] Там же.
[634] Там же.

вавших в этой области стали бы получать распоряжения, противоречащие друг другу»[635].

Это мнение разделял и полковник Харашкевич, вероятно, хорошо понимавший как необоснованность притязаний М. Векилли на возможность проведения секретных акций с территории Турции, так и опасность раскола, дамокловым мечом нависавшим над АНЦ в случае одобрения проекта.

Для того, чтобы показать важность политической работы в Турции, на которую был способен только он, Векилли начал критиковать Совет Конфедерации Кавказа, обвиняя его в недостаточной активности в деле пропаганды Пакта Кавказской Конфедерации в Турции и Иране.

Выступая 17 марта на заседании СКК с информационным докладом о положении дел в Турции, Векилли, пытаясь показать, что политическая деятельность кавказцев в этой стране в недалеком будущем будет возможна, и оценивая ситуацию в излишне оптимистических тонах, заявил, что «в Турции, безусловно, есть большое влияние советской России, но, несмотря на это, Турция не выявляет враждебного отношения к Кавказу. Пакт Кавказской Конфедерации произвел хорошее впечатление.

Взаимоотношения Турции к другим державам внешне хорошие. Заметно растет влияние Англии. Нет уже и боязни со стороны Италии.

Так что можно теперь сказать, что в случае войны Советов с какой-нибудь другой державой, Турция вряд ли будет на стороне Советов. Насколько нам удалось узнать, нет военного союза между Турцией и советской Россией».

Далее, перейдя к вопросу об отношении проживающих в Турции и Иране кавказских эмигрантов к СКК и его деятельности, Векилли сообщил: «В первое время наша эмиграция с надеждой и радостью встретила образование Совета Конфедерации, но в последнее время это отношение изменилось в сто-

[635] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 174.

рону разочарования, ибо Совет недостаточно себя выявил, чем и создается в умах эмиграции некоторая апатия. С этим нужно бороться активизацией работы Совета»[636].

Эти слова наглядно свидетельствовали о том, что в будущем Векилли стремился играть более важную роль и в Азербайджанском национальном центре, и в Совете Кавказской Конфедерации.

Не достигнув согласия в вопросе разделения компетенций, Расулзаде, Векилли и Мехтиев решили продолжить консультации, временно разъехавшись по домам. Расулзаде вернулся в Варшаву, где вскоре должен был состояться съезд партии Мусават.

Еще в 1934 г. было решено путем анкетного опроса партийцев организовать новое Загранбюро. В феврале 1936 г. с целью утверждения соответствующих кандидатур, а также пересмотра политической программы и устава партии Расулзаде разослал всем местным организациям и заинтересованным лицам циркуляр о созыве партийной конференции. Приглашение для участия в конференции получили как кандидаты в новое Загранбюро, так и бывшие члены Дивана, а также представители местных партийных организаций, находящихся в Турции, Иране и Польше в общем количестве 17 человек. Принимая во внимание, что из-за тяжелого финансового положения эмигрантов кое-кто из них будет не в состоянии приехать в Варшаву, циркуляр сообщал, что конференция состоится при любом количестве прибывших на нее делегатов.

В итоге в работе конференции, состоявшейся в Варшаве 5-7 августа 1936 г. приняли участие 11 человек с 4 мандатами от лиц, не сумевших лично прибыть на конференцию, но доверивших право представлять себя участвующим в ней лицам. Векилли, к тому времени уже решивший пойти на очередной

---

[636] Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа. 17. 3. 1936 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 142.

раскол, «не дал о себе знать», хотя сам вместе с другими стамбульскими оппозиционерами первоначально поддержал идею проведения конференции. Мехтиев, получивший приглашение на нее в качестве «видного политического деятеля», также не счел нужным реагировать на это, будучи недовольным тем, что проект по реорганизации работы АНЦ, предложенный им с Векилли, так и не получил одобрение Расулзаде[637].

При этом следует отметить, что, несмотря на переход в оппозицию Рустамбейли, Хасмамедова и Векилли, в Стамбуле продолжала существовать достаточно сильная мусаватистская организация, поддерживающая линию Расулзаде[638].

Выступивший на конференции с политическим докладом Расулзаде посвятил вопросу Кавказской Конфедерации отдельную главу своего выступления, заявив, что «по своей идеологии и программе-максимум партия Мусават является партией тюркской. Но, несмотря на свою турецкую идеологию и вопреки обвинениям ее в туркофильстве, она никогда не отрицала реальность объединения кавказских народов в одно политическое целое. С этой целью в 1918 г. на Втором съезде партии была принята резолюция о Кавказской Конфедерации и вслед за этим как на армяно-азербайджанской конференции в Баку, так и общекавказской конференции в Тифлисе представители азербайджанского правительства оглашали декларацию о необходимости федерирования кавказских народов.

Такое объединение Кавказа, как политической формы, способствующей освобождению Кавказа от русского вторжения и завоевания, по мнению партии, ничуть не противоречит интересам освобождения турецких народов от того же ненавистно-

[637] Информация М. Э. Расулзаде о Варшавском съезде партии «Мусават». [Варшава], 2. 9. 1937 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 269-272.
[638] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 170.

го русского империализма; наоборот, служа гарантией прочного мира на Востоке и играя роль барьера против русского проникновения на Юг, может служить наилучшим фактором в борьбе турецких народов с вековым врагом»[639].

Затем были внесены соответствующие изменения в политическую программу партии. В нее, в частности, были заложены идеологические пункты о том, что «мусаватизм добивается осуществления идеи кавказского единства», а также «стремится к сохранению культурных связей со всем тюркским миром». Наряду с этим необходимость «осуществления идеи Кавказской Конфедерации» подчеркивалась и в программных пунктах[640].

В выработанных в связи с создавшимся международным положением тезисах по внешней политике партии отмечалось, что на данный момент мир являлся разделенным на два враждебных лагеря: «Разрушительный интернациональный и воинствующий коммунизм стоит перед созидательной силой национальной концепции».

Так как в будущем СССР, вследствие собственной агрессивной политики, неизбежно втянется в вооруженный конфликт, порабощенным российским империализмом народам следует быть готовыми к этому времени, ибо эта война разорвет сковывающие их оковы.

Исходя из этого соображения, в сфере международной политики партии следует, разоблачая истинные цели Кремля, «входить в сношение с международными организациями, борющимися как с российским империализмом, так и с большевизмом» [641].

---

[639] Материалы Варшавского съезда партии «Мусават», направленные М. Э. Расулзаде Й. Скаржинскому. Варшава, 9. 8. 1936 // Из истории азербайджанской эмиграции. С. 197.
[640] Там же. С. 187, 188.
[641] Там же. С. 191.

В тезисах говорилось, что какой бы ни была конфигурация будущего вооруженного конфликта, «в случае войны симпатия партии будет на стороне сил, находящихся на противном Советам фронте. Степень же этой симпатии будет находиться в обратно пропорциональном отношении со степенью заинтересованности и положительного отношения этих сил к нашему вопросу. Враг моего врага есть мой друг».

Особое внимание следовало уделять пропаганде азербайджанского вопроса «в странах, явно настроенных против Советов, и в странах, могущих выступить против них».

Исходя из факта подписания Азербайджанским национальным центром Пакта Кавказской Конфедерации, в тексте особо подчеркивалось, что и в сфере международных отношений, и в деле пропаганды партия обязана «исходить из принципа общекавказского единства. Популяризовать идею Пакта Кавказской Конфедерации. Убедить иностранцев в нашей преданности кавказской политической концепции».

Наряду с этим, следовало «уделить особенное внимание пропаганде наших идей в соседних и братских странах – Турции и Персии. Развивать перед общественным мнением этих стран значение Кавказа как буферного государства для этих стран»[642].

В «тезисах политики партии в борьбе с оккупационной властью большевиков в Азербайджане» в связи с исключительно кавказской ориентацией партии также отмечалось, что «народы Кавказа только в единении могут освободиться от русской оккупации»[643].

7 августа, в заключительный день работы конференции, был сформирован новый состав Загранбюро Мусавата. В него вошли М. Э. Расулзаде, М. Б. Мамедзаде, А. Азертекин, А. Джафароглу, Х. Мунши, М. Исрафилов и Г. Зейналов. По инициативе Расулзаде в составе Загранбюро два места были

[642] Там же.
[643] Там же. С. 193.

оставлены вакантными на тот случай, если в будущем руководители стамбульских оппозиционеров изменят свою позицию[644].

§ 2. Новая активизация оппозиции в связи с вопросом о реорганизации Азербайджанского национального центра

В свою очередь, успешное проведение конференции партии Мусават совпало с очередной активизацией стамбульской оппозиции. В значительной степени эта активизация была вызвана событиями международного порядка. На состоявшейся в июне-июле 1936 г. международной конференции в Монтре Турция с помощью западных держав добилась важной дипломатической победы. Ограничения Лозаннского договора 1923 г. были сняты. Анкара в полной мере восстановила свой контроль над Черноморскими проливами, получив в свои руки ключи к доступу в Черное море, что, естественно, усиливало ее позиции и на Кавказе.

Создавшимся положением не преминул воспользоваться М. Векилли, предпринявший попытку убедить поляков сделать ставку на него и возглавляемую им группу стамбульских оппозиционеров. Основным аргументом Векилли было то, что сейчас, когда контроль над доступом в Черное море окончательно перешел в руки Анкары, роль и значение пользующихся доверием турецких властей азербайджанцев резко возросло, благодаря чему для Варшавы наиболее перспективным является поддержать находящихся на территории Турции мусаватистов. Будучи в течение трех лет представителем Азербайджанского национального центра в Варшаве, и таким образом, обладая связями в польской столице, Векилли надеялся занять в планах Польши ту роль, которую до этого играл Расулзаде.

Располагая определенными связями и в правительственных кругах Турции, Векилли стремился исполнять роль основного

[644] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 180.

посредника в азербайджанских делах между Анкарой и Варшавой. Во всяком случае, в одном из своих писем М. Я. Мехтиеву известный крымский деятель Д. Сейдамет характеризует Векилли «единственным человеком, который передавал, в скромной степени, ваши мысли и чаяния турецким политическим кругам»[645].

Действия Векилли поддержал и Мехтиев, который, желая добиться более автономного статуса для себя и возглавляемой им азербайджанской делегации в Париже, как мы уже отмечали, также выступал за децентрализацию деятельности Азербайджанского национального центра и сведение до минимума функций Расулзаде в качестве председателя этой структуры.

В августе 1936 г. в столицу Англии, оказавшей поддержку Турции во время конференции в Монтре, выехал член АНЦ и секретарь дипломатической делегации Азербайджана в Париже А. Атамалибеков. Как впоследствии сообщали члены делегации Векилли, «ему удалось увидеться с некоторыми крупными английскими деятелями». Во время состоявшихся бесед англичане подчеркивали важность поддержки Анкарой независимости Азербайджана и Кавказа, без которой, практически, «ничего нельзя сделать». Говорили английские представители и о том, что в результате происшедшего в последнее время англо-турецкого сближения «открываются новые горизонты и перспективы»[646].

Переходя к шагам, которые Векилли следовало предпринять, представители делегации сообщали последнему, что «вопрос о Стамбуле, поэтому для нас является важным и наиболее значительным. Абсолютно необходимо нам укрепить наши позиции». Непосредственной задачей Векилли являлось «объединить там здоровые элементы нашей эмиграции, ви-

---

[645] М. Я. Мехтиев – Э. Харашкевичу. Париж, 31. 1. 1938 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 5.

[646] М. Я. Мехтиев, А. Атамалибеков, А. Топчибаши – М. Векилли. Париж, 20. 9. 1936 // Там же. Carton n° 4/2.

деться и говорить как с друзьями (поляками. – *Г. М., Р. А.*), так и с хозяевами (турками. – *Г. М., Р. А.*) и проводить там активную и нужную работу. В указаниях в этом отношении вы не нуждаетесь. Как только этот центр будет в достаточной степени организован и находиться в наших руках, положение наше станет действительно прочным, и идея того, чтобы Милли Меркез был бы хозяином, будет реализован»[647].

Впрочем, уже в первую половину 1937 г. стало ясно, что Анкара, несмотря на сближение с Лондоном и установление контроля над Черноморскими проливами, исходя из своей традиционной политики поддержания баланса сил, никоим образом не желает ссориться Кремлем. Таким образом, проекты Векилли относительно возможности возобновления политической деятельности в Турции, в целом, оказались несостоятельными. Со своей стороны и сами оппозиционеры, судя по сохранившимся документальным свидетельствам, не проявляли особой активности в этом отношении.

Все это начало раздражать Мехтиева, поначалу активно поддержавшего оппозиционеров. В письме от 20 мая 1937 г., направленном полковнику Д. Казем-беку, одному из членов АНЦ в Варшаве, Мехтиев, вероятно, не до конца понимая то, что желанного сдвига в политике Анкары так и не произошло, жаловался на инертность оппозиционеров в Стамбуле: «Кто мешает нашим товарищам из Стамбула проявить энергию и встречаться с нашими братьями турками и создать там маленькую организацию, вести положительную работу? По нашему мнению, никто. Но заниматься все время критикой, даже и справедливой, без положительной работы, производит удручающее впечатление на наших соседей, наших друзей и врагов».

И далее: «Кто же мешает в Истамбуле или в Тегеране тому или другому политическому деятелю организоваться и действовать? Все они имеют службу, и каждый из них мог бы вне-

[647] Там же.

сти маленькую сумму на алтарь общего дела и каждые два месяца издавать маленькую газету, где они могли бы не заниматься руганью тех или других людей, а выставить свою политическую программу и план борьбы с общим врагом. Нас возмущает до глубины души, что некоторые политические деятели на склоне своих лет думают, что политическая работа заключается в том, чтобы в кофейнях ругать меньшевиков, украинцев и своих»[648].

Разногласия в АНЦ длились вплоть до 1938 г., так как и Векилли и Мехтиев надеялись склонить поляков на свою сторону, убедив их принять именно их план реорганизации центра. Следует при этом отметить, что упомянутые попытки, в целом, не помешали более или менее удовлетворительному функционированию азербайджанских и общекавказских структур Прометеевского фронта. Разногласия носили латентный характер, не внося большого разлада в работу таких деятелей как Расулзаде или Мехтиев, ставивших национальные интересы выше личных.

Апогей споров пришелся на лето-осень 1937 г.

14 июня Мехтиев направил письмо полковнику Харашкевичу, которое, наряду с краткой историей Азербайджанского национального центра, содержало в себе критику действий Расулзаде, а также конкретные предложения. При этом Мехтиев голословно заявлял, что организованная Расулзаде в августе прошлого года Варшавская конференция партии Мусават была неправомочна принимать какие-либо решения: «Конференция эта была проведена без всякой подготовки, и даже представители партии Мусават в национальном центре – М. Векилли и А. Джафароглу на эту конференцию не явились и участия в ней не принимали».

---

[648] М. Я. Мехтиев – Д. Казем-беку. Париж, 20. 5. 1937 // Там же. Carton n° 3.

С целью ослабить позиции Расулзаде Мехтиев выступал с предложением «хотя бы на некоторое продолжительное время» совершенно прекратить всякую партийную активность, так как «внутренняя борьба и междоусобицы в партии Мусават отражаются каждый раз на работе центра и являются фактом, парализующим его работу».

Наряду с этим необходимо осуществление проекта распределения сфер деятельности и компетенций, выдвинутого на заседаниях АНЦ в марте 1936 г., поднятие авторитета центра «и сосредоточение вокруг него всех активных сил».

Для достижения этого необходимо «по истечении некоторого срока, когда позиция центра будет консолидирована и работа его урегулирована, расширение баз самого центра с целью привлечения в него тех элементов оппозиции, которые могут быть полезны для дела в видах создания наиболее возможного широкого национального объединения»[649].

Так как эти предложения были неприемлемы ни для Расулзаде, ни для поляков, понимающих, что бессистемное расширение АНЦ на персональной основе вызовет лишь новые конфликты, поздним летом того же года переговоры были перенесены в Варшаву, куда выехали Мехтиев и Векилли.

По информации, полученной резидентом советской разведки в Варшаве, переговоры между Расулзаде, Мехтиевым и Векилли проходили в здании Генштаба в присутствии полковника Харашкевича. Выведенный из себя несговорчивостью оппозиционеров, заявляющих, что для урегулирования конфликта необходима отставка Расулзаде с поста председателя АНЦ и реформирование этой структуры исключительно в духе их собственного проекта, начальник Экспозитуры II потребовал от присутствующих «договориться самим в интересах де-

[649] М. Я. Мехтиев. Меморандум по поводу реорганизации Азербайджанского национального центра. [Париж], 14. 6. 1937 // Там же.

ла»[650]. В итоге стороны согласились созвать в ближайшем будущем новую конференцию партии Мусават, в которой должны были принять участие и сторонники Расулзаде, и стамбульские оппозиционеры, с целью выработки взаимоприемлемой формулы. До созыва конференции АНЦ продолжает функционировать в прежнем составе[651].

Вскоре, однако, выяснилось, что против этих соглашений выступает никто иной, как сам Векилли. На состоявшемся 4 ноября заседании АНЦ в Париже Векилли, в нарушение принятых в Варшаве договоренностей, в ультимативной форме потребовал выборов нового председателя этой структуры. На сей раз это вызвало резкое недовольство не только поляков, но и Мехтиева, и других членов центра, требующих сохранить статус-кво и оставить вопрос открытым до новой конференции Мусавата. В ответ на это Векилли демонстративно заявил о своей отставке, выйдя из состава АНЦ[652].

Причиной этого было то, что, несмотря на обещания, данные Мехтиеву и другим оппозиционерам, ему так и не удалось сколотить в Стамбуле организацию под своим руководством. Не оправдались и надежды на то, что Турция после конференции в Монтре займет более антибольшевистскую позицию, тем самым позволив азербайджанским эмигрантам возобновить политическую деятельность на своей территории. Эти два обстоятельства прочно лишали Векилли надежды, что на будущей конференции партии Мусават у него будет достаточно сторонников для того, чтобы протащить свой проект реорганизации Азербайджанского национального центра. Вероятно, с целью добиться своего с помощью прямого давления,

---

[650] *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. С. 84-85.

[651] М. Я. Мехтиев – Э. Харашкевичу. Париж, 12. 4. 1938 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/2.

[652] М. Я. Мехиев – Э. Харашкевичу. Париж, 31. 1. 1938 // Там же. Carton n° 5.

Векилли пошел ва-банк, что и завершилось для него полным поражением.

«Занятая мной позиция в вопросах о национальном центре: – 1) мой конфликт с председателем партии Мусават, 2) мой конфликт с друзьями (поляками. – *Г. М., Р. А.*), и, наконец, 3) разногласия с членами национального центра по вопросу о тактике, создают для меня тяжелое положение, которое мне не дает возможности остаться в национальном центре», – писал Векилли по этому поводу членам дипломатической делегации в Париже.

Со своей стороны и поляки прибегли к мерам финансового воздействия, лишив стамбульских оппозиционеров получаемых ими из Варшавы субсидий. Если раньше деньги, предназначенные для членов АНЦ в Стамбуле, получал А. Джафароглу, примкнувший к оппозиции, с конца 1937 г. они стали переводиться на имя Али-бея Расулзаде, участника Варшавской конференции 1936 г.[653]

После этого напряженность в отношениях между членами АНЦ пошла на убыль, хотя Мехтиев и в дальнейшем выступал с предложениями о реорганизации этой структуры. Так, 12 апреля 1938 г. он отправил письмо на имя Харашкевича, где с целью уравновешивания деятельности центра, предлагал ввести в его состав по два дополнительных представителя как из числа сторонников М. Э. Расулзаде, так и из стамбульской оппозиции[654].

Поскольку к этому времени разногласия в Азербайджанском национальном центре, в целом, потеряли былую остроту, предложения Мехтиева так и остались на бумаге.

В значительной степени трения между Расулзаде и Мехтиевым были смягчены и в результате созданных в Париже структур Прометеевского движения, имеющих целью макси-

[653] Там же.
[654] М. Я. Мехтиев – Э. Харашкевичу. Париж, 12. 4. 1938.

мально координировать деятельность находящихся здесь кавказских, украинских и туркестанских организаций.

Еще 10 мая 1934 г. по инициативе бывших министров иностранных дел Грузии и Украинской Народной Республики Евгения Гегечкори и Александра Шульгина в Париже был образован Комитет дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины (Le Comité d'amitié des peuples du Caucase, du Turkestan et de l'Ukraine). Комитет избрал временное бюро в составе А. Шульгина (председатель) и А. Атамалибекова (секретаря). Членами комитета являлись М. Я. Мехтиев и А. Атамалибеков от Азербайджана, А. Чхенкели от Грузии, И. Чулик от Северного Кавказа, М. Чокай от Туркестана, А. Шульгин и И. Косенко от Украины[655].

Так как местопребывание комитета было в Париже, два года спустя он получил от Варшавы право выступать перед иностранными державами и Лигой наций с дипломатическими демаршами, «обязуясь защищать также в этих демаршах дело стран-членов клуба "Прометей", не входящих в Комитет дружбы». Деятельность комитета особенно активизировалась с 1937 г., в период принятия в СССР сталинской конституции и кровавых репрессий 1937-1938 гг. В это время руководством комитета был проведен целый ряд конференций в Париже, посвященных проблемам порабощенных наций Советского Союза, а также внутриполитической ситуации в

[655] Procès-verbal de l'assemblée générale constitutive du Comité d'amitié des peuples du Caucase, du Turkestan et de l'Ukraine qui a eu lieu le 10 mai 1934, 42, rue Denfert-Rochereau // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 138. См. также: Северный Кавказ, орган Народной партии горцев Кавказа. Варшава. 1934. № 1. С. 27.

СССР[656]. В 1938 г. тексты этих докладов были изданы отдельными брошюрами[657].

§ 3. Попытки развития азербайджано-германских связей в 1936-1939 гг.

С 1936 г. руководством Азербайджанского национального центра и партии Мусават были приняты меры к усилению деятельности в Германии. Этого настойчиво требовала от АНЦ создавшаяся международная обстановка и решения, принятые как на уровне азербайджанских, так и общекавказских структур движения «Прометей».

Как уже отмечалось, что на состоявшейся в Варшаве в августе 1936 г. конференции партии Мусават было принято решение о необходимости установления связей с международными организациями и политическими кругами государств, ведущих борьбу как с большевизмом, так и российским империализмом. При этом следовало также обратить внимание на страны, которые в будущем могли оказаться в стане противников красной империи.

7 апреля 1936 г. на заседании Совета Кавказской Конфедерации по инициативе М. Я. Мехтиева было принято решение о

[656] Procès-verbal de la réunion du Comité d'amitié des peuples du Caucase, du Turkestan et de l'Ukraine du 9 février 1937 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement gйorgien. Mfm 181. Bobine 138.

[657] Les «élections» en URSS. Bibliothèque du Comité d'Amitié des Peuples du Caucase, du Turkestan et de l'Ukraine. Paris. 1938; *Briquet P. E*. (rédacteur de la politique étrangère au «Journal de Genève»). Les Nations opprimées et la Société des Nations. Bibliothèque du Comité d'Amitié des Peuples du Caucase, du Turkestan et de l'Ukraine. Paris. 1938; *Славинский М. А*. Национально-государственная проблема в СССР. Bibliothèque du Comité d'Amitié des Peuples du Caucase, du Turkestan et de l'Ukraine. Paris. 1938.

направлении в Германию неофициального представителя СКК, «временно, для выяснения положения»[658].

Следует отметить, что активизация азербайджанских организаций Прометеевского фронта в отношении Германии была вызвана несколькими крайне важными причинами. Несмотря на резко антибольшевистскую риторику руководителей Третьего Рейха, в государственных структурах Германии, так же как и во влиятельных партийных кругах НСДАП, в целом, были весьма сильны русофильские тенденции. В частности, немало из руководителей и высших чиновников Германии в случае падения большевизма в России не сочувствовали делу освобождения порабощенных Кремлем народов, предпочитая сохранить нетронутой Российскую империю. Следовало установить контакт с теми из немецких представителей, которые сочувственно относились к делу национально-освободительной борьбы нерусских народов, наряду с этим развернув эффективную пропаганду в политических и научных кругах Германии с целью их ознакомления с национальным вопросом, существующим в СССР.

По сравнению с другими кавказцами Прометеевского фронта, азербайджанцы обладали лучшими возможностями для развития подобной деятельности в Третьем Рейхе. Несмотря на то, что грузинские социал-демократы, в целом, также сознавали настоятельную необходимость активизации деятельности Совета Кавказской Конфедерации в Германии, их марксистская идеология служила для них непреодолимой преградой в вопросе установления связей с представителями соответствующих германских кругов. В связи с этим немало проблем создавало для социал-демократов существование в их партии крайне левого крыла, ставящего идеологически-

[658] Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа. 7. 4. 1936 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 155.

партийные соображения выше грузинских национальных интересов[659].

Не случайно, выступая на совещании СКК 17 марта 1936 г. М. Векилли сообщал, что росту влияния Прометеевского фронта в Германии «немало мешают» некоторые статьи против национал-социалистского режима, опубликованные в журнале «Брдзолис хма» («Эхо борьбы»), официальном органе грузинской социал-демократической партии[660].

Что касается входящих в СКК горцев Северного Кавказа, они, сами не будучи марксистами, попросту не имели в Германии политической организации, способной к подобной работе.

Таким образом, в отличие от грузинских социал-демократов и горцев, объективными возможностями для развития соответствующей деятельности в Германии обладали лишь мусаватисты. В этом азербайджанцы получили полную поддержку и со стороны польских кураторов движения «Прометей», так как в то время поляки надеялись договориться с Берлином, создав, таким образом, единый германо-польский антибольшевистский фронт.

Наряду с вышеприведенными соображениями, необходимость роста политической активности в Германии диктовалась и тем обстоятельством, что уже с 1934 г. во Франции была создана кавказская организация, оппозиционно настроенная к Прометеевскому фронту.

С 1 января 1934 г. в Париже на русском языке начал выходить журнал «Кавказ, орган независимой национальной мысли». Бессменным редактором этого издания, вокруг которого вскоре произошло формирование политической группы под

---

[659] Подробно об этом см.: *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 263-287.

[660] Протокол заседания Совета Конфедерации Кавказа. 17. 3. 1936 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 143.

таким же названием, был один из главных руководителей национально-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа Гайдар Баммат, бывший министр иностранных дел Горской Республики. Было бы несправедливо отрицать, что в журнале «Кавказ» зачастую сотрудничали представители интеллектуальной эмигрантской элиты народов Кавказа. В особенности это касалось грузин и горцев, помещавших в журнале статьи, до сих пор представляющие интерес с точки зрения изучения истории и анализа геополитического положения кавказского региона. Первоначально журнал «Кавказ» финансировался состоятельными кавказскими меценатами, однако уже с 1935 г. деньги на издание журнала стала выделять японская разведка через посольство Японии в Париже[661].

С первого же года издания журнала его страницы щедро предоставлялись находящимся в Стамбуле представителям азербайджанской оппозиции, публиковавшим в нем заявления, резолюции и статьи, направленные против Расулзаде и партии Мусават. Как сам Баммат, так и сотрудничавшие в его журнале Х. Хасмамедов, Ш. Рустамбейли и А. Шейхульисламов пытались представить возглавляемую М. Э. Расулзаде партию Мусават в качестве антинациональной организации, деятельность которой якобы не была направлена на восстановление независимости Азербайджана и Кавказа в целом[662].

Исключение в этом отношении составлял лишь Д. Гаджибейли, который, активно сотрудничая в журнале «Кавказ», тем не менее, воздерживался от каких-либо нападок на Расулзаде и партию Мусават.

Необходимо отметить, что в политическом отношении группа «Кавказ» стояла на такой же позиции, как и Совет Конфедерации Кавказа, провозглашая своей главной целью создание кавказского конфедеративного государства. Разница

---

[661] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 296-300.

[662] *Балаев А.* Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. С. 164.

заключалась лишь во внешнеполитической ориентации. Если кавказцы Прометеевского фронта ориентировались на Польшу и на те страны, которые хотя бы в будущем потенциально могли быть заинтересованы в независимости Кавказа, не придавая решающего значения политическому режиму последних, организация Баммата ориентировалась исключительно на страны Оси, считая их наиболее последовательными антибольшевистскими государствами, обладавшими потенциалом сокрушить красный московский империализм.

В первые два года существования журнала «Кавказ» ни сам Баммат, ни другие члены его группы не могли бросить адекватный вызов кавказцам, входившим в Прометеевский фронт. Ситуация изменилась после подписания 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта между Берлином и Токио, в соответствии с которым Германия и Япония брали на себя обязательства по борьбе с мировой угрозой большевизма. Наряду с этим, соответствующие структуры Рейха стали также проявлять интерес к установлению контактов с кавказскими эмигрантскими организациями. То, что, в конце концов, выбор Берлина был сделан в пользу группы «Кавказ», вероятно, объясняется позицией японцев, которые, финансируя с 1935 г. организацию Баммата, порекомендовали своих подопечных германской стороне.

Конкретные формы сотрудничества Токио и Берлина с группой «Кавказ» были зафиксированы в двух секретных протоколах к Антикоминтерновскому пакту, подписанных в Берлине 11 мая 1937 г. начальником германской военной разведки Абвера адмиралом В. Канарисом и военным атташе Японии в Германии генералом Х. Ошимой. Судя по этим документам, целью разведок Третьего Рейха и Страны восходящего солнца было создать на основе группы «Кавказ» более крупную организацию, альтернативную движению «Прометей», и включающую в себя большое количество эмигрантов, готовых поддерживать идею независимости Кавказа в рамках внешнеполитических замыслов Токио и Берлина. Укрупнен-

ная таким образом группа «Кавказ», сохранив свое старое наименование, должна была стать основным центром идеологической и практической работы эмигрантов по кавказским вопросам. Финансирование этой организации должно было быть осуществлено на паритетной основе Токио и Берлином.

С целью сделать организацию более гибкой было решено создать внутри нее несколько национальных групп-филиалов, функционирующих в автономном режиме. Последние должны были выпускать версии журнала «Кавказ» как на кавказских, так и на основных европейских языках. Каждую из этих версий предполагалось соответствующим образом адаптировать к политическим условиям стран и народов, на языке которых она издавалась.

В итоге с 1937 г., наряду с сохранением основной, русской версии журнала «Кавказ», это же издание стало выходить на французском, турецком и грузинском языке. С начала 1938 г. увидела свет немецкая и английская версия «Кавказа», а с 1939 г. журнал стал издаваться и на армянском языке.

Наряду с пропагандистской деятельностью, члены организации должны были участвовать и в разведывательных операциях, финансируемых японцами и немцами[663].

Поскольку, как уже отмечалось, значительную часть своих страниц журнал «Кавказ» уделял критике кавказских организаций, входящих в движение «Прометей», вопрос налаживания контрпропаганды в Германии стал одной из основных проблем, стоящих перед Советом Конфедерации Кавказа.

Требовалось довести объективную информацию до немецкого читателя, показав, что, несмотря на партийную принадлежность, входящие в СКК кавказские партии и организации стоят в вопросе независимости Кавказа на такой же принци-

[663] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 304-309; *Kuromiya H., Mamoulia G.* Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion: The Caucasus-Japanese Nexus, 1904-1945. Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. N° 8. P. 1426-1428.

пиальной позиции, как их правые оппоненты из группы «Кавказ».

В октябре-ноябре 1936 г. было принято решение об издании в Германии на немецком языке информационного бюллетеня – неофициального органа СКК. Хорошо понимая, что власти Рейха вряд ли дадут разрешение на издание в Берлине бюллетеня организации, функционирующей не на германской территории, прометеевцы решили обойти этот запрет следующим образом. Планируемый к изданию на немецком языке бюллетень с формальной точки зрения должен был являться приложением к азербайджанскому журналу «Kurtuluş», с 1934 г. издававшемся Расулзаде в Берлине. Таким образом, подобная форма публикации не требовала специального разрешения германских властей. При весьма небольшом объеме бюллетеня, включающего в себя всего 8 страниц, его тираж, по предварительным расчетам, должен был составлять 1 000 экземпляров, что являлось весьма крупной цифрой для эмигрантских изданий. Планировалось распространять бюллетень в восьми германоязычных странах, включая Скандинавию. Деньги на издание бюллетеня в сумме 130 немецких марок выделялись на паритетной основе азербайджанской, грузинской и горской секцией СКК. Первоначально грузины выступали с предложением дать бюллетеню название «Прометей», «как имя известное и подчеркивающее определенную политическую линию в национальной борьбе кавказских народов», по аналогии с журналом, публикуемым в Париже[664].

Это предложение, однако, вызвало возражение М. Э. Расулзаде, хорошо знакомого с условиями и возможностями публикации эмигрантских изданий в Германии. К тому же подчеркивание связи бюллетеня с журналом «Прометей», издаваемым во Франции для демократических кругов западно-

[664] С. Менагаришвили – М. Э. Расулзаде. [Париж], 25. 1. 1937 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 193.

европейских стран, сразу же могло привлечь к себе внимание спецслужб Третьего Рейха.

В письме к С. Менагаришвили, секретарю Совета Конфедерации Кавказа, Расулзаде подчеркивал, что, по его мнению, «название “Прометей” к берлинскому изданию не подходит». Мотивируя свою точку зрения, он далее отмечал, что выходящий в Париже «Прометей» «обращается к французским читателям. Вследствие чего имеет определенный подход к событиям, который временами становится непонятным для немцев. Кроме того, это название охватывает не только кавказскую проблему. В третьем – это название обще-охватывающее, не подходит к “приложению”, остающемуся частью того же целого. Иметь “Прометей” в 8 куцых страниц на немецком языке, тогда как на французском выходит на 32-х страницах, – тоже нетактично. Можно было бы давать другое название. Но тогда следовало бы придать органу характер не приложения; – 8 страниц, опять-таки, было бы очень скудно и несерьезно для самостоятельного органа»[665].

Грузины согласились с этими аргументами, и уже 1 марта 1937 г. в Берлине на немецком языке увидел свет информационный бюллетень «Befreiung (“Освобождение”), кавказское приложение журнала “Kurtuluş”, органа национальной защиты Азербайджана». Функции редакторов этого издания были возложены на Хилала Мунши и Николая (Нико) Имнайшвили, исполняющих в Берлине роль неофициальных представителей Азербайджанского и Грузинского национального центра[666]. Непосредственной целью издания было ознакомить немецкие политические круги, а также общественное мнение с проблемой Кавказа и национально-освободительного движения кавказских народов.

В связи с этим в написанной Расулзаде передовице первого номера под красноречивым названием «Наша цель» прямо

[665] М. Э. Расулзаде – С. Менагаришвили. Варшава, 28. 1. 1937 // Там же.
[666] М. Э. Расулзаде – С. Менагаришвили. Варшава, 4. 6. 1937 // Там же.

указывалось, что борьба за освобождение Азербайджана от большевистского ига является интегральной частью «борьбы за независимость всего Кавказа». В этой же борьбе принимают участие северокавказцы и грузины: «Ответственные представители этих трех кавказских стран, находящиеся сегодня в изгнании и руководящие отсюда борьбой их народов, подписали в июле 1934 г. в Брюсселе Пакт Конфедерации. Как усматривается из этого пакта, текст которого опубликован в этом же органе, кавказские народы представляют себе будущее свободного Кавказа в виде конфедерации республик.

Если этот пакт и подписан вдали от наших родных земель в условиях эмиграции, он, однако, преследует цель, которая с давних пор выражалась всеми кавказскими руководителями, наряду с этим представляя идеал широких масс наших народов, ведущих борьбу за создание свободного, объединенного Кавказа»[667].

Далее в тексте сообщалось и о формировании Совета Конфедерации Кавказа как главного кавказского органа Прометеевского фронта: «Идея Кавказской Конфедерации приняла уже форму целеустремленной организации. Совет Кавказской Конфедерации и периодические “кавказские конгрессы” являются теми организациями, которые трудятся над осуществлением Брюссельского пакта. Само собой разумеется, дальнейшая организация, а вернее руководство совместной борьбой против Москвы за освобождение Кавказа, является первой и главнейшей задачей упомянутого Совета. Мы добавили в названии этого листка к глаголу “приложение” прилагательное “кавказское” потому, что наше издание касается не только

[667] [*Resul-zade M. E.*]. Unser Ziel! // Die Befreiung. Kaukasische Beilage der Zeitschrift “Kurtuluş”, des Organs der Nationalen Verteidigung von Aserbaidschan. Berlin. März 1937. Nr. 1. S. 2-3. Хотя эта передовица и не подписана Расулзаде, его авторство доказывается полным совпадением содержавшихся в ней цитат с пассажами текста книги «Проблема Азербайджана», выпущенной год спустя в Берлине. (См.: *Resul-zade M. E*. Das Problem Aserbeidschan. Berlin-Charlottenburg. 1938.).

Азербайджана, но и всех тех других народов, которые присоединились к Пакту Конфедерации», – подчеркивал Расулзаде[668].

Касаясь вопроса борьбы с большевизмом, являвшегося основным внешнеполитическим лозунгом государств Оси, Расулзаде пророчески отмечал, что эту проблему не следует рассматривать исключительно с социальной точки зрения.

«Советская Россия является не только центром Коминтерна. Наряду с этим она является империалистическим государством, удерживающим под своей оккупацией целый ряд стран и народов. Для защиты от коммунизма, на сегодняшний день совершенно открыто пропагандируемого агентами советского правительства во всех странах, во многих государствах, особенно в последнее время, были созданы мощные организации. Многие из этих антикоммунистических стран и государств наконец-то осознали необходимость совместной борьбы с московской напастью.

Мы сердечнейшим образом приветствуем это сотрудничество, так как оно направлено против той идеологии, против которой боремся и мы, – нерусские народы. Мы, однако, придерживаемся мнения, что нельзя отделить акции коммунистического интернационала от духа и природы русско-большевистского империализма. Точно так, как православие являлось официальной религией царизма, так и сегодняшний коммунизм является религией советской России. Уже с давних пор в России говорят о “большевиках-коммунистах и большевиках-некоммунистах”. Большевизм является новым названием военного русского империализма»[669].

Подчеркивая роль Польши и приграничных с СССР государств в деле сдерживания красной экспансии, Расулзаде в нескольких фразах резюмировал квинтэссенцию идеологии прометеизма, тем самым призывая к созданию единого блока

[668] Ibidem. S. 3.
[669] Ibidem. S. 4.

европейских государств на основе польско-германского сближения: «Если бы ленинская красная армия не была разбита в 1920 г. в Польше, Финляндии и других окраинных государствах, возможно, на сегодняшний день этот империализм стоял бы в самом сердце Европы. С целью устранения мировой опасности – коммунизма – требуется в первую очередь устранить русский империализм, имя которому вот уже 20 лет большевизм.

До тех пор, пока эта деструктивная сила располагает нефтяными и марганцевыми богатствами Кавказа, углем, железом и зерном Украины, хлопком и другими сокровищами Туркестана, различными ценными природными ресурсами Идель-Урала, Крыма, Карелии и т.д., этот империализм будет жить, представляя тем самым постоянную угрозу культурному человечеству. Для того чтобы успешно бороться против этой опасности, необходимо внимательно исследовать и изучить круг угнетаемых Россией народов.

С помощью своих публикаций “Befreiung” будет пытаться облегчить немецким читателям эту задачу, надеясь приобрести таким образом новых друзей и сочувствующих нам людей»[670].

На последней странице приложения был опубликован немецкий перевод Пакта Кавказской Конфедерации[671].

В целом издание бюллетеня «Befreiung», хотя по понятным причинам он и не мог соперничать с немецким изданием журнала «Кавказ», сыграло положительную роль в деле пропаганды независимости Кавказа и прометеевских идей в Германии. В июне был опубликован двойной номер (№ 2/3) приложения, за которым последовал и четвертый. Затем, однако, выпуск «Befreiung» пришлось приостановить.

Как впоследствии отмечалось в связи с этим в отчете о деятельности Совета Конфедерации Кавказа и его президиума за

[670] Ibidem. S. 5.
[671] Pakt der Kaukasischen Konföderation // Ibidem. S. 8.

период от 20 июля 1935 по апрель 1938 г., издание «Befreiung», предпринятое «в целях пропаганды и популяризации кавказского вопроса в Германии», имело безусловный успех. «В особенности в немецкой и, отчасти, в прессе скандинавских стран. Но ввиду того, что издание и распространение бюллетеня требовало значительных расходов, то за неимением соответствующих сумм президиум принужден был прекратить издание бюллетеня. Чего нельзя не считать большим недостатком, в особенности, в данный переживаемый момент»[672].

Наряду с ведением пропаганды в печати, прометеевцы предпринимали попытки установления личных контактов с заинтересованными германскими структурами и кругами, пытаясь доказать им, что в борьбе с большевистской опасностью наиболее эффективным способом являлось использование национального фактора, принимая во внимание стремление к освобождению нерусских народов от довлеющего над ними великодержавного ига.

В определенной степени усиление подобной активности было вызвано посещением в 1936 г. Польши д-ром А. Эртом, председателем организации «Антикоминтерн», которая, входя в структуру Министерства пропаганды Германии, являлась одним из значительных центров официальной антибольшевистской пропаганды страны. В разговоре с польскими прометеевцами Эрт, поволжский немец, родившийся в Саратове, не скрывая своих прорусских настроений, заявил, что, будучи сторонником польско-германского сотрудничества в борьбе

[672] Отчет о деятельности Совета Конфедерации Кавказа и его президиума за период от 20 июля 1935 г. до 1 апреля 1938 г. // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 178.

против большевизма, он, однако, является сторонником сохранения Российской империи после падения коммунизма[673].

С целью показать, что русский коммунизм является не привнесенной идеологией в России, а ничем иным, как формой русского империализма, в мае 1937 г. Расулзаде предпринял поездку в Германию. Наряду с личными встречами, проведенными в Берлине с представителями политических, научных и культурных кругов, 21 мая в известном клубе Гумбольдта состоялась пресс-конференция Расулзаде под названием «Проблема Азербайджана». На конференции, помимо кавказцев, присутствовали представители германских властей, а также научных кругов и прессы[674].

В 1938 г. несколько дополненный текст Расулзаде был издан в Берлине на немецком языке отдельной брошюрой. Подробно коснувшись истории Азербайджана, а также основных этапов национально-освободительного движения страны, Расулзаде в заключительных главах брошюры ознакомил немецкую аудиторию с деятельностью Прометеевского фронта. Сообщив, что в июле 1934 г. руководители национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа заключили Пакт Кавказской Конфедерации, он отметил, что кавказские эмигранты «отныне дебатируют между собой не тему Кавказской Конфедерации, а то, кто из них является лучшим конфедератом. Если раньше идея Кавказской Конфедерации также присутствовала в пунктах программ старых кавказских партий, сегодня она прочно укоренилась в идеологических системах всех кавказских партий и направлений. Эта необходимость была продиктована кавказцам многочисленными историческими примерами. События прошлого доказали нам, кавказцам, что на-

---

[673] *Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И.* Организация «Прометей» и «прометеевское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. С. 345.

[674] Vortrag M. E. Ressul-zade's // Die Befreiung. Kaukasische Beilage der Zeitschrift "Kurtuluş", des Organs der Nationalen Verteidigung von Aserbaidschan. Berlin. Mai/Juni 1937. Nr. 2/3. S. 26.

роды, проживающие между Каспийским и Черным морями в состоянии освободиться только совместными усилиями, и лишь таким образом могут сохранить свою независимость. По этим причинам идея Кавказской Конфедерации составляет краеугольный камень политики азербайджанской эмиграции»[675].

Подчеркнув, что Прометеевский фронт является «большой и мощной организацией, представляющей угнетаемые красным империализмом народы», Расулзаде отметил, что именно поэтому «Москва не щадит никаких средств для того, чтобы уничтожить и этот большой союз нерусских народов»[676].

Кремль испытывает величайший страх перед этим организованным политическим объединением угнетаемых им нерусских народов, так как именно эти народы являются наиболее уязвимым местом империи.

Небезынтересно отметить, что, издав свою брошюру в национал-социалистической Германии, Расулзаде при этом отнюдь не пытался делать реверансы существующему там политическому режиму, объясняя свое стремление найти точки соприкосновения с властями Рейха исключительно национальными интересами угнетаемых Кремлем кавказских народов.

Подчеркнув, что название «тюрьма народов», данное Российской империи еще в начале XIX века, более чем справедливо отражало сущность этого государства, Расулзаде отмечал, что большевики, демагогически признающие лишь на бумаге право наций на самоопределение, «создали в лице так называемого Советского Союза новую форму “тюрьмы народов”»[677].

Именно по этой причине «нерусские народы, всегда чувствующие себя пленниками упомянутой тюрьмы, постоянно ожидали и ожидают от точных ударов, нанесенных русскому

---

[675] *Resul-zade M. E*. Das Problem Aserbeidschan. S. 55.
[676] Ibidem. S. 57.
[677] Ibidem. S. 60.

господству извне, освобождения и спасения. С этой надеждой они сочувствовали победе японского оружия на полях сражений в Манчжурии в 1904-1905 гг. Известным фактом является и то, что во время мировой войны симпатии угнетаемых Россией народов всецело находились на стороне стран Центральной Европы.

Симпатии азербайджанцев, как и всех угнетаемых Россией тюрко-татарских народов, принадлежали в годы мировой войны державам Четверного союза и, прежде всего, Германии. Это было вовсе не из-за того, что Германия в то время воевала с западными державами и имела своими союзниками наших турецких братьев, а скорее потому, что Германия была врагом России! Да, мы имели одного врага! Вражеская сила, которую почтенный фельдмаршал Гинденбург уничтожил под Танненбергом, являлась Россией, поработившей нас самым жестоким образом. И сегодня борьбу национал-социалистической Германии против большевизма в наших странах будут наблюдать с большим интересом, так как мы также боремся против этого же большевизма и его насильственного владычества.

Спасение объединенных в Прометеевский фронт народов находится в тесной зависимости от разрыва сковывающих их большевистско-русских цепей»[678].

В доказательство необходимости польско-германского антибольшевистского сближения Расулзаде ссылался на слова А. Гитлера, произнесенные им в своей речи в Рейхстаге о том, что польское государство стало реальностью, с которой Германии необходимо считаться[679]. Как известно, дальнейшие политические события, увы, не подтвердили искренность этих слов.

В целом, Расулзаде был доволен своим визитом в Германию, хотя, видимо, ему было нелегко убедить руководителей «Антикоминтерна» занять более активную позицию в нацио-

[678] Ibidem. S. 61.
[679] Ibidem. S. 62.

нальном вопросе нерусских народов красной империи. В частности, в своем письме к Менагаришвили Расулзаде писал, что во время его пребывания в Берлине он «имел встречи и сделал доклад. Доклад прошел с успехом. Собрал много слушателей не только эмигрантов, но и немцев. Доклад получил отражение и в большой немецкой прессе. В Германии я нашел большой информационный интерес к нашим проблемам. Хотя в организации "Антикоминтерн" больше бьют на социально-идеологический момент и советуют не делать ударения на национальный момент так ярко. Невзирая на это, в Германии есть трибуна для нашей пропаганды, и это мы умело можем использовать»[680].

Следует отметить, что и после временной приостановки издания в 1937 г. кавказского информационного бюллетеня «Befreiung», Азербайджанский национальный центр проявлял активность в Берлине. Наряду с публикацией в 1938 г. упомянутой брошюры Расулзаде, в начале 1939 г. Азербайджанцам удалось возобновить издание немецкого приложения «Befreiung» журнала «Kurtuluş». Однако, в отличие от информационного бюллетеня 1937 г. оно уже не носило название кавказского, являясь сугубо азербайджанским изданием, выходящим в виде трехмесячного журнала. Причиной этого являлось то, что, будучи марксистской партией, и уже в силу этого факта подозрительной в глазах официальных властей Рейха, грузинские социал-демократы не захотели выйти из состава второго интернационала, как на том настаивали полякикураторы Прометеевского фронта. Еще в августе 1935 г. по приказу Сталина Коминтерн отказался от своей враждебной политики по отношению к европейским социалистам, демагогически призывая к созданию «единого антифашистского фронта». Хотя в результате этого второй интернационал стал все больше и больше сближаться с политикой Москвы, гру-

[680] М. Э. Расулзаде – С. Менагаришвили. Варшава, 4. 6. 1937 // BDIC. Microfilms des archives du gouvernement géorgien. Mfm 881. Bobine 193.

зинские социал-демократы, все еще обладавшие среди входивших в него западных социалистов некоторыми полезными для себя связями, отказались следовать рекомендациям Варшавы. Тем самым они сделали невозможным вступление в объединенный фронт грузинских политических партий и организаций Прометеевского фронта тех правых политических группировок, которые соглашались присоединиться к движению «Прометей» в случае выхода социал-демократов из второго интернационала.

Несмотря на то, что во время дискуссии, имевшей место в варшавском клубе «Прометей» 7 апреля 1938 г., эта позиция социал-демократов подверглась разгрому в докладе профессора Владимира Бачковского, редактора прометеевского журнала «Wschód» («Восток») и одного из ярых сторонников польско-германского антибольшевистского сближения, социал-демократы так и не изменили своей позиции[681].

В результате этого политическая деятельность грузинских социал-демократов в Германии, включая участие в издании политической литературы от имени Прометеевского фронта, стала невозможной.

По этой причине увидевший свет в марте 1939 г. журнал «Befreiung», ставший продолжением выходящего под таким же названием кавказского информационного бюллетеня 1937 г., как уже отмечалось, являлся сугубо азербайджанским изданием. Издаваясь Азербайджанским национальным центром, он носил название «немецкого издания журнала “Kurtuluş”, органа национальной защиты Азербайджана». Напечатанный на довольно хорошем полиграфическом уровне в объеме более чем 60 страниц, «Befreiung», несмотря на тот факт, что он издавался в Берлине, не проявлял ни малейшего пиетета в отношении официальной идеологии Третьего Рейха, защищая, в

[681] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 221-222, 263-270, 273-287.

соответствии с установками Прометеевского фронта, идею польско-германского антибольшевистского сближения.

Например, в первом же номере этого журнала был опубликован текст выступления Расулзаде во время упомянутой дискуссии в Варшаве 7 апреля 1938 г. В нем Расулзаде особо подчеркивал, что «в борьбе против своего единственного врага – России, – прометеизм связан союзническими узами с международными антисоветскими и антирусскими силами. Тем не менее, он не забывает, что в будущем он может оказаться в конфликте с некоторыми из этих союзников, ибо союзники могут быть разных видов. Некоторые из них могут быть настроены антикоммунистически, – с ними мы можем идти вместе до определенного исторического этапа. Другие являются не только антикоммунистами, но и выступают против русского империализма. С ними наш союз является более долговечным. К подобным союзникам мы причисляем те международные силы, которые исторически заинтересованы в распаде России, без которого они не могут избавиться от постоянной угрозы, дамокловым мечом нависающей над их странами. К этим странам принадлежит Польша, на гостеприимной территории которой мы сегодня с глубоким интересом обсуждаем с представителем ее общественности требования политического момента. Польская восточная политика отличается от других концепций решения "русской проблемы" тем, что имеет ярко выраженный защитный характер, основываясь на славной традиции борьбы за независимость Польши, гласящей: "За вашу и нашу свободу"»[682].

Таким образом, германскому читателю недвусмысленно давалось понять, что в будущем военном конфликте с СССР долгосрочные симпатии азербайджанских прометеевцев будут на стороне тех из европейских держав, которые с самого на-

[682] Resul-zade M. E. Der Geist neuer Zeiten // Die Befreiung. Die deutsche Ausgabe der Zeitschrift "Kurtulusch", das Organ der nationalen Verteidigung Aserbeidschans. Berlin. Januar-Februar-Mârz 1939. S. 8-9.

чала признают права азербайджанского и других нерусских народов на свою государственную самостоятельность. Наряду с этим, подобных симпатий будут в целом лишены те державы, которые под лозунгом теоретического антикоммунизма попытаются заменить красную империю белой, к чему, как уже отмечалось, склонялось немало политических деятелей Третьего Рейха.

В том же номере журнала были опубликованы тексты целого ряда немецких ученых-тюркологов (Г. фон Менде, Й фон Бенцинг, Г. фон Яшке), сочувственно относящихся к стремлению к независимости народа Азербайджана. Некоторые из них, как Менде, сыграют крайне важную роль в германо-азербайджанских отношениях в годы Второй мировой войны.

§ 4. Попытки возобновления деятельности на территории Турции

Заключение в конце 1936 г. Антикоминтерновского пакта вызвало определенную активизацию азербайджанцев, находящихся на территории Турции. В основном это были представители стамбульской оппозиции, отказывающиеся признать полномочия находящегося под руководством Расулзаде Азербайджанского национального центра. Деятельность последних была в значительной степени подхлестнута и усилением активности группы «Кавказ», которая, став с мая 1937 г. основным получателем финансовой помощи Токио и Берлина, сосредоточила свою деятельность на том, чтобы снискать расположение официальной Анкары.

В соответствии с «пятилетним планом» сотрудничества, выработанным к этому времени японской разведкой совместно с германским Абвером, уже в 1938 г. было предусмотрено проведение подготовительных мероприятий для ведения секретных операций на Кавказе. В частности, создание на территории Турции и Ирана тайных организаций, ответственных за заброску агентов на советскую территорию, подготовку курь-

еров и налаживание постоянных связей с оккупированным большевиками Кавказом[683].

С 1937 г. для того чтобы убедить Анкару в своей полной лояльности, Г. Баммат и его сотрудники начали на страницах своего журнала массированную кампанию относительно необходимости безоговорочного признания всеми эмигрантскими организациями народов Кавказа существующих границ советских кавказских республик с Турцией и Ираном. С целью блокировать возможное возобновление деятельности конкурентов-прометеевцев на территории Турции в публикациях журнала «Кавказ» говорилось, что хотя с формальной точки зрения азербайджанские мусаватисты и грузинские социал-демократы и признают существующие границы Азербайджана и Грузии с Ираном и Турцией, они, тем не менее, не проявляют искренности в этом вопросе[684].

В надежде, что в союзе с группой «Кавказ» им все же удастся получить согласие Анкары на возобновление своей деятельности на территории Турции, стамбульские оппозиционеры предприняли конкретные шаги. В конце 1937 г. с целью обговорить с Бамматом формы конкретного сотрудничества в Париж приехал Х. Хасмамедов, уже с 1934 г. публикующий в журнале «Кавказ» статьи, направленные против М. Э. Расулзаде и поддерживающего его большинства партии Мусават.

В соответствии с договором, заключенном им с руководителем группы «Кавказ» в результате консультаций в Париже, Баммат и его сотрудники должны были вести работу в Европе, в то время как вся деятельность в Турции должна была быть сосредоточена в руках Хасмамедова и поддерживающих его оппозиционеров в Стамбуле. Чтобы максимально способство-

---

[683] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 311-312; *Kuromiya H., Mamoulia G.* Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion: The Caucasus-Japanese Nexus, 1904-1945. P. 1428.

[684] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 301-304.

вать будущей деятельности Хасмамедова, ему была назначена постоянная денежная субсидия. Тем не менее, по возвращении в Стамбул у Хасмамедова возникли проблемы, так как значительная часть мусаватистов-оппозиционеров, которых он считал своими сторонниками, отказалась вступать в организацию «Кавказ». На общем собрании, устроенном по этому поводу, Хасмамедову было заявлено, что во время его поездки в Париж ему следовало сосредоточиться на переговорах М. Я. Мехтиевым и другими членами Азербайджанского национального центра, выступающими за его реорганизацию и ограничение компетенции Расулзаде. Хотя Хасмамедов сообщил, что подобные переговоры были бессмысленны, так как поляки полностью поддерживают Расулзаде, многие из стамбульских оппозиционеров остались при своем мнении, заявив, что «Халил-бей просто явился слепым орудием Баммата»[685].

Судя по всему, Хасмамедову и поддержающему его Х. Султанову все же удалось сколотить в Турции небольшой филиал группы «Кавказ». Во всяком случае, уже с весны 1938 г. в Стамбуле на турецком языке, взамен запрещенного еще в июле 1937 г. «Kafkas almanağı», стало выходить новое издание журнала «Кавказ» – альманах «Kafdağı» («Кавказ»), редактором которого являлся молодой азербайджанский журналист Фуад Амирджан, пишущий под псевдонимом Ф. Дарьял[686].

Между тем, понимая, что осуществление с турецкой территории разведывательных операций будет сопряжено с неимоверными трудностями из-за препятствий, чинимых турецкими властями, Баммат попытался использовать другой путь, воспользовавшись членами мусаватистских организаций, находящимися на территории Северного Ирана. В итоге к группе «Кавказ» примкнули некоторые из тех азербайджанских муса-

[685] М. Я. Мехтиев – Э. Харашкевичу. Париж, 31. 1. 1938 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 5.
[686] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 311.

ватистов, которые, обосновавшись в Южном Азербайджане, сохранили связи с оккупированной Родиной, ранее участвуя или имея отношение к секретным операциям, осуществляемым в рамках движения «Прометей». Так как с финансовой точки зрения эти операции обходились гораздо дороже по сравнению с акциями с турецкой территории, со второй половины 30-х гг. Азербайджанский национальный центр был вынужден отказаться от их проведения вследствие финансовых затруднений в Польше, финансирующей Прометеевский фронт. В отличие от поляков, японская разведка к этому времени была согласна предоставить соответствующие ресурсы организации Баммата.

По данным, сохранившимся в архивных материалах НКВД, на сторону группы «Кавказ» перешел М. С. Ахундзаде, бывший член азербайджанского парламента от партии Мусават, который, являясь до 1935 г. представителем Расулзаде в Северном Иране, руководил на ирано-советской границе повстанческой организацией, состоящей из шахсевенов. Последние, выполняя своего рода функции пограничников по охране иранской границы, обладали правом носить оружие. Эта организация, находящаяся под непосредственным руководством некоего Султан-бека Гусейнзаде, якобы насчитывала в своем составе около 1 000 человек, готовых в любой момент к переходу границы. Наряду с этим под контролем Ахундзаде находились пункты перехода на азербайджанскую территорию в районах Игдыра, Джульфы, Ордубада, Акары, Ардебиля и Билясувара. В группу «Кавказ» вступил и Юсуф Али Алиев, проживающий в Тегеране бывший товарищ министра торговли и промышленности независимого Азербайджана[687].

Непосредственно к услугам находящихся в Северном Иране азербайджанских эмигрантов группа «Кавказ» и стоящая за ним японская разведка прибегла летом 1938 г., во время известного японо-советского военного противостояния на Даль-

[687] АМВДГ. Ф. 6. Архивное дело № 4377. Л. 143-145.

нем Востоке в районе озера Хасан, продолжающегося с 29 июля по 11 августа.

В июле с помощью вышеназванных азербайджанских членов группы «Кавказ» на советскую территорию в районе Нахичевани была заброшена первая экспедиция. Эмигранты-грузины Михаил Николайшвили, Георгий Вардиашвили и Бежан Гиоргадзе должны были собирать разведывательные сведения о дислокации, военно-технической оснащенности и морально-политическом состоянии расположенных на Кавказе частей красной армии. Особое внимание следовало уделить сбору сведений о командирах-кавказцах, дислокации и настроении кавказских частей РККА. Наряду с этим, разведчики должны были прозондировать отношение местного населения к власти Кремля и к тому, какова будет его реакция в случае войны СССР с Японией. При наличии подходящих условий на местах и продолжительного военного конфликта Кремля с Токио следовало приступить к сколачиванию кавказских партизанских отрядов, способных к осуществлению диверсионных актов. В этом случае планировалось перебросить на Кавказ руководящий повстанческий штаб, ответственный за координацию действий партизан, для размещения которого следовало заранее наметить подходящие, тайные, пункты. В связи с этим участники экспедиции после их возвращения в Иран должны были представить полковнику Харуо Фукучи, военному атташе Японии в Иране и специалисту по СССР, конкретный план дальнейших действий. Японская сторона брала на себя обеспечение партизан вооружением, чтобы к моменту начала боевых действий на Дальнем Востоке в Грузии было поднято мощное восстание, которое в дальнейшем должно было распространиться на весь Кавказ. Так как, опасаясь возможной советской интервенции, власти Ирана отказались предоставить Токио возможность доставлять оружие кавказским повстанцам, используя иранскую территорию, японцы планировали обойти этот запрет следующим образом: выгруженное в Персидском заливе с японских судов оружие под

видом сельскохозяйственных орудий должно было в разобранном виде доставляться на грузовиках к ирано-советской границе. Этот план, вероятно, так и остался неосуществленным[688].

Первоначально экспедиция развивалась успешно. 3 июля эмигрантам удалось перейти нахичеванский участок ираносоветской границы в районе Ордубада. Однако 7 июля, покидая приграничную зону, члены экспедиции неожиданно для себя натолкнулись на отряд местной милиции. Не успев применить оружие, разведчики были арестованы[689].

Потерпев неудачу в попытке установить связь с Кавказом с иранской территории, Баммат, сам находившийся в это время в Стамбуле, решил пойти на крайне рискованный шаг: несмотря на противодействие Анкары, использовать для этой цели территорию Турции. Прибывшим из Берлина в Стамбул 3 августа Элизбару Вачнадзе и Самсону Круашвили удалось, вопреки многочисленным препятствиям, чинимым турецкими властями, установить связь с Грузией посредством эмигрантов-аджарцев, обитавших в районе турецко-грузинской границы. Получив разведывательные сведения относительно дислоцированных в Аджарии частей красной армии, разведчики в сентябре вернулись в Берлин.

Небезынтересно отметить, что хронологически эта тайная экспедиция совпала с совещанием в посольстве Японии в Стамбуле японских дипломатов, аккредитованных в СССР, Турции, Румынии, Афганистане, Египте и Сирии. В ходе совещания, состоявшегося 6-10 августа 1938 г. под прикрытием конференции, посвященной экономическим вопросам, японские военные атташе обсудили перспективы проведения разведывательных операций на Кавказе и в Центральной Азии[690].

---

[688] Там же. Л. 43-45, 135-136, 139-141, 319-320.

[689] Там же. Л. 47-48, 150-165, 321.

[690] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 316-318.

В это время Анкара всеми силами пыталась избежать возможного ухудшения отношений с Советами. Для того чтобы угодить Кремлю, турецкие власти приняли меры не только против эмигрантов-кавказцев, но и против японских офицеров-разведчиков, действующих в Турции под дипломатическим прикрытием. 10 августа Министерство иностранных дел выразило протест послу Японии в Анкаре по поводу упомянутой конференции японских дипломатов. Месяц спустя, 6 сентября, в то время, когда Вачнадзе все еще находился в Стамбуле, под давлением Советов турки были вынуждены лишить турецкого гражданства и выслать из страны не только членов турецкого филиала группы «Кавказ», руководимого А. Кантемиром[691], но и эмигрантов, всего лишь симпатизирующих этой организации.

В декрете турецкого правительства, опубликованного по этому поводу, прямо сообщалось, что лишение гражданства и высылка членов группы «Кавказ» обусловлена их принадлежностью к «революционной и разведывательной организации, направленной против одной дружественной державы в пользу и за счет другого государства»[692].

---

[691] В справках, составленных НКГБ в 1944 г. о Баммате и Кантемире, указывается, что «в августе 1938 г. в Стамбул приезжал Бамматов, в связи с происходившим там секретным совещанием японских дипломатов (разведчиков) на Ближнем Востоке, направленным против СССР. Последовавшие затем разоблачения в прессе о характере этого совещания и наши представления турецкому правительству вынудили последнее выслать из Турции Бамматова, Кантемирова и других представителей эмиграции». См.: Справки первого управления НКГБ СССР на Бамматова Гайдара и Кантемирова Алихана. 15. 7. 1944 // Российский государственный архив социально-политической истории. Москва, Россия. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1090. Л. 139,141.

[692] Репрессии в Турции. Административные высылки // Кавказ, орган независимой национальной мысли. Париж, 1938. № 10 (58). С. 29; *Баммат Г.* Репрессии против кавказских патриотов в Турции // Кавказ. 1938. № 11 (59). С. 1-4.

В середине сентября был устроен суд над редактором турецкого издания журнала «Кавказ» («Kafdağı») – азербайджанцем Ф. Амирджаном[693].

Несмотря на то, что попытки ведения разведывательной деятельности с турецкой территории небезуспешно предпринимались группой «Кавказ» и в дальнейшем, стало ясно, что официальная Анкара не собирается менять своей позиции в отношении красной империи.

Впрочем, этот всплеск активности группы «Кавказ» имел неожиданные последствия, стимулировав желание армянских эмигрантов начать консультации о своем вступлении в Прометеевский фронт. Сейчас, когда стало окончательно ясным, что слухи о тайных связях, якобы поддерживаемых азербайджанскими и северокавказскими лидерами с Анкарой оказались обычным преувеличением, армяне сочли для себя возможным приступить к переговорам с азербайджанцами и грузинами о своем присоединении к Пакту Кавказской Конфедерации. Понимая, как и все другие кавказцы, что Европа находится в преддверии мирового вооруженного конфликта, армяне предпочли, отложив хотя бы на время свои территориальные притязания к Турции, сосредоточиться на сохранении территории советской Армении.

18 февраля 1938 г. в Париже по инициативе бывшего председателя армянской делегации на Парижской мирной конференции А. Хатисяна состоялось частное совещание представителей Азербайджана, Грузии и Армении. Взявший слово Хатисян заявил, что хотя армянские представители и не подписали Пакт Кавказской Конфедерации 1934 г., «в настоящее время положение изменилось. Нет различия в ориентациях, ни Россия, ни Турция не представляются в том свете, в котором они представлялись раньше. Армяне сейчас не говорят о территориальных претензиях к Турции». Наряду с

[693] Суд над редактором «Кафдагы» Ф. Дарьялом // Кавказ. 1938. № 10 (58). С. 30.

этим, массовые сталинские репрессии против интеллигенции и народов Кавказа в целом, а также «дальнейшее развитие событий в советской России» может поставить всех кавказцев, включая армянский народ, «перед угрозой физического существования» [694].

Руководствуясь этими соображениями, Хатисян после совещания со своими коллегами пришел к мысли о необходимости возобновить контакты и сотрудничество с представителями соседних кавказских народов. Так как прежней горской делегации А. М. Чермоева, в которую входил и Баммат, больше не существует, «а к Баммату и его группе они относятся отрицательно», армяне сознательно воздержались от приглашения северокавказцев на переговоры, зная, что в скором времени Горский национальный центр будет создан в рамках Совета Кавказской Конфедерации.

Затем последовал продолжительный обмен мнениями, «были указаны и отмечены взаимные ошибки и даны взаимные информации». Была констатирована необходимость «устроить еще несколько частных совещаний для того, чтобы сговориться и выяснить формы взаимного сотрудничества»[695].

Эта встреча, ознаменовавшая собой возобновление консультаций армян с кавказскими национальными центрами Прометеевского фронта, имела весьма важное значение, открыв дорогу к присоединению армян к Пакту Кавказской Конфедерации и, таким образом, к возвращению их в русло общекавказского сотрудничества.

С целью выработки форм взаимодействия кавказцев в случае присоединения к ним армян была создана специальная комиссия, собравшаяся на свое заседание 4 февраля 1939 г. На основе изучения всех документов, подписанных кавказскими представителями в эмиграции, стороны пришли к выводу, что

---

[694] А. Атамалибеков. Позиция армян. [Париж], 12. 3. 1938 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/2.
[695] Там же.

«наилучшей формой, отвечающей стремлениям кавказских народов объединиться вместе», является конфедерация. Основными ее принципами, зафиксированными еще в декларации представителей четырех кавказских республик от 10 июня 1921 г. являются: «1) Единство внешней политики; 2) единство военных дел в целях общей защиты конфедерации; 3) единство экономическое и финансовое и уничтожение таможенных границ внутри конфедерации и 4) обязательный арбитраж для разрешения всех споров, могущих возникнуть между конфедерирующими республиками».

Так как эти положения легли в основу Брюссельского Пакта Кавказской Конфедерации от 1934 г., было решено взять текст последнего в качестве основы будущего обновленного объединения. А. Джамаляну, бывшему посланнику Армении в Грузии, было поручено подготовить текст декларации «в которой будут изложены мотивы и решения представителей кавказских республик объединиться в общую конфедерацию».

Обновленный Совет Кавказской Конфедерации должен состоять из представителей четырех национальных центров, делегирующих от себя в состав Совета по четыре человека от каждой секции[696].

Как свидетельствуют документы, в целом армянские представители склонялись в сторону присоединения к Пакту Кавказской Конфедерации и вступления в СКК, продолжая обсуждать лишь отдельные детали условий этого присоединения.

С 1938 г. М. Э. Расулзаде, в основном, находился в Варшаве. К этому времени разногласия между ним и М. Я. Мехтиевым относительно реорганизации Азербайджанского национального центра в основном были урегулированы, и послед-

[696] Протокол заседания комиссии представителей кавказских республик. 4. 2. 1939 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 199.

нему было предоставлено право в отсутствии Расулзаде представлять в Совете Конфедерации Кавказа его азербайджанскую секцию.

При этом Расулзаде продолжал внимательно следить за деятельностью СКК, занимая, в случае необходимости, принципиальную позицию, даже если это не всегда отвечало взглядам польских кураторов Прометеевского фронта.

В сентябре 1938 г. в обновленный состав северокавказской секции СКК был введен генерал Лазарь Бичерахов, бывший командующий войсками Центрокаспия, отряд которого, находясь в Баку в июле-сентябре 1918 г., совершил многочисленные злодеяния против мусульманского населения города, наряду с этим участвуя в обороне Баку от наступающих на него турецко-азербайджанских войск.

Получив информацию об этом, Расулзаде выступил против кандидатуры Бичерахова, заявив категорический протест председателю северокавказской секции СКК Шамилю.

Узнав впоследствии, что его протест был проигнорирован, и Бичерахов продолжает участвовать в заседаниях Совета в Париже, 10 мая 1939 г. Расулзаде отправил письмо президиуму СКК, где в резкой форме потребовал удаления Бичерахова из этого органа. «В зависимости от обстоятельств, представляемой мной организации придется также пересмотреть свое отношение к СКК в данном его составе», – подчеркивал в связи с этим Расулзаде[697].

Впрочем, этот инцидент, вероятно, не имел продолжения. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война.

[697] М. Э. Расулзаде – президиуму Совета Конфедерации Кавказа. Варшава, 10. 5. 1939 // Там же. С. 200.

ГЛАВА VII

Азербайджанская эмиграция и кавказский проект западных держав в период «Странной войны»[698] (1939-1940)

Во второй половине 1939 и первой половине 1940 г. кавказский вопрос неожиданно оказался в центре внимания правительств Франции и Англии.

Разгром Польши Вермахтом в сентябре 1939 г. и последующий раздел этой страны между Германией и СССР в соответствии с заключенным 23 августа пактом Молотова-Риббентропа произвел шоковый эффект в Париже и Лондоне. Оказавшись перед угрозой германской атаки, как французы, так и англичане лихорадочно приступили к разработке стратегических планов, способных нанести удар по военно-экономическому потенциалу Третьего Рейха. Так как в ту эпоху до 80% советской нефти добывалось на Кавказе, регион в силу данного обстоятельства сразу же привлек к себе внимание и Парижа, и Лондона. В связи с этим небезынтересно отметить, что в 1940 г. из 617 000 тонн нефтяного импорта Третьего Рейха – треть приходилась на СССР.

[698] «Странная война» (фр. Drôle de guerre) – период Второй мировой войны с 3 сентября 1939 по 10 мая 1940 г. на Западном фронте. Упомянутым названием был подчеркнут характер боевых действий между враждующими сторонами — почти полное их отсутствие, за исключением боевых действий на море. Враждующие стороны вели только бои локального значения на франко-немецкой границе, в основном находясь под защитой оборонительных линий Мажино и Зигфрида.

§ 1. Разногласия между западными державами

Опасаясь вторжения Вермахта на свою территорию и находясь с географической точки зрения в более уязвимом положении по сравнению со своим британским союзником, Франция пыталась как можно дальше отдалить перспективу войны от своих восточных границ. По этим же причинам Париж в это время проявлял больше непримиримости и к союзнику Третьего Рейха – СССР, приступившему после заключения пакта о ненападении к снабжению Германии нефтью, имевшей стратегическое значение для ведения Вермахтом дальнейших боевых действий.

В результате этого уже с сентября 1939 г. в правящих кругах Франции сначала на политическом, а потом и на военном уровне стал обсуждаться вопрос вывода из строя нефтепромыслов Баку, Грозного и Майкопа.

22 сентября в сенатской комиссии по международным делам Поль Бонкур, французский депутат-социалист, упомянул о возможности перехвата и контроля судов, транспортирующих советскую нефть из Черного моря в Германию[699].

В отличие от Франции, позиция которой вследствие общей уязвимости страны в это время отличалась определенным радикализмом в отношении Кремля, большинство лидеров Великобритании относились к кавказским проектам Парижа более сдержанно. Островное положение Великобритании давало ей преимущества по сравнению с ее континентальной союзницей, делая Англию менее уязвимой перед лицом германского нашествия. К тому же бомбардировка нефтяных месторождений Кавказа, по мнению англичан, непременно вызвала бы ответные действия Советов, в результате чего подвергались риску стратегические интересы Великобритании на Ближнем

---

[699] *Bartel H.* Frankreich und die Sowjetunion 1938-1940. Ein Beitrag zur französischen Ostpolitik zwischen dem Münchener Abkommen und dem Ende der Dritten Republik. Stuttgart, Wiesbaden. 1986. S. 319-320.

Востоке. В частности, под угрозой ударов большевиков могли оказаться нефтепромыслы Ирана, традиционно входившие в сферу особых интересов англичан. По этой причине Лондон испытывал постоянные колебания. Если часть политической и военной элиты страны склонялась к возможности нанесения бомбовых ударов по Баку, Грозному и Майкопу, другая часть, опасаясь негативных последствий подобных действий, выступала за урегулирование проблемы дипломатическими путями, надеясь в конечном итоге оторвать СССР от союза с Третьим Рейхом.

§ 2. Позиция Турции

Крайне важную роль в осуществлении кавказских планов западных держав играла и позиция Турции, с территории, или в крайнем случае через территорию которой, только и могли быть нанесены бомбовые удары по местам нефтедобычи на Кавказе. После аннексии Италией Албании в апреле 1939 г., и в особенности после германо-советского пакта о ненападении от 23 августа, Анкара стала стремительно склоняться к союзу с западными державами. 19 октября того же года был заключен англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи. Хотя в соответствии с договором стороны обязывались оказывать друг другу политическую и военную поддержку, острие договора, в основном, было направлено против Италии и Германии, так как зафиксированные в нем обязательства имели силу только в том случае, если Англия, Франция или Турция становились объектом агрессии каких-либо европейских государств. Опасаясь СССР, Анкара настояла, чтобы в договор был внесен протокол № 2, содержащий специальную оговорку о том, что обязательства Турции по заключенному договору не могут принудить ее к действиям, последствием которых

может быть вовлечение ее в вооруженный конфликт с Советским Союзом[700].

Тем не менее, западные союзники, и в особенности французы, не теряли надежды на возможность если не официального вовлечения Турции в антибольшевистскую борьбу, то хотя бы на использование ее территории в этих целях. Определенную надежду к этому давала и военная конвенция, подписанная одновременно с договором. В ней, в частности, предусматривалось использование союзниками дорог, портов, аэродромов и других объектов, а также строительство баз на территории Турции. Предусматривалось так же обеспечение Турцией транзита через ее территорию солдат и вооружения союзников.

§ 3. Азербайджанская эмиграция: активизация и создание новых структур во Франции

Азербайджанская эмиграция не являлась пассивным участником этих событий, а пыталась по мере возможностей использовать в своих интересах стремительно меняющуюся политическую конъюнктуру той эпохи. Разгром Польши в сентябре 1939 г. по понятным причинам привел к временному нарушению связей, осуществляемых в рамках Прометеевского фронта между азербайджанскими политическими организациями, находящимися в Иране, Турции, Польше и Франции.

М. Э. Расулзаде, находившийся в Варшаве в момент германского вторжения в Польшу, как и многие другие польские политические деятели, сумел покинуть страну, перебравшись в Румынию, куда временно были перенесены и центральные структуры Прометеевского движения[701]. Служившие в поль-

[700] *Önder Z.* Die türkische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. München. 1977. S. 33.

[701] Докладная записка НКВД СССР № 4749/Б в ЦК ВКП(б) с изложением данных, полученных от закордонного агента «Омери», о положении в

ской армии офицеры-азербайджанцы, как и остальные кавказцы, честно выполнив свой долг перед Варшавой, в большинстве своем попали в германский плен.

Оказавшись отрезанными от связей со своими соотечественниками, находившиеся во Франции члены дипломатической делегации Азербайджана решили взять инициативу в свои руки. Так как с этого времени Азербайджанский национальный центр, члены которого были разбросаны по разным странам безо всякой связи, фактически прекратил свою деятельность, в Париже из членов делегации был создан Азербайджанский национальный комитет под председательством М. Я. Мехтиева (в своей внутренней переписке, говоря об этой структуре, азербайджанцы продолжали использовать название Азербайджанский национальный центр).

Соответственно и деятельность этих двух структур была распределена следующим образом: в сферу компетенции делегации входили внешнеполитические вопросы, взаимоотношения с другими державами и ведение пропаганды. Общеполитические вопросы, а также поддержание конспиративных связей с Азербайджаном входило в функции Азербайджанского национального комитета[702].

Создание органа, ответственного за поддержание нелегальных связей со страной, было оправдано и с той точки зрения, что уже с сентября 1939 г. по разведывательным данным НКВД, представители французской военной разведки вступи-

---

Турции и о деятельности грузинской и кавказской эмиграции в Европе и на Ближнем Востоке. 5. 11. 1940 // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Накануне (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). Москва. 1995. Т. I. Кн. I. С. 272; Ф. Папен – Министерству иностранных дел. Пантуранистское движение. Терапия, 5. 8. 1941 // Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. II. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). Москва. 1946. С. 37.

[702] L'émigration des peuples de la race turque. [Mars 1940] // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/2.

ли в контакт с находящимися в стране кавказскими эмигрантскими организациями, включая азербайджанцев. По этим же сведениям, подтверждение чему, впрочем, нам пока еще не удалось отыскать во французских архивах, уже к этому времени в Париже велась «подготовка кадров диверсантов, которые в ближайшее время через турецкую и иранскую границы намечены к переброске в Закавказье»[703].

Хотя к сентябрю 1939 г. дело шло скорее лишь о начале разработки подобных планов, НКВД Азербайджанской ССР получило приказ максимально усилить охрану бакинских нефтепромыслов. Лубянка требовала от местных чекистов насадить на всех участках Азнефти особо надежную агентуру, очистив ее от случайных и сомнительных с ее точки зрения людей[704].

Наряду с началом ведения консультаций с представителями французской разведки, члены азербайджанской делегации в Париже вступили в контакт и с политическими структурами Франции. Уже 12 сентября Мехтиев от имени азербайджанской делегации обратился с особой нотой к Жоржу Бонне, министру иностранных дел Французской Республики. Напомнив вкратце историю объявления независимости Азербайджана, а также описав обстоятельства, при которых дипломатическая делегация Азербайджана оказалась в Париже, Мехтиев, касаясь современных событий, отмечал: «Сегодня человечество присутствует при новом повороте истории. Польская нация, территориальная целостность и само существование которой находится под угрозой, ведет оборонительную героиче-

[703] Указание НКВД СССР № 4357/Б НКВД Азербайджанской ССР об активизации агентурно-оперативных мероприятий по выявлению и предупреждению диверсионных актов на бакинских нефтепромыслах. 23. 9. 1939 // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Накануне (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). Т. I. Кн. I. С. 94.
[704] Там же. С. 95.

скую борьбу. Франция и ее союзники немедленно встали на защиту ее справедливого дела».

Намекая на участие азербайджанцев в Прометеевском движении, Мехтиев подчеркивал, что «азербайджанский народ имеет вековые дружеские связи с польской нацией, и испытывает бесконечную признательность и искреннюю симпатию в отношении Франции; бессмертной защитницы прав народов на свободное существование в соответствии с человеческим достоинством».

Выражая сожаление, что находящиеся во Франции эмигранты-азербайджанцы были призваны под французские знамена со статусом «русских беженцев», Мехтиев от имени азербайджанской делегации выражал французскому правительству «свою надежду на триумф священного дела свободы», будучи уверенным в том, «что обстоятельства позволят ему эффективно бороться за этот идеал»[705].

В конце документа отмечалась готовность членов делегации «по мере своих сил быть полезными для дела Франции»[706].

После этой ноты, сообщающей лишь об общем желании членов делегации встать на службу Франции, которая в это время была более чем заинтересована в освобождении Кавказа от власти Кремля, азербайджанцы перешли к формулировке конкретных предложений. Следовало сконцентрироваться на ознакомлении общественного мнения страны с проблемой Азербайджана, Кавказа и других тюркских народов СССР, показав, что лишь в случае освобождения Кавказа и распада красной империи в целом, лишенный нефтяных ресурсов Советский Союз будет не в состоянии оказать Германии эконо-

[705] M.-Y. Mehtiev (président de la délégation) à Son Excellence Monsieur G. Bonnet, ministre des Affairés étrangères de la République Française. Paris, 12. 9. 1939 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z (Europe). Dossier n° 1093, URSS (nationalités et régionalisme). Fol. 331.
[706] Ibidem. Fol. 332.

мическую помощь, предусмотренную в рамках пакта Молотова-Риббентропа.

С этой целью 21 сентября Мехтиев обратился с новой нотой в Генеральный комиссариат информации Франции, созданную в июле 1939 г. структуру, преобразованную в апреле 1940 г. в министерство, ответственное за ведение пропаганды, призванной поддержать французские военные усилия, подготовив общественное мнение страны к ведению и тяготам войны. Находящийся под руководством французского дипломата и писателя Ж. Жироду, Генеральный комиссариат информации, черпающий сведения как из легальных, так и нелегальных источников, включая разведывательные данные, как свидетельствуют новейшие исследования, проявил себя в 1939-1940 гг. эффективнее, чем считалось раньше[707].

Для того чтобы предоставить в распоряжение этой структуры объективную информацию, свидетельствующую о стратегической важности Кавказа для дела западных союзников и Франции, в первую очередь, Мехтиев сообщал, что члены возглавляемой им делегации «являются политическими представителями тюркского мусульманского азербайджанского народа. Обладая глубоким знанием Востока, его языков и традиций, а также исламского мира в целом, они полагают, что являются в состоянии оказать полезное сотрудничество. Особенно в сфере службы пропаганды, которая призвана играть наиболее важную роль в борьбе, ведущейся Францией и ее союзниками. Именно по этой причине мы и обращаемся к вам, господин верховный комиссар, с целью предоставить себя в ваше распоряжение в том случае, если вы сочтете это сотрудничество достойным интереса»[708].

---

[707] *Georgakakis D*. Le Commissariat général à l'information et «la drôle de Guerre» // Mélanges de l'École française de Rome**,** Italie et Méditerranée. 1996. Vol. 108. N° 108-1. P. 39-54.

[708] M.-Y. Mehtiev (président de la délégation) à Monsieur le Haut commissaire, Commissariat général à l'Information. Paris, 21. 9. 1939 // AMAE. CPC. 1914-

Фактически члены делегации предлагали себя в качестве экспертов структуре, в составе которой уже были задействованы бывшие высокопоставленные дипломаты и военные, являющиеся специалистами по тем или иным регионам и сферам, имеющим значение для французского правительства.

Судя по сохранившимся архивным документам, руководство комиссариата с интересом отнеслось к предложению Мехтиева, придя к выводу о том, что члены делегации могли бы оказать полезные услуги, будучи задействованными в секции «Ислама» службы заграничной информации этого ведомства.

Тем не менее, для того чтобы быть абсолютно уверенной в политической благонадежности нанимаемых экспертов, 7 декабря служба заграничной информации обратилась с запросом в Совет министров, Министерство иностранных дел и военное министерство с целью получить от них дополнительную информацию относительно азербайджанской делегации в Париже и ее членов[709].

26 декабря Европейский департамент МИД отправил по поводу целесообразности привлечения азербайджанцев к сотрудничеству ноту в Совет министров, а также в сам Генеральный комиссариат. В документе отмечалось, что департамент и раньше поддерживал неофициальные связи с генеральным секретарем делегации А. Атамалибековым. Тем не менее, руководству комиссариата рекомендовалось проявлять определенную осторожность в отношениях с членами делегации, так как «азербайджанское движение, как и большинство группировок нерусских народов России, в течение последних лет искало поддержки в Берлине. Если последовавшее с сентября

1940. Série Z. Dossier n° 1093, URSS (nationalités et régionalisme). Fol. 341 bis.

[709] Le Commissaire général à l'Information à Son Excellence Monsieur Ed. Daladier, président du Conseil, ministre des Affaires étrangères, de la Défense Nationale et de la Guerre. A. S. de la délégation nationale d'Azerbaïdjan. Paris, 7. 12. 1939 // Ibidem. Fol. 340.

развитие международной ситуации и привело в наш лагерь наибольшее количество этих элементов, нам при этом следует проявлять к ним некоторую осторожность». По той же причине руководству комиссариата рекомендовалось не давать официального ответа на посланную ему ноту делегации. Между тем, это не означало, что комиссариату следовало отказаться от сотрудничества с азербайджанцами. МИД при этом давал точные рекомендации этой структуре, в какой именно сфере следует привлечь к сотрудничеству членов делегации: «Так же верно и то, что мы имеем интерес в случае необходимости заручиться поддержкой этой организации в деле пропаганды на тюрко-язычное население в СССР, а не на мусульманском Востоке. Само собой разумеется, мы не будем возражать, если для специфической работы над документами ваши службы прибегнут к услугам членов этой группировки, и, в особенности, г-на Атамалибекова» [710].

§ 4. Усиление деятельности Совета Конфедерации Кавказа в Англии

Наряду с работой во Франции, представители дипломатической делегации Азербайджана в Париже уделяли немало внимания деятельности в Англии. В соответствии с договором, заключенным с Советом Конфедерации Кавказа, работа в этом направлении велась строго по общекавказской линии. Еще в марте 1939 г. М. Я. Мехтиев, исполнявший в то время функции председателя президиума СКК, поручил Андро Гугушвили, представителю Грузии в Англии, защищать в Лон-

[710] Le président du Conseil, Ministre des Affaires étrangères, à Monsieur le Commissaire général à l'Information. A. S. de la délégation nationale de l'Azerbaïdjan. Paris, 26. 12. 1939 // Ibidem. Fol. 342.

доне интересы и других национальных центров, входящих в состав этой структуры[711].

Работа эта имела большое значение и в связи с тем обстоятельством, что, как мы уже отмечали, руководство Англии занимало, в отличие от французов, более осторожную позицию по отношению к СССР. Даже Фицрой Маклин, один из главных английских экспертов по Советскому Союзу в Северном департаменте (в его функции входила выработка политики в отношении СССР) Министерства иностранных дел Англии, известный своими антибольшевистскими взглядами и один из наиболее горячих сторонников военной операции на Кавказе[712], 29 октября 1939 г. все еще указывал на необходимость проведения осторожной и бдительной политики в отношении СССР. По его мнению, в то время, когда союзники поглощены войной в Европе, советская Россия в первый раз «обрела свободу рук на Ближнем Востоке». Красная армия без труда могла бы оккупировать северную часть Ирана и Афганистана, поставив тем самым под угрозу нефтяные месторождения на юге Ирана и Ирака. Поскольку в подобной ситуации было бы излишне рассчитывать на вмешательство Турции, «до тех пор, пока положение на Ближнем Востоке остается стабильным, а границы нетронутыми, подрывные акции против советской власти в Центральной Азии и на Кавказе были бы неуместны и почти полностью нереалистичны»[713].

По этой причине Маклин предлагал посылать агентов в Центральную Азию и на Кавказ лишь в случае вторжения СССР на Ближний Восток. При таком развитии событий «не-

---

[711] Résolution du Conseil de la Confédération Caucasienne sur la nomination d'A. Gougouchvili au post de son représentant à Londres. Paris, 20. 3. 1939 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 186.

[712] Ср.: *Folly M. H.* Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940-45. London. 2000. P. 7-8.

[713] *Osborn. P. R.* Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. P. 16.

обходимо располагать организацией, способной действовать как на территориях, оказавшихся под советской оккупацией, так и во всех доступных приграничных регионах Советского Союза […]. Целью подобной организации должно быть, собственно говоря, развитие сопротивления национальных сил и населения против советской экспансии, […] организация восстаний против советской власти. Ведение, если это возможно, партизанских действий на оккупированных территориях и, наконец, установление связей с недовольными элементами в самом Советском Союзе с целью организации восстаний в наиболее крупных регионах».

Для того чтобы быть готовым и к подобному сценарию развития событий, Маклин считал обязательным без промедления принять все необходимые меры, приступив к созданию подпольных групп.

18 ноября 1939 г. Кначбулл-Хюгессен, британский посол в Анкаре, сообщал в МИД Англии, что согласно турецким источникам, местное население на Кавказе «проявляет признаки недовольства в отношении русской администрации, турецкий Генеральный штаб полагает, что в случае войны с Россией, они могут подтолкнуть население к восстанию. […] Видимо, они рассчитывают также послать восставшим оружие»[714].

Подходящий момент для кавказцев наступил 30 ноября того же года, когда Советский Союз вторгся в Финляндию. Западные союзники опасались, что занятие Финляндии красной армией приведет к фактическому разделу Скандинавии на советскую (северную) и германскую (южную) сферы влияния. В результате этого позиции Англии и Франции по советскому вопросу стали сближаться, чем и не преминул воспользоваться Гугушвили, исполнявший, как отмечалось, с марта 1939 г. функции представителя Совета Кавказской Конфедерации в Великобритании.

[714] Ibidem. P. 16-17.

В начале декабря, сразу же после начала советско-финской войны Гугушвили посетил Лоуренса Колье, начальника Северного департамента министерства иностранных дел Великобритании, ответственного за выработку политики в отношении СССР. Сообщив своему собеседнику, что по неподтвержденным данным немцы послали на Кавказ специалистов, для того чтобы усилить оборону региона, Гугушвили передал Колье несколько записок[715]. В особой записке, посвященной оценки роли кавказского региона в настоящей войне, Гугушвили попытался показать несостоятельность широко распространенного среди английских кругов мнения о том, что альянс Советского Союза с Третьим Рейхом носит неестественный, и потому временный характер. В документе подчеркивалось, что «было бы ошибкой переоценивать значение несовместимости панславянства и пангерманизма, в особенности после того, что, как мы видели, Сталин и Гитлер преодолели противоречия между большевизмом и нацизмом. […] В любом случае, какую бы форму не приняло сотрудничество Германии с Россией, очевидно одно: с одной стороны, оно усилит военный потенциал Германии, а с другой, консолидирует советский режим».

По словам Гугушвили, какой бы оборот не приняли будущие события, Кавказ в руках большевиков, «вследствие своего географического и стратегического положения, будет являться источников большой опасности для Великобритании. Достаточно напомнить, что без кавказской нефти и марганца Россия, а, следовательно, и Германия будут не в состоянии постоянно поддерживать конфликт». Народы Кавказа вполне осознают, что борьба за независимость потребует от них величайших материальных и физических жертв. В заключение Гугушвили подчеркивал также важность фактора поддержки народами Кавказа будущих военных операций союзников в регионе: «Незачем доказывать, что военные операции Вели-

[715] Ibidem. P. 60.

кобритании и ее союзников в районе Кавказ–Ближний Восток были бы крайне облегчены в случае обеспечения им активных симпатий проживающих здесь народов. Добиться этих симпатий и сотрудничества было бы легко, если бы народам Кавказа было заблаговременно сообщено, что Великобритания и ее союзники, со своей стороны, с симпатией относятся к ним, и готовы оказать поддержку их делу».

Исходя из вышесказанного, Гугушвили предлагал английским дипломатам и экспертам приступить к всестороннему исследованию вопроса важности кавказского региона для будущих военных операций союзников. Представители Совета Кавказской Конфедерации предлагали в связи с этим свои услуги англичанам[716].

§ 5. Разработка союзниками первых планов военно-воздушных и диверсионных операций на Кавказе. Возвращение на сцену поляков и встречные инициативы азербайджанцев

4 декабря, несколько дней спустя после этого визита, во время встречи начальников Генеральных штабов союзников генерал Эдмунд Айронсайд, начальник Генштаба британской армии, обсуждая вопрос военной помощи Турции, предложил поэтапно сформировать турецкие военно-воздушные силы с целью их использования для проведения секретных операций на Кавказе[717].

19 декабря Верховный военный совет союзников принял решение вмешаться в конфликт в Финляндии. С этой целью планировалось сформировать специальный экспедиционный корпус первоначально в составе 50-60 тысяч, а затем – 150

[716] [A. Gugushvili]. Caucasia // Archives personnelles de G. Mamoulia (Paris, France).
[717] *Osborn P. R*. Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. P. 30.

тысяч человек, состоящий на две трети из французов, а на одну треть из англичан. К февралю 1940 г. первые части корпуса были готовы к отправке в Финляндию[718].

Параллельно с этим руководство союзников стало готовиться к военным операциям на Кавказе с целью лишить Третий Рейх возможности пользоваться поставками советской нефти. С декабря 1939 г. в Министерство иностранных дел Франции стали регулярно поступать аналитические записки, посвященные проектам выведения из строя нефтепромыслов Кавказа. Как правило, подготовленные экспертами военного министерства страны, они, в основном, касались технических и сугубо военных аспектов упомянутой проблемы, которые должны были быть оценены профессиональными дипломатами с точки зрения возможности осуществления этих планов в международном контексте той эпохи. В числе прочих способов уничтожения нефтепромыслов на Кавказе рассматривалась так же возможность проведения диверсионных актов, что естественно подразумевало участие в них эмигрантов-кавказцев.

Например, авторы подготовленной 23 декабря аналитической записки «Условия и способы нападения на нефтяные центры Кавказа»[719] подчеркивали, что, «каким бы не был реальный объем производства нефти в Советском Союзе, 4/5-х ее добывается на промыслах Баку. С другой стороны, на тех же нефтепромыслах очищается 2/5-х русского бензина и почти весь авиационный бензин»[720].

---

[718] *Kahle G*. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. Opladen. 1973. S. 11.

[719] Согласно К. Барбье, авторами этого документа, вероятно, являлись генерал Вуарен, военно-воздушный атташе в Турции, и капитан 2-го ранга Лааль, военный атташе в Румынии и Стамбуле. См.: *Barbier C*. Henri Hoppenot (25 octobre 1891-10 août 1977) diplomate. Paris. 1999. P. 156.

[720] Conditions et modalités d'une attaque contre les centres pétroliers du Caucase. 23. 12. 1939 // AMAE. Deuxième guerre 1939-45. Papiers 1940. Papiers Rochat. Dossier n° 36 (URSS). Fol. 66.

Что касается нефтяных месторождений Грозного и Майкопа, то поскольку они давали лишь 15% советской нефти и к тому же находились по ту сторону Главного Кавказского хребта, что давало им «почти полный иммунитет» от нападений, эти месторождения были упомянуты в записке лишь «для памяти»[721].

Наряду с Баку большое внимание уделялось расположенному на черноморском побережье Грузии Батуми, который, будучи соединен с Баку нефтепроводом, являлся стратегическим портом, откуда, по данным авторов документа, транспортировалось морским путем около 6 миллионов тонн нефти.

Подчеркнув, что по техническим причинам бомбардировка Баку сопряжена со значительными трудностями (Баку отдален на 500 километров от турецкой границы, что, принимая во внимание возможности авиации союзников той эпохи, являлось очень существенным расстоянием), авторы документа отмечали, что наземная операция против Батуми «могла бы быть проведена в гораздо более выгодных условиях. Этот порт находится всего лишь в 25 километрах от турецкой границы». В частности, город мог бы быть захвачен одновременной атакой с моря и с суши, со стороны турецкой границы. Документ допускал, что в случае разрушения боевыми кораблями союзников основной инфраструктуры порта, терминалов нефтепроводов, резервуаров и нефтеперерабатывающих заводов, наземная операция может оказаться излишней[722].

Тем не менее, в конце документа, рассматривая перспективу проведения воздушной операции против Батуми, его авторы писали, что в случае применения авиации в сочетании с действиями сухопутных сил и флота, наряду с бомбардировкой стратегически важных объектов, можно было бы провести высадку парашютистов вдоль всего нефтепровода длиной в 800 километров. В случае проведения подобной операции,

[721] Ibidem. Fol. 67.
[722] Ibidem. Fol. 70-71.

оборона нефтепровода «будет затруднена»[723]. Последний пассаж, несомненно, имел в виду использование эмигрантов-диверсантов, хорошо знакомых с местными условиями[724].

На первый взгляд, упомянутый документ, обсуждая чисто военные аспекты планируемой операции, казалось бы, совершенно не учитывал политические реалии той эпохи. В частности, позицию Турции, не желавшую допустить корабли союзников в Черное море для ведения боевых действий против СССР. Однако не следует упускать из виду и то обстоятельство, что в конце 1939 г., после агрессии Советского Союза против Финляндии, в политических кругах Франции всерьез рассматривался вопрос объявления войны СССР.

В первый раз возможность проведения диверсионных акций, как эффективного средства отрезать Германию от снабжения нефтью Кавказа, была упомянута в аналитической записке «Последствия германо-советского пакта. Записка о стратегическом ведении войны», разработанной аналитиками французского Генштаба 30 декабря 1939 г.

В параграфе, посвященном Кавказу, авторы документа подчеркнули, что «русская нефть Кавказа в настоящее время служит снабжению Германии.

Представляло бы большой интерес разрушить трубопровод Баку-Батуми и, если возможно, нефтепромыслы Баку, откуда исходит три четверти русской нефти. Уничтожение, даже временное, нефтяной инфраструктуры Кавказа реально вызвало бы величайшие трудности в русской экономике, принимая

---

[723] Ibidem. Fol. 74.

[724] Эта информация подтверждается также английскими источниками. Согласно записке от 26 января 1940 г. маршала Митчелла, командующего британскими военно-воздушными силами на Ближнем Востоке, в это время «турки изучали возможность уничтожить посредством саботажа нефтяную инфраструктуру в Батуми, и, возможно, в Баку, что могло быть единственным эффективным средством прервать транспортировку нефти с Южного Кавказа». См.: *Osborn. P. R.* Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. P. 70.

во внимание слабость ее индустрии и отсутствие предпринимательского духа, которое, по-видимому, довлеет над ее администрацией.

Трубопровод Батуми находится в 25 километрах от турецкой границы. Таким образом, существует возможность осуществления точечных рейдов, без того, чтобы в обязательном порядке оккупировать страну. Кажется возможным добиться согласия Анкары на то, что она закроет глаза на существование вооруженных банд, имеющих своей целью перерезать трубопровод и уничтожить несколько насосных станций. Эти банды могут состоять из черкесов или курдов, живущих в качестве беженцев в Сирии, и которые являются уроженцами непосредственно Кавказа.

Если мы хотим начать операции как можно более крупных масштабов, необходимо заинтересовать в них Турцию, обещав ей Закавказье, которое еще недавно являлось оттоманским владением»[725].

Небезынтересно отметить, что вопрос проведения военной операции на Кавказе в это время был поднят на самый высший государственный уровень.

19 января 1940 г. Э. Даладье потребовал у командующего союзными вооруженными силами во Франции генерала Мориса Гамелена и командующего французским флотом адмирала Франсуа Дарлана разработать проект «о возможных действиях с целью разрушения русских нефтяных месторождений». В числе трех способов, дающих возможность нарушить снабжение Третьего Рейха кавказской нефтью, назывались не только перехват германских кораблей в Черном море и прямое вооруженное вмешательство на Кавказе, но и «оказание помощи мусульманскому населению кавказского региона в его

[725] Conséquences du pacte germano-soviétique. Note sur la conduite stratégique de la guerre. 30. 12. 1939 // Service Historique de l'Armée de Terre (SHAT). Carton n° 7 N 3131.

стремлении к независимости, т.е. непрямые акции в форме организации восстаний»[726].

Нет ничего удивительного в том, что с начала 1940 г. представители азербайджанской делегации в Париже удвоили усилия по привлечению внимания политических кругов и общественного мнения западных стран к проблеме Азербайджана и Кавказа в целом.

26 января Мехтиев направил на имя Даладье очередную ноту. «В настоящий момент, когда Франция и ее союзники ведут борьбу за права народов на свободную жизнь в соответствии с человеческим достоинством, мы уверены, что близок тот день, когда наше отечество восстановит свою независимость, сбросив с себя довлеющее над ним иго», – подчеркивалось в конце документа[727].

В качестве приложения к ноте придавалась краткая справка о составе делегации, где были произведены некоторые изменения. Наряду с М. Я. Мехтиевым, А. Атамалибековым, М. Маггерамовым, Д. Гаджибейли и А. Шейхульисламовым, в ее состав в качестве полномочного члена был введен и Али Акбар-бек Топчибаши[728].

Тем не менее, решающим фактором в положительном решении вопроса о сотрудничестве делегации с официальными министерствами и ведомствами Франции являлось посредничество, и на сей раз оказанное азербайджанцам поляками, – представителями народа, наиболее заинтересованного в вос-

---

[726] Die Geheimakten des französischen Generalstabes. Auswärtiges Amt, 1939/41. Nr. 6. Berlin. 1941. S. 205; *Kahle G*. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. S. 11.

[727] Dr. M.-Y. Mehtiev (président de la délégation nationale d'Azerbaïdjan) à Son Excellence Monsieur E. Daladier, président du Conseil, ministre des Affaires étrangères. Paris, 26. 1. 1940 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 1093, URSS (nationalités et régionalisme). Fol. 344-345.

[728] La composition de la délégation de la République d'Azerbaïdjan à Paris // Ibidem. Fol. 346-347.

становлении независимости порабощенных Кремлем нерусских народов.

Дело в том, что уже с конца сентября во Франции находилась резиденция польского правительства в изгнании во главе с президентом В. Рачкевичем и премьер-министром В. Сикорским. С начала 1940 г. представители соответствующих польских структур восстановили контакты с Советом Конфедерации Кавказа.

25 января генеральный секретарь делегации А. Атамалибеков обратился к польским представителям с обширным меморандумом, в котором давалась как оценка международного положения того времени, так и конкретные предложения относительно необходимых мер, которые полякам следовало предпринять в контексте сотрудничества с кавказцами и другими нерусскими народами красной империи. В меморандуме отмечалось, что пакт Молотова-Риббентропа, также как и оккупация Польши Германией и Советским Союзом, еще раз подтвердил факт существования «совместных материальных интересов, связывающих Германию – преимущественно индустриальную страну, с Россией – страной сельскохозяйственной и поставляющей природные ресурсы».

Исходя из этого факта, «становится легко понятным, насколько важно сокращение и уничтожение имперской московской державы. Непосредственным и эффективным последствием этого станет автоматическое лишение Германии природных ресурсов и, наряду с прочим, нефти – этого мощного и необходимого нерва современной войны». В таком случае будет восстановлена не только независимость Польши, но и нерусских народов, насильственным образом инкорпорированных в большевистскую империю.

Подчеркнув, что, «благодаря счастливому совпадению регионы СССР, предоставляющие все природные ресурсы: нефть, хлопок, марганец, зерно и др. находятся в районах проживания народов, желающих отделится от России и соз-

дать независимые государства», Атамалибеков переходил непосредственно к вопросу Азербайджана.

«С геополитической и экономической точки зрения Азербайджан представляет собой фактор первостепенной важности. […] Достаточно отметить, что из 28 000 000 тонн всей нефти, произведенной в СССР в 1938 г., 23 500 000 тонн было добыто на нефтяных промыслах Азербайджана в Баку. Факт, свидетельствующий о том, что, принимая во внимание настоящие условия войны, нефтяная промышленность Баку представляет собой подлинный ключ к решению этой проблемы»[729].

Относительно геополитической важности Азербайджана, с точки зрения стратегических интересов союзников, в меморандуме отмечалось, что «по своему географическому положению, соседствуя с населением тюркской расы в Иране и Турции, Азербайджан всегда играл очень важную роль, служа через Северный Кавказ и Каспийское море смычкой с другими тюркскими народами России. Очень богатый с экономической точки зрения, Азербайджан все время являлся одним из наиболее важных и культурных центров региона. Выходящие там книги и публикации легко распространялись во всех тюрко-язычных странах, также как и в Иране и в Турции.

В то же время, в полной мере оставаясь страной тюркской расы и культуры, Азербайджан всегда предвидел свою судьбу и свое будущее в тесной связи с другими народами Кавказа, в рамках будущей Кавказской Конфедерации».

Подчеркнув, что в настоящее время Турция, Иран и Афганистан находятся в стане противников СССР, и это чрезвычайно облегчает задачу борьбы за освобождение кавказских и тюркских народов красной империи, Атамалибеков переходил к помощи, которую могла бы оказать в этом деле Польша представителям азербайджанского национально-осво-

[729] A. Atamalibekoff. Mémoire aux Polonais. [Paris], 25. 1. 1940 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/1.

бодительного движения: «1) Помощь дипломатическая. Польское правительство обладает дипломатическим аппаратом, с помощью которого может взаимодействовать с союзниками, с целью объяснить им различные аспекты вышеизложенных вопросов. В то же время оно может облегчить представителям народов, борющихся за свою независимость, их демарши перед властями и различными правительственными структурами союзных держав. 2) Политическая помощь. Пропаганда, с целью привести и подготовить общественное мнение западных стран к пониманию проблемы национальностей СССР с помощью публикаций, радиопередач и т.д. 3) Помощь в военной организации. Угнетаемые народы СССР имеют многочисленную эмиграцию. Выше мы уже отмечали, что эмиграция народов тюркской расы насчитывает в своем составе почти 500 000 человек, проживающих в таких приграничных странах, как Турция, Персия, Афганистан и Румыния. В наступивший момент можно и необходимо организовать Национальные легионы, сформированные из числа этих эмигрантов. С точки зрения организации, участие в их подготовке польских офицеров необходимо и особенно желательно. 4) Материальная и финансовая помощь. С целью налаживания работы и деятельности различных национальных организаций, обеспечить связь со странами, печатание журналов и различных пропагандистских материалов и брошюр, для чего необходимы финансовые ресурсы»[730].

Посредничество поляков перед Парижем и Лондоном оказалось эффективным. Не случайно буквально через неделю после подачи меморандума, французские власти дали окончательное согласие на полноценное сотрудничество с членами делегации как по линии пропаганды, так и разведки.

Уже 2 февраля МИД Франции сообщал в военное министерство, так же, как и в Министерство внутренних дел, о своем абсолютном согласии удовлетворить просьбу генерального

[730] Ibidem.

секретаря делегации Атамалибекова о том, чтобы, несмотря на строгие ограничения военного времени, «делегация в настоящих условиях могла бы в полной мере продолжить свою деятельность». Параллельно с этим МИД просил военное министерство освободить членов делегации от военной службы, намекая, что эти люди уже задействованы в гораздо более важных проектах: «Все они в большинстве своем являются бывшими членами парламента Азербайджана. Один из них был до советской оккупации мэром Баку. У них имеется французское университетское образование, и они являются элементами, благосклонно настроенными к нашему делу, предоставившими себя, кстати, в распоряжение французских властей»[731], – подчеркивалось в документе.

17 февраля Министерство внутренних дел, а 2 марта военное министерство дали положительный ответ на ноту МИД[732]. С этого времени в соответствующие французские структуры стали поступать подробнейшие информационные и аналитические справки о значении Азербайджана, Кавказа и тюркских народов СССР, и той роли, которую они могут играть в стратегических планах союзников.

Например, в первой половине марта членами делегации была составлена обширная аналитическая справка, посвященная тюркским народам СССР. Касаясь истории и этапов национально-освободительного движения народов Азербайджана, Северного Кавказа, Туркестана, Идель-Урала и Крыма, авторы справки подчеркивали, что военная акция союзников против большевиков «должна начаться немедленно, так как

[731] MAE à Guerre (EMA 2e Bureau), (cabinet du ministre de la Guerre), Intérieur (cabinet). A.S. des membres de la délégation Nationale Azerbaïdjan. Paris, 2. 2. 1940 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 1093, URSS (nationalités et régionalisme). Fol. 349.

[732] Le ministre de l'Intérieur à Monsieur le ministre des Affaires étrangères, Paris, 17. 2. 1940 // Ibidem. Fol. 350; Le président du Conseil, ministre de la Défense Nationale et la Guerre à Monsieur le ministre des Affaires étrangères. Paris, 2. 3. 1940 // Ibidem. Fol. 351.

существует один стратегический фактор, который играет очень важную роль для того, чтобы им пренебречь. В частности, советская Россия получает природные ресурсы в странах, которые мы уже упомянули. Акция с этой стороны лишит Россию этого важного сырья, отняв у нее возможности совершать акты подобные тем, которые она совершает сейчас в Финляндии. Более того, отделение от России этих регионов лишит ее также возможности прийти эффективным образом на помощь своей естественной союзнице-Германии, потребности которой в материальных ресурсах растут день ото дня, таким образом, приблизив победу союзников и идей права и справедливости»[733].

В другой справке, посвященной стратегическому и экономическому значению Кавказа для дела союзников, подчеркивалось, что, «помимо своего географического и стратегического значения, Кавказ играет первостепенную роль с экономической точки зрения. В частности, нефтяные месторождения, занимающие второе место с точки зрения мировой нефтедобычи (30 миллионов тонн нефти было добыто в 1938 г.) представляют элемент, столь значимый для ведения войны: моторизацию и индустрию. Если мы добавим к этому производство марганца, так необходимого для производства стали, и чрезвычайно богатый урожай лучших сортов хлопка, можно с легкостью констатировать, что со всех точек зрения Кавказ представляет собой подлинный ключ русской экспансии в направлении Индии и Ближнего Востока. Следовательно, вполне понятно, что Москва прилагает максимум усилий для того, чтобы укрепиться на Кавказе, приступив в последнее время к значительной концентрации войск в районе Баку в Азербайджане и вдоль всей кавказской границы.

Упомянутая концентрация войск преследует двойную цель: прежде всего, подготовку для проникновения советской Рос-

[733] Les peuples de la race turque de l'URSS. [Mars 1940] // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/2.

сии на юг, а с другой стороны, – подавление потенциальных движений народов Кавказа, ибо эти народы в течение долгого времени боролись за то, чтобы вновь завоевать свою свободу и независимость».

В заключение авторы документа подчеркивали, что сегодня «акции демократических стран направлены на восстановление международной морали, воздвигнутой на свободе и независимости народов, как это провозгласил г-н Даладье, президент Совета министров Франции. Москва ясно отдает себе отчет, что народы Кавказа не останутся пассивными и совместно с другими народами СССР, стремящимся к своей независимости, предпримут все усилия для того, чтобы избавиться от ига Москвы. Руководители советской России также очень хорошо понимают, что факт освобождения Кавказа означает полное крушение русского империализма. Ибо в тот день Москва будет одновременно лишена как стратегической позиции первостепенной важности, так и снабжения нефтью, представляющей собой истинный нерв войны для России и ее союзницы-Германии, с помощью которой она надеется осуществить свои империалистические намерения»[734].

В это время в военных штабах союзников разработка кавказских проектов шла полным ходом. 22 февраля Гамелен направил Даладье записку, в которой воздушная атака на Баку и Батуми называлась в качестве наиболее эффективного средства срыва поставок советской нефти в Германию. Так как в Баку добывалось около 75% всей советской нефти, находящиеся там нефтеперерабатывающие заводы были самыми крупными на Кавказе, и к тому же по железной дороге и Каспийскому морю транспортировалось более 50% местного топлива, предлагалось подвергнуть нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие объекты района массированной бомбардировке. Воздушные атаки должны были повторяться до тех пор, пока вся нефтяная инфраструктура района не будет уничтожена. В за-

[734] Le Caucase et les événements actuels. [Mars 1940] // Ibidem.

писке подчеркивалось, что поскольку советское сельское хозяйство механизировано, операция приведет к параличу не только военной, но и сельскохозяйственной промышленности СССР[735].

По расчетам автора записки, для осуществления подобной операции необходимо иметь аэродромы в Турции (район Диарбекир – Ван – Эрзерум), либо в Иране, в Сирии (район Джезире) и в Ираке (район Мосула). В конце документа подчеркивалось, что возможность проведения операции напрямую зависит от позиции Турции и Ирана, так как даже в случае если авиация союзников и не будет базироваться на их территориях, для того, чтобы достичь цели, она будет вынуждена пересечь их воздушное пространство[736].

Несмотря на то, что в записке Гамелена основное внимание уделялось вопросам бомбардировки нефтяных месторождений Баку, он предвидел также возможность проведения диверсионных актов, если по политическим причинам проведение воздушных операций окажется невозможно. «Акция против кавказской нефти может принять форму политической работы, имея своей целью организацию восстания мусульманского населения Кавказа, либо форму военных операций, направленных против важных центров русской нефтяной промышленности»[737].

Гораздо более подробно возможность использования эмигрантов и местного населения в планируемых союзниками операциях на Кавказе была рассмотрена в аналитической записке «Баку, жизненный центр советской власти. Способы уничтожения», сохранившейся в архиве МИД Франции и составленной 18 февраля, т.е. всего за четыре дня до записки Гамелена. В ней указывалось, что в случае, если союзникам не удастся

---

[735] Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 205; *Kahle G*. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. S. 213-214.
[736] *Kahle G*. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. S. 214.
[737] Ibidem. S. 215.

договориться с Турцией и Ираном, единственным способом уничтожения бакинских нефтепромыслов являются диверсии. В качестве диверсантов предлагалось использовать местных жителей-азербайджанцев, враждебно настроенных по отношению к большевикам. Автор документа указывал, что местные армяне, каковы бы ни были их политические убеждения, из-за боязни турок останутся союзниками Кремля[738].

Вероятно, именно к этому времени относятся две инструкции азербайджанским разведчикам, сохранившиеся в архиве делегации. К сожалению, из документов не видно, кто конкретно являлся их адресатом. Не стоит на них и дат составления, что дает нам возможность лишь предположительно датировать их февралем-мартом 1940 г. Ясно лишь, что разведчики должны были действовать в тесной связи с представителями французских спецслужб, находящихся в это время в Иране. Одним из них был майор Алессандри, военный атташе Франции в Тегеране, в функции которого входило получение информации по разведывательным каналам и с оккупированного большевиками Кавказа[739].

В первой из инструкций, в частности, говорилось: «1. Постарайтесь заградить во что бы то ни стало доступ Кязымзаде к другу Мир-бея, и ни в коем случае не ставить Аббас Кули в курс всего происходящего. 2. Необходимо также постараться, чтобы Осман, со своей стороны, ничего не говорил и не ставил бы в курс Аббас Кули. 3. Постараться свести Кемаль-бея, Энвера и Османа вместе и подружить их. 4) Говорить не о партии “М” (Мусават. – *Г. М., Р. А.*), которой не существует и

[738] Bakou, centre vital de la puissance soviétique. Comment le détruire. Paris, 18. 2. 1940 // AMAE. Deuxième guerre 1939-45. Papiers 1940. Papiers Rochat. Dossier n° 36 (URSS). Fol. 225-226.

[739] Подробные отчеты майора Алессандри, являвшегося французским военным атташе не только в Иране, но и в Афганистане, и которые, помимо прочего содержат разведывательную информацию о Кавказе и Туркестане, сохранились в отдельной папке в архиве Министерства обороны Франции: См.: SHAT. Carton n° 7 N 3273.

разложена, но о национальном центре и национальной делегации».

Во второй инструкции, являющейся, вероятно, более подробным дополнением к первой, указывалось: «1. Ни под каким видом не знакомить в Тегеране наших эмигрантов с другом Мир-бея, так как эти люди без всякого политического воспитания, много болтают и вместо пользы принесут нашему делу вред. Что касается Абас Кули Кязымзаде, он полуграмотный человек и больше фанфарон, чем политический деятель.

Что касается Расулзаде, то о нем можно сказать одно, что он изолирован, или он сам так повел себя, что остался изолированным. Знаменательный факт – после начала войны всех эмигрантов-азербайджанцев впустили в Турцию за исключением его одного. Турки его ненавидят. Широкая масса азербайджанцев его также ненавидит. Приблизиться к нему – это значит заслужить неблагорасположение Турции ко всей нашей эмиграции. Мир-бей и его товарищи здесь держатся по отношению к Расулзаде очень осторожно, считаясь с настроением турок. 3) В письмах, посылаемых сюда, не надо касаться дрязг среди азербайджанцев, и писать только о положительных вещах, потому что письма читаются и это не делало бы нам честь, если мы обнаружим наши недостатки»[740].

В данном случае на поверхность вновь всплыли старые противоречия, имевшие место во второй половине 30-х гг. между делегацией и М. Э. Расулзаде. Свое влияние на содержание инструкции, видимо, оказал и тот факт, что в определенной степени Расулзаде был действительно изолирован от основных центров азербайджанской эмиграции, находясь после падения Польши в Бухаресте. Хотя в течение 1939-1940 гг. он неоднократно обращался к властям Турции с просьбой разрешить ему въезд в страну, турки, зная, что деятельность Расулзаде самым тщательным образом отслеживается НКВД,

[740] CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/1.

воздержались от того, чтобы позволить ему появиться на турецкой территории[741]. Не последнюю роль в содержании инструкции сыграло и желание М. Я. Мехтиева монополизировать в своих руках руководство азербайджанским национально-освободительным движением, воспользовавшись тем, что в это время во Франции находилась также и резиденция польского правительства в изгнании – основного посредника кавказцев в установлении связей как с Парижем, так и с Лондоном.

§ 6. Азербайджанская делегация в Париже и создание в Турции филиала Совета Кавказской Конфедерации

С начала 1940 г. одним из основных приоритетов поляков было создание на территории Турции филиала Совета Конфедерации Кавказа. Этому, со своей стороны, способствовал и тот факт, что Анкара впервые за все время кемалистского режима начала склонятся в сторону англо-французского блока. Следовало укомплектовать эту структуру людьми, которые, являясь кавказскими патриотами, в то же время были бы приемлемы в глазах Анкары и пользовались ее доверием. Вместе с тем, эти люди должны были обладать необходимыми связями и влиянием на Кавказе для проведения разведывательных операций. Необходимость создания на территории Турции филиала СКК настойчиво диктовалась и тем обстоятельством, что уже к февралю 1940 г. между представителями разведок Франции, Англии и Турции было достигнуто тайное соглашение о формировании разведывательных организаций кавказцев на турецкой территории. Были выработаны и конкретные формы

[741] Докладная записка НКВД СССР № 4749/Б в ЦК ВКП(б) с изложением данных, полученных от закордонного агента «Омери», о положении в Турции и о деятельности грузинской и кавказской эмиграции в Европе и на Ближнем Востоке. 5. 11. 1940 // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Накануне (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). Т. I. Кн. I. С. 272.

сотрудничества кавказцев с союзниками и турками. Финансирование предприятия, так же как и снабжение разведчиков оружием, радиоаппаратами и прочими техническими средствами, целиком брала на себя французская сторона в лице помощника военного атташе в Турции майора Леле. Со своей стороны, турецкие спецслужбы должны были всячески содействовать данному предприятию. Расположенные на границе с кавказскими республиками пункты турецкой разведки должны были оказывать кавказцам всевозможную помощь, в том числе как в деле отправки эмиссаров в СССР, так и в приеме после их возвращения. Разведчикам была предоставлена возможность беспрепятственно находиться в приграничной зоне, допуск куда был ограничен даже для членов военных миссий союзников. Добытая ими политическая, военная и экономическая информация должна была предоставляться разведке союзников. В то же время всю военную и часть экономической информации следовало передавать турецкой стороне. Разумеется, во избежание протестов большевиков эта деятельность должна была осуществляться в условиях строгой конспирации[742].

23 января 1940 г. генеральный секретарь азербайджанской делегации в Париже А. Атамалибеков представил полякам свои соображения относительно кандидатур членов азербайджанской секции проектируемого стамбульского филиала СКК. Наряду с краткими биографическими данными последних, документ содержал их личные характеристики:

«Среди азербайджанских политических деятелей, находящихся в эмиграции в Стамбуле, я могу рекомендовать двух лиц – Мустафа-бея и Хосров-бея. Мустафа-бей Векилли – бывший адвокат, член национального парламента и министр внутренних дел в последнем национальном правительстве Азербайджана. Он принадлежит к крупной семье, происходя-

[742] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 360-361.

щей из западных районов Азербайджана, обладающей большим влиянием как на локальном уровне, так и во всей стране, и имеющей в своем составе несколько перворазрядных лидеров национального движения. В настоящее время Мустафабей является одним из лидеров национального движения, будучи ярым и пламенным патриотом. Это очень осторожный политический деятель, который, однако, действует медленно. Он имеет очень широкие и полезные связи в турецких политических кругах.

Хосров-бей Султанзаде – доктор медицины, бывший член национального парламента, министр сельского хозяйства и генерал-губернатор Карабаха. Его семья происходит из Южного Карабаха, почти с иранской границы. Она многочисленна и очень влиятельна в стране. Хосров-бей может действовать внутри страны благодаря своим родственникам. Это ярый, активный патриот, который, однако, является одновременно весьма импульсивным человеком, обладающим довольно слабым чувством ответственности перед страной. Он может быть использован вместе с Мустафа-беем, но ни в коем случае не один по причине своего довольно сложного характера»[743].

Как видно из представленных кандидатур, члены делегации предлагали полякам достичь компромисса между находящимися на территории Турции мусаватистами в лице М. Векилли, и их более правыми оппонентами, представленными Х. Султановым.

Предложение Атамалибекова было принято, и после консультаций с другими национальными секциями СКК к маю 1940 г. в Стамбуле был оформлен филиал этой структуры, в составе которого были равным образом представлены как члены движения «Прометей», так и их бывшие противники из существующего в 20-х гг. Объединенного Комитета конфеде-

[743] A. Atamalibekoff. Recommandation pour les hommes politiques azerbaïdjaniens se trouvant en émigration à Istanbul. 23. 1. 1940 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/1.

ратов Кавказа. Проживающие на постоянной основе в Турции бывшие конфедераты пользовались большим доверием местных властей в сравнении с прометеевцами. В частности, азербайджанцев в этой организации представляли Х. Султанов и М. Векилли; грузин – Ш. Беришвили и А. Гозалишвили; горцев Северного Кавказа – М. Г. Сунш и В. Г. Джабаги[744].

§ 7. Переговоры с армянами и присоединение последних к Пакту Кавказской Конфедерации

В начале 1940 г. переговоры о присоединении армян к Пакту Кавказской Конфедерации, как мы уже отмечали, начатые по инициативе последних еще в феврале 1938 г., вступили в завершающую стадию. К достижению компромисса армян толкало несколько обстоятельств.

В это время представители спецслужб Франции и Англии обсуждали со своими турецкими коллегами формы конкретного сотрудничества, и Анкара, в качестве предварительного условия создания кавказцами на турецкой территории своих организаций, выдвинула тезис о признании их официальными представителями существующих границ.

Так как подавляющее большинство армянских эмигрантов проживало во Франции, Париж, в лице командующего театром военных действий в Восточном Средиземноморье генерала Вейгана, стал оказывать на их политических руководителей давление, чтобы получить от армян официальное заявление о признании ими границ, установленных Карсским договором 1921 г.

---

[744] Докладная записка НКВД СССР № 4749/Б в ЦК ВКП(б) с изложением данных, полученных от закордонного агента «Омери», о положении в Турции и о деятельности грузинской и кавказской эмиграции в Европе и на Ближнем Востоке. 5. 11. 1940 // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Накануне (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). Т. I. Кн. I. С. 271.

Со своей стороны и сами армяне, будучи заинтересованы в том, чтобы в случае вступления союзников на Кавказ не оставаться один на один с турками, надеялись сдерживать последних с помощью французов и англичан.

5 марта кавказцам, ведущим переговоры об условиях присоединения армян к Пакту Кавказской Конфедерации, был передан «проект Роберта», под именем которого, вероятно, скрывался один из представителей польских или французских спецслужб, приданный кавказцам в качестве связника.

Документ содержал перечисление тезисов, на основе которых союзники считали целесообразным сотрудничать с кавказцами. Наряду с этим, эти тезисы должны были служить основной базой сотрудничества между самими кавказцами.

В нем, в частности, говорилось: «1) Наши кавказские друзья подтверждают политическое единство Кавказа, проявляющееся в унификации их освободительных стремлений в рамках Кавказской Конфедерации. 2) Кавказские друзья признают необходимость задействования одной обще-кавказской внешней политики, представляющей на международной арене Кавказское дело как целое. 3) Кавказские друзья заявляют о своей политической ориентации на союзников. 4) Кавказские друзья заявляют о своем немедленном решении добиться симпатии Турции для Кавказского дела. 5) Исходя из необходимости единой общекавказской внешней политики – кавказские друзья превращают Совет Кавказской Конфедерации в оперативный орган своей внешней общекавказской политики. 6) Организацию Совета, его состав и его отношения к национальным центрам регулируют наши кавказские друзья сами. 7) Друзья ожидают, что в самый кратчайший срок наши кавказские друзья сделают по отношению к нам официальную декларацию, подтверждающую принятие ими вышеизложен-

ных основных тезисов, как базы для их взаимного, а равно и нашего с ними сотрудничества»[745].

На следующий день, 6 марта, состоялось заседание комиссии по выработке Пакта Кавказской Конфедерации, в работе которой приняли участие М. Я. Мехтиев и А. А. Топчибаши от Азербайджана, А. Чхенкели от Грузии, С. Шамиль и А. Намиток от Северного Кавказа и А. Джамалян от Армении.

В ходе заседания Джамалян предложил на рассмотрение присутствующих свой проект, состоявший из 7 пунктов, из которых 1-й, 3-й, 4-й 6-й и 7-й были заимствованы из Брюссельского Пакта Кавказской Конфедерации от 1934 г., а 2-й и 5-й – добавлены армянской стороной.

2-й пункт, где говорилось о ликвидации таможенных границ внутри будущей Кавказской Конфедерации и формировании Таможенного союза объединенных кавказских государств, был принят безо всяких прений. Разногласия вызвал предлагаемый Джамаляном 5-й пункт, в котором шла речь «о полной административной автономии национальных меньшинств», под которыми имелось в виду армянское население, проживающее в Карабахе (Азербайджан) и Джавахетии (Грузия). Выступивший от имени Азербайджана Мехтиев, усмотревший в этом пассаже скрытое проявление армянского сепаратизма, категорически заявил, что «азербайджанская секция не может принять последнюю часть этого пункта, так как поставленный им вопрос касается только компетенции будущего азербайджанского правительства, и что обсуждение этих деталей затруднит общее соглашение».

Предложение грузинского представителя Чхенкели о снятии этого вопроса с обсуждения вызвало возражение Джамаляна. В итоге стороны решили перенести обсуждение этого

[745] Проект Роберта. 5. 3. 1940 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardanbey Toptchibachi. Carton n° 10/1.

вопроса на заседание, назначенное на 9 марта, которое, впрочем, так и не состоялось[746].

В результате неофициальных консультаций армяне согласились пойти на компромисс в этом пункте, поставив, однако, условием получение от турок твердых гарантий об отсутствии у них каких-либо экспансионистских планов в отношении Армении.

С целью удовлетворить эти ожидания армян, в начале марта 1940 г. А. Гугушвили вновь посетил начальника Северного департамента английского внешнеполитического ведомства Колье. В ходе состоявшейся беседы Гугушвили от имени Совета Кавказской Конфедерации потребовал от Колье гарантий, что союзники не обещали туркам взамен за их помощь каких-либо территориальных приобретений на Южном Кавказе. Гугушвили обратил внимание представителя английского МИД на тот факт, что христианское население Армении, не испытывая никаких симпатий к советской власти, тем не менее остается лояльным Кремлю из-за боязни турок. Было бы неплохо, если бы Анкара проводила по отношению к армянам такую же политику, как и к остальным кавказцам, чтобы облегчить их выход из-под влияния Москвы[747].

Со своей стороны и кавказские прометеевцы, заинтересованные в возобновлении сотрудничества с Турцией, делали все для того, чтобы побудить французские власти оказать давление на армян с целью их присоединения к Пакту Кавказской Конфедерации. Немаловажную роль здесь играл С. Шамиль, посланный в это время генералом Вейганом в Париж для встречи с генералом Гамеленом, с которым он должен был обговорить планы организации восстания на Северном Кавказе.

---

[746] Заседание комиссии по выработке Пакта кавказских народов. 6. 3. 1940 // Там же.

[747] Ch. Corbin (ambassadeur de la France à Londres) à Son Excellence Monsieur E. Daladier, président du Conseil et ministre des Affaires étrangères. La Question du Caucase. Londres, 9. 3. 1940 // AMAE. CPC. 1918-1940. Série Z. Dossier n° 659 Russie (Géorgie). Fol. 192-193.

27 марта Шамиль, исполнявший для французских властей роль посредника в их переговорах с турецким правительством, направил письмо генералу Вейгану, в котором, наряду с прочим, просил последнего воздействовать на армян в смысле их скорейшего присоединения к Пакту Кавказской Конфедерации. Описывая репрессии, обрушившиеся на головы мусульманских народов Кавказа после прекращения боевых действий СССР против Финляндии, Шамиль просил генерала ускорить начало военной операции против большевиков. «Если подобное положение вещей продлится еще некоторое время, Россия после уничтожения тюркских и мусульманских народов Кавказа может стать силой, способной держать все страны на Ближнем Востоке под постоянной угрозой.

Для того чтобы бороться с этой угрозой, необходимо, чтобы христианские народы Кавказа, грузины и армяне, немедленно вступили в тесное сотрудничество с нами. Для этого достаточно, чтобы находящиеся в Париже ответственные представители народов Кавказа сейчас же выпустили декларацию о своем союзе с нами и об их дружбе с Турцией.

Этот вопрос легко разрешится в случае необходимых демаршей со стороны французских политических кругов. Для того чтобы убедить их в этом, я обращаюсь к вам, мой генерал, от имени моих единоверцев, прося вас вмешаться в ситуацию в вышеизложенном смысле с помощью вашего высокого авторитета, вашей компетенции и вашей проницательности»[748], – писал в связи с этим С. Шамиль.

В письме, посланном 15 апреля 1940 г. в Стамбул Х. Султанову, А. Атамалибеков сообщает интересные сведения о ходе переговоров с армянами. Отметив, что «интерес к нашей проблеме очень большой», Атамалибеков писал, что вопрос, «который нас сейчас очень занимает – это вхождение армян в

[748] S. Chamil. A Son Excellence Monsieur le Général Weygand, commandant en chef T. O. M. O. Paris, 29. 3. 1940 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/1.

Кавказскую Конфедерацию. Наши старые (имеются в виду поляки. – *Г. М., Р. А.*) и новые друзья (имеются в виду французы и англичане. – *Г. М., Р. А.*) оказывают на представителей кавказских народов давление в том смысле, чтобы они объединились, дабы быть готовыми к назревающим событиям»[749].

Касаясь последнего этапа хода переговоров с армянами, Атамалибеков сообщал, что «Брюссельский пакт является для них целиком приемлемым», но они настаивали на внесении в него двух пунктов, один из которых «мы отвергли в категорической форме».

По словам Атамалибекова, из-за этого переговоры кавказцев с армянами временно прекратились, а сам Джамалян уехал в Египет, чтобы обсудить этот вопрос с ЦК партии Дашнакцутюн.

«Очень прошу Вас дать нам информацию о том, в каком положении наше национальное объединение в Стамбуле и вообще, есть ли там что-нибудь похожее на национальную организацию, и если есть, то кто в нее входит», – особо подчеркивал Атамалибеков. Последний пассаж наглядно свидетельствовал о том, в какой мере разбросанные по разным странам азербайджанцы были отрезаны друг от друга событиями начавшейся Второй мировой войны.

Дополнительная информация о ходе переговоров с армянами содержится в докладе Гугушвили, который сообщал, что еще перед отбытием Джамаляна в Каир, грузинские представители предложили армянам и азербайджанцам избежать ненужной излишней конкретики, согласившись на то, чтобы «права национальных меньшинств были признаны в принципе»[750].

---

[749] А. Атамалибеков – Х. Султанову. Париж, 15. 4. 1940 // Там же. Carton n° 9/1.

[750] A. Gugushvili. Report on the Cooperation between Caucasians. [London], 4. 11. 1940 // *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей».

В итоге, приняв грузинское предложение, армянские эмигранты присоединились к Совету Конфедерации Кавказа 28 мая, непосредственно перед военным поражением Франции. Опасаясь повторения событий 1918 г., они предпочли отказаться от своих территориальных притязаний и признать существующую армяно-турецкую границу в обмен на невмешательство Турции в дела Кавказа. Текст подписанного пакта, почти полностью повторяющий Брюссельский Пакт Кавказской Конфедерации 1934 г.,[751] был согласован с турецким правительством, а также с генералом Вейганом. Посредником в переговорах армян с турками выступал Шамиль, обладавший, как уже отмечалось, нужными связями в Анкаре. «Генерал Вейган ясным образом отметил, что он видит, с точки зрения армии Востока, преимущество подобного договора в том, что он зафиксировал четким образом необходимые рамки»[752], – сообщалось по этому поводу в записке Политического отдела МИД Франции. Чтобы не акцентировать внимание на болезненных вопросах, в самом пакте ничего не говорилось ни о северных, ни о южных границах будущей конфедерации. С целью убедить армян принять эти условия, азербайджанцы и грузины, со своей стороны, обещали армянам, что права армянских национальных меньшинств в Азербайджане и Грузии будут соблюдены[753].

---

[751] Пакт Конфедерации Кавказа. 28. 5. 1940 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 211-212.

[752] Записка Политического отдела Министерства иностранных дел Франции относительно Пакта Кавказской Конфедерации. Париж, 29. 5. 1940 // Там же. С. 213.

[753] Согласно протоколу заседания Совета Кавказской Конфедерации от 28 мая, входящие в эту структуру национальные центры считали «северной границей конфедеративного кавказского государства русла рек Кубань и Кума, а его южной границей – установленные и существующие границы советских республик Армении, Азербайджана и Грузии». Документ уточнял, что в отношении южных соседей Кавказа, – Турции и Ирана, – внешняя политика Кавказской Конфедерации «должна основываться на искрен-

§ 8. Кристаллизация кавказских проектов западных держав на завершающем этапе «Странной войны». Параллельные инициативы кавказцев

12 марта Финляндия вынуждена была подписать мирное соглашение с СССР. Несмотря на запоздалые обещания союзников оказать финнам военную помощь в случае продолжения войны, последним пришлось согласиться на советские требования. В Хельсинки предпочли потерять часть территории, для того чтобы сохранить независимость страны в целом[754].

Непосредственным итогом выхода Финляндии из войны было падение во Франции кабинета Даладье и приход к власти нового правительства, возглавляемого бывшим министром финансов Полем Рейно. В результате смены правительств политика Франции в отношении СССР стала еще более радикальной[755]. Одним из основных обвинений, выдвигаемых во французских политических кругах против Даладье, было то, что возглавляемое им правительство упустило подходящий момент для оказания военной помощи Финляндии и нанесения бомбовых ударов по советским нефтепромыслам на Кавказе.

Уже 25 марта посольству Англии в Париже передали специальную ноту нового премьер-министра Франции. Документ содержал детальный критический разбор политики правитель-

---

ней дружбе и добрососедских взаимоотношениях». См.: Протокол собрания Совета Конфедерации Кавказа. 28 5. 1940 // Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». С. 210. В то же время в самом тексте Пакта Кавказской Конфедерации подчеркивалось, что «Конфедерация гарантирует права национальных меньшинств в каждой конфедеративной республике». Пакт Конфедерации Кавказа. 28. 5. 1940 // Там же. С. 211.

[754] *Kahle G*. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. S. 13-14.

[755] *Bartel H*. Frankreich und die Sowjetunion 1938-1940. S. 327.

ства Даладье и новые предложения, призванные исправить отмеченные упущения.

В связи с кавказским проектом, в документе предлагалось провести решительную операцию в районах Черного и Каспийского морей, для того чтобы «не только нарушить снабжение нефтью Германии, но и, главным образом, парализовать всю экономику СССР до того, как Рейху удастся мобилизовать ее в свою пользу».

Поспешность мер, с помощью которых Кремль пытается обеспечить защиту этих районов, «подчеркивает важность фактора времени для успешного осуществления наступательной операции»[756]. Если союзники не хотят в очередной раз упустить свой шанс, следует принять решение, подготовить и осуществить эту операцию как можно быстрее.

Поскольку английское правительство в качестве одного из аргументов в пользу откладывания проведения операции приводило тот факт, что союзники с юридической точки зрения не находятся в состоянии войны с Советским Союзом, документ подчеркивал, что французское правительство «готово взять на себя ответственность за разрыв с СССР».

Рейно сетовал, что наиболее оптимально было бы сделать это во время советско-финской войны, когда помощь союзников Финляндии вызвала бы соответствующую реакцию Москвы и, таким образом, юридически развязало бы руки Парижу и Лондону, возложив всю ответственность на агрессора. В случае, если правительство Англии сочтет необходимым проведение военной акции на Кавказе, в Париже готовы незамедлительно изучить и найти, совместно с лондонским кабинетом, наилучший предлог для разрыва дипломатических отношений с Кремлем[757].

---

[756] P. Reynaud (président du Conseil et ministre des Affaires étrangères). Note remise à l'ambassade d'Angleterre à Paris le 25. 3. 1940 // AMAE. Deuxième guerre 1939-45. Papiers 1940. Reconstitution Dejean. Dossier n°1. Fol. 16.

[757] Ibidem. Fol. 17.

В заключение Рейно писал, что поскольку подготовка операции потребует еще некоторого времени, то для укрепления морального духа союзников было бы целесообразно в наиболее краткий срок изучить возможность введения в Черное море французских и английских подводных лодок, чтобы перекрыть немецким торговым судам «путь от Батуми до устья Дуная»[758].

Следует отметить, что за несколько недель до подписания Финляндией мирного договора с СССР, англичане, казалось бы, склонялись к этой жесткой позиции Парижа. Так, 7 марта командующий английской авиацией на Ближнем Востоке маршал Митчелл, посетив в Бейруте генерала Вейгана, сообщил последнему о том, что он получил из Лондона указание подготовить возможную операцию по бомбардировке Баку и Батуми. Обратившись к Вейгану с просьбой разрешить ему использовать аэродромы в Джазире (Сирия), англичанин также сообщил генералу о своем намерении попросить у начальника турецкого Генштаба маршала Ф. Чакмака право использовать в качестве промежуточных посадочных площадок районы Диарбекира, Эрзерума, Карса и озера Ван. Вейган позволил англичанам провести разведывательные работы в районе Джазире, который в то время находился под французским контролем[759].

Через три дня генерал Уэйвелл, командующий сухопутными силами Великобритании на Ближнем Востоке, сообщил Вейгану, что он получил от военного министерства приказ изучить возможности и условия проведения операции на Кавказе на случай войны с Россией[760].

Вероятно, в те дни, когда англичане пытались отговорить Хельсинки от заключения мира с Советами, в Лондоне рассматривался вопрос быстрого и прямого вмешательства не

[758] Ibidem. Fol. 18.
[759] Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 229-230.
[760] Ibidem. S. 232.

только в советско-финскую войну, но и нанесения удара по кавказским нефтяным месторождениям в тыл СССР.

Эти планы, однако, требовали непосредственного участия в них Турции. Не случайно 12 марта генерал Гамелен сообщал Вейгану, что, по его расчетам, операции на Ближнем Востоке должны вестись британским командованием. Что касается операций на Кавказе, их должно проводить турецкое командование с помощью турецких вооруженных сил, авиации и «специального контингента союзнических войск». В связи с этим Гамелен просил Вейгана обсудить этот вопрос с маршалом Чакмаком[761].

Позиция Турции по вопросу ее участия в кавказском проекте союзников была осторожной. До завершения зимней войны Анкара была не прочь позволить союзникам, нарушив турецкое воздушное пространство, нанести удар по нефтяным месторождениям Кавказа. Однако после 12 марта турки стали сомневаться в военном превосходстве западных держав. Эта позиция Анкары хорошо описана в отчете, направленном 1 апреля английским посольством в Анкаре в британское внешнеполитическое ведомство. В нем, в частности, говорилось, что, хотя Турция и рассматривает возможность ведения оборонительной войны против СССР, она будет готова к этому не раньше конца лета 1940 г. Исходя из вышесказанного, Турция считает свое участие в войне против России преждевременным. Тем не менее, после завершения необходимых военных приготовлений «Турция не заставит себя долго упрашивать участвовать в атаке союзников на Баку через территорию Ирана»[762].

Подтверждают этот анализ и источники, обнаруженные в архивных материалах НКВД Грузинской ССР. По их данным, турки соглашались принять участие в операциях союзников

---

[761] *Osborn P. R.* Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. P. 233.

[762] Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 260.

на Кавказе только после полной доставки им обещанного вооружения и военных материалов, предусмотренных англо-франко-турецким договором о взаимопомощи. Помимо этого, Анкара требовала доведения до соответствующей численности англо-французских войск в Сирии и Ираке, а также концентрации значительных военно-морских сил союзников в Восточном Средиземноморье, чтобы при необходимости они могли бы быть быстро введены в Черное море[763].

С марта 1940 г. активность французской разведки на кавказском направлении значительно усилилась. Параллельно с бомбардировками нефтяных объектов, французское командование планировало так же осуществить операции по высадке в Грузии воздушно-десантных отрядов для проведения диверсий на нефтепроводе Баку-Батуми. В связи с этим представители грузинской разведывательной организации, находящиеся на турецко-грузинской границе, получили от представителей французского Второго бюро и Разведывательного отдела штаба генерала Вейгана задание – собирать информацию о советских аэродромах, а также пригодных к высадке десантников ровных площадках в гористых местностях Юго-Западной Грузии. Кроме этого, разведывательной экспедиции, отправлявшейся в Грузию, дали задание, по возможности, осуществить диверсию на упомянутом нефтепроводе[764]. Согласно информации, полученной в это время англичанами из своего посольства в Соединенных Штатах, нефтепровод Баку-Батуми очень плохо охранялся и мог быть легко выведен из строя диверсантами[765].

Для более эффективного осуществления воздушно-десантных операций, проведения диверсий и оказания психо-

---

[763] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 366.
[764] Там же. С. 367-368.
[765] *Kitchen M.* British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. London. 1986. P. 23.

логического влияния на население Грузии в штабе генерала Вейгана приняли решение о формировании в составе дислоцирующейся в Сирии французской армии грузинской национальной части. Направленные в ее состав из всех других частей французской армии военнослужащие-грузины должны были составить костяк десантных групп, которые в будущем планировалось забросить в оккупированную большевиками Грузию для осуществления там диверсий, разведывательной и пропагандистской работы. Грузинское правительство в изгнании горячо приветствовало эту инициативу, так как видело в таком батальоне прообраз будущих вооруженных сил страны. Не вполне доверяя туркам, эмигранты предпочитали, чтобы первыми под французскими знаменами в Грузию вошли грузинские национальные части. К маю, находящийся в процессе формирования грузинский батальон, насчитывавший в своем составе 160-180 человек, дислоцировался в тренировочном лагере Баркарес, в Восточных Пиренеях. В результате быстрого поражения Франции батальон, командиром которого был назначен кадровый офицер французского Иностранного легиона, капитан Георгий Одишелидзе, так и не был направлен в Сирию[766].

Кроме грузинского батальона, французское командование планировало также формирование частей, состоявших из северокавказцев. Так как проекты бомбардировки нефтяных месторождений Кавказа предусматривали, помимо прочего, уничтожение нефтяных скважин Майкопа, французы предполагали использовать с этой целью потомков черкесских мухаджиров, насильственным образом изгнанных из западной части Северного Кавказа царским правительством в XIX веке. Будучи прирожденными воинами, большое количество этих горцев служило не только в армиях государств Ближнего Вос-

[766] l'Unité géorgienne 1940. Une formation de l'armée française // De Bello Magazine. Paris. 1996. N° 73. P. 17.

тока. Черкесские эскадроны были сформированы и в составе дислоцированной в Сирии армии Вейгана.

Еще до заключения англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи активисты северокавказского национально-освободительного движения приняли меры для установки контактов с представителями западных союзников. Так, 17 октября 1939 г., за два дня до подписания упомянутого соглашения, Тамби Элекхоти, бывший член группы «Кавказ», направил в МИД Франции меморандум, где предлагал помощь горцев в случае проведения союзниками военных операций на Кавказе. По его словам, симпатии кавказских горцев «в отношении Франции хорошо известны. Наши черкесские эскадроны, находящиеся в Сирии на службе Франции, являются красноречивым свидетельством этого. Отсюда и исходит наше отнюдь не преувеличенное убеждение, что мы, горцы (черкесы), обладаем немалой возможностью вербовать в этих странах Востока и, главным образом, в Сирии кадры, необходимые для пропаганды и связи с Кавказом и, тем самым, со всеми недовольными элементами во всей России»[767].

Элекхоти, который, судя по всему, находился в курсе военных операций, планируемых французским командованием на Кавказе, предлагал незамедлительно приступить к созданию центра обширной пропагандистской и разведывательной деятельности на Востоке. До тех пор, пока благоприятное политическое положение не позволит сделать местопребыванием центра Стамбул или Тегеран, он временно должен размещаться в Афинах, Бейруте или Багдаде. Наряду с этим центром, следовало создать «другой политический центр Кавказа, состоящий из наиболее известных кавказских политических деятелей. Такой центр может размещаться лишь в Париже»[768]. Последний пассаж, очевидно, свидетельствует о желании

[767] T. Elekhoti. Memorandum. 17. 10. 1939 // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 1093, URSS (nationalités et régionalisme). Fol. 334.
[768] Ibidem, Fol. 335.

Элекхоти представить французскому правительству бывших членов группы «Кавказ», как наиболее подходящих людей для решения вышеупомянутых задач.

Тем не менее, союзники предпочли работать с северокавказцами, участвовавшими в движении «Прометей». По свидетельству Сеид-бека Шамиля, в мае 1940 г., накануне разгрома Франции, он был вызван в Лондон, где представители штаба генерала Уейвелла, в частности, интересовались его мнением относительно возможной реакции горцев на бомбардировку нефтяных месторождений Северного Кавказа[769].

28 марта на шестом заседании Верховного военного совета союзников премьер-министр Рейно вновь настойчиво требовал в кратчайшие сроки принять решение о проведении операции на Кавказе. Вместе с тем французский премьер обратился с просьбой к Лондону, прислать, как можно быстрее, в Сирию английские бомбардировщики, необходимые для осуществления бомбовых ударов. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль воздержался от вынесения окончательного вердикта по этому поводу, мотивируя это тем, что в таком случае СССР будет бесповоротно привязан к Германии. В итоге стороны договорились о немедленной разработке экспертами двух стран специального исследования «с целью изучить проект воздушной бомбардировки русских нефтяных месторождений Кавказа». Особое внимание следовало уделить: «А) Возможности достижения посредством этой операции эффективных результатов. Б) Возможных последствий операции в отношении СССР. В) Возможного отношения Турции»[770].

В начале апреля был разработан и готов как французский, так и английский проект. По оценке исследователей, английский план по точности определения целей и карт выгодно от-

[769] С. Шамиль. Письмо Навруз-бею. 1977 г. URL: http://proza.ru/texts/2007/04/05-184.html

[770] Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 257.

личался от французского. Французы не смогли дать даже приблизительный процент предполагаемых потерь. По мнению англичан, он должен был составлять не менее 20% задействованных в операции самолетов. Наряду с этим, в английском плане отмечалось, что «уничтожение предусмотренных целей приведет, рано или поздно, к крушению военного потенциала СССР», в результате чего «может быть решен весь ход войны»[771].

По расчетам англичан, нефтяные месторождения Баку, также как и нефтеочистительные сооружения и другая инфраструктура района, должны были быть уничтожены бомбардировками. Подводным лодкам союзников выпадала миссия перехватывать советские нефтеналивные танкеры в Черном море. Что касается железных дорог и трубопроводов, их должны были вывести из строя диверсанты[772].

Оба плана были приняты. 4-5 апреля в ставке главнокомандующего военно-воздушными силами Франции состоялось заседание координационных групп, на котором обсуждались детали кавказского проекта. Стороны сошлись в том, что базирующаяся на Ближнем Востоке французская авиация может атаковать с воздуха лишь объекты, расположенные на черноморском побережье Грузии. Что касается нефтепромыслов Баку и Грозного, – нанести удар по ним способны лишь британские военно-воздушные силы. Впервые отмечалась необходимость разрушения с помощью бомбардировки портов и вокзалов не только в Батуми, но и в Поти. «В результате этих разрушений Россия лишится путей вывоза нефтяной продукции, объем которой составит 25% всей нефтяной продукции Кавказа, или 20% всего объема нефтяной продукции Рос-

[771] *Kahle G*. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. S. 19.
[772] *Osborn P. R*. Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. P. 148.

сии»[773], – указывалось в протоколе упомянутых консультаций. Вероятно, Поти был внесен в список объектов бомбардировки потому, что, как полагали французы, большая часть транспортируемой из этих портов нефти экспортировалась в Рейх.

После основательных размышлений союзники решили использовать пять групп бомбардировщиков «Гленн-Мартин» (на них было решено поставить дополнительный резервуар для 300 литров горючего, позволявший самолетам покрывать расстояние в 2 200 км.), а также четыре группы бомбардировщиков «Бленхейм-IV». Британские военно-воздушные силы должны были атаковать Баку, а французская авиация – Батуми и Грозный[774].

Саму воздушную операцию на Кавказе по техническим причинам планировалось провести через два месяца. Требовалось оборудовать аэродромы и депо, перевезти военные грузы и перебросить авиацию, необходимую для осуществления операции. Вопрос возможности использования турецкой территории также не был решен до конца.

Учитывая все эти факторы, 17 апреля генерал Вейган писал генералу Гамелену и командующему военно-воздушными силами Франции генералу Ж. Вюйемену, что срок завершения подготовки лучше всего назначить на конец июня – начало июля, тем более, что начать операцию можно будет только в случае полного завершения всех подготовительных работ, чтобы «в полной мере и как можно быстрее получить решающие результаты»[775].

---

[773] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник материалов. Накануне (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). Т. I. Кн. I. С. 378.

[774] *Buffotot P*. Le projet de bombardement des pétroles soviétiques du Caucase en 1940 // Revue historique des armées. Revue commune aux trois armées TERRE-AIR-MER. Vincennes. 1979. N°4. P. 96.

[775] Die Geheimakten des französischen Generalstabes. S. 280.

В то же время усилили свою пропаганду и эмигранты, со дня на день ожидавшие начала военной операции союзников на Кавказе. В речи, произнесенной 23 апреля в международной дипломатической академии в Париже, один из руководителей Совета Конфедерации Кавказа Чхенкели отмечал, что «без нефти Баку и Грозного сухопутные, морские и воздушные силы СССР будут парализованы. Подобная судьба ожидает также национализированную тяжелую индустрию и коллективизированное сельское хозяйство этой страны, также, как и железнодорожный и морской транспорт. Тем не менее, если мы хотим пойти дальше в этих предположениях, мы могли бы утверждать, что без нефти и чиатурского марганца московские руководители не могли бы осуществить ни один так называемый пятилетний план, ни содержать во всех частях света бесчисленное количество пропагандистов»[776].

В начале мая две грузинские разведывательные экспедиции перешли советскую границу. Встретившись с участниками подпольных организаций, они должны были дать им последние инструкции относительно их действий в случае начала боевых операций. Из соображений конспирации разведчикам было запрещено говорить повстанцам о планируемых союзниками бомбардировках.

Обе экспедиции вернулись в Турцию во второй половине мая, когда, вследствие начавшихся в Европе боевых действий, Французский фронт уже был прорван Вермахтом[777].

Последовавшая вскоре капитуляция Франции поставила крест как на кавказском проекте союзников, так и на надежде кавказцев воспользоваться им для освобождения Кавказа[778].

---

[776] A. Tchenkeli (ancien ministre de Géorgie en France). Communication faite à l'Académie diplomatique internationale le 23 avril sur les Etats du Caucase // AMAE. CPC. 1914-1940. Série Z. Dossier n° 1093, URSS (nationalités et régionalisme). Fol. 370.

[777] *Мамулиа Г.* Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). С. 374.

Следует отметить, что вплоть до самой капитуляции Франции и эвакуации польского правительства в изгнании в Лондон, поляки продолжали оказывать кавказским прометеевцам самую искреннюю помощь. Например, 22 мая польское посольство обратилось с просьбой к военным властям французской столицы о предоставлении права на выезд из Парижа А. Атамалибекову, М. Магеррамову, А. А. Топчибаши и Д. Гаджибейли (М. Я. Мехтиев к этому времени уже находился в Лондоне)[779].

Эта помощь позволила азербайджанцам вовремя выехать в неоккупированную зону Франции. Таким образом, эмигрантам удалось избежать репрессий, особенно сильно ощущаемых в Париже в первые месяцы после того, как город заняли германские войска.

---

[778] Спецслужбы союзников продолжали заниматься кавказским проектом даже после вторжения Вермахта во Францию. Так, 13 мая 1940 г. находящийся в Париже по дороге в Турцию Маклин информировал представителей французского МИД и Второго бюро о том, что «он установил в Лондоне контакт с Мир-Якубом и Шамилем, известными представителями кавказской эмиграции, проживающей, в основном, в Стамбуле. […] В подходящем случае мы, скорее, предпочли бы видеть Баку в руках турок, чем Советов», – заявил Маклин своим собеседникам. По его мнению, на восстание на Кавказе «можно рассчитывать лишь в том случае, если оно будет поддержано военными операциями. Все прочие акции ограничатся лишь стерильной пропагандой». См.: Compte rendu de la conférence du 13 mai 1940 aux Affaires étrangères entre M. Charveriat, directeur des Affaires politiques et commerciales et M. MacLean, délégué du Foreign Office // SHAT. Carton n° 7 N 3227.

[779] Ambassade de la République de Pologne à Paris à Monsieur le général en chef du Bureau central militaire de la circulation. Paris, 22. 5. 1940 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 10/1.

ГЛАВА VIII

К вопросу о политических аспектах германо-азербайджанских взаимоотношений в период Второй мировой войны (1941-1945)

§ 1. Азербайджан и Кавказ в проектах МИД и Восточного министерства Третьего Рейха

Как известно, приступая к разработке планов военной кампании против Советского Союза, руководство Третьего Рейха в лице Рейхсканцлера и Главнокомандующего Вермахта Адольфа Гитлера не располагало цельной концепцией политического курса по отношению к народам СССР.

В результате уже в апреле 1941 г. МИД Германии и находящееся в стадии формирования Восточное министерство параллельно и независимо друг от друга приступили к разработке политических планов в отношении народов, населяющих красную империю. Вырабатываемые вышеупомянутыми инстанциями концепции политики Германии, касающейся Азербайджана и Кавказа в целом, наряду с определенными различиями, содержали значительные общие черты, обусловленные геополитическими реалиями.

Гитлер, не желавший давать каких-либо конкретных обещаний о будущем устройстве восточных территорий, первоначально крайне отрицательно относился к идее подключения к данной проблеме представителей политической эмиграции народов Кавказа.

Причиной данной позиции фюрера являлось его убеждение, что германские войска уже к осени 1941 г. нанесут решающее военное поражение советскому колоссу.

Неудача Вермахта под Москвой зимой 1941 г. и возникшая перспектива затяжной войны явились поворотным пунктом в восточной политике Третьего Рейха. С января 1942 г. начинается формирование Восточных легионов из представителей нерусских народов Советского Союза.

Непосредственным поводом, повлекшим за собой подобное изменение в позиции Берлина, послужил визит в Германию двух турецких генералов – А. Эрдена и Х. Эркилета, посетивших с ознакомительной поездкой Восточный фронт в октябре 1941 г.

Стремясь вызволить из германских лагерей для военнопленных находящихся там красноармейцев, представителей тюркских народов СССР, упомянутые генералы во время приема в Главной квартире фюрера обратились к Гитлеру с ходатайством о формировании из военнопленных тюркского происхождения добровольческого соединения в духе Мусульманского легиона периода Первой мировой войны.

В результате в ноябре 1941 г. было принято решение о формировании Тюрко-татарского и Кавказского легионов.

Затем, однако, вследствие переговоров между возглавляемым графом К. фон Штауффенбергом Организационным отделом Генштаба Верховного командования Вермахта (ОКВ) и соответствующими представителями Восточного министерства, было решено приступить к формированию отдельных национальных легионов из числа военнопленных всех кавказских и тюркских народов СССР. Инициатива по данному поводу исходила от руководителя Отдела общих вопросов Главного политического департамента Восточного министерства, д-ра Отто фон Бройтигама и начальника Кавказского отдела Герхарда фон Менде[780].

[780] G. von Mende. Bemerkungen zu dem Bericht ueber die Freiwilligenverbände von General Köstring. S. 1 // Nachlass Prof. von Mende. (Im Besitz der Familie von Mende).

Еще с августа 1941 г. под эгидой Восточного министерства были созданы «комиссии по делам военнопленных», в функции которых, в частности, входил отбор и регистрация находящихся в лагерях советских военнопленных по национальному признаку.

В рамках данного начинания в начале сентября в находящиеся на территории Германии, Польши и освобожденной немцами части СССР лагеря для советских военнопленных были направлены представители упомянутых комиссий, являющиеся, на первоначальном этапе, представителями старого поколения эмиграции, ранее принимавшими активное участие в движении «Прометей». Судя по всему, в их числе был и Расулзаде, находившийся в это время в Берлине[781].

В результате упомянутой акции большому количеству пленных азербайджанцев-красноармейцев удалось выжить в условиях тяжелейшей зимы 1941-1942 гг.

По данным И. Акбера, одного из офицеров Азербайджанского легиона, в это время в германских лагерях для военнопленных находилось около 150 000 азербайджанцев, десятки тысяч из которых пали жертвой голода, холода, эпидемий и не подготовленности к зимним условиям германской лагерной администрации[782].

Существование комиссий оказалось положительным и в том отношении, что именно благодаря их деятельности стало возможным впервые обратить внимание германских властей на тяжелейшее положение, сложившееся в лагерях для военнопленных. Из числа военнопленных-азербайджанцев и был

[781] G. von Mende. Die Nationalkomitees der Völker aus der Sowjetunion während des deutsch-sovjetischen Krieges. S. 7 // Ibidem.

[782] И. Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость во Второй мировой войне. 1951. С. 3. // Hoover Institution Archives (далее – HIA). Stanford University, USA. A. Dallin's collection. Box 6.

составлен костяк личного состава формирующегося в Генерал-губернаторстве[783] Азербайджанского легиона[784].

Параллельно с этими мероприятиями как МИД, так и Восточное министерство, пытаясь склонить Гитлера к согласию на формирование национальных представительств нерусских народов красной империи, приступают к привлечению на свою сторону представителей кавказской политической эмиграции.

Главным экспертом МИД по восточным, в том числе и кавказским вопросам, заслуженно считался бывший посол Германии в СССР граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. До Первой мировой войны Шуленбург служил германским вице-консулом в Тифлисе. В период Первой мировой войны по его инициативе сформировался Грузинский легион германской армии, командиром которого он и являлся. В 1918 г., во время кратковременного пребывания германских войск в Грузии, Шуленбург исполнял обязанности главы германской дипломатической миссии на Кавказе.

Хотя Шуленбург, как полагают исследователи, и считался противником войны Германии с Советским Союзом, это не помешало графу вновь вернуться к вопросу выработки концепции политического курса Германии по отношению к Кавказу. Параллельно с этим Шуленбургу удалось привлечь к

---

[783] Генерал-губернаторство (нем. Generalgouvernement) – административно-территориальное образование, созданное на территории Польши в октябре 1939 г. после оккупации последней национал-социалистской Германией со столицей в Кракове.

[784] 13 января 1942 г. был отдан приказ о формировании на территории Генерал-губернаторства Кавказско-мусульманского легиона, включавшего в свой состав азербайджанцев и мусульманские народы Северного Кавказа. Вскоре, однако, после перевода представителей горских народов в формируемый Северокавказский легион, Кавказско-мусульманский легион переименовали в Азербайджанский. См.: *Hoffmann J.* Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Volgafinnen im deutschen Heer. Freiburg. 1976. S. 30-33.

данному проекту целый ряд лучших германских экспертов по СССР. Кроме того, заручиться поддержкой влиятельных представителей немецкой военной элиты.

Шуленбург придерживался мнения, что в отношении народов, населяющих СССР, Восточное министерство должно играть сравнительно ограниченную роль, в то время как все принципиальные вопросы следовало сосредоточить в ведении МИД Германии. В связи с этим представителями МИД утверждалось, что Министерство по делам оккупированных восточных территорий может быть ответственно лишь за политику в отношении областей, уже занятых германскими войсками. Выработкой политических концепций по вопросу еще не освобожденных территорий, включая Кавказ, должно заниматься исключительно внешнеполитическое ведомство Германии[785]. Стремясь увеличить сферу своей личной компетенции, министр иностранных дел Рейха Йоахим фон Риббентроп так же, со своей стороны, поддерживал действия Шуленбурга.

В случае победы Германии, Шуленбург выступал за предоставление нерусским народам право на самоопределение, допуская при этом возможность сохранения Российской империи на основе конфедерации. «Шуленбург испытывал большую симпатию к грузинам, зная, что они видят в Германии доброго друга и естественного гаранта своей независимости», – подчеркивал в связи с этим Ганс фон Герварт, один из его ближайших сотрудников[786].

Альфред Розенберг, министр по делам оккупированных восточных территорий, придерживался по данному вопросу более четкого мнения. Будучи балтийским немцем, родившимся в 1893 г. в г. Ревеле (Эстония), Розенберг принадлежал к угнетаемым национальным меньшинствам Российской империи и на собственной шкуре испытал политику насильст-

[785] G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 17 // Nachlass Prof. von Mende. (Im Besitz der Familie von Mende).

[786] *Herwarth H. von*. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt-am-Main, Berlin, Wien. 1982. S. 242-243.

венной русификации и великорусского шовинизма, характерного для последнего периода существования империи Романовых.

Являясь одним из «старых бойцов» НСДАП, имевшим доступ и определенное влияние на фюрера, Розенберг еще в 1921 г. писал о необходимости поддержки стремления к независимости нерусских народов СССР путем раздела территории красной империи на национальные государства. Это в будущем освободило бы Германию от кошмара постоянного давления с Востока[787].

На геополитическое мышление Розенберга оказали значительное влияние концепции, по своей сути не имеющие ничего общего с расистской идеологией и практикой германского национал-социализма. Являясь решительным противником русского империализма, Розенберг стремился положить конец экспансии Кремля, отделив от советской империи ее нерусские территории и, таким образом, окружив ее целым рядом находящихся под протекторатом Германии государств, составляющих непробиваемый санитарный кордон на пути возможного возрождения кремлевского экспансионизма.

С московским империализмом предполагалось покончить путем создания Рейхскомиссариата «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия), Рейхскомиссариата «Украина», а также пользующихся широкими правами независимости Рейхскомиссариатами «Кавказ» и «Туркестан» (Центральная Азия). Территория собственно России должна была быть сведена до естественных этнических границ русского народа, лишавшегося в будущем возможности угрожать независимости своих соседей.

Вышеупомянутый геополитический проект, за исключением тезы о ведущей роли Германии и некоторых других, незначительных аспектов, полностью повторял уже хорошо известную нам концепцию польского прометеизма.

---

[787] *Molau A.* Alfred Rosenberg. Der Ideologe des Nationalsozialismus. Eine politische Biographie. Koblenz. 1993. S. 125.

Столь неожиданный, на первый взгляд, факт очевидного влияния польской геополитической мысли на внешнеполитические концепции одного из ведущих идеологов национал-социализма, судя по всему, следует приписать влиянию кавказских эмигрантов из близкого окружения Розенберга[788].

В определенной степени под их влиянием Розенбергом в апреле 1941 г. и была разработана геополитическая концепция Кавказа под германским протекторатом.

Отмечая, что Кавказ с его огромными нефтяными запасами имеет ключевое значение для Германской империи, Розенберг в связи с этим предлагал создание на Кавказе рейхскомиссариата, включающего в свой состав пять генеральных комиссариатов и две главные области. Азербайджан, Грузия, Северный Кавказ, а также казачьи территории Кубани и Терека являлись генеральными комиссариатами, в то время как Армения с Калмыкией получали более низкий статус главных областей.

Для обеспечения взаимной геополитической интеграции территорий рейхскомиссариатов «Кавказ» и «Украина» общая граница между ними должна была пролегать в верховьях Волги, в районе г. Саратова.

Кавказ, по плану Розенберга, должен был стать интегральной частью находящегося под протекторатом Германии санитарного кордона, сдерживающего экспансию Кремля в южном направлении. Несмотря на назначение на должность имперского комиссара Кавказа своего друга и протеже Арно Шикеданца, Розенберг рекомендовал предоставить власть на местах, в основном, местному населению. Сами немцы должны были иметь в регионе минимальное количество чиновников. В частности, за германской стороной сохранялось право арбит-

[788] Подробно о влиянии кавказских эмигрантов на Розенберга см.: *Мамулиа Г.* Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны. Тбилиси. 2007. С. 194-195.

ражного разрешения споров в случае возникновения таковых между местными народами[789].

Фактически, составляя проект по созданию данного рейхскомиссариата, Розенберг исходил из давно существующей идеи Кавказской Конфедерации, которая, учитывая этническую мозаичность Кавказа, объективно говоря, и поныне является единственной возможностью сохранения мира, стабильности и экономического процветания региона.

Уже в самом начале документа подчеркивалось, что «первой решающей задачей имперского комиссара является обеспечение снабжения Германской империи сырьем с помощью уполномоченных по выполнению четырехлетнего плана, а так же предоставленных Вермахтом полицейских сил. К этой же задаче относится усиленная эксплуатация крупных нефтяных месторождений, а так же обеспечение и усиление транспортных сообщений сухопутным путем и по Черному морю»[790].

По свидетельству Менде, комиссаром по эксплуатации бакинской нефти планировалось назначить д-ра Нойбахера, работающего в министерстве по выполнению четырехлетнего плана. С целью централизации нефтедобычи и предотвращения возможных диверсий, Нойбахер предложил передать под его контроль охрану не только самих нефтяных месторождений, но и нефтепровода Баку-Батуми, по которому азербайджанская нефть должна была транспортироваться к Черному морю.

Осенью 1941 г. был заключен секретный договор между правительством Рейха и руководством акционерного общества «Континентален Оль» (Kontinentalen Öl - A. G.) о передаче последнему при соблюдении определенных условий по вы-

---

[789] *Dallin A*. German Rule in Russia 1941-1945. A Study of Occupation Policies. London, McMillan, New York. 1957. P. 227-231.

[790] A. Rosenberg. Instruktion für einen Reichskommissar in Kaukasien. 7. 5. 1941. S. 2 // HIA. A. Dallin's collection. Box 6.

полнению четырехлетнего плана и активном подключении к работам химического концерна «И. Г. Фарбен» (I. G. Farben) концессии по эксплуатации бакинской нефти сроком на 99 лет. При этом «Континенталeн Оль» обязывалась выплачивать правительству Рейха ежегодную сумму за эксплуатацию бакинских нефтяных месторождений.

Так как в данном договоре ничего не было сказано о непосредственном владельце нефти, народе Азербайджана, это вызвало резкую реакцию начальника Кавказского отдела Восточного министерства Менде, отлично понимавшего пагубность такой политики на Кавказе[791].

Один из ближайших сотрудников Розенберга Бройтигам, впоследствии отмечал, что причина поддержки министром по делам оккупированных восточных территорий плана освобождения нерусских народов СССР из-под власти Кремля, коренилась в объективных геополитических факторах, а отнюдь не в «фанатичной ненависти Розенберга к России»: «Розенберг опасался, что в будущем Россия, постепенно достигнув пика экономического развития, со своим быстро растущим населением будет представлять все большую опасность для Западной Европы вне зависимости от господствующей в ней политической системы. Противостоять этому следовало путем отделения нерусских частей от великорусского пространства, закрепив за ними широкую политическую самостоятельность.

Таким образом, к плану по обезвреживанию России в результате ее раздела на национальные государства [...] нас побуждали вполне реальные обстоятельства»[792].

---

[791] G. von Mende. Kaukasuspolitik. S. 11-12 // Nachlass Prof. von Mende. (Im Besitz der Familie von Mende). S. 12.

[792] Bräutigam O von. Erfahrungen mit den Freiwilligen aus dem russischen Raum im Kampf mit den Bolschewismus 1941-1945. Juni, 1950. S. 5 // Institut für Zeitgeschichte (далее – IFZ), München. Sammlung «Thorwald-Material». Данные Бройтигама подтверждаются современными исследованиями: См.: *Molau A*. Alfred Rosenberg. Der Ideologe des Nationalsozialismus. Eine politische Biographie. S. 124-125.

По свидетельству Петера Клейста, другого высокопоставленного чиновника Восточного министерства, в соответствии с мнением Розенберга учреждение рейхскомиссариатов «Украина», «Кавказ» и «Туркестан» являлось временным явлением, обусловленным потребностями военного времени. Впоследствии, после окончания войны, вышеупомянутые комиссариаты должны были быть преобразованы в независимые государства с дальнейшим включением их в будущее Европейское сообщество народов[793].

До сих пор неизвестны мысли самого фюрера относительно будущего устройства Кавказа.

Впрочем, в одном мнения Розенберга и Гитлера совпадали. По военным, политическим и экономическим причинам Кавказ должен был быть навсегда освобожден от власти России[794].

Как и следовало ожидать, создание в рамках разных министерств Третьего Рейха проектов и концепции политики Германии по отношению к народам СССР, в конце концов, переросло в открытое соперничество Риббентропа и Розенберга.

Дело усугублялось еще и тем, что как Шуленбург, так и Розенберг в своей деятельности опирались на различные группы кавказских эмигрантов, что, со своей стороны, не могло не сказаться на соперничестве и между ними.

§ 2. Первые контакты с Берлином после начала операции «Барбаросса» и конференция в гостинице «Адлон»

Между тем, юервоначально, благодаря деятельности Шуленбурга, инициативу в деле выработки концепции политического курса Германии по отношению к нерусским народам красной империи удерживало Министерство иностранных

---

[793] *Kleist P.* Zwischen Hitler und Stalin 1939-45. Bonn. 1950. S. 142.

[794] *Rich N.* Hitler's War Aims. The Establishment of New Order. New York. 1974. Vol. II. P. 389.

дел. При этом в своей кавказской политике Шуленбург, в основном, опирался на тех эмигрантов, с кем сотрудничал еще в 1918 г., в бытность германским дипломатическим представителем на Кавказе.

В апреле 1942 г. Шуленбург направил целому ряду эмигрантов, проживающих во Франции, Италии, на Балканах и в Турции, приглашение принять участие в специальной конференции в Берлине, посвященной вопросу выработки концепции восточной политики Германии по отношению к нерусским народам, а также возможному участию в этом представителей эмиграции.

В стремлении заручиться поддержкой наиболее видных политических деятелей народов Кавказа организаторы конференции отправили приглашения как бывшим участникам движения «Прометей», так их оппонентам из группы «Кавказ». Как и следовало ожидать, такой же принцип был применен и в отношении политических деятелей Азербайджана. В итоге приглашение на конференцию получили находившийся к тому времени в Румынии М. Э. Расулзаде, а также пребывающие на территории Турции М. Я. Мехтиев, М. Векилли и Х. Султанов.

Следует отметить, что контакты с Расулзаде представители соответствующих германских структур завязали еще до начала германо-советской войны, в мае 1941 г. В это время по данным разведывательной информации НКВД Расулзаде был приглашен в Берлин, где ему сделали предложение «быть советником германского правительства по кавказским делам»[795].

Как впоследствии вспоминал А. Атамалибеков, так же бывший в курсе этих переговоров, на предложение германских властей о сотрудничестве в грядущем германо-советском конфликте Расулзаде ответил согласием, выдвинув при этом следующие предварительные условия: 1) Еще до освобожде-

[795] *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. С. 120.

ния немцами Азербайджана азербайджанские добровольцы должны будут проходить соответствующую военную подготовку под командованием собственных командиров. Азербайджанский комитет будет иметь право на вывод азербайджанцев из лагерей военнопленных. 2) Будет обеспечена свобода печати для живущих в Германии азербайджанцев. 3) Все азербайджанцы в Германии будут объединены в один комитет, имеющий свой бюджет для легиона. 4) В случае освобождения немцами Азербайджана, последний получит свободу как во внутренней, так и во внешней политике.

Как и следовало ожидать, немцы отклонили эти предложения, заявив, что политические вопросы, связанные с будущим Кавказа, решатся лишь после освобождения региона от власти большевиков[796].

Наряду с этим попытки установления контактов с Берлином были предприняты как в Париже, так и в Стамбуле.

В июле 1941 г. представители азербайджанской дипломатической делегации в Париже во главе с Атамалибековым обратились с письмом к Отто Абецу, послу Германии во Франции, в котором, желая победы германскому оружию, выражали надежду на освобождение от кремлевского ига Азербайджана и Кавказа в целом. В заключение письма его авторы сообщали о своей готовности к сотрудничеству с германскими структурами с целью внести свой вклад в дело борьбы с мировой угрозой большевизма[797].

---

[796] A. Alibekov. The Aserbaydzhani and the War. Interview. P. 1 // HIA. A. Dallin's collection. Box 6.

[797] Membres de la Délégation nationale d'Azerbaïdjan à Son Excellence Monsieur Otto Abetz, l'ambassadeur du Grand Reich Allemande. Paris, juillet 1941 // CERCEC. EHESS. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi. Carton n° 4/3. В архиве Топчибаши сохранилась лишь сделанная на копировальной бумаге копия данного документа, без подписи членов делегации и указания точной даты его посылки. Тем не менее, поскольку официальный председатель делегации Мехтиев в это время находился в Турции, можно предполагать, что он был подписан Атамалибековым (генеральным секретарем делегации) и Гаджибейли. Атамалибеков с 1942 г. находился в Берлине, став осенью 1943 г. членом Азербайджанского штаба связи. Гаджибейли с

В начале августа того же года аналогичный демарш был предпринят и перед германским посольством в Стамбуле. Х. Султанову удалось добиться приема у германского посла в Турции Франца фон Папена. В ходе состоявшейся беседы Султанов передал германскому дипломату меморандум со своим видением проблемы Азербайджана и Кавказа[798]. Как сам документ, так и тезисы, изложенные в беседе Султановым, легли в основу ноты, несколько дней спустя направленной Папеном в МИД Германии. В ноте, посвященной политике Турции в отношении Кавказа и пантуранистскому движению в целом, давалась более или менее объективная оценка азербайджанского национально-освободительного движения, хотя кое-где и проскальзывали тенденциозные пассажи, явно заимствованные из высказываний Султанова.

Сообщая, что руководителем азербайджанского национально-освободительного движения «теперь, как и прежде, считается Мехмет Эмин Расулзаде», в документе отмечалось, что последний «примкнул к польскому движению “Прометей”, которое являлось ничем иным, как подотделом польского Генерального штаба. На фонды Генерального штаба (так называемые фонды Пилсудского), которые были переведены в Швейцарию, Расулзаде жил и после падения Польши в 1939 г. В 1940 г. он был с политическим поручением у Сикорского в Лондоне, а затем проживал с другими польскими эмигрантами

1940 г. был начальником азербайджанского отдела Управления по делам кавказских эмигрантов в Париже. Созданной германскими властями структуры, исполняющей роль своего рода неофициального консульства, обеспечивающего минимальное правовое регулирование статуса кавказских эмигрантов во Франции. См.: APP. GA. Carton n° 77 W 1753. Dossier n° 99747 Hadjibeyli D. Еще в 70-х годах прошлого века А. А. Топчибаши, кооптированный, как уже отмечалось, в 1939 г. в состав азербайджанской дипломатической делегации в Париже, заявил одному из авторов этой книги Р. Абуталыбову, что в годы войны он отказался от предложения немцев сотрудничать с ними. На сегодняшний день эти слова полностью подтверждаются досье А. А. Топчибаши, хранящемся в архиве префектуры парижской полиции. См.: APP. GA. Carton T. 02, 3431. Dossier n° 154608 Toptchibachy Famille.

[798] *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. С. 124.

в Бухаресте. Это крупный политический деятель, если не принимать во внимание финансовую сторону (так как другие тюркские[799] члены организации "Прометей" высказывались недавно на турецкой территории во враждебном духе по отношению к Германии, то и по отношению к Расулзаде следует соблюдать известную сдержанность)».

После такой характеристики Расулзаде Папен переходил к конкретным рекомендациям. Не желая самому делать далеко идущие выводы, он писал, что, по мнению одного из его доверенных лиц, с Расулзаде и его сторонниками в Турции «следует проводить работу». Наряду с этим, приводил мнение и другого своего источника, согласно которому «лучше отказаться от всей этой старой гвардии, за которую, исходя из ее прошлого и ее финансовых связей, никак нельзя поручиться и которой нельзя доверить какой бы то ни было роли в новом азербайджанском государстве» [800].

Именно это недоверие и определит в целом отношение германских властей к Расулзаде. Желая в полной мере пользоваться его именем и авторитетом как символа борьбы за независимость Азербайджана, они, тем не менее, не желали давать ему в руки ни малейших реальных рычагов влияния на современные политические события, стремясь низвести его до уровня сугубо символической фигуры.

В июне 1942 г. М. Э. Расулзаде, М. Я. Мехтиев, М. Векилли и Х. Султанов вместе с другими видными политическими деятелями народов Кавказа собрались в Берлине в фешенебельной гостинице «Адлон», где к тому времени по инициативе МИД начала работу конференция, посвященная проблеме выработки германской политики в отношении Кавказа. Наряду с упомянутыми деятелями национально-освободительного движения Азербайджана, в работе конференции приняли участие Х. Хасмамедов и Ф. Амирджан, бывшие члены груп-

[799] В опубликованном в 1946 г. русском переводе ноты Папена, это слово явно ошибочно переведено как «турецкие».

[800] Ф. Папен – Министерству иностранных дел. Пантуранистское движение. Терапия, 5. 8. 1941 // Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. II. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). Москва. 1946. С. 37-38.

пы «Кавказ», продолжавшие находиться в оппозиции к Расулзаде. Последние были приглашены на конференцию по просьбе К. Нури-паши[801].

Представители Министерства иностранных дел во главе с Шуленбургом успели провести с кавказцами лишь беседы информационного характера, так как в результате созыва конференции латентный конфликт, тлеющий до сего времени между МИД и Восточным министерством, перешел в открытое противостояние. Раздражение Розенберга было вызвано не только фактом вторжения МИД в сферу его компетенции, но и тем, что Шуленбург пытался перетянуть на свою сторону отдельных представителей эмиграции, уже задействованных в проектах Восточного министерства.

Розенберг одержал победу, пожаловавшись на происходящее Гитлеру, который в категорическом тоне потребовал от Риббентропа прекратить вмешательство в дела управления восточными территориями. В соответствии с решением фюрера, весь комплекс проблем, связанных с вопросом выработки и осуществления политики по отношению к народам, населяющим СССР, оставался в сфере компетенции Восточного министерства. МИД, в лице графа Шуленбурга, сохранял за собой лишь право быть информированным по основным текущим вопросам и решениям, принимаемым в связи с этим в Восточном министерстве[802].

Риббентроп вынужден был подчиниться. На заключительном банкете в гостинице «Адлон» Шуленбург торжественно представил гостям их новых партнеров по переговорам из Восточного министерства[803].

---

[801] *Mühlen P. von zur*. Zwischen Hakenkreuz und Sovjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf. 1971. S. 107.

[802] G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 17.

[803] *Mühlen P. von zur*. Zwischen Hakenkreuz und Sovjetstern. S. 72. См. также: *Reitlinger G*. The House built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia 1939-1945. London. 1960. P. 292.

Возвращаясь к ситуации, сложившейся после конференции в гостинице «Адлон», следует отметить следующее. Хотя в своем противоборстве с Министерством по делам оккупированных восточных территорий МИД Германии и стоящая за ним группа Шуленбурга потерпела поражение, сам факт созыва конференции, на которой присутствовали представители кавказских эмигрантских организаций, несомненно, оказал благотворное влияние на дальнейшее развитие германо-кавказского сотрудничества.

Не имея больше возможности полностью игнорировать эмигрантов, Восточное министерство было вынуждено, вопреки своей первоначальной позиции, по мере необходимости привлекать к сотрудничеству весьма видных представителей из их числа[804]. С принципом недопущения эмигрантов к проблемам восточных территорий было покончено раз и навсегда[805].

Созванные на конференцию в гостинице «Адлон» кавказцы уже успели получить от представителей МИД Германии неофициальные заверения о признании Берлином независимости Кавказа. Большинство из эмигрантов полагало, что, имея МИД основным партнером по переговорам, они уже в силу данного обстоятельства приобретают статус международных представителей. В то время как Восточное министерство рассматривалась большинством из них в качестве колониального учреждения[806].

Разъезд по домам собравшихся в «Адлоне» эмигрантов, не добившихся от Рейха каких бы то ни было политических обещаний, грозил подорвать имидж Берлина не только в эмигрантских кругах, но и среди самих кавказских народов. Умело

---

[804] *Mühlen P. von zur*. Zwischen Hakenkreuz und Sovjetstern. S. 75.

[805] G. von Mende. Die Nationalkomitees der Völker aus der Sowjetunion während des deutsch-sovjetischen Krieges. S. 16.

[806] G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 20.

воспользовавшись этим аргументом, начальник Кавказского отдела Восточного министерства Менде сумел заручиться согласием Розенберга на создание национальных комитетов народов Кавказа[807].

Таким образом, несмотря на отказ Гитлера создавать какие-либо политические представительства для народов советской империи до окончания войны, таковые все же увидели свет.

Крайне важную роль в этом сыграли не только занятые в структурах самого Восточного министерства кавказцы, но и работающий в данном учреждении такой известный специалист по тюркским народам, как проф. Менде, а также перешедший из МИД и возглавивший Департамент общей политики Бройтигам. Двое последних, являясь подлинными друзьями кавказских народов и их государственной независимости, делали все, что могли, для того, чтобы направить восточную политику Третьего Рейха в русло взаимовыгодного германо-кавказского сотрудничества.

§ 3. К истории создания и деятельности Азербайджанского национального комитета в Берлине

Учрежденный летом 1942 г. Азербайджанский национальный комитет, являвшийся, по сути, первым этапом на пути к признанию властями Рейха политического представительства Азербайджана в Германии, стал в значительной степени результатом неустанной деятельности Бройтигама и Менде. Вследствие отказа Гитлера признавать политический статус представительств нерусских народов красной империи, сотрудники Восточного министерства были вынуждены пойти на хитрость. Само слово «комитет» могло восприниматься руководством Третьего Рейха в качестве притязания эмигрантов на формирование прообраза будущего правительства Азер-

[807] G. von Mende. Eine Richtigstellung. S. 2 // Nachlass Prof. von Mende. (Im Besitz der Familie von Mende).

байджана и других государств Кавказа. В результате было принято гибкое решение об использовании в официальном германском наименовании создаваемого представительства более расплывчатого слова Ausschuss, означающего как комитет, так и комиссию. Сделано это было с целью усыпить подозрительность фюрера благожелательно настроенными к нерусским народам чиновниками Восточного министерства во главе с Менде[808].

В связи с этими событиями в книге воспоминаний Бройтигам отмечает, что, хотя из-за упомянутого запрета Гитлера работники Восточного министерства «были вынуждены удовлетвориться другим названием, это, впрочем, не вызвало никаких перебоев в выдающейся работе, проделанной учрежденными нами комитетами»[809].

С формальной точки зрения, сформированные национальные комитеты народов Кавказа обладали лишь совещательными функциями без каких-либо прямых прав и обязанностей. Окончательное решение об их создании было принято под личную ответственность Розенбергом[810]. В качестве денежного пособия каждый член учрежденных национальных комитетов ежемесячно получал от Восточного министерства сумму в 800 рейхсмарок[811].

Личный состав Азербайджанского национального комитета состоял из М. Э. Расулзаде (председателя), а также М. Я. Мехтиева, М. Векилли, и Х. Султанова. Заслуга того, что, несмотря на сопротивление весьма влиятельных германских структур, Расулзаде был все же назначен руководителем ко-

---

[808] G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 19.

[809] *Bräutigam O*. So hat es sich Zugetragen… Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg. 1968. S. 503.

[810] G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 19.

[811] G. von Mende. Die Nationalkomitees der Völker aus der Sowjetunion während des deutsch-sovjetischen Krieges. S. 18.

митета, несомненно, принадлежит Менде, как отмечалось, еще со второй половины 30-х годов хорошо знакомому с лидером партии Мусават.

Как впоследствии вспоминал в связи с этим сам Менде, при отборе кандидатур для Азербайджанского национального комитета он оказался «не совсем свободен в своих действиях», так как был вынужден принимать во внимание мнение Шикеданца, к тому времени уже назначенного на должность имперского комиссара Кавказа.

Первоначально Шикеданц, опасаясь вторжения эмигрантов в сферу своей компетенции, в целом был категорически против создания каких-либо подобий кавказских представительств. Вынужденный впоследствии пойти на уступки в данном вопросе, он, однако, выдвинул требование, чтобы при комплектовании национальных комитетов преимущество отдавалось кавказцам, «дружественно настроенным в отношении национал-социализма». Вместе с тем, Шикеданц желал исключить возможность работы в проектируемых комитетах «пантюркистов», под которыми имелся в виду, прежде всего, именно Расулзаде[812].

Хотя вся деятельность Расулзаде свидетельствовала именно о том, что он был искренним сторонником Кавказской Конфедерации, Шикеданц продолжал настаивать на своей точке зрения, ссылаясь на то, что, как бывший руководитель Прометеевского движения, Расулзаде не может быть абсолютно лояльно настроенным в отношении Берлина. Подобное недоверие к Расулзаде усиливалось подчеркнуто независимым поведением последнего, выражавшимся в постоянных требованиях признания Рейхом независимости Азербайджана, что, конечно, не могло не подрывать позиции самого Шикеданца как имперского комиссара Кавказа. В качестве кандидатуры на пост председателя Азербайджанского национального комитета Шикеданц выдвигал Ф. Амирджана, бывшего редактора

[812] G. von Mende. Eine Richtigstellung. S. 1.

турецкого издания журнала «Кавказ», высланного, как уже отмечалось, летом 1938 г. из Турции и затем обосновавшегося в Германии. Причиной такого предпочтения являлась очевидная зависимость Амирджана от немцев. Сестра Амирджана была замужем за родившимся в Азербайджане немцем Гурром, работавшем на германскую разведку в Турции под прикрытием должности представителя одной из немецких химических фирм[813].

Разумеется, по сравнению с Расулзаде, Амирджан был более удобной фигурой для Шикеданца, поскольку, не являясь сколь-нибудь значимой политической фигурой, являлся, в целом, подконтрольным Берлину.

Менде удалось добиться назначения Расулзаде на должность председателя Азербайджанского национального комитета с большим трудом. Основным доводом, использованным им в связи с этим, была ссылка на то, что Расулзаде является наиболее крупным азербайджанским политическим деятелем, хорошо известным и в Азербайджане, и в эмиграции. В беседах с самим Расулзаде Менде, пытаясь убедить его сотрудничать с германскими властями, использовал тот аргумент, что признание независимости Азербайджана и Кавказа Берлином, на его взгляд, можно будет достичь лишь постепенно, по мере развития соответствующих политических и военных событий. Так как летом 1942 г. Вермахт уже находился на Северном Кавказе, Расулзаде скрепя сердце согласился занять пост председателя Азербайджанского национального комитета, так и не получив желаемых им твердых политических гарантий.

Эта принципиальная позиция Расулзаде подтверждается и свидетельствами современников. Например, во время долгой беседы с известным крымским деятелем Эдиге Кирималом,

---

[813] Unternehmen Zeppelin. Einsatz «Mainz» und vorhandene Möglichkeiten zur Wiederaufnahme der Verbindung. München, 11. 7. 1949. S. 3 // Privatarchiv Dr. P. von zur Mühlen. См. также: *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. С. 125.

состоявшейся 7 октября 1942 г., Расулзаде подчеркнул свою готовность сотрудничать и даже пойти на компромиссы с Вермахтом, МИД и Восточным министерством при условии признания со стороны Берлина независимости Азербайджана[814].

Недоверие Шикеданца в отношении большинства членов Азербайджанского национального комитета было вызвано и тем фактом, что все они проживали вне Германии, и бывали лишь наездами в Берлине. «Лишь особенно резко отвергаемый Шикеданцем Расулзаде должен был в качестве председателя комитета переселиться в Германию».

Из всех членов комитета «особым доверием в качестве агента германского Абвера в Турции» пользовался лишь Х. Султанов, в то время как другие азербайджанские деятели «считались демократами и турецкими националистами»[815].

До тех пор, пока надежда на победу в войне существовала, Расулзаде оставался на своем посту, прилагая все усилия для того, чтобы вырвать у Берлина признание независимости Азербайджана и Кавказа. Так как кроме него все члены комитета проживали в Турции, вся тяжесть ведения текущих дел легла на Расулзаде, который, руководя этим органом, созывал, время от времени, его заседания[816]. В процессе этой работы Расулзаде все больше убеждался, что германские власти не намерены признавать за комитетом каких-либо реальных полномочий, желая иметь в его лице лишь символический орган, пригодный, в основном, для пропагандистских целей.

Например, несмотря на неоднократные обращения, командование Вермахта так и не дало право членам комитета получить реальный доступ к уходу за азербайджанскими военно-

---

[814] *Mühlen P. von zur*. Zwischen Hakenkreuz und Sovjetstern. S. 110-111.

[815] G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 21.

[816] G. von Mende. Die Nationalkomitees der Völker aus der Sowjetunion während des deutsch-sovjetischen Krieges. S. 14.

пленными. Равным образом, члены комитета были лишены права посещения частей к тому времени уже сформированного Азербайджанского легиона. Не обладал комитет контролем и над прессой, издаваемой к тому времени в Германии на азербайджанском языке для легионеров и находящихся там гражданских лиц[817]. В частности, редактором газеты Азербайджанского легиона «Азербайджан», издаваемой отделом пропаганды Вермахта, был назначен Меджид Мусазаде, пишущий под псевдонимом М. Карсалани, никоим образом не подотчетный национальному комитету.

Как впоследствии вспоминал один из офицеров Азербайджанского легиона, И. Акбер, «к сожалению, национал-социалистическая доктрина ограничивала право редакции "Азербайджана" и держала ее под строгой цензурой, особенно в начале. Было разрешено редакции вести антибольшевистскую пропаганду с употреблением лишь только слова "свобода". Освещение же вопроса восстановления национально-политической независимости страны запрещалось»[818].

Ситуация изменилась весной 1943 г., после сталинградской битвы и вызванного этим отступления германских войск с Кавказа. Сейчас, когда Вермахт должен был перейти к оборонительным действиям, а вопрос освобождения Кавказа по объективным причинам отошел на второй план, отношение немцев к Азербайджанскому национальному комитету в Берлине изменилось. Отныне германские структуры соглашались предоставить этому органу больше самостоятельности, разрешив его членам посещение лагерей советских военнопленных для вербовки находящихся там азербайджанцев в легион. Членам комитета во главе с Расулзаде следовало также посещать воинские части и подразделения Азербайджанского ле-

[817] Ibidem.
[818] И. Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость во Второй мировой войне. 1951. С. 21.

гиона, выступая там с лекциями и докладами для поднятия воинского духа[819].

Понимая, что на данном этапе германские власти нуждаются в усилении деятельности комитета, Расулзаде вновь выдвинул немцам свои встречные предложения. Не имея ничего против активизации деятельности комитета в вопросах работы с военнопленными и морально-политического воспитания азербайджанских легионеров, он при этом продолжал настаивать перед германскими властями о признании со стороны Берлина независимости Азербайджана и Кавказа в целом. Основным аргументом Расулзаде являлось то, что в условиях, когда Вермахт перестал наступать, уйдя в глухую оборону на Восточном фронте, единственной возможностью для поднятия боевого духа легионеров является постановка перед ними конкретной, отвечающей их устремлениям цели – освобождении Азербайджана от власти Кремля и восстановлении его государственной независимости. Расплывчатое понятие «свобода», постоянно используемое немецкой пропагандой, не достаточно для того, чтобы внушить легионерам необходимость воевать не на жизнь, а на смерть, в условиях германского отступления.

Несмотря на очевидную разумность данного аргумента, германские власти продолжали тянуть время, воздерживаясь от каких-либо конкретных обещаний, но при этом требуя активизации членов комитета в желательном для себя направлении. Видя, что его хотят использовать в качестве обычного служащего Восточного министерства, сам Расулзаде все больше и больше склонялся к мысли уйти в отставку.

Параллельно с этим активизировались другие эмигранты, большинство из которых находилось в оппозиции к Расулзаде еще во времена Прометеевского фронта. Игнорируя реальные причины, по каким Расулзаде не соглашался превращаться в

[819] *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. С. 125-126.

простого исполнителя приказов германских структур, они стали обвинять его в бездеятельности, возлагая на него ответственность за существующее положение дел.

В конце мая 1943 г. в пансионе «Виктория» в Берлине под председательством Х. Хасмамедова, давнего противника Расулзаде, состоялось совещание, в котором участвовали представители как старого, так и нового поколения эмигрантов. Активное участие в этом совещании принял также А. Атамалибеков, недавно вернувшийся с Северного Кавказа, куда он был направлен в качестве представителя азербайджанской группы Зондерштаба «Кавказ». Упомянутая структура, образованная министерствами финансов, внутренних и внешних дел, а так же Главного управления имперской безопасности, находилась под эгидой входившего в зарубежную разведку СД особого разведывательно-диверсионного органа – «Предприятия Цеппелин»[820].

Возвратившись в начале 1943 г. в Берлин, Атамалибеков, будучи членом партии Мусават, примкнул к группе оппозиционеров, подвергающих критике действия Расулзаде на посту председателя Азербайджанского национального комитета.

К маю 1943 г. оппозиционерам было уже известно о намерении Расулзаде подать в отставку. Наряду с этим, участники совещания отдавали себе отчет в том, что создавшаяся ситуация явилась результатом политики германских властей, отказывающихся признавать право на независимость народов Азербайджана и Кавказа. «Перед совещанием стоял вопрос: что делать? Продолжать сотрудничеству с немцами в этих унизительных условиях и бороться под оскорбленным знаменем или же уйти?»[821]. Несмотря на это, представители оппозиции в лице Х. Хасмамедова, Ф. Амирджана и А. Атамалибекова и тут не удержались от того, чтобы не обрушиться на М.

820 «Sonderstab Kaukasus». S. 2 // Privatarchiv Dr. P. von zur Mühlen.

821 И. Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость во Второй мировой войне. 1951. С. 25.

Э. Расулзаде с незаслуженной критикой. Игнорируя тот факт, что сами немцы не давали возможность комитету действовать более эффективно, признав независимость Азербайджана, оппозиционеры «критиковали бездеятельность комитета, предлагая избрать новый. Ф. Амирджан и его друзья беспощадно критиковали М. Э. Расулзаде и мусаватистов, указывая на то, что они загубили Азербайджан, в Польше же своими интригами разложили всю эмиграцию, руководить массами они не способны и что они должны быть преданы суду азербайджанского народа»[822].

Впрочем, как показал ход дальнейших событий, оппозиционеры могли особенно не беспокоиться. Уже к концу лета 1943 г., когда после провала наступления Вермахта под Орлом и Белгородом стала очевидна окончательная потеря германским войсками стратегической инициативы на Восточном фронте, Расулзаде, понимая, что дальнейшее его пребывание на должности председателя Азербайджанского национального комитета в Берлине отныне теряет всякий смысл, добровольно подал в отставку. В письме, направленном 5 августа 1943 г. по этому поводу в Восточное министерство, Расулзаде объяснял свое решение тем, что в условиях отсутствия со стороны Берлина твердых гарантий относительно политического будущего Азербайджана, обеспечить эффективное функционирование комитета, включая регулярные собрание его членов, а также работу с военнопленными, легионерами и прессой невозможно[823].

М. Э. Расулзаде вернулся в Бухарест, глубоко разочарованным политикой Берлина. Впрочем, как показали дальнейшие события, опасения Расулзаде относительно того, что

---

[822] *Фаталибей. А*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны // Азербайджан. Мюнхен. 1951. №1. С. 15.

[823] *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. Москва. 2013. С. 244; G. von Mende. Die Nationalkomitees der Völker aus der Sowjetunion während des deutsch-sovjetischen Krieges. S. 14.

азербайджанцы согласятся на сотрудничество с германскими властями без каких-либо предварительных условий по вопросу политического статуса азербайджанского государства, в целом, не подтвердились[824].

§ 4. К истории Азербайджанского штаба связи

В октябре 1943 г. власти Третьего Рейха на месте существующего к тому времени лишь на бумаге Азербайджанского национального комитета решили создать структуру с гораздо более четкими, конкретными и широкими полномочиями.

В это время формирование частей Азербайджанского легиона, состоявшего из 15 усиленных полевых батальонов и 21 строительных и снабженческих частей, насчитывающих в своих рядах от 25 до 35 тысяч добровольцев, достигло своего апогея[825].

Срочно требовалось квалифицированное обслуживание резко возросшего числа азербайджанских легионеров, военнопленных и рабочих, что, само по себе, предполагало необходимость создания более крепких, авторитетных, и, что самое главное, работоспособных представительств.

В связи с тем, что Берлин был по-прежнему против признания независимости народов Кавказа, по совету Менде, Розенбергом было принято решение о формировании штабов связи. Задействованным в структурах Восточного министерства кавказцам предложили самим определить личные составы будущих штабов. Для повышения эффективности функционирования данных структур предлагалось привлекать к

---

[824] *Mühlen P. von zur*. Zwischen Hakenkreuz und Sovjetstern. S. 115.

[825] *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sovjetunion. Freiburg. 1991. S. 220. В своем отчете об Азербайджанском легионе Акбер сообщает, что к октябрю 1944 г. общее количество добровольцев составляло даже 37 913 человек. См.: И. Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость во Второй мировой войне. 1951. С. 10-11.

работе в них не только эмигрантов, но и представителей военнопленных. В частности, было решено ввести в состав штабов связи представителей добровольцев, особенно отличившихся в боевых действиях и, таким образом, пользующихся авторитетом среди легионеров. В отличие от национальных комитетов, укомплектованных, в основном, эмигрантами первой волны, в состав штабов связи были кооптированы эмигранты младшего поколения, более пригодные к конкретной практической работе. Хорошо знакомые с условиями жизни на Западе и готовые исполнять роль посредников между добровольцами, военнопленными и различными германскими инстанциями, они, в основном, были лишены политических амбиций, нередко свойственных старшему поколению эмиграции[826].

По свидетельству Менде, Восточное министерство, включая самого Розенберга, рассматривало кавказские штабы связи в качестве полномочных политических представительств народов Кавказа в Берлине, прилагая все усилия для того, чтобы добиться подобного подхода и со стороны других германских министерств и ведомств. К сожалению, на данном этапе, по причинам, не зависящим от Восточного министерства, достигнуть этого так и не удалось.

Руководителем Азербайджанского штаба связи был назначен бывший майор Генерального штаба красной армии Абдурахман (Або) Фаталибейли-Дудангинский. С ним Менде познакомился еще летом 1942 г. в Генерал-губернаторстве во время церемонии, предшествующей отправке 804-го азербайджанского батальона на Кавказский фронт. По словам Менде, «несмотря на его прошлую военную биографию, он являлся в то время лишь азербайджанским рядовым добровольцем-легионером и пламенным националистом»[827].

---

[826] G. von Mende. Die Nationalkomitees der Völker aus der Sowjetunion während des deutsch-sovjetischen Krieges. S. 17.
[827] G. von Mende. Eine Richtigstellung. S. 2, 3.

В составе 804-го батальона Фаталибейли отличился в боевых действиях на Кавказе, когда в сентябре того же года 804-й батальон был введен в состав германской 4-й горнострелковой дивизии, действующей в районе Эльбруса. В феврале 1943 г., во время дислокации батальона на кубанском плацдарме, Фаталибейли пришлось временно взять на себя командование этой частью, после того как в ходе боевых действий был убит ее немецкий командир, майор Глогер. Действия Фаталибейли и находящихся под его командованием легионеров было высоко оценено германским командованием, наградившим их не только введенным специально для добровольцев «знаком за храбрость для восточных народов», но и немецким «знаком за штурмовые атаки» – единственной германской наградой, выдаваемой в это время легионерам. За проявленную отвагу в боях батальон получил почетное наименование «Аслан» («Лев»)[828].

Критические отчеты, получаемые Менде от Фаталибейли с Кавказского фронта, в которых он самым объективным образом описывал ошибки, совершаемые германской пропагандой в связи с кавказским вопросом, произвели на начальника Кавказского отдела Восточного министерства глубокое впечатление. Особенно оценил Менде тот факт, что резкая критика Фаталибейли всегда сопровождалась конкретными предложениями относительно того, как было бы лучше исправить то или иное упущение[829].

Когда осенью 1943 г. было принято решение о создании Кавказских штабов связи, Менде пригласил Фаталибейли в Берлин. Понимая, что конечной целью азербайджанцев является достижение признания Берлином независимости азербайджанского государства, он решил быть предельно откровенным. Объяснив Фаталибейли цели, которые преследует

[828] *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sovjetunion. S. 221-234.
[829] G. von Mende. Eine Richtigstellung. S. 3.

Восточное министерство, создавая Азербайджанский штаб связи, Менде отметил, что в результате формирования этой структуры «могут быть выполнены отнюдь не все национальные азербайджанские пожелания. Тем не менее, они, возможно, могут быть достигнуты с течением времени, и мы будем приветствовать, если он примет решение содействовать этому в качестве представителя эмиграции нового поколения». Первоначально Фаталибейли был не особенно склонен согласиться сотрудничать на таких неясно сформулированных основах, ибо «как солдат, любил четко выраженные линии». Однако затем, после совещания со своими соотечественниками, решил предоставить себя в распоряжение дела[830].

В итоге сформированный в октябре 1943 г. Азербайджанский штаб связи состоял из его руководителя А. Фаталибейли-Дудангинского; А. Атамалибекова; Ф. Амирджана; Бабаева, лезгина из Азербайджана, бывшего старшего лейтенанта красной армии, возглавившего в чине капитана Военный отдел штаба; Д. Мамедова, эмигранта нового поколения, профессора химии из Еревана; полковника И. Исрафилова, бывшего офицера польской армии, а ныне командира азербайджанского батальона в составе Восточно-тюркского соединения войск СС, а также М. Тугая, эмигранта первой волны[831].

Годовой бюджет штаба связи, получаемый им через Восточное министерство, составлял сначала 300 000, а позднее – 600 000 рейхсмарок. Наряду с этим, каждому члену штаба выделялись дополнительные суммы на представительские расходы[832].

В структурном отношении штаб подразделялся на отделы: военный, гражданский, пропаганды и финансово-хозяйственный.

---

[830] Ibidem.

[831] G. von Mende. Die Nationalkomitees der Völker aus der Sowjetunion während des deutsch-sovjetischen Krieges. S. 18.

[832] Ibidem. S. 21.

Военный отдел, на основе сотрудничества и консультаций со штабом генерала добровольческих соединений Эрнста Кёстринга, а также отдельными германскими командирами азербайджанских формирований, занимался вопросами защиты и обеспечения прав добровольцев, национальным воспитанием легионеров. Выступал с ходатайствами о направлении подходящих для этого добровольцев в германские офицерские школы.

Основной сферой деятельности Гражданского отдела являлась защита прав работающих в Германии военнопленных-азербайджанцев.

В функции Отдела пропаганды входило издание газет, журналов и брошюр для добровольцев, обучение пропагандистов из числа наиболее способных легионеров на специально учрежденных для этого курсах в г. Потсдаме.

В организационном отношении штаб входил в состав Кавказского отдела Восточного министерства, ответственного за его финансирование и взаимоотношения с другими государственными структурами Третьего Рейха[833].

Следует отметить, что фактически сразу же после своего формирования, Азербайджанский штаб связи, наряду с ведением активной текущей работы, выдвинул перед германскими инстанциями те же требования, которые выдвигались до этого национальным комитетом во главе с Расулзаде.

В частности, восстановление исторического знамени Азербайджана, с которого по приказу имперского комиссара Кавказа Шикеданца были удалены полумесяц и звезда как неприемлемые для него «символы тюркизма», а также изменения текста присяги, которую должны были приносить легионеры. В нее требовалось внести пассаж, согласно которому азербайджанские добровольцы обязывались исполнять «все приказы Верховного Главнокомандующего германской армии

[833] G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 25.

в деле борьбы за независимость своей Родины»[834]. Оба требования являлись переходными этапами к постановке перед немцами вопроса о признании Берлином политической независимости Азербайджана.

Для того чтобы добиться максимальной консолидации азербайджанцев, находящихся в Германии, было решено в ближайшем будущем созвать съезд-курултай, где следовало принять политическую программу антибольшевистской борьбы, а также создать представительский орган, в котором были бы объединены как представители старой, так и новой эмиграции, независимо от их политических взглядов.

Так как этот проект давал возможность усилить эффективность деятельности Азербайджанского штаба связи, германские инстанции отнеслись к нему с интересом, хотя и пытались продолжать оказывать сопротивление относительно отдельных требований азербайджанцев, граничащих с политическими. В результате этого созыв курултая трижды откладывался. Например, вопросы полумесяца и звезды на знамени Азербайджана, а также текста присяги легионеров оставались нерешенными вплоть до открытия работы курултая 6 ноября 1943 г.[835]

Лишь непосредственно в первый день открытия курултая вопросы текста присяги, а также полумесяца и звезды были разрешены в положительном для азербайджанцев духе при помощи Менде. Впоследствии вспоминая об этом, Менде писал, что поскольку подходящего флага с изображенными на нем звездой и полумесяцем в Берлине не нашлось, пришлось вырезать эти символы из белой бумаги, прикрепив их к знамени азербайджанских цветов, украшавшего зал фешенебельного берлинского отеля «Кайзерхоф», где начинался курултай[836].

В работе курултая, протекавшей с 6 по 10 ноября в торжественной атмосфере, по свидетельству современника, приняли

---

[834] *Фаталибей. А*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны. С. 16.
[835] Там же. С. 16-17.
[836] G. von Mende. Eine Richtigstellung. S. 4.

участие около 300 делегатов[837]. Наряду с азербайджанцами там присутствовали представители всех кавказских и тюркских народов, так же, как и представители Вермахта, государственных структур, научных кругов и прессы Германии. В первый день была принята присяга, только что с таким трудом вырванная у Берлина, согласно которой азербайджанские легионеры обязывались вести борьбу за государственную независимость Азербайджана, а не за расплывчатое понятие «свобода».

Затем Фаталибейли была зачитана политическая программа Азербайджанского меджлиса национального единства, представительского органа, который отныне наделялся полномочиями руководить азербайджанским национально-освободительным движением.

Уже в самом начале этой программы подчеркивалось, что меджлис ставит перед собой следующие цели: 1) Уничтожение большевизма и восстановление независимого азербайджанского государства, входящего в состав кавказского объединения. 2) Создание в содружестве со всеми народами Кавказа нового Азербайджана без большевиков и эксплуататоров».

Далее отмечалось, что «освобождение Азербайджана и всего Кавказа возможно лишь объединенными усилиями всех народов Кавказа с оружием в руках.

Мы нашли то, что дает нам нравственный стимул, то, что освещает весь наш жизненный путь – это борьба за свободу, за честь и достоинство родного Кавказа» [838].

Как свидетельствуют вышеприведенные материала, руководители азербайджанского национально-освободительного движения в годы Второй мировой войны мыслили будущую судьбу Азербайджана лишь в теснейшем союзе с другими народами Кавказа, придерживаясь той кавказской ориентации, которая была выработана представителями кавказских эмигрантских организаций в 20-30-х гг.

---

[837] И. Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость во Второй мировой войне. 1951. С. 27.

[838] *Фаталибей. А*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны. С. 17, 29.

Понимая, что пока еще власти Третьего Рейха не готовы пойти на признание независимости Азербайджана, во время заседаний, посвященных организационным вопросам, было заявлено, что меджлис, как представительский орган, «не нуждался и не подлежал признанию со стороны германского правительства». Со своей стороны, Азербайджанский штаб связи является «исполнительно-техническим органом» меджлиса. Что касается Азербайджанского национального комитета, как прообраза будущего правительства Азербайджана, то он будет создан тогда, когда независимость страны будет официально признана Берлином[839].

Сам меджлис состоял из 50 человек, набранных из представителей всех частей и подразделений Азербайджанского легиона, а также политических эмигрантских организаций[840].

Принимая во внимание все вышесказанное, вряд ли можно сомневаться в словах Менде о том, что азербайджанский национальный курултай «имел своим следствием фактическое, хотя и все еще не провозглашенное официально, признание кавказских штабов связи в качестве национальных представительств своих народов»[841].

По свидетельству Фаталибейли, сразу же после завершения курултая Азербайджанский штаб связи выдвинул перед германскими структурами следующие политические требования: 1) Признание независимости Азербайджана; 2) Объединение всех азербайджанских частей и подразделений германской армии в единую Азербайджанскую освободительную армию; 3) Создание отдельных лазаретов для раненых азербайджанских добровольцев; 4) Открытие домов отдыха («солдатских домов») для азербайджанских легионеров; 5) Уравнение азербайджанских добровольцев в правах с германскими солдатами в вопросах формы, знаков различия, снабжения, оплаты и т.д.; 6) Освобождение из лагерей военнопленных всех азербайджанцев с предоставлением им права записи в легион,

---

[839] Там же. С. 17.

[840] И. Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость во Второй мировой войне. 1951. С. 27-28.

[841] G. von Mende. Die Nationalkomitees der Völker aus der Sowjetunion während des deutsch-sovjetischen Krieges. S. 18.

либо поступления на работу в германскую промышленность[842].

Вопрос уравнивания в правах азербайджанских добровольцев с германскими солдатами был решен довольно быстро.

Уже 20 февраля 1944 г. приказом генерала добровольческих соединений Вермахта при начальнике Генерального штаба ОКХ генерала Кёстринга личному составу восточных, в том числе и азербайджанских частей, на которых отныне распространялась германская система воинских званий, было разрешено ношение погон и петлиц Вермахта. Особыми отличительными знаками оставались лишь кокарды и нарукавные знаки легионов. Разрешено было награждение добровольцев германскими наградами, в том числе Железным крестом, а также Крестом за боевые заслуги. Кроме того, – и это было особенно важно, – отныне немецкие офицеры обязаны были отдавать честь негерманским офицерам Восточных легионов[843].

Плодотворно протекала работа и по линии Восточного министерства. К апрелю 1944 г. Азербайджанский штаб связи добился того, что работающие в Германии азербайджанцы, наряду с прочими кавказцами, были выведены из состава работающих в тяжелейших условиях «восточных рабочих» и уравнены в правовом отношении с иностранными рабочими Третьего Рейха.

---

[842] *Фаталибей. А*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны. С. 18.

[843] *Дробязко. С., Каращук*. А. Восточные легионы и казачьи части в Вермахте. Вторая мировая война 1939-1945 // Военно-историческая серия «Солдатъ». Москва. 1999. С. 18. См. так же: E. Köstring. Erfahrungen mit den Freiwilligen aus dem russischen Raum im Kampf mit den Bolschewismus 1941-1945. 13. 7. 1954. S. 31 // IFZ. Sammlung «Thorwald-Material»; *Baumeister R. von*. Erfahrungen mit Ostfreiwilligen im II Weltkrieg // Wehrkunde. Organ der Gesselschaft für Wehrkunde. München. 1955. Heft IV. S. 155.

Началась проводиться работа по полной регистрации всех военнопленных-азербайджанцев, рассеянных по различным германским лагерям для военнопленных[844].

Несмотря на эти успехи, основной вопрос – признание независимости народов Кавказа – так и оставался нерешенным. 17 мая 1944 г., во время первого официального приема имперским министром Розенбергом представителей Кавказских штабов связи в отеле «Эспланад» в Берлине, А. Фаталибейли решил пойти ва-банк. После длительной беседы, в ходе которой все кавказцы пытались убедить Розенберга пойти на формальное признание независимости Кавказа, Фаталибейли с солдатской прямотой заявил: «Если бы мы знали, что в результате нашей борьбы вместо большевиков хозяевами в Азербайджане будут немцы, тогда мы ни одного шага не ступили бы вместе с вами»[845].

Вспоминая об этом инциденте, Менде впоследствии писал, что в своей критике восточной политики Рейха Фаталибейли «зашел так далеко, что можно было опасаться скандала»[846].

Розенберг, вероятно, сам понимавший справедливость упреков кавказцев, для того, чтобы разрядить ситуацию, произнес фразу: «Рейх должен сдержать свое слово». А затем добавил: «Независимость не выпрашивается, а заслуживается трудом и кровью»[847].

---

[844] R. von Heygendorff. Kampf gegen Windmühlenflügel. 13. 7. 1954. S. 7 // IFZ. Sammlung «Thorwald-Material».

[845] *Фаталибей. А*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны. С. 25; И. Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость во Второй мировой войне. 1951. С. 28-29.

[846] G. von Mende. Eine Richtigstellung. S. 4.

[847] *Фаталибей. А*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны. С. 25; И. Акбер. Азербайджанские легионеры в борьбе за независимость во Второй мировой войне. 1951. С. 29.

В качестве компромисса представители Восточного министерства предложили азербайджанцам реорганизовать штаб связи в Азербайджанский национальный комитет. От этого Фаталибейли и его соратники отказались, заявив, что без официального признания независимости Азербайджана они национальный комитет создавать не будут[848].

В конце августа 1944 г. после тяжелейших потерь, понесенных кавказскими частями на Западном фронте, представители Кавказских штабов связи решили объединить усилия с целью форсирования вопроса признания правительством Рейха политической независимости своих народов, а так же формирования единой кавказской освободительной армии.

В коллективном послании, направленном на имя Розенберга, руководителями Кавказских штабов связи указывалось, что необходимым условием дальнейшего плодотворного сотрудничества кавказцев с властями Рейха является: 1) Признание независимости кавказских государств со стороны имперского правительства Германии. 2) Признание кавказских соединений, уже сражающихся на стороне Германии в качестве кавказской освободительной армии, после проведения в этой сфере необходимых глубоких реформ. 3) Провозглашение четырех кавказских народов союзниками Германии. 4) Преобразование Кавказских штабов связи в национальные представительства их народов, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями».

В противном случае, штабы связи больше не в состоянии нести ответственность ни перед кавказскими народами, ни перед Германией.

«Мы считаем существование штабов связи излишним, поскольку их политико-правовые формы не соответствуют тре-

[848] *Фаталибей. А*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны. С. 25.

бованиям сегодняшнего дня», – более чем откровенно подчеркивалось в конце послания[849].

§ 5. Конфликт с генералом Власовым

Во второй половине 1944 г. одной из наиболее сложных задач, с которой пришлось столкнуться Кавказским штабам связи, как, впрочем, и другим представительствам нерусских народов СССР в Германии, являлась защита своего формального суверенитета от великорусских тенденций, начинающих проявляться в политике, проводимой отдельными структурами Третьего Рейха.

Дело в том, что после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., инициатива формирования новых восточных частей, сведение их в более крупные соединения, а так же работа с восточными формированиями в целом из рук Вермахта стала переходить в сферу компетенции СС, как силы подавившей антигитлеровский заговор.

Осенью 1944 г. руководство СС с целью подрыва сталинского режима решило использовать карту русского национализма.

В октябре 1944 г. на встрече с генералом добровольческих соединений Кёстрингом рейхсфюрер СС Г. Гиммлер официально поставил вопрос об объединении всех восточных, в том числе и кавказских добровольческих формирований, под командованием бывшего советского генерала А. Власова, взятого в плен летом 1942 г.

Разумеется, данная идея вызывала протест подавляющего большинства представителей нерусских народов красной империи. Тем более что еще в сентябре 1944 г. во время переговоров с Гиммлером Власов, игнорируя существующее сильнейшее стремление к независимости со стороны националь-

[849] Kaukasische Verbindungsstäbe an Rosenberg. 28. 8. 1944 // HIA. A. Dallin's collection. Box 6. Folder 6.

ных меньшинств, безапелляционно заявил, что после свержения большевизма народы СССР вновь на добровольной основе объединятся с Россией[850].

Краеугольным камнем преткновения, неизбежно возникавшим между Власовым и Кавказскими штабами связи, являлось то, что для бывшего советского генерала государственно-политическое понятие России и Российской империи (в том числе и в форме СССР) было идентичным. По сути дела, не желая делать различия между Россией, в ее естественных национальных границах, и нерусскими народами, насильственно инкорпорированными в Российскую, а позднее и в советскую империю в течение последних 150 лет, Власов, тем самым, уже заранее предрешал неудачу своего начинания[851]. Не желал он считаться и с тем, что поражение, постигшее русское белое движение в период гражданской войны в России, было так же вызвано вышеупомянутыми причинами.

Несмотря на давление со стороны вышестоящих инстанций Третьего Рейха, выступающие единым фронтом представители Кавказских штабов связи неизменно отстаивали право своих народов на независимость.

Вызванные 4 октября 1944 г. на собеседование в Восточное министерство руководители кавказских штабов связи А. Атамалибеков, М. Кедиа, А. Кантемир и А. Джамалян в присутствии начальника Кавказского отдела Менде, а так же начальника Главного управления СС Р. Ольцша предельно четко зафиксировали свою позицию.

Как отмечено в протоколе данной встречи, на предложение вступить в создаваемый генералом Власовым Комитет освобождения народов России (КОНР) представители Кавказских штабов связи прямо заявили, что «в течение веков народы Кавказа ведут борьбу против России за свою независи-

---

[850] *Thorwald J.* Die Illusion. Rotarmisten in Hitlers Heeren. Zürich. 1974. S. 267, 279-280.

[851] F. Arlt. Auswirkung des Wlassow-Programmes bei den Nationalen Verbänden. S. 1 // IFZ. Sammlung «Thorwald-Material».

мость. В этом заключаются коренное различие их целей от целей, которые преследует генерал Власов, как представитель русского народа».

Наряду с этим кавказцами была отмечена необходимость создания в кратчайший срок Кавказского национального комитета. При этом было особо подчеркнуто, что создание подобного комитета будет иметь смысл лишь в том случае, «если германской стороной будет сделано заявление о будущем народов Кавказа»[852].

Позднее, касаясь этих событий, А. Фаталибейли писал, что азербайджанцы «в этот комитет не вступили не потому, что мы являемся противниками русского национального движения, а потому, что мы никогда не были и не являемся народами России»[853].

По просьбе вышеупомянутых руководителей Кавказских штабов связи Розенберг передал начальнику рейхсканцелярии М. Борману, а также фельдмаршалу В. Кейтелю их письмо-протест, в тексте которого подчеркивалось, что «кавказцы охотно готовы признать сугубо русское освободительное движение генерала Власова в качестве партнера по борьбе с большевизмом. Однако никогда – в качестве руководителя, которому они должны подчиниться»[854].

Небезынтересно отметить, что первоначально Розенберг соглашался на вхождение в состав КОНР других национальных комитетов при условии, что его руководство будет меняться в порядке ротации в течение каждых шести месяцев. Однако Власов и его германские покровители отказались принять это предложение[855].

По свидетельству Фаталибейли, представители Главного управления войск СС попытались убедить руководство Азербайджанского штаба связи присоединиться к КОНР с помо-

---

[852] Besprechung mit Vertretern der Kaukasischen Verbindungsstäbe am 4. 10. 1944 // Bundesarchiv (Berlin). R. 6/141.

[853] *Фаталибей. А*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны. С. 26.

[854] *Thorwald J*. Die Illusion. Rotarmisten in Hitlers Heeren. S. 284.

[855] G. von Mende. Interview. 25. 5. 1951. Part II. P. 6 // HIA. A. Dallin's collection. Box 7.

щью следующего маневра. Изъявив согласие на признание независимости Азербайджана, они требовали в качестве предварительного условия выдвижения азербайджанских представителей во власовский комитет. Разумеется, руководители Азербайджанского штаба связи отвергли это предложение[856].

Во время личной встречи, состоявшейся по просьбе Власова между ним и Фаталибейли, руководитель Азербайджанского штаба связи прямо заявил, что «первым и последним условием сотрудничества с русскими антибольшевиками» он ставит «необходимость декларации о признании полной независимости нерусских народов. Без этого искреннего сотрудничества между русскими и нерусскими не может быть, без этого ни один подлинный патриот, борющийся за независимость своей Родины, не сядет за один стол с русскими»[857].

Уже после войны наиболее шовинистически настроенные круги русской эмиграции, пытаясь скомпрометировать национально-освободительное движение нерусских народов красной империи, обвиняли последних в «розенберговщине». В частности, в том, что национал-социалистическое правительство Германии якобы по настоянию Розенберга встало на путь расчленения СССР-России путем признания требований отдельных сепаратистов, будто бы не пользующихся у себя на Родине никакой поддержкой.

Как справедливо отмечал в связи с этим один из лидеров северокавказской эмиграции в Германии Ш. Турган, «это утверждение никак не соответствует действительности. У немецкого правительства не было единой политики по национальному вопросу, а существовали отдельные мнения различных ведомств.

Если Розенберг как будто покровительствовал нерусским народам, то человек гораздо влиятельнее, чем Розенберг, а

---

[856] *Фаталибей. А*. Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны. С. 26.

[857] А. Фаталибей. Открытое письмо генералу Л. Бичерахову. С. 5 // Nachlass Prof. von Mende. (Im Besitz der Familie von Mende).

именно, Гиммлер, открыто и официально покровительствовал русским […]

Если русские теперь пытаются приклеить клеймо “розенберговщины” к освободительной борьбе нерусских народов, то с еще большим основанием к русскому освободительному движению можно приложить штамп “гиммлеровщина”»[858].

Со своей стороны, руководители Кавказских штабов связи приняли решение объединиться в Кавказский комитет. Наряду с этим создать структуры, способствующие более успешной защите прав кавказских народов на их формальный государственный суверенитет.

Уже в октябре с помощью начальника Главного управления СС обергруппенфюрера и генерала СС Г. Бергера, пытающегося лавировать между Власовым и представителями нерусских народов, удалось создать Кавказский национальный совет в качестве ведущего политического органа народов Кавказа[859].

Членами Кавказского национального совета являлись А. Атамалибеков, М. Кедиа, А. Кантемир и А. Джамалян. Секретарем Совета был избран М. Алшибайа[860].

С целью координации военного сотрудничества был сформирован Кавказский военный совет, в функции которого входило руководство по формированию кавказской освободительной армии.

---

[858] *Турган Ш.* Неизлечимая болезнь великодержавников // Кавказ. Мюнхен. 1952. № 9 (14). С. 17-18.

[859] По данным Менде, Бергер изначально выступал за то, чтобы «дать национальным комитетам те же права, что и Власову». См.: G. von Mende. Interview. 25. 5. 1951. Part II. P. 6.

[860] *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sovjetunion. S. 263; G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 26. G. von Mende. Die Nationalkomitees der Völker aus der Sowjetunion während des deutsch-sovjetischen Krieges. S. 22; F. Arlt. Zur Entwicklung des kaukasischen Rates. S. 2 // IFZ. Sammlung «Thorwald-Material».

К тому времени почти все уцелевшие кавказские части было решено перевести в наиболее безопасные места – Данию и Северную Италию, – где после соответствующей переподготовки планировалось их развертывание в полки и дивизии кавказской освободительной армии. Руководители Кавказских штабов связи, так же как и генерал Кёстринг и Менде, втайне надеялись, что после окончания войны дислоцированные там кавказские части вместе с присоединившимися к ним гражданскими лицами будет легче спасти от насильственной выдачи Советам[861].

Предполагаемому командиру кавказской освободительной армии, протеже СС генералу Лазарю Бичерахову, было сделано предложение вступить в Кавказский военный совет первоначально в качестве генерал-инспектора, а затем и в должности командующего кавказской освободительной армии[862].

Следует отметить, что, как и Расулзаде в 1939 г., против сотрудничества с Бичераховым решительно выступали члены Азербайджанского штаба связи, мотивируя свою позицию тем, что в 1918 г., командуя войсками Директории Центрокаспия, Бичерахов совершил много жестокостей против местного азербайджанского населения. Тем не менее, поскольку позднее он присоединился к Прометеевскому движению, кандидатура Бичерахова в конечном итоге была принята[863].

Дальнейшее развитие хода событий показало, что сопротивление кавказцев инициативам Власова было не напрасным.

---

[861] G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 27.

[862] G. Gabliani. Bericht über die kaukasischen Freiwilligen-Verbände in der Deutschen Wehrmacht. Berlin, 26. 3. 1945 // *Jeloschek A., Richter Fr., Schütte E., Semler J.* Freiwillige vom Kaukasus. Georgier, Armenier, Aserbaidschaner, Tschetschenen u.a. auf deutscher Seite. Der «Sonderverband Bergmann» und sein Gründer Theodor Oberländer. Graz-Stuttgart. 2003. S. 292.

[863] M. Kedia. Interview. (Continuation from April 7). Geneva. 31. 5. 1951. P. 1 // HIA. A. Dallin's collection. Box 7; А. Фаталибей. Открытое письмо генералу Л. Бичерахову. С. 6-7.

Хотя в провозглашенном 14 ноября 1944 г. в Праге манифесте власовского КОНР и говорилось о том, что в основу новой русской государственности будет положено «равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность»[864], на деле, исходя из исторического опыта, никто из представителей нерусских народов не верил и не мог поверить в искренность слов бывшего советского генерала.

В целом, по свидетельству одного из очевидцев тех событий, Власову удалось ввести в состав КОНР лишь второстепенных или даже третьестепенных, большей частью русифицированных представителей нацменьшинств, многие из которых действовали исключительно из карьеристских побуждений[865].

Впрочем, бесцеремонное вмешательство руководства КОНР во внутренние дела нерусских народов в конечном итоге способствовало еще большей консолидации последних.

С целью более эффективного противодействия попыткам великорусских шовинистов узурпировать права на независимость нерусских народов, через несколько дней после провозглашения Пражского манифеста, 18 ноября 1944 г., появилась на свет альтернативная КОНР-у структура – Собрание народов, порабощенных Россией.

В состав данного объединения, созданного на более демократичной и децентрализованной основе, чем сам КОНР, вошли видные представители народов Украины, Белоруссии, Кавказа, Туркестана, а также волжских и крымских татар.

Сохраняя, в отличие от КОНР, полную свободу действий в своих внутренних делах, учредители Собрания народов, пора-

---

[864] *Окороков А. В*. Комитет освобождения народов России // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941-1945 гг. Москва. 1997. Вып. I. С. 167.

[865] F. Arlt. Die Vertretung der Nationalitäten innerhalb des Wlassow-Kommitées. S. 1 // IFZ. Sammlung «Thorwald-Material». По свидетельству Фаталибейли, «от Азербайджана в КОНР вошел фельдфебель Ислам Мамедов – дезертир из 162-й Тюркской дивизии». См.: А. Фаталибей. Открытое письмо генералу Л. Бичерахову. С. 5.

бощенных Россией, для координации своей внешнеполитической деятельности создали руководящую комиссию, уполномоченную представлять перед внешним миром интересы нерусских народов большевистской империи[866].

В тот же день за подписью всех руководителей данной организации было послано коллективное письмо Розенбергу, в котором выражался решительный протест по поводу действий сторонников Власова[867].

Наряду с этим, решив быть готовыми к любым неожиданностям, представители Азербайджанского штаба связи создали Азербайджанский национальный комитет, который должен был существовать и функционировать *де-факто* до признания его властями Рейха. Председателем комитета был назначен А. Фаталибейли-Дудангинский; представителем комитета в Кавказском национальном совете – полковник Д. Казем-бек; руководителем Политического отдела комитета – А. Атамалибеков; Военного отдела – полковник И. Исрафилов; Отдела прессы и пропаганды – Д. Мамедов; а духовных вопросов – старший мулла Дадашев[868].

§ 6. Запоздалое признание и трагический финал

В начале 1945 г., когда стало ясно, что военное поражение Германии неизбежно, руководители Кавказского комитета вместе с Менде, а также начальником III отдела при Главном штабе СС д-ром Ф. Арльтом стали обсуждать нависшую над

---

[866] Grundlagen der Zusammenarbeit der Vertreter der von Russland unterdrücken Völker. Protokoll der Tagung der Vertreter der von Russland unterjochten Völker vom 18 November 1944 // *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sovjetunion. S. 494-495.

[867] A. Schafi-Almag, A. Djamalian, A. Atamalibekoff, M. Kedia, A. Kantemir, E. Kirimal, Dr. Scharimli, A. Melnik, R. Ostrowski. An den Herrn Rechsminister für die besetzen Ostgebietes, Reichsleiter Alfred Rosenberg. Berlin, 18. 11. 1944 // HIA. A. Dallin's collection. Box 6.

[868] *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sovjetunion. S. 218.

легионерами угрозу насильственной выдачи в Советский Союз после окончания войны. В соответствии с Ялтинскими соглашениями, навязанными Сталиным союзникам в феврале того же года, все попавшие в руки западных держав советские граждане подлежали репатриации в СССР, причем, в случае необходимости, – в принудительном порядке. Чтобы оказать противодействие этому, руководитель Грузинского комитета М. Кедиа предпринял чрезвычайно рискованную операцию по установлению связи с западными союзниками.

В начале апреля М. Кедиа, а также другим руководителям национальных комитетов при помощи Менде удалось добиться согласия германских властей на кратковременный выезд в Швейцарию. Официальным предлогом поездки, на деле являвшейся лишь операцией прикрытия, назывались переговоры с представителями Красного креста. Власти Рейха были поставлены в известность, что руководители комитетов намерены выступить с ходатайством об улучшении обращения с добровольцами, попавшими в плен на Западном фронте.

Подлинной целью предприятия являлась встреча в Женеве представителей Кавказского, Украинского и Туркестанского комитетов с сотрудниками американских спецслужб для ведения тайных переговоров относительно возможности предотвращения насильственной репатриации в СССР служащих в германской армии добровольцев. Помощь в организации встречи, проходившей в атмосфере строжайшей секретности в женевской гостинице «Англетер», оказывал резидент Управления стратегических служб (УСС) США в Швейцарии Аллен Даллес. Последний, в отличие от президента Д. Рузвельта, не испытывал никаких иллюзий по поводу экспансионистских планов Сталина.

По свидетельству Арльта, Даллес посоветовал М. Кедиа и В. Каюм-хану, председателю Туркестанского национального комитета, добиваться от немцев признания за национальными комитетами статуса независимых правительств в изгнании. Подобная формальность помогла бы быстрее убедить власти

США и западную общественность, что взятые в плен на Западном фронте добровольцы не являлись наймитами Гитлера и, таким образом, попытаться избежать насильственной выдачи. Вместе с тем Даллес заверил участвовавших в переговорах немцев, что им нечего опасаться за свою судьбу после капитуляции[869].

Получив подобный совет от Даллеса, члены Кавказского комитета направили все свои усилия на то, чтобы вырвать у Розенберга соответствующий документ. В конце концов, старания кавказцев увенчались успехом, при этом важную роль сыграли именно представители Азербайджанского национального комитета.

В феврале 1945 г. Турция объявила войну Германии, что, со своей стороны, негативно сказалось на боевом духе и надежности тюркских частей Вермахта и СС. В частности, командующий задействованной в Италии 162-й Тюркской пехотной дивизии генерал Ральф фон Хайгендорф, встревоженный ростом антинемецких настроений в своем соединении, вынужден был обратиться за помощью к Кавказским штабам связи. Участились случаи дезертирства и в дислоцированном на Апеннинском полуострове Восточно-тюркском соединении Войск СС.

7 марта председатель Кавказского комитета М. Кедиа сообщил Бергеру, что направление в Италию майора Фаталибейли-Дудангинского с целью предотвратить дальнейшее падение духа добровольцев может иметь смысл и успех лишь в том случае, если правительство Рейха официально признает Кавказский комитет, и тем самым, независимость народов Кавказа[870].

---

[869] *Arlt F*. Polen-Ukrainer-Juden-Politik. Im Generalgouvernement für die besetzten polnischen Gebiete 1939 bis 1940. In Oberschlesien 1941 bis 1943 und Freiheitskampf der unterdrückten Ostvölker. Lindhorst. Wissenschaftliche Buchdienst Herbert Taege. 1995. S. 113-114.

[870] Das Kaukasische Komitee an Berger, über Arldt. 7. 3. 1945 // HIA. A. Dallin's collection. Box 6; Э. Киримал. Краткая история Восточно-тюркской дивизии СС (Ваффен СС дивизион «Осттюркишер Ваффенфербанд»). S. 31 // Nachlass Prof. von Mende. (Im Besitz der Familie von Mende).

Аргументы Кедиа сработали, и 17 марта 1945 г. рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг получил право от имени правительства Третьего Рейха признать уже существующий *де-факто* Азербайджанский национальный комитет «в качестве единственного представительства» азербайджанкого народа.

Наряду с этим, давалось согласие на включение воюющих в рядах Вермахта азербайджанцев «в собственные соединения с целью формирования, совместно с другими кавказскими воинскими соединениями, кавказской освободительной армии. [...]

Тем самым признается и созданный Кавказскими штабами связи Кавказский комитет, имеющий целью осуществлять координацию деятельности всех кавказских народов по вопросам, интересующим их равным образом»[871], – сообщалось в конце послания.

Вспоминая о столь запоздалом признании Германией независимости народов Кавказа, генерал Хайгендорф, разумеется, не осведомленный о закулисных аспектах этого признания, с горькой иронией отмечал, что все это «было сделано в тот момент, когда красная армия уже стояла под Франкфуртом-на-Одере. Когда же мы находились у подножья кавказских гор, Гитлеру было нечего сказать народам Кавказа»[872].

Тем не менее вырванное с таким трудом признание служило хоть и слабым, но все же утешением для людей, в силу независящих от них обстоятельств связавших свою судьбу с Германией в годы Второй мировой войны во имя идеи свобо-

---

[871] *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sovjetunion. S. 496. В приложении к книге Й. Хоффманна приведен текст послания Розенберга на имя Грузинского штаба связи. Однако, как там же отмечает автор, тексты, посланные штабам связи всех народов Кавказа, были идентичными.

[872] R. Heygendorff. Experience with Volunteers of Soviet-Union Nations fighting Bolshevism during World War II. 29. 5. 1953. P. 7 // Privatarchiv Dr. J. Hoffmann.

ды народов Кавказа. Являлось логическим концом, в целом, оправдывавшим их деятельность[873].

Говоря о роли Фаталибейли в деле признания Берлином независимости Азербайджана и Кавказа, Менде позднее вполне справедливо отмечал, что он, «можно говорить с уверенностью, отнюдь не был удобным партнером для немцев. Он боролся как лев за азербайджанское дело, со своей стороны способствуя тому, что судьба азербайджанских добровольцев и военнопленных постоянно улучшалась. В конце концов, хотя и, конечно, слишком поздно, его цель – независимость Азербайджана – была достигнута, когда германское имперское правительство в полной мере признала штаб связи в качестве национального комитета»[874].

Разумеется, понимая, что подобное признание не может иметь каких-либо реальных последствий, члены Кавказского национального комитета в последние месяцы войны сосредоточили усилия, главным образом, на спасении жизней легионеров и кавказцев, все еще содержащихся в германских лагерях для военнопленных.

Принимались всевозможные меры для эвакуации кавказских легионеров, военнопленных и гражданских лиц в наиболее спокойное место дислокации кавказских частей и соединений – в Северную Италию.

Определенному количеству азербайджанских легионеров, а так же военнопленным, не желавшим репатриироваться в Советский Союз, так или иначе, удалось избежать насильственной выдачи.

В заключение этой главы следует еще раз отметить, что единственной причиной, побудившей азербайджанских патриотов пойти на сотрудничество с Третьим Рейхом, являлось стремление использовать мощь Германии в азербайджанских национальных интересах. Добиться освобождения Азербайджана от большевизма.

---

[873] G. von Mende. Die kaukasische Vertretungen in Deutschland während des Zweiten Weltkrieges. S. 35.

[874] G. von Mende. Eine Richtigstellung. S. 4-5.

Как подчеркивал в связи с этим Фаталибейли-Дудангинский, до начала германо-советской войны политические симпатии азербайджанского народа и эмиграции были всецело на стороне западных демократий.

«В тот период, когда Сталин был союзником Гитлера, когда они вместе делили Польшу, уничтожали независимость Балтийских стран, когда Европа пылала в огне, все наши симпатии были на стороне Англии, Франции, Бельгии и других западных стран, а также на стороне Америки, своим голосом протестовавшей против всего этого.

При нападении Советов на Финляндию мы с затаенным дыханием ожидали объявления Англией и Францией войны СССР.

Мы восхищались стойкостью английского народа, оставшегося лицом к лицу против Гитлера – союзника Сталина.

Помню, как радовались наши народы успехам Греции и первой победе генерала Уейвелла в Африке.

Если бы Запад объявил войну Советам в период советско-финской войны, тогда мы с первого же дня были бы его союзниками как против Сталина, так и против Гитлера.

Но со дня нападения Германии на СССР положение изменилось.

Национальные интересы Запада сделали его союзником Советов, а нас – союзниками Германии. Не питая никакой ненависти к Западу, продолжая симпатизировать ему, мы не могли ради него сражаться за большевизм, как он ради нас не отказался от союза с большевизмом»[875].

Таким образом, азербайджанское национально-освободительное движение в годы Второй мировой войны следует считать интегральной частью антибольшевистской борьбы, ведущейся лучшими представителями политической эмиграции народов Кавказа в 20-30-х гг. минувшего столетия.

---

[875] *Фаталибей. А.* Отчет азербайджанскому народу о борьбе его сынов за независимость Родины в период Второй мировой войны. С. 13.

Заключение

Обладая богатейшими природными ресурсами, Азербайджан привлекал к себе внимание мировых держав. Именно по этой причине азербайджанский вопрос, являясь интегральной частью общекавказского вопроса, играл крайне важную роль в продвижении последнего на международной арене руководителями политической эмиграции народов Кавказа.

На основе изученного материала полагаем, что в 1921-1924 гг., когда западные державы верили в возможность скорого падения большевистского режима, кавказский вопрос не терял актуальности. В течение всего 1921 г. французское правительство Бриана надеялось на основе разумного пересмотра Севрского договора достичь соглашения с кемалистами, оторвав последних от союза с Кремлем и связав их с проектом создания Кавказской Конфедерации, буферного государства между красной Россией и Турцией. В выработке этих проектов немаловажную роль играла азербайджанская дипломатическая делегация во Франции под руководством Топчибаши, пытающаяся, исходя из близких культурно-этнических уз, связывающих Азербайджан с Турцией, выступать своего рода посредником между Анкарой и Парижем. Вплоть до Лозаннской конференции 1923 г. кавказский вопрос в значительной степени рассматривался западными державами в качестве интегральной части ближневосточного вопроса.

1924 г. образует определенный водораздел в истории азербайджанской и кавказской эмиграции в целом. Признание Кремля со стороны западных государств знаменует собой изменение в тактике и стратегии азербайджанских антибольшевистских организаций. Отныне приоритет придается революционно-подпольной и пропагандистской тактике, что влечет за собой переход большинства политических инициатив от азербайджанской дипломатической делегации в Париже к руководству партии Мусават – основному знаменосцу идеи на-

циональной независимости Азербайджана. Этот курс азербайджанских политических партий и организаций получил сильнейший импульс после основания в 1926 г. главой Польши Пилсудским движения «Прометей», беспрецедентного по своим масштабам объединения, включающего в свой состав подавляющее большинство политических партий и организаций порабощенных московским империализмом нерусских народов. Отдавая себе отчет в том, что падение большевизма в России более не является перспективой ближайшего будущего, Пилсудский в качестве главы государства, наиболее заинтересованного в распаде большевистской империи, стремился к политической подготовке эмигрантов к тому моменту, когда они смогут вновь вернуться к браздам правления своих стран.

В Варшаве понимали, что одной из основных причин падения независимых государств, возникших в 1918-1921 гг. на обломках империи Романовых, являлась их слабая координация, а иногда и довольно острые противоречия между собой. Исходя из этого, поляки прилагали все усилия для того, чтобы внушить входящим в Прометеевский фронт представителям политических партий и организаций Кавказа, Украины и Туркестана необходимость создания на геополитическом пространстве от Балтики до Каспия единого конфедеративного объединения с целью сформировать надежный оплот на пути возможного возрождения русского империализма. С точки зрения исторической ретроспективы, основанные на объективных геополитических реалиях прометеевские планы следует считать предтечами таких организаций, как ГУАМ, ТРАСЕКА, а также нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, железной дороги Баку-Тбилиси-Карс и других региональных проектов, в наше время все больше и больше связывающих Азербайджан и Грузию с Турцией и Европой.

Одной из необходимых предпосылок освобождения Азербайджана от власти большевиков являлось формирование на Кавказе объединенного конфедеративного государства, так как только в таком случае было возможно как привлечь вни-

мание западных политических кругов к проблеме Кавказа, так и нейтрализовать противоречия, самым трагическим образом сказавшиеся на судьбе местных народов в 1918-1921 гг. Одним из наиболее последовательных борцов за панкавказскую идею был лидер партии Мусават, выдающийся деятель азербайджанского национально-освободительного движения Расулзаде, посвятивший делу ее защиты и пропаганды всю свою жизнь в эмиграции. Именно Расулзаде было суждено сыграть одну из важнейших ролей в подписании в июле 1934 г. Пакта Кавказской Конфедерации, большинство положений которой и по сей день в полной мере сохраняют свою актуальность.

При этом, как следует из внимательного изучения архивных документов, основной причиной, побудившей представителей национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа подписать как текст самого пакта, так и пойти на создание Совета Конфедерации Кавказа, по сути дела, общекавказского правительства в изгнании, выступало не только желание максимально централизовать свою деятельность в эмиграции. Еще более важной целью было создать тем самым твердую основу для того, чтобы в случае освобождения в будущем народов Кавказа от русско-большевистской оккупации противодействовать практике и возможности дальнейших имперских манипуляций, являющихся одним из основных и, надо признать, эффективных способов, применяемых большевиками в 1918-1921 гг. против суверенитета кавказских государств.

Классическим примером этого было использование большевиками армянского сепаратистского движения в Нагорном Карабахе, в результате чего в апреле 1920 г. вторгшейся в Азербайджан красной армии противостоял всего лишь один батальон, в то время как остальные азербайджанские войска находились в Карабахе.

Все это, несомненно, учитывалось руководителями национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа, пытавшимися не допустить того, чтобы в будущем их народы

вновь стали жертвами подобных имперских манипуляций. С современной точки зрения их анализ прошлого и прогноз будущего кавказских народов выглядят более чем правильными, давая пищу для проведения прямых параллелей между событиями тех далеких дней и нынешним положением народов Кавказа. Таким образом, изучение опыта бывших кавказских руководителей, однозначно пришедших к выводам, подтвержденным как нашим прошлым, так и нынешним днем, выглядит более чем актуальным.

Именно по этой причине основным положительным итогом деятельности азербайджанских эмигрантов стало осознание ими необходимости кавказского единства – главного и единственного залога подлинной независимости народов Кавказа. И хотя восстановить независимость кавказских государств в ту эпоху по независящим от эмигрантов причинам не удалось, опасения последних относительно того, что в будущем их народы вновь попадут в ловушку имперских манипуляций по принципу divide et impera, в полной мере подтверждаются реальностью наших дней.

В советский период было сделано все для того, чтобы ничего не было известно об интеграционных проектах, выработанных в эмиграции представителями политической элиты народов Кавказа.

Своевременное изучение этих источников, несомненно, могло бы предотвратить повторение, в той или иной форме, на Кавказе событий, уже имевших место в далеких 1918-1921 гг.

Касаясь деятельности Расулзаде в качестве одного из главных кавказских руководителей движения «Прометей», нельзя обойти стороной его поистине титанические усилия по сохранению единства и дееспособности азербайджанских политических партий и организаций в эмиграции. С этой целью ему постоянно приходилось находиться в разъездах, посещая Турцию, Польшу, Германию и Францию, примирять своих и сторонников и оппонентов, убеждая их отказаться от деструктивных действий, ставящих под угрозу с таким трудом налажен-

ное сотрудничество. Принимая во внимание возможности, которыми располагали заграницей советские спецслужбы и их агентура, остается лишь удивляться, каким образом действующим в условиях весьма ограниченных возможностей Расулзаде и его соратникам удавалось поддерживать в целом неплохо налаженную работу азербайджанских структур Прометеевского фронта. При этом следует отметить, что довольно частые разногласия между отдельными азербайджанскими деятелями движения «Прометей», как правило, редко сказывались на функционировании находящихся под их руководством структур. Примером того является выходящий в Париже на французском языке журнал «Прометей», который, будучи центральным печатным органом Прометеевского фронта, бесперебойно выходил в 1926-1940 гг. При этом в нем гармонично сотрудничали те азербайджанцы, которые, как известно из ныне доступных исследователям источников, параллельно с этим находились в состоянии довольно острых разногласий друг с другом по ряду весьма важных тактических вопросов.

Сравнивая длительность, продуктивность и уровень сотрудничества различных держав с представителями азербайджанского национально-освободительного движения, следует отметить, что ни одна из них не оказывала сторонникам независимости Азербайджана и Кавказа такой длительной, последовательной и искренней поддержки, как Польша в 20-30-е годы минувшего века. Проекты других европейских держав, как, например, англо-французские планы бомбардировки нефтяных месторождений Кавказа в период «Странной войны» (1939-1940) с целью лишения Германии снабжения советской нефтью, в целом, носили конъюнктурный и краткосрочный характер. Так же и германо-кавказское сотрудничество 1941-1945 гг., несмотря на благожелательное отношение к кавказскому делу отдельных немецких официальных представителей, не могло принести каких-либо реальных результатов, вследствие отказа Берлина занять с самого начала войны чет-

кую и положительную позицию по вопросу признания независимости народов Кавказа и других нерусских народов большевистской империи.

И все-таки в исторической перспективе дело национально-освободительного движения Азербайджана в изгнании одержало победу. Как предсказывали его представители еще в далекие 20-40 года минувшего века, именно национальный вопрос и стремление к независимости народов Азербайджана, Кавказа, а также других нерусских народов оказалось объективным фактором, приведшим в конечном итоге к распаду СССР и освобождению порабощенных им наций.

Именной комментарий

Агаев Гасан-бек (1875-1920) – окончил медицинский факультет Московского университета. Занимался врачебной деятельностью и журналистикой. Член ЦК партии тюркских федералистов, затем ЦК партии Мусават. В 1917 г. был избран депутатом Закавказского сейма, а в мае 1918 г. заместителем председателя Азербайджанского национального совета. 7 декабря 1918 г. избран заместителем председателя первого парламента Азербайджанской Демократической Республики (АДР). Убит 19 июля 1920 г. в Тифлисе армянскими дашнаками, за которыми, возможно, стояли большевики.

Агаронян Аветис (1866–1948) — первый глава правительства Армянской Республики. Член партии Дашнакцутюн. С 1898 г. учился в Лозаннском университете, затем в течение года в Сорбоннском университете. В мае–августе 1918 г. председатель Армянского национального совета, который 28 мая 1918 г. провозгласил независимость Армении. В августе–декабре 1920 г. председатель Учредительного собрания Республики Армения. В 1920 г. возглавлял армянскую делегацию на Парижской мирной конференции, где подписал Севрский мирный договор. В 1921 г. принимал участие в Лондонской конференции. В 1922–1923 гг. участвовал в Лозаннской конференции.

Амирджан (Амирджанов, Эмирджан, Эмирджанов) Абдул Али-бек (1870–1948) — выпускник Александровского педагогического института в Тифлисе. С 27 марта 1917 г. член Временного исполнительного комитета Национального мусульманского совета в Баку. Министр финансов, государственный контролер во втором кабинете министров Азербайджанской Демократической Республики. Член парламента от группы

беспартийных. В 1920 г. эмигрировал в Турцию. В 1927–1932 гг. член секретариата и казначей Азербайджанского национального центра.

Амирджан (Амирджанов, Эмирджан, Эмирджанов) Фуад (1911–1995) — сын Абдул Али-бека Амирджана. В десятилетнем возрасте вместе с семьей эмигрировал в Турцию, где учился в Галатасарайском лицее в Стамбуле. Окончил Институт политических наук в Париже. Изучал юриспруденцию в Германии. Затем вернулся в Турцию, где работал журналистом-обозревателем в целом ряде турецких газет. В 1934–1939 гг. состоял членом группы «Кавказ». В 1938 г. под псевдонимом Ф. Дарьял был редактором турецкой версии выходящего в Париже журнала «Кавказ»: – альманаха «Kafdağı» («Кавказ»). Работал военным корреспондентом турецкой газеты «Tesviri Efkar» («Ход мысли»). В 1941 г. в качестве корреспондента упомянутой газеты приехал в Германию, где стал членом сформированной при Восточном министерстве азербайджанской комиссии по делам военнопленных. Способствовал освобождению из лагерей для военнопленных красноармейцев-азербайджанцев с поступлением последних в Азербайджанский легион Вермахта. В 1942 г. участвовал в создании газеты Азербайджанского легиона «Азербайджан». В ноябре 1943 г. был избран членом Азербайджанского меджлиса национального единства. В 1943–1945 гг. Ф. Амирджан был заместителем А. Фаталибейли-Дудангинского, председателя Азербайджанского штаба связи в Берлине.

Асадуллаев Ага-Мирза (1875–1938) — нефтепромышленник, меценат. В 1917 г. – член Временного исполнительного комитета национального мусульманского совета. Член парламента Азербайджанской Республики. Министр торговли и промышленности в третьем кабинете министров Азербайджана. В 1920 г. эмигрировал с семьей во Францию. С февраля 1927 г.

президент Союза нефтепромышленников Азербайджана в Париже. Отец французской писательницы Банин.

Атамалибеков (Атамалиев) Аббас-бек (1895–1971) — эсер, в 1918 г. депутат парламента Азербайджанской Демократической Республики от «Социалистического блока». В начале 1919 г. включен в качестве секретаря в азербайджанскую дипломатическую миссию на Парижской мирной конференции. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Окончил Институт политических наук в Париже. Активный участник движения «Прометей». В 1935–1939 гг. входил в состав Совета Конфедерации Кавказа. В 1941–1945 гг. находился в Германии. В 1942–1943 гг. член Особого штаба «Кавказ». В 1943–1945 гг. входил в состав Азербайджанского штаба связи. В 1944–1945 гг. представитель Азербайджанского штаба связи в Кавказском совете.

Баммат Гайдар (1890–1965) — один из главных руководителей национально-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа. Родился в Дагестане в г. Темир-Хан-Шура. Окончил Ставропольскую классическую гимназию и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С марта 1918 г. занимал должность министра иностранных дел Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Участвовал в Трапезундской и Батумской мирной конференции, где выступил с инициативой объединения Северного и Южного Кавказа в Кавказскую Конфедерацию. Подписал 11 мая 1918 г. декларацию о независимости Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. В апреле–августе 1919 г. в качестве министра иностранных дел Северокавказской Республики представил на Парижскую мирную конференцию ряд меморандумов с просьбой признания независимости Северного Кавказа. После оккупации Северного Кавказа армией генерала Деникина и возвращения в Тбилиси в октябре 1919 г. был избран членом Совета обороны Республики Северного Кавказа. Наряду с этим занимал пост дипломатического представителя Северокавказской Республи-

ки при правительствах Грузии и Армении. Во второй половине 1920 г. после оккупации красной армией Северного Кавказа, Азербайджана и Армении был вынужден искать убежище в Тифлисе. В феврале 1921 г., накануне вторжения красной армии в Грузию, был избран председателем Азербайджано-Горского комитета. Комитет был признан правительством независимой Грузии в качестве законного правительства Азербайджана и Северного Кавказа, а его вооруженные формирования приняли участие в обороне Тбилиси от частей наступавшей на город 11-й красной армии. С 1921 г. в эмиграции. Проживал во Франции и Швейцарии. В 1926 г. стоял у истоков создания Прометеевского движения, от которого, впрочем, быстро отошел. В январе 1927 г. создал вместе с руководителем азербайджанской дипломатической миссии в Париже Топчибаши Временный объединенный политический центр Северного Кавказа и Азербайджана. В 1934–1939 гг. руководитель организации «Кавказ» и редактор ее печатного органа журнала «Кавказ», выходящего на русском, французском, английском, немецком, турецком, грузинском и армянском языках. В 1938 г. переехал на жительство в Лозанну. Летом 1942 г. участвовал в конференции в берлинской гостинице «Адлон».

Векилли (Векилов) Мустафа-бек (1896–1965) — один из руководителей азербайджанских мусаватистов. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1917 г. участник Всероссийского съезда мусульман в Москве. Член ЦК партии Мусават. В 1918 г. депутат Закавказского сейма, а затем член парламента Азербайджана. С 18 февраля 1920 г. министр внутренних дел в пятом, последнем кабинете министров Азербайджанской Демократической Республики. С мая 1920 г. находился в Грузии, а затем, с февраля 1921 г., – в эмиграции в Турции. Один из азербайджанских руководителей движения «Прометей». В 1927–1936 гг. член Азербайджанского национального центра. В 1927–1930 гг. являлся представителем

АНЦ в Варшаве. Летом 1942 г. участвовал в конференции в берлинской гостинице «Адлон».

Векилов Фарис-бек (1886–1978) — инженер (Петербургский технологический институт). В 1919-1920 гг. – дипломатический представитель Азербайджана в Грузии. Остался в советском Азербайджане. В 1942 г. был репрессирован, вернулся в Баку в 1960 г.

Гаджибейли (Гаджибеков) Джейхун (1891–1962) — азербайджанский журналист и политический деятель. Учился в Баку, Санкт-Петербурге и Париже. В 1918 г. издатель газеты «Азербайджан», официального органа правительства независимого Азербайджана. В январе 1919 г. был включен в качестве советника в состав дипломатической делегации Азербайджана на Парижской мирной конференции. С 1920 г. в эмиграции во Франции. В 1927–1933 гг. активный участник Прометеевского движения. В 1934–1939 гг. входил в состав группы «Кавказ», где с 1937 г. являлся фактическим редактором французской версии этого журнала. В 1940–1944 гг. начальник азербайджанского отдела Управления по делам кавказских эмигрантов в Париже. Сотрудничал в журналах: «La Revue du Monde Musulman», «La Revue des deux Mondes», «The Asiatic Review». Был активным членом Азиатского общества.

Гвазава Георгий (1869–1941) — один из руководителей грузинских национал-демократов. Адвокат по профессии, первоначально находился под влиянием социалистов-федералистов. В 1917 г. был одним из основателей национал-демократической партии Грузии. В 1917–1918 гг. член Грузинского национального совета. В 1919–1921 гг. член Учредительного собрания и один из авторов Конституции Грузии, принятой накануне большевистской оккупации страны. С 1921 г. в эмиграции во Франции. В 1926–1938 гг. главный редактор журнала «Prométhée. Organe de Défense Nationale des peuples du

Caucase, de l'Ukraine et du Turkestan». В 1929-1939 гг. представитель национал-демократов в Грузинском национальном центре.

Гегечкори Евгений (1881–1954) — один из главных руководителей грузинской социал-демократической партии и независимой Грузии. В 1907–1912 гг. депутат второй Государственной думы. С ноября 1917 г. по апрель 1918 г. председатель Закавказского комиссариата, где занимал также пост министра иностранных дел. С июня 1918 г. и вплоть до аннексии и оккупации страны большевиками в феврале–марте 1921 г. министр иностранных дел Грузии. С 1921 г. в эмиграции. Член Грузинского национального центра и Загранбюро социал-демократической партии Грузии. Один из руководителей грузинской организации движения «Прометей».

Джамалян (наст. фам. Исаакян) Аршак (1882–1940) — один из руководителей армянских дашнаков. В 1906 г. обучался общественным наукам в Германии. С октября 1917 г. член Армянского национального совета. Член партии Дашнакцутюн. В 1918 г. член Закавказского сейма. Входил в состав делегации, посланной в Берлин. Посланник Армении в Грузии. В 1920 г. министр путей сообщения Республики Армения. 10 августа 1920 г. подписал в Тбилиси договор между Советской Россией и Арменией. В 1921 г. участвовал в рижских переговорах между дашнаками и большевиками. После советизации Армении в эмиграции. Жил во Франции и Италии. В мае 1940 г. присоединился к Совету Конфедерации Кавказа и движению «Прометей», признав границы советской Армении с Турцией.

Фаталибейли-Дудангинский Абдурахман (Або) (1908–1954) — родился в селении Дуданга в Нахичеванской губернии. После окончания военно-пехотного училища в Тифлисе служил в азербайджанской дивизии красной армии, откуда был переведен в Москву для учебы в академии Генерального штаба. В

1939–1940 гг. участвовал в советско-финской войне, где был награжден орденом Красного знамени. В сентябре 1941 г. в звании майора РККА добровольно перешел на сторону германских войск в Прибалтике. Поступив в Азербайджанский легион Вермахта, отличился в 1942–1943 гг. в боях на Кавказском фронте и Кубанском плацдарме. В 1943–1945 гг. руководитель Азербайджанского штаба связи в Берлине. С 17 марта 1945 г. председатель Азербайджанского национального комитета. После окончания войны жил в Западной Германии. Был убит в Мюнхене агентом КГБ Микаилом Измайловым.

Жордания Ной (1868–1953) — глава грузинской социал-демократической партии и председатель правительства независимой Грузии. В 1891 г., учась в ветеринарном институте в Варшаве, стал последователем европейских социалистических теорий и революционных движений. В 1892 г., вернувшись в Тифлис, участвовал в создании грузинского филиала российской социал-демократической партии. В 1906 г. был избран депутатом I Государственной думы, где был председателем социалистической фракции. Подписал Выборгское обращение, за что был осужден на трехмесячное заключение. В 1917 г. после Февральской революции – один из руководителей Тифлисского совета, затем – председатель всех революционных организаций Кавказа и Грузинского национального совета. В июне 1918–марте 1921 г. председатель правительства независимой Грузии. С марта 1921 г. в эмиграции во Франции. Председатель Грузинского национального центра и до 1938 г. председатель Загранбюро социал-демократической партии Грузии. Один из руководителей грузинской организации движения «Прометей». В 1935–1939 гг. член президиума Совета Конфедерации Кавказа.

Казембек (Казембеков) Джангир-бек (1885–1955) – офицер русской, азербайджанской и польской армий. Полковник. Один из организаторов восстания в Гяндже против большеви-

стских оккупантов в мае 1920 г. Эмигрировал в Грузию, затем в Турцию. В 1923–1939 гг. служил в польской армии. В 1934-1939 гг. секретарь Азербайджанского национального центра. В ноябре 1943 г. был избран членом Азербайджанского меджлиса национального единства в Берлине.

Кантемир Алихан (1886–1963) — один из руководителей национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа. Уроженец Дигорского района Северной Осетии. Осетин мусульманского вероисповедания. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1917 г. комиссар Карсской области при правительстве Закавказского комиссариата. В 1918–1920 гг. дипломатический представитель Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, а позднее – Республики Северного Кавказа при правительстве независимого Азербайджана. В мае–июне 1919 г. принимал участие в Кавказской конференции в Тбилиси, на которой обсуждались формы дипломатической и военной помощи Грузии и Азербайджана горцам Северного Кавказа в их борьбе с армией генерала Деникина. В 1920 г. после захвата красной армией Азербайджана был арестован. Бежал во время конвоирования в Грузию, а оттуда в 1921 г. в Турцию. В эмиграции жил в Турции (1921–1938) и Германии (1938–1963). В 1924–1927 гг. один из лидеров Комитета конфедератов Кавказа в Стамбуле. В 1926 г. принимал участие в создании движения «Прометей». Член Комитета независимости Кавказа — центрального органа кавказцев движения «Прометей». В 1934–1939 гг. один из руководителей организации «Кавказ». В 1938 г., по требованию советского посольства, был лишен турецкого гражданства и выдворен из страны. С 1938 г. проживал в Германии. Летом 1942 г. участвовал в конференции в берлинской гостинице «Адлон». В 1943–1945 гг. член Северокавказского штаба связи в Берлине и редактор журнала «Северный Кавказ», органа Северокавказского национального комитета. В 1944–1945 гг.

представитель Северокавказского штаба связи в Кавказском совете.

Кедиа Михаил (1902–1952) — родился в Грузии, в г. Зугдиди. Один из руководителей правого крыла грузинской эмиграции. Учился в университете Гейдельберга в Германии. Жил во Франции, Германии и Швейцарии. В 1925 г. один из основателей патриотической грузинской организации «Тетри Гиорги». В 1930-1936 гг. примыкал к национал-демократической молодежной группе Спиридона Кедиа. В 1937-1939 гг. один из членов и активистов группы «Кавказ». В 1941-1945 гг. находился в Германии. В 1942-1943 гг. член Особого штаба «Кавказ». В 1943-1945 гг. один из руководителей Грузинского штаба связи в Берлине. В 1944–1945 гг. представитель Грузинского штаба связи в Кавказском совете. В 1952 г. совершил самоубийство в Женеве (Швейцария).

Магеррамов Мамед (1895–1982) — один из руководителей азербайджанских социалистов. В 1918 г. депутат парламента независимого Азербайджана. С января 1919 г. член дипломатической делегации Азербайджана на Парижской мирной конференции. Вместе с Шейхульисламовым принимал активное участие в деятельности созданного в июне 1919 г. в Париже Комитета представителей социалистических партий всех новообразовавшихся республик на территории бывшей Российской империи. С 1920 г. в эмиграции. В 1921–1924 гг. участвовал в работе Совета четырех, состоящего из представителей легации Грузии и дипломатических делегаций Армении, Азербайджана и Северного Кавказа в Париже. Активный деятель Прометеевского движения. В 1929–1939 гг. член Азербайджанского национального центра, где в 1934–1939 гг. выполнял функции казначея этой структуры. В 1935–1939 гг. входил в состав Совета Конфедерации Кавказа. В 1939–1940 гг. казначей клуба «Прометей» в Париже.

Мдивани Симон (1876–1937) — один из руководителей грузинских социалистов-федералистов. В 1918 г. был посланником независимой Грузии в Армении. В 1919 г. заместитель председателя Учредительного собрания Грузии. В 1921 г. посланник Грузии в Турции (правительство Анкары). Один из руководителей грузинской организации движения «Прометей». В 1925–1928 гг. член Комитета независимости Кавказа и представитель Грузинского национального центра в Стамбуле. В 1928–1935 гг. представитель Грузинского национального центра в Варшаве. В 1935–1937 гг. входил в состав Совета Конфедерации Кавказа.

Мехтиев Мир Якуб (1891–1952) — один из руководителей азербайджанской партии «Иттихад». Учился в Петроградском политехническом институте, затем в Германии. Экономист. После Февральской революции 1917 г. заместитель председателя Бакинского мусульманского национального комитета, гласный Бакинской городской думы. В 1918–1920 гг. член ЦК партии «Иттихад». В октябре 1917 г. – мае 1918 г. член Закавказского сейма. В феврале – марте 1918 г. член закавказской делегации на Трапезундской мирной конференции. В январе 1919 г. был включен в качестве советника в азербайджанскую делегацию на Парижской мирной конференции. С 1920 г. в эмиграции. В 1926–1939 гг. один из руководителей азербайджанской организации движения «Прометей». В 1927–1939 гг. член Азербайджанского национального центра. После смерти в 1934 г. Топчибаши – глава азербайджанской дипломатической делегации в Париже. В 1935–1939 гг. входил в состав Совета Конфедерации Кавказа. В годы Второй мировой войны проживал в Турции. Летом 1942 г. участвовал в конференции в берлинской гостинице «Адлон». В 1942–1943 гг. член Азербайджанского национального комитета в Берлине.

Новрузов Теймур-бек (1880–1961). Родился в семье профессиональных военных. Отец – генерал-лейтенант Мирза-

Гаджи-бек Наврузов. До февральской революции 1917 г. был подполковником 17-го драгунского нижегородского полка, кавалер ордена Почетного легиона Франции, а также ордена Св. Георгия 4-й степени. В армии Азербайджанской Демократической Республики полковник, за отличие по службе произведен в генерал-майоры. Участник Гянджинского восстания в мае 1920 г. После подавления восстания уехал в Тифлис, затем в Германию, Марокко и Францию.

Рамишвили Ной (1881–1930) — один из главных руководителей социал-демократической партии Грузии и председатель правительства независимой Грузии. В 1902 г. вступил в социал-демократическую партию. В апреле 1918 г. занимал пост председателя и министра внутренних дел временного правительства Грузии, состоявшего из представителей социал-демократической, социалист-федералистской и национал-демократической партий. 24 июля был заменен на посту председателя правительства Ноем Жордания, сохранив портфель министра внутренних дел. В 1919–1921 гг. занимал посты министра внутренних дел, военного министра и министра народного образования. В июне 1919 г. подписал вместе с Е. Гегечкори грузино-азербайджанский договор об оказании взаимной военной помощи. С 1921 г. в эмиграции во Франции. В 1926 г. был одним из основателей и председателем президиума Комитета независимости Кавказа, центральной общекавказской структуры движения «Прометей». Член Загранбюро социал-демократической партии Грузии. Был убит в Париже неуравновешенным эмигрантом П. Чануквадзе, завербованным ОГПУ.

Расулзаде Мамед Эмин (1884–1955) — один из руководителей независимого Азербайджана. В 1904 г. создал социал-демократическую мусульманскую организацию Гуммет («Энергия»). В 1905–1907 гг. участвовал в первой русской революции, сотрудничая с кавказскими большевиками, включая

Сталина. Находился под наблюдением полиции. В 1909 г. эмигрировал в Иран, где принял участие в Иранской революции. Был одним из основателей демократической партии. В 1911 г. после подавления Иранской революции был вынужден уехать в Турцию. В 1913 г., будучи амнистированным по случаю трехсотлетия дома Романовых, вернулся в Азербайджан. Стал главой новой партии Мусават («Равенство»). В 1917 г., после Февральской революции участвовал в мусульманском съезде в Баку (в апреле) и Всероссийском мусульманском съезде в Москве (в мае). По предложению Расулзаде, московский съезд принял резолюцию, призывающую к федеративному устройству Российской Республики. В июне, после объединения Мусават с Тюркской федералистской партией и создания на этой основе Тюркской демократической партии Мусават, был избран ее председателем. В 1918 г. член Закавказского сейма, затем председатель Азербайджанского национального совета, провозгласившего 28 мая независимость Азербайджана. После вторжения в Азербайджан красной армии был арестован ЧК. Освобожденный, благодаря вмешательству Сталина, был отправлен в Москву, где работал в Комиссариате по делам национальностей РСФСР. В 1922 г. уехал через Финляндию в Турцию. В эмиграции жил в Турции и Польше. В 1926 г. один из основателей и председателей Комитета независимости Кавказа. В 1922–1931 гг. издавал в Стамбуле журналы «Yeni Kavkasia» («Новый Кавказ»), «Azeri-Türk» («Азербайджанский тюрок»), «Bildiriş» («Известие») и «İstiklal» («Независимость»). В 1927–1939 гг. председатель Азербайджанского национального центра и азербайджанской организации движения «Прометей». В 1935–1939 гг. член президиума Совета Кавказской Конфедерации. В годы Второй мировой войны проживал в Румынии и Германии. Летом 1942 г. участвовал в конференции в берлинской гостинице «Адлон». Подробно о жизни и деятельности М. Э. Расулзаде см**.:** *Абуталыбов Р*. Мамед Эмин Расулзаде и Кавказская Конфедерация. Москва. 2011; *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде (1884-

1955). Москва. 2009; *Он же*: Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. Москва. 2013; *Исмаилов Э*. Расулзаде М. Э. // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. Москва. 1993. С. 273. *Исхаков С*. М. Расул-заде М. Э. // Общественная мысль русского зарубежья. Энциклопедия. Москва. 2009. С. 486-488;

Рафиев Мусабек (1888–1938) — врач, член партии Мусават. После Февральской революции 1917 г. уполномоченный Особого закавказского комиссариата (ОЗАКОМ) по Елисаветпольской губернии, член Закавказского сейма, затем азербайджанского парламента. В 1918 г. министр без портфеля во втором кабинете министров Азербайджанской Демократической Республики, министр призрения и здравоохранения в пятом кабинете. До октября 1924 г. – руководитель азербайджанского комитета в Стамбуле.

Рустамбейли (Рустамбеков) Шафи-бек (1893-1960) – выпускник юридического факультета Киевского университета. Член ЦК партии «Мусават». В 1918 г. депутат Закавказского сейма, затем депутат азербайджанского парламента. Редактор газеты «Азербайджан» на русском языке, официального органа правительства Азербайджанской Демократической Республики. После оккупации Азербайджана красной армией в мае 1920 г. выезжает в Тифлис, где участвует в создании Комитета спасения Азербайджана. С февраля 1921 г. в эмиграции в Турции. В 1927–1929 гг. член Азербайджанского национального центра.

Султанов (Султан-заде) Хосров-бек (1879–1947) — окончил медицинский факультет Новороссийского университета. Член партии Мусават, затем Иттихад. 20 мая 1918 г. был избран членом Азербайджанского национального совета и назначен военным министром независимого Азербайджана. Во втором и третьем кабинетах – министр земледелия. Член парламента АДР. В январе 1919 г. был назначен командующим англий-

скими войсками в Баку, генералом Томсоном, генерал-губернатором Карабаха. В 1919–1920 гг. член парламента Азербайджана. С 1920 г. в эмиграции в Турции. В 1924 г. один из основателей Комитета конфедератов Кавказа в Стамбуле. Находился в оппозиции к Азербайджанскому национальному центру под председательством М.Э. Расулзаде и к Прометеевскому движению. В 1934–1939 гг. член группы «Кавказ». Летом 1942 г. участвовал в конференции в берлинской гостинице «Адлон». В 1942–1943 гг. член Азербайджанского национального комитета в Берлине.

Сунш (Суншев) Магомет Гирей (1883–1960) — один из руководителей национально-освободительного движения народов Северного Кавказа. Балкарец, князь, в 1912 г. избран членом горского суда в Нальчике. В 1917 г. избран членом продовольственной управы в Нальчике. После Февральской революции в 1917 г. член Кабардино-Балкарского национального совета. В 1920 г. после прихода большевиков скрылся в Грузии, затем вернулся к себе в горы. Один из руководителей восстания в Карачае в 1920–1921 гг. Затем эмигрант. Жил в Турции и Франции. Член ЦК Народной партии горцев Северного Кавказа. В 1930-х гг. один из горских руководителей движения «Прометей». Подписал в июле 1934 г. Пакт Конфедерации Кавказа. В 1935–1938 гг. член Совета Конфедерации Кавказа.

Топчибаши (Топчибашев) Али Мардан-бек (1865–1934) — один из руководителей независимого Азербайджана. В 1888 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1905–1907 гг. во время первой русской революции участвовал в трех съездах мусульман России. Был председателем партии «İttifak-al-muslimin» («Союз мусульман»). Депутат I Государственной думы. Подписал Выборгское обращение. В 1917 г. после Февральской революции сторонник федерализации России. В апреле 1917 г. участвовал в съезде мусульман Кавказа (в Баку), в мае – во Всероссийском мусульманском

съезде (в Москве). С 10 февраля по 26 мая 1918 г. член Закавказского сейма. Посол в Грузии. С 6 октября по 7 декабря 1918 г. министр иностранных дел Азербайджана. 7 декабря того же года стал председателем парламента Азербайджанской Республики. В начале 1919 г. возглавил дипломатическую делегацию Азербайджана на Парижской мирной конференции. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Участвовал в Прометеевском движении, хотя его отношения с председателем Азербайджанского национального центра М. Э. Расулзаде не всегда были гладкими. Вместе с руководителями дипломатических представительств Армении, Северного Кавказа и Грузии подписал ряд важных деклараций относительно необходимости создания объединенного кавказского государства.
Подробнее о жизни и деятельности А. М. Топчибаши см.: *İmanov V*. Ali Mardan Topçibaşi (1865-1934). Lider Bir Aydın ve Bağımsız Azerbaycan Cumhuriyetinin Temsili. İstanbul. 2005; *Гасанлы Д*. Али Мардан-бек Топчибашев. Жизнь за идею. Москва. 2014; А. М. Топчибаши и М. Э Расулзаде. Переписка 1923-1926. Составитель, предисловие и примечания С. М. Исхаков. Москва. 2012; А. М. Топчибаши. Документы из личных архивов. 1903-1934 гг. Составитель, предисловие и примечания С. М. Исхаков. Москва. 2012.

Топчибаши Али Акбар (1896–1977) – сын Али Мардан-бека Топчибаши. Родился в Тифлисе. С 1919 г. во Франции. В 1930-х гг. активный участник движения «Прометей». Специалист по истории Средней Азии и монголо-тюркских народов. Работал с профессором Рэне Груссе в Институте восточных языков, Центре по изучению тюркского мира, а также в музеях Гимэ и Сернуччи.

Хойский Фатали хан (1875-1920) – окончил юридический факультет Московского университета. Член Государственной думы Российской империи. В мае 1917 г. член исполкома Всероссийского мусульманского совета. Комиссар народного

просвещения при Закавказском комиссариате, затем министр юстиции Закавказского правительства. Член Азербайджанского национального совета. Первый председатель Совета Министров Азербайджанской Республики. После оккупации Азербайджана красной армией эмигрировал в Грузию, где был убит 19 июня 1920 г. в Тифлисе членами партии Дашнакцутюн. Не исключено, что за этим терактом стояли большевики.

Хасмамедов Халил-бек (1873–1947) — один из руководителей независимого Азербайджана. Окончил юридический факультет Московского университета. Депутат II и III Государственной думы Российской империи. В 1917 г. член ЦК партии Мусават. В октябре 1917 г. – мае 1918 г. член Закавказского сейма. В феврале–марте 1918 г. член Закавказской дипломатической делегации на Трапезундской мирной конференции. 28 мая 1918 г. был избран членом Азербайджанского национального совета. Член парламента Азербайджана. Министр юстиции в первом кабинете министров, министр без портфеля и министр юстиции во втором, министр внутренних дел в третьем и министр юстиции в пятом кабинете министров Азербайджанской Демократической Республики. С 1 апреля 1920 г. посол Азербайджана в Турции. С мая 1920 г. в эмиграции. Жил в Грузии, Турции и Иране. В 1924–1927 гг. член Комитета кавказских конфедератов в Стамбуле. В 1927–1932 гг. член секретариата Азербайджанского национального центра. В 1934–1939 гг. член группы «Кавказ». Летом 1942 г. участвовал в конференции в берлинской гостинице «Адлон».

Хатисян Александр (1874–1945) — один из руководителей Армянской Республики. Родился в Тифлисе в семье крупного чиновника. В 1901 г. окончил Тифлисскую государственную гимназию. Учился на медицинских факультетах Московского и Харьковского университетов. После Февральской революции 1917 г. вступил в партию «Дашнакцутюн». Всячески со-

действовал политике Временного правительства, одобрял лозунг «Война до победного конца». Участвовал в создании Армянского национального совета. В апреле 1918 г. после образования Закавказской Демократической Федеративной Республики назначен министром финансов и продовольствия, а также министром призрения правительства Закавказского Сейма. В феврале–мае 1918 г. принимал участие в мирных переговорах с Турцией в Трапезунде и Батуми. 4 июня того же года подписал Батумский мирный договор. С октября 1919 г. министр иностранных дел, с августа 1919 по май 1920 г. премьер-министр Республики Армения. 2 декабря 1920 г. от имени правительства Армении подписал Александропольский договор, передав власть армянскому большевистскому ревкому. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Продолжал политическую деятельность в составе Армянской дипломатической делегации, вначале в качестве заместителя председателя, а затем в должности председателя. В 1922–1923 гг. принял участие в Лозаннской конференции.

Чермоев Абдул Меджид (1882–1937) — председатель правительства Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана и один из главных руководителей северокавказского национально-освободительного движения. Чеченец по происхождению. Учился в гимназии Владикавказа, а затем в Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге. В 1917 г. был инициатором созыва 1 мая в городе Владикавказе первого съезда горских народов Кавказа, где был избран членом Центрального комитета Объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. В ноябре 1917 г. был избран председателем правительства Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. В апреле–мае 1918 г. участвовал в Трапезундской и Батумской мирных конференциях, где выступил с инициативой создания единого конфедеративного кавказского государства. 15 декабря того же года сложил с себя полномочия председателя правительства Союза горцев. В начале 1919 г. был на-

правлен в Париж в качестве руководителя дипломатической делегации Горской Республики на Парижской мирной конференции. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Вместе с руководителями дипломатических представительств других народов Кавказа подписал ряд важных деклараций относительно необходимости создания объединенного кавказского государства.

Чхенкели Акакий (1874–1959) — один из руководителей грузинских социал-демократов и независимой Грузии. Учился в университетах Киева, Берлина и Лондона на юридических и филологических факультетах. В 1912–1917 гг. депутат IV Государственной думы, где руководил социал-демократической фракцией. В 1917 г. член Особого закавказского комиссариата (ОЗАКОМ), обладавший мандатом Петроградского совета представлять в этой структуре революционные организации Закавказья. Затем министр внутренних дел ОЗАКОМа. В феврале–мае 1918 г. председатель закавказской дипломатической делегации на Трапезундской и Батумской мирной конференции. В мае–июне того же года – министр иностранных дел независимой Грузии. В 1919–1920 гг. член Учредительного собрания Грузии. В 1920 г. полномочный министр (посланник) Грузии в Европе. С 1921 г. в эмиграции во Франции. В 1921–1933 гг. чрезвычайный и полномочный посланник Грузии во Франции. В 1935–1939 гг. руководитель дипломатической комиссии и член Совета Конфедерации Кавказа. Вместе с руководителями дипломатических представительств Армении, Азербайджана и Северного Кавказа подписал ряд важных деклараций относительно необходимости создания объединенного кавказского государства.

Чулик (Чуликов) Ибрагим (1891–1986) — горский политический и общественный деятель. По происхождению чеченец. В марте 1917 г., будучи студентом, был избран членом Чеченского народного исполкома, в мае того же года – член комиссии для составления проекта об областном самоуправ-

лении первого областного съезда делегатов Терской области. Член Терского областного исполнительного комитета. В июне 1917 г. член делегации областного исполкома по организации новых выборов в Чечне. Заместитель председателя Чеченского национального совета. С начала 1918 г. председатель Чеченского национального совета в селе Старые Атаги. В 1919 г. заместитель правителя Чечни по гражданской части в оккупационной администрации генерала Деникина. В сентябре 1919 г. основал и возглавил проденикинский комитет по борьбе с большевиками и повстанцами Узун-Хаджи. Командовал чеченским ополчением. В начале 1920-х гг. отправлен ГПУ на Запад. Отказавшись от сотрудничества с ГПУ, примкнул к сторонникам независимости Северного Кавказа. Активный член движения «Прометей». Подписал в июле 1934 г. Пакт Конфедерации Кавказа.

Шакман (Шакманов) Таусултан (1888–1944) — один из руководителей национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа. Кабардинец. Окончил юридический факультет Московского университета. Помощник присяжного поверенного. Жил во Владикавказе. В марте 1917 г. принимал участие в создании временного ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Член временного ЦК. С весны 1917 г. член Нальчикского окружного исполнительного комитета. В мае 1917 г. избран кандидатом в члены ЦК Союза объединенных горцев от кабардинского народа. Стал секретарем Терского областного исполкома. В 1918 г. возглавил Нальчикский окружной народный совет, позже – Кабардинский национальный совет. С января 1919 по март 1920 г. поддерживал генерала Деникина, работая в деникинской администрации Нальчика. После разгрома белых на Северном Кавказе бежал в Грузию. В эмиграции проживал в Турции и Франции. Вновь примкнул к сторонникам независимости Северного Кавказа. В 1930-х гг. один из руководителей горцев — участников движения «Прометей». Подписал в июле 1934 г. Пакт Конфедерации

Кавказа. В 1935–1938 гг. член Президиума Совета Конфедерации Кавказа.

Шамиль Мухаммед Сеид-бек (1901–1981) — один из руководителей национально-освободительного движения Северного Кавказа. Родился в Стамбуле, внук знаменитого имама Шамиля, вождя горцев Северного Кавказа во время русско-кавказских воин XIX в. Во время Первой мировой войны воевал в составе оттоманской армии. 11 мая 1920 г. в чеченском селе Капши в окрестностях Ведено состоялся съезд горцев, на котором было решено избрать сына имама Шамиля, турецкого генерала Мухаммеда Камиля руководителем северокавказского национального движения. Будучи уже в преклонном возрасте, Мухаммед отправил на Кавказ вместо себя своего сына Сеид-бека. Прибыв летом того же года в Тбилиси, Сеид-бек вступил в контакт с подполковником Корбелем, начальником французской военной миссии на Кавказе, так же как и с представителями Генерального штаба грузинской армии. В сентябре с помощью грузин Сеид-бек перешел в Дагестан, где, соединившись с отрядами имама Н. Гоцинского, сумел организовать крупное восстание против большевиков. Повстанцы заняли основные горные районы Дагестана и Чечни, включая крепость Ведено, однако весной 1921 г. большевикам удалось подавить восстание. После оккупации в феврале–марте 1921 г. красной армией Грузии отрезанный с тыла Сеид-бек, который к тому времени был уже серьезно ранен, был вынужден покинуть Северный Кавказ. Через территорию оккупированной Грузии он добрался до Стамбула, где продолжил свою антибольшевистскую деятельность в эмиграции. В 1924 г. установил связь с поляками, сотрудничая, в течение некоторого времени, в Комитете кавказских конфедератов. В 1926 г. один из основателей и председателей Комитета независимости Кавказа, так же как и Генеральный секретарь Народной партии горцев Северного Кавказа. В 1926–1932 и в 1938–1939 гг. один из

горских руководителей Прометеевского движения. Летом 1942 г. участвовал в конференции в берлинской гостинице «Адлон».

Шейхульисламов Акпер Ага (1891–1961) — один из руководителей азербайджанской партии «Гуммет». С 1917 по май 1918 г. член Закавказского сейма. В феврале–марте 1918 г. член закавказской дипломатической делегации на Трапезундской мирной конференции. 28 мая 1918 г. был избран членом исполнительного комитета Азербайджанского национального совета под председательством М.Э. Расулзаде. В то же время был назначен министром земледелия и труда в правительстве независимого Азербайджана. В июне 1918 г., как и другие левые министры, был уволен под давлением турок. В январе 1919 г. был включен в состав дипломатической делегации Азербайджана на Парижской мирной конференции. Вместе с М. Магеррамовым принимал активное участие в деятельности созданного в июне 1919 г. в Париже Комитета представителей социалистических партий всех новообразовавшихся республик на территории бывшей Российской империи. С 1920 г. в эмиграции. В 1927–1932 гг. член Азербайджанского национального центра и его представитель в Комитете независимости Кавказа. В 1934–1939 г. входил в состав группы «Кавказ».

Источники и библиография

I. Архивы

1. Архив Министерства внутренних дел Грузии (АМВДГ), Тбилиси, Грузия.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Россия.
3. Российский государственный военный архив (РГВА), Москва, Россия.
4. Archives d'Ali Mardan-bey Toptchibachi, Le Centre d'études des Mondes russe, caucasien et centre-européen (CERCEC), l'École des hautes études en sciences sociales (EHESS), Paris, France.
5. Archives du ministère des Affaires étrangères de France (AMAE), Paris, France.
6. Archives de la préfecture de police (APP), Paris, France.
7. Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (BDIC), Nanterre, France.
8. Bundesarchiv, Berlin, Deutschland.
9. Centre d'archives contemporaines (CAC), Fontainebleau, France.
10. Hoover Institution Archives (HIA), Stanford University, USA.
11. Institut für Zeitgeschichte (IFZ), München, Deutschland.
12. Service Historique de l'Armée de Terre (SHAT), Vincennes, France.

Личные архивы

1. Личный архив Р. Абуталыбова (Баку, Азербайджан).
2. Archives familiales de M. Bammate (Paris, France).
3. Archives personnelles de G. Mamoulia (Paris, France).
4. Nachlass Prof. G. von Mende. (Im Besitz der Familie von Mende, Oslo, Norwegen).

5. Privatarchiv Dr. J. Hoffmann (Ebringen, Deutschland).
6. Privatarchiv Dr. P. von zur Mühlen (Bonn, Deutschland).

II. Неопубликованные исследования

1. *Либера П., Мамулиа Г.* Переписка кавказских эмигрантов с польскими кураторами движения «Прометей». Сборник документов. Варшава. 2015. (В печати).
2. *Asgarov V.* L'immigration des Azerbaïdjanais en France : Histoire et perspectives. Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'Université de Strasbourg.
3. *Thom F.* La vision géopolitique de Piłsudski: origines, mise en œuvre et postérité. Exposé fait 18. 4. 2008 à Paris dans le cadre de «la Journée d'études sur le mouvement "Prométhée" (1926-1939)» organisée par C. Mouradian, CNRS-CERCEC, avec le soutien de la Maison des Sciences de l'Homme.

III. Документальные сборники

На русском языке

1. А. М. Топчибаши. Документы из личных архивов 1903-1934 гг. Составитель, предисловие и примечания С. М. Исхаков. Москва. 2012.
2. А. М. Топчибаши и М. Э. Расулзаде. Переписка 1923-1926. Составитель, предисловие и примечания С. М. Исхаков. Москва. 2012.
3. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. Составители: А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Москва. 1996.
4. *Гулиев В.* Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-ые годы XX века). Торун. 2010.
5. Документы внешней политики СССР. Москва. 1967. Т. XIII.

6. Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. II. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). Москва. 1946.
7. Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем. Составитель, предисловие и примечания С. М. Исхаков. Москва. 2011.
8. Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». Сборник документов. Составитель, предисловие, перевод и примечания Г. Г. Мамулиа. Москва. 2012.
9. Мамед Эмин Расулзаде. Сборник произведений и писем. Составитель, предисловие и примечания С. Исхаков. Москва. 2010.
10. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Накануне (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). Москва. 1995. Т. I. Кн. I.
11. ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1, 1918-1933 г.г. Сост: Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Москва. 2005.

На европейских языках

1. Die Geheimakten des französischen Generalstabes. Auswärtiges Amt, 1939/41. Nr. 6. Berlin. 1941.
2. II Rzeczpospolita wobec Ruchu Prometejskiego. Redakcja naukowa, wstęp, wybór i opracowanie P. Libera. Warszawa. 2013. T. 4.

IV. Периодика

1. Азербайджан (Azerbaycan). Орган Азербайджанского меджлиса национального единства. Мюнхен. 1951. № 1.
2. Бюллетень Комитета независимости Кавказа. Париж. 1931. № 13.

3. Дамоукидебели сакартвело (Независимая Грузия). Орган грузинских политических партий. Париж. 1932. № 74. (На груз. яз.).
4. Иверия. Периодическое издание национал-демократической партии. Париж. 1990. № 35. (На груз. яз.).
5. Кавказ. Орган независимой национальной мысли. Париж. № 4, (1934), 10 (58), 11 (59), (1938).
6. Кавказ. Ежемесячный орган независимой национальной мысли. Мюнхен. 1952. № 9 (14).
7. Клдэ (Скала). Орган грузинских националистов. Берлин-Шарлоттенбург. 1935. № 9-10. (На груз. яз.).
8. Независимый Кавказ. Орган кавказской конфедералистской мысли. Париж. 1929-1930. № 1-3.
9. Die Befreiung. Die deutsche Ausgabe der Zeitschrift „Kurtulusch“, das Organ der nationalen Verteidigung Aserbeidschans. Berlin. 1939. Nr. 1-2.
10. Die Befreiung. Kaukasische Beilage der Zeitschrift “Kurtuluş”, des Organs der Nationalen Verteidigung von Aserbaidschan. Berlin. 1937. Nr. 1-4.
11. Prométhée. Organe de Défense Nationale des peuples du Caucase, de l’Ukraine et du Turkestan. Paris. N° 1 (1926), 70-72 (1932), 74, 76, 79-81 (1933).

V. Литература

На языках народов Кавказа

1. *Бахтадзе М., Мамулиа Г.* Материалы по истории взаимоотношений Грузии и Северного Кавказа (1917-1921). Тбилиси, 2005. (На груз яз.)
2. *Ибрагимли Х.* Азербайджанская политическая эмиграция. Баку. 1996. (На азерб. яз.)
3. *Ибрагимли Х., Зейналов Р.* Из истории деятельности партии «Мусават» после апрельской оккупации 1920 года // Бюллетень «Мусавата». 1993. № 1. (На азерб. яз.)

На турецком языке

1. *Qasımlı M*. Azerbaycan türklerinin milli mücadile tarihi.1920-1945. Istanbul. 2006.

На русском языке

1. *Абуталыбов Р*. Годы и встречи в Париже. Москва. 2007.
2. *Абуталыбов Р*. Свои среди чужих, чужие среди своих. Москва. 2007.
3. *Абуталыбов Р*. Мамед Эмин Расулзаде и Кавказская Конфедерация. Москва. 2011.
4. *Багирова И. С*. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. Баку. 1997.
5. *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955). Москва. 2009.
6. *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922-1943. Москва. 2013.
7. *Балаев А*. Мамед Эмин Расулзаде. 1884-1955. Политический портрет. Баку. 2014.
8. *Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И*. Организация «Прометей» и «прометеевское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. Труды общества изучения отечественных спецслужб. Москва. 2007. Т. III. С. 318-414.
9. *Гасанлы Д*. Али Мардан-бек Топчибашев. Жизнь за идею. Москва. 2014.
10. *Гасанлы Д*. История дипломатии Азербайджанской Республики. Т. II. Внешняя политика Азербайджана в годы советской власти (1920-1939). Москва. 2013.
11. *Гасанлы Д*. Русская революция и Азербайджан. Трудный путь к независимости 1917-1920. Москва. 2011.
12. *Доного Х. М*. Нажмуддин Гоцинский. Махачкала. 2011.

13. *Дробязко. С., Каращук. А*. Восточные легионы и казачьи части в Вермахте. Вторая мировая война 1939-1945 // Военно-историческая серия «Солдатъ». Москва. 1999.
14. *Зареванд*. Турция и пантуранизм. С предисловием Мандельштама А. Н. Париж. 1930.
15. *Квинитадзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917-1921. Париж. 1985.
16. *Мамулиа Г*. Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945). Тбилиси-Париж. 2012.
17. *Мамулиа Г*. Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны. Тбилиси. 2007.
18. *Мир Якуб*. Европа и политическое положение в Азии. Париж. 1936.
19. *Мир Якуб*. Международное положение и национальная проблема в СССР. Париж. 1934.
20. *Окороков А. В*. Комитет освобождения народов России // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941-1945 гг. Москва. 1997. Вып. I. С. 106-181.
21. *Расул-заде М. Э*. О пантуранизме в связи с кавказской проблемой. С предисловием Жордания Н. Париж. 1930.
22. *Росс Н*. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне. 1982.
23. Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия). Москва. 1999.
24. *Саакян Р. Г*. Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918-1923 гг. Ереван. 1986.
25. *Славинский М. А*. Национально-государственная проблема в СССР. Paris. 1938.
26. *Соцков Л*. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. Москва. 2003.

На западноевропейских языках

1. *Allen W. E. D., Muratoff P*. Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921. Cambridge. 1953.
2. *Angel J*. Manuel historique de la Question d'Orient (1792-1930). Paris. 1931.
3. *Arlt F*. Polen-Ukrainer-Juden-Politik. Im Generalgouvernement für die besetzten polnischen Gebiete 1939 bis 1940. In Oberschlesien 1941 bis 1943 und Freiheitskampf der unterdrückten Ostvölker. Lindhorst. Wissenschaftliche Buchdienst Herbert Taege. 1995.
4. *Bammate H*. Le Caucase et la révolution russe. Paris. 1929.
5. *Barbier C*. Henri Hoppenot (25 octobre 1891-10 août 1977) diplomate. Paris. 1999.
6. *Bartel H*. Frankreich und die Sowjetunion 1938-1940. Ein Beitrag zur französischen Ostpolitik zwischen dem Münchener Abkommen und dem Ende der Dritten Republik. Stuttgart, Wiesbaden. 1986.
7. *Baumeister R*. von. Erfahrungen mit Ostfreiwilligen im II Weltkrieg // Wehrkunde. Organ der Gesselschaft für Wehrkunde. München. 1955. Heft IV. S. 153-157.
8. *Baumgart W*. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien und München. 1966.
9. *Bräutigam O*. So hat es sich Zugetragen… Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg. 1968.
10. *Briquet P. E*. (rédacteur de la politique étrangère au «Journal de Genève»). Les Nations opprimées et la Société des Nations. Paris. 1938.
11. *Buffotot P*. Le projet de bombardement des pétroles soviétiques du Caucase en 1940 // Revue historique des armées. Revue commune aux trois armées TERRE-AIR-MER. Vincennes. 1979. N°4. P. 77-101.
12. *Carr E. H*. The Bolshevik Revolution 1917–1923. New York. 1953. Vol. III.

13. Le Caucase, le bolchevisme et la Turquie. Conférence de M. Avaloff. Présidence de M. le Général de Lacroix. Séance du Lundi 27 juin 1921. Paris. 1921.
14. Le Caucase, le bolchevisme et la Turquie. Conférence de M. Toptchibacheff. Présidence de M. Larnaude. Séance du Lundi 4 juillet 1921. Paris. 1921.
15. *Courtois S., Werth N., Panné J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L*. Le livre noir du communisme. Crimes, terreur et répression. Paris. 1997.
16. *Dallin A*. German Rule in Russia 1941-1945. A Study of Occupation Policies. London, McMillan, New York. 1957.
17. *Dumbadze V. D*. (General Diplomatic and Economic Representative of the Republics of Georgia and Azerbaijan). The Caucasian Republics. New York. 1925.
18. *Duroselle J.-P*. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris. 1990.
19. Les «élections» en URSS. Paris. 1938.
20. *Folly M. H*. Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940-45. London. 2000.
21. *Georgakakis D*. Le Commissariat général à l'information et «la drôle de Guerre» // Mélanges de l'École française de Rome, Italie et Méditerranée. 1996. Vol. 108. N° 108-1. P. 39-54.
22. *Gugushvili A*. The Struggle of the Caucasian Peoples for Independence. Reprinted from The Eastern Quarterly. Vol. IV. N° 4. London. 1951.
23. *Grey M., Bourdier J*. Les Armées blanches. Paris. 1968.
24. [*Hadjibeyli D*]. La première République musulmane: L'Azerbaïdjan. Revue du monde musulman. Vol. XXXVI. Extrait. Paris. 1919.
25. *Herwarth H. von*. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt-am-Main, Berlin, Wien. 1982.
26. *Hoffmann J*. Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Volgafinnen im deutschen Heer. Freiburg. 1976.
27. *Hoffmann J*. Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Ostvölker der Sovjetunion. Freiburg. 1991.

28. *Hovannisian R. G*. The Republic of Armenia. Vol. IV. Between Crescent and Sickle: Partition and Sovietization. Berkley, Los Angeles, London. 1996.
29. *Howard H. N*. The Partition of Turkey. A Diplomatic History 1913-1923. New York. 1966.
30. *Jeloschek A., Richter Fr., Schütte E., Semler J*. Freiwillige vom Kaukasus. Georgier, Armenier, Aserbaidschaner, Tschetschenen u.a. auf deutscher Seite. Der «Sonderverband Bergmann» und sein Gründer Theodor Oberländer. Graz-Stuttgart. 2003.
31. *Kahle G*. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. Opladen. 1973.
32. *Kitchen M*. British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. London. 1986.
33. *Kleist P*. Zwischen Hitler und Stalin 1939-45. Bonn. 1950.
34. *Kuromiya H., Mamoulia G*. Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion: The Caucasus-Japanese Nexus, 1904-1945. Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. N° 8. P. 1415-1440.
35. La République de l'Azerbaïdjan du Caucase. Paris. 1919.
36. *Libera P*. Ali Mardan bey Topczybaszy w oczach Mehemmeda Emina Resulzade (1936) // Nowy Prometeusz. Warszawa. 2013. N° 4. P. 189-198.
37. *Luke H*. Cities and Men. An Autobiography. London. 1953. Vol. II.
38. *Marshall A*. The Caucasus under Soviet rule. London and New York. 2010.
39. *Milhaud E*. La Géorgie, la Russie et la S.D.N. Publié sous les auspices du Comité international pour la Géorgie. Genève. 1926.
40. *Mir-Yacoub*. Le problème du Caucase. Paris. 1933.
41. *Molau A*. Alfred Rosenberg. Der Ideologe des Nationalsozialismus. Eine politische Biographie. Koblenz. 1993.
42. *Mühlen P*. von zur. Zwischen Hakenkreuz und Sovjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf. 1971.
43. *Norden A*. Fälscher. Zur Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. Berlin. 1960.

44. *Önder Z.* Die türkische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. München. 1977.
45. *Osborn P. R.* Operation Pike. Britain Versus the Soviet Union, 1939-1941. Westport, Connecticut, London. 1966.
46. *Pichon J.* Le partage du Proche-Orient. Paris. 1938.
47. *Reitlinger G.* The House Built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia 1939-1945. London. 1960.
48. *Renouvin P.* Histoire des relations internationales. Les crises du XXe siècle. I. de 1914 à 1929. Paris. 1957. Tome VII.
49. *Resul-zade M. E.* Das Problem Aserbeidschan. Berlin-Charlottenburg. 1938.
50. *Rich N.* Hitler's War Aims. The Establishment of New Order. New York. 1974. Vol. II.
51. Situation économique et finaicière de la République de l'Azerbaïdjan du Caucase. Délégation de l'Azerbaïdjan à la conférence de la Paix à Paris. Paris. 1919.
52. *Sonyel. S. R.* Mustafa Kemal and the Turkish National Movement // Studies in 20th Century History. Vol. 3. London. 1975.
53. *Suarez G.* Briand. Sa vie – son œuvre avec son journal et de nombreux documents inédits. Paris. 1941. Vol. V. L'Artisan de la Paix 1918-1923.
54. *Swietochowski T.* Russian Azerbaijan 1905-1920; The Shaping of National Identity in Muslim Community. Cambridge, London, New-York, New Rochelle, Melbourne, Sydney. 1985.
55. *Targalski G.* Les plans polonais concernant l'éclatement de l'URSS, le mouvement «Prométhée» et le Caucase // Bulletin de l'Observatoire de l'Asie centrale et du Caucase. Paris. 1997. N° 3. P. 9-14.
56. *Thorwald J.* Die Illusion. Rotarmisten in Hitlers Heeren. Zürich. 1974.
57. l'Unité géorgienne 1940. Une formation de l'armée française // De Bello Magazine. Paris. 1996. N° 73. P. 17.
58. *Vita-Finzi P.* Journal caucasien (1928-1931) suivi de Carnet moscovite (1953). Traduit de l'italien par Mandosio J.-M. Préface

de Romano S. Collection «Valise diplomatique» dirigé par Mouradian C. Loiret. 2000.
59. *Westad O. A*. The Global Cold War. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paolo. 2007.
60. *Zarevand*. United and Independent Turania. Aims and Designs of the Turks. Leiden. 1971.

Г.Мамулиа, Р.Абуталыбов

Страна огней

В борьбе за свободу и независимость

Политическая история азербайджанской эмиграции
1920-1945 гг.

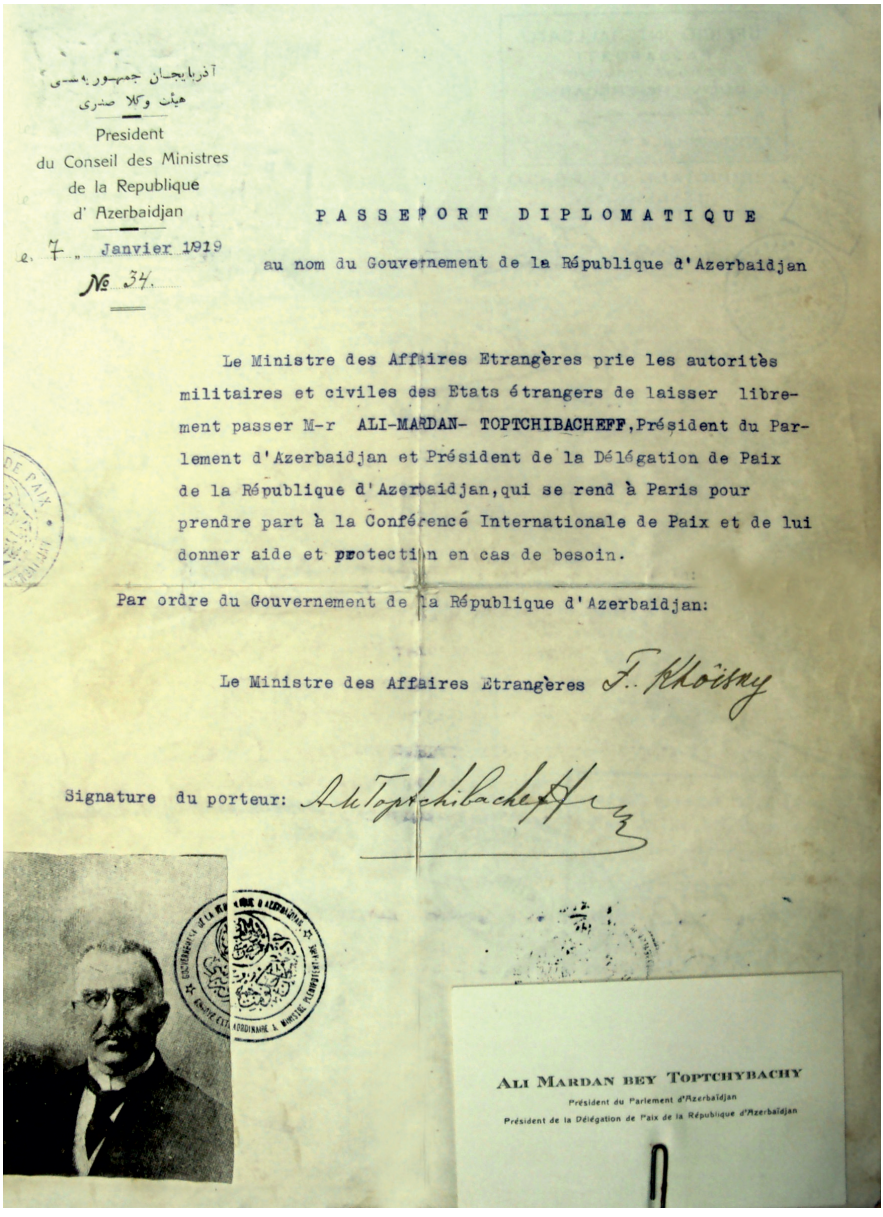
Париж-Баку 2014

Корректор: Алиев А.М.
Компьютерный дизайн и верстка: Касымов Дж.

Подписано в печать 12.06.2014.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Объем: 36,5.
Заказ № 411. Тираж: 500.

Отпечатано в типографии

آذربایجان جمهوریه سی
هیئت وکلا صدری

President
du Conseil des Ministres
de la Republique
d' Azerbaidjan

le 7 Janvier 1919
№ 34.

PASSEPORT DIPLOMATIQUE

au nom du Gouvernement de la République d'Azerbaidjan

Le Ministre des Affaires Etrangères prie les autorités militaires et civiles des Etats étrangers de laisser librement passer M-r ALI-MARDAN- TOPTCHIBACHEFF, Président du Parlement d'Azerbaidjan et Président de la Délégation de Paix de la République d'Azerbaidjan, qui se rend à Paris pour prendre part à la Conférence Internationale de Paix et de lui donner aide et protection en cas de besoin.

Par ordre du Gouvernement de la République d'Azerbaidjan:

Le Ministre des Affaires Etrangères F. Khoïsky

Signature du porteur: A. Toptchibachef

ALI MARDAN BEY TOPTCHYBACHY
Président du Parlement d'Azerbaidjan
Président de la Délégation de Paix de la République d'Azerbaidjan

Дипломатический паспорт Али Мардан бека Топчибаши с прикрепленной к нему визитной карточкой

Заседание азербайджанской дипломатической делегации на Парижской мирной конференции в отеле «Кларидж». Париж, 1919 г. Слева направо: Аббас-бей Атамалибеков, Мамед Магеррамов, Али Мардан бек Топчибаши (сидит во главе стола), Акперага Шейхульисламов, Джейхун Гаджибейли, Мир Якуб Мехтиев

А. М. Топчибаши диктует машинистке содержание дипломатического документа. На переднем плане (слева направо) А. Атамалибеков и Рашид Топчибаши

Члены делегации тщательно отслеживали европейскую прессу. Справа налево: А. М. Топчибаши, А. Атамалибеков, неизвестный

Члены дипломатической делегации Азербайджана за работой

А. М. Топчибаши. Париж, 20-30-е гг. минувшего столетия

Слева направо: М. Магеррамов, М. Я. Мехтиев,
А. М. Топчибаши. Генуя (Италия), 1922 г.

М.Я.Мехтиев, М.Магеррамов.
Париж. 30-е гг.

Мамед Эмин Расулзаде.
Париж, 1934 г.

Джейхун
Гаджибейли

М. Э. Расулзаде.
Стамбул, 50-е гг.

Руководители кавказских и тюркских народов Прометеевского фронта. Слева направо сидят: Мамед Гирей Суниш, Джафер Сейдамет, Аяз Исхаки, Мамед Эмин Расулзаде. Стоят: Мустафа Чокай, Мустафа Векилли, Таусултан Шакман. Варшава, 20-е гг.

Мир Якуб Мехтиев

Акперага Шейхульисламов

RÉPUBLIQUE D'AZERBAIDJAN

PASSEPORT N° 1518

Au nom du Gouvernement de la République d'Azerbaïdjan

Nous, Président de la Délégation de la République d'Azerbaïdjan, prions et requérons les autorités civiles et militaires des puissances amies et alliées de laisser passer librement
M. Monsieur Mir Aziz oglu Mir Yagoub
et de lui prêter aide et protection en cas de besoin.

Signalement :
Lieu de naissance Bakou
Domicile Bakou
Profession commerçant
Age trente quatre ans
Taille moyenne
Cheveux gris
Visage ovale
Yeux bruns

Paris, le dix huit Octobre 1919

Président de la Délégation de la République d'Azerbaïdjan.

Secrétaire Général

Дипломатический паспорт Мир Якуба Мехтиева

Банкет по поводу подписания Пакта Кавказской Конфедерации. Париж, июль 1934 г.

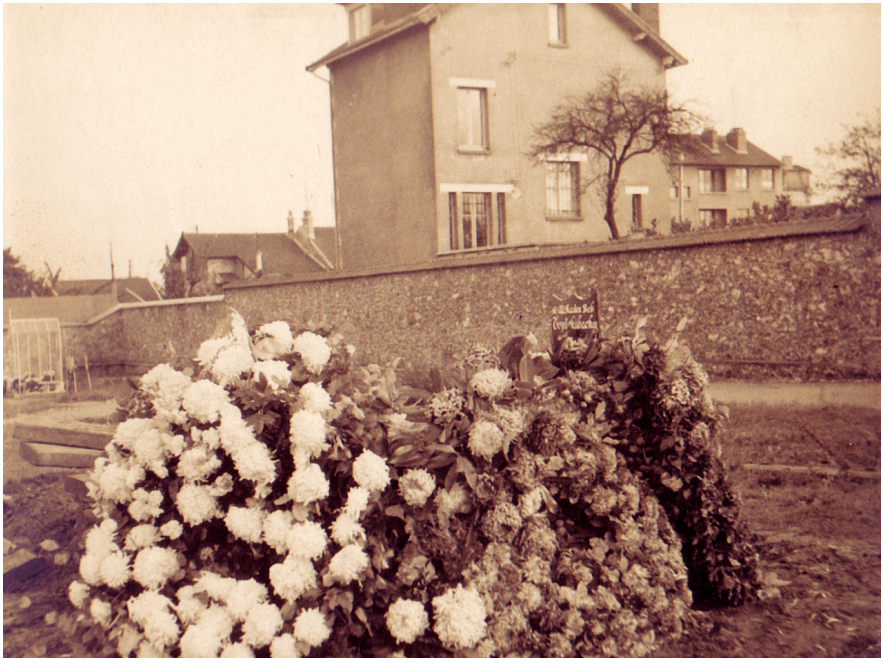
Мамед Эмин Расулзаде и руководители движения «Прометей» прощаются с Али Мардан беком Топчибаши

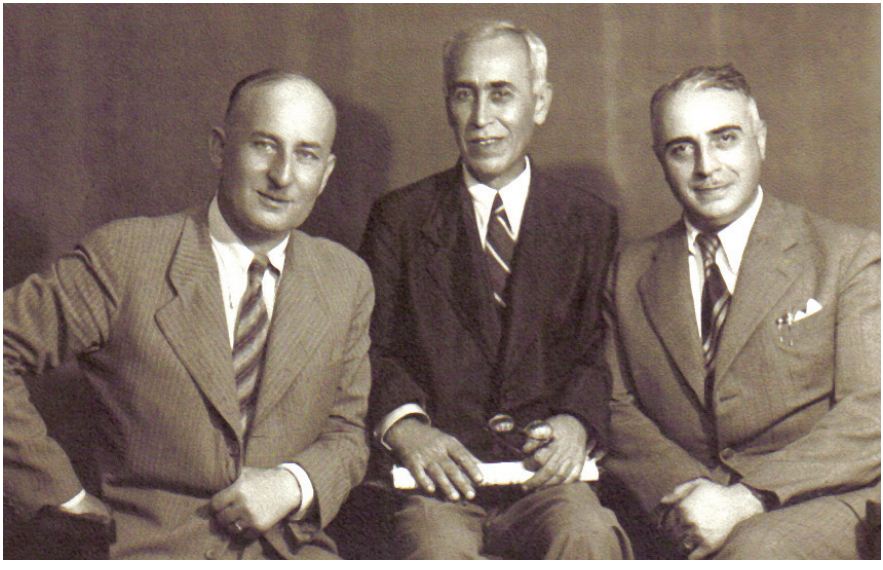

Последние слова прощания и отбытие в вечность

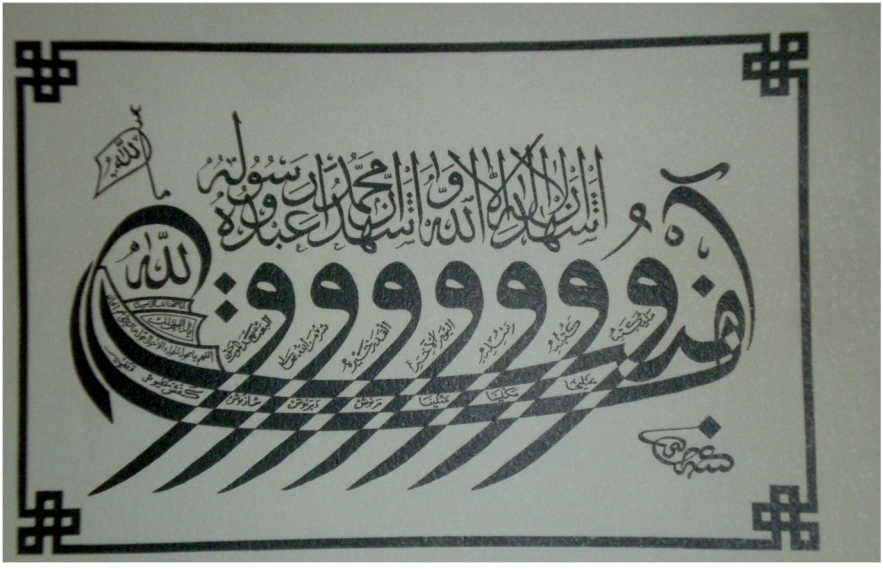
Место захоронения Али Мардан бека Топчибаши

Руководители группы «Кавказ». Слева направо: Алихан Кантемир, Халил-бек Хасмамедов, Гайдар Баммат. Стамбул, 1938 г.

Али Акпер бек Топчибаши (фото на грузинском паспорте с помощью которого семья Топчибаши выехала в Европу)

Каллиграфия Али Акпер бека Топчибаши

Али Акпер бек Топчибаши.
Париж, 1942 г.

Фуад Амирджан.
Фото 50-х гг.

Начальник Азербайджанского штаба связи майор Абдурахман (Або) Фаталибейли-Дудангинский. Берлин, осень 1943 г.

Брошюра «Молодые таланты», сборник стихов и поэм азербайджанских легионеров.

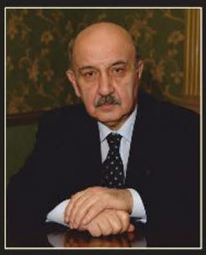

Легионеры азербайджанского 804-го батальона «Аслан» («Лев»).

Георгий Мамулиа (Georges Mamoulia)

Доктор исторических наук. Родился 22 марта 1967 г. Окончил в 1990 г. исторический факультет Тбилисского государственного университета.
В 1990–1992 гг. – научный сотрудник Института истории и этнографии Академии наук Грузии.
В 1992 г. защитил кандидатскую диссертацию на основе изданной в том же году книги «Картлийская (Восточно-грузинская) церковь в V-VI вв».
В 1992-1994 гг. – государственный советник президента Грузии по вопросам международных отношений.
В 1994-2000 гг. – второй секретарь посольства Грузии в РФ. В 1996 г. окончил Дипломатическую академию в Москве. С 2003 г. работает во Франции. Доктор Высшей школы общественных наук (EHESS) Франции. Автор многих научных работ по истории Грузии и Кавказа, в том числе «Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны» (Тбилиси, 2007), «Les combats indépendantistes des Caucasiens entre URSS et puissances occidentales. Le cas de la Géorgie (1921-1945)» (Paris, 2009), «Грузинский легион вермахта» (Москва, 2011), «Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения "Прометей"» (Москва, 2012), «Борьба за свободу и независимость Кавказа (1921-1945)» (Тбилиси-Париж, 2012).
Кавалер Ордена чести Грузии.

Рамиз Абуталыбов (Ramiz Abutalibov)

Родился в 1937 г. Окончил Азербайджанский Государственный университет. Продолжил учебу в Москве во Всесоюзной Академии внешней торговли и Академии общественных наук. С 1972 по 1979 и 1985 по 1992 гг. работал в Секретариате ООН по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО) в Париже.
Рамиз Абуталыбов – один из первопроходцев в изучении азербайджанского зарубежья, автор трех книг об азербайджанской эмиграции. Искренний интерес к истории и культуре позволил ему собрать уникальные материалы и свидетельства о жизни азербайджанской и русской эмиграции во Франции. Сегодня переданные ему личные архивы и предметы искусства хранятся в Государственном архиве Азербайджанской Республики, в музеях г. Баку, а также в Государственном Историческом музее в Москве, Музее Черноморского флота в Севастополе, музее Марины Цветаевой (Москва), в Российском фонде культуры и др.
Кавалер ордена Почетного легиона (Франция) и медали Пушкина (Россия).